Иван Михайлович МАЙСКИЙ

ИСПАНИЯ 1808–1917

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2009.

Начало публикации текста:

Предисловие
Испания накануне 1808 г.
Экономические и социальные отношения
Политические отношения
Наполеон и Бурбоны (1808)
Борьба с Наполеоном и первая революция (1808—1814)
Фронт
Тыл
Контрреволюция (1814—1820)
Вторая революция (1820—1823)
О фермах классовой борьбы в Испании
Восстание Риего
Три года революции
Интервенция «Священного союза»
Черное десятилетие (1823—1833)
Первая карлистская война и третья революция (1833—1843)
Социальные корни войны
Военные операции
Политическая борьба
Диктатура Эспартеро
Диктатура генерала Нарваеса (1843—1854)
Экономика Испании в середине XIX века
Четвертая революция (1854—1856)
Политические качели О'Доннель—Нарваес (1856—1868)
Пятая революция (1868—1874)
Появление пролетариата на исторической сцене
В поисках буржуазной монархии
Первая республика
Вторая карлистская война (1873—1876)
Испанский вариант «прусского пути» (1874—1898)
Истоки «прусского пути»
Кановас и Сагаста
Машина псевдопарламентаризма
Внутренняя политика реставрации
Рабочее и крестьянское движение
Эпоха империализма и внешняя политика реставрации Разложение режима реставрации (1898—1917)
«Поколение 1898 г.»
Капиталистическое развитие Испании Социальные перемещения в правящем блоке Рост рабочего и крестьянского движения
Распад старых политических партий
Заключение
Источники и литература
Указатель имён и географических названий

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Испании вообще, история Испании в новое время в частности, не только чрезвычайно интересна, но и важна в свете современных событий на международной арене.

Между тем оригинальная историческая литература об Испании на русском языке — как советского, так и досоветского периода — чрезвычайно бедна. Цельной марксистской истории Испании не существует ни на русском, ни на других языках. Маркс и Энгельс в ряде блестящих статей коснулись отдельных моментов истории Испании (борьба за независимость в 1808— 1814 гг., революция 1854—1856 гг., первая республика 1873 г.), попутно бросая яркий луч света на движущие силы испанской истории, но законченного очерка истории Испании или хотя бы новой истории Испании они не оставили.

Русские историки досоветского времени занимались историей Испании очень мало. Одесский профессор А.Трачевский опубликовал в 1872 г. книгу «Испания девятнадцатого века», охватывающую период 1788—1824 гг. (обещанная автором вторая часть труда, в которой он собирался довести изложение до 1868 г., так никогда и не появилась). Казанский профессор В.Пискорский выпустил две научные работы «Кастильские кортесы в переходную эпоху (1188—1520)» и «Филипп II и падение вольностей Арагона», а также популярную книжку «История Испании и Португалии» (1902), в которой на 200 страницах крупной печати давал очерк развития обеих стран от падения западной Римской империи до конца XIX века. Труд С. Г. Лозинского «История испанской инквизиции» трактует лишь одну, хотя и очень важную, проблему и касается в основном событий XVI—XVIII веков.

В советское время была опубликована литература об Испании новейшей эпохи, после 1917 г., особенно в связи с революцией, гражданской войной и иностранной интервенцией 1931—1939 гг., но почти все это были брошюры, памфлёты, очерки, статьи, приспособленные к неотложным потребностям текущего момента. Среди них имеется немало ценных вещей, принадлежащих перу М.В.Фрунзе, Г.Димитрова, П.Тольятти, С.А.Лозовского, Е.С.Варга и других, однако в основном это работы политико-публицистического, а не научно-исторического порядка. Число же работ последнего рода крайне немногочисленной трактуют они, как правило, более отдаленные эпохи испанской истории. Таковы, например, книга члена-корреспондента С.Д.Сказкина — «Испания в XIV—XVI веках» (Москва, 1940), книга Кудрявцева — «Испания в средние века» (Ленинград, 1937) и Кричевского — «Реконкиста и объединение Испании» (Баку, 1940). Научно-исторических работ по крупным разделам новой истории Испании в советские времена опубликовано не было.

Предлагаемая вниманию читателя книга имеет целью восполнить этот пробел. Она является первым опытом марксистской истории Испании за период 1808—1917 гг.

Почему мной взят именно этот отрезок времени? По двум причинам: во-первых, потому, что 1808 г. в истории Испании играет примерно ту же роль, что 1789 г. в истории Франции,— это начало первой буржуазной революции в Испании; во-вторых, потому, что 1917 г. является тем рубежом, с которого советская историография ведет начало новейшей истории — истории социалистической формации.

В основу настоящей книги положены лекции, которые я читал в Московском государственном университете им. Ломоносова в 1948—1953 гг. Материал мне приходилось по крупицам собирать из самых разнообразных источников, вплоть до архивов царского министерства иностранных дел. Моей целью было создать книгу, доступную не только специалистам-историкам, но и широкому советскому читателю. Именно поэтому я сильно ограничил постраничные сноски на источники и полный список их отнес в конец книги.

В заключение считаю своим долгом выразить большую благодарность члену-корреспонденту Академии наук СССР С.Д.Сказкину и доктору исторических наук А.С.Ерусалим-скому, взявшим на себя труд прочитать всю книгу целиком и давшим мне ряд весьма ценных советов. Я очень признателен далее А.Гонсалесу, К.В.Цуринову и К.Л.Майданеку, которые ознакомились с отдельными главами моей работы и сделали при этом полезные замечания, а также Е.Л.Глушицкой, оказавшей мне большую помощь при подборе материалов, для лекций, из которых выросла настоящая книга, при составлении указателя и чтении корректур.

1957

Автор

ИСПАНИЯ НАКАНУНЕ 1808 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

И. М. МАЙОРИЙ
ИСПАНИЯ 1808—1917
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
Москва, Издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР, 1959
Vive Libertà и Век Просвещения, 2009

Испания конца XVIII и начала XIX столетий была централизованной абсолютистской монархией, с огромными пережитками средневекового феодализма, сильнейшим влиянием католической церкви и сравнительно слабыми зародышами капиталистического развития.

Господствующим классом являлись крупные землевладельцы феодального типа, бывшие безусловными хозяевами страны экономически и политически. Это ярче всего сказывалось в распределении земельной площади Испании. В первые годы XIX века оно представляло следующую картину:

	Абсолютные цифры (в млн. га)	%
Помещики владели	18,3	51
Церковь владела	5,9	17
Крестьяне владели	11,4	32

Как видим, больше половины земли находилось в руках крупных землевладельцев. Вместе с церковью, которая являлась самым крупным помещиком в стране, господствующий класс располагал непосредственно 68% всей земли. Уже это одно должно было гарантировать и действительно гарантировало ему огромное экономическое и политическое могущество. Однако имелся еще ряд дополнительных моментов, которые в чрезвычайной степени увеличивали власть крупного землевладения, моментов, вытекающих из многочисленных пережитков средневекового феодализма.

На первом месте здесь стояла система майората, возникновение которой относится к XIV—XV векам. Согласно этой системе, земельное владение не могло дробиться или продаваться, а переходило по наследству от отца к старшему сыну. Подавляющее большинство земельных участков, принадлежащих помещикам, церкви и крестьянам, являлись такими «владениями мертвой руки». Это естественно, способствовало сохранению позиций крупного землевладения и вместе с тем ставило серьезную преграду на пути капиталистического развития.

Далее, наличие майората неизбежно вызывало широкое развитие арендной системы, а это создавало новую цепь, которой крестьянин был прикован к колеснице крупного феодала. По статистическим данным конца XVIII века, около 900 тыс. крестьянских семей (т.е. до 5 млн. человек) арендовали чужую землю[2]. Это значит, что по крайней мере половина крестьянства (все население Испании тогда исчислялось в 10—11 млн.) в качестве арендаторов зависела от произвола помещиков. Данная зависимость становилась тем более тяжелой, что во многих местах сроки арендных контрактов были очень кратки — от одного до трех лет, — и помещики старались при каждом возобновлении контракта повышать стоимость аренды. Известный общественный деятель той эпохи Г.Ховельянос, с именем которого нам еще не раз придется встретиться, в своей записке на имя государственного совета Кастилии рассказывает, что, например, в районе Севильи помещики, используя систему кратковременной аренды, на протяжении всего лишь одного десятилетия 1770—1780 гг. повысили уровень арендной платы в 2 раза[3]. И это было отнюдь не исключением.

По тем же статистическим данным конца XVIII века, около 900 тыс. семей (т.е. тоже до 5 млн. человек), неспособные прокормиться на своих убогих участках, вынуждены были работать в качестве батраков у крупных феодальных помещиков: они получали нищенскую плату во время сельскохозяйственного сезона и голодали в остальное время года. Это значит, что еще одна большая прослойка крестьянства также зависела от произвола помещиков.

Наконец, крупные землевладельцы пользовались так называемыми «сеньоральными правами», сохранившимися от прошлых веков и опутывавшими крестьянина густой сетью самых разнообразных дискриминации и ограничений. Помещик имел преимущественные права на охоту, рыбную ловлю, выпас скота, использование леса. Ем принадлежала монополия на помол муки, выпечку хлеба, выжимку вина и т.п., за что крестьянин должен был платить «сеньору» до 10% стоимости продукта. За каждое павшее дерево крестьяне должны были посадить новое. За каждую голову скота, пасущегося на помещичьем лугу (а другого часто не было), крестьяне должны были платить специальную подать. При продаже земельного участка крестьяне обязаны были вносить помещику 10% с цены, и эта уплата повторялась каждые 15 лет, хотя бы участок не менял своего владельца. Поскольку при господстве майората продажа земли происходила сравнительно редко, помещики стали приравнивать аренду к продаже и взыскивать причитающийся им налог при сдаче своих полей во временное пользование крестьянам. Такие порядки накануне 1808 г. имели весьма широкое распространение: в кортесах 1810 г. депутат Родригес Бухамондо сообщил, что из 25 тыс.

деревень, имевшихся тогда в Испании, свыше 13 тыс. и из 4700 мелких городских поселений свыше 3 тыс. принадлежали «сеньорам»[4].

Одним из наиболее ненавистных для крестьян институтов была так называемая «Honrado Consejo de la Mesta» («Почетный совет Мэсты»), состоявший из помещиков-скотоводов. Это было чрезвычайно могущественное объединение, заботившееся об интересах своих членов и оказывавшее большое влияние на правительство. Между «Мэстой» и крестьянством шла непрерывная ожесточенная война: крестьяне путем огораживания полей старались защитить свои посевы от потрав скота, а «Мэста» запрещала им это делать и требовала свободы пасти скот, где угодно. Благодаря поддержке властей помещики-скотоводы почти всегда оказывались победителями.

Давление светского феодализма дополнялось давлением феодализма духовного. Как мы только что видели, католической церкви на рубеже XIX столетия принадлежало около 6 млн. га, полученных ею в прошлые века либо как королевские пожалования, либо как подарки и завещания феодальных семей, либо, наконец, как конфискованное инквизицией имущество «еретиков». Многие старинные монастыри возникли по инициативе высокородных грандов, замаливавших перед смертью различные преступления своей жизни. Эти сиятельные грешники не скупились на «украшение» обителей, в которых надеялись найти спасение для своих душ. Церковные земли эксплуатировались на основе тех же феодальных принципов, какие господствовали в организации и управлении светских поместий, и это ложилось дополнительным тяжелым бременем на крестьянское население. Крестьянству приходилось также содержать многочисленную армию белого и черного духовенства, которая, по свидетельству столь компетентного человека, как Годой, в конце XVIII века достигала 180 тыс. человек. Иными словами, на каждые 62 жителя страны имелся по крайней мере один церковник![5] Что это значило на практике, могут показать следующие любопытные цифры: в 1804 г. суммарный доход церкви с ее недвижимости оценивался, при соответственном пересчете, в 125 млн. золотых рублей. Кроме того, церковь взимала с населения еще очень много специальных сборов: «десятину»[6], индульгенции, пожертвования на построение храмов, на обращение язычников в христианство, на поклонение святым и т.п. Церковь взимала даже такой фантастический налог, как сбор в пользу крестовых походов, закончившихся, как известно, еще в XIII веке!.. Все эти дополнительные платежи составляли в сумме около 125 млн. золотых рублей. Всего, таким образом, в разных формах церковь выколачивала из испанского народа до 250 млн. золотых рублей в год, или в среднем по 23 золотых рубля на одну душу населения — сумма по тем временам громадная[7]. Неудивительно, что в Испании конца XVIII века насчитывалось свыше 20 тыс. храмов, т.е. в среднем по одному храму на каждые 500 жителей. Неудивительно также, что высшие сановники церкви утопали в богатстве: жалование епископов и архиепископов исчислялось сотнями тысяч золотых рублей в год. Таково было положение католицизма накануне 1808 г., несмотря на то, что король Карл III в 1767 г. изгнал орден иезуитов из Испании, а его имущество конфисковал в пользу государства.

Легко себе представить, каким свинцовым грузом вся эта феодальная пирамида ложилась на плечи широких масс, прежде всего на плечи многомиллионного крестьянства, которому приходилось платить до сотни всяких феодальных сборов и налогов, в сумме во много раз (иногда в 40—50 раз) превосходящих тяжесть общегосударственного обложения. Поэтому жуткая нищета и полное бесправие были извечным уделом деревенского населения. Тяжкий труд, голод, болезни, жестокая эксплуатация помещика, издевательства и насилия хозяйских надсмотрщиков, елейные речи патеров о смирении и награде за гробом сопровождали крестьянина от колыбели до могилы. Жилищем ему служила жалкая хижина, где дверь я дыра в крыше одновременно были и окном и дымоходом. Глубокое невежество, дикие суеверия, наивная преданность канонам церкви являлись его духовным миром. Вера в короля, преклонение пред властью знатных и богатых были его политической программой. Если кое-где — в Басконии, Валенсии, Каталонии — положение крестьянства было даже несколько лучше, это мало меняло общий характер картины. Деревня стонала под игом феодального землевладения, и в недрах ее постепенно накоплялись огромные запасы взрывчатой энергии.

Но не только деревня страдала от феодального гнета. Его мертвящие цепи сковывали также город. Цехи и гильдии — это наследие средневековья — регулировали, точнее связывали по рукам и ногам, промышленность и торговлю. Дороги между населенными пунктами находились в первобытном состоянии. Банды разбойников кишели на путях сообщения и делали транспорт продуктов крайне затруднительным. Бесчисленные налоги и пошлины — подчас самые нелепые — чрезвычайно отягчали развитие товарооборота и нередко делали цену товаров запретительной. Взимали все, кто мог, — государство, провинции, города, отдельные феодалы. Взимали со всего, что являлось предметом массового потребления и потому обещало доход, — с зерна, с травы, с вина, с оливкового масла, с мяса, с мыла, со свечей, с бутылок и т.д. Изобретательность испанских законодателей в этом отношении была поистине безгранична. Особенно обременительным был старинный налог, введенный еще в XIV веке и сохранившийся вплоть до XIX столетия (и даже позднее), — так называемая «алькабала». Он состоял в том, что при каждой купле-продаже в

в пользу казны взималось 15% от цены товара. Вот каково было его действие на практике: крестьянин продает быка скупщику — при этом 15-процентная «алькабала» уплачивается в первый раз; скупщик продает быка мяснику — при этом 15-процентная «алькабала» взимается второй раз; мясник продает мясо быка потребителям — при этом 15-процентная «алькабала» взимается третий раз. Мы привели наиболее простой пример, — в реальной жизни дело часто бывало гораздо сложнее, особенно, если речь шла не о продовольственных продуктах, а о промышленных товарах. Как тяжелый жернов, «алькабала» висела на торговле, всячески стесняя ее развитие.

Принимая во внимание все перечисленные обстоятельства, надо ли удивляться тому, что цена товаров по пути от производителя к потребителю колоссально возрастала? Тот же Ховельянос в уже цитированной записке приводит следующие любопытные цифры: во второй половине XVIII века «ароба[8] пшеницы на рынках провинции Леон стоила 5—6 реалов, а когда та же «ароба» пшеницы доходила до Мадрида, ее цена поднималась до 20—24 реалов; точно так же «фанега» пшеницы в Паленсии обходилась в 6 реалов, а та же «фанега» пшеницы в Сантандере стоила 22 реала и т.д.[9]

Конечно, в указанных условиях буржуазно-капиталистические отношения могли развиваться и действительно развивались крайне медленно. Процесс такого развития шел неровно, болезненно, зигзагообразно, нередко делая «шаг вперед, два шага назад», но все-таки шел, постепенно внося новые элементы в толщу феодального общества. Испания тут в общем и целом следовала путям, которыми в XVI II веке шли некоторые другие западноевропейские страны, например, Франция, но с той лишь разницей, что она сильно, очень сильно отставала от них в темпах развития.

Важным с данной точки зрения было царствование Карла III (1759—1788), испанской разновидности «просвещенного абсолютизма». Воспитанный в Италии, стоявшей в ту эпоху экономически и политически впереди Испании, Карл III принес на испанский трон некоторое понимание потребностей буржуазного развития. Он придавал огромное значение экономическому подъему страны и в связи с этим делал неоднократные попытки хотя бы слегка приоткрыть окно для проникновения в Испанию капиталистического «духа времени». С именем Карла III связаны первые серьезные попытки раскрепощения испанской экономики от пут феодализма, а также начало открытой борьбы с Ватиканом и его испанской агентурой. Человек решительного и авторитарного характера, Карл III не хотел идти на поводу у церкви. Он твердо отстаивал прерогативы королевской власти и, будучи в душе добрым католиком, все-таки изгнал иезуитов из Испании, что, впрочем, как мы видели, мало отразилось на положении церкви в стране.

Карл III собрал вокруг себя крупных государственных и общественных деятелей, помогавших ему, а нередко и вдохновлявших его на проведение программы «просвещенного абсолютизма». Среди них особенно видную роль играли четыре лица — Аранда, Кампоманес, Флоридабланка и Ховельянос, — для лучшего понимания тогдашней обстановки необходимо несколько остановиться на каждом из них.

Педро Аранда (1718—1799), арагонский гранд из древней фамилии, с молодых лет увлекся идеями французского просветительства, вступил в личные отношения с Вольтером, стал непримиримым врагом церкви и сторонником крупных реформ в Испании. Занимав ряд высоких мест в государственной бюрократии, в частности пост президента кастильского совета, Аранда оказывал значительное влияние на Карла III — особенно в первую половину его царствования. В частности, Аранда сыграл значительную роль в изгнании иезуитов из Испании. Однако тщеславие, склонность к интриганству, излишнее увлечение всем французским, а главное недостаток политического реализма скоро подорвали его положение при дворе и в дальнейшем привели к отставке. Будучи одним из видных испанских просветителей, Аранда не сумел оставить глубокого следа в общественно-политической истории страны, но своей деятельностью он, несомненно способствовал проникновению буржуазных начал в Испанию.

Гораздо серьезнее была роль, сыгранная Педро Кампоманесом (1723—1802). Сын астурийского крестьянина, Кампоманес прошел длинный и сложный путь прежде, чем возвысился до положения одного из ближайших советников Карла III. В 1763 г. он был назначен министром финансов и сохранял этот пост в течение целой четверти века. Кампоманес стремился к укреплению королевской власти и считал, что кратчайшим путем к этому является экономический подъем страны. Будучи крупным экономистом из школы физиократов, он усматривал единственную возможность хозяйственного возрождения Испании лишь на путях раскрепощения ее экономики от феодальных ограничений. Не золотые рудники американских колоний, а сельское хозяйство и промышленность в самой метрополии должны служить источником богатства Испании. Кампоманес ввел свободу хлебной торговли, облегчил торговлю Испании с колониями[10], много сделал для улучшения государственных финансов, поощрял просвещение, содействовал изучению испанской истории, пропагандировал важность благосостояния населения. Будучи бюрократом либерального типа, Кампоманес не прочь был иногда поиграть в «общественность». В этих видах он положил начало основанию так называемых «экономических обществ», в которых представителям различных слоев населения (прежде всего городской буржуазии и более

просвещенным кругам дворянства и чиновничества) было милостиво разрешено обсуждать — только обсуждать! — вопросы, так или иначе связанные с хозяйственным подъемом страны. Излишне говорить, что влияние «экономических обществ» на государственное законодательство было ничтожно, но зато их пропагандистское значение не подлежало никакому сомнению. Об этом может свидетельствовать, например, следующий забавный эпизод: в 1787 г., с благословения самого короля, в мадридском «экономическом обществе» была создана особая женская секция, в которой испанские аристократки во главе с принцессами стали горячо дискутировать вопрос об экономии в хозяйстве и о сокращении роскоши в нарядах. Незачем говорить, что никакой экономии и никакого сокращения в результате этих дебатов не получилось, — однако тот факт, что даже придворные дамы сочли необходимым как-то включиться в работу «экономических обществ», говорит об очень многом. Кампоманеса часто называли испанским Тюрго, и нельзя отрицать, что, несмотря на известные различия между ними, имеется все-таки немало сходства в роли и деятельности обоих современников — французского и испанского.

Несколько иную фигуру представлял третий из ближайших сотрудников Карла III — Хосе Маньяно, получивший впоследствии титул графа Флоридабланка (1728—1808) и ставший известным под этим последним именем. Будучи выходцем из знатной, но обедневшей семьи, Флоридабланка благодаря своим способностям и своей энергии постепенно выдвинулся на одно из первых мест и государственной машине Испании. В течение 15 лет (1777—1792) —при Карле III и в начале царствования Карла IV — Флоридабланка занимал пост премьера и оказывал сильнейшее влияние на судьбы своей страны. Его конечные цели совпадали с целями, которые преследовал Кампоманес: он тоже хотел укрепления королевской власти и экономического подъема Испании, но его методы достижения этих целей несколько отличались от методов коллеги по правительству. В то время как Кампоманес был либеральный бюрократ, готовый иногда поиграть в «общественность», Флоридабланка был консервативный бюрократ, относившийся к «общественности» с величайшим подозрением. Сухой, замкнутый, недоступный, неумолимый, Флоридабланка сам был идеальным воплощением бюрократической идеи. Чиновники перед ним трепетали. Даже ближайшие сотрудники почти всегда сносились с ним письменно, ибо премьер не любил разговаривать с людьми, а предпочитал читать бумаги. Флоридабланка понимал, что если Испания хочет сохранить положение великой державы, ей необходимо во многом перестроить свои внутренние порядки, но считал, что все это дело верховной власти. Реформы должны прийти как акты свободного волеизъявления монарха. Народу остается лишь с благоговением принимать королевские милости и покорно следовать указаниям чиновников и полиции.

Отсюда вытекала основная забота Флоридабланка — укрепление абсолютизма. Поскольку церковь претендовала на крупную роль в управлении государством, Флоридабланка — сам тоже добрый католик — решительно выступил против церкви. Именно он был автором предложения об изгнании иезуитов из Испании, что фактически и случилось в 1767 г. Больше того, отправленный в 1772 г. в качестве посла к папе Клименту XIV, Флоридабланка добился от «святого отца» издания буллы 16 августа 1773 г. об уничтожении ордена иезуитов. Что же касается экономики, то тут Флоридабланка особенно много сделал в области улучшения транспорта, проведения дорог, постройки каналов и мостов, вообще прогресса внутреннего благоустройства. Он много содействовал также ослаблению феодальных пут, сковывавших испанскую торговлю.

Таков был Флоридабланка в свои лучшие годы. К концу жизни он сильно изменился. Французская революция 1789 г резко бросила Флоридабланку вправо. Он стал завзятым реакционером и, как увидим ниже, сыграл весьма отрицательную роль в бурных событиях 1808 г.

Если Аранда, Кампоманес, Флоридабланка были сторонниками «просвещенного абсолютизма», то Ховельянос — четвертый из названных выше имен — являлся прежде всего представителем тех общественных сил описываемой эпохи, к которым с такой опаской относились министры Карла III. Однако влияние Ховельяноса на своих современников было очень велико, да и потребности буржуазного развития он выражал ярче, чем его сановные единомышленники.

Гаспар Ховельянос (1744—1811) происходил из семьи обедневшего гранда, родился в маленьком приморском городке Астурии. Он получил богословское образование и навсегда остался глубоко религиозным католиком, но в священники не пошел, а стал судьей и в течение 10 лет занимал эту должность в Севилье. Здесь он прославился редкими честностью и справедливостью — качествами, не часто встречавшимися в судейской иерархии тех дней. Свою служебную деятельность Ховельянос сочетал с занятиями наукой и литературой. Находясь под сильным влиянием французских просветителей, он писал оды и сатиры, комедии и трагедии; параллельно он изучал историю и экономику своей страны. Будучи сначала меркантилистом, Ховельянос затем стал сторонником физиократов, а к концу жизни превратился в последователя Адама Смита. Ховельянос был противником феодальных ограничений в области народного хозяйства и боролся за утверждение в испанской экономике начал буржуазной частной собственности.

В 1778 г., в возрасте 34 лет, Ховельянос попал в Мадрид и очень скоро сделался правой рукой Кампоманеса, получив высокий пост в министерстве финансов. Еще 10 лет прошло в усиленной работе по осуществлению программы «просвещенного абсолютизма», а затем в судьбе Ховельяноса произошел крутой перелом: со смертью Карла III в 1788 г. он впал в немилость и был отправлен в почетную ссылку в свою родную Астурию. Здесь Ховельянос развернул широкую просветительную деятельность. Он создал в Хихоне школу специалистов для сельского хозяйства и промышленности — так называемый «Астурийский институт» и преподавал в ней английский, французский и испанский языки. Ховельянос составил испанскую грамматику, опубликовал учебник под заголовком «Курс гуманных наук», пропагандировал необходимость образования для широких масс, заботился о благоустройстве и улучшении путей сообщения в провинции. Он принимал близко к сердцу проблемы хозяйственного возрождения Испании и в качестве члена «экономического общества», созданного Кампоманесом, подготовил свою знаменитую записку об аграрной реформе, которую мы выше цитировали. Эта записка была принята «обществом» и направлена в государственный совет Кастилии Она стала программой и знаменем для прогрессивных общественных сил конца XVIII века.

В 1795 г. опала, в которой Ховельянос находился с момента воцарения Карла IV, была временно снята (о причинах этого ниже). Правительство отпечатало и широко распространило за государственный счет его записку об аграрной реформе. В 1798 г. Ховельянос был даже назначен министром юстиции Он долго не хотел принимать предложения правительства, ибо не верил в возможность своего сотрудничества с реакционной камарильей Карла IV, но в конце концов уступил настояниям друзей. Предчувствие не обмануло Ховельяноса: спустя 8 месяцев он вынужден был покинуть свой министерский пост и вновь был выслан в Астурию. Однако камарилья знала, что имеет в его лице врага и не оставила его в покое: 10 марта 1801 г. Ховельянос был арестован, сослан на Балеарские острова и провел там 7 лет в тяжелом заключении. Из стен своего каземата он слал пламенные оды, адресованные испанскому народу, они переписывались в тысячах экземпляров и расходились по всей стране. Только в 1808 г., с вступлением французов в Испанию, Ховельянос вышел, наконец, на свободу, но теперь это был уже полуслепой старик, с разбитым здоровьем и надломленным духом.

Общественно-политическая физиономия Ховельяноса ярче всего выявлена в уже упоминавшейся записке об аграрной реформе, опубликованной в 1795 г. Исходная точка всех соображений Ховельяноса сформулирована здесь кратко и ясно: «для развития сельского хозяйства необходимо увеличивать частную собственность на землю». Отсюда делается ряд логических выводов, имевших в обстановке той эпохи важное значение. Эти выводы в основном сводятся к требованиям:

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР, 1959
Urss.ru Либроком 2009

1. Сократить количество невозделанной земли, находящейся в руках крупных землевладельцев, и распродать образовавшийся таким образом земельный фонд за наличные и в кредит желающим обрабатывать землю.
2. Земельную собственность церкви передать населению.
3. Ликвидировать общинные земли деревни и распродать их отдельным хозяевам.
4. Уничтожить майорат.
5. Отменить «варварский обычай», запрещающий огораживание полей, и распустить «Мэста» — этот «совет сеньоров, превратившихся в скотоводов и укрывшихся в тени общественных учреждений».
6. При распродаже земли поощрять развитие мелкого крестьянства, однако с учетом специфических особенностей отдельных провинций допускать образование и более крупных хозяйств.
7. Сократить до минимума вмешательство государства в область сельского хозяйства и торговли, а, поскольку такое вмешательство будет иметь место, исходить из принципа: закон должен охранять свободу, а не ограничивать права.
8. Отменить ряд наиболее тяжелых налогов (алькабалу, налог на зерно, на траву, на продукты потребления и т.п.), а также обеспечить свободу экспорта товаров за границу.

Как видим, перед нами типично буржуазная программа, проникнутая духом безграничной веры во всеспасительную силу частной собственности. Это как раз то, что накануне 1789 г. проповедовали французские просветители. Однако Ховельянос в отличие от них исключал апелляцию к активности масс и потому категорически отвергал революционные средства для достижения своих целей. Он говорил: «...честный Человек может советовать лишь постепенное и непрерывное Улучшение путем законов, а не насильственных переворотов». Именно поэтому Ховельянос даже не решился поставить в своей программе вопрос о полной ликвидации феодализма, а ограничился лишь мерами его частичной перестройки. Столь Далеко идущий легализм, как мы видели, не спас Ховельяноса от преследований реакции. Для историка же позиция Ховельяноса — несомненно одного из лучших представителей испанского просветительства — очень показательна, так как она явно отражала не столько его собственную ограниченность, сколько Общую экономическую и политическую отсталость Испании.

Смерть Карла III явилась концом эры «просвещенного абсолютизма». Его сын Карл IV (1788—1808), о котором подробно нам придется говорить ниже, не только не пошел дальше отца по пути раскрепощения испанской экономики от пут феодализма, но даже сделал несколько шагов назад. Это, конечно, неблагоприятно отразилось на хозяйственном развитии страны, но не могло остановить хода истории. Преодолевая различные трудности и препятствия, испанская промышленность и торговля росли, население городов увеличивалось, буржуазные элементы все больше укреплялись в недрах феодального общества. Вот некоторые относящиеся сюда данные.

Население Испании в конце XVIII века колебалось между 10 и 11 млн. Исчисление 1787 г. давало цифру 10 млн. 258 тыс., исчисление 1797 г. — 10 млн. 541 тыс.[11] О социальном строении испанского общества описываемого периода может дать некоторое представление нижеследующая таблица:

	1787 г.	1797 г.
	(в тыс.)	
Благородные (т. е. помещики) . . .	481	402
Духовенство	182	168
Служащие (т. е. чиновники)	41	32
Крестьяне и сельскохозяйственные рабочие	1872	1677
Промышленники и ремесленники .	311	534
Купцы	?	25
Студенты	91	30
Военные	78	149
Слуги	280	174
	3296	3191

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ. 1808 – 1917
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Libera и Вик Просвещения, 2008

Конечно, эти цифры, охватывающие, видимо, то, что мы сейчас называем «самодеятельным населением», не могут претендовать на особую точность. Тем не менее они представляют чрезвычайный интерес, ибо при всей своей относительности отражают известные тенденции развития. Какие же это тенденции?

Прежде всего бросается в глаза то, что, несмотря на стабильность общего числа «самодеятельных» (маленькая разница в соответственных цифрах легко объясняется недостатками тогдашних статистических методов), группа господствующего класса (т.е. помещики, духовенство, чиновники) сократилась за рассматриваемое десятилетие на 14%, Напротив, группа буржуазии (т.е. промышленники, купцы, ремесленники, большая часть студентов) за тот же период возросла на 60%. Крестьянство уменьшилось на 10%, но это естественно вытекало из социальных передвижек, вызванных ростом промышленности и ремесла. Количество слуг упало на 38%, что, очевидно, вытекало из сокращения численности помещиков и духовенства, любивших окружать себя большим количеством челяди. Резкое возрастание числа военных носит случайный характер: оно объясняется тем, что в 1797 г. Испания находилась в состоянии войны с Англией, в то время как в 1787 г. она была на мирном положении.

Самой характерной чертой только что приведенных цифр является большой рост тех элементов, которые в конце XVIII века именовались «третьим сословием» и которые мы обычно определяем понятием «буржуазия», за 10 лет она увеличилась на 60% и в 1797 г. составляла около одной пятой всего числа «самодеятельных». Это было по преимуществу население портовых городов, расположенных узкой цепочкой по средиземноморскому и атлантическому побережьям Испании. Самыми крупными из них считались Барселона (115 тыс. жителей), Севилья (96 тыс.), Валенсия (80 тыс.), Кадис (60 тыс.). В смысле политическом впереди всех шел Кадис, являвшийся воротами испанской торговли с Америкой и тесно связанный с Францией, Англией и многими другими странами. В конце XVIII и начале XIX века Кадис был твердыней буржуазного либерализма и, как увидим ниже, сыграл крупную роль в истории испанских революций. Мадрид на рубеже XIX столетия насчитывал около 150 тыс. жителей, но это был по преимуществу административно-правительственный центр, в населении которого наиболее крупную роль играли представители знати, дворянства и военно-гражданской бюрократии.

Рост городской буржуазии был связан с известным подъемом промышленности и торговли. Эпоха Карла III кое-что дала в этом отношении. В Каталонии и Андалусии развернулось текстильное производство; в Астурии и Басконии была расширена разработка горных богатств; в Кастилии возникло, несколько предприятий по изготовлению платья; значительный толчок был дан развитию часовой, керамической, кожевенной промышленностей; были открыты ремесленные школы; из-за границы стали привозиться английские, французские, немецкие мастера; строились каналы; проводились новые дороги .(за вторую половину XVIII века свыше 2 тыс.км); создавались специальные общества для увеличения товарооборота с колониями; организовались торговые компании и банки (так, в 1782 г. по инициативе Флоридабланки был учрежден первый

эмиссионный банк с капиталом в 300 млн. реалов). Среди торговых компаний выделялся левиафан — «Пять крупнейших гильдий Мадрида» — с капиталом в 200 млн. реалов. Параллельно расширялась внешняя торговля Испании: так, в 1787—1792 гг. ее товарооборот с заграницей достигал в среднем 1900 млн. реалов в год[12]. «Капиталистический дух» стал проникать даже в землевладельческие круги. Хотя занятие торговлей или промышленностью считалось недостойным «гидальго», а тем более «гранда», все-таки жажда наживы побеждала рыцарские традиции, и ряд испанских аристократов стал принимать участие в наиболее успешных торговых компаниях. Несмотря, однако, на все эти изменения, Испания в целом даже на рубеже XIX века была экономически еще очень отсталой страной. Об этом наглядно свидетельствуют следующие цифры: по подсчетам испанских экономистов, вся промышленная продукция страны в 1803 г. оценивалось в 1153 млн. реалов, а вся сельскохозяйственная продукция страны в 1812 г. достигала 3600 млн. реалов. Даже учитывая неполную сравнимость обеих цифр, все-таки можно прийти к выводу, что накануне 1808 г. стоимость промышленной продукции составляла не больше четверти всей народнохозяйственной продукции страны; вдобавок почти вся промышленность носила форму кустарного, мануфактурного и мелкофабричного производства. О хозяйственной отсталости Испании говорило также и крайнее засилие иностранцев в ее экономике. Лучшим доказательством этого служил тот факт, что даже ее каботажная торговля велась главным образом с помощью английских, французских и голландских судов; испанский торговый флот занимал в ней второстепенное место. Чрезвычайно показательным являлось и то обстоятельство, что в Мадриде из 150 тыс. жителей 30 тыс., или 20%, были иностранцы, в Кадисе из 60 тыс. жителей 9 тыс., или свыше 15%, были выходцами из других стран, главным образом из Франции, Англии и Италии.

Экономическая отсталость Испании неизбежно должна была иметь и действительно имела свои социальные и политические последствия, с которыми мы не раз столкнемся в дальнейшем. Одним из таких последствий — и при том очень важным — являлась относительная слабость испанской буржуазии. Правда, благодаря своей большой интеллигентности, подвижности и энергии по сравнению с землевладельцами эта новая социальная сила к концу XVIII века стала быстро выдвигаться на авансцену истории, но все-таки в обстановке тех дней она была еще слишком незначительна для того, чтобы оказать решающее влияние на судьбы своей страны. Испанская буржуазия описываемого периода была столь же мало сравнима с буржуазией соседней Франции, как Ховельянос был мало сравним с Вольтером или Руссо. Испанская буржуазия не дала ни энциклопедистов, ни жирондистов, ни якобинцев; она не открыла новой исторической эпохи. Эта буржуазия светила лишь отраженным светом французского солнца, да и на нем лежала тень черной монашеской сутаны. Вот почему испанской буржуазии не удалось одержать победы над феодализмом, хотя бы отдаленно напоминающей французскую победу 1789 г., ни в наполеоновскую эпоху, ни позднее, в многочисленных революциях XIX столетия.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Над этим социально-экономическим фундаментом возвышалась политическая надстройка: централизованная феодально-абсолютистская монархия.

Правда, номинально существовали также кортесы — сохранившееся от средних веков сословное представительство дворянства, духовенства и городов, — однако в описываемую эпоху они перестали играть реальную роль. Вся власть перешла к королю, а кортесы изредка созывались лишь для церемониальных целей: своим вотумом они должны были освящать такие события, как смена монархов на престоле или вступление в брак особ царствующего дома. За все XVIII столетие кортесы собирались по указанным поводам 6 раз. Таким образом, с этой стороны королевское самодержавие не встречало никаких ограничений или даже попыток ограничения. Несколько иначе обстояло дело с областями и провинциями.

«Местная жизнь Испании, — писал К.Маркс в своей работе «Революционная Испания», — независимость ее провинций и коммун, разнообразие в состоянии общества были первоначально обусловлены географическими свойствами страны[13], а затем развились исторически благодаря своеобразным способам, какими различные провинции освобождались от владычества мавров, образуя при этом маленькие независимые государства... Между тем как абсолютная монархия нашла в Испании материал, по самой своей природе не поддающийся централизации, она сделала все от нее зависящее с целью не допустить роста общих интересов, возникающих из национального разделения труда и многообразия внутреннего обмена, которые и являются подлинным фундаментом для единой системы администрации и господства общего закона. Таким образом, абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы, вообще должна быть приравнена к азиатским формам правления. Испания, подобно Турции, осталась скоплением дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе. Деспотизм разнообразил свой характер в различных провинциях в зависимости от произвольного толкования общих законов со стороны вице-королей и

губернаторов, но при всем своем деспотизме правительство не помешало провинциям сохранить их различные законы и обычаи, различные монеты, военные знамена разнообразных цветов и особые системы налогового обложения. Восточный деспотизм затрагивает муниципальное самоуправление только тогда, когда оно сталкивается с его непосредственными интересами, но он весьма охотно допускает существование этих учреждений, пока они снимают с него обязанность что-либо делать самому и избавляют от хлопот регулярного управления»[14].

Это глубоко вкоренившееся чувство местной самобытности, свойственное провинциям и городам Испании, чувство, нередко превращающееся в локальный партикуляризм, проходит красной нитью через всю историю страны и сохраняет свою силу вплоть до настоящего времени. Многочисленные примеры только что сказанного мы не раз увидим в дальнейшем изложении, — особенно в применении к двум областям, отличающимся от остальной Испании и по национальному признаку, — Каталонии и Басконии. Строптивость мест и своеволие провинций нередко доставляли неприятные минуты испанским королям, но все-таки до начала XIX века провинции оказывались не в состоянии ввести самодержавную власть в какие-либо конституционные рамки.

В силу этого испанская политика конца XVIII века была прежде всего политикой испанского короля и его ближайшего окружения, — конечно, в рамках интересов господствующего класса феодалов-помещиков. Какое же тут было положение?

Прежде чем ответить на данный вопрос, необходимо для лучшего понимания последующего привести небольшую историческую справку.

«Католические короли» Фердинанд и Изабелла, на рубеже XV и XVI веков возглавившие только что объединенную феодально-монархическую Испанию, были испанцы. Однако с их смертью подходящих наследников испанской национальности не оказалось, и испанский трон в силу родственных связей перешел к Габсбургской династии, державшей его в своих руках почти два века (1516—1700) и втянувшей Испанию в орбиту общеевропейской политики Австрии. Эта династия дала Испании пять королей, «законно» наследовавших один другому, а именно: Карла I (1516—1556), Филиппа II (1556— 1598), Филиппа III (1598—1621), Филиппа IV (1621—1665) и Карла II (1665—1700). При первых двух из них Испания достигла зенита своего могущества и затем вступила на путь постепенного упадка и ослабления. Этой национальной кривой вполне соответствовала и династическая кривая (одна отчасти была связана с другой). Карл I и Филипп II при всех своих Недостатках представляли все же монархов крупного масштаба, но, начиная с Филиппа III, фигуры габсбургских королей начали все больше мельчать и вырождаться. Последний испанский монарх из этой династии, Карл II, был больной полуидиот, не оставивший никакого потомства. Он завещал свой трон герцогу Филиппу Анжуйскому, внуку Людовика XIV, Который после смерти Карла II стал королем Испании. Тем самым испанский престол перешел к Бурбонской династии. Последствием была 13-летняя война — так называемая «война за испанское наследство», — в которой принимали участие важнейшие державы Западной Европы (Франция, Австрия, Англия, Голландия, Германия, Испания). Мы не можем здесь останавливаться на подробностях этой очень сложной войны, — Достаточно сказать, что Бурбоны в конце концов удержали за собой испанский трон. В результате Франция стала втягивать Испанию в сложный переплет своих международных отношений, как раньше это делала Австрия.

Бурбонская династия до конца XVIII века дала Испании трех королей: Филиппа V (1700—1746), Фердинанда VI (1746—1759) и Карла III (1759—1788). Первые два были людьми посредственными и свои царствования не ознаменовали ничем замечательным. Третий Бурбон — Карл III— оказался человеком более крупного масштаба и пытался приостановить прогрессирующее ослабление Испании на путях «просвещенного абсолютизма». Ему удалось кое-что сделать в этом направлении, хотя радикально изменить кривую исторического развития страны он, конечно, не мог. Карл III был зенитом Бурбонской династии: после него началось резкое падение вниз, продолжавшееся, как увидим дальше, в течение всего XIX столетия и закончившееся крахом династии и монархии уже в наши дни, во время революции 1931 г.

После этого маленького отступления в прошлое мы можем вернуться к последующему изложению событий.

Карл IV (1748—1810), наследовавший Карлу III и царствовавший в 1788—1808 гг., был одним из тех королей, какие обычно украшают троны, когда в стране пробивает час революции. Высокий, мужчина огромной физической силы, он был совершенно лишен ума и характера. Его любимым занятием являлись религиозные церемонии и охота. Он был хороший пучер, насовщик, слесарь, но ничего не понимал в государственных делах, да и не питал к ним никакого интереса. В самые серьезные моменты своего царствования Карл IV увлекался игрушками для малолетних. Так, в конце 1790 г. русский посол в Мадриде С.Зиновьев доносил в Петербург: «Король, как всегда, занимается самыми невинными забавами: нынче он строит великолепные ясли, которые осматривает каждый вечер со своими придворными. Ничем нельзя так угодить ему, как придти полюбоваться на них»[15].

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808—1917
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
Издательство Академии Наук СССР, 1959
Vive Libertad и Век Просвещения, 2009

А между тем как раз в это время внутреннее положение Испании обострилось до крайности; в соседней Франции развертывалась революция, и на внешнеполитическом горизонте явно обозначилась опасность войны.

В довершение ко всем своим прочим качествам Карл IV отличался полной бесхребетностью. Он легко поддавался чужому влиянию, а в семейной жизни находился целиком под башмаком жены. Это был классический тип монарха, который немыслим без камарильи и при котором камарилья заправляет всеми дворцовыми и государственными делами. Камарилья — и притом весьма властная и могущественная — действительно имелась при Карле IV. Из кого она состояла? Главой камарильи была королева — Мария-Луиза Пармская (1751—1819), женщина с властным и ревнивым характером. Она проводила жизнь в сумасбродных увеселениях и любовных интригах. Внешне тщедушная, беззубая, с неприятным цветом лица, она производила почти отталкивающее впечатление, но, конечно, не имела недостатка в фаворитах. При этом каждый фаворит на срок своего успеха становился всесильным временщиком, оказывающим большое влияние на ход государственных дел. Король, как настоящий рогоносец из старинных комедий, обычно ничего не замечал, а когда факты становились уж слишком кричащими, он с глуповатой покорностью примирялся с «menage en trois».

Вторым столпом камарильи являлся Мануэль Годой (1767—1851). Выходец из обедневшей дворянской семьи в Бадахосе (Эстремадура), он в 16 лет попал в королевскую гвардию и очень быстро сделал здесь совершенно головокружительную карьеру. Через своего старшего брата, тоже гвардейца, бывшего одно время любовником королевы, он познакомился с Марией-Луизой. Голубоглазый блондин, единственным талантом которого была нагло-красивая внешность и уменье играть на гитаре, сразу покорил сердце королевы, и это обеспечило ему 15 лет почти диктаторской власти. Король не только «принял» Годоя в свою семью, но даже воспылал к нему какой-то странной привязанностью. Больше того, он полностью передоверил ему бразды правления. И, хотя отношения между Марией-Луизой и Годоем иногда прерывались бурными ссорами, вызывавшимися неверностью Годоя, все-таки этому «пустому, развратному и надменному гвардейцу» (выражение того же С.Зиновьева) вплоть до 1808 г. удавалось оказывать решающее влияние на внутреннюю и внешнюю политику Испании. В 1792 г., в возрасте 25 лет, Годой был назначен премьер-министром и в дальнейшем сконцентрировал в своих руках все богатства и почести, которые могла ему дать феодально-абсолютистская Испания. Он стал министром и капитаном гвардии, секретарем королевы, кавалером всех испанских орденов, генералиссимусом на суше и на море, адмиралом Испании и Индий, генерал-суперинтендантом почты и дорог, директором Академии искусств, начальником астрономической обсерватории. За свои более чем сомнительные успехи на международном поприще он получил титул «князя Мира» и звание «высочества». Его доходы сделались неисчислимы (только как премьер и член государственного совета Кастилии он получал 800 тыс. реалов в год), а общая стоимость его разнообразного имущества — движимого и недвижимого — в конце концов достигла колоссальной цифры в 2 млрд. реалов, т.е. превышала годовой бюджет всего испанского государства.

Третьим столпом камарильи был наследный принц Фердинанд (1784—1833), — впоследствии король Фердинанд VII. Тупой, грубый, трусливый, на редкость лживый, жестокий и вероломный, он был одним из самых отвратительных представителей Бурбонской династии и в данном смысле несомненно превосходил — хотя это было нелегко — своих родителей. К.Маркс как-то выразился о нем: «Фердинанд VII... был так лжив, что, несмотря на все свое ханжество, никогда, даже с помощью святой инквизиции, не мог убедить себя, что столь возвышенные личности, как Иисус Христос и его апостолы, говорили правду»[16].

Этот Фердинанд мечтал о том, как бы поскорей сесть на престол, интриговал против отца, подготовлял его отречение и смертельно ненавидел Годоя, в котором видел главное препятствие для осуществления своих планов. Так как Мария-Луиза, наоборот, всячески стремилась к укреплению положения своего любовника, то между матерью и сыном возникла острая вражда, в которой обе стороны старались превзойти друг друга. Около Фердинанда группировалась своя «партия», еще более гнусная и реакционная, если это возможно, чем вокруг короля и королевы, идейным вождем которой был воспитатель и духовник наследника Хуан Эскойкис.

Таковы были основные фигуры, которые накануне 1808 г. держали в своих руках руль государственного корабля. Трудно представить себе картину большего морального и политического разложения, чем испанский двор эпохи Карла IV. Испанская монархия явно гнила на корню. Она вполне «созрела» для революционной ликвидации, — во всяком случае не меньше, чем французская монархия к 1789 г. или российская монархия к 1917 г. И если такой революционной ликвидации в 1808 г. на самом деле не произошло, то в этом прежде всего повинна социально-экономическая отсталость Испании, помешавшая созданию в ней достаточно мощных и сознательных революционных сил.

Разумеется, внутренняя и внешняя политика страны в описываемый период была плотью от плоти короля и его камарильи. Остановимся на некоторых более важных фактах.

В области внутренней политики все реформаторские попытки Карла III были прекращены или даже аннулированы, а люди, работавшие с ним, разогнаны или подвергнуты репрессиям. О Ховельяносе речь уже была выше. Кампоманес сразу после воцарения Карла IV перестал быть министром финансов. Флоридабланка упорно старался приспособиться к новым хозяевам, но в конце концов должен был уступить место Годою.

Та же судьба постигла десятки и сотни более мелких фигур эпохи «просвещенного абсолютизма». Лозунгом власти, напуганной революцией в соседней Франции, стало: «стой, солнце, не движись, земля!». В стране воцарилась черная реакция, католическая церковь вновь подняла голову и наложила свою тяжелую руку на все области испанской жизни. При дворе шла сплошная вакханалия безумного мотовства, разврата, коррупции, кумовства, интриг, подхалимства. Высшие командные должности в гражданской и военной бюрократии превратились в бешено оплачиваемые синекуры для представителей аристократии. Так, например, по спискам 1793 г. члены государственного совета Кастилии получали в год: Антонио Вальдес — 415 тыс. реалов, граф де ла Каньяда — 339 тыс., маркиз де Бахамар — 333 тыс., Херонимо Кабальеро — 325 тыс., граф Аранда — 255 тыс., граф дель Асальто — 225 тыс. и т.д.[17] Государственной кормушкой для членов знатных семей являлись армия и флот. Армия насчитывала 60—80 тыс. человек;

боевые качества ее были ничтожны; но стране она обходилась почти в миллиард реалов, съедая около половины всего бюджета. Объяснялось это тем, что, помимо широко распространенного казнокрадства, армия была свыше всякой меры перегружена офицерами и генералами, получавшими высокие оклады. В каких масштабах шла фабрикация командного состава, могут прекрасно иллюстрировать следующие примеры: в феврале 1791 г. 24-летний Годой был сделан маршалом, — для маскировки этого вопиющего назначения одновременно 24 человека были произведены в генерал-поручики, 40 — в генерал-майоры и очень многие — в бригадные генералы; точно так же в 1802 г. по случаю свадьбы наследника сразу было создано 57 фельдмаршалов, 26 генерал-лейтенантов и несколько со г полковников. От сухопутных воинов не отставали и моряки. Так, в 1807 г. в испанском военном флоте, насчитывавшем не больше 15—20 годных кораблей, имелись: один грос-адмирал, два адмирала, 29 вице-адмиралов, 63 контр-адмирала, 80 капитанов линейных кораблей и 134 капитана фрегатов. Неудивительно, что государственные финансы, значительно упорядоченные при Карле III, теперь пришли в полное расстройство. И ежегодный бюджет Испании сводился с систематическим и катастрофически возрастающим дефицитом. В первый период Царствования Карла IV средний дефицит составлял около 150 млн. реалов в год, в 1797 г. он поднялся до 800 млн., а в 180102 гг. достиг 1200 млн. (600 млн. поступлений и 1800 млн. расходов). При этом вот что было замечательно: на содержание двора в 1801-02 гг. ушло 105 млн. реалов, или 17% всех доходов государства! Зато среднее и низшее чиновничество систематически сидело без жалованья.

Конечно, такой режим не мог не вызывать оппозиции со стороны буржуазии и даже известных кругов помещиков и бюрократии. Однако для политического уровня Испании того времени весьма характерно, что эта оппозиция направлялась не против института абсолютной монархии вообще, даже не против личности короля или королевы — все это еще считалось священным и неприкосновенным, — а против временщика Годоя. Годой должен был отвечать за все грехи режима!.. Испанские аристократы оказывались, таким образом, политически более отсталыми, чем их русские коллеги, которые как раз около того же времени (в 1801 г.) обрушили свое недовольство Павлом I на Павла I, а не на его премьер-министра.

Как бы то ни было, но в 1794 г. — после тяжелых поражений Испании, понесенных ею в войне с революционной Францией (подробнее об этом ниже), — в Мадриде возник большой заговор, с участием высших сановников, военных и даже генерал-инквизитора, заговор, имевший целью низложение Годоя и созыв сословных кортесов для реформы администрации. Однако заговор был открыт, и Годой, поддерживаемый королевой, жестоко расправился со своими противниками.

Тремя годами позже, в момент больших военно-дипломатических затруднений Испании, движение против Годоя вновь подняло голову. Оно имело своего барда в лице талантливого поэта Мануэля Кинтана, зажигавшего сердца знаменитой одой в честь Падильи — вождя испанских горожан XVI века в их борьбе с деспотизмом Карла I. Оно имело своих военных среди верхушки генералитета и своих государственных людей среди верхушки бюрократии.

Насколько всеобщий характер приняла в это время ненависть к Годою в правящих кругах, может свидетельствовать следующее письмо, полученное Карлом IV в ответ на один из его указов от государственного совета Кастилии: «Совет очень хорошо знает, какое презренное перо (имеется в виду Годой. — *И.М.*) написало или продиктовало такой указ,, злоупотребляя священным именем вашего величества. Он со скорбию предвидит достойное проклятия падение трона. Восстаньте же, ваше величество, от глубокой летаргии, в которую вы уже так давно погрузились! Пора уже вам свергнуть с себя опутавшее вас иго ничтожных развратников!»[18]

Неизвестно, чем бы кончилось новое движение против всемогущего временщика, если бы как раз в это время на почве неверности Годоя не произошло крупной ссоры между ним и королевой. Полная мстительной ревности Мария-Луиза включилась в число врагов премьера, и это сыграло решающую роль: 29 марта 1798 г. Годой получил отставку. В течение двух следующих лет «князь мира» формально оставался не у дел, хотя фактически это было не совсем так: король тщетно пытался создать менее реакционное правительство, пользующееся известным доверием общественных кругов (именно в этот период Ховельянос был назначен министром юстиции); но затем, два года спустя, Годой искусно разыграл комедию «раскаяния» перед королевой; Мария-Луиза не смогла устоять пред чарами своего любовника; мир между ними был восстановлен, и Годой в 1800 г. вновь вернулся к власти. Теперь положение Годоя было окончательно упрочено, и в течение последующих 8 лет он являлся настоящим хозяином страны. Всякая внутренняя оппозиция против него была бессильна. Только вторжение Наполеона на Пиренейский полуостров привело к концу диктатуру Годоя. Это естественно подводит нас к внешней политике Испании накануне 1808 г.

Со времени «войны за испанское наследство» основной проблемой внешней политики Испании стала борьба с Англией. Англия, в которой к этому времени буржуазия уже стала чрезвычайно крупной силой, быстро расширяла свою колониальную и торговую экспансию, со своей обычной хитростью старалась захватить то, что плохо лежало. Богатая, но быстро слабеющая испанская империя являлась для нее лакомой приманкой. Поэтому в течение всего XVIII века и позднее Англия, пользуясь всяким подходящим случаем, старалась наносить Испании один удар за другим. В описываемую эпоху имелось несколько весьма серьезных оснований, создававших постоянное напряжение в испано-английских отношениях.

Во-первых, Англия во время «войны за испанское наследство» захватила Гибралтар и Менорку, откуда ни за что не хотела уходить; Испания же, естественно, стремилась к возвращению себе этих территорий. Во-вторых, поскольку с 1700г. испанский трон перешел к Бурбонам, Испания попала в орбиту международных интересов Франции, которые постоянно приходили в конфликт с британскими; в результате Испания, как союзница Франции, должна была то и дело занимать враждебную Англии позицию. В-третьих, быстро развивавшаяся английская торговля прилагала большие усилия к проникновению на богатые рынки испанской Америки, но сталкивалась Здесь со всевозможными рогатками, важнейшей из которых рыла монополия купцов Испании-метрополии на торговлю со своими заокеанскими колониями. В-четвертых, наконец, Испания и Англия как две обширные колониальные империи соперничали в господстве на море, являвшемся предпосылкой сохранения этих империй. В конечном итоге испано-английские отношения на протяжении XVIII века находились в состоянии более или менее постоянного напряжения, переходившего нередко в открытые войны. Вражда к Англии в Испании была настолько сильна, что когда в 1775 г. вспыхнуло восстание английских колоний в Америке против метрополии, монархически-легитимистская Испания, сама имевшая многочисленные колонии в той же Америке, выступила с поддержкой мятежников и республиканцев, возглавлявшихся Вашингтоном. Впрочем, Мадрид тут следовал примеру своего «старшего брата» Парижа: враги наших врагов — наши друзья. Следуя этому принципу, Карл III в 1761 г. заключил с Францией так называемый «семейный договор», согласно которому между всеми бурбонскими династиями (во Франции, в Испании и в Италии) заключался оборонительный и наступательный союз. Этот договор приковывал Испанию к Франции и по существу превращал в орудие французской политики. Однако при Карле III Испания все-таки пыталась хоть до известной степени сохранить свою самостоятельность на международной арене. Флоридабланка играл на противоречиях между великими державами. В частности, стремясь несколько облегчить тяжесть «дружеских объятий» Франции, он искал возможности опереться на Россию. В 1785 г., например, Флоридабланка вел с русским послом в Мадриде С. Зиновьевым переговоры об испано-русском торговом договоре. В 1788 г. во время войны России с Турцией и Швецией он занял, несмотря на интриги Англии, дружественную России позицию. Однако в политике Флоридабланки не было достаточной ясности и последовательности, он старательно уклонялся от всяких «связывающих союзов», — поэтому никаких прочных результатов от его «русских зигзагов» не получилось.

Французская революция 1789 г. поставила Мадрид в чрезвычайно трудное положение. С одной стороны, его внешнеполитические интересы, в особенности его не стихавшая борьба с Англией, настойчиво толкали его к сотрудничеству с Францией; с другой стороны; ненависть господствующего класса Испании к революции, к ниспровержению монархии и к провозглашению республики не менее решительно отталкивали Мадрид от Франции и сближали его с противниками Франции, в частности с Англией, занимавшейся организацией и финансированием антифранцузских коалиций. Это противоречие особенно обострилось в 1792 г., когда Людовик XVI был посажен в тюрьму и вся роялистская Европа мобилизовала свои силы во имя «bonne cause» («доброго дела»), как тогда выражались в монархических кругах, т.е. для разгрома революции и освобождения французского короля.

Флоридабланка, ставший после 1789 г. черным реакционером нашел такой выход из сложного положения: с одной стороны, он тщательно избегал всего, что могло бы втянуть Испанию в войну против Франции, ограничивая свою поддержку «доброго дела» словесными демонстрациями да финансовой помощью французским эмигрантам; с другой стороны он открыл поход против проникновения «опасных идей» в Испанию и обрушил град репрессий на самые невинные проявления либерализма. Насколько даже этот сухой и уравновешенный бюрократ потерял голову под влиянием французских событий, свидетельствует изданный им в 1791 г. закон об иностранцах. Согласно данному закону, все проживающие в Испании иностранные подданные должны были присягнуть испанскому королю и католической религии, отречься от всех своих привилегий, прекратить сношения со своим отечеством и отказаться от покровительства своих консулов и посланников. Неисполнение закона грозило виновным галерами и тюрьмой или изгнанием из страны с конфискацией их имущества.

Годой, в 1792 г. сменивший Флоридабланку на посту премьера, в области внешней политики продолжал линию своего предшественника с той лишь разницей, что благодаря своему невежеству и тупоумию на каждом шагу делал промахи, только еще более ухудшавшие и без того трудное положение Испании. В частности, он поссорился с Россией, в результате чего увеличилась его зависимость от Англии. Лавирование, да еще при таком неискусном кормчем, как Годой, не спасло Испанию от того, чего двор боялся больше всего, — от войны с Францией.

Весной 1793 г., когда монархическая Европа создала свою первую коалицию против революционной Франции, Испании пришлось принять в ней участие. Однако военные кампании 1793 и 1794 гг. ознаменовались для Испании тяжелыми поражениями. Французские силы, двинутые за Пиренеи, отнюдь не принадлежали к лучшим е дискам революции: они были спешно набраны, плохо обучены и снабжены; у них не хватало ни пороха, ни обмундирования, ни провианта. Тем не менее испанская армия, которой командовал генерал Рикардос, не сдержала удара и отступила почти до линии р.Эбро. Северные районы страны были оккупированы французами. Только благодаря нажиму коалиции на других фронтах (в частности, благодаря взятию Тулона с помощью англичан) ход военных операций в Испании замедлился и Мадриду удалось избежать занятия неприятелем. Затем последовали мирные переговоры, и 22 июня 1795 г. Годою удалось подписать в Базеле мирный договор с Францией, по которому в обмен на испанскую часть острова Сан-Доминго французы освобождали занятую ими часть Пиренейского полуострова. Это более чем скромное достижение вызвало в правящих кругах Мадрида настоящее ликование. Годой стал героем дня. Всякая оппозиция против него временно смолкла. Ему был присвоен титул «князя мира»; на него посыпались почести; ему были пожалованы огромные поместья. Считая свое положение раз навсегда укрепившимся, Годой решил окончательно «завоевать» аристократически-придворные круги внешним блеском и игрой в либерализм («французские идеи» оказывали влияние даже на испанское «общество»). Дворец Годоя в Мадриде блистал роскошью; его почетная стража затмевала королевскую гвардию; его грудь блистала бесчисленными орденами, а в особо торжественных случаях перед ним несли специально для него созданную «медаль Януса». В специальном королевском декрете говорилось, что эта медаль должна служить «эмблемой его мудрой проницательности, с помощью коей он, подобно этому языческому божеству, обратив взор назад, обдумывает прошлое и в то же время заботится о будущем, обозревая все, что сокрыто в его недрах»[18]. Одновременно Годой освободил из тюрьмы нескольких политических заключенных и издал за государственный счет выше упоминавшуюся записку Ховельяноса об аграрной реформе.

Однако жизнь очень скоро напомнила о себе и Годою, и — что было гораздо важнее — испанскому государству. В августе 1796 г. Франция принудила Испанию подписать кабальный договор в Сан-Ильдефонсо, по которому между обеими державами заключался «наступательный и оборонительный» союз. Каждая из них в случае войны обязана была оказать другой помощь в размере 25 военных судов, 18 тыс. пехоты и 7 тыс. кавалерии. Но самое замечательное в этом договоре было то, что Испания не имела права требовать у Франции объяснений причин начинаемой ею войны. Такого позорного соглашения Испания еще никогда не знала. Практически оно означало, что отныне Испания становится игрушкой в руках Франции, где уже всходила звезда Наполеона.

Последствия Сан-Ильдефонского договора не замедлили сказаться. Как союзница Франции, Испания в 1797 г. оказалась вовлеченной в войну с Англией, закончившуюся для Испании тяжелой катастрофой: в битве у мыса Сан-Висенте испанский флот был разбит наголову. Как будто бы этого было достаточно. Но, Годой счел момент подходящим для того, чтобы вступить в конфликт с Россией, закончившийся в 1799 г. (уже после его временной отставки) разрывом дипломатических отношений между обеими странами. В октябре 1800 г. Испания вынуждена была «уступить» Франции в Северной Америке богатейшую колонию Луизиану; в виде компенсации Наполеон согласился расширить территорию Пармского герцогства, на престоле которого сидел также один из Бурбонов, и признать за ним титул королевства. 29 января 1801 г., после вторичного возвращения Годоя к власти, между Мадридом и Парижем был заключен новый договор, который

отдавал испанский флот на службу Франции; кроме того, Испания обязалась потребовать от Португалии разрыва с Англией и перехода на сторону Франции. Так как Португалия отвергла испанский ультиматум, то Годой при поддержке Франции двинулся походом на Лиссабон. Силы были слишком неравны, и через две недели Португалия капитулировала.

Эта «померанцевая война», наглядно демонстрировавшая зависимость Испании от Франции, свела с ума королевскую чету и Годоя. Они вообразили, что одержали великую победу, и Годой стал сравнивать себя со знаменитейшими полководцами прошлого и настоящего. Самомнение Годоя дошло до того, что он рискнул спорить даже с Наполеоном. Какой от этого получился результат, нетрудно себе представить.

Вот два характерных случая: Наполеон остался недоволен испано-португальским договором, ликвидировавшим «померанцевую войну» и предусматривавшим лишь нейтралитет Португалии при сохранении целости ее территорий; он заставил Карла IV отказаться от ратификации этого договора. Годой рассердился и потребовал от французов эвакуации занятых ими испанских областей. Тогда Наполеон заявил испанскому послу Асаре: из поведения Годоя он может лишь заключить, что их католическим величествам (т.е. испанской королевской чете) надоело сидеть на троне и они желают разделить судьбу остальных Бурбонов. Намек подействовал, и Годой смирился. Португалии же пришлось подписать тяжелый мир с Францией, отдать ей Гвиану, заплатить 25 млн. франков контрибуции и заключить невыгодный торговый договор.

Несколько позднее, при переговорах с Англией, Наполеон уступил ей остров Тринидад, даже не спросив о том владельца острова — Испанию. Годой возмутился, но на этот раз дальше ноты протеста не пошел. Тем не менее Наполеон заявил испанскому послу, что он крайне недоволен «князем мира» и что если так будет продолжаться, то, «наконец, ударит молния». Годой перепугался и перешел от высокомерия к подхалимству. В 1811 он окончательно стал орудием Наполеона, стараясь ташь извлечь возможно больше выгод лично для себя.

В ноябре 1803 г. Испания вынуждена была заключить с Францией новый договор, который опять вовлек ее в войну с Англией. На этот раз катастрофа была еще ужаснее, нем в 1797 г.: в знаменитой битве при Трафальгаре (20 октября 1805 г.) Нельсон разгромил соединенный франко-испанский флот, положив конец всем мечтаниям Наполеона о вторжении в Англию. Что касается Испании, то теперь она оказалась совершенно безоружной на море, и это чрезвычайно остро поставило вопрос о ее колониальных владениях в Америке, а стало быть, и о ее положении, как великой мировой державы.

В самом деле, успешная борьба английских колоний в Северной Америке за свою независимость, приведшая к образованию США (1775—1783), оказала сильное влияние на население испанских колоний в Америке, где уже давно тлел огонек недовольства против Мадрида. По мере экономического развития испанской Америки этот огонек разгорался все сильней, а восстание английских колонистов подействовало на него, как сильная струя воздуха из кузнечного меха. Чтобы дальнейшее было лучше понятно, мы должны здесь ознакомиться с некоторыми цифрами и фактами, относящимися к внутреннему положению в испанских колониях на рубеже XIX века.

Все население испанской Америки в это время достигало примерно 14—15 млн. человек, т.е. несколько превосходило население самой метрополии. Оно подразделялось на следующие основные группы:

Испанцы из метрополии (главным образом верхушка гражданской, военной и духовной администрации колоний)	около 300 тыс.
Креолы, т. е. местные испанцы (главным образом помещики, буржуазия, среднее и низшее чиновничество, интеллигенция)	около 2 млн.
Метисы и мулаты, т.е. потомки испанцев и индейцев или испанцев и негров (главным образом лавочники, ремесленники и т. п. представители мелкой буржуазии, лично свободные, но неполноправные)	около 5 млн.
Индейцы, т. е. старинные аборигены страны (главным образом полукрепостные крестьяне, обрабатывавшие поместья креолов)	около 7 млн.
Негры, привезенные из Африки (главным образом рабы, занятые на плантациях или в домашнем хозяйстве креолов)	около 700 тыс.
Всего	около 15 млн.[1]

А. М. Малинский
ИСПАНИЯ 1808–1917
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Среди колониального населения имелись два основных очага недовольства:

Во-первых, индейцы, которые ненавидели всех «белых» вообще — как испанцев из метрополии, так и креолов — и хотели их изгнания из Америки; к индейцам примыкали негры-рабы, хотя между теми и другими на национальной почве нередко возникали трения, нарочно раздувавшиеся испанцами.

Во-вторых, креолы, которые чувствовали себя господствующим классом в колониях и хотели быть хозяевами у себя дома, на каждом шагу наталкивались на суровую руку метрополии.

Креолы в особенности протестовали против трех вещей: Против недопущения их к высшим постам колониальной администрации, против тяжести налогов в пользу метрополии и против монополии испанских купцов в области товарооборота колоний с внешним миром. Отсюда естественно вытекало враждебное отношение креолов к 300-тысячной группе испанцев из метрополии, являвшихся «чужеземной» аристократией колониального общества.

Метисы и мулаты, как и полагается «средней» прослойке («средней» в социальном и национальном смысле), занимали в борьбе колоний с метрополией колеблющуюся позицию.

Восстание английских колоний в Северной Америке дало толчок народному движению в Перу (1780—1782) и Новой Гранаде, т. е. нынешней Венесуэле (1781—1782).

В Перу знамя борьбы подняли индейцы, которые под руководством талантливого вождя Тупак-Амару сформировали армию в 60 тыс. человек и поставили на край гибели испанское владычество в этой стране.

Тупак-Амару старался привлечь на свою сторону креолов и запрещал индейцам грабить и убивать помещиков; на первых норах ему удавалось поддерживать единый креоло-индейский фронт. Но затем вековая ненависть индейцев к своим угнетателям прорвала все плотины, и креолы в испуге перекинулись на сторону колониальной администрации. Это имело роковое значение для восстания. Испанские власти при поддержке креолов подавили движение индейцев, а Тупак-Амару погиб на эшафоте.

В Новой Гранаде инициатива борьбы исходила от креолов, раздраженных резким повышением налогового обложения, продиктованным из Мадрида; их энергично поддержала масса метисов и мулатов. В ряде городов колонии (Сокорро, Симакота, Сан-Хил и др.) повстанцы низложили испанские власти, воздали свои собственные комитеты, сформировали 20-тысячную армию и подступили к столице Новой Гранады городу Боготе. К креолам примкнули тысячи негров и индейцев, частично организованных в самостоятельные вооруженные отряды. Повстанцы легко могли бы взять Боготу, в которой почти не было испанских войск, но тут в рядах наступающих обнаружился раскол. Правое большинство креолов, во главе с помещиком Бербео, испугалось участия в движении демократических элементов, в особенности негров и индейцев, и пошло на компромисс с испанскими властями. После этого блок испанцев и правых креолов разгромил индейцев и негров, а также левое меньшинство креолов, руководимое Галаном. Десятки тысяч «цветных» были зверски убиты, а Галан и его соратники казнены.

Одновременно в Чили и на Кубе среди креолов возникли заговоры, имевшие целью низвержение испанского господства, но они были открыты прежде, чем их участники успели перейти к действиям, и серьезных последствий для метрополии не имели.

Революционные движения 1780—1782 гг., в судьбе которых столь важную роль сыграли социальные и национальные противоречия колониального общества, явились поворотным моментом в борьбе испанской Америки за свою независимость. Во время этих движений креолы-помещики оказались между Сциллой владычества метрополии и Харибдой индейско-негритянских восстаний. Участие в борьбе «цветных» масс и открывавшиеся тут перспективы напугали хозяев поместий и плантаций и отбили у них охоту повторять только что проделанный опыт. Это отнюдь не значит, что креолы отказались от своей борьбы. Наоборот, как раз теперь, вдохновляемые примером США, они окончательно перешли на путь сепаратизма и поставили своей целью отделение от метрополии и достижение полной самостоятельности. Однако в методах, применяемых для осуществления этой цели, произошла радикальная перемена. Отныне креолы сосредоточили свои главные усилия на двух вещах: 1) на создании в колониях сравнительно немногочисленных тайных организаций вооруженной креольской молодежи; и 2) на получении помощи в своей борьбе против метрополии от иностранных государств, находящихся во враждебных отношениях с Испанией.

Особенно большое значение креолы придавали второму моменту, и, действительно, на протяжении последующей четверти века их представители, среди которых первое место занимал выходец из Новой Гранады Франсиско Миранда, старались «заинтересовать» своей борьбой три великие державы той эпохи — Россию, Францию и Англию, а также только что родившиеся США. В зависимости от быстро менявшихся международных ситуаций креолы пытались получить поддержку то от той, то от другой страны, однако долгое время их усилия не приводили к решающим результатам.

Так в 1783—1784 гг. Миранда, бежавший в США от преследований испанских властей, вел переговоры с руководителями американской политики о разрешении организовать здесь 5-тысячный отряд волонтеров, который затем вторгся бы на территорию испанской Америки. Однако эти переговоры окончились ничем: США, только что выдержавшие восьмилетнюю войну с Англией, не хотели втягиваться в новые международные осложнения, — тем более, что Испания, как упоминалось выше, оказывала им поддержку в борьбе против метрополии

В 1786—1787 гг. тот же Миранда посетил Россию, был весьма тепло принят Екатериной II и вел с ней переговоры о русской помощи испано-американским сепаратистам. Екатерина II отнеслась очень сочувственно к его планам. Как раз во второй половине XVIII века русские купцы и промышленники, оперировавшие в Восточной Сибири, стали проникать на американский континент: сначала в Аляску (1761), затем все дальше на юг вдоль тихоокеанского берега Канады и США. Постепенно здесь возникла цепь деревянных русских «острогов», которая несколько позднее, уже при Александре I, протянулась до нынешнего Бодэга-Бей, т.е. почти до Сан-Франциско. Хотя в 80-х годах XVIII столетия русское проникновение еще не зашло так далеко, однако в предвидении его Екатерина II считала весьма вероятным, что в не особенно отдаленном будущем русские, двигаясь с севера, столкнутся здесь с испанцами, двигающимися с юга (со стороны Мексики), и находила нужным заранее принять меры к ослаблению Испании в Новом Свете. Исходя из этих соображений, Екатерина готова была поддержать креолов-сепаратистов и потому оказала столь демонстративное внимание Миранде[20]. Больше того, она решила послать в Тихий океан эскадру под командой капитана Г.И.Муловского, с которой должен был отправиться и Миранда. Все было готово для осуществления этого плана, но война с Турцией, вспыхнувшая в 1787 г., заставила Екатерину отказаться от своего намерения.

В 1792—1793 гг. креолы-сепаратисты возлагали большие надежды на революционную Францию, находившуюся тогда в обостренных отношениях с Испанией. В свою очередь французское правительство, во главе которого в этот период стояли жирондисты, носилось с идеей «революционизирования» испанской Америки в целях нанесения удара Мадриду. С Мирандой, ставшим тем временем генералом французской республиканской армии, велись переговоры о руководстве таким движением. Однако из этих проектов ничего не вышло, ибо Франция была занята своими европейскими делами и не могла уделить достаточно внимания Америке. А после договора 1796 г. в Сан-Ильдефонсо, превратившего Испанию в орудие французской политики, Париж вообще не был заинтересован в ослаблении своей вольной или невольной союзницы.

Начиная с 1798 г. креолы-сепаратисты стали связывать свои основные расчеты с Англией, и, надо прямо сказать, тут они нашли гораздо более благодарную почву для своих планов, чем в Вашингтоне, Петербурге и Париже. Причина была ясна: Англия хотела и могла сделать для независимости испанских колоний в Америке гораздо больше, чем три другие державы вместе взятые. Англия хотела это сделать отчасти в порядке мести за испанскую помощь восстанию ее американских колоний, а еще более потому, что британские купцы уже давно стремились широко открыть для себя рынки испанских колоний в Америке; в середине XVIII века контрабандная торговля англичан с этими колониями превосходила легальную торговлю с ними испанской метрополии; легко понять, как много выиграла бы английская торговля, если бы независимость испанских колоний раз навсегда уничтожила привилегии испанских купцов. Англия могла это сделать, потому что она располагала самым сильным флотом и даже до Трафальгара держала под своим контролем морские коммуникации Испании с ее американскими колониями.

При таких условиях неудивительно, что в 1798 г. в Лондоне начались переговоры с Мирандой и другими испано-американскими сепаратистами. В основу переговоров был положен план Миранды, выдвинутый им еще в 1790 г., но по разным причинам не принятый тогда британским правительством. Этот план предусматривал превращение всей освобожденной испанской Америки в единое государство — «Колумбия», с наследственным монархом и конституцией, предоставляющей крупные привилегии классу креолов-помещиков. За свою помощь Англия должна была получить торговые привилегии и некоторые центральноамериканские территории. План 1790 г. в принципе был одобрен лондонскими политиками, однако переговоры о его реализации шли очень медленно в связи с раз личными международными и внутригосударственными переменами. Но все-таки Англия ясно показала, что всерьез думает о ликвидации испанского владычества в Америке и лишь выжидает для этого благоприятного момента.

В такой обстановке разыгралась Трафальгарская битва, в результате которой испанский военный флот перестал существовать. Теперь море было только в руках англичан Связь Испании с ее колониями прервалась и не могла быть скоро восстановлена. Фактически колонии стали независимы, хотя де-юре еще сохранялась фикция испанского господства. Создавшимся положением воспользовалась Англия для усиления своего влияния. На повестку дня со всей остротой был поставлен вопрос о будущем испанской колониальной империи.

Это вызвало сильнейшее потрясение в Мадриде. Ибо фактическая потеря испанской Америки являлась не только тяжелым ударом по политическому престижу Испании, но имела также самые серьезные экономические последствия. В течение веков Испания получала из своих американских колоний большие количества драгоценных металлов и сырья, составлявших важную статью в ее народнохозяйственном обороте[21]. Даже в конце XVIII столетия она имела крупный доход со своих заокеанских владений, помогавший ей штопать все увеличивающиеся дыры бюджета. Об этом могут свидетельствовать хотя бы такие примеры: в 1786 г. испанский вывоз в Америку составил 382 млн. реалов, а испанский ввоз оттуда — 622 млн. реалов, — иными словами, метрополия получила от своих колоний около 250 млн. реалов неоплаченных ею ценностей; в 1802 г., сразу после заключения Амьенского мира между Францией и Англией, только в один Кадис было везено из Америки различных ценностей на сумму 1627 млн. реалов, накопившихся за время частичного перерыва сношений с колониями из-за войны между Испанией и Англией. Легко понять поэтому, какие мрачные перспективы открывал пред Испанией разгром, понесенный ею при Трафальгаре.

В этой все более сгущающейся атмосфере, теснимый внешними и внутренними затруднениями, Годой возложил все свои упования на Наполеона. Он стал его униженным слугой и не скупился на проявления самого низкого подхалимства. В переписке с императором Годой называл себя «предметом милости вашего величества, орудием вашего благоволения». Из своего коленопреклоненного положения Годой старался выжать максимум выгоды для самого себя. Так, с конца 1806 г. он стал носиться с планом стать королем Португалии. Наполеон был не прочь до известной степени пойти ему навстречу. В результате, при содействии Талейрана, 27 октября 1807 г. в Фонтенбло был подписан тайный договор между Францией и Испанией о разделе Португалии: большая и лучшая часть Португалии (около 2 млн. жителей) отходила к Франции, а для Годоя выделялась под опереточным именем Альгабрии маленькая территория с 400 тыс. жителей, которым предстояло сомнительное удовольствие получить в качестве «обожаемого монарха» любовника испанской королевы.

Однако в то самое время, как совершались все эти события, из недр испанского двора выросла еще одна интрига, которой суждено было не только воспрепятствовать осуществлению планов Годоя, но и в чрезвычайной степени ускорить наступление решающего часа для Испании.

Незадолго до подписания договора в Фонтенбло королева Мария-Луиза, стремясь упрочить положение своего любовника, убедила Карла IV подписать завещание, в котором заявлялось, что наследник Фердинанд может считаться совершеннолетним лишь по достижении 30-летнего возраста. Это завещание, противоречившее здравому смыслу и не имевшее никаких оснований ни в законе, ни в обычаях, должно было в случае смерти короля, здоровье которого ухудшилось, обеспечить Годою еще несколько лишних лет власти. Узнав об интриге матери, Фердинанд пришел в бешенство. Он решил действовать и в качестве контрхода вошел в секретные сношения с Наполеоном. В полном унизительного пресмыкания письме он просил французского императора о согласии на его брак с принцессой из рода Бонапартов (первая жена Фердинанда Мария-Антония Неаполитанская умерла в 1806 г.). Шаг, предпринятый Фердинандом, стал известен Годою. Почувствовав опасность, он решил не стесняться в средствах. По требованию Годоя Карл IV подверг наследника аресту. Перепуганный Фердинанд адресовал отцу и матери покаянные письма, в которых заявлял, что «признает себя виновным», что «выдал всех соучастников» и что «целуя ноги» своих родителей, смиренно молит о прощении[22]. Прощение ему в конце концов было дано, но вся эта история очень быстро стала достоянием гласности и была опубликована в испанских и иностранных газетах. Престижу династии был нанесен удар, а Годой, сообщая обо всем французскому императору, писал даже, что Фердинанд замышлял низложение отца и убийство матери.

Гнусная склока в королевской семье явилась последней каплей, переполнившей сосуд. Картина разложения, которую представляла правящая и аристократическая Испания, была столь ярка, что Наполеон пришел к выводу о полной беспомощности этой страны. Он только что заключил Тильзитский договор. С Россией — одним из двух его главных врагов — был установлен временный мир. Можно было направить удар против другого главного врага — Англии. Континентальная система, которая теперь стала проводиться с особенной строгостью, имела целью подорвать экономическую мощь Великобритании. Но этого было мало. Дополнительные мероприятия должны были показать Лондону опасность гнева императора. Среди них видное место занимало покорение Португалии, старинной союзницы Англии Конечно, для этого французским армиям нужно было пройти через Испанию, — но стоило ли смущаться такой мелочью? Стоило ли вообще сохранять фикцию испанской независимости и терпеть Бурбонов в Мадриде? Не лучше ли было бы заодно с португальскими «урегулировать» также и испанские дела, посадив на испанский трон вполне своего человека? Эти вопросы со всей остротой встали пред Наполеоном после Фонтенбло, и он решил их в пользу порабощения Испании. Ему казалось, что такая операция не представит никаких затруднений. Он видел пред собой только испанский двор, испанскую аристократию, в конец разложившиеся и немощные, и был уверен, что с их стороны ему нечего опасаться какого-либо сопротивления. В этом Наполеон не ошибался. Но он не видел, да и

не хотел видеть испанского народа, в котором веками накопившиеся запасы взрывчатой энергии как раз теперь стали переходить из стадии количественной в стадию качественную. И тут Наполеон сделал одну из величайших ошибок своей жизни.

Как бы то ни было, но, подписав договор в Фонтенбло, французский император дал приказ о наступлении на Португалию. Лавина тронулась и покатилась, набираясь с каждым мигом все грозней и неудержимей...

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808—1917
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
Москва. Издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Libre for Ru. Проект Руниверсалис 2009

НАПОЛЕОН и БУРБОНЫ (1808)

После подписания договора в Фонтенбло французский маршал Жюно, во главе 25-тысячной армии, выступил против Португалии и, пройдя через север Испании, в конце ноября 1807 г. оккупировал Лиссабон. Португальский король со всем семейством бежал в Бразилию. Декретом Наполеона от 1 февраля 1808 г. было объявлено о низложении Браганцкой династии. Затем французы создали новое португальское правительство во главе с Жюно. Португалия фактически стала французской провинцией. Англии на этом участке фронта был нанесен быстрый и сокрушительный удар.

Казалось, португальские дела были «урегулированы» в желательном для Наполеона смысле и больше никаких военных действий на Пиренейском полуострове ожидать не приходилось. Тем не менее Наполеон продолжал концентрировать свои силы на испанской границе. Больше того, под предлогом посылки подкреплений Жюно он стал занимать один за другим стратегически важные пункты северной Испании. В марте 1808 г. численность французских войск на испанской территории достигла 80—100 тыс. человек, между тем как численность всей испанской армии не превышала и половины этого количества[23]. В довершение всего главнокомандующим французскими силами в Испании был назначен знаменитый Мюрат, который в соответствии с инструкциями Наполеона начал наступление в сторону Мадрида. Перепуганный Карл IV молил французского императора объяснить свои действия, но Наполеон уклонялся от прямого ответа, в то время как его армии все ближе подходили к испанской столице. Наконец Мюрат остановился неподалеку от Мадрида, и зловещие слухи о его намерениях поползли по стране.

Двор в этот момент находился в Аранхуэсе. После договора в Фонтенбло оппозиция против Годоя стала принимать все более бурные формы. Тщетно «князь мира» пытался разрядить атмосферу с помощью либеральных жестов, вплоть до распродажи с благословения папы части церковных имуществ — ничто не помогало. Мера терпения широких общественных кругов, включая видные группы аристократии и духовенства, переполнилась. Все требовали отставки временщика, приведшего Испанию к ее унизительному положению. Ненависть к Годою рикошетом отразилась и на королевской чете. Ее имя было окружено самыми грязными и скандальными слухами; ее престиж пал до нуля; ее ближайшие клевреты стали отворачиваться от нее; когда при дворе однажды было устроено торжественное молебствие по случаю мнимого избавления Карла IV от якобы грозившей ему «опасности»[24] на богослужение явилось только четыре гранда. Атмосфера в конце концов накалилась до такой степени, что королевская чета вкупе с «князем мира» сочли больше невозможным оставаться в Мадриде. Они прятались в загородных дворцах, и в момент подхода Мюрата к столице находились в Аранхуэсе.

Движение французов вызвало при дворе панику. Король и королева не знали, что делать. Годой предложил план побега в Америку, — они согласились. Начались спешные приготовления к отъезду. Слухи о готовящемся событии очень быстро просочились в массы и вызвали здесь большое волнение. В Мадриде тоже узнали о намерениях двора, и тысячи столичных жителей повалили в Аранхуэс для поддержки местного движения. 17 марта огромная толпа окружила и разгромила дворец Годоя в Аранхуэсе. Сам «князь мира» с трудом спасся на чердаке, под кучей рогож, где он провел 36 часов без пищи и воды. На следующий день, 18 марта, Годой все-таки попал в руки народа. Под громкие крики «долой колбасника»[25] с ним хотели покончить.

Гвардейская стража с трудом отбила Годоя у толпы и увела себе в казармы. Король и королева были в отчаянии и униженно молили сына спасти Годоя. Фердинанд явился в казармы и даровал Годою жизнь, но арестовал его и пообещал народу сурово наказать временщика. Это не удовлетворило массы, и требование головы Годоя огласило улицы столицы. Дом его в Мадриде был разрушен до основания, его родственники и друзья подверглись преследованиям. Тогда вконец перепуганный Карл IV решил прибегнуть к крайнему средству: 19 марта он отрекся от престола в пользу своего сына Фердинанда. В изданном по этому поводу декрете Карл IV заявил, что «по зрелом размышлении», и вполне «свободно» он пришел к выводу о необходимости сложить с себя корону, так как де «застарелая болезнь» настоятельно требует от него перехода «в более спокойный климат частной жизни»[26]. Решение Карла IV несомненно спасло жизнь Годою, ибо внимание масс сразу было отвлечено от ненавистного временщика, а затем Наполеон, конечно не без задних мыслей, вытребовал его во Францию. Таким образом Годою удалось ускользнуть от давно заслуженного им возмездия.

Одновременно с опубликованием декрета о своем отречении Карл IV с истинно бурбонским вероломством отправил Мюрату слезницу с просьбой о помощи. Мюрат не остался глух к королевскому призыву. 20 марта он вступил в Мадрид и потребовал, чтобы Фердинанд воздержался от провозглашения себя монархом впредь до решения Наполеона. Но Фердинанд не послушался Мюрата. В монархических странах вообще существует склонность окружать известным ореолом имя наследника. Все по тем или иным причинам недовольные существующим королем обычно возлагают оптимистические надежды на его будущего преемника. В данном случае положение усугублялось всеобщей ненавистью к Годою (а благодаря ему и к Карлу IV с женой), причем было широко известно, что Годой и Фердинанд смертельные враги. Все это создавало Фердинанду — одному из гнуснейших представителей Бурбонов — совершенно незаслуженный престиж и превращало его имя в знамя протеста против господства камарильи. Вот почему широкие общественные круги с восторгом приветствовали отречение Карла IV и воцарение Фердинанда VII. Это придало смелости новому королю и он, вопреки воле Мюрата, торжественно, как монарх, вступил в Мадрид и сформировал свое собственное правительство.

Тогда Карл IV, по согласованию с Мюратом, 21 марта, т.е. ровно через два дня после своего отречения, опубликовал новый манифест, в котором заявлял, что его «декрет от 19 марта... является вынужденным» и потому должен «рассматриваться как не имеющий никакой силы»[27]. Этот акт старого короля имел последствием новый взрыв вражды между отцом и сыном а сверх того крайне запутал внутреннее положение в Испании: теперь становилось уже совершенно непонятным, кто же является законным королем — Карл IV или Фердинанд VII.

Наполеон решил, что настал момент для окончательной ликвидации испанских Бурбонов. Он повел дело со свойственными ему хитростью и энергией, разыграв при этом беспримерный политический фарс, равный которому трудно найти в европейской истории.

Первым актом этого фарса было приглашение Наполеона, переданное Фердинанду через Савари, приехать в Байонну (город на франко-испанской границе) для переговоров о том, дому же сидеть на испанском троне. Наполеон при этом несколько туманно намекал, что готов поддержать претензии сына, но уклонился от дачи каких-либо связывающих обещаний. Тем не менее Фердинанд решил поехать на поклон императору. Это вызвало бурные протесты в общественных кругах Испании, но Фердинанд все-таки тронулся в путь. В Мадриде на время своего отсутствия он оставил временное управление в лице так называемой Правительственной хунты под председательством своего дяди Антонио Паскуаля. Чем дальше к северу продвигался Фердинанд, тем громче становились всеобщие протесты. В конце концов даже он вынужден был обратить на них внимание. Фердинанд остановился в Витории, неподалеку от испано-французской границы, и отсюда 14 апреля отправил Наполеону подхалимское письмо, в котором униженно просил его внести ясность в положение, т.е. прямо сказать, кого же он хочет видеть на испанском престоле. Заверяя Наполеона в своей «лояльности и привязанности», Фердинанд смиренно заключал: «Я убедительно прошу Ваше императорское величество прекратить горестную ситуацию, в которую я повергнут Вашим молчанием, и благоприятным ответом рассеять Живое беспокойство, причиненное моим верным подданным слишком продолжительной неопределенностью положения»[28]. Однако в расчеты Наполеона как раз меньше всего входило «прекращение горестной ситуации». Наоборот, оказавшись в роли арбитра между отцом и сыном, он предпочитал держать все карты в своих руках и до поры до времени делать положение возможно более неясным. Вот почему в ответ на униженное обращение Фердинанда он адресовал ему длинное письмо, полное философско-сентиментальных рассуждений, а по основному вопросу, интересовавшему его корреспондента, отделался формулой в стиле дельфийского оракула: «если отречение короля Карла добровольно, если оно не вынуждено бунтом в Аранхуэсе, то я не препятствую ему и признаю вас королем Испании»[29]. Таким образом руки Наполеона остались свободными.

Не добившись ничего, Фердинанд все-таки решил продолжать свое путешествие. Народ сделал еще одну попытку предотвратить его предательский шаг: в последний момент, когда поданы были экипажи, толпа окрестных крестьян окружила их, перерезала постромки и заявила, что не пустит дальше «обожаемого монарха». Однако сопровождавшая Фердинанда стража разогнала крестьян и повезла его дальше к северу. В Ируне, на самой французской границе, испанские судовладельцы умоляли Фердинанда бежать и воспользоваться услугами крейсировавшего поблизости английского военного судна, но Фердинанд испугался и отклонил это предложение. Наконец 23 апреля Фердинанд вступил на территорию Франции и тут его постигло первое разочарование: он ждал торжественной встречи, подобающей особам королевского дома, а вместо этого Наполеон оказал ему прием, как простому путешественнику. Фердинанд пришел в негодование, но было уже поздно: отныне он находился целиком в руках французского императора. А император начал теперь вносить в положение ту ясность, в которой он отказывал Фердинанду еще несколько дней назад. Без дальнейших околичностей он передал последнему, что решил раз навсегда освободить Испанию от Бурбонов — этих бездарных правителей и его непримиримых врагов. Он не будет возражать, однако, если Фердинанд, женившись на принцессе

из дома Бонапартов, станет королем Этрурии (т.е. Тосканы). Это было новое и еще горшее разочарование для Фердинанда.

Затем открылся второй акт задуманного Наполеоном фарса. Когда Фердинанд отправился в Байонну, Карл IV и его жена пришли в страшное волнение, боясь, как бы он не привлек императора на свою сторону. Чтобы воспрепятствовать этому, королевская чета, особенно Мария-Луиза, тоже стала рваться в Байонну. Теперь Наполеон пустил в ход спасенного им Годоя: следуя инструкциям своего хозяина, «князь мира» писал Карлу IV дружеские письма, убеждая его прибыть во Францию и во всем положиться на решение императора. Результат не заставил себя ждать: Карл и Мария-Луиза тоже отправились на поклон Наполеону, где они вновь встретились с столь любезным их сердцу Годоем. Желая еще больше разжечь ненависть между отцом и сыном, Наполеон в пику Фердинанду устроил Карлу IV торжественную встречу: стреляли пушки, звенели колокола, почетная стража отдавала прибывшим положенные по чину салюты. Затем император пригласил гостей на большой прием в своей резиденции: присутствовали Карл IV и Фердинанд — каждый со своим окружением. Наполеон же разыгрывал роль божественного судьи, призванного вынести решения в споре между этими презренными выродками Бурбонской династии. А сами выродки, точно нарочно, спешили на глазах у всех продемонстрировать всю свою пошлость и убогость. Когда по окончании приема Фердинанд хотел удалиться вместе с отцом, Карл IV отстранил сына и с горячностью воскликнул: «Или ты еще не довольно посрамил мои седины». И тут же демонстративно обнял стоявшего рядом «князя мира».

Личная встреча с испанскими Бурбонами убедила Наполеона, что ему совершенно нечего стесняться: эти жалкие людишки оказались еще более ничтожными, чем он себе их ранее представлял. План императора был быстро перестроен. Не стоило жертвовать Этрурией ради Фердинанда. Вместо этого ему было просто предложено отказаться от короны в пользу своего отца. Фердинанд пробовал было возражать, но Наполеон пригрозил ему суровыми мерами, и Фердинанд немедленно капитулировал. Затем Карлу IV было предложено вызвать из Мадрида еще остававшихся там членов своей семьи — младшего сына Франсиско, дочь Марию-Луизу и родственника Антонио Паскуаля — председателя Правительственной хунты (второй сын, дон Карлос, еще раньше прибыл во Францию). Карл IV. Немедленно отправил всем им письма с предложением срочно выехать в Байонну. Однако при осуществлении этого приказа произошли крупные осложнения, непредвиденные ни Наполеоном, ни Бурбонами: они были вызваны первым серьезным вмешательством народа в ход событий, вмешательством, явившимся исходной точкой той великой исторической бури, которая, будучи подготовлена всем предшествующим развитием, как раз в этот момент надвигалась на страну.

1 мая 1808 г. Мюрат передал письмо Карла IV Правительственной хунте для исполнения. Хунта колебалась и не знала, что делать. Тем временем весть о предстоящем отъезде членов Королевской семьи распространилась по столице и вызвала глубокое волнение среди ее населения. Королевская династия являлась для него символом независимости родины, и удар, занесенный сейчас над головой династии, воспринимался им, как роза этой независимости. Но в то время, как народ готов был отстаивать самостоятельность страны с оружием в руках, представители господствующего класса либо топтались на месте, что занимали просто предательскую позицию.

2 мая в Мадриде вспыхнуло восстание. Мюрат располагал 25-тысячной армией, испанский гарнизон столицы не превышал 3 тыс. Однако если бы этот гарнизон смело и решительно встал во главе народа, еще неизвестно, чем кончилась бы борьба. Но командиры испанских войск, а также военный министр Фердинанда О'Фарриль боялись народа и не хотели поддержать его движение. В результате тысячи простых людей — ремесленников, рабочих, интеллигентов, служащих, лавочников и т.п. — без оружия, без организации, без надлежащего руководства в течение целого дня героически сражались против вооруженных до зубов французов. Но силы были слишком неравны, а Мюрат действовал с исключительной жестокостью: свыше тысячи испанцев было убито, многие сотни поплатились жизнью по приговору тут же заседавших военно-полевых судов. К ночи восстание было подавлено, а два дня спустя все члены Бурбонской семьи под надежной охраной отправлены во Францию. Мюрат стал президентом Правительственной хунты и объявил себя наместником Карла IV. Все старые королевские власти поспешили ударить ему челом, причем особенно отличилась инквизиция. В специально разосланном циркуляре она резко выступала против «революционных выходок, которые, прикрываясь маской патриотизма и любви к королю», разрывают «узы верности и повиновения» короне.

Теперь, когда вся Бурбонская династия оказалась за пределами Испании и в руках Наполеона, император уже без труда провел заключительную сцену из ловко разыгранною им политического фарса. Карлу IV было приказано — и он это беспрекословно исполнил — «уступил» свою корону Бонапарту. В грамоте, обращенной к Наполеону, Карл IV писал, что французский император является «единственным государем, который способен при нынешних условиях восстановить порядок». В свою очередь Наполеон обязывался соблюдать целость Испании,

независимость посаженного им на престол короля и поддерживать безусловное господство в стране католической религии.

В награду за доброе поведение Наполеон подарил Карлу IV императорский замок в Компьене и определил ему содержание в 30 млн. реалов в год. Здесь бывший король имел полную возможность заниматься своей любимой охотой и продолжать «menage en trois» с женою и Годоем[30]. Фердинанд же с младшими братьями и свитой был отправлен в замок Талейрана Важнее, где он тоже мог предаваться свойственным ему удовольствиям. С неподражаемым презрением к своим испанским «гостям» Наполеон давал следующие инструкции хозяину замка: «Я желаю, — писал император, — чтобы было сделано все для забавы этих принцев. Если у вас есть театр и вы пригласите несколько комедиантов, то это будет не лишнее. Вы можете также привезти туда госпожу Талейран да еще четыре-пять дам. Если бы принц Астурийский (т.е. Фердинанд) привязался к какой-нибудь хорошенькой девочке, это было бы недурно, в особенности, если на нее можно положиться. Для меня чрезвычайно важно, чтобы он не наделал глупостей. Поэтому, я желаю, чтобы его занимали и забавляли»[11].

Очистив испанский трон от Бурбонов, Наполеон приступил к мерам по его замещению своим кандидатом. Выбор императора пал на его старшего брата Жозефа Бонапарта, бывшего в то время неаполитанским королем. Наполеон отправил ему поэтому поводу следующее лаконическое предписание: «19 мая ты получишь это послание; 20-го ты выедешь; 1 июня будешь здесь». Жозеф Бонапарт повиновался брату, но без большого энтузиазма. Не в пример Наполеону, это был человек, почти лишенный честолюбия, любитель тихой жизни, поклонник искусства и литературы. Бурная карьера брата втянула его в водоворот всемирно-исторических событий, но не разбудила в нем властолюбивых инстинктов. Испанский трон пугал Жозефа Бонапарта своими скрытыми опасностями, хотя на первых порах он ждал их не с той стороны, откуда они действительно пришли. Однако, повинуясь воле Наполеона, Жозеф прибыл в Байонну и стал готовиться к своей новой роли.

Для Испании наступил час великого испытания. Как же повел себя при этом ее господствующий класс? В своем подавляющем большинстве он обнаружил глубокую внутреннюю гнилость. У него не нашлось ни дальновидности, ни мужества, ни патриотизма. Он не только не стал во главе народа для отпора иноземным завоевателям, но, наоборот, раболепно пал на колени пред французским императором. Тем самым он на все времена покрыл свое имя несмываемым позором.

Действительно, в середине июня в Байонне по приглашению Наполеона собрались представители испанской знати — светской и духовной — для того, чтобы приветствовать нового короля и принять участие в выработке конституции. Вместо ожидавшихся 150 делегатов явилось только 91 — часть грандов ввиду начавшейся народной войны против французов предпочитала до поры до времени соблюдать «нейтралитет», но зато те, которые приехали, с лихвой восполняли недостаток числа излишеством раболепия. К.Маркс в своей работе «Революционная Испания» приводит изумительные образчики этого аристократического низкопоклонства. Так, глава испанских представителей герцог Инфантадо, обращаясь к Жозефу, воскликнул: «Государь, гранды Испании всегда славились верностью своему королю, так же и теперь ваше величество найдет в них прежнюю верность и привязанность».

Другие уверяли брата Наполеона, что он является «главным отпрыском фамилии, самим небом предназначенной к господству». В том же духе были выдержаны и прочие приветствия[32].

Но если по части изъявлений подхалимства испанским грандам была предоставлена самая широкая свобода, то совсем иначе обстояло дело с вопросом о выработке конституции. Им, правда, вручили проект конституции, подготовленный самим Наполеоном, но прения по нему носили совершенно анекдотический характер. По существу гранды должны были просто принять и действительно приняли тот документ, который они получили от французов. Сущность его сводилась к следующему:

Испания объявлялась конституционной монархией; наряду с королем создавались кортесы, в которых из 172 членов 80 назначались королем из списков кандидатов, представленных высшими правительственными учреждениями, торговыми палатами и университетами, — остальные депутаты избирались ограниченным кругом знатных и богатых людей; компетенция кортесов не была точно определена; заседания их происходили за закрытыми дверями; кроме кортесов, имелся еще 24-членный сенат, пожизненно назначавшийся королем из числа высших военных и гражданских сановников. Конституция несколько ограничивала майорат, вводила гласное судопроизводство, отменяла пытки, уничтожала внутренние таможни и создавала единое гражданское и торговое законодательство, однако католическая религия признавалась государственной и единственно допустимой религией в стране. Население испанских колоний уравнивалось в правах с населением метрополии. Это была одна из тех псевдоконституций, которыми Наполеон в последний период господства слегка маскировал свою диктатуру во всех подвластных ему странах.

7 июля 1808 г. собранные в Байонне гранды торжественно присягнули пожалованной им конституции.

Затем король Жозеф сформировал свое первое правительство. Премьером был назначен Уркихо, министром иностранных дел Севальос, военным министром О'Фарриль, министром финансов Кабаррюс. В награду за измену родине министерские посты получили те самые люди, которые еще совсем недавно составляли окружение Фердинанда.

Наполеон усиленно зазывал к себе Ховельяноса, который незадолго перед тем был освобожден из своего заключения, однако старый просветитель категорически отказался от всех предложений новой власти.

9 июля Жозеф покинул Байонну. 20 июля в сопровождении испанских войск и блестящей свиты из испанских грандов он вступил в Мадрид. И Наполеон, и Жозеф, и гранды думали, что дело сделано и что отныне Испания станет покорным вассалом Франции подобно многим европейским государствам. Но они составляли счет без хозяина: испанский народ решил совсем иначе.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
Москва: Издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

БОРЬБА с НАПОЛЕОНОМ и ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1808—1814)

ФРОНТ

Ситуация, сложившаяся в Испании в результате пленения Бурбонской династии, потенциально носила весьма революционный характер. «Благодаря Наполеону, — писал К.Маркс, — страна избавилась от короля, королевской фамилии и королевского правительства. Были разбиты оковы, которые мешали испанскому народу проявить свою врожденную энергию»[33]. Действительно, старая центральная власть исчезла, новая еще не успела укрепиться, да и вообще, нося чужеземный костюм, имела на это мало шансов. Вместе с тем иноземное нашествие воспламенило дух испанского народа и мобилизовало все его силы и способности на борьбу. Одновременно ходом вещей в порядок дня были поставлены важнейшие проблемы внутреннего порядка: ликвидация феодализма, улучшение положения крестьянства, введение если не республиканского, то во всяком случае конституционно-монархического образа правления. Глубокий патриотический порыв подавляющего большинства нации тесно переплетался с реформаторским энтузиазмом более передовых слоев населения, опиравшихся главным образом на приморские города, и создавал, казалось — особенно в первый период борьбы, — обстановку, в которой Испания могла бы иметь свой 1789 год.

Однако, как известно, еще недостаточно иметь революционную ситуацию,— надо иметь также революционные силы, которые могли бы ее использовать. Таких сил — достаточно мощных, сознательных и организованных — в тогдашней Испании не оказалось. Здесь сказывалась ее социально-экономическая и политическая отсталость, о которой нам уже не раз приходилось говорить. Победоносной буржуазной революции в Испании не произошло: в героической борьбе испанский народ в 1808—1814 гг. сумел отстоять независимость страны, но не сумел обеспечить ее внутреннее возрождение путем ликвидации мертвящих оков феодализма.

Конкретные факты той эпохи полностью подтверждают это общее положение

2 мая 1808 г, в тот день, когда войска Мюрата на улицах Мадрида расстреливали поднявшихся испанских патриотов, алькальд (старшина) маленькой деревни Мостолеса, расположенной в нескольких километрах от столицы, разослал по всем направлениям гонцов со следующим кратким, но красноречивым воззванием: «Мадрид в настоящую минуту является жертвой французского вероломства. Отечество в опасности. Испанцы! Восстанем все для его спасения!»[34]

Этот пламенный призыв, вышедший из-под пера простого человека, прекрасно олицетворял мысли и чувства каждого подлинного испанца. В резком контрасте с трусливо-предательской позицией господствующего класса, широкие массы крестьян, рабочих, ремесленников, торговцев, интеллигентов в критический для страны час сумели подняться до высоких ступеней национально-революционного патриотизма и вписать в ее историю блестящую страницу, которой по справедливости гордится весь испанский народ.

События в Мадриде сыграли роль фитиля, приложенного к бочке с порохом.

Началось с далекой Астурии. В первых числах мая здесь, в Овьедо, создалась местная хунта, низложившая все старые власти. 24 мая под звон колоколов народ захватил арсенал и вооружился, а 25 мая хунта объявила войну Наполеону и призвала все другие города и провинции страны последовать ее примеру. Одновременно хунта приступила к формированию войска и отправила своих уполномоченных в Лондон для ведения военно-дипломатических переговоров. Их встретили в Англии с большим энтузиазмом: министр иностранных дел Каннинг уверял астурийских делегатов в своем сочувствии; в театрах и на улицах им устраивали овации; один из вождей оппозиции, Шеридан, коснувшись их визита на заседании палаты общин 15 июня 1808 г.,

воскликнул: «Свет не видал еще такого храброго, благородного, великого подвига, как это восстание астурийцев против тирана всего мира!»

Дело не ограничилось одними словами. Англия, которая как раз в это время вела тяжелую борьбу с Францией, рада была каждому новому союзнику и потому поспешила использовать вновь открывшуюся возможность. В Астурию было послано оружие, что местная хунта горячо приветствовала. В дополнение туда же были отправлены английские войска под командой Артура Уэллслея (будущего герцога Веллингтона), что местной хунте понравилось уже гораздо меньше, испанцы слишком хорошо помнили историю Гибралтара. Поэтому хунта постаралась устроить так, чтобы англичане как можно скорее ушли в Португалию. Здесь 24 августа 1808 г. при Вимейре Уэллслей нанес поражение маршалу Жюно.

Чрезвычайно бурные события разыгрались в Сарагосе, где сразу же после мадридской резни 2 мая тоже образовалась местная, хунта и началась организация вооруженных сил. 14 июня французский генерал Лефевр разбил городских волонтеров под Алагоном и на следующий день во главе 6-тысячного отряда появился перед Сарагосой Попытка Лефевра взять Сарагосу штурмом кончилась полной неудачей. Население города, вдохновляемое своим вождем Кальво де Росас, оказало французам бешеное сопротивление и принудило их к отступлению. 2 июля, получив подкрепления, Лефевр снова пытался взять Сарагосу, но вторично был отбит. Удар, полученный им, был настолько силен, что в течение целых пяти месяцев французы вынуждены были бездействовать. Только в декабре 1808 г., когда Наполеон взял в собственные руки руководство испанскими операциями, военные действия возобновились, и Сарагоса была осаждена. Она геройски защищалась в течение более двух месяцев и была занята французами только после отчаянных боев, во время которых погибла половина ее населения

Астурия и Сарагоса не были исключением. То же самое происходило повсюду. В течение весны и лета 1808 г. вся Испания покрылась сотнями местных хунт, ставших организующими центрами народного сопротивления врагу. Валенсия, Севилья, Кордова, Гранада, Кадис, Корунья, Вальядолид и многие другие города открыто бросили вызов иноземному завоевателю. Везде простые испанские люди клялись в верности делу независимости и приступали к созданию вооруженных сил. Не было недостатка ни в волонтерах, ни в денежных средствах. Сотни тысяч людей предлагали свои услуги для защиты отечества, со всех сторон поступали щедрые пожертвования. Галисия мобилизовала 40 тыс., Астурия — 18 тыс., Валенсия и Севилья призвали под знамена всех мужчин в возрасте 16—45 лет, подобная же картина наблюдалась и в других провинциях. Всеобщий энтузиазм был так велик, что даже разбойники и контрабандисты выходили из своих убежищ и вливались в ряды восставшего народа. Так как король и центральное правительство исчезли, то хунты фактически превратились в революционные органы власти на местах, низложили всех старых губернаторов, судей, военачальников и т.д. и сами стали решать экономические, политические, военные и всякие иные вопросы. Аббат Д.Прадт в своих мемуарах дает следующее описание тогдашнего положения дел: «Испания представляла собой зрелище, подобное тому, которое наблюдалось во Франции в 1793 г., когда все помнили только об одном: отечество в опасности... Народ не знал никакого удержу, он оскорблял и преследовал всякого, кто пытался его просветить или успокоить... Восстания были бесчисленны: началась волна ужасных покушений против всех тех, кого капризная толпа считала сторонниками французов или людьми, относящимися прохладно к защите родины. Ее гнев особенно направлялся против военных и гражданских руководителей старого режима, пользовавшихся милостями в царствование Карла IV. В результате наступило царство всеобщего террора»[35].

Эти невольные признания одного из виднейших сановников Наполеона очень характерны. Конечно, ему не нравилось то, что в описываемое время творилось в Испании, и это явно проскальзывает в его изложении: тут и «капризная толпа», и «всеобщий террор», и неблагодарные испанцы, ополчившиеся против тех, кто желал их «просветить и успокоить». Но тем любопытнее, что Прадт не находит для сравнения иной подходящей параллели, кроме Франции 1793 г., когда еще молодая революция под угрозой первой европейской коалиции сумела разбудить во французском народе дух беспримерного патриотического подъема.

6 июня 1808 г хунта Севильи, ставшей в силу оккупации Мадрида французами временной столицей Испании, опубликовала от имени всей страны объявление войны Наполеону. Будет небезынтересно процитировать несколько наиболее характерных мест из этого замечательного документа.

Во вступительной части его перечисляются все преступления Наполеона в отношении Испании, а затем говорится: «Посему именем короля нашего Фердинанда VII и всего Народа испанского объявляем войну на суше и на море императору Наполеону I и Франции, пока она будет под его владычеством и тиранским игом, и повелеваем всем испанцам действовать против них неприятельски и делать им всевозможный вред по воинским законам, и наложить эмбарго на все французские суда, стоящие в наших портах, и на все собственности, имущества и права сему правительству или кому-либо из сего народа принадлежащие».

Напротив, заявляет манифест далее, не должно чинить «никакого затруднения или притеснения английскому народу, ни его правительству», с которым заключено перемирие и «надеемся, что будет заключен прочный и твердый мир».

Заканчивается манифест следующими словами: «Объявляем, что не оставим оружия, пока император Наполеон I не возвратит Испании нашего короля и государя Фердинанда VII и прочих коронованных особ и не почтит священных прав народа, им нарушенных, и его свободы, целости и независимости».

Под манифестом стоят две подписи — Иоанна Баптиста Пардо и Эмануила Мариа Агилара[36].

Этот манифест хорошо олицетворял и силу и слабость народного движения. Его сила была в горячем энтузиазме и твердой решимости масс бороться до конца за освобождение родины. Его слабость была в том, что символом этой свободы для масс являлся монарх, да притом еще столь гнусная личность, как Фердинанд VII.

Одновременно севильская хунта вступила в сношения с иностранными державами. В частности, 27 июля 1808 г. она направила «Обращение» к Александру I, из которого мы приведем также несколько выдержек.

«Император французов Наполеон I, — говорилось в «Обращении», — по введении своих войск в Испанию обманом, чтобы... похитить у нас и увезти во Францию с ужасным вероломством нашего короля, государя Фердинанда VII, и всю королевскую фамилию .. чтобы похитить владычество над Испанией .. и для произведения сего владычества избрать королем испанским своего брата Иосифа Наполеона, заставил нас.. поднять против него оружие. Андалусии особенно отличились в сей великодушной борьбе и имеют уже 40 тысяч старого войска и бесчисленное множество набранных крестьян».

Далее приводятся сведения о различных военных событиях предшествующих двух месяцев и сообщается, что хунта избрала «чиновника Вашего императорского величества дона Иоанна Бичилли» в качестве лица, которое может «известить Вас с точностью о истине сих деяний». Конец «Обращения» гласит: «Не сомневаемся ни на мгновенье, чтобы не защитили Испанию и не удостоили содействованием оной всеми средствами, кои великое Ваше благоразумие может Вам внушить».

Под «Обращением» собственноручные подписи 20 членов севильской хунты и большая круглая печать из бумаги с гербом и короной. Кругом надпись: «Фердинанд VII и его королевским именем Верховная Правительственная Хунта Испании и Индий, учрежденная в Севилье» Внутри печати слова «Религия, Отечество, Король».

При «Обращении» имеется сопроводительное письмо, адресованное тому самому «чиновнику... дону Иоанну Бичилли», который должен был доставить документ Александру I. Оно интересно тем, что в нем хунта делает попытку апеллировать к чисто государственным интересам России: «Верховное собрание Правления, — говорится в этом письме, — будучи убеждено, что праведное наше дело есть дело всех европейских народов и что увеличение императора французов Наполеона I на треть сея земли (к тому моменту французами была оккупирована треть территории Испании. — И.М. может служить единственно к разрушению, при пособиях сея державы, всего политического равновесия, по которой причине император должен иметь величайшую пользу в сохранении нашей независимости»[37].

Разумеется, «Обращение» севильской хунты не имело, да и не могло иметь практических результатов: Александр I был связан тильзитскими соглашениями 1807 г. с Наполеоном и до поры до времени считал необходимым их соблюдать. Однако он внимательно следил за испанскими событиями, особенно за их военной стороной и в своих инструкциях русским дипломатическим представителям в Мадриде специально подчеркивал важность получения от них подробных данных о положении на «испанском фронте»[38].

Действительно, летом 1808 г. и в дальнейшем на Пиренейском полуострове создался настоящий «фронт». Народные восстания против иноземных завоевателей приняли всеобщий характер: они вспыхивали то в Валенсии, то в Кордове, то в Галисии, то в Леоне, то в Каталонии, то в десятках других мест. Особенно бушевала Андалусия. В целях скорейшего «восстановления порядка» Наполеон рассылал во все стороны своих генералов. Уверенный, что речь идет лишь о небольших операциях полицейского характера, французский император торопил их с «замирением» страны, ибо хотел как можно скорее посадить Жозефа Бонапарта на испанский престол. Однако, вопреки ожиданиям Наполеона, дело как-то странно затягивалось и осложнялось. 13 июля 1808 г., как раз в тот момент, когда Жозеф находился в пути между Байонной и Мадридом, разыгралась даже целая катастрофа: один из лучших французских командиров, генерал Дюпон, отправленный императором на завоевание Андалусии, был окружен и взят в плен вместе со всем своим корпусом испанской армией под командой генерала Кастаньоса. Эта знаменитая битва у Байлена являлась грозным предостережением для Наполеона: правда, корпус Дюпона был невелик (он насчитывал лишь 14 тыс. человек), но моральный эффект происшедшего был громаден. Сила сопротивления испанского народа

удвоилась, французы же пришли в состояние растерянности. Эффект Байлена и народных восстаний, всего значения которых Наполеон тогда еще не понимал, сказался очень быстро.

20 июля Жозеф вступил в Мадрид. Улицы столицы были пусты, окна и двери заколочены. Многие дома вместо приветственных флагов вывесили грязные тряпки, многие колокола, бившие по приказу французов, вместо праздничного исполняли погребальный звон. Население массами уходило из Мадрида. Теперь, когда народ так недвусмысленно выразил свою волю, даже среди господствующего класса начались колебания, и кое-кто из грандов — особенно те, которые до сих пор осторожничали и выжидали, — стал переходить в оппозицию к французам. Это особенно ярко доказывал тот факт, что государственный совет Кастилии — оплот старой аристократии — отказался признать Байоннскую конституцию и принести присягу новому королю.

Жозеф и его советники были испуганы и не знали, что делать. Между тем со всех концов страны приходили все более тревожные вести: испанский народ поднялся с оружием в руках против иноземных захватчиков; вражда и ненависть к ним возрастали с каждым днем, принимая подчас чрезвычайно свирепые формы: французов ловили, убивали, распинали на крестах, сжигали на кострах, зарывали живыми в землю; сравнительно небольшие в этот период французские армии были не в состоянии справиться с положением. Нервы Жозефа в конце концов не выдержали, и 31 июля, через десять дней после своего вступления в Мадрид, он эвакуировал столицу и вместе со своей свитой и войсками ушел на север за линию р.Эбро. Наполеон был взбешен и с презрением писал брату: «Моими войсками, кажется, командуют не опытные генералы, а почтмейстеры». Жозеф отправил Наполеону пространное письмо, в котором просил о своей отставке, но император не хотел об этом и слышать.

«...Наполеон, подобно всем людям своего времени, считавший Испанию безжизненным трупом, — писал К.Маркс, — роковым образом должен был с изумлением убедиться, что если испанское государство было мертво, то испанское общество было полно жизни, и в каждой его части били через край силы сопротивления»[39].

Это невольно признала парижская биржа, реагировавшая на испанские события падением ценностей, в частности 5% государственной ренты (1 июля 85,15, в середине августа 80,10 франка). Это признала также Европа, впервые после многих лет видевшая столь решительное сопротивление целой страны всемогущему диктатору. Но этого не хотел признавать Наполеон, который все испанские затруднения сводил к промахам и ошибкам своих генералов. Чтобы поправить дела, Наполеон решил взять в свои руки руководство борьбой в Испании.

5 ноября 1808 г. во главе большой армии, пополненной ветеранами Аустерлица и Иены, французский император появился за Пиренеями. Испанские регулярные войска, численность которых к этому времени поднялась до 100 тыс. человек, ни в смысле тренировки, ни в смысле вооружения, конечно, не могли идти ни в какое сравнение с противником. Еще больше это относилось к их командованию. Поэтому неудивительно, что в течение 72 дней Наполеону удалось не только разгромить испанские силы (при Эспиносе 10 и при Туделе 23 ноября), не только 4 декабря вновь занять Мадрид и объявить здесь ряд Крупных реформ (отмену сеньоральных прав феодалов, уничтожение инквизиции, закрытие монастырей и т.д.), но и оккупировать большую часть испанской территории. Теперь Наполеон решил, что все основное в Испании сделано и что окончательное «замирение» страны может быть доверено его маршалам, во главе которых был поставлен Сульт. 17 января 1809 г. Наполеон выехал в Париж, а 22 января в Мадрид вторично вступил Жозеф Бонапарт, рассчитывая, наконец, прочно утвердиться на испанском престоле.

Чтобы легче достигнуть этой цели, новый король положил основу своего управления Байоннскую конституцию и те реформы, которые были объявлены Наполеоном после занятия им Мадрида. В них не было ничего особенно революционного, но все-таки они создавали в Испании умеренно-буржуазный режим, каких в то время было немало в подвластных Франции странах, и это внесло раскол в ряды испанской аристократии и буржуазии. Известная часть названных элементов перекинулась на сторону завоевателей, получив имя «Afrancesados» («офранцуженных») или «Josefinos» (сторонники Жозефа).

Среди них были не только продажные коллаборационисты, готовые служить любой власти, но и люди несколько иного склада. В Испании тех дней имелось немало более просвещенных помещиков и буржуа, которые понимали необходимость серьезных преобразований в стране. Но одни из них сомневались в способности Испании сделать это собственными силами, другие считали, что путь к преобразованиям идет через народную революцию, которой они боялись. Все такие люди поддерживали Наполеона, надеясь, что французские штыки обеспечат Испании сравнительно «мирный» переход от феодального порядка к буржуазному. Однако «хосефинос» всех мастей играли в то время второстепенную роль в стране. Широкие массы Испании были против Наполеона и вели ожесточенную борьбу с иноземными завоевателями. Они ни за что не хотели принять новый режим, и это делало положение французов в Испании безнадежным.

Правда, крупные операции французских армий были в большинстве успешны. Наполеон в конце 1808 г. разбил испанские регулярные силы; его маршалы в дальнейшем также не раз наносили им поражения. В борьбе с англичанами, в 1808—1813 гг. оперировавшими на Пиренейском полуострове под командой Веллингтона, французы тоже не могли пожаловаться на отсутствие счастья: хотя военные действия тут шли с переменным успехом, но общий баланс склонялся скорее в пользу французов, чем англичан. Территория французской оккупации за время войны, конечно, не раз меняла свои очертания, но все-таки постепенно расширялась, пока не охватила почти всей страны. Подавляющее большинство крупных городов Испании, в том числе Мадрид, Барселона, Валенсия, Севилья, Кордова и другие, попало в руки французов. Долгое время только один Кадис оставался свободным, да и он находился под обстрелом французских пушек. Короче говоря, все внешние признаки французской победы как будто бы были налицо, а между тем победы не было. Наполеону, превратившему в покорных вассалов десятки других европейских стран, никак не удавалось справиться с Испанией. Это было до такой степени странно и необычно, что под конец французский император не мог без отвращения думать или говорить об испанских делах. Он старался забыть о вечно кровоточащей ране на юго-западе Европы, поглотившей на протяжении шести лет (1807—1813) свыше полумиллиона его лучших солдат и погубившей репутацию его лучших маршалов, но она каждодневно слишком болезненно напоминала о себе. И Наполеону приходилось бросать все новые и новые армии в эту бездонную пропасть. Летом 1810 г. численность французских войск на Пиренейском полуострове поднялась до 300 тыс. — цифра по тем временам громадная. Если мы вспомним, что «великая армия», с которой Наполеон пошел па завоевание России, насчитывала около 600 тыс. человек, то легко поймем, сколь серьезную проблему для французов представляла Испания.

Почему это происходило?

Да просто потому, что борьба регулярных испанских войск (вкупе с борьбой англичан) составляла только часть — и притом не самую важную часть — борьбы испанского народа за свою независимость. Ибо главное было в той подлинно народной войне, которую представляло движение герильерос, т.е. в партизанской войне. Это движение стало возникать стихийно сразу после мадридской резни 2 мая, но особенно широкий размах оно приобрело после того, как Центральная хунта, возникшая в сентябре 1808 г., приказом от 28 декабря того же года призвала население к организации партизанских отрядов.

В первый период войны, когда момент национальный еще тесно переплетался с моментом социальным, когда народ ждал от начавшейся борьбы не только изгнания французов, но и коренного улучшения своего положения, энтузиазм масс был очень велик и движение герильерос охватывало целые провинции: все население бралось за оружие и шло на войну против иноземных завоевателей. Так было, например, в Астурии, Галисии и некоторых других районах. Но даже и позднее, когда в силу причин, о которых речь будет ниже, эти надежды народа стали блекнуть, движение герильерос, нескользко изменив свою форму, продолжало оставаться огромной силой. Впитав в себя элементы регулярной армии и постоянно пополняясь выходцами из демократических кругов населения, оно затопило всю страну, превратив ее в одно гигантское осиное гнездо, где тысячи неуловимых жал со всех сторон вонзались в каждую французскую часть, в каждого французского солдата Характер этого движения станет яснее, если мы приведем здесь выдержку из перечисления партизанских отрядов, извлеченную нами из одной старинной книги об испанской войне за независимость

В начале 1809 г в провинции Ла-Манча действовал отряд герильерос под командой нотариуса дона Исидора Мира; в деревне Пеньяс де Сан Педро был сформирован отряд герильерос под командой отставного капитана милиции дона Педро Антонио Ламота; в Агудо был создан отряд герильерос из таможенной охраны Сьюдад Реаля под командой ее начальника дона Алехандро Фернандес, в местечке Вилльобиадо близ Бургоса был организован отряд герильерос под командой священника дона Херонимо Мерино; в провинции Алава возник отряд герильерос под командой кузнеца Лонго; в Ла Риоха образовался отряд герильерос, именовавшийся «крестоносцы Риоха» — его членами были священники и монахи в горах Кантабрии оперировал отряд герильерос под командой «маркесите» («маленького маркиза») Порлье, а в горах Гвадалахары — отряд герильерос под командой Эмпесинадо и т.д. и т.д.[41]

Из среды герильерос быстро выдвинулись талантливые вожди, имена которых гремели в целых провинциях, а иногда и по всей Испании Таковы, например, были Мина, Вильякампа, Порлье, Ласи, Эрольес, Эмпесинадо и другие — частью выходцы из народа, частью офицеры регулярной армии, примкнувшие к партизанам. Некоторые отряды герильерос благодаря своей ловкости, смелости и непобедимости приобретали почти легендарную славу. Особенно это относилось к герильерос, находившимся под командой Мина: однажды он захватил в плен самого вице-короля Наварры. Благодаря герильерос французы, имея на Пиренейском полуострове 300-тысячную армию, никогда не могли сосредоточить против Веллингтона больше 70 тыс. человек (именно здесь лежал ключ к его успехам). Благодаря герильерос Жозеф Бонапарт был не в состоянии даже поддерживать регулярную связь с Парижем: посланные им курьеры, несмотря на

сопровождавшую их охрану, то и дело погибали или попадали в руки партизан. Так, например, посол Наполеона в Мадриде граф Лафорет в письме к министру иностранных дел герцогу Кадорскому от 5 июля 1810 г. сообщал: «Курьер, отправленный из Парижа с почтами 18 и 19 минувшего месяца, приехал вчера, бывши подвержен великой опасности быть перехваченным. Другой курьер из армии и несколько почт испанских были перехвачены по дороге от Бургоса к Мадриду. Часто я возобновляю представления с деятельности неприятельских разъездных партий, потому что не вижу ни расположения, ни намерений к уменьшению сего зла: что внезапные нападения на военные посты, на обозы и на курьеров становятся каждый день чаще. Разбойники поступают без всякой пощады с испанцами, кои служили в чем-либо по королевскому делу (т.е. Жозефу Бонапарту. — *И.М.*), и увозят их из селений. Не упоминая более как только о Мадритской провинции, в которой покорность и деятельная правительственная бдительность конечно совершенны, весьма приметно, что никто не может удалиться от стен столицы, не подвергая себя опасности»[42].

Такова была картина в районе Мадрида. А вот картина в противоположном конце Испании — в районе Гибралтара, относящаяся к тому же времени. Английский генерал Блэк, находившийся в Гибралтаре, писал своему другу: «Офицеры и солдаты французские никогда не могут ходить иначе, как в великом числе, ибо если идут одни или в малом числе, то бывают приносимы в жертву какими-либо многочисленными отрядами испанцев. По-видимому французы берут города без сопротивления, но не могут сохранить оных, Я отряды, которые они оставляют в них, бывают вообще истребляемы. Дезертиры, которые приходят каждый день в Гибралтар и др. места, делают печальное изображение французов. Невозможно мне изобразить вам гордого вида испанских нагорцев. Каждый день приводят пленных в Гибралтар, представляя победоносные знаки, как-то: лошадей, Гренадерские шапки, мундиры и прочее, убиваемых ими французов. Словом, ныне многие из нагорных крестьян, которые прежде покрывалися бараньими кожами, одеты совершенно во французские мундиры»[43].

Маршалы и политики Наполеона в конце концов поняли сущность испанской загадки. Вот несколько любопытных признаний: «Во всякой другой стране, — писал маршал Журдан в конце 1808 г., — две такие победы (имеются в виду битвы 10 и 23 ноября. — *И.М.*) привели бы к покорению всей земли. В Испании же совсем наоборот. Чем чувствительнее поражаешь ее армии, тем ревностнее народ хватается за оружие. Чем более подвигаются французы, тем опаснее становится их положение»[44].

Несколько позднее (в 1810 г.) генерал Келлерман давал такую оценку положения в Испании: «Этот упорный народ поглощает армию. Тщетно отсекаешь головы гидре: они снова вырастают не здесь, так там. Если не произойдет переворота в умах, долго не удастся подчинить этот большой полуостров. Он поглотит население и благосостояние Франции. Я все думаю, что тут нужны голова и руки Геркулеса»[45].

Уже знакомый нам аббат Д.Прадт следующим образом изображал положение французов в Испании: «Силы французов... истощались не сражениями, но беспрестанными мелкими атаками невидимого неприятеля, который тут же исчезал в массе народа, но тотчас же снова появлялся с обновленными силами. Лев, замученный до смерти комаром в басне, — вот верная картина французской армии»[46].

Наконец, вот оценка самого Наполеона, сделанная, правда, уже тогда, когда все для него было позади: «Несчастная испанская война, — говорил он на о.св.Елены, — погубила меня. Она стала настоящей язвой — первой причиной поражения Франции. Если бы я мог предвидеть, что это предприятие принесет мне столько бед и огорчений, я никогда не затеял бы его. Но после сделанных шагов уже невозможно было отступать».

Такова была неодолимая сила движения герильерос.

Наполеон, столь мастерски давший мат Бурбонской династии, сам оказался бит испанским народом.

Впрочем, до 1812 г. французы, хотя и с большим трудом, все-таки могли держаться на Пиренейском полуострове. Отчасти им помогали сами испанцы, феодализм упорно отстаивал свои позиции; буржуазия была недостаточно сильна и решительна для того, чтобы принудить его к серьезным уступкам; социальные преобразования, которых ожидал народ, систематически откладывались или объявлялись неосуществимыми; в результате первоначальный энтузиазм масс постепенно ослабевал; движение герильерос из всеобщего превращалось в групповое; партизанские отряды стали объединяться в колонны по 3—6 тыс. человек; они потеряли свою подвижность и неуловимость и сделались легче уязвимыми для французов; испанская регулярная армия — голодная, плохо вооруженная и плохо руководимая — переживала тяжелый кризис. В довершение всего между испанцами и англичанами шли постоянные споры и трения, особенно заострявшиеся на вопросе о главном командовании: англичане настаивали на передаче верховного командования всеми британскими, испанскими и португальскими силами в руки Веллингтона, а испанцы в течение первых четырех лет войны на это ни за что не соглашались. Только после битвы под Саламанкой (22 июля 1812 г.) желание англичан было, наконец,

исполнено. И вот, несмотря на все эти благоприятные для Наполеона обстоятельства, он оказывался здесь в столь критическом положении, что только спокойствие в остальной Европе позволяло ему держать Жозефа на испанском троне.

Ситуация радикально изменилась с того момента, когда Наполеон сделал самую большую ошибку своей жизни и решил идти на завоевание России. Это открыло огромные возможности перед испанскими герильерос, а также Веллингтоном. Общность борьбы между Испанией и Россией нашла свое юридическое оформление в специальном договоре, заключенном между ними в Великих Луках 20 июля 1812 г. Текст этого договора гласил:

«1. Между Его Величеством королем Испании и Индий и Его Величеством императором всей России устанавливается не только дружба, но и искренний союз и единение.

2. Обе высокие договаривающиеся стороны в соответствии с этим должны без промедления договориться об условиях данного союза и обо всем, что связано с их взаимными интересами и твердой решимостью вести победоносную войну с их общим врагом — императором Франции. Они обещают с этого момента искренно содействовать всему, что может быть полезно той или другой стороне.

3. Его Величество император всей России признает законными обычные и чрезвычайные кортесы, заседающие в настоящее время в Кадисе, а также выработанную ими и санкционированную ими конституцию

4. Устанавливаются торговые отношения на принципе взаимного благоприятствования, и обе высокие договаривающиеся стороны примут все меры к их дальнейшему развитию.

5. Настоящий договор будет ратифицирован в С-Петербурге в течение 3 месяцев с момента его подписания.

Подписано в Великих Луках 20 июля 1812 года
Николай Романов
Франсиско Сеа Бермудес»[47].

Что же касается военной стороны событий, то 1812 г. принес французам в Испании много неприятностей. Уже в январе этого года, когда все внимание французского императора было сконцентрировано на подготовке похода на восток, Веллингтон одержал победу под Сьюдад-Родриго и затем занял Бадахос 22 июля того же года, как только что упоминалось, разыгралась известная битва под Саламанкой, где Веллингтон и герильерос под командой Эмпесинадо разбили маршала Мармона. Жозеф был вынужден снова эвакуировать Мадрид и ушел в Валенсию, а Веллингтон и Эмпесинадо 12 августа торжественно вступили в столицу, встреченные бурными овациями населения. В августе же французам пришлось снять осаду с Кадиса и очистить ряд ранее оккупированных ими районов. Когда же Наполеон потерпел разгром в России, всем стало ясно, что дни его владычества в Испании сочтены. Правда, в ноябре 1812 г. французам вновь удалось занять Мадрид, но затем неустойчивый трон Жозефа быстро покатился под гору. В результате гибели «великой армии» Пруссия и Австрия, поддерживаемые Россией, поднялись против Франции. Наполеон вынужден был перебросить часть своих армий из Испании в Центральную Европу. Это открыло возможность успешных действий перед испанскими патриотами и англичанами. Французы стали сокращать свой фронт и к середине 1813 г. отошли на линию реки Эбро. Мадрид был окончательно освобожден. У командовавшего французскими силами маршала Клозеля теперь было не больше 75 тыс. войск, с помощью которых он тщетно пытался подавить движение «герильерос» в своем тылу. Положение французов сильно осложнялось благодаря наличию огромного, неповоротливого обоза: 2 тыс. повозок шли с награбленным ими в Испании имуществом, тысячи других повозок везли «офранцуженных» с их семействами, бежавших от гнева испанских патриотов. 21 июня 1813 г. у Витории объединенные англо-испанские силы под командой Веллингтона нанесли тяжелое поражение врагу. Удар был очень силен. Даже королю Жозефу пришлось бросить свою карету, чтобы не попасть в плен. Это было последнее крупное сражение испанской войны, после которого французы стали быстро уходить за Пиренеи. 7 ноября 1813 г. Веллингтон вступил на французскую территорию.

Известие о поражении под Виторией застало Наполеона в Дрездене. Он был взбешен, посадил Жозефа в крепость и вручил наместничество в Испании маршалу Сульту. В ноябре 1813 г. он заставил находившегося еще в плену Фердинанда подписать так называемый «Договор в Валенсе», по которому Фердинанд получал испанский трон, но обязывался порвать с Англией и восстановить всех «хосефинос» в тех должностях, которые они занимали при французах; однако все это были уже последние судорожные движения обреченного режима. В декабре 1813 г. последние французские войска покинули Пиренейский полуостров.

Война была окончена. Испанский народ в огне тягчайшего испытания, обошедшегося ему в 300 тыс. человеческих жизней, сумел отстоять свою независимость. Это было сделано революционным путем. Революционны были методы и формы испанской войны, революционны были и испанские вооруженные силы. В годы великого кризиса из всех институтов старой Испании наибольшему революционизированию подверглась армия: аристократическая организация ее была сломана; доступ к высшим военным чинам был открыт каждому испанцу, салонный

генералитет эпохи Карла IV был изгнан или сам отсеялся, ряды командиров пополнялись выходцами из демократических слоев или более здоровыми элементами прежнего офицерства; мощное движение герильерос являлось той средой, соки которой питали новый дух и новую организацию армии. Все это имело большое положительное значение. Однако имелась и опасная сторона, о которой К.Маркс писал следующее: «Отрыв от верховного правительства, падение дисциплины, постоянные поражения, беспрестанные формирования, расформирования и переформирования в течение шести лет, — все эти явления роковым образом придали испанской армии в целом преторианский характер и сделали ее одинаково способной превратиться в руках вождей в их послушное орудие или в бич населения»[48].

В дальнейшем мы увидим, какую роль сыграла армия в Событиях испанской истории XIX и XX веков.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 195
Vive Libertà и Век Просвещения 2009

ТЫЛ

«Все войны за независимость, которые в то время велись против Франции, — писал К.Маркс в уже цитированной работе «Революционная Испания», — носили двойственный характер: возрождения и реакции...; но нигде этот характер не был выражен в такой степени, как в Испании. В воображении народа король был окружен ореолом романтического принца, угнетаемого и плененного великаном-разбойником. Для народа самые Захватывающие и любимые эпохи его прошлого были полны священных и чудесных преданий о борьбе креста с полумесяцем; к тому же множество народа из низших классов привыкло носить рясу нищего монаха и кормиться за счет церкви»[49].

Отсюда громадное влияние монархической и религиозной идеи в испанской борьбе за независимость, что ярко сказывалось, например, во многих манифестах и декларациях провинциальных хунт того времени. «...Все они, — писал К.Маркс,— ставят на своем знамени короля, святую религию и родину, а некоторые говорят народу даже о том, что «дело идет о спасении за гробом, ибо грозит опасность его лишиться»[50].

В словах К.Маркса прекрасно схвачена та основная черта, которая красной нитью проходит через всю эпоху испанской борьбы за независимость. В самом деле, поскольку речь шла о национально-государственном освобождении страны, испанский народ сумел хорошо справиться со стоявшей перед ним задачей и, как мы только что видели, одержал полную победу над французскими завоевателями. Совсем иная картина, однако, открывается, когда мы переходим к внутренней политике Испании того же периода, здесь мы на каждом шагу убеждаемся, что с задачей социально-политических преобразований, т.е. прежде всего с ликвидацией феодализма, испанский народ не сумел справиться. Правда, испанская буржуазия, поддерживаемая населением крупных, главным образом приморских городов, сделала попытку отвоевать у феодализма ряд серьезных позиций и открыть пути для быстрого развития капитализма в стране, но ее попытка окончилась неудачей.

Почему? Ответ на этот вопрос могут дать нижеследующие факты.

Единый национальный фронт, создавшийся в Испании для борьбы с французами, состоял из весьма разнообразных элементов. Его в первую очередь поддерживала широкая масса простых людей, т.е. крестьян, рабочих, ремесленников, солдат, чиновников, служащих, интеллигенции, городской мелкой буржуазии; именно эта масса являлась базой всей борьбы за независимость. Его поддерживала, далее, большая часть средней и крупной буржуазии. Его поддерживала значительная часть крупных землевладельцев — главным образом те, кто не принадлежали к придворной аристократии, а когда выявился гигантский размах народно-патриотического движения, даже кое-кто из аристократии стал примыкать к борьбе против французов. Его, наконец, поддерживало среднее и низшее духовенство, более зависимое от широких масс населения, чем высшее, которое в большинстве перебежало на сторону Жозефа. Более рядовым церковникам это сделать было тем легче, что тогдашняя Франция для них была очагом атеизма, а Наполеон — наместником сатаны на земле

Пока речь шла об изгнании иноземных завоевателей, все элементы национального фронта были едины, хотя и тут между ними иногда возникали разногласия по вопросу о методах и формах организации общей борьбы. Однако в обстановке ожесточенной войны с неприятелем через все такие разногласия сравнительно легко перекидывались спасительные мостики.

Положение существенно изменялось, когда дело касалось проблем внутреннего характера. Как только в порядок дня ставились вопросы о конституции, о земельной реформе, о католической церкви, о государственных финансах и т.д. — в рядах единого национального фронта немедленно вскрывались крупные противоречия и явно очерчивались различные группы, которые представляли различные социальные элементы, входящие в состав этого фронта. Если отвлечься от частностей и деталей, то можно сказать, что в лагере испанских патриотов имелись два главных крыла, консервативное и либеральное. Консервативное опиралось в основном на крупных землевладельцев, на церковь, на темные массы крестьянства, погрязшие в религиозных и по-

литических предрассудках; либеральное опиралось в основном на буржуазию, на интеллигенцию, на студенчество, на ремесленников, на рабочих, на лавочников,— вообще на более демократические слои городского населения Консервативное крыло представляло интересы феодального землевладения, либеральное — интересы нарождающейся буржуазии. Правое крыло было гораздо многочисленнее и сильнее левого — да иначе и быть не могло при слабости капиталистического развития Испании, — но левое крыло в известной степени компенсировало вой количественные недостатки большей активностью и целеустремленностью. Борьба между этими двумя группировками, происходившая на всем протяжении шестилетней войны за независимость, и составляет главное содержание первой испанской революции XIX века.

Она началась сразу же после мадридских событий 2 мая. Мы видели, что в течение лета 1808 г. вся Испания покрылась бесчисленными хунтами — этими своеобразными органами Местной революционной власти. Мы знаем также, что хунты сыграли большую и чрезвычайно почетную роль в организации народной борьбы против иноземных завоевателей. Однако было бы большой ошибкой представлять себе хунты чем-то вроде якобинских клубов эпохи 1793 г. Нет, хунты имели свое собственное, чисто испанское лицо и мало походили на эти знаменитые детища первой французской революции

Прежде всего, каков был социально-политический состав хунты?

«Хунты избиралось всеобщим голосованием, однако «все усердие низших классов проявлялось в их покорности». Обычно они выбирали своих природных начальников, высшее и низшее провинциальное дворянство, поддерживаемых духовенством и очень редко выдающимися представителями буржуазии Народ был до того проникнут сознанием своей беспомощности, что инициативу он проявлял только в том, что принуждать высшие классы к сопротивлению против французов, вовсе не претендуя на участие в руководстве этим сопротивлением. Таким образом, хунты были наполнены людьми, избранными на основании их прежнего социального положения, всего менее похожими на революционных вождей. С другой же стороны, народ, назначая своих начальников, не помышлял ни об ограничении их власти, ни об определении срока Конечно, хунты думали только о расширении первой и о продлении второго. Таким образом, эти детища народного порыва, произведенные на свет в начале революции, просуществовали до самого ее конца, играя роль плотин против революционного потока, всякий раз как он грозил наводнением»[51].

Эта характеристика хунт, данная К.Марксом, полностью подтверждается фактами того времени Конечно, в состав хунт в известной пропорции попадали ремесленники, лавочники, интеллигенты, вообще представители демократических слоев населения, но все-таки большая часть их членов, а главное почти все их руководители выбирались из числа помещиков, духовенства, крупных бюрократов, генералов и офицеров. Правда, в первый период революции стремление к глубоким социально политическим преобразованиям было в стране столь всеобще, что никто не решался выступать против него открыто. Поэтому местные хунты, находившиеся под непосредственным давлением масс, не могли ограничиваться только революционными речами Часто им приходилось переходить к революционным действиям объявлять рекрутский набор без всяких льгот и изъятий для высших классов, открывать доступ к командным должностям в армии выходцам из демократических слоев, вводить налоги на собственников и богатых, закрывать монастыри и конфисковать церковные кассы, устанавливать ограничение феодальных прав помещиков, наконец, приступать к распродаже земельных владений аристократии и католических орденов. Некоторые хунты, например хунты Астурии и Галисии, отличались особенно передовым характером. Однако в силу своего социального состава большинство хунт даже в этот период стремилось свести к минимуму неизбежные уступки требованиям народа и проявить максимум внимания к интересам господствующего класса. Когда же в дальнейшем по при чинам, о которых речь будет ниже, в Испании начала крепнуть реакция, многие местные хунты переменили фронт и стали переходить в наступление против завоеваний революции

Указанный социально-политический состав местных хунт имел еще одно крайне вредное последствие. Мы уже знаем, что локальный партикуляризм — одна из характернейших черт испанской жизни. Наиболее законченными носителями партикуляризма всегда являлись феодальные элементы страны. Присутствие в хунтах большого числа членов, прямо или косвенно связанных с крупным землевладением, сильно способствовало развитию «местнического духа» в этих органах революционного самоуправления Интересы локальные нередко заслоняли интересы общие. Отсюда вытекали многочисленные споры и соперничества между отдельными хунтами, немало затруднявшие их объединенные действия против французов. До какой остроты иногда доходили эти междоусобия, может прекрасно иллюстрировать следующий вопиющий случай. Столицей провинции Галисия является Корунья, но в этой же провинции имеется крупный религиозный центр Сант-Яго[52]. Хунта заседала в Корунье, но архиепископ Сант-Яго во что бы то ни стало хотел перенести ее резиденцию к себе Он предлагал даже уплатить за это 3 млн реалов. Маневр архиепископа не удался, и отношения между обоими городами еще больше испортились. Корунья двинула против Сант-Яго отряд войск, Сант-Яго обратился за помощью к англичанам.

Только с величайшим трудом была предотвращена гражданская война между двумя соседними испанскими центрами

Конечно, такое положение вещей сильно осложнило борьбу с иноземными завоевателями. Поэтому уже летом 1808 г среди сотен местных хунт обнаружилась тенденция к известному объединению своих сил. Стали создаваться провинциальные хунты, заседавшие обычно в главном городе провинции, им подчинялись — правда, с большими оговорками, — местные хунты данной провинции

Однако между провинциальными хунтами тоже шла борьба за свои узко-провинциальные интересы, они соперничали в претензиях на престиж, на роль, на положение и при этом нередко впадали в излишние театральность, напыщенность, велеречивость. Каждая провинциальная хунта объявляла себя «Высшей правительственной хунтой» и наместницей «обожаемого короля Фердинанда VII, принимала высокий титул и жаловала своим членам чины и мундиры Больше всех шумела хунта Севильи, принявшая имя «Высшей правительственной хунты Испании и Индии», так как Мадрид был занят французами, то Севилья, как временная столица, претендовала на руководство всем движением сопротивления. Прочие провинциальные хунты признавали права Севильи лишь очень условно, в результате чего между Севильей и рядом других провинциальных столиц шла непрерывная борьба, принимавшая подчас чрезвычайно острые формы: однажды Севилья чуть не напала на Гранаду, и только энергичное вмешательство героя Байлена генерала Кастаньоса в последний момент предупредило вооруженное столкновение между этими городами. Бывали случаи, когда споры между провинциальными хунтами выходили даже на международную арену. Мы уже упоминали, что в июне 1808 г. хунта Астурии отправила своих представителей в Лондон. То же самое вслед за ней сделала и хунта Галисии. В Англии делегаты обеих хунт действовали сепаратно Министр иностранных дел Каннинг по этому поводу жаловался: «они наперерыв друг перед другом требуют денег, и каждый лишь для своей провинции».

Однако потребности борьбы с французами, а также необходимость поддерживать отношения с иностранными державами и испанскими колониями в Америке толкали к дальнейшему объединению сил. Осенью 1808 г. был поставлен вопрос о создании Центральной хунты, которая играла бы роль исчезнувшего правительства. В результате долгой дискуссии между провинциальными хунтами было решено, что Центральная хунта будет состоять из делегатов 17 провинциальных хунт (по два делегата от каждой) плюс один представитель от Канарских островов, — всего, стало быть, из 35 человек. Позднее, когда решением от 22 января 1809 г. Центральная хунта признала равноправие испанских колоний в Америке, последним было предоставлено право послать в хунту 12 своих делегатов. Несколько недель спорили о том, где заседать Центральной хунте — в Севилье или Мадриде (который, как мы знаем, был эвакуирован французами 31 июля) Этот спор, при посредничестве Ховельяноса, был решен в порядке компромисса, резиденцией Центральной хунты стал Аранхуэс. Здесь 25 сентября 1808 г. Центральная хунта начала свою работу. Что из себя представляла Центральная хунта? Состав Центральной хунты был еще менее демократичен, чем состав провинциальных хунт, из рядов которых она вышла. Все ее члены, за исключением двух, принадлежали к господствующему классу. Так, например, Каталонию представляли маркиз Вильель и маркиз де Сабасона, Кордову — маркиз де Пуэбла, Астурию — маркиз де Кампо Саградо, Валенсию — граф де Конталина, Леон — виконт де Кинтанилья, Севилью— архиепископ де Лаодисеа и граф де Тилли, Галисию — граф де Гимонде и т.д. В Центральную хунту попали также уже знакомые нам Флоридабланка и Ховельянос[53].

Составу соответствовала и политическая физиономия. О ней можно было судить уже хотя бы по тому, что своим президентом Центральная хунта избрала 80-летнего Флоридабланку, того самого Флоридабланку, который занимал премьерские посты при двух последних монархах и который после 1789 г. стал черным реакционером. Правда, вскоре после открытия заседаний Центральной хунты Флоридабланка умер, но его преемник маркиз Асторга по своему политическому направлению мало отличался от своего предшественника.

Внутри Центральной хунты имелись две основные партии, Которые отличались друг от друга не столько степенью своего радикализма, сколько степенью своего консерватизма. Во главе одной стоял Флоридабланка, во главе второй — Ховельянос. Партия Флоридабланки по существу была партией реакционных помещиков и аристократов, партия Ховельяноса с известной затяжкой могла считаться партией либеральных буржуа. Правда, среди последователей Ховельяноса имелись более молодые левые делегаты (Агустин Аргуельес, Флорес Эстрада, Исидор батальон и др.); имелась в хунте и маленькая группка настоящих демократов во главе с героем Сарагосы Кальво де Росаса, группка, настроенная весьма революционно, однако влияний более радикальных элементов было очень незначительно 5щая политика Центральной хунты сводилась к тому, чтобы всячески саботировать революционные стремления и попытки масс.

Как видим, политическое лицо провинциальных хунт и еще больше политическое лицо Центральной хунты совершенно не соответствовало потребностям момента. Трагедия испанского народа состояла как раз в том, что в условиях глубоко революционной ситуации он, из-за своей темноты и отсталости, вручил руководство своей борьбой таким учреждениям, которые по своему социальному составу и по своим политическим взглядам носили консервативный, а подчас просто контрреволюционный характер.

Конечно, в первый период революции даже Центральная хунта должна была хотя бы словесно курить фимиам пред алтарем свободы. Этому отчасти содействовало то обстоятельство, что секретарем ее был поэт Мануэль Кинтана, тот самый Мануэль Кинтана, который за десять лет перед тем потрясал сердца испанцев своей одой в честь Падильи. Будучи левым либералом, Кинтана издавал прогрессивный журнал «Патриотический еженедельник», который оказывал значительное влияние на Центральную хунту. Кинтана составлял все декларации и манифесты хунты, нередко придавая им форму, которая не всегда нравилась консервативным членам, но против которой они считали неудобным открыто выступать. Однако главное было, разумеется, в общественных настроениях момента, которые вынуждали даже завзятых реакционеров до поры до времени маскироваться под сторонников нового порядка. Так, в обращении к нации от 28 октября 1808 г. Центральная хунта говорила: «Слабый и дряхлый деспотизм подготовил путь тирании французов. Допустить в государстве повторение прежних злоупотреблений было бы столь же чудовищным преступлением, как предать вас в руки Бонапарта»[54].

В другом обращении Центральная хунта заявляла: «Провидению было угодно, чтобы среди этого ужасного кризиса вы не могли подвинуться ни на шаг к независимости, не приближаясь в то же время к свободе»[55].

Несмотря, однако, на столь радикальные слова, дела Центральной хунты были чрезвычайно реакционны. Так, вскоре после своего образования она издала драконовские правила для печати, восстановила инквизицию, уничтоженную французами, приостановила продажу церковных и аристократических земель, декретированную некоторыми провинциальными хунтами. Она сопротивлялась также демократизации испанской армии, отказавшись издать законы о всеобщей воинской повинности и о праве каждого испанца на получение любого воинского чина или поста. Фактически эта демократизация была произведена, но она явилась целиком делом провинциальных хунт, действовавших тут уже по своему усмотрению. Одно время Центральная хунта вздумала рассылать по стране своих комиссаров в целях наведения «порядка» в провинциях. Все эти комиссары как на подбор оказались крайними реакционерами и постоянно вступали в конфликты с более прогрессивными провинциальными хунтами, а в Кадисе довели дело даже до открытого восстания против Центральной хунты. Как велико было ретроградство последней во внутренних делах, можно судить по тому, что 20 июля 1809 г. даже английское правительство вынуждено было в особой ноте протестовать против контрреволюционного курса Центральной хунты из опасения, «как бы она не подавила энтузиазм общества».

Зато по части напыщенности и самовозвеличения Центральная хунта проявила талант, который граничил с юмористикой. Она присвоила себе титул «величества», своему президенту — титул «высочества», а своим членам — титул «превосходительства». Она одела их в пестрые мундиры, похожие на генеральские, повесила им на грудь медаль с изображением Старого и Нового света и фиксировала им жалование в размере 120 тыс. реалов в год.

Подводя итоги деятельности Центральной хунты, К.Маркс писал: «На ее долю выпало то же счастье, как в свое время на долю Комитета общественного спасения во Франции, а именно: внутреннее потрясение было усилено необходимостью обороны от нападения извне; кроме этого Центральная хунта имела перед собой пример смелой инициативы некоторых провинциальных хунт, инициативы, вызванной давлением обстоятельств. Но Центральная хунта, мало того что мертвым грузом повисла на испанской революции, она в буквальном смысле действовала в пользу контрреволюции: восстанавливала прежние власти, снова ковала уже разбитые цепи, старалась тушить пламя революции всюду, где оно загоралось, бездействовала сама и мешала действовать другим»[56].

Ответственность Центральной хунты была тем более велика, что в момент ее возникновения не больше трети Испании было занято французами и что энтузиазм широких масс находился в зените. К.Маркс считает что 17 месяцев существования Центральной хунты являлись единственным периодом, когда можно было соединить социальные преобразования с мерами национальной обороны, но как раз в эти критические дни Центральная хунта делала все возможное для того, чтобы удушить революцию и сохранить основы старого порядка.

Как ни самоуверенна была Центральная хунта, но после года своей «работы» она должна была убедиться, что дальше так дело не может идти. Основную роль тут играли события на фронте. Несмотря на огромное воодушевление масс, несмотря на исключительный героизм герильерос, военное положение все более ухудшалось. Французы одерживали победы над испанскими армиями, оккупированная ими территория систематически расширялась. Из-за этого самой Центральной хунте в ноябре 1808 г. пришлось бежать из Аранхуэса в Севилью, а в начале

1810 г. из Севильи в Кадис. Реакционные меры Центральной хунты в области внутренней политики только усугубляли всеобщее недовольство ею в широких кругах населения, особенно среди многочисленных отрядов герильерос. В результате уже в октябре 1809 г. Центральная хунта объявила о необходимости созыва кортесов, но первоначально она пыталась сохранить в их организации средневековый принцип равного представительства трех сословий — дворянства, духовенства и горожан, — слегка модернизировав его форму По предложению Ховельяноса — и это было очень характерно для его теперешних настроений — Центральная хунта постановила, что будущие кортесы должны состоять из двух палат: нижней, выбираемой народом, и верхней, выбираемой дворянством и духовенством Иными словами, Центральная хунта хотела заранее обеспечить решающее слово в учредительном собрании за наиболее реакционными элементами общества — крупными землевладельцами и церковью. Однако это намерение Центральной хунты вызвало столь бурное возмущение народа, в том числе и ряда прогрессивных провинциальных хунт, что от него пришлось отказаться. В феврале 1810 г и сама Центральная хунта, вконец дискредитированная, вынуждена была самораспуститься, назначив предварительно в качестве своего преемника Регентский совет из пяти членов под председательством епископа Оренсенского[57]. Хотя Регентство было не менее реакционно, чем породившая его Центральная хунта, однако общее возбуждение масс, а также революционная обстановка Кадиса, где оно заседало, имело результатом то, что прежнее решение об организации созываемых кортесов было радикально пересмотрено. В результате ряда маневров и контрманевров выкристаллизовалось следующее: учредительные кортесы состоят из одной палаты; избирателем является каждый испанец не моложе 25 лет, один депутат приходится на каждые 50 тыс. жителей. Кроме того, провинциальные хунты и 37 важнейших городов (участвовавших ранее в средневековых кортесах) посылают в учредительное собрание по одному представителю, а все испанские колонии, вместе взятые, добавляют сюда еще 29 человек. Хотя колонии в данной связи жаловались на дискриминацию, ибо в них один депутат приходился не на каждые 50, а на каждые 500 тыс. жителей, все-таки необходимо признать, что в условиях того времени организация кадисских кортесов была в общем очень демократична.

Впрочем, осенью 1810 г., когда происходили выборы в учредительное собрание, все эти расчеты имели больше академическое значение. Почти вся Испания находилась тогда во французской оккупации, и потому во многих провинциях нормальные выборы вообще не могли быть произведены. В районах, еще остававшихся свободными, выборы состоялись в разное время. Так, например, Каталония и Галисия — две самые демократические провинции — опередили все другие с избранием депутатов, — поэтому на первых заседаниях кортесов присутствовали главным образом их представители. Депутаты от Леона, Валенсии, Мурсии, Балеарских островов прибыли лишь три месяца спустя. Из испанских колоний в Америке фактически приехал только один депутат — от Порто Рико. Чтобы все-таки обеспечить какое-либо представительство от занятых французами провинции, был принят такой метод все жители каждой такой провинции, находившиеся в тот момент в Кадисе (а здесь скопилось много беженцев из районов французской оккупации), собирались на общее собрание и выбирали из своей среды одного депутата в кортесы. Таким же путем были избраны и 28 недостающих депутатов от испанских колоний в Америке. В результате в кортесы попали главным образом представители более прогрессивных прибрежных частей страны плюс выходцы из ее более консервативных центральных районов, но уже подвергшиеся известной идеологической обработке в самом революционном центре тогдашней Испании — Кадисе. Так получилось, что состав кортесов оказался сравнительно очень левым — значительно левее общих настроений в стране, — хотя это отнюдь не означало, что на скамьях учредительного собрания сидели лишь одни демократы. Для иллюстрации достаточно привести хотя бы данные о профессиях избранных депутатов. Среди них было:

Священников	97
Юристов	60
Бывших чиновников	55
Военных и моряков высших рангов	46
Профессоров	16
Крупных землевладельцев	15
Дворян	8
Торговцев	5
Писателей	4
Врачей	2
	308

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Если сгруппировать депутатов по более общим социальным признакам, то окажется, что 35% (101) из них были представителями высшей гражданской и военной бюрократии, 34% (97) — церковниками, 29% (82) — людьми свободных профессий и 2% (5) — выходцами из купеческих кругов. Даже если считать, что все люди свободных профессий являлись представителями буржуазии (хотя это не совсем верно), все-таки окажется, что около двух третей депутатов были тесно связаны с крупным землевладением и церковью Чрезвычайно характерно также, что в числе депутатов не оказалось ни одного рабочего, ремесленника или крестьянина.

Как бы то ни было, но в кадисских кортесах либералы могли взять известный реванш за свои неудачи в Центральной хунте, и они его действительно взяли. Их первым успехом явился выход в отставку реакционного регентства, оставленного Центральной хунтой. Вместо него кортесы назначили новое регентство в составе генерала Блока и двух морских офицеров, Сискара и Агара, политические взгляды которых тоже не отличались особым радикализмом, но все-таки находились в несколько большем соответствии с настроениями учредительного собрания, чем у их предшественников. Впрочем, как показало дальнейшее, это второе регентство играло еще меньшую роль, чем первое.

Ненормальность положения в стране, вызывавшаяся французской оккупацией, имела одно очень важное последствие для всей работы кадисских кортесов. Они вынуждены были собраться не в Мадриде и даже не в Севилье или Валенсии, а на маленьком островке де Леон под Кадисом (сам Кадис в тот момент был недостаточно безопасен) — одном из немногих уголков страны, еще сохранявших свою независимость. Здесь 24 сентября 1810 г., т.е. ровно через два года после возникновения Центральной хунты, началась работа кортесов. Помещением для них служил небольшой старинный театр; в партере сидели депутаты, в ложах — публика; на сцене позади президиума помещался огромный портрет Фердинанда VII и стоял трон, закрытый балдахином. Даже кадисские кортесы считали необходимым подчеркнуть свою преданность «обожаемому монарху» и свою скорбь по поводу его отсутствия. Только 20 февраля 1811 г., когда военная опасность для Кадиса несколько уменьшилась, кортесы с острова Леон переселились в самый город, где оставались вплоть до своего закрытия 20 сентября 1813 г. На протяжении почти всего этого времени кортесы жили оторванно от Испании, большая часть которой была занята врагом, были лишены повседневного контакта с населением страны и создавали свое законодательство «впрок», в надежде, что оно войдет в силу после изгнания неприятеля. Непосредственным же окружением их был революционный Кадис, население которого нередко оказывало весьма эффективное давление на реакционное крыло палаты. Таким образом, кадисские кортесы работали в несколько искусственной атмосфере, и это не могло не отразиться как на общем характере их политического творчества, так и на дальнейшей судьбе принятых ими законов.

В кортесах были три главных партии: 1) консерваторы, которые из-за своего низкопоклонства перед монархией получили наименование «раболепных» (serviles); 2) прогрессисты, которые, как сторонники свободы, приняли название либералов (liberales) — отсюда этот термин перешел в политический язык других стран и 3) представители испанских колоний в Америке, которые кратко именовались «американцами». Впрочем, «американцы» играли второстепенную роль, присоединяясь, смотря по ходу вещей, то к первым, то ко вторым, и вся работа учредительного собрания в основном определялась борьбой между раболепными и либералами. Раболепные, возглавляемые Угарте и Вальенте, и здесь находились в большинстве, но они были более гибкими, чем в Центральной хунте, и легче поддавались влиянию либералов. Либералы же, основными вождями которых были Канга Аргельес, Торреро, Перес де Кастро, отличались большими решительностью и энергией, чем престарелый Ховельянос. Кроме того, священники, которых было много среди раболепных, в стремлении спасти возможно больше из привилегий церкви готовы были жертвовать прерогативами короны, — это тоже способствовало укреплению левого курса кортесов. Правда, либералам, в свою очередь, пришлось пойти на ряд уступок духовенству, но все-таки в конечном итоге законодательство кадисских кортесов для своего времени было очень прогрессивным, во всяком случае гораздо более прогрессивным, чем что-либо известное до того в Европе, за исключением французской конституции 1793 г.

Важнейшим актом кадисских кортесов, актом действительно большого исторического значения, была знаменитая конституция 1812 г. Она явилась продуктом длительных прений упорного труда. Об этом достаточно ясно говорят хотя бы следующие даты: 23 декабря 1810 г. кортесы избрали 16-члеп-ую комиссию для подготовки проекта конституции; 4 января 11811 г. кортесы вотировали закон, призывавший все умственные силы нации принять участие в этом великом деле; 18 августа 1811 г. в кортесах начались прения по проекту конституции, 23 января 1812 г. они закончились; наконец, 19 марта 1812 г., в годовщину отречения Карла IV, под гул французских пушек, обстреливавших Кадис, конституция была торжественно обнародована. Таким образом, рождение ее заняло 15 месяцев. В 334 статьях конституции нашла свое воплощение наиболее передовая мысль тогдашней Испании, и она стала в дальнейшем знаменем прогрессивных сил не только в самой Испании, но и в ряде других южноевропейских стран. К чему же сводилась конституция 1812 г.? Ее основным пунктом было провозглашение принципа

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
Издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР, 1959
Vive Libertad и Век Просвещения, 2009

верховенства народа. Конституция содержала такие слова: «Испанская нация свободна. Она не есть и не может быть наследием никакой фамилии и никакого лица... Носителем верховной власти по существу является нация, которой поэтому принадлежит исключительное право устанавливать основные законы».

Здесь налицо был полный разрыв с вековыми основами испанской монархии, исходившей из принципа божественного происхождения королевской власти. Однако кадисские законодатели не решились объявить Испанию республикой, а сохранили монархию, лишь обставив ее рядом чрезвычайно важных ограничений, включительно до права кортесов «исключать из престолонаследия тех лиц, которые или неспособны к правлению, или совершили какой-либо поступок, заслуживающий лишения трона».

Высшим учреждением государства, по конституции, являлись однопалатные кортесы, выбираемые каждые два года путем всеобщего голосования (кроме домашней прислуги). После 1830 г. избирательным правом должны были пользоваться только грамотные. Если вспомнить, что английская палата в то время выбиралась всего лишь 3% населения и что даже это собрание знатных и богатых имело еще противовес в лице наследственной палаты лордов, то радикализм конституции 1812 г. станет особенно показательным.

Кортесы должны были собираться в столице ежегодно 1 марта и заседать не менее трех месяцев. Король не мог ни распустить, ни отсрочить кортесы, ни присутствовать на их заседаниях. Депутатам запрещалось принимать от короля какие-либо награды, пенсии или почетные отличия. Они не могли также участвовать в двух кортесах подряд. Для возмещения депутатам их расходов каждая провинция платила своим представителям суточные в установленном кортесами размере.

Сфера компетенции кортесов была очень широка. Они одобряли до ратификации все договоры с иностранными державами, устанавливали по предложению короля ежегодный состав вооруженных сил во время мира и войны, ежегодно фиксировали доходы и расходы государства, охраняли свободу печати, утверждали план народного просвещения. Министры были ответственны перед кортесами. Королю предоставлялось право отсрочки вето, но если кортесы в течение двух последовательных сессий подтверждали принятое ими решение, король был обязан его санкционировать. Перед окончанием каждой сессии кортесы назначали постоянную комиссию из семи членов, которая в промежуток между сессиями должна была следить за строгим соблюдением конституции и выполнением законов.

В целях борьбы с пагубным влиянием столь частых в истории испанской монархии придворных камарилий конституция допускала существование единственного государственного совета в составе 40 членов, причем 32 из них должны были назначаться королем из списка 120 кандидатов, составленного кортесами. Члены совета не могли увольняться без решения высшей судебной палаты; им было запрещено принимать от короля какие-либо должности или оказия, жалованье им определялось кортесами.

Конституция устанавливала также построенное на демократических началах местное самоуправление, прогрессивное обложение, обязательное образование и всеобщую воинскую повинность. Она подвергала полной перестройке всю судебною систему страны и наряду с регулярной армией создавала в каждой провинции корпуса местной национальной милиции.

В последующем конституция 1812 г. подвергалась нападкам с двух сторон: одни обвиняли ее в подражании французской конституции 1791 г., другие, наоборот, в излишнем пристрастии к средневековым испанским «фуэросам» (права и привилегии эпохи феодализма).

К.Маркс дает иную оценку творению кадисских кортесов: «Истина заключается в том, — пишет он, — что конституция у 1812 г. представляет воспроизведение древних «fueros», понятых, однако, в духе французской революции и приспособленных к нуждам нового общества»[58].

Разумеется, конституция подобною рода была несовместима с сохранением старого феодального порядка. Поэтому кадисские кортесы как до, так и после опубликования конституции издали ряд законов, которые имели целью устранить или по крайней мере серьезно смягчить это противоречив. Так, они уничтожили инквизицию, отменили десятину, приступили к закрытию монастырей и конфискации их собственности; они разрешили огораживание полей, а также превращение пастбищ в пахотную землю и обратно, что раньше было запрещено; они объявили лишенными силы все феодальные законы об арендных договорах, а также ликвидировали цехи и гильдии, установив свободу промышленности. Однако в главном, основном вопросе — в вопросе об уничтожении феодализма — кортесы проявили пагубную половинчатость. Проблема эта встала с особенной остротой в середине 1811 г, когда кортесы приступили к обсуждению проекта земельной реформы. Прения тянулись два месяца; высказалось много ораторов, представлявших различные партии и группы; атмосфера в палате накалилась до предела; но на решительный шаг кортесы все-таки не пошли.

Во время дебатов ясно наметились три главные линии: раболепные вообще не хотели никакой реформы и считали, что феодализм является единственно возможной «опорой общественного порядка» и что уничтожение его неизбежно приведет к «анархии» и «гибели государства». Либералы раскололись на два течения: левые, представлявшие мелкобуржуазные круги, требовали полной ликвидации феодализма, т.е. конфискации помещичьих земель и отмены сеньоральных прав (в области суда, охоты, рыбной ловли, помола зерна, выжимки винограда и т. д.); правые, представлявшие крупную буржуазию и более прогрессивную часть землевладельцев, соглашались с необходимостью отмены сеньоральных прав, но были против конфискации помещичьих земель.

От имени левых особенно ярко выступал Гарсиа Эрерос. «Неужели горсть людей, — воскликнул он, — заслуживает большего внимания, чем вся овальная нация? Неужели испанский народ должен убедиться, что следствием его героизма будет только необходимость возвратиться, по изгнании врага, к рабству и невежеству старого деспотизма?»

Горячо протестуя против такой перспективы, Гарсиа Эрерос далее заявлял: «В тот день, когда вы примете мой проект (земельной реформы. — *И.М.*), испанский народ получит свою истинную свободу. С того дня начнется его политическое бытие. С того дня станет царствовать закон, пред которым нет различия между грандом и угольщиком»[59].

Лидером правых либералов в этом вопросе был депутат Анер, который с немощью разных юридических трюков постарался запутать ясный сам по себе вопрос. Анер доказывал, что всю проблему феодализма надо разбить на две части: сеньоральные права и земельные владения. Сеньоральные права не имеют под собой твердой основы в законе, отжили свой век и должны быть немедленно отменены. Что же касается земельных владений, то они относятся к сфере частного права и потому не входят в компетенцию государственных органов. Их не следует касаться.

Правых либералов поддержали более дальновидные — раболепные, которые понимали, что в обстановке войны за независимость нужно что-то сделать для крестьян. Предложения Анера казались им меньшим злом, чем требования Гарсиа Эрероса. В результате 6 августа 1811 г. кортесы опубликовали земельный закон, составленный в духе Анера: помещики лишались своих феодальных прав и привилегий, но земля оставалась за ними. Правда, либералы выдвинули еще один проект: создать обширный земельный фонд из королевских доменов, пустошей и общинных земель и продать одну половину этого фонда для погашения государственного долга, а другую половину раздать мелкими участками демобилизованным солдатам и беднейшим крестьянам. Однако даже этот — наиболее радикальный из всех — проект аграрной реформы не ставил вопроса о конфискации помещичьих земель. К тому же он так и остался только проектом. Кадисские кортесы, несмотря на весь свой либерализм, не рискнули поднять руку на основы феодального господства. В этом с необычайной яркостью сказалась слабость тогдашней испанской буржуазии.

Еще в одном важном вопросе кадисские кортесы не смогли подняться до уровня передовой мысли своего времени и остались на позициях средневековья — это в вопросе о религии, Но такова уж власть клерикализма в Испании. Статье 12-я конституции гласила: «Религия испанского народа есть и всегда будет католическая, апостольская и римская, единственная истинная религия. Нация охраняет ее мудрыми и правыми законами и воспрещает исповедание какой-либо другой».

Иными словами, конституция 1812 г. не признавала свободы совести. Больше того, еще раньше, в августе 1811 г., кортесы приняли декрет, согласно которому всякий, замысливший отвратить испанский народ от католической веры, подлежал преследованию, как изменник, и наказывался смертной казнью. Весьма характерно также, что при обсуждении статьи конституции о свободе печати депутаты-священники потребовали и добились внесения в текст поправки в том смысле, что эта гарантия распространяется только на область политики. Все произведения религиозного характера по-прежнему остались в ведении духовной цензуры.

Как бы то ни было, но все вместе взятое — конституция Плюс прочее законодательство кадисских кортесов — представляло собой программу буржуазной революции, — правда, не столь радикальной, как французская революция 1789 г.,[60] но все-таки достаточно радикальной для того, чтобы поставить Испанию на рельсы быстрого капиталистического развития... если бы она была действительно осуществлена. Но этого-то как раз и не случилось. Ибо, говоря словами К.Маркса, «на острове де-Леон — идеи без дел, в остальной Испании — деятельность без идей». Основная причина этого была все та же: экономическая и политическая отсталость страны и, как результат ее, отсутствие в Испании начала XIX века тех достаточно мощных общественных сил, которые могли бы взять на себя проведение в жизнь кадисской программы. В результате конституция 1812 г. оказалась лишь замечательным документом, знаменем и символом, но не реально действующим государственным режимом. Она не открыла ворот новой исторической эпохи. Испанский феодализм сохранил почти все свои Старые позиции. Церковь по-прежнему осталась всемогущей. А это значило, что широкие массы народа, освободив страну от иноземных

завоевателей, не сумели освободить самих себя от классового порабощения. Слегка ослабевшее в эпоху 1808—1814 гг., оно было вновь восстановлено с приходом контрреволюции.

По странной иронии судьбы начало наступления реакции совпало с моментом рождения конституции 1812 г., которая, казалось, призвана была закрепить высшие достижения первой испанской революции. Но тут же многое зависело от развития международных событий, над которыми Испания была не влажна. Выше мы указывали, что 1812 год—год похода Наполеона в Россию — сыграл роль поворотного пункта в судьбах французской империи и всей Европы вообще. Господству Наполеона была нанесена смертельная рана, хотя потребовалось еще около двух лет для того, чтобы полностью сказался ее фатальный эффект. И сразу после гибели «великой армии» на востоке с особой силой выявился тот «двойственный характер» всех тогдашних войн за независимость, который так подчеркивал К.Маркс. Национально-государственное освобождение многих европейских стран приблизилось, но зато момент их внутреннего возрождения, т.е ликвидации основ феодализма, отдалился. Ибо режим Наполеона, при всех своих отрицательных сторонах, все-таки был режимом победоносной буржуазии и потому являлся для своего времени более прогрессивным, чем обветшалые, но не хотевшие умирать режимы феодально-абсолютистских монархий. Реакция, до того прятавшаяся по темным углам, теперь, когда после 1812 г заколебались основы французского могущества, стала открыто поднимать голову. Мутная волна легитимизма покатилась по Европе. Она докатилась и до Испании.

Первые всплески ее обозначились здесь уже в самом начале 1812 г., как раз в то время, когда кадисские кортесы заканчивали обсуждение своей конституции. В январе этого года происходило назначение третьего по счету Регентского совета. Как мы знаем, первое и второе регентства совсем не отличались радикализмом, — скорее наоборот. Третье регентство оказалось просто реакционным. Достаточно сказать, что, несмотря на все протесты либералов, раболепным удалось провести в качестве его президента герцога Инфантадо — одного из столпов камарильи Фердинанда VII. Одновременно возник ряд реакционных органов печати, бешено атаковавших кортесы и конституцию 1812 г. Лозунгом раболепных стало требование скорейшего закрытия учредительного собрания и выборов новых, уже ординарных кортесов. Реакционеры рассчитывали, что обращение к стране в обстановке 1812 г. даст гораздо более правый парламент, чем кадисские кортесы. Однако либералы оказывали упорное сопротивление этим проискам феодально-церковных элементов и, возможно, сохранили бы значительную долю завоеванных ими позиций, если бы как раз в этот момент прошв них не выступила Англия.

Хотя многие англо-саксонские историки пытались представить в розовом свете мотивы участия Англии в испанской войне за независимость, на самом деле ничего идеалистического тут не было. Конечно, отдельные англичане или группы англичан могли вполне бескорыстно сочувствовать испанскому народу в его тяжелых испытаниях, но Англия, как государство, руководилась соображениями сугубо эгоистического характера. В самом деле, в 1808 г. положение в основном сводилось к следующему: Наполеон в течение нескольких лет пытался организовать вторжение в Англию, но битва при Трафальгаре (1805), закончившаяся полным разгромом франко-испанского флота, поставила крест над всеми такими планами; Франция оказывалась бессильной перед 22-мильной полосой воды, отделяющей Англию от континента. Тогда была сделана попытка нанести удар врагу другим путем: с осени 1806 г. Наполеон ввел так называемую «континентальную систему», т.е. запрещение для европейских стран торговать с Англией. Однако и эта мера, имевшая целью подорвать экономическое могущество последней, имела лишь частичный эффект. С другой стороны, Англия тоже не могла ничего поделать против могущества Франции на суше, ибо к 1808 г. она потеряла почти всех своих континентальных союзников (кроме Португалии и Швеции) и вынуждена была ограничиваться лишь блокадой вражеских берегов да захватом некоторых французских владений за океаном.

В такой обстановке Наполеон оккупировал Португалию, а в Испании началась война за независимость. Естественно, Англия приветствовала эту войну. Однако лондонские политики интересовались ею не потому, что стремились помочь испанскому народу, а потому, что хотели использовать борьбу испанского народа в своих собственных целях. Лондонским политикам было выгодно приковывать крупные силы Наполеона к Пиренейскому полуострову; им выгодно было иметь сухопутный плацдарм против Франции на континенте; им важно было сохранить свей позиции в Португалии, лежавшей на пути морских коммуникаций Англии с Индией и востоком. Вот почему лондонские политики не скупились на деньги и усилия в так называемой «Peninsular war» («Война на полуострове»). И так как в 1808—1812 гг. решающей силой в испанской войне за независимость были либералы, то Англия в тот период ориентировалась здесь на левое крыло патриотического движения. Спекулируя на древности своих конституционных учреждений, она искусно драпировалась в либеральный костюм и создавала себе репутацию покровительницы прогрессивных сил Испании. Творцы конституции 1812 г. были почти сплошь англофилами и наивно верили, что Англия окажет им поддержку в борьбе с реакционными силами страны, когда настанет момент введения этой конституции в действие. Однако испанских либералов ожидало

жестокое разочарование. Как только события 1812 г. изменили европейскую ситуацию, Англия немедленно изменила свой курс и повернулась спиной к своим недавним друзьям в Испании. Ярким проводником новой политики Великобритании стал герцог Веллингтон.

До 1812 г. Веллингтон занимался в основном только военными делами. Правда, и в этот период он часто проявлял свою антипатию к испанским либералам, называя их то «опасными безумцами», то «разнузданным отребьем», однако никакой активной роли в политической сфере он еще не играл. После битвы при Саламанке (22 июля 1812 г.) положение изменилось. Теперь, когда в связи с походом в Россию стали шататься основы наполеоновского господства, когда повсюду в Европе подняла голову феодально-монархическая реакция, Веллингтон — аристократ, консерватор, друг испанских грандов и враг испанских либералов — получил широкую возможность проявить себя и в политической области.

Он круто взял крен в сторону раболепных. Его ближайшими сторонниками сделались такие люди, как герцог Инфантадо и ему подобные друзья Фердинанда. Его целью стало аннулирование конституции 1812 г. и создание в Испании своей «палаты лордов», без чего он считал невозможным обеспечить интересы крупного землевладения. Его кандидатом на испанский трон была старшая дочь Карла IV, бывшая португальская королева Карлотта, — беспринципная, реакционная интриганка, готовая служить тому, кто больше заплатит. Тщетно либералы пытались «умилостивить» Веллингтона различными знаками внимания: после Саламанки кортесы вручили ему верховное командование над испанскими силами, чего он давно добивался; когда в конце 1812 г. Веллингтон посетил Кадис, кортесы пригласили его на свое заседание и дали ему место среди депутатов; тут же они вынесли ему благодарность от имени нации. Но все это не оказало никакого влияния на политическую линию английского герцога, которая становилась все более реакционной.

Тогда либералы решили дать бой раболепным. В феврале 1813 г. кортесы провели уже упоминавшийся закон об уничтожении инквизиции и отменили ряд обременительных налогов в пользу церкви (в том числе «подать Сант-Яго»), что вызвало бурю негодования среди испанского духовенства, поддержанного папским нунцием. В ответ кортесы выслали нунция и ряд епископов из Испании. Далее кортесы ликвидировали третье регентство, ставшее очагом реакционных интриг, и вместо него назначили четвертое. Однако при формировании его либералы не сумели проявить надлежащей энергии, в результате чего членами регентства оказались люди бесцветные и сугубо умеренные (уже знакомые нам Сискар и Агар, плюс дядя Фердинанда кардинал Бурбонский), неспособные оказать либералам эффективной поддержки в борьбе с раболепными. Кортесы также дали отставку генералу Кастаньосу, который к 1813 г. превратился в матерого реакционера. Все это сопровождалось большой агитационной кампанией, в которой либералы предостерегали народ против угрожающей ему опасности.

На время поднятое движение было приостановлено. Однако битва под Витторией (21 июня 1813 г.), нанесшая окончательный удар французскому господству на Пиренейском полуострове, развязала руки самым черным силам Испании и бросила Веллингтона еще более вправо. Положение либералов ухудшилось, но они не хотели складывать оружия. Теперь борьба завязалась около вопроса о том, где заседать кортесам: в Кадисе или в только что освобожденном Мадриде? Либералы отстаивали Кадис, раболепные, наоборот, требовали переноса заседаний в Мадрид, где в ожидании возвращения Фердинанда из Франции происходила концентрация всех реакционных сил. В результате либералы одержали победу, и учредительные кортесы до конца своих астаний (20 сентября 1813 г.) остались в Кадисе. Осенью 1813 г. состоялись выборы в первые нормальные кортесы, собравшиеся на основании конституции 1812 г.; внешние и внутренние причины не благоприятствовали либералам: европейская реакция окрылила испанских феодалов и католическую церковь, развернувших бешеную кампанию против «атеистов» и «якобинов»; народные массы, измученные длительной и тяжелой войной, жаждали мира и спокойствия; налицо не было крепкой революционной партии, которая могла бы в столь трудных условиях дать правильное руководство этим массам. В результате победа оказалась за раболепными. Хотя либералам и удалось провести в кортесы всех своих наиболее видных вождей (Канга Аргуельеса, Томаса Истуриса, Марлинеса де ла Роса и др.), их фракция насчитывала не более трети всего числа депутатов. Остальные принадлежали к различным правым группировкам. Однако морально-политический вес либералов был еще настолько велик, что даже эти кортесы начата свою работу в Кадисе и только 15 января 1814 г. переселились в Мадрид. Перед тем все под влиянием тех же либералов кортесы приняли суровый закон, грозивший смертной казнью всякому, кто поднимет руку на конституцию 1812 г. Одновременно губернатором Мадрида был назначен один из героев движения герильерос генерал Вильякампа. Находясь уже в столице, кортесы сделали еще один шаг с целью защитить завоевания революции. 2 февраля 1814 г. они с возмущением отвергли «Договор в Валенсе», заключенный между Наполеоном и Фердинандом в ноябре предшествующего года, и единогласно приняли следующее решение: «Кортесам угодно немедленно, одним ударом, уничтожить все коварные меры, которыми Наполеон, в своей нынешней беспомощности, пытается восстановить в Испании свое пагубное влияние, подвергнуть

опасности нашу независимость, нарушить наши отношения с союзными державами, посеять раздор в нашей великодушной нации.

Постановления, что король не будет считаться свободным и ему никто не станет повиноваться до тех пор, пока он не принесет в кортесах присяги, предписанной конституцией. Никакая вооруженная сила не должна переходить вместе с ним наших границ, кроме испанского войска, вожди которого будут поступать не иначе, как согласно предписаниям правительства. Ни один иностранец не должен сопровождать короля, хотя бы в качестве слуги, а равно и ки один из тех испанцев, которые каким бы то ни было образом служили Наполеону или Жозефу»[61].

Как видим, кортесы — а по существу либералы — сделали в рамках парламентской легальности все возможное для того, чтобы гарантировать страну от реакционных авантюр и обеспечить нормальное функционирование конституции 1812 г. Однако в обстановке внешней и внутренней реакции тех дней, когда вновь воспрянувшие феодально-абсолютистские силы, не сменяясь средствами, везде проводили политику реставрации эти законы и резолюции имели более чем относительное значение. Они походили на бумажные цепи, при помощи которых либералы хотели связать дикого зверя. И, как увидим ниже, дикий зверь их без труда разорвал.

Единственной действительно серьезной гарантией неприкосновенности конституции 1812 г. могло бы быть разрешение важнейшей внутренней проблемы Испании, т. е. ликвидация феодализма, но, как мы видели, испанские либералы эпохи борьбы за независимость оказались слишком слабы и бесхребетны для того, чтобы всерьез поставить эту проблему, не говоря уже о том, чтобы ее разрешить.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
Москва: Издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vivat Libertas. Вив Либертас. 2009

Принцип нумерации ссылок нами изменен по сравнению с оригиналом.

1 C.E.Chapman. A history of Spain. New York, 1927, стр.464

2 A.Ramos Oliveira. Politics, ecenomics and men of modern Spain, 1808—1946. London, 1946, стр.21.

3 G.Jovellanos. Informe de la sociedad economia de este corte at real y supremo consejo de Castilla en el expediente de ley agraria. («Доклад экономического общества испанского королевства королевскому верховному совету Кастилии по поводу аграрного закона»). Madrid, 1795, стр.40.

4 F.Pi-y-Margall. Las grandes commociones politicas en Espana, Barcelona, стр.35.

5 Don Manuel Godoy. Memoires du prince de la paix. Paris, 1836, стр.23. Данные Годоя подтверждаются и другими источниками.

6 «Десятина» — старинный, возникший еще в VI веке н.э. налог в пользу церкви, взимавшийся в размере одной десятой доходов прихожан. Он особенно укрепился в странах католической религии и сохранился вплоть до XIX века.

7 См. «Воинствующий атеист», М., 1931, № 6, стр.72—88.

8 «Ароба»=11,5 кг.

9 G.Jovellanos. Указ.соч., стр.131—135.

10 До 1765 г. вся торговля между Испанией и ее колониями шла только через один порт — Кадис; в 1765 г. такая торговля была разрешена еще Девяти испанским портам. В 1778 г. для торговли между метрополией и колониями были открыты 13 портов в Испании и 24 в испанской Америке.

11 «Anuario Estadistico de Espana», Madrid, 1942.

12 Barcelona, R.Altamira. Historia de la civilizacion espanola. стр. 270—272 .)

13 Пиренейский полуостров, имеющий площадь в 581 тыс. кв. км, представляет собой почти квадрат, сторона которого равняется примерно 700 км. Центральная часть полуострова, занимающая до двух третей его поверхности, является плоскогорьем, подымающимся на 650 м над уровнем моря. Оно ограничено по краям горными цепями: на севере и северо-востоке — Кантабрийским хребтом и Иберийскими Кордильерами, на востоке — горами Куэнка, на юго-востоке — Сьеррой-де-Алькарас и на юге — Сьеррой-Морена. Только на западе — со стороны Атлантического океана — нет высоких Гор. Само плоскогорье тоже перерезано с северо-востока на юго-запад мощными образованиями из трех горных цепей: Сьерра-де-Гвадаррама, Сьерра-Де-Гредос и Сьерра-де-Гата, высшая точка которых достигает 2680 м. Эти горные образования делят плоскогорье на два больших бассейна — бассейн р.Дуэро к северу от них и бассейн р. Тахо к югу от них. Обе реки текут с Востока на запад и впадают в Атлантический океан. Центрально-пиренейское плоскогорье, так называемая Кастильская Месета, представляет собой плоские, однообразные, сухие степи, пригодные главным образом для скотоводства. Климат здесь резко континентальный. Края центрально-пиренейского плоскогорья обрываются вниз — местами очень круто — и падают на узкие прибрежные равнины, отчасти тоже изрезанные небольшими горными образованиями, равнины, более влажные, плодородные, богатые, весьма пригодные для земледелия Климат здесь более ровный, морской. Таковы Валенсия, Андалусия, Галисия, Астурия, Баскония и отчасти Каталония. Эта прибрежная часть страны составляет в сумме около трети всей поверхности полуострова. Вполне понятно, что разнообразие естественных условий — климата, почвы, рельефа и т.д. — должно было способствовать и действительно способствовало, как указывает К. Маркс, развитию на Пиренейском полуострове большой самобытности и независимости населявших его племен и формировавшихся здесь провинций, городов и коммун. (И.М.)

14 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.X, стр.721—722.

15 А.Трачевский Испания девятнадцатого века. М., 1872, стр.29.

16 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XI, ч.1, стр.48.

17 M.Lafuente. Historia general de Espana, Barcelona, 1925, с.23, стр.18—21.

18 Lafuente. Historia general de Espana, т.23, стр.90.

18а А.Трачевский. Испания девятнадцатого века, стр.58.

19 См. книжку В.Мирошевского «Освободительные движения в американских колониях Испании» (М., 1946), из которой почерпнута большая часть нижеприводимых данных об испанской Америке и ее борьбе.

20 С благословения Екатерины Миранда был радушно принят в большом петербургском свете, его везде приглашали на званые обеды и приемы; за ним ухаживали министры и дипломаты; когда представители трех бурбонских держав (Франции, Испании и Неаполя) в Петербурге заявили протест против того, что Миранда везде появляется в мундире полковника испанской армии (Миранда ранее служил в испанских войсках), Екатерина разрешила ему носить мундир русского полковника. Попытка испанского двора добиться выдачи Миранды, как изменника, или по крайней мере высылки его из России, не увенчалась успехом. А когда ввиду отказа Екатерины от намерения отправить эскадру Муловского в Тихий океан Миранда в 1787 г. покинул Россию, он получил на дорогу 2 тыс. фунтов и рекомея дательные письма к русским послам при европейских дворах, в которых им вменялось в обязанность оказывать Миранде всяческое покровительство вплоть до предоставления убежища в зданиях посольств. (См. В.Мирошевскии. Указ.соч., стр.83—94).

21 По расчетам известного путешественника А.Гумбольдта, приведенным в его труде «Essai politique sur le Royaume de la Nouvelle Espagne» (Paris, 1811, т.IV, стр.259), средний ежегодный ввоз в Испанию золота и серебра из Америки составлял:

годы	млн пиастров
1500—1545	3
1545—1600	11
1600—1700	16
1700—1750	22,5
1750—1803	35,3

1 пиастр = 8 реалам.

22 D.Pradt. Memoires historigues sur la revolution d'Espagne. Paris, 1816, стр.43—44.

23 Maldonado Jose Munos в своей «Historia poli'tica y militar de la guerra de la independencia de Espana» (1833, стр.229) говорит, что в 1808 г. общая численность четырех французских армий, находившихся в Испании, достигала 80 тыс. человек. Pi-y-Margall в своей «Los grandes conmociones politicas en Espana» (стр.17) определяет численность французских войск в 1808 г. примерно в 100 тыс. Что касается испанской армии, то Lafuente в своей «Historia general de Espana» (т.23, стр.39) для октября 1808 г. дает цифру в 36 тыс. человек.

24 Одним из излюбленных методов Годоя, применявшихся им для сохранения своего влияния на Карла IV, было создание мнимых заговоров на его жизнь или корону, которые Годой «открывал» и тем самым доказывал свою незаменимость королю и королеве.

25 Годой происходил из Бадахоса (Эстремадура), а жители этой провинции славились искусством приготовлять колбасы. Отсюда кличка «колбасники», часто применявшаяся к выходцам из Эстремадуры.

26 D.Pradt. Указ.соч., стр.66.

27 D.Pradt. Указ.соч., стр.66.

28 Там же, стр.359—361.

29 D.Pradt. Указ.соч , стр.359—361.

30 Ни Карл IV с женой, ни Годой больше не вернулись в Испанию Бывшая королевская чета сначала жила во Франции, потом в Риме, оба умерли в 1819 г. Годой сопровождал их в изгнании — во Франции и в Ри ме, после июльской революции 1830 г. он жил в Париже на жалованье, получаемое от Луи Филиппа, в 1847 г. Годою были возвращены его титулы и значительная часть его прежнего имущества, однако он остался за границей и умер здесь в 1851 г.

31 А.Трачевский. Испания девятнадцатого века. М., 1872, стр.116.

32 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч, т.X, стр.725.

33 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.X, стр.725.

34 А.Каррель. Испания и ее революция, СПб, 1866, стр.16. Автор — известный французский писатель, карбонарий и непосредственный участник испанских событий.

35 D.Pradt. Указ.соч., стр.187—190.

36 Мы обнаружили экземпляр этого документа в русском переводе в архивах царского министерства иностранных дел (дело № 7513, папка «Madrid, Gr.Stroganoff», 1808, № 7—76).

37 Архив внешней политики МИД, канцелярия, № 3269, папка «Espagne», 1808, № 18—19.

38 См., например, инструкции Александра I русскому послу в Испании кн.Репнину от 27 мая 1810 г. (Архив внешней политики МИД, канцелярия, № 7520, папка «Espagne», 1810, № 1—5).

39 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.X, стр.722.

40 Известный испанский историк Лафуенте сообщает, что летом 1810 г. численность французских войск на Пиренейском полуострове достигала 269 тыс. (M.Lafuente. Historia general de Espana, т.23, стр.360).

Русский поверенный в делах в Мадриде Моренгейм в апреле 1811 г. доносил в Петербург, что на Пиренейском полуострове расквартировано 286 тыс. французских войск, а именно

1 корпус	(Испания)	28 754 чел
2 корпус	(Португалия)	20 000 »
3 корпус	(Арагон)	14 675 »
4 корпус	(Андалусия)	14 944 »
5 корпус	(Андалусия)	13 478 »
6 корпус	(Португалия)	22 500 »
7 корпус	(Каталония)	19 768 »
8 корпус	(Португалия)	22 000 »
9 корпус	(Португалия)	14 000 »

Кроме того, армия центра насчитывала 21298 человек, императорская гвардия — 19826 человек, гарнизоны шести военных округов — 65309 человек, парижская дивизия генерала Боннэ — 3291 человек, арьергард (войска Рейнской конфедерации) — 16 356 человек.

Приведенные данные почерпнуты из Архива царского МИД, канцелярия, № 7524—7528, папка «Мадрид, Моренгейм», 1811. № 8—41.

41 Maldonado Jose Munoz. Historia politica y militar de la guerra de la independencia de Espana. Madrid, 1833. стр.271.

42 Архив внешней политики МИД, канцелярия, № 7522, папка «Madrid», 1810, № 29, «Journaux».

43 Там же.

44 А.Трачевский. Испания девятнадцатого века, стр.155—163.

45 Там же.

46 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.X, стр.743

47 M.Lafuente. Historia general de Espana, т.25, стр.286.

48 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.X, стр.744.

49 Там же, стр.726.

50 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.X, стр.726—727.

51 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.X, стр.728—729.

52 По преданию, сюда будто бы в 829 г. н.э. были перенесены останки апостола Иакова покровителя Испании На мест их погребения был по строен собор вокруг которого расположен город Сант-Яго Хотя вся эта история явно выдумана, что было доказано в XVII столетии испанское духовенство наживало на созданной им легенде огромные деньги Со всей Испании собирался особый налог на поддержание святынь Сант-Яго, и сюда ежегодно стекалось множество богомольцев со всех концов страны.

53 M.Lafuente. Historia general de Espana, т.24, стр.12.

54 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.X, стр.737.

55 Там же, стр.739.

56 К.Маркс и Ф.Энгельс Соч., т X, стр.739.

57 В состав Регентского совета входили епископ Оренсенский, генерал Кастаньос, морской офицер Эсканьо, Франсиско Сааведра и Мигель Лардисабаль Последний представлял в регентстве испанские колонии в Америке.

58 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.X, стр.751.

59 А.Трачевский. Испания девятнадцатого века, стр.186—187.

60 К.Маркс и Ф.Энгельс Соч, т.X, стр 740.

62 А.Трачевский. Испания девятнадцатого века, стр.232.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Продолжение следует. Следите за обновлениями на Vive Liberta или в нашем сообществе.

Иван Михайлович МАЙСКИЙ

ИСПАНИЯ 1808–1917

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2009.

Начало публикации текста (скачивать здесь: http://vive-liberta.diary.ru/p80399924.htm; там же иллюстрации и обсуждение)

Предисловие
Испания накануне 1808 г.
Экономические и социальные отношения
Политические отношения
Наполеон и Бурбоны (1808)
Борьба с Наполеоном и первая революция (1808—1814)
Фронт
Тыл
В этом выпуске:
Контрреволюция (1814—1820)
Вторая революция (1820—1823)
О формах классовой борьбы в Испании
Восстание Риего
Три года революции
Интервенция «Священного союза»
Черное десятилетие (1823—1833)
Первая карлистская война и третья революция (1833—1843)
Социальные корни войны
Военные операции
Политическая борьба
Диктатура Эспартеро
Диктатура генерала Нарваеса (1843—1854)
Экономика Испании в середине XIX века
Четвертая революция (1854—1856)
Политические качели О'Доннель—Нарваес (1856—1868)
Пятая революция (1868—1874)
Появление пролетариата на исторической сцене
В поисках буржуазной монархии
Первая республика
Вторая карлистская война (1873—1876)
Испанский вариант «прусского пути» (1874—1898)
Истоки «прусского пути»
Кановас и Сагаста
Машина псевдопарламентаризма
Внутренняя политика реставрации
Рабочее и крестьянское движение
Эпоха империализма и внешняя политика реставрации Разложение режима реставрации (1898—1917)
«Поколение 1898 г.»
Капиталистическое развитие Испании Социальные перемещения в правящем блоке Рост рабочего и крестьянского движения
Распад старых политических партий
Заключение
Источники и литература
Указатель имён и географических названий

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ (1814—1820)

22 марта 1814 г., как раз в тот момент, когда армии шестой антифранцузской коалиции подходили к Парижу, Фердинанд появился на испанской границе вблизи Перпиньяна. Его сопровождали младшие братья и испанская свита. Требование кортесов было выполнено: иностранцев с Фердинандом не было. На самой границе разыгралась весьма символическая сцена: когда Фердинанд подъехал к речке Флювии, разделявшей позиции французских и испанских войск, сбежалась большая толпа каталонских крестьян. В восторге они бросились по пояс в воду, кидали в воздух шапки и кричали «виват». Крестьянам вторили стоявшие тут же испанские войска. Так встретил испанский народ этого презренного бурбонского выродка, в котором, несмотря ни на что, хотел видеть олицетворение своей независимости. А когда затем губернатор Каталонии торжественно вручил королю текст конституции 1812 г., Фердинанд презрительно сунул его под сидение своей кареты. Так началась контрреволюция.

За шесть лет французского плена Фердинанд окончательно нашел себя. Его жизнь в замке Валансе протекала в истинно бурбонском стиле: прогулки, биллиард, танцульки, пьяные оргии, любовные интриги, религиозные церемонии. Под высоким руководством своего духовника Остоласа — законченного негодяя перуанского происхождения — Фердинанд сам служил обедни и лично вышивал покров богородице из белого шелка с золотом. При каждом удобном случае он позорно раболепствовал перед Наполеоном: поздравлял его с одержанными победами, просил дать ему в жены принцессу из рода Бонапартов, умолял императора назначить дон Карлоса начальником одной из дивизий «великой армии», отправившейся на завоевание России. Все худшие стороны натуры Фердинанда полностью развились во Франции, и теперь он возвращался домой законченным реакционером, мракобесом-церковником и трусливо-мстительным изувером в отношении прогрессивных сил страны.

Вступив на родную почву, Фердинанд не торопился в Мадрид. Весь путь его от границы до столицы занял почти два месяца: от 22 марта до 13 мая. И в этом был свой расчет. Не имея ясного представления о силах либералов, король хотел сначала прощупать настроение страны, а затем уже решить, что следует делать. Кроме того, Фердинанд желал до вступления в Мадрид войти в более тесный контакт с испанскими монархистами и явиться в столицу, уже опираясь на организованные силы реакции.

Энтузиазм, с которым он был встречен на границе, сильно окрылил короля, но до поры до времени он считал необходимым соблюдать осторожность. Поэтому Фердинанд не произносил ни слова в ответ на многочисленные приветствия, которыми его встречали на пути. Однако дела Фердинанда ясно указывали на направление его мыслей. Так, он самовольно изменил маршрут, предписанный ему кортесами, и заехал в Сарагосу, где имелось много роялистов. Действительно, Сарагоса устроила королю торжественный прием, носивший характер демонстрации против кортесов. Далее, из Сарагосы Фердинанд направился не прямо в Мадрид, а двинулся совсем в другую сторону, в Валенсию, ибо туда его усиленно приглашал ярый монархист генерал Элио, командовавший здесь 40-тысячной армией. Встреча в Валенсии превзошла все ожидания Фердинанда: огромная толпа окружила кортеж короля в нескольких километрах от города, лошади были выпряжены, и люди на себе тащили карету «обожаемого монарха» до отведенного ему помещения. Затем армия Элио присягнула Фердинанду, как королю божией милостью, сохранившему все права и привилегии своих предков. Это еще более подняло дух Фердинанда, и он счел момент удобным для того, чтобы заговорить. Когда здесь же, в Валенсии, его посетила депутация духовенства, потребовавшая восстановления инквизиции и старых порядков вообще, король ответил: «Это именно мои желания, и я не успокоюсь, пока они не будут исполнены».

Таким образом, политический курс был намечен. И как бы для того, чтобы его особенно подчеркнуть, Фердинанд устроил гнусную демонстрацию: когда в Валенсию прибыла депутация регентства и кортесов, во главе с дядей короля кардиналом Бурбоном, Фердинанд на глазах у всех презрительно повернулся к ней спиной и, вытянув руку назад, дал ее поцеловать членам депутации. После того депутация оказалась в Валенсии на положении арестованной. Все эти симптомы не предвещали ничего хорошего и, казалось, должны были побуждать передовые круги народа, т.е. прежде всего либералов, к мобилизации своих сил, к подготовке отпора надвигающийся контрреволюции.

А что на самом деле происходило в Мадриде?

Раболепные, чувствуя приближение своей победы, выжидали благоприятного момента и потому вели двойную игру: на словах они клялись в верности конституции 1812 г., а тайно» отправили Фердинанду письмо, начинавшееся словами: «У древних персов был обычай по смерти короля проводить пять дней в анархии». И дальше в этом документе доказывалось, что все решения кортесов, принятые в период революции, являются изменой королю и извращением желаний нации... В конце стояли подписи 70 наиболее видных раболепных, получивших на

политическом жаргоне того времени кличку «персов».

Ну, а либералы? Либералы в этот критический для них и для Испании момент обнаружили непростительные слабость и близорукость. Все прогрессивно настроенные люди ясно видели быстро поднимающуюся тучу реакции. Левое крыло движения настаивало на принятии, пока не поздно, решительных мер. Революционно настроенные вожди герильерос, в частности генерал Франсиско Мина, предлагали либеральным депутатам кортесов свою вооруженную помощь. Однако вожди либералов — Канга Аргуельес, Мартинес де ла Роса и другие — и слышать об этом не хотели. Они мелодраматично восклицали: «не надо братоубийственной войны!» И в ответ на аргументы революционеров наивно утверждали, что все дело лишь в «незнании» королем, так долго пробывшим в плену, истинны-с чувств и желаний народа; вот король приедет в Мадрид, совсем ознакомится, и все после этого само собой образуется.

Чем трусливее вели себя либералы, тем смелее становился Фердинанд. 4 мая, все еще оставаясь в Валенсии, он опубликовал указ, который ставил уже все точки над «и». «Я заявляю, — говорилось в этом указе, — что я не только не присягну и не признаю ни конституции (имеется в виду конституция 1812 г. — *И.М.*), ни каких-либо декретов кортесов, противоречащих древним правам и привилегиям монарха, но и объявляю эту конституцию и декреты несуществующими. Они лишены всякой силы, как если бы их никогда не было. Наши подданные не обязаны их выполнять... Всякий, кто прямо или косвенно будет препятствовать выполнению настоящего указа, совершит преступления против короля и, как таковой, подлежит наказанию смертной казнью»[1].

Так говорил человек, который всего лишь за несколько недель перед тем, еще будучи во Франции, в послании на имя регентства заявлял свое одобрение «восстановлению кортесов и всему прочему, что совершилось в мое отсутствие на пользу государства». Впрочем, Фердинанд здесь лишь следовал традиции бурбонского вероломства.

Одновременно король сформировал новое правительство, поставив во главе его своего воспитателя и наперсника герцога Сан-Карлоса, и назначил губернатором Кастилии (т.е. провинции, в которой находится Мадрид) генерала Эгиа — жестокого палача и отъявленного реакционера.

Затем началась расправа. В ночь с 10 на 11 мая в Мадриде были арестованы все виднейшие вожди либералов: Канга Аргуельес, Мартинес де ла Роса, Кинтана, Торреро и др. Были арестованы также два члена регентства — Сискар и Агар, а третий член — кардинал Бурбонский - выслан из столицы. Кортесы были закрыты. Когда арестованных везли в тюрьму, реакционные банды бесновались на улицах Мадрида и кричали: «Да здравствует абсолютный король! Да здравствует инквизиция!»

13 мая Фердинанд вступил в столицу. Предательскую роль при этом сыграли англичане. По просьбе раболепных британский посол при регентстве Ричард Уэллслей (брат Веллингтона) с отрядом английской кавалерии открывал королевскую процессию, предохраняя ее от каких-либо «нежелательных инцидентов». Когда Фердинанд входил в свой дворец, те же реакционные банды стали сбивать с здания кортесов сделанную из бронзовых букв надпись «Свобода». Потом на одной из главных площадей города было устроено символическое аутодафе: сожгли огромную кипу протоколов кортесов, либеральных книг, памфлетов, газет и журналов. Затем последовала торжественная месса в храме с пением «Te Deum» («Тебя бога хвалим»), во всей этой шумихе несомненно было много искусственного, стоившего раболепным немало денег и усилий. Однако тот факт, что они осмелились выступить столь открыто, говорил об очень многом.

Едва Фердинанд уселся на троне, как началась спешная реставрация старого режима. Король решил зачеркнуть все то, что произошло в стране между 1808 и 1814 гг. Подавляющее большинство крупных землевладельцев и высшего духовенства поддерживало его в этом стремлении. И результаты не замедлили сказаться.

Кортесы были распущены без назначения новых выборов; провинциальные собрания и городские муниципалитеты начисто ликвидированы; воскресла инквизиция, установившая жестокий террор; вновь открылись монастыри, которым были возвращены отнятые у них владения; иезуиты получили право возобновить свою деятельность; вернулись к жизни государственный совет Кастилии и вся старая машина управления; были восстановлены все прежние феодальные права и привилегии помещиков, гильдии и цехи, монополии и подати, ведущие свое начало еще с габсбургских времен; печать подверглась жесточайшим репрессиям, а тюрьмы переполнились представителями прогрессивных течений, видными членами кортесов и провинциальных хунт. Тысячи либералов ссылались в Африку, заточались в крепости и монастыри, подвергались всевозможным гонениям. Двенадцать тысяч «офранцуженных» были приговорены к изгнанию из страны. Так как суды в ряде случаев отказывались выносить обвинительные приговоры за полным отсутствием улик, то сам король стал творить суд и расправу. Он проводил ночи за арестами своих политических противников, а затем щедрой рукой обрушивал на их головы всевозможные кары. Особенно известен случай, когда в ночь с 16 на 17 декабря 1815 г. Фердинанд одним

1 P.Pi-y-Margall. Los grandes conmociones politicas en Espana. Barcelona, стр.117

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
М.: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

росчерком пера приговорил десятки виднейших прогрессивных деятелей к долгим срокам заключения или к изгнанию из страны. Такова была благодарность этого бурбонского негодяя испанскому народу, который в своей политической наивности только что понес неисчислимые жертвы для того, чтобы посадить его на трон!

Самой трудной проблемой для короля являлась армия, которая, как мы знаем, в годы борьбы за независимость революционизировалась больше, чем какие-либо другие органы испанского государства. Король прекрасно сознавал, что в рядах армии, среди ее солдат, офицеров и даже генералов, имеется много сторонников конституции 1812 г., но сначала он не решался взять слишком крутой курс в отношении военных. Правда, назначенный им военный министр генерал Эгиа — заядлый монархист и реакционер — произвел «чистку» командного состава войск и посадил под замок некоторых бывших вождей герильерос, однако полностью обеспечить «благонадежность» армии он не смог. Чтобы как-либо парировать грозящую с этой стороны опасность, Фердинанд пошел иным путем: он сократил размер армии до 55 тыс. человек и посадил ее на голодный паек (тем более, что государственные финансы находились в полном расстройстве). Солдаты спали на голой земле, ходили в лохмотьях, питались чем бог пошлет, годами не получали полагавшегося им жалования; офицеры тоже сидели без денег и сверх того на каждом шагу сталкивались с проявлениями недоверия к себе со стороны господствующего режима. **Все это было не очень умно, ибо только озлобляло армию и ускоряло наступление неизбежного взрыва, но зато это было в стиле Фердинанда, так гармонично сочетавшего в себе два основных начала: глупость и подлость.**

Впрочем, неизбежный взрыв возмущения в тот момент еще был революционной музыкой будущего, хотя и не очень отдаленного, а пока Фердинанд, ставший вполне самодержавным, справлял дикий пир средневековой реакции. Дух ее, быть может, ярче всего был выражен в популярной песне, сочиненной монахами и распевавшейся тогдашними реакционными бандами:

Vivan las cadenas! Viva la opresion!
Viva el rey Fernando! Muera la nacion![2]

Трудно представить себе что-либо более гнусное и нелепое! Однако эта невероятная песня прекрасно передавала сущность режима Фердинанда.

Вместе со старым порядком воскрес и один из важнейших его институтов — королевская камарилья, ставшая теперь еще более презренной, чем даже во времена Карла IV. Во главе ее стоял уже упоминавшийся духовник Фердинанда Остолас, видными членами ее были папский нунций Гравина и начальник гвардии герцог Алагон. Монахи и священники льнули к камарилье, как мухи к меду, окрашивая все ее интриги в церковно-католические цвета. Большую роль играли также разные проходимцы «демократического» происхождения, шут Гамарро, лакей Монтенегро, камердинер Рамирес, приспешник Угарте и др. Королевские слуги стали важными персонами, перед которыми заискивали министры. В стиле камарильи были и господствовавшие при дворе нравы: дикие оргии, кошачьи концерты, бои на кулачках. Нередко сам король в сопровождении герцога Алагона целые ночи проводил «инкогнито» в самых злачных вертепах столицы. А в промежутке между двумя бутылками вина, за пьяным столом, решались важнейшие государственные дела, от которых зависела судьба страны и народа. Об интересах Испании при этом никто не думал, все думали только о собственной выгоде. Фавориты сменялись с калейдоскопической быстротой. Правительства приходили и уходили каждые три месяца: за период с 1814 по 1819 г. сменилось 24 министерства. Королевские сумасбродства доходили иногда до геркулесовых столбов. Так, однажды вице-губернаторы Валенсии, Севильи и Кадиса получили из Мадрида предписание арестовать и расстрелять начальников гарнизонов этих городов, а самим занять их места. Ни один из вице-губернаторов не решился привести приказ в исполнение. Тогда военный министр заявил, что произошло предательство: такого приказа де никогда не издавалось, виновный в преступлении будет разыскан и строго наказан. Наряженное по этому поводу следствие пришло к выводу, что во всем виноват... писец, который переписывал приказ. Его предали суду, но суд вынес оправдательный приговор. После этого король щедро наградил писца.

Вполне естественно, что для такого режима очень скоро оказались непригодными даже старые друзья и наперсники Фердинанда, вроде герцога Сан-Карлоса, герцога Инфантадо, каноника Эскойкиса и др. Все эти люди, еще так недавно являвшиеся знаменосцами Фердинанда, теперь оказались слишком «приличными» для него и были уволены или удалены от двора. Героем дня стал наглый проходимец в раззолоченной ливрее, действовавший по принципу: хоть день, да мой! Рвачество, коррупция, мотовство, прожигание жизни достиг баснословных размеров. Все продавалось и все покупалось, вопрос был только в цене.

Едва ли нужно говорить, что в подобной обстановке экономическое и финансовое положение страны, разоренной тяжелой шестилетней войной, становилось все более катастрофичным.

---

2 «Да здравствуют цепи! Да здравствует угнетение! Да здравствует король Фердинанд! Да умрет нация!» А.Трачевский. Испания девятнадцатого века, стр.243.

Множество промышленных предприятий стояло, торговля сильно сократилась, в городах и по дорогам бродили толпы нищих и бандитов, доходы с американских колоний почти совсем прекратились, государственный долг возрос до исполинских размеров, бюджет регулярно сводился с дефицитом в 50—60%, причем четыре пятых расходов входило на армию, на двор, на погашение процентов по займам. Эта отчаянная ситуация вынудила Фердинанда в декабре 1816 г. назначить министром финансов Мартина де Гарая, несмотря на го, что его имя было связано с созданием конституции 1812 г. Гарай, являвшийся крупным финансистом, в течение почти двух лет пытался привести хотя бы в относительный порядок государственный бюджет. Однако принятые им меры, в особенности введение некоторых налогов, затрагивавших аристократию и церковь, вызвали такую бурю возмущения в придворных кругах, что падение его стало неизбежно. В сентябре 1818 г. Гарай был отстранен от должности, арестован и отправлен в ссылку.

С возвращением Фердинанда очень обострился также колониальный вопрос. Мы уже видели, что сепаратистское движение в испанской Америке к началу XIX столетия приняло широкий размах и что битва при Трафальгаре фактически сделала ее почти независимой от метрополии (см. выше). События 1808—1814 гг. еще более усугубили эту тенденцию к самостоятельности. Правда, первоначально различные провинциальные хунты весьма шумно и торжественно выражали свои дружеские чувства к далеким соотечественникам за океаном. Центральная хунта 22 января 1809 г. даже приняла специальное решение, в котором заявляла, что испанские владения в Америке являются не колониями, а «существенной и нераздельной частью испанской монархии», и в доказательство этого предоставила им право послать 12 представителей в самую хунту. В мае 1810 г. первый Регентский совет, оставленный самораспустившейся Центральной хунтой, удовлетворил давнишнее требование колоний и ввел в испанской Америке свободу торговли. Словом, в первые два года революции метрополия сделала несколько шагов навстречу колониям, стремясь как будто бы наладить с ними добрые отношения. Известный отклик эти шаги нашли и среди населения колоний, особенно среди креолов, являвшихся главными носителями сепаратистской идеи. Испанская Америка, подобно метрополии, выступила против Франции и за восстановление Фердинанда на испанском престоле. В 1809 г. она дала метрополии 500 млн. реалов (т.е. гораздо больше, чем обычно), причем около трети этой суммы было собрано путем добровольных пожертвований. Она приняла также у себя уполномоченных Центральной хунты. Однако этот «медовый месяц» продолжался недолго. Реакционность Центральной хунты, с образцами которой мы уже познакомились в области внутренней политики, нашла свое яркое выражение и в колониальном вопросе. Провозглашая на словах громкие принципы о равноправии заокеанских владений с метрополией, о свободе торговли в испанской Америке и т.д., Центральная хунта (и сменивший ее Регентский совет) на деле сохранили почти в полной неприкосновенности старые колониальные порядки и старую колониальную администрацию. Это, естественно, вызвало большое разочарование среди креолов и вновь оживило сепаратистское движение. В конце 1809 и в 1810 г. во всех колониях произошла «революция», закончившаяся почти без пролития крови: старая испанская администрация была низложена, и власть перешла в руки местных хунт, т.е. фактически в руки креолов. Впрочем, эти хунты формально действовали именем Фердинанда и продолжали посылать пожертвования в Испанию, избегая до поры до времени открытого разрыва с метрополией. Кадисские кортесы на известный период задержали отпадение американских колоний. Больше того, конституция 1812 г. несомненно содержала положения, которые могли бы заложить основы более дружественных отношений между метрополией и ее заокеанскими владениями, и, если бы она действительно вошла в жизнь, судьба испанской империи, вероятно, сложилась бы иначе. Однако с воцарением Фердинанда VII конституция 1812 г. попала в мусорный ящик, а колонии были поставлены перед выбором: старый режим или война за независимость. Ибо новый король не только отказался признать все постановления Центральной хунты и кадисских кортесов о колониях, но и стал отправлять в Америку армии для приведения к покорности своих слишком вольнолюбивых заокеанских подданных. Это, естественно, чрезвычайно обострило отношения между метрополией и колониями и, как увидим ниже, сильно способствовало развязыванию второй революции в самой Испании.

Внутренняя слабость Испании, вытекавшая из торжества контрреволюции, пагубно отражалась и на ее международном положении. Правда, Наполеона больше не было, но о независимости Испании в области внешней политики не могло быть и речи, хотя этот факт пока еще плохо доходил до сознания Фердинанда и его клики. Наоборот, Испания все определеннее превращалась в игрушку великих европейских держав той эпохи.

Сначала Фердинанд взял курс на фактическое (если не формальное) восстановление «семейного договора 1761 г.», благо Бурбонские династии теперь вновь сидели на тронах Франции, Испании, Неаполя и Пармы. Это по существу означало возобновление тесного союза всех Бурбонов и вместе с тем подчинение Мадрида Парижу. Однако в слабой голове Фердинанда данная политика преломилась, как огромный успех испанской дипломатии. Фердинанд всерьез вообразил, что на базе блока всех Бурбонов Испания опять, как при Карле III, сможет стать одной

из великих держав Европы. Отсюда вытекала та нелепая линия поведения, которую Испания заняла на Венском конгрессе 1815 г. Ее уполномоченный на этом конгрессе Лабрадор — глупый и вздорный дипломат эпохи Карла IV — считал себя одним из вершителей мира. Вместо того, чтобы сосредоточить все свои усилия на непосредственно испанских интересах, он вмешивался — притом часто весьма бестактно — во все вопросы мировой политики, выступал крайне нелепо, перессорился чуть не со всеми членами конгресса и в результате привез из Вены лишь одни неприятности: венский трактат оказался весьма мало благоприятным для Испании. Тогда Фердинанд решил сделать гордый жест и отказался подписать этот трактат. Испанский король думал «напугать» Европу, — на самом же деле он только увеличил изоляцию своей страны и облегчил другим державам использование ее в своих собственных интересах.

Прекрасной иллюстрацией этого может служить та ожесточенная борьба, которая в годы контрреволюции разыгралась на мадридской сцене между Россией и Англией. Ее проводниками явились русский посол в Испании Татищев и уже знакомый нам герцог Веллингтон.

В те годы Россия и Англия выступали соперниками в Оттоманской империи, во Франции, в польском вопросе; их интересы сталкивались в ряде международных проблем; в Испании конфликт был отражением общего противоречия между Лондоном и Петербургом, но, конечно, здесь он был облечен в специфические формы, вытекавшие из условий места и времени.

Татищев — энергичный, ловкий, но не очень крупный дипломат — сначала делал ставку на довольно обычную в ту эпоху карту «брачной дипломатии»: в 1814—1815 гг. с благословения русского двора он соблазнял Фердинанда возможностью, обсуждавшейся уже и раньше, породниться с династией Романовых, женившись на сестре Александра I — Анне Павловне. Его поддерживала группа испанской аристократии, возглавляемая герцогом Сан-Карлосом, в расчете на получение поддержки со стороны могущественной Российской державы. Его поддерживали также испанские либералы в расчете, что сближение между Фердинандом и «либералом» Александром I (в тот период он еще сохранял эту репутацию в Европе) будет способствовать ослаблению внутренней реакции в стране. Чтобы поддержать такую репутацию своего монарха, Татищев от времени до времени ходатайствовал перед Фердинандом об облегчении участи того или иного из подвергшихся репрессиям либералов.

Перед Веллингтоном, прибывшим в Испанию осенью 1814 г. в качестве специального уполномоченного британского правительства, была поставлена задача бороться с идеями «семейного договора 1761 г.» и с влиянием русской дипломатии при испанском дворе. Особенное значение придавалось второй задаче. И, поскольку целью Татищева являлось заключение брака между Фердинандом и Анной Павловной, Веллингтон, прежде всего, повел атаку против этого плана. Британский герцог не жалел усилий для того, чтобы всячески раздувать в католическом духовенстве и в другой части испанской аристократии оппозицию против союза короля с православной. Не довольствуясь этим, он выдвинул против Анны Павловны «контрневесту» — Марию-Изабеллу, одну из дочерей португальского короля. Она происходила из «союзной» Великобритании династии и являлась католичкой, что исключало возможность каких-либо интриг в связи с вероисповеданием будущей королевы. Веллингтон соперничал с Татищевым и по части жестов в сторону либералов. Ему это было делать тем легче, что зверства испанской контрреволюции вызвали бурные протесты среди более прогрессивных элементов в самой Англии. Здесь представители оппозиции — в парламенте и вне парламента — не стеснялись называть Фердинанда «злодеем», «презренным и мерзким тираном», «отвратительным и кровожадным деспотом» и всякими иными аналогичными именами. Конечно, английские консерваторы, стоявшие тогда у власти, по существу были полностью на стороне Фердинанда: недаром Веллингтон, как мы знаем, так много потрудился над возвращением его на трон. Однако протесты левых кругов создавали для консерваторов известные внутренние трудности на пути сближения с Испанией и использования ее в британских интересах. Поэтому лорд Кэстльри — тогдашний министр иностранных дел Англии — находил «крайности» испанской контрреволюции «неблагоразумными» и рекомендовал Веллингтону выступать в роли «укротителя» им же самим разнузданного зверя. Лондонские инструкции совпадали с местными нуждами герцога, и он тоже не раз просил Фердинанда о смягчении участи столь нелюбимых им либералов. Так как, однако, за этими ходатайствами король не чувствовал ни силы, ни искреннего убеждения, он мало обращал на них внимания. Не смущаясь этим, Веллингтон делал все возможное для дальнейшего укрепления испанской контрреволюции: так как Татищев опирался на группу герцога Сан-Карлоса, представлявшую идеи «умеренной реакции», то Веллингтон стал опираться на группу Севальоса, представлявшую идеи «крайней реакции», и в конце концов помог ей прийти к власти.

Татищев, однако, не падал духом. Так как в связи с появлением на горизонте «португальской принцессы» брак Фердинанда с Анной Павловной отпал, то русский посол выдвинул против Марии-Изабеллы другую кандидатуру в «невесты» — сицилийскую принцессу, которая, как католичка, не могла вызывать у испанцев никаких возражений религиозного характера. Маневр Татищева на некоторое время задержал осуществление плана Веллингтона, но совсем расстроить его не смог: в конце 1816 г. Мария-Изабелла все-таки стала женой Фердинанда. Русский посол

попытался тогда — и не без известного успеха — поставить ставку на новую королеву, но это была уже не очень надежная карта, к тому же Мария-Изабелла скоро умерла. Однако главным козырем Татищева, на который он возлагал большие надежды, явилось другое предприятие, которое было тесно связано с колониальными затруднениями Испании.

Мы уже говорили о том, что Фердинанд решил полностью восстановить старый порядок в испанской Америке. Для этого ему нужны были войска и флот. Войска Фердинанд собирал — хоть и с большим трудом — в Испании. Флота же у него после Трафальгара не было. Татищев и решил использовать эту крайнюю нужду Фердинанда в военно-морских силах: в начале 1817 г. русское правительство согласилось продать Испании пять линейных 74-пушечных кораблей и три 44-пушечных фрегата. Больше того, шла подготовка в Испанию обещанной эскадры. Это время было зенитом влияния Татищева. Англичане были оттеснены на задний план; между петербургским и мадридским дворами наблюдалась редкая гармония; русский посол в Испании стал центральной фигурой дипломатического корпуса; к его советам прислушивались не только в области внешней, но и в области внутренней политики; по его настоянию правительство образовало так называемую «хунту реформ», занимавшуюся главным образом вопросом об урегулировании государственного бюджета; при его поддержке министром финансов стал уже упоминавшийся нами Гарай. Однако господство Татищева было построено на песке, ибо царское правительство оказалось более чем легкомысленным при выполнении взятых на себя обязательств. Когда весной 1818 г. столь нетерпеливо ожидаемая русская эскадра прибыла, наконец, в Кадис, сразу же выяснилось, что она совершенно не годится для плавания в океане: суда были старые, сгнившие, без единого запасного паруса, и требовалось много времени и расходов для приведения их в мореходное состояние. Историю с эскадрой широко использовали все враги России при мадридском дворе и, прежде всего, конечно, англичане. Влиянию Татищева был нанесен тяжелый удар. И, хотя в дальнейшем русское правительство в порядке компенсации прислало Испании несколько хороших фрегатов, все-таки дело было сделано: Татищев уже больше не смог восстановить своего прежнего авторитета и вскоре после того был совсем отозван из Мадрида. Поле битвы временно осталось за Англией. Однако все перипетии этого длинного русско-английского поединка лишний раз подтвердили, какой губительный эффект на международное политическое положение Испании оказала победа контрреволюции.

Разумеется, режим Фердинанда VII не мог не вызывать резкой оппозиции со стороны веек сколько-нибудь прогрессивных и патриотических элементов народа, только что прошедшею героическую школу шестилетней войны за независимость. Этот режим произвел полную реставрацию феодально-абсолютистского порядка; он не хотел пойти ни на какие компромиссы — хотя бы самые умеренные — с силами нарождающегося капитализма, и потому перед испанской буржуазией не было иного пути, кроме пути решительной борьбы против деспотизма Фердинанда. И она, действительно, пошла по этому пути. Первоначально данная борьба выливалась в форму заговоров и волнений по преимуществу военного характера. Из них мы отметим три наиболее важных — восстания Мины (1814), Порлье (1815) и Ласи (1817).

Восстание знаменитого вождя герильерос Франсиско Мины разыгралось в сентябре 1814 г. Мина, как мы знаем, предлагал свою вооруженную помощь либералам накануне въезда Фердинанда в Мадрид, но либералы от нее трусливо отказались. Когда худшие опасения Мины оправдались и контрреволюция стала справлять свою тризну на могиле испанской свободы, смелый генерал решил самостоятельно выступить против реакции. Во главе 4-тысячного отряда он поднял восстание в своей родной Наварре и даже занял крепость Памплону. Мина надеялся, что его примеру последуют другие воинские части, что движение против Фердинанда примет массовый характер и что волна народного негодования, поднявшись в различных местах страны, в конце концов докатится до Мадрида, сметая все на своем пути. Однако Мина был хорошим солдатом и плохим политиком. Он неправильно расценил момент и за это жестоко поплатился. Инициатива Мины не была поддержана, — наоборот, в рядах его собственного отряда свили себе гнездо измена и разложение. Восстание было быстро подавлено, а сам Мина вынужден был бежать во Францию, где и оставался вплоть до начала второй революции в 1820 г.

Гораздо более серьезное значение имело восстание другого героя герильерос «маленького маркиза» Диаса Порлье, вспыхнувшее год спустя в сентябре 1815 г. Вскоре после своего воцарения Фердинанд заключил Порлье в морскую крепость Корунья. Здесь с ним вошли в сношения революционеры Галисии, и 18 сентября Порлье призвал гарнизон Коруньи к борьбе против деспотизма и восстановлению конституции 1812 г. К Корунье присоединился Ферроль и некоторые другие города Галисии. Была образована галисийская хунта, председателем которой стал Порлье. 21 сентября эта хунта обратились к испанскому народу с обширным манифестом, который является ценнейшим документом для суждения как о тогдашнем состоянии Испании, так и о степени зрелости ее революционного движения.

Манифест начинался ярким описанием жертв, понесенных испанским народом в войне за независимость, а также напоминанием о героизме герильерос и мудрости кадисских законодателей. К концу великой борьбы «народу не оставалось ничего больше желать, — говорилось в

манифесте, — как только возвращения из плена своего короля», который — все были в этом уверены — консолидирует уже декретированные реформы и пополнит их такими, необходимость которых будет подсказана опытом Испании и других стран. Однако к всеобщему огорчению король въехал в Мадрид, окруженный «теми, кого неблагоразумие и измена привели в Байонну». Все думали, что такое положение долго не протянется и что «король, наученный горьким опытом, не останется в заблуждении относительно характера своих нечестивых советников», ибо «эти выродки, — продолжал манифест, — которым мы обязаны всеми нашими несчастиями, шесть лет тому назад покинули общее дело и попрали свой священнейший долг. Жадные к сокровищам и почестям, они поспешили тогда преклониться перед иноземным властителем. Они были злейшими врагами своих сограждан, поднявшихся во имя независимости в столице и в провинции. А когда они отчаялись в победе тирана, то сочли самым благоразумным обмануть его. Изменники всех партий... они красуются теперь в трибуналах, чтобы судить тех, которые тогда поддерживали в стране священное пламя патриотизма. Можно ли найти в истории другой пример подобной низости?»

Но ожидания народа не осуществились. Манифест с горечью констатирует, что король по-прежнему остается окруженным изменниками, которые правят страной. Слова честных патриотов не доходят до короля или же безбожно извращаются его советниками. И результаты налицо: «...в течение мирного и спокойного года наши финансы дошли до более жалкого состояния, чем когда-либо. Общественный кредит уничтожен. Доблестные защитники отечества голы, раздеты и разуты, подвергаются унижениям и преследованиям. Трудящиеся стонут под тяжестью налогов. Промышленники видят, как вновь возрождаются старые путы. Торговцы лишены возможности сбывать свои товары. В наших американских колониях с каждым днем возрастает раздражение, ибо они видят, что их депутаты подвергаются аресту, а данные им обещания нарушаются. С одной стороны, тюрьмы, — с другой стороны — месть. Повсюду несправедливость и беспорядок. Таково сейчас состояние несчастной Испании».

Манифест призывает нацию изменить такое положение и воссоздать то правительство, которое уже было признано «королями Пруссии и Швеции, а также великодушным императором России» и «нашим первым союзником — Англией» (имеется в виду правительство кортесов, существовавшее до возвращения Фердинанда. — *И.М.*). Далее авторы документа с горечью заявляют, что только полная невозможность довести до сведения короля чувства и желания народа заставила их принять «ужасное, но неизбежное решение схватиться за оружие и с ним в руках потребовать того, в чем нам было отказано, несмотря на все наши просьбы».

Какова же цель начавшегося движения? Вот она: «Нашей целью, равно как и целью всей Испании, является монархия, действующая на основании справедливых и мудры законов и одинаково гарантирующая прерогативы трона и права нации. Мы требуем созыва кортесов, избранных народом, кортесов, которые могут внести в конституцию 1812 г. изменения, требуемые нашим положением, опытом и законами других ограниченных монархий Европы[4].

Как видим, восстание Порлье политически было очень умеренно: оно носило не республиканский, а конституционно-монархический характер; оно снимало ответственность за все несчастья Испании с плеч Фердинанда и перекладывало ее целиком на плечи его советников; оно допускало пересмотр конституции 1812 г.; оно сохраняло веру в либерализм Александра I; оно, наконец, приносило королю извинение за свое обращение к оружию. Однако контрреволюция не хотела идти ни на какие уступки. Ее базой в Галисии являлся уже известный нам религиозный центр Сант-Яго. В решающие дни восстания церковь и реакционные генералы сумели мобилизовать свои силы и внести элементы разложения в лагерь Порлье. В ночь с 21 на 22 сентября Порлье был схвачен изменниками в собственных рядах и выдан королевским властям. Десять дней спустя он был повешен.

Третье восстание, о котором мы считаем нужным здесь рассказать, произошло в апреле 1817 г. и было связано с третьим героем герильерос генералом Луисом Ласи. С воцарением Фердинанда этот храбрый и талантливый защитник Каталонии был уволен и жил в опале под Барселоной. Вместе с некоторыми другими военными он организовал повстанческий штаб и 5 апреля призвал гарнизоны Барселоны и ее окрестностей к открытой борьбе против режима Фердинанда. Значительная группа войск поддержала Ласи, но измена и тут сыграла свою роль. Восстание провалилось, и Ласи вместе с несколькими более близкими соратниками пришлось бежать. Они направились к французской границе, но по дороге были опознаны местными жителями и выданы королевским властям. Военный суд приговорил Ласи к смертной казни, однако популярность генерала была так велика, что правительство не решилось огласить этот приговор и

---

4 Манифест галисийской хунты 1815 г. представляет чрезвычайно редкий документ, ибо правительство Фердинанда приняло самые энергичные меры для уничтожения всех выпущенных его экземпляров. Однако эта цель ему удалась не вполне. Несколько экземпляров манифеста все-таки сохранилось, в частности за границей. Мы цитируем манифест по книге: L.Jullian. Precis histonque des principaux evenements politiques et militaires qui ont amene la revolution d'Espagne. Paris, 1821, стр.363—364.

увезло Ласи на Балеарские острова, распустив слух, будто бы он отправлен туда в ссылку. Здесь, на Майорке, Ласи был вероломно расстрелян палачами Фердинанда.

Все эти и многие другие восстания 1814—1819 гг., восстания, кончившиеся неудачно и нередко стоившие жизни их вождям, являлись лишь вспышками молний, предвещавших бурю. Скоро пришла и самая буря.

ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1820-1823)

О ФОРМАХ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ИСПАНИИ

Мы подошли теперь к началу более чем полувекового периода в истории Испании (1820—1874), которому трудно найти полную аналогию в развитии других европейских народов. Наиболее важной чертой этого периода является тот факт, что центральную роль в политической жизни страны играет армия, окончательно принявшая, говоря словами К.Маркса, преторианский характер. Армия устраивает «пронунсиаменто», т.е. военные восстания, армия заставляет королей идти на уступки, армия сменяет правительства, армия выдвигает военных диктаторов, которые, оттеснив на задний план монарха, становятся фактическими руководителями государства. Деятельность армии дополняется ожесточенной борьбой придворных клик и замкнутых политических котерий. Все вместе взятое создает впечатление невообразимого хаоса и беспорядочного столкновения личных интересов в ходе бешеной погони за властью. Буржуазная историческая наука обычно пасует перед задачей объяснения указанных событий и по большей части сводит все дело к доброй или злой воле отдельных выдающихся персонажей. Так, например, английский исследователь испанской истории XIX века Батлер Кларк, подводя итоги царствованию Изабеллы II (1833—1868), занимающему большую часть периода, о котором идет речь, пишет: «Ее царствование было эпохой почти непрерывной анархии, в обстановке которой различные политические теории играли лишь роль боевых кличей. Личный эгоизм, зависть или месть часто являются единственным ключом к пониманию ее запутанной истории»[5].

Французский ученый Дедевиз де Дезер, характеризуя то же царствование, заявляет, что оно «представляет собой картину смятения и беспорядка», а также «всеобщей моральной анархии», порожденных интригами генералов, двора, королевы, сановников церкви и политических спекулянтов[6].

Испанский историк и публицист Сальвадор де Мадарьяга в своей книге «Испания» делает такое обобщение: «XIX столетие в Испании должно казаться невообразимым хаосом, если его не рассматривать, как историю воссоздания нации с самого фундамента»[7].

Справедливость требует сказать, что все усилия Мадарьяги на протяжении почти 400 страниц его книги внести хоть какие-либо элементы закономерности в этот «хаос» оказываются тщетными.

Число таких оценок можно было бы легко увеличить, но едва ли это необходимо. Приведенные цитаты достаточно иллюстрируют полную беспомощность буржуазных ученых перед интерпретацией указанного периода испанской истории.

Между тем, если подойти к этому периоду под углом зрения марксистско-ленинского анализа, то окажется, что в видимом «беспорядке» совершавшихся событий был известный внутренний «порядок», вытекавший из логики классовой борьбы в тогдашней Испании, — с той лишь оговоркой, что в сил уже неоднократно отмечавшейся социально-экономической отсталости страны линии этой борьбы не всегда отличались достаточными резкостью и четкостью.

Три главных момента приходится учитывать при рассмотрении политической истории Испании XIX века вообще и форм происходившей в ней классовой борьбы, в частности:

1. Наличие глубоко вкоренившегося партикуляризма, стремления провинций и городов к местной автономии.
2. Наличие трех институтов, воплощающих в себе национальное единство страны и в известной степени перекрывающих партикуляризм, а именно — королевской власти, церкви и армии.
3. Слабость и медленность капиталистического развития Испании, обусловленную главным образом тем, что революция 1808—1814 гг. не сумела ликвидировать основ феодализма. Вытекающие отсюда нищета крестьянства и узость внутреннего рынка явились крупнейшей помехой на пути экономического подъема страны. А это в свою очередь имело последствием недоразвитость и раздробленность испанской буржуазии и — впоследствии — известную недоразвитость и раздробленность испанского пролетариата.

В период, который следовал за наполеоновской эпохой, из трех указанных «национальных» институтов два — королевская власть и церковь, связанные тесным союзом, — стояли на стороне феодально-абсолютистской реакции, были выразителями интересов основных кругов крупного

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808 – 1917
М.: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

5 Butler H. Clarke Modern Spain Cambridge, 1906, стр.306.
6 Лависс и Рамбо. История XIX в, перевод с французского. т.V, М., 1938, стр.350—352.
7 Salvador de Madanaga Spanien. Stuttgardt—Berlin, 1930, стр.53.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

землевладения, что, впрочем, не исключало иногда небольших «семейных ссор» между ними. Иначе обстояло дело с армией.

Как мы видели, шестилетняя война за независимость сильно способствовала ее демократизации: в состав офицерства влилось много буржуазных, мелкобуржуазных и даже крестьянских элементов, выдвинувшихся в партизанской войне; наиболее видные из вождей герильерос — такие, как Мина, Порлье, Ласи и др., — стали генералами; немало кадровых командиров старой армии, имея опыт борьбы за независимость, примкнули к либералам. Правда, в офицерском корпусе и — еще более — среди генералитета имелись также элементы, тесно связанные с крупным землевладением и настроенные крайне реакционно; эти элементы особенно усилились после возвращения Фердинанда из плена. Но несмотря на «чистку», произведенную военным министром генералом Эгиа среди командного состава армии, в ней все-таки сохранилось много сторонников либеральной буржуазии. В результате в войсках, точнее в ее офицерско-генеральской верхушке, образовались два лагеря — либеральный и консервативный, — между которыми все время шла глухая внутренняя борьба.

Вне армии в те годы буржуазия потеряла почти все свои позиции: кортесы были разогнаны, органы местного самоуправления ликвидированы, печать задушена, политические партии подавлены и крупнейшие вожди арестованы или высланы. Буржуазия в силу своей относительной слабости лишена была также мощных экономических и финансовых рычагов, с помощью которых она могла бы оказывать серьезное воздействие на королевскую власть. При таких условиях вполне естественно, что испанский либерализм перенес свою борьбу против феодально-консервативной реакции на то единственное поле, где у него еще имелись известные возможности, т.е. в армию. Либерализм стремился использовать против Фердинанда те воинские части, которыми командовали или в которых играли крупную роль прогрессивные офицеры. Не случайно, конечно, что почти все заговоры и восстания 1814—1819 гг. носили военный характер. Реакционеры платили либералам той же монетой и в свою очередь стремились использовать в интересах контрреволюции те воинские части, во главе которых стояли верные им командиры. Так получилось, что в посленаполеоновские годы классовая борьба между феодалами и буржуазией оделась в военный мундир. Ударными колоннами обоих классов стали воинские части, а их вождями — генералы и офицеры. Гражданские же элементы этих классов играли роль вспомогательных сил и отчасти идейных вдохновителей.

В дальнейшем эта военизированная форма классовой борьбы стала традицией испанской политической жизни, которая, то усиливаясь, то ослабевая под влиянием различных исторических обстоятельств, прошла красной нитью через весь рассматриваемый период и в известной мере сохранилась вплоть до наших дней. Но по мере того, как отходили в прошлое исключительные события войны против Наполеона, влившие так много демократической крови в испанское офицерство; по мере того, как сходили со сцены герои герильерос и из армии испарялся революционный дух борьбы за независимость; по мере того, как вступала в силу историческая «норма» и состав офицерского корпуса все больше пополнялся выходцами из господствующего класса, т.е. из кругов земельной аристократии и дворянства, — в армии неизбежно происходил процесс внутреннего перерождения: левые элементы слабели, правые усиливались; отдельные военные лидеры приобретали непропорционально крупное значение; около них складывались военно-политические камарильи, да и сами они стремились привлечь на свою сторону различные партии и группы, оперировавшие на политической сцене страны. С особенной силой все эти процессы обнаружились в период 40—60-х годов, когда Испанией фактически управляли часто меняющиеся военные диктаторы в официальном ранге регентов, премьеров или военных министров.

Однако даже в этот период свистопляска генеральских эполет на арене государственной жизни вовсе не являлась продуктом лишь индивидуальной борьбы военных лидеров за власть, Конечно, личный элемент играл значительную рель в столь многочисленных пертурбациях той эпохи, но не он доминировал. Если глубже вникнуть в сущность событий, то окажется, что и тут основное значение имела все та же классовая борьба между феодалами и буржуазией, хотя ее линии не всегда были достаточно ясны и отчетливы. Одни генералы были теснее связаны с крупным землевладением и, находясь у власти, проводили выгодную ему политику; другие генералы были теснее связаны с буржуазией и, находясь у власти, проводили выгодную ей политику. Подробнее об этом речь будет ниже. Сейчас достаточно сказать, что, несмотря на свои плюмажи и мундиры, все испанские военные диктаторы описываемого периода по существу тоже являлись лишь выразителями закономерностей истории и в последнем счете воплощали в своих личностях ту классовую борьбу, которая тогда разыгрывалась в недрах испанского общества.

Испания не единственный пример, где борьба между феодализмом и капитализмом происходила не в прямой и открытой форме, а, так сказать, «под псевдонимом». Борьба в прямой и открытой форме бывает, как правило, там, где социально-экономический уровень страны достаточно высок, где буржуазия сложилась в сильный и организованный класс, располагающий большими хозяйственными, культурно-политическими и идеологическими ресурсами, — словом

там, где мы имеем дело с государством позднего феодализма развитого типа. Наиболее ярким примером этого может служить Франция конца XVIII века. Но там, где указанных условий нет, где речь идет о государстве позднего феодализма отсталого типа, поднимающаяся буржуазия обычно прибегает к более завуалированным методам борьбы против крупного землевладения, естественно вытекающим из ее относительной слабости: она пропитывает своим влиянием определенные группы старого господствующего класса или приспособляет для своих нужд какие-либо институты старого порядка и уже через них старается служить своим интересам.

ВОССТАНИЕ РИЕГО

Три года второй революции были одним из замечательнейших периодов испанской истории, заслуживающим внимательного изучения и широкой популяризации. Однако буржуазная наука, кичащаяся своими «беспристрастием» и «объективизмом», тут еще раз обнаружила свое полное банкротство. Она не только не сумела понять смысла происходивших тогда событий, но даже не смогла или точнее не захотела хотя бы правильно описать эти события. Классовая неприязнь подавляющего большинства буржуазных историков к революционной борьбе испанского народа так велика, что они немедленно впадают в состояние намеренной слепоты, как только речь заходит о лицах и делах 1820—1823 гг. В результате они либо стараются сжать в нескольких ничего не значащих строках богатейшее содержание целой революционной эпохи, либо дают ей совершенно извращенное, глубоко антидемократическое освещение. Иногда, впрочем, происходит сочетание и того и другого. Для иллюстрации только что высказанной мысли приведем лишь два характерных примера.

Русский ученый XIX века профессор Казанского университета В.К.Пискорский в своем труде «История Испании и Португалии» посвящает второй испанской революции следующие строки:

«В 1820 году в Испании вспыхнула революция, которой предшествовали частые заговоры и мятежи. Восстание началось в Кадиксе, где сосредоточены были войска, отправлявшиеся в испанскую Америку для подавления возмущения колоний против метрополии. Неисправная плата жалованья поддерживала недовольство правительством Фердинанда VII среди голодных и оборванных солдат. Полковник Риего, опираясь на войско, 1 января 1820 года провозгласил кадикскую конституцию и освободил из заточения своего единомышленника генерала Кирогу, ставшего во главе революционного движения. Очагом его сделалась Галисия. В Корунье была организована революционная хунта, провозгласившая конституцию 1812 года. Восстание вспыхнуло в Мадриде, после чего Фердинанд VII вынужден был признать конституцию. Парламентарный режим был восстановлен. Тогда началась ожесточенная борьба между политическими партиями восторженных (Exaltados) и умеренных (Moderados), и это было на руку партии «раболепных», стремившихся восстановить абсолютизм. Страна испытывала большие финансовые трудности, с которыми не мог справиться министр финансов Канга Аргуельес.

Конституционное управление, установленное в 1820 году, продолжалось слишком недолго, всего три года, чтобы иметь возможность поднять народное и государственное хозяйство. Против конституции был сам король, действовавший против нее из-за угла и тайно просивший у «Священного Союза» содействия для подавления революции. Веронский конгресс 1822 г. решил придти на помощь Фердинанду VII. По поручению конгресса 95-тысячное французское войско, под начальством герцога Ангулемского, явилось весной следующего года в Испанию, подавило революцию и возвратило королю неограниченную власть. Тогда же Испания лишилась большей части своих американских колоний, за исключением Кубы и Порто-Рико, и вступила в круг второстепенных европейских государств. С 1823 года снова наступила в жизни Испании реакция и снова либералы стали подвергаться всевозможным гонениям»[8].

И это все. Больше В.К.Пискорский уже нигде не возвращается к событиям 1820—1823 гг. Что можно понять о сущности второй испанской революции из такого изложения? Но В.К.Пискорский по крайней мере не злобствует. Он просто пытается в стиле буржуазного «академизма» заключить море в спичечную коробку. Иначе поступает английский историк Вальтер Алисон Филиппс, который в одиннадцатом издании (1910—1911) «Британской энциклопедии» следующим образом изображает эпоху 1820—1823 гг.: «Восстание 1820 года было военным мятежом. Во время войны (за независимость — *И.М.*) американские колонии взбунтовались и для подавления их были посланы солдаты. Успеха они не имели, борьба стоила огромных человеческих жертв, и служба за океаном стала крайне непопулярна среди войск. Между тем, жестокость короля и министров начала вызывать реакцию. Немало офицеров придерживались либеральных взглядов, — особенно из тех, кто во время войны находился во французском плену и подпал под чужеземные влияния. Эти люди, среди которых наиболее видным был полковник *Рафаэль* Риего, разжигали недовольство солдат, и в январе 1820 года довели в Кадиксе дело до восстания, превратившегося в революцию. До 1823 года король был пленником в руках части своих подданных,

8 В.К.Пискорский История Испании и Португалии, СПб. 1902, стр.170—171.

восстановивших конституцию 1812 года и находивших поддержку в армии. Историю этих трех злосчастных лет кратко изложить немыслимо. То была сплошная анархия. ***Либералы* делились на группы, которые отличались друг от друга лишь степенью своей *приверженности к насилию***. Малейшее проявление здравого смысла и умеренности накликало на голову министра, принадлежавшего к той или иной группе, кличку раболепного со стороны его соперников. Подлинные раболепные поднялись на севере с оружием в руках. В конце концов, положение вещей стало совершенно нестерпимым для французского правительства Людовика XVIII»[9].

Тогда, с благословения «Священного Союза», Франция вторглась в Испанию и вслед затем, по заверению Филиппса, все здесь очень скоро пришло в нормальный порядок, т.е. был полностью восстановлен абсолютизм Фердинанда VII. На этом ставится точка.

Так отражается вторая испанская революция в кривом зеркале английского буржуазного ученого, который — это сквозит в каждом его слове — страшно сердится на испанцев за недостаток исторической респектабельности и потому не только не может, но и не хочет дать правильную картину событий, о которых идет речь.

Попробуем же теперь, исходя из марксистско-ленинской точки зрения, посмотреть, что же в действительности происходило в эпоху 1820—1823 гг.?

К середине 1819 г. в районе Кадиса правительство сконцентрировало около 20 тыс. войск. Это была очередная экспедиционная армия, которую Фердинанд посылал в испанскую Америку для подавления сепаратистского движения в колониях. Ею командовал граф Лабисбаль (иначе Генрих О'Доннелль), — человек двора, который даже в этом мире мошенников и предателей был известен своим вероломством. Для характеристики Лабисбаля чрезвычайно показателен такой эпизод: когда весной 1814 г. Фердинанд медленно подвигался от границы к Мадриду, Лабисбаль, который еще не имел ясного представления о намерениях короля, отправил ему навстречу своего штабного офицера с двумя письмами в кармане. В одном письме почтенный граф превозносил до небес конституцию 1812 г., а в другом письме изображал ту же конституцию как режим анархии и хаоса, и предлагал свои услуги для ее подавления. Штаб-офицер имел инструкцию по прибытии ко двору сначала ознакомиться с настроениями Фердинанда, а затем уже, в зависимости от характера полученной информации, пустить в ход то или другое письмо. Штаб-офицер передал королю второе письмо, и после этого Лабисбаль стал одним из доверенных лиц камарильи[10].

Экспедиционная армия сидела без пищи, обмундирования и сапог; солдаты голодали и ходили в лохмотьях; офицеры давно уже не получали жалованья; перспектива трудного похода в Южную Америку против борющихся за независимость колонистов еще более удручала войска. Недовольство правительством носило всеобщий характер. Достаточно было искры для того, чтобы произошел взрыв. Такой искрой явился заговор группы офицеров под руководством полковника Кирога, в котором также принимали активное участие Лопес Баньос, Эваристо Сан-Мигель, Арко Агуеро, О'Дали и др.

В те годы в Испании было широко распространено масонство. Этот орден, в деятельности которого так тесно переплетались этика и мистика, достиг своего наибольшего расцвета в конце XVIII и начале XIX века. Официальной целью масонства было нравственное облагораживание людей и объединение их на началах братской любви, равенства, верности и взаимопомощи. Оно носило всечеловеческий и политически нейтральный характер. Так, в «Книге уставов», выпущенной в Англии в 1738 г., прямо говорилось: «Каменщик (т.е. масон) есть мирный подданный гражданских властей, где бы он ни жил и ни работал. Он не должен быть замешан в крамолы и заговоры против мира и благоденствия народа и никогда не должен переступать обязанностей относительно высших властей».

Фактически, однако, масоны разных стран, разных эпох и разных социальных положений толковали масонское учение по-своему и делали из него каждый раз свои особые выводы. Большую роль при этом играл состав масонских организаций или лож. Как правило, он был очень пестр: в масонских ложах можно было встретить всех — от королей до ремесленников. Но все-таки к концу XVIII века масонское движение все больше стало расслаиваться на два главных течения — аристократическое и буржуазное. Аристократическое, привлекавшее к себе людей из придворно-дворянской среды, являлось опорой строгого консерватизма, но в описываемую эпоху не играло особенно большой роли. Напротив, буржуазное крыло, вербовавшее своих сторонников в кругах «третьего сословия», приобрело очень большое значение, что естественно вытекало из общей кривой развития буржуазии. Масонами были многие выдающиеся люди конца XVIII и первой половины XIX века, например Вольтер, Вашингтон, Франклин, Гёте, Виланд, Л.Берне, Гарибальди, Н.Новиков, декабристы Пестель, Пущин и др. А.С.Пушкин в молодости был связан с масонами. Не случайно также Л.Н.Толстой в «Войне и мире» обращает в масонство своего любимого героя Пьера Безухова. И по мере того, как совершался этот процесс дифференциации масонства, его левое, буржуазное течение, все больше усиливаясь, приобретало политическое

---

9 The «Enciclopaedia Britannica», 1910—1911, т.25, стр.556.
10 См. k.Маркс и Ф.Энгельс Соч., т.X, стр.62—763.

лицо и в прямой или косвенной форме поддерживало дело либеральной буржуазии. Недаром в описываемую эпоху на него ополчались папы и короли, пуская в ход анафемы и тюрьмы. Недаром также многие французские масоны принимали активное участие в событиях 1789 г. и достигли очень большого влияния в годы первой империи. Реакционное перерождение буржуазного крыла масонства пришло несколько позднее, когда сама буржуазия из класса прогрессивного превратилась в класс реакционный, но в начале XIX столетия имя «масон» еще было синонимом человека передового образа мыслей.

В Испании первые масонские ложи появились в 1727 г., но церковь и монархия сразу же начали ожесточенную борьбу против них. В 1751 г. король Фердинанд VI даже издал особый закон, запрещавший масонство под страхом смертной казни. В дальнейшем масонское движение на Пиренейском полуострове заглохло, и только французы, пришедшие сюда с Жозефом Бонапартом, вновь оживили его. Зато теперь оно получило быстрое и широкое распространение, — главным образом среди городской буржуазии и офицерства. В тяжелые годы контрреволюции масонские ложи, возникшие в Гранаде, Мадриде, Кадисе и других центрах, стали руководителями либеральной оппозиции. Они дали ей то, чего не в состоянии была дать рыхлая и пестрая либеральная партия (поскольку тогда вообще можно было говорить о либеральной «партии»), — хорошо законспирированную прочную организацию, имеющую разветвления по всей стране. Особенно крупное значение имела ложа Кадиса, принявшая несколько претенциозное наименование «Taller Sublime» («Высокая мастерская»). Ее пропаганда находила чрезвычайно благоприятную почву в расположенных около Кадиса войсках, и к середине 1819 г. чуть не каждый полк экспедиционной армии имел свою местную масонскую группу. К числу масонов относились и все те офицеры, начиная с Кироги, которые замыслили военное восстание против деспотизма Фердинанда.

Заговорщики вошли в контакт с главнокомандующим графом Лабисбалем, который на первых порах обнаруживал как будто бы симпатию к их намерениям. Он даже обещал сам стать во главе движения. На 9 июля 1819 г был назначен торжественный парад экспедиционной армии, на котором должна была быть провозглашена конституция 1812 г. Парад действительно состоялся, но Лабисбаль, верный своей репутации, приготовил инициаторам восстания горький сюрприз: вместо того, чтобы выступить против Фердинанда, он арестовал Кирогу с товарищами, а в Мадрид отправил срочное донесение, в котором похвалялся, что предупредил величайшую опасность для трона. Король сначала пожаловал Лабисбалю орден, а потом, получив более точную информацию о событиях в Кадисе, дал вероломному графу отставку.

Несмотря на эту неудачу, брожение в рядах экспедиционной армии не прекратилось. Оно становилось все шире и глубже и, наконец, 1 января 1820 г. прорвалось в новой и более успешной попытке восстания, связанной с именем Рафаэля Риего.

Рафаэль Риего (1784—1823) был сыном обедневшего дворянина из Астурии. Его отец, занимавший должность почтмейстера в Овьедо, являлся поклонником «французских идей». Он увлекался Руссо и с сочувствием относился к революции 1789 г. Маленький Рафаэль вырос в атмосфере свободомыслия, но то было все-таки свободомыслие по-испански. Это значило, что Рафаэль не сумел окончательно порвать ни с церковью, ни с монархией. В 16 лет он закончил свое образование — на большее не хватило средств — и поступил в армию. Когда началась первая революция, Риего было 24 года. Он с головой окунулся в борьбу против французов; сначала сражался в регулярных войсках, потом стал одним из храбрейших вождей герильерос; в одной из схваток с врагом он был взят в плен и отправлен во Францию. Здесь Риего стал масоном. Политические взгляды его в годы плена и позднее не отличались особой ясностью Человек огромной инициативы и горячей эмоции, с примесью известных элементов тщеславия, Риего был больше военный, чем политик. Ему не хватало также политического опыта и образования. Поэтому, возвращаясь в 1814 г. домой, он сохранил еще немало иллюзий в отношении монархии и личности короля Фердинанда. Однако опыт последующих шести лет, а также участие в испанских масонских организациях значительно расширили его кругозор, а главное, превратили в смертельного врага контрреволюции. Оказавшись в составе экспедиционной армии под Кадисом, Риего стал одним из руководящих лиц военного заговора, но избежал ареста 9 июля. Теперь, после провала Кироги и товарищей, он решил действовать самостоятельно, поддерживая, однако, с ними конспиративную связь. Идея Риего заключалась в том, что армия должна начать восстание против режима Фердинанда и тем самым разбудить народ. Но затем, когда поднимутся широкие массы, военное восстание должно слиться с народным движением и положить конец царящей контрреволюции, установив новый и свободный порядок. Какой именно? На этот важный вопрос у Риего не было ясного ответа и тут именно крылась его ахиллесова пята. Во всяком случае, выступая 1 января 1820 г. против Фердинанда, Риего не думал о республике. Традиции прошлого были слишком живучи: даже на пороге второй революции Риего все еще не покончил с идеей монархии.

1 января 1820 г. Риего во главе 2-го Астурийского батальона, стоявшего в местечке Кавесас де Сан Хуан под Кадисом, поднял восстание против Фердинанда и провозгласил конституцию 1812

Стремительным ударом на близлежащее селение Аркос он захватил в плен главнокомандующего экспедиционной армией престарелого графа Кальдерона со всем его штабом. Затем Риего, усилившись за счет некоторых частей, перешедших на его сторону, двинулся к острову Леон (под Кадисом), куда прибыл 7 января. Здесь он застал Кирогу и других заговорщиков, бежавших из тюрьмы и пришедших на остров во главе нескольких тысяч революционных солдат и офицеров. Вместе с отрядом Риего вся повстанческая армия, сосредоточенная на этом знаменитом форуме испанской свободы, достигала примерно 5 тыс. человек. Для руководства движением была создана повстанческая хунта, провозгласившая конституцию 1812 г. Кирога же адресовал королю письмо следующего содержания:

«Ваше Величество, испанская армия, кровь и жертвы которой вновь возвели Вас на трон Ваших предков и под эгидой которой нация приняла основной закон, навсегда определивший ее судьбу, почувствовала себя глубоко оскорбленной — в своей чести и в своем патриотизме, — когда Вы, Ваше величество, растоптав законы благодарности и справедливости, отбросили этот памятник мудрости и квалифицировали, как «искушение», то, что является лишь выражением наиболее законных прав. Целью армии является вернуть жизнь испанской конституции и открыто заявить, что только подлинные представители нации могут устанавливать законы.

Короли принадлежат нациям и остаются королями лишь до тех пор, пока того желают нации. Армия еще не потеряла надежды на получение награды за свои усилия. Умереть за дело свободы кажется ей более сладким, чем идти навстречу гибели по капризу тех, кто покорил сердце Вашего Величества.

Главная квартира в Сан-Фернанде, 7 января 1820 года.
От имени армии *Антонио Кирога*»[11].

Повстанцы рассчитывали на широкий отклик в стране, но их ожидания не оправдались. Правда, к армии Кироги, принявшей наименование «национальной армии», стали подходить небольшие подкрепления, но страна в целом молчала, и войска в других частях Испании пока что не обнаруживали желания присоединиться к своим товарищам на острове Леон. Это, конечно, не могло не отразиться на настроении повстанцев. Опубликованный ими 13 января манифест к испанскому народу, по содержанию сильно напоминавший выше цитированный манифест Порлье, обнаруживал известную неуверенность в сочувствии масс.

«Испанцы! — говорилось в его заключительной части. — Если вы не воспользуетесь подобным случаем, если вы не оцените луча счастья, появившегося на горизонте, то не жалуйтесь: вы заслужили ваши несчастья. Если благодаря вашему равнодушию мы не будем иметь успеха в нашем благородном начинании, мы по крайней мере будем чувствовать удовлетворение от сознания того, что сделали первый шаг»[12].

Чем дальше шло время, тем труднее становилось положение повстанцев. Среди их руководителей начались разногласия. Риего, человек большой смелости и инициативы, был сторонником наступательной тактики; он считал, что оборона — это гибель восстания, и потому доказывал необходимость развернуть операции на «большой земле», т.е. на испанском материке. Кирога, напротив, отстаивал тактику выжидания и накопления сил. Попытки повстанцев захватить Кадис кончились неудачей; не имели успеха и попытки либералов (Мендисабала, Истуриса, Алкала Гальяна и др.) внутри Кадиса прийти на помощь Кироге, ударив в тыл генералу Камиана, защищавшему Кадис с войсками, верными правительству. Монархисты стали переходить в наступление против «национальной армии» и одновременно разлагать ее ряды путем засылки своих агентов. Архиепископ Кадиса обратился к повстанцам с воззванием, в котором призывал их «во имя господа бога» выступить против «антихристовых вождей революции». Восстание, запертое на острове Леон, заходило все больше в тупик и перед его руководителями все острее становился вопрос: что же делать?

25 января между Кирогой и Риего произошел открытый раскол: вопреки мнению Кироги, Риего решил совершить революционный рейд на «большую землю» и 27 января во главе колонны в 1500 человек двинулся походным маршем по Андалусии.

Этот легендарный рейд Риего, сыгравший столь большую роль в развязывании второй испанской революции, продолжался ровно 47 дней — с 27 января по 13 марта 1820 г. Его маршрут, продиктованный сложным переплетением политических, военных и топографических условий, представлял собой тройную петлю, основными пунктами которой были: Сан-Фернандо (на о.Леон)—Алхесирас—Малага—Антекера—Ронда—Монтельяно—Эстепа—Монтилья—Кордова—Бельмес—Фуэнте-Овехуна—Бьенвенито. В колонне Риего были отборные силы; его штабом командовал Эваристо Сан-Мигель — один из наиболее решительных сторонников конституции 1812г. Красно-зеленые знамена развевались над рядами революционного отряда. Энтузиазм солдат и офицеров в начале рейда был огромен, о чем прекрасно свидетельствует знаменитый

---

11 L.Jullian. Precis historique des principaux evenements rolitiques et militaires, qui ont amene la revolution d'Espagne, стр.378.
12 Там же, стр.381.

«Гимн Риего», сочиненный Сан-Мигелем в первые дни похода. Вот его слова в подстрочном переводе:

Первый хор
Солдаты! Родина
Зовет нас на бой!
Поклянемся ей
Победить или умереть!

Солист
Спокойны, тверды,
Мужественны, смелы,
Споем, солдаты,
Гимн боевой!
Звук наших голосов
Взволнует весь мир!
И мир признает нас
Потомками Сида!
Уж стремительный Марс
Возбуждает отвагу
И взывает к духу
Нашей великой нации.
Уж труба боевая
Сотрясает воздух,
Уж ревет орудие,
Наводящее страх.

Второй хор
Солдаты! За родину!
Заряжайте пушки!
Смерть тому, кто ненавидит Конституцию!

Солист
Малютка зовется Конституцией, —
Король Фердинанд
Должен был ей присягнуть!
Она получила крещение в Кадисе,
Ее восприемниками были
Самые достойные люди
Нашей нации.
Солдаты! Родина
Зовет вас на бой!
Спешите скорее
Сразиться за нее!
Родина обещает
Увенчать славой
Героя, который готов
Умереть за нее[13].

Однако чем дальше двигалась колонна, тем больше падало ее настроение. В самом деле, целью Риего было поднять население Андалусии, а затем и всей Испании против деспотизма Фердинанда и за восстановление конституции 1812 г. Но жизнь приготовила ему жестокое разочарование.

Во-первых, правительство двинуло против колонны Риего вдесятеро большие силы под командой Лабисбаля и Эгиа, которые на каждом шагу готовы были уничтожить смелое предприятие в самом начале. Риего весьма искусно избегал открытого столкновения с врагом и, оттягивая тем самым конец рейда, выиграл необходимое время для развязывания народного восстания. Но все это выяснилось впоследствии. В самом же ходе операции Риего неизменно наталкивался на огромное численное превосходство противника со всеми вытекающими отсюда военными и политическими последствиями.

Во-вторых — и это было еще важнее, — население городов, через которые проходила колонна Риего, не обнаруживало того сочувствия делу свободы, на которое рассчитывали революционеры. В одних местах их встречали с явным недоверием и враждебностью, в других — с радостью и симпатией, но везде пассивно. Особенно показателен в этом отношении был Алхесирас, имевший репутацию старого либерального центра. Когда 1 февраля колонна вошла в город, улицы были полны ликующей толпой, и солдат и офицеров забросали цветами. Однако, когда на следующий день колонна двинулась дальше, к ней не присоединилось здесь ни одного

13 Подлинник см. Mary Lafon. Histoire d'Espagne. Paris, 1865, 362—363.

добровольца.

Равнодушие и пассивность населения, запуганного церковью и властями, тяжело отразились на моральном состоянии революционного отряда. В его рядах начались сомнения и колебания, которые Риего было все труднее преодолевать. Скоро началось дезертирство. В Малаге, куда колонна пришла 20 февраля, она насчитывала только 900 человек, в Грасалеме 26 февраля было уже только 700, через Кордову 7 марта прошли всего лишь 300. В этой огромной убыли военные потери играли второстепенную роль, ибо сражений почти не было: Лабисбаль и Эгиа наседали на тылы колонны, но избегали открытых столкновений, не будучи вполне уверены в «благонадежности» своих войск; Риего тоже уклонялся от вооруженных схваток в стремлении сохранить живую силу отряда. А между тем колонна день ото дня таяла под влиянием неблагоприятной политической обстановки: 10 марта в Фуэнте-Овехуна с Риего пришли только 100 человек, 13 марта в Бьенвенито с ним оставалось всего лишь два десятка, а по пятам шел сильный отряд правительственной кавалерии. Положение Риего становилось совершенно безнадежным, и полный горечи и боли он решил поставить здесь точку: остатки колонны были распущены, а сам он в сопровождении нескольких товарищей бежал в горы, скрываясь от королевской погони.

Казалось, все было кончено. Правда, Кирога еще продолжал держаться с 3-тысячным отрядом на острове Леон, но он был окружен со всех сторон, не получая ниоткуда помощи, и теперь, после исчезновения колонны Риего, явно должен был сдаться. Казалось, Фердинанд еще раз одержал победу над своими противниками и сломил самую опасную из всех бывших до того попыток ликвидировать его деспотизм.

Но история решила иначе. Именно в тот момент, когда отчаявшийся Риего прощался в Бьенвенито со своими последними товарищами, именно в тот момент все уже было решено в пользу Риего: самодержавие Фердинанда пало, и конституция 1812 г. была восстановлена. Только весть о совершившихся событиях еще не успела дойти до Риего...

Как это произошло? В борьбе с восстанием на юге правительство стянуло в Андалусию большое количество войск, тем самым оголив ряд городов на севере и северо-востоке. Это создало здесь благоприятные условия для развязывания народного восстания, хорошо подготовленного действиями контрреволюции в течение предшествующих шести лет. Толчком для революционных выступлений послужила молва о событиях на юге, часто сильно подкрашенная воображением.

«Умы, пораженные смелостью Риэго, — писал К.Маркс, — быстротою его действий, энергичным отпором врагу, приписывали ему воображаемые триумфы, прибытие подкреплений и присоединение масс народа, чего в действительности не было. Вести о предприятии Риэго, доходя до самых дальних провинций, достигали преувеличенных размеров, и эти наиболее отдаленные от места действия провинции первые высказались за конституцию 1812 г. Испания до того созрела для революции, что даже ложных вестей оказалось достаточно, чтобы вызвать ее»[14].

Первой откликнулась Галисия, в которой не изгладилась память о смелой, но неудачной попытке Порлье. 21 февраля 1820 г. восстала Корунья, к которой присоединились Ферроль и некоторые другие города северо-запада. На этот раз Сант-Яго без боя перешел в руки революционеров. Сразу же была образована галисийская хунта, с бывшим регентом Агаром во главе, которая провозгласила конституцию 1812 г. В конце февраля Мина, вернувшийся из своей эмиграции, поднял движение против Фердинанда в Наварре. Затем восстания вспыхнули в Сарагосе, Барселоне, Валенсии. Положение в Мадриде стало «ненадежным». Перепуганный Фердинанд возложил все своп надежды на Лабисбаля, который уверял его, что сумеет не только ликвидировать восстание, но и взять живым самого Риего. 3 марта Лабисбаль покинул столицу для того, чтобы принять командование всеми «верными» правительству войсками, стоявшими в Ла Манче. 4 марта он прибыл в Оканью и тут еще раз «вывернул шкуру», торжественно провозгласив конституцию 1812 г.

Очередная измена Лабисбаля вызвала при дворе настоящую панику. В Мадриде становилось все более неспокойно. Фердинанд бросался от одного своего «советника» к другому в поисках рецепта спасения, но никто не мог сказать ему ничего утешительного. Генерал Баллестерос заявил королю, что единственный выход из положения — «уступить народу». 6 марта ситуация в столице настолько обострилась, что Фердинанд вынужден был опубликовать указ о созыве кортесов, дипломатично умолчав, однако, о каких кортесах — средневековых или кадисских — идет речь. Это не удовлетворило народные массы, уже достаточно знакомые с вероломством своего монарха, и 7 марта улицы Мадрида заполнились бурными толпами, громко кричавшими: «Долой тиранию! Да здравствует Риего! Да здравствует конституция 1812 года!» Гвардия отказалась усмирять народ. Это подействовало на камарилью, и к вечеру 7 марта Фердинанд опубликовал «разъяснение», в котором, во избежание «кривотолков», заявлял, что он решил присягнуть «конституции, обнародованной чрезвычайными кортесами в 1812 году». Однако после опыта минувших шести лет и это разъяснение не успокоило массы. По городу поползли не совсем

---

14 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х, стр.764.

безосновательные слухи, что король не собирается признавать конституции, а на самом деле только хочет выиграть время. Это вызвало новую волну негодования. 9 марта утром тысячи людей окружили дворец и потребовали от короля немедленного исполнения своего обещания. Фердинанд пробовал прятаться и увиливать, — тогда настроение масс стало быстро подниматься. Толпа отправила во дворец своих делегатов, а сама заняла угрожающую позицию. Напряжение росло с каждой минутой, революционные клики народа становились все громче. Король имел жалкий вид: насмерть перепуганный, он напоминал крысу, загнанную в угол.

Дальнейшее развитие событий пошло стремительным темпом: Фердинанд полностью капитулировал; раболепный муниципалитет столицы был тут же распущен и вместо него восстановлен тот муниципалитет который король разогнал в 1814г. по возвращении из Франции; перед лицом этого либерального муниципалитета Фердинанд в тот же день, 9 марта, принес присягу на верность конституции 1812 г. Затем король опубликовал новый манифест к нации, в котором с беспримерным цинизмом восклицал: «Пойдемте же все с открытой душою — и я первый — по конституционному пути!».

Одновременно из дворца бежала камарилья с герцогом Алагоном во главе, а король объявил амнистию политическим заключенным. Торжествующий народ достойно закончил знаменательный день: он уничтожил здание ненавистной инквизиции.

ТРИ ГОДА РЕВОЛЮЦИИ

Расстановка классовых сил в течение трех лет второй испанской революции весьма существенно отличалась от того, что было в 1808—1814 гг.

Тогда испанскому народу приходилось отстаивать свою независимость от нашествия иноземных завоевателей; в стране создался широкий национально-освободительный фронт, в котором участвовали представители разных классов и групп — от помещиков и монахов до ремесленников и батраков; правда, внутри этого единого фронта, как мы видели, шла непрерывная борьба между его составными элементами в связи с очередными проблемами экономического и политического характера, но все-таки на протяжении почти всего периода первой революции момент национально-объединительный превалировал над моментом классово-социальным.

Теперь положение было совсем иное. Вторая революция была обусловлена развитием внутренних отношений в стране. Внешней опасности в течение первых двух лет революции вообще не было, а когда на третьем году она возникла, то благодаря предательскому поведению испанской реакции (о чем подробнее ниже) только способствовала дальнейшему углублению классовых противоречий. Таким образом, момент национально-объединительный во второй революции почти полностью отсутствовал; наоборот, момент классово-социальный превалировал с начала до конца-

В результате линии классовой борьбы в 1820—1823 гг., обозначились гораздо резче и отчетливее, чем в 1808—1814 гг., и это, естественно, привело к созданию двух прямо противоположных враждебных лагерей — лагеря революции и лагеря контрреволюции.

Из кого состоял лагерь революции?

В нем были городская буржуазия, интеллигенция, ремесленники, рабочие, часть дворянства, чиновничества и армии, причем особенно крупную роль опять-таки играли более развитые портовые центры. Нельзя сказать, чтобы их стремления отличались полной ясностью, однако, переводя существо этих стремлений на современный язык, можно сказать, что лагерь революции хотел перестройки Испании на буржуазно-капиталистических началах. Он хотел отмены средневековых пут, которые стесняли развитие торговли и промышленности. Эти путы были сильно подорваны первой революцией, но частично восстановлены после возвращения Фердинанда VII. Он хотел улучшения положения крестьянства и ослабления феодальных пережитков в деревне (на полную ликвидацию их он не решался). В этой области первая революция также сделала кое-что полезное, но последовавшая затем контрреволюция аннулировала скромные завоевания народа. Он хотел, наконец, ограничения власти короля и восстановления политической свободы и потому в качестве своего знамени выдвигал конституцию 1812 г.

Из кого состоял лагерь контрреволюции?

В него входили двор с Фердинандом во главе, крупное землевладение, церковь, другая часть дворянства, чиновничества и армии. Все эти элементы стремились к сохранению старого, т.е. феодально-абсолютистского порядка. Особенно важное значение имело то обстоятельство, что на этот раз, в противоположность 1808—1814 гг., белое и черное духовенство целиком поддерживало короля и грандов. Тем самым контрреволюции было обеспечено могущественное влияние в деревне.

Исторически лагерь революции наступал, а лагерь контрреволюции оборонялся. В чем лежал ключ к победе революции?

Ключ к победе революции лежал в двух основных вещах, впрочем тесно связанных друг с другом: в привлечении на свою сторону крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения, и в создании верной революции вооруженной силы.

Как же лагерь революции разрешил обе эти проблемы?

Очень неудовлетворительно.

Начнем с вопроса о крестьянстве. От первой революции у деревни осталось довольно горькое воспоминание. Как мы знаем, кадисские законодатели несколько облегчили положение деревни путем отмены сеньоральных прав помещика, но дальше этого не пошли. Основной вопрос — вопрос о земле — не был разрешен. Гранды и дворяне сохранили свои поместья, т.е. самую основу своего экономического и политического могущества. А с возвращением Фердинанда из Франции была восстановлена и большая часть их прежних сеньоральных прав. В результате испанское крестьянство оказалось у разбитого корыта. Таким образом, опыт 1808—1814 гг. настраивал его весьма скептически в отношении революций, устраиваемых горожанами. Тем важнее было для партий, стоящих во главе событий 1820—1823 гг., сразу же показать крестьянству, что они серьезно пекутся об его интересах, т.е. принимают эффективные меры к ликвидации феодализма, как светского, так и церковного. Иначе нельзя было рассчитывать на его поддержку — особенно ввиду контрреволюционной активности духовенства в деревне.

Было ли это сделано?

Нет, не было. Как увидим ниже, вторая испанская революция оказалась столь же беспомощной в решении проблемы феодализма, как и первая, и все принятые ею в данной области меры не выходили за рамки кадисского законодательства. Даже самые левые из революционных группировок, руководимые такими людьми, как Риего, Алпуенте, Баллестерос и другие, не нашли возможным поставить во главу угла вопрос об уничтожении феодализма, вывести таким образом революцию из городских стен и разжечь пламя классовой борьбы в деревне. Здесь крылась основная слабость революционного лагеря, вытекавшая все из той же социально-экономической и политической отсталости Испании.

Неудовлетворительно был разрешен и второй важнейший вопрос — о создании вооруженной силы, верной революции. Отчасти это вытекало из неспособности революции осуществить ликвидацию феодализма. Но была и другая причина, действовавшая в том же направлении, — это наличие внутренних противоречий в лагере революции, причем долгое время ни од на из борющихся за влияние партий не могла занять господствующего положения.

В самом деле, с первых же дней революции среди ее сторонников наметились два главных крыла, окончательно оформившиеся с открытием 9 июля 1820 г. вновь созванных корте сов, — правое и левое.

Правое крыло, которое получило наименование умеренных (Moderados) и главным органом которых была газета «El Universal» (Всеобщая газета), возглавлялось «людьми двенадцатого года», т.е. теми либералами, которые являлись творцами конституции 1812 г., находились в ссылках и тюрьмах в период контрреволюции и теперь вновь вернулись к политической деятельности. Среди них имелось много ярких, прославленных фигур — Агустин Аргуельес, Канга Аргуельес, Мартинес де ла Роса, Калатрава, Кинтана, Торено, Гарсиа Эрерос и др., — сохранивших от прошлого большое влияние. Именно эти люди образовали первое правительство после 9 марта 1820г. Однако при всех своих достоинствах ветераны «двенадцатого года» обнаруживали явное непонимание нужд нового времени. Они почти ничему не научились в результате жестокого опыта контрреволюции, а долголетнее пребывание в заключении вредно отразилось на физическом и духовном состоянии многих из них. Ветераны «двенадцатого года» мерили события и людей масштабами первой революции, а нередко даже эти масштабы находили слишком «крайними». Так, многие из творцов конституции 1812 г. теперь находили ее «непрактичной» и носились с мыслью о пересмотре ее в умеренно-либеральном духе. Если они не решались открыто выступить с таким предложением, то только потому, что наличие сильного левого крыла делало это невозможным. Социальные корни умеренных уходили главным образом в круги крупной городской буржуазии, но они имели значительное количество сторонников также среди интеллигенции, чиновничества, офицерства и дворянства.

Левое крыло революционного фронта, которое получило несколько романтическое наименование (восторженные) Exaltados и важнейшим органом которого была газета «El Espectador» («Наблюдатель»), возглавлялось «людьми двадцатого года». Это было новое поколение либералов, выдвинувшееся в годы между двумя революциями, поколение, прошедшее суровую школу контрреволюции и лучше понимавшее нужды времени, чем ветераны «двенадцатого года». Они твердо стояли за конституцию 1812 г., но считали, что она должна быть лишь исходным пунктом для дальнейшего развития влево, хотя не имели полной ясности по вопросу о том, что это значит. Во всяком случае о республике они не думали. Восторженные являлись сторонниками революционных методов действия и охотно апеллировали к массам, но только... к городским массам (крестьянство оставалось и у них вне поля зрения). Самой яркой фигурой среди «людей двадцатого года» был, конечно, Риего, но и помимо него, они выдвинули

ряд крупных вождей: Кирога, Сан-Мигель, Алпуенте и др. Социальные корни восторженных уходили в круги городской мелкой буржуазии, интеллигенции, ремесленников, рабочих, а также более демократической части офицерства, чиновничества и дворянства.

Левое крыло имело опору, во-первых, в широко разветвленной системе народных клубов и, во-вторых, в так называемой «армии наблюдения».

В Мадриде народные клубы, возникшие с первых же дней революции, были разбросаны по всем частям города, и в них представители испанской демократии горячо обсуждали все важнейшие вопросы текущего момента. Такие же клубы создавались и в большинстве провинциальных городов. Руководящую роль играл центральный клуб столицы, носивший официальное наименование «Патриотического общества, национального и конституционного кафе Лоренсини». Его заседания происходили регулярно; на них рассматривались крупнейшие политические проблемы дня, велись протоколы и принимались решения, нередко оказывавшие затем серьезное влияние на мероприятия правительства. Ибо все, что происходило в стенах «кафе Лоренсини», немедленно выходило наружу и встречало широкий отклик в городских массах и в армии, чему немало способствовало издание клубом своего собственного органа «Испанская Аврора». Поэтому в известные моменты революции 'В «кафе Лоренсини» решалась судьба партий и правительства. Поэтому же здесь можно было встретить не только левых либералов и революционеров, но также политических флюгеров старого режима, вплоть до таких фигур, как уже известный нам граф Лабисбаль, который теперь, бия себя кулаком в грудь, шумно рекомендовался в качестве главного «спасителя испанской свободы».

Члены «кафе Лоренсини» глубоко верили в международное значение испанской революции, и это убеждение их еще более окрепло после революционных восстаний 1820—1821 гг. в Португалии, Неаполе и Пьемонте. Они проповедовали решительность действий в отношении внутренней и внешней реакции. Один из близких им левых органов, иронически назвавшийся «Conservador» («Консерватор»), восклицал: «Терпимость, эта добродетель чувствительных сердец, вырождается в достойную наказания слабость, если заходит слишком далеко. Бывают обстоятельства, когда держать меч закона в ножнах, значит лишь повергать отечество в море крови и ужаса... Мы не боимся никого и ничего! Если какая-либо держава вздумает выступить против нашей решительной воли, то мы напомним ей маленькую лекцию, прочитанную нами соседям, когда их союзницей была вся Европа»[14].

В августе 1820 г. тот же «Conservador» опубликовал манифест ко всем народам Европы с призывом последовать примеру Испании и Неаполя (где только что произошла революция) и везде покончить с деспотизмом.

Наряду с системой клубов очень важную роль играла также «армия наблюдения». Происхождение ее было таково. Когда 9 марта 1820 г. восстание, начатое в Кавесас, увенчалось полным успехом, перед войсками, первоначально сконцентрированными на острове Леон и занявшими теперь Кадис, стал вопрос, что же делать дальше? После прибытия сюда Риего на совещании руководителей было решено, что революционные войска, пополненные свежими частями, должны превратиться в постоянный институт под именем «армии наблюдения». Эта «армия» должна была стать вооруженной рукой революции; она должна была внимательно следить за ходом событий и в зародыше душить всякие попытки выступления контрреволюции Решение вождей восстания было проведено в жизнь. В результате возникла 10-тысячная «армия наблюдения» в составе двух дивизий: одна дивизия под командой Кироги стояла в Кадисе, другая — под командой Риего — в Севилье. В данном мероприятии сказывалось вполне здоровое стремление левого крыла создать вооруженную силу, на которую революция могла бы вполне положиться. Но именно поэтому «армия наблюдения» сразу же стала бельмом на глазу открытых врагов и сомнительных друзей революции.

И. М. МАЙСКИЙ

ИСПАНИЯ 1808–1917

М.: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

14А.Трачевский. Испания девятнадцатого века, стр.317.

Однако внутренние противоречия в лагере революции не исчерпывались только борьбой между умеренными и восторженными. Сами восторженные к концу первого года революции раскололись, и из них выделилась крайняя левая группа, принявшая имя коммунерос[15]. Эта группа вызывает особенную ненависть со стороны буржуазных историков. Послушать их, — так коммунерос были настоящим исчадием ада. Для иллюстрации приведем хотя бы высказывания немецкого ученого Г.Баумгартена, который в своей «Истории Испании» всячески старается доказать, что коммунерос были не больше, как «радикальные крикуны» и «уличные демагоги», что они «соблазняли безусых юнцов» и пользовались успехом «лишь среди низкопробной черни», что их «позитивная программа была ничтожна» и что самое их возникновение являлось «печальным симптомом разнузданности, господствовавшей в либеральном лагере»[16].

На самом деле, коммунерос представляли собой наиболее демократические слои городского населения — ремесленников, рабочих, унтер-офицерский состав армии, часть интеллигенции. Раньше они принадлежали к масонским ложам, на которые опирались восторженные. Но когда после победы революции эти ложи стали пополняться более умеренными элементами, шедшими туда из карьеристских соображений; когда масонами вдруг сделались такие люди, как Агустин Аргуельес и некоторые другие ветераны «двенадцатого года», когда в связи с этим в политике восторженных начали обнаруживаться правые уклоны, — левые демократы из городских низов покинули ложи, в которых до того пребывали, и создали свои собственные организации, объединявшие лишь наиболее последовательных сторонников революции. Конечно, в соответствии с духом времени это лево-масонское движение не уступало его более умеренным течениям в красочности и мистичности своего ритуала. Организации коммунерос носили названия «башен», «замков» и «оружейных палат»; его участники именовались «сыновьями Падильи» или «дочерьми Падильи»; его церемонии при приеме новых членов сильно отдавали пафосом рыцарского средневековья; но даже и здесь, в этих церемониях, явственно звучала нота революционно-демократического энтузиазма. Ибо каждый член коммунерос приносил клятву, в которой обязывался защищать права и свободу человечества, а в особенности испанской нации, мстить каждому тирану, бороться против церкви, отстаивать власть народа, убивать изменников, поддерживать неимущих.

В политической борьбе тех дней коммунерос были не только наиболее левой, но и наиболее дисциплинированной и боеспособной группой революционного лагеря. Она имела свои группы во всех городских центрах, занимала крепкие позиции в муниципалитетах и национальной милиции. Ей сочувствовала известная часть офицерства, включая генерала Баллестероса. Несколько дружественных ей депутатов сидели на скамьях кортесов во главе с уже упоминавшимся Ромеро Алпуенте. Число членов коммунерос доходило до 60—70 тыс. человек, что по тогдашним масштабам являлось весьма серьезной силой. И так как эта сила вдобавок еще отличалась большой энергией и решительностью, то неудивительно, что коммунерос играли очень крупную роль во все критические моменты революции.

Однако у коммунерос имелись и свои слабости, связанные с областью идеологии. Боевым лозунгом коммунерос являлся лозунг «Конституция или смерть!», но за ним скрывалась большая путаница взглядов. Несомненно, у коммунерос были два главных источника вдохновения: воспоминания о восстании Падильи и французские события 1793 г. Но они до конца не сумели как следует переварить этот богатый политический опыт и сделать из него надлежащие практические выводы в свете конкретной обстановки второй испанской революции. Тем не менее едва ли можно сомневаться, что именно в движении коммунерос приходится искать истоки испанского республиканизма и последовательного антиклерикализма. Имелись среди них, видимо, и зачатки

---

15 Происхождение имени «Коммунерос» связано с событиями XVI века. Когда первый Габсбург — Карл I занял испанский трон (1516), он повел упорную борьбу с кортесами и городами за превращение Испании из феодального в феодально-абсолютистское государство. Решающее столкновение разыгралось в 1520—1521 гг. Внешним поводом для него послужило засилие иностранной камарильи во главе с кардиналом Адрианом, по происхождению фламандцем, которая окружала Карла I. Невероятные жадность и жестокость камарильи вызвали всеобщее возмущение среди испанского населения и толкнули его на открытое восстание. Но более глубокая причина борьбы крылась в стремлении городов отстоять свои средневековые вольности от деспотизма самодержавного монарха. Была образована «Священная Лига» в Авиле, которая требовала устранения иностранцев от всех должностей, обложения дворянства и духовенства и восстановления древних прав и вольностей народа Главой «Лиги» был правитель Толедо — Хуан Падилья (1484—1521), большую роль в движении играла также его жена Мария Пачеко. 20 октября 1520 г. объединенные города отправили королю из Тордесильяса письмо, в котором требовали «прекращения злоупотреблений». Карл ответил на это репрессиями против городов. Началась гражданская война. В первой половине она была успешна для городов, и Падилье даже удалось захватить крепость Торрелобатон, но затем Карл сосредоточил против повстанцев превосходные силы и разбил их в сражении при Вильяларе 21 апреля 1521 г. Падилья был взят в плен и казнен. Жена его Пачеко еще в течение почти целого года руководила сопротивлением в Толедо и Алькасаре. В 1522 г. она бежала в Португалию, где и умерла в 1531 г. Сторонники «Священной Лиги» называли себя коммунерос, т.е. защитниками городских коммун.

16 H.Baumgarten Geschichte Spaniens. Bb.II, Leipzing, 1868, стр.391-394.

ранних социалистических взглядов; не случайно, конечно, некоторые группы, примыкавшие к коммунерос, называли себя безрубашечниками (Descamisados).

На практике коммунерос находились в постоянной оппозиции не только к умеренным, но и к восторженным. Лишь в отдельные моменты, когда революции грозила опасность со стороны реакции, коммунерос вступали в единый фронт с другими антифеодальными силами. Так было, например, в июле 1822 г., когда Фердинанд сделал попытку контрреволюционного переворота (об этом ниже). Но, как правило, коммунерос занимали самостоятельную позицию на крайнем левом фланге революционного фронта и своим систематическим давлением на более умеренные партии и правительства старались толкнуть их к проведению радикальных преобразований. Характерно, что главный печатный орган коммунерос носил название «Zurriga», т.е. «Плеть». Вся организация коммунерос «хотела быть плетью», которая беспощадно гонит силы революционного лагеря вперед. Однако — и это в высочайшей степени показательно — даже коммунерос не нашли в себе достаточно дальновидности и решительности для того, чтобы всерьез поставить основной вопрос — о ликвидации феодализма и о действительном улучшении положения крестьянства.

Все указанные дробления внутри лагеря революции были вполне естественны, ибо вытекали из известной пестроты его социального состава. Постепенно, в ходе событий революции, они должны были изживаться и, как увидим ниже, действительно, изживались за счет оттеснения более умеренных и усиления более крайних партий, однако благодаря общей отсталости Испании этот процесс происходил медленно и неровно. А когда он все-таки стал подходить к своему логическому концу, внешний фактор — иностранная интервенция — насильственно прервал его, приведя к власти контрреволюцию. В результате проблема создания верной революции вооруженной силы так и не нашла своего полного разрешения.

Такова была расстановка классовых сил в эпоху второй испанской революции. Любопытно сравнить ее с той, которая наблюдалась во Франции в конце XVIII века. Конечно, все исторические аналогии условны и их нельзя принимать слишком буквально. Но все-таки с этой оговоркой можно считать, что между указанными периодами испанской и французской истории имеются, с одной стороны, известные элементы сходства, а с другой стороны, известные элементы различия.

Отметим сначала элементы сходства. Вот главнейшие из них: основные социальные силы, стоявшие на стороне феодальной реакции, в обоих случаях были одни и те же; то же самое следует сказать и об основных социальных силах революционного лагеря, а также об имевшихся в нем внутренних группировках, ибо умеренные были испанским вариантом жирондистов, восторженные — испанским вариантом якобинцев, а коммунерос — испанским вариантом кордельеров; клуб «кафе Лоренсини» явно подражал клубу якобинцев, а безрубашечники несомненно вдохновлялись примером санкюлотов.

Наряду с элементами сходства, имелись и весьма серьезные элементы различия. Вот главнейшие из них: французская революция в противоположность испанской ликвидировала помещиков и дала крестьянину землю, а это подрезало корни феодальной реакции и обеспечило победу буржуазии; монархия была низвергнута и ее место заняла республика; внутренняя борьба в лагере французской революции закончилась торжеством якобинцев, а это в свою очередь привело к созданию крепкой революционной власти и верной революции вооруженной силы, сумевших разгромить всех врагов революции — как внутренних, так и внешних.

В только что сделанном сопоставлении еще раз ярко обнаруживается социально-экономическая и политическая отсталость Испании, на которую нам уже приходилось указывать. Эта отсталость наложила глубокий отпечаток на все события второй революции, к описанию которых мы сейчас и перейдем.

Сразу же после 9 марта король назначил новое правительство. Как уже упоминалось выше, оно состояло сплошь из «людей двенадцатого года», вышедших из тюрем и теперь занявших министерские посты. Главой правительства стал один из основных авторов конституции 1812 г. Агустин Аргуельес, взявший портфель внутренних дел. Министром иностранных дел был назначен Перес де Кастро, министром финансов — Канга Аргуельес, министром юстиции — Гарсиа Эрерос. Кинтана и Мартинес де ла Роса получили цензурное ведомство. Фердинанд не только санкционировал все эти назначения, но даже сделал вид, что счастлив иметь такое правительство. Поистине лицемерие короля не знало границ! Было допущено лишь одно исключение при формировании кабинета: пост военного министра Фердинанд отдал человеку двора — маркизу Амарильясу. Это исключение должно было бы возбудить законные подозрения у либеральных министров, но они были далеки от такого «недоверия» к монарху. Помимо политической умеренности, в них жило еще очень много политической маниловщины. Поэтому никто из членов кабинета не стал протестовать против решения Фердинанда.

Затем новое правительство приступило к действию. Умеренность и маниловщина и тут шли рука об руку. Конституция 1812 г. и все законодательство кадисских кортесов были восстановлены; предполагавшаяся военная экспедиция за океан отменена; солдатам выплачено жалованье, а выслужившим срок — предоставлено увольнение; инвалидам войны за независимость пожалованы почести и награды. Пышные торжества сопровождали смену режима; на площадях Мадрида и других городов были воздвигнуты конституционные доски. «Люди двенадцатого года» считали, что отныне свобода Испании упрочена и в своей политической наивности нередко впадали в пароксизмы тщеславия и самолюбования. Так, мадридская хунта выпустила воззвание, в котором заявляла: «Англия должна была пожертвовать полстолетием потрясений и полмиллионом людей, а Франция 25 годами заблуждений и войн для достижения высших благ, которые Испания приобрела шестью годами терпения, одним днем просветления и двумя днями радости»[17].

Такая оценка положения не предвещала ничего хорошего для революции. И, действительно, политика правительства Агустина Аргуельеса точно нарочно делала все возможное для того, чтобы окрылить только что побежденную реакцию. Новый режим проявлял преступную терпимость в отношении наследия старого порядка. Все прежние чиновники остались на своих местах. Все генералы, за исключением нескольких особо одиозных фигур, сохранили свои командные посты. Королевское окружение не изменилось. Наказание лиц, виновных в преступлениях против народа, шло черепашьим шагом. Назначаемые им кары поражали своей мягкостью. Вообще все поведение правительства дышало таким добродушием и беспечностью, что невольно стимулировало реакцию к активизации своей деятельности. И реакция, конечно, не преминула использовать столь благоприятную для нее ситуацию.

Буквально на другой день после победы революции, 10 марта, контрреволюционные генералы устроили бойню на улицах Кадиса. Вслед затем епископы малагский и саморский отказались безоговорочно присягнуть конституции 1812 г. Это послужило сигналом для духовенства в других частях страны: церковь открыла поход против нового режима. В Валенсии, Аликанте, Мадриде, Галисии возникли заговоры, в которых руководящую роль играли попы. Начались волнения среди басков. В Сарагосе реакционеры пытались поднять открытое восстание. Все это были зловещие симптомы, но умеренное правительство ничего не замечало, вернее, не хотело замечать. «Люди двенадцатого года» очень плохо понимали как стоящие перед ними задачи, так и реальное соотношение сил в стране. Все они были одержимы смертельным страхом, что логика вещей может привести в Испании к повторению «ужасов» французской революции, и потому с первого же дня усиленно нажимали на тормозную педаль. Тем же духом оказались проникнуты и собравшиеся 9 июля 1820 г. первые революционные кортесы, в которых умеренные располагали огромным большинством.

Все вредные последствия такой политики сказались очень быстро. Два события иллюстрировали это особенно ярко.

На открытии кортесов Фердинанд присягнул конституции 1812 г. и произнес тронную речь. Комедия была сыграна весьма искусно. Положив одну руку на евангелие, а другую подняв к небу, он со слезой в голосе воскликнул: «Клянусь, что буду пуще всего блюсти политическую свободу нации и свободу каждого гражданина. Если я совершу что-либо противное моей клятве, пусть мне не повинуются! Пусть все, что я сделаю против присяги, будет лишено всякой силы!».

И затем в тронной речи Фердинанд с неподражаемым цинизмом заявил: «Тотчас по возвращении в отечество я решился принять конституцию 1812 года, и это решение было тем более свободно, что вполне совпадало с интересами и моими, и народа, счастье которого никогда не переставало быть целью моих искреннейших стремлений».

Хотя не требовалось большой политической мудрости, чтобы понять все лицемерие королевских заверений, кортесы, т.е. конкретно умеренные, пришли от слов монарха в такой восторг, что тут же присвоили ему титул «Великого» и «Конституционного». Фердинанд тоже пришел в восторг, но по другим причинам, и решил, что настал момент, когда можно выпустить временно спрятанные когти. Сделано это было в такой форме: некто Эчаварриа организовал заговор, согласно которому король должен был бежать из «мятежного» Мадрида на «роялистский» север, аннулировать признание конституции 1812 г. и объявить о восстановлении старой монархии божьей милостью. Все было точно рассчитано и расписано, но в последний момент случилась неожиданность: король испугался и остался в столице. Эчаварриа с сообщниками был арестован, а намерения Фердинанда стали достоянием широкой гласности.

Казалось бы, что этот инцидент, разыгравшийся через десять дней после открытия кортесов, должен был кое-чему научить «умеренных» министров, но нет! Они оказались глухи к урокам жизни, как о том свидетельствовало другое и гораздо более серьезное событие, случившееся вскоре после открытия заговора Эчаварриа.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
Издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

17 А.Трачевский. Испания девятнадцатого века, стр.318.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Выше мы упоминали о создании «армии наблюдения», во главе с Риего и Кирогой, имевшей целью стоять на страже революции и отбивать возможные атаки на нее со стороны контрреволюции. Это очень не нравилось Фердинанду, и тут, конечно, не было ничего удивительного. Гораздо более странно было то, что против армии наблюдения выступили и умеренные. Эти люди держались того мнения, что теперь, когда «народ» сделал свое дело и вырвал у Фердинанда конституционный образ правления, он должен уйти с общественной арены. Теперь делами государства будут заниматься умудренные опытом и знанием либеральные министры совместно с «переучившимся» королем, а «контроль улицы над политикой» должен прекратиться. Армия наблюдения, которая с избранием Кироги депутатом кортесов перешла под единоличное командование Риего, казалась правительству опасным институтом, тем более, что она требовала от него гораздо более решительных действий в направлении развития революции и прежде всего суровой чистки старой королевской администрации. Таким образом, против армии наблюдения создался единый фронт Фердинанда и умеренных.

Сначала король действовал осторожно 4 апреля 1820 г. Риего был возведен в звание фельдмаршала. Фердинанд надеялся этим подкупить Риего, а также рассчитывал, что в связи с новым назначением будет легче убрать его из армии наблюдения. Без Риего ликвидация последней значительно упростилась бы. Но Риего отказался от предложенной ему чести и остался при армии. Тогда король назначил его своим адъютантом и военным советником, что означало его переселение в столицу, но Риего снова отказался. Фердинанд и тут не признал себя побежденным: 2 августа последовал приказ о назначении Риего генерал-капитаном Галисии, причем военный министр маркиз Амарильяс передал Риего личное приглашение короля посетить его в Мадриде. Хотя Риего догадывался об истинных целях монарха, но — и тут сказалась его политическая незрелость — он не решился ослушаться прямого приказа Фердинанда и 31 августа прибыл в столицу. В этом решении Риего известную роль сыграло то обстоятельство, что еще до его отъезда с юга Амарильяс приступил к расформированию «армии наблюдения», и Риего надеялся путем личных переговоров в Мадриде приостановить его. Король принял Риего с лицемерно разыгранной дружественностью, но в сохранении «армии наблюдения», конечно, отказал. Когда же Риего стал настаивать, Фердинанд предписал ему немедленно отправиться к исполнению своих служебных обязанностей в Галисии. Риего апеллировал к правительству, но и тут его ждала неудача - умеренные министры, спрятавшись за юридические формулы, доказывали, что король является главнокомандующим вооруженными силами и, как таковой, вправе перемещать военных с одной должности на другую. Правительство не может в это вмешиваться. Тогда Риего, нарушая приказ Фердинанда об отъезде в Галисию, заявил, что обратится с жалобой в кортесы, которые должны были собраться 5 сентября.

За три дня до этого срока, 2 сентября, на улицах столицы разыгрались бурные сцены. Огромные толпы народа устроили Риего восторженную встречу. В них находила свое естественное выражение искренняя любовь масс к вождю революции, но вместе с тем это была и политическая демонстрация, с помощью которой восторженные хотели подкрепить обращение Риего к кортесам. Однако в силу своей мелкобуржуазной половинчатости левые не сумели надлежащим образом развить и использовать начавшееся движение и в результате потерпели поражение.

5 сентября Риего действительно выступил перед кортесами. В обширном обращении к народным представителям он подробно изложил все обстоятельства расформирования «армии наблюдения» и затем сказал: «Роспуск отряда патриотов, считающегося одним из оплотов свободы, «армия наблюдения» считает нецелесообразным; вопросы же экономии, на которые ссылаются в данной связи, представляются ей не заслуживающими внимания».

В заключение Риего несколько поспешно заявил: «Я не хочу быть больше мишенью для гнусных обвинений, низменной зависти и несправедливых порицаний. Поэтому я добровольно покидаю свой пост, несовместимый с моей честью в настоящих условиях, и перехожу на положение простого гражданина»[18].

Фактически, таким образом, Риего давал кортесам понять, что он не верит в возможность своей победы. Это было тактической ошибкой, которая только облегчила умеренным их игру. Кортесы отвергли жалобу Риего, и судьба «армии наблюдения» была окончательно решена.

Тогда и Фердинанд, окрыленный поддержкой умеренных, тоже перешел в наступление: он отменил назначение Риего генерал-капитаном Галисии и отправил его в ссылку на родину, в Астурию. Риего повиновался. Верный своему заявлению в кортесах, он действительно перешел теперь «на положение простого гражданина», отчего революция, конечно, не выиграла.

Итак, благодаря половинчатости движения восторженных, благодаря неискусному маневрированию Риего это первое столкновение между правым и левым крылом революционного лагеря кончилось поражением последнего: «армия наблюдения» была ликвидирована, Риего временно устранен с политической сцены, между умеренными и восторженными произошел раз-

---

18 F.Pi-y-Margall. Las grandes conmociones politicas en Espana, стр.136—138.

рыв. Все это, конечно, лило воду на мельницу реакции, которая теперь снова попробовала показать свои когти.

После роспуска «армии наблюдения» и ссылки Риего правительство Аргуельеса решило вести борьбу «на два фронта» — против левых и против правых, — обычная формула для всех либералов, прокладывающих дорогу торжеству контрреволюции. С одной стороны, в сентябре 1820 г. были изданы законы об ограничении гражданских свобод, на основании которых был закрыт ряд левых клубов и газет; с другой стороны, в октябре были изданы законы о ликвидации монастырей и конфискации их имуществ, запрещен орден иезуитов и отменены майораты[20]. Одновременно ветераны «национальной армии» (т.е. «армии наблюдения») получили участки земли и денежные субсидии, а мученикам революции были установлены государственные пенсии.

Однако Фердинанд, прекрасно учитывая, что с роспуском «армии наблюдения» правительство само ослабило свои позиции, отказался утвердить законы, направленные против церкви. Аргуельес попал в трудное положение и для того, чтобы найти из него выход, должен был вновь протянуть руку восторженным. Между правым и левым крылом революционного фронта было восстановлено временное перемирие. В столице вспыхнули волнения, поддержанные в других городах. Мадридский гарнизон оказался «ненадежным». Король еще раз испугался и санкционировал антиклерикальные законы кортесов. Но мысль о контрреволюционном перевороте все глубже укреплялась в его сознании, и он решил сделать попытку. Удалившись из Мадрида в загородный дворец-монастырь Эскориал, Фердинанд приступил к организации монархических сил. 16 ноября за спиной правительства он дал отставку либеральному генерал-капитану Новой Кастилии Вигодету и назначил на его место своего ставленника Карвахаля. Это имело очень серьезное значение. Генерал-капитан Новой Кастилии командовал всеми войсками, расположенными в Мадриде и его окрестностях, и потому данный пост считался одной из ключевых позиций в государстве. Всякая власть старалась иметь на этом месте вполне своего человека. Вигодет, увидав, что на приказе короля об его отставке нет подписи министра, отказался выполнить распоряжение Фердинанда.

Возник острый кризис. Правительству еще раз пришлось искать поддержки восторженных. Улицы Мадрида заполнились бурными толпами народа. Недовольство масс быстро нарастало. Раздались крики: «Голову Карвахаля!», «Пойдем в Эскориал!», «Привезем насильно короля в столицу!» Фердинанд снова струсил и 21 ноября вернулся в Мадрид. По пути во дворец народ осыпал его ругательствами и оскорблениями. А когда затем король в сопровождении своей семьи появился на балконе дворца, чьи-то сильные руки высоко подняли над толпой сына казненного генерала Ласи и кругом раздались бурные клики: «Да здравствует мститель за своего отца!».

Результатом описанных событий было то, что на известный срок между умеренными и восторженными установилось тесное сотрудничество. Началась, наконец, более серьезная чистка старой администрации, от чего до сих пор Аргуельес систематически уклонялся. Риего был вызван из ссылки и назначен генерал-капитаном Арагона; вожди восторженных Арко Агуеро, Алкала Гальяно и Бертран де Лис стали комендантами Малаги, Кордовы и Валенсии. Соответственные перемещения произошли и в других местах. Вновь ожили клубы, возродилась левая печать. Из окружения короля были изгнаны монахи и реакционеры во главе с герцогом Инфантадо. Однако этот левый курс правительства продолжался недолго. Умеренным скоро стало страшно от слишком большой близости с «улицей», т.е. с революционно-демократическими массами, и они опять бросились вправо.

1 марта 1821 г. открылась новая сессия кортесов. Фердинанд, хорошо зная о панических настроениях умеренных, произнес наглую тронную речь, в которой обвинил правительство в поощрении «общественных беспорядков» и в заключение потребовал его смены. Было совершенно очевидно, что феодальная реакция переходит в наступление.

Как же реагировали на это кортесы?

Их поведение было почти предательским. Вместо того, чтобы сразу же дать решительный отпор королю, они заняли позицию... невмешательства. Спрятавшись за какими-то параграфами конституции, умеренное большинство кортесов заявило, что сохранение общественного порядка в стране есть дело правительства, что правительство назначается монархом и что кортесы, как учреждение чисто законодательное, не могут вмешиваться в вопросы, связанные с формированием исполнительной власти. Иными словами, верховный орган народной воли трусливо отказался от руководства судьбами страны и предоставил Фердинанду полную свободу в деле назначения министров и других высших сановников государства.

Разумеется, король немедленно же воспользовался этой преступной слабостью кортесов: правительство Аргуельеса получило отставку, а вместо него было образовано правительство Фелиу, тоже умеренного, но человека еще более правого, чем Аргуельес. Аргуельес все-таки

---

20 Отмена майората, т.е. передача земли от отца к старшему сыну в целом виде, была одним из основных требований испанской буржуазии, желавшей добиться разрешения на дробление земельных участков и превращение земли в предмет купли-продажи.

В январе 1821 г. в Галисии, вокруг уже известного нам Сант-Яго, создалась так называемая «апостолическая хунта», которая открыто поставила своей целью контрреволюционный переворот и восстановление старого порядка. Но этот старый порядок в представлении членов хунты должен был отводить церкви гораздо более видное место, чем режим Фердинанда накануне революции. Элементы, тяготевшие к апостоликам, были не вполне удовлетворены поведением короля. Они обвиняли его в слабости и непоследовательности, они считали, что он пошел на слишком большие уступки «масонам» и «атеистам». Поэтому апостолическая хунта перенесла свои главные надежды на младшего брата Фердинанда — дон Карлоса, которого она считала более твердым и последовательным представителем абсолютизма и более горячим католиком, чем король. Отсюда берет начало то пресловутое карлистское движение, с которым мы еще не раз встретимся на протяжении дальнейшей истории Испании в XIX и даже в XX веках. Создание апостолической хунты явилось сигналом для оживления контрреволюционной деятельности во всех концах страны. Был выдвинут лозунг «война за веру»; в Наварре, Басконии, Каталонии и ряде других мест появились роялистско-церковные банды; в королевской гвардии начались заговоры; дикие слухи, распространяемые монахами и помещиками, поползли по Испании, внося смуту и неуверенность в широкие круги населения. Особенно интенсивной обработке подвергалась деревня, и здесь апостолики имели несомненный успех, ибо революция почти ничего не дала крестьянству. Все это находило могущественную поддержку со стороны Ватикана и роялистской Франции, отчего опасность для революции только усугублялась.

Что же делали перед лицом возникшей угрозы силы антифеодального лагеря?

Правительство Фелиу, опираясь на умеренных, решило «поправить» в реакционном духе закон о майоратах и в дополнение к нему издало еще закон о правах помещиков, направленный против крестьянства. Таким образом, вместо того, чтобы укреплять свои позиции в борьбе с феодализмом, умеренные их еще более ослабляли. Одновременно умеренные продолжали свою игру в политическую маниловщину: теперь они тратили массу времени и энергии на выработку «идеальной» схемы народного образования, предусматривавшей открытие самостоятельной школы в каждой деревне с населением свыше 100 человек. В обстановке всеобщей мобилизации контрреволюционных сил это было если не предательством, то во всяком случае проявлением глубокой политической слепоты.

Восторженные видели и чувствовали надвигавшуюся опасность и со своей стороны пытались принять решительные меры, однако в их действиях не было достаточных единства, энергии, сознательности, целеустремленности. В головах левых вождей постепенно складывался план: поднять революционные восстания в различных центрах провинции — в Галисии, Кадисе, Севилье, Малаге, Валенсии, Арагоне и др. двинуться походом на Мадрид, сбросить правительство Фелиу, свергнуть Фердинанда и открыть пути для дальнейшего развития революции. Однако на пути к осуществлению этого плана имелись значительные препятствия.

Во-первых, среди вождей левого крыла не было ясности по вопросу о том, что же нужно делать (тем более, что к этому времени уже оформилось движение коммунерос). Даже по вопросу о форме правления среди них имелись разногласия: в то время как одни (в том числе Риего) склонялись теперь к республике, другие оставались монархистами. Во-вторых, между вождями левых — в частности, между Риего, с одной стороны, Кирогой и Гальяно, с другой, — стали возникать конфликты, в которых элемент политический тесно переплетался с элементом личным. Некоторые лидеры восторженных, завидуя популярности Риего, обвиняли его в стремлении к самовозвеличиванию и диктатуре. Такие нападки не имели серьезных оснований: Риего был не лишен известного тщеславия, но никогда не думал о единоличном захвате власти. Тем не менее его конкуренты среди левых вождей нередко пускали по его адресу эту отравленную стрелу, — тем более, что Риего обнаруживал несомненные симпатии к движению коммунерос[21].

Все указанные обстоятельства ослабляли левое крыло революции, а также открывали возможности маневрирования перед королем и его пособниками из лагеря умеренных, чем они и не замедлили воспользоваться. Генерал-капитаном Новой Кастилии был назначен реакционный генерал Морильо; Риего, обвиненный в республиканских симпатиях, был смещен с поста генерал-капитана Арагона и сослан в Лериду; Мину, командовавшего войсками в Галисии, заставили уйти; на сторонников революции посыпался град репрессий.

Тогда снова заговорили народные массы. В Андалусии, в Галисии, в Каталонии поднялась буря протестов. Кадис и Севилья отказались повиноваться правительству. 24 сентября 1821 г. в день св.Рафаэля[22], вопреки запрещению властей, произошли огромные демонстрации в крупнейших

---

21 В период генерал-капитанства Риего в Арагоне там возник заговор французских и итальянских революционеров-эмигрантов, в котором приняли участие и испанские левые. Целью заговора было устройство переворотов во Франции и Испании и провозглашение в обеих странах республики. Риего поддерживал дружеские отношения с заговорщиками и сочувствовал их целям.

22 Этот день был выбран для устройства демонстраций в связи с тем, что имя Риего было Рафаэль.

городах Испании. Везде раздавались крики: «Риего, конституция или смерть!» В организации этого движения большое участие приняли коммунерос.

Однако левые и теперь не сумели превратить мощный народный порыв в хорошо продуманное и ударно-целевое действие. Единственно, что им удалось сделать, это одержать крупную избирательную победу на выборах в новые кортесы, происходивших в декабре 1821 г. Однако плоды победы пошли на пользу главным образом восторженным. Коммунерос провели в палату лишь немногих своих представителей, в том числе Ромеро Алпуенте. Реакционеры, возложившие к этому времени свои главные надежды на открытый контрреволюционный переворот, частично бойкотировали выборы, но все-таки на скамьях кортесов оказалась довольно значительная правая группа. Зато полное поражение потерпели умеренные: их «серединная линия» не удовлетворяла более никого. Поляризация классовых сил сделала крупный шаг вперед. Весьма характерную картину представлял также состав новых кортесов: в подавляющем большинстве это были либо юристы, либо журналисты; среди избранных оказалось очень мало аристократов и... ни одного епископа. Таких случаев в испанской истории еще не бывало.

1 марта 1822 г. состоялось открытие новых кортесов. Риего, получивший мандат от своей родной Астурии, был избран президентом кортесов, а «Гимн Риего» был объявлен национальным гимном Испании. Тронная речь Фердинанда явно отражала его испуг перед волей народа. В ответной речи Риего заявил: «Кортесы постараются с большой твердостью и энергией выступить против многих и крупных препятствий, которые до сих пор отравляли народу наслаждение свободой. Они покажут всей нации, что истинное могущество и величие монарха состоит в точном исполнении законов»[23].

Это звучало, как угроза. Весьма показательно было также поведение депутатов и публики, наполнявшей галереи кортесов. Когда говорил Фердинанд, в зале царило ледяное молчание. По окончании речи не раздалось ни одного хлопка. А когда затем выступил Риего, своды здания потрясли бурные крики: «Да здравствует президент!».

Король, однако, не хотел сдаваться. Конечно, правительство Фелиу пришлось отправить в отставку, но с правительством восторженных, приход которого к власти диктовался положением, Фердинанд примириться не желал. Поэтому он стал хитрить и маневрировать. Премьером был назначен один из виднейших «людей двенадцатого года» Мартинес де ла Роса, успевший к этому времени сильно поправеть. Он образовал правительство, состоявшее в большинстве из умеренных, правительство, которое совершенно не соответствовало настроению левого большинства кортесов и которое поэтому не пользовалось ни властью, ни авторитетом. В то же время это левое большинство не находило в себе достаточной энергии и решительности для того, чтобы добиться назначения собственного правительства. Столь нелепое положение было ликвидировано, как и следовало ожидать, внепарламентским путем. Но инициатива и тут (что было весьма характерно) исходила не от лагеря революции, а от лагеря контрреволюции.

28 июля состоялось открытие очередной сессии кортесов. Во время этой церемонии, собравшей огромные толпы народа вокруг здания парламента, гвардейцы, среди которых было много роялистов, стали избивать народ. Молодой офицер Ладабуру, горячий сторонник восторженных, с саблей наголо бросился против гвардейцев. Он был убит на месте. Этот возмути тельный факт сразу воспламенил широкие массы. Атмосфера столицы накалилась, и в воздухе запахло порохом. Левые не без основания заподозрили, что провокация гвардейцев была не случайна. Не доверяя Морильо, командовавшему гарнизоном Мадрида, они взяли защиту в свои собственные руки. На первый план выдвинулись коммунерос. Риего стал во главе народа. Он мобилизовал национальную милицию; вооружил членов левых клубов, студентов, ремесленников, рабочих; создал «священный батальон», вождем которого стал его старый соратник по Андалусии Сан-Мигель. Революция ощетинилась и приготовилась к бою, но... не наступала. Даже в этот критический момент она все еще оставалась на позициях обороны. Несколько дней прошло в состоянии все возраставшего напряжения, — наконец, произошла развязка. Однако и на этот раз инициатива оказалась в руках реакции.

В распоряжении Фердинанда находилось шесть батальонов преданной ему гвардии. 2 июля четыре из них он отправил в Пардо[24]. Вслед затем под прикрытием двух оставшихся батальонов король должен был сам бежать в Пардо, объявить там об отмене конституции 1812 г. и, став во главе мятежных войск, идти на столицу. Но и сейчас, как в деле с Эчаварриа, Фердинанд в последний момент испугался и остался в своем дворце. Правда, окрыленный дипломатическим вмешательством держав в свою пользу (подробнее об этом ниже), он дал приказ четырем батальонам, стоявшим в Пардо, в ночь с 6 на 7 июля двинуться к Мадриду. Здесь их встретил вооруженный народ и после короткого, но жестокого боя мятежники были разбиты. Фердинанд со свойственным ему вероломством даже не поддержал их своими двумя батальонами. А когда выяснилось, что революция победила, он с лицемерным негодованием обрушился на своих

---

23 А.Трачевский Испания девятнадцатого века, стр.353.

24 Пардо — королевское имение неподалеку от Мадрида.

сторонников.

Гнусный заговор короля обнаружился во всех подробностях. Казалось, наступил час великой расплаты. Но так силен еще был в Испании гипноз монархической идеи, что ни коммунерос, ни тем более восторженные не решились твердо поставить вопрос об испанской республике или хотя бы об отречении Фердинанда. Вместо этого вожди левых вступили с ним в длительные переговоры. В течение целого месяца король маневрировал и торговался и только 5 августа 1822 г. было, наконец, сформировано правительство восторженных. Душой его являлся Сан-Мигель, получивший пост министра иностранных дел. Военным министром стал соратник Риего по Андалусии генерал Лопес Баньос, министром внутренних дел — Франсиско Гаско, министром финансов — Мариано де Эгеа, министром юстиции — Фелипе Наварро, министром колоний — Мануэль Вадильо, морским министром — Дионисио Капас, министром двора маркиз Санта-Крус, горячий сторонник восторженных Руководящие посты военной и гражданской администрации также достались представителям этой партии. Королевская камарилья была разогнана; король фактически арестован в своем дворце; против виновников июльского заговора было начато судебное следствие.

Все это были, несомненно, разумные меры, способные укрепить положение нового правительства. Революция сделала важный шаг вперед; открывались перспективы для победы народа. Однако, чтобы реализовать эти перспективы, нужно было не останавливаться, а действовать и идти все дальше и дальше по пути революции. Но это не было сделано. Тут явно обнаружилась слабость восторженных, вытекавшая и из их мелкобуржуазной натуры, и из общей отсталости Испании.

Мы уже говорили о роли крестьянского вопроса в испанской революции. Если восторженные хотели обеспечить полное и окончательное торжество революции, они должны были принять решительные меры к ликвидации феодализма. Однако в этой области не было предпринято почти ничего. Больше того: правительство Сан-Мигеля не сумело даже добиться проведения в жизнь тех законов об отмене сеньоральных прав помещиков, которые были приняты в начале революции. Тем самым восторженные не только лишали себя поддержки со стороны крестьянства, но и делали его легкой добычей контрреволюции.

Было еще одно обстоятельство, сильно отражавшееся на положении новой власти. После победы над королем обострились несогласия между восторженными и коммунерос. Эта крайняя левая революционного фронта требовала для своих сторонников соответственной доли гражданских и военных постов. Восторженные шли навстречу коммунерос чрезвычайно неохотно — особенно в армии. После долгих споров коммунерос были наконец, предоставлены судебные органы Они энергично принялись за дело. Были арестованы и привлечены к ответственности руководители заговора 7 июля, а также видные представители контрреволюции вроде герцога Инфантадо, генерал Морильо, генерала Элио и др. Над всеми этими душителями народа нависла суровая кара; один из них генерал Элио был даже казнен в Валенсии при бурных овациях населения. Восторженные не выдержали и бросились вправо: они отняли судебные органы у коммунерос, замяли ряд предстоявших процессов, освободили многих известных деятелей контрреволюции и ограничили преследование только офицерами гвардии. Конечно, это лишь усугубило внутреннюю борьбу среди левых, отчего выигрывала только контрреволюция.

В том же направлении изменялось и отношение нового правительства к Риего. Казалось бы, ему следовало использовать до максимума авторитет и способности этого героя революции. На самом деле вышло иначе. Зависть к Риего со стороны ряда вождей восторженных закрыла ему дорогу к власти. Сан-Мигель и другие министры предпочитали держать его на мало активном посту президента кортесов. Даже когда в январе 1823 г, на пороге французской интервенции, Риего обратился к правительству с просьбой дать ему возможность организовать корпус волонтеров, кабинет ответил решительным отказом.

Конечно, все это значительно ослабляло позиции левы в борьбе с контрреволюцией. И все-таки революция крепко стояла на ногах! Все усилия Фердинанда, аристократии, церкви нанести ей смертельный удар разбивались о сопротивление народа.

Так было в июле 1822 г. Так случилось и несколькими месяцами позже, когда контрреволюция, потерпев поражение на улицах Мадрида, пыталась взять реванш, развязывая в провинции (особенно на севере) открытую гражданскую войну

7 октября собрались кортесы. Обстановка, в которой они заседали, была очень серьезна. Мы уже упоминали о создании в январе 1821 г. апостолической хунты в Галисии. С конца этого года хунта перешла к организации вооруженных банд на севере Испании, особенно в районах, прилегающих к французской границе. Летом 1822 г. их число и активность чрезвычайно возросли. После провала июльского заговора во главе их стали видные монархисты Матафлорида, Эрольес др. и развернули широкие наступательные операции. Захватив на испано-французской границе важную крепость Сео де Урхель, роялисты образовали регентство, заявив, что впредь до освобождения короля из плена «масонов» и «атеистов» это регентство будет осуществлять верховную власть. Фердинанд послал ему свое благословение. Вслед затем регентство

провозгласило священную «войну за веру» и объявило о восстановлении всех дореволюционных законов. Фанатичные массы темного крестьянства оказали этому движению большую поддержку и в короткое время оно охватило почти всю Каталонию и значительную часть Арагона. Роялистские банды появились перед воротами Сарагосы. Вновь оживились реакционеры и в других местах, в частности в столице.

В этот момент кортесы приступили к своей работе. Положение было угрожающее. Алкала Гальяно — один из лидеров восторженных, выступая в палате, охарактеризовал его следующим образом: «Мы находимся на вулкане, который в любой момент может похоронить нас под развалинами нации»[25].

Требовались быстрые и решительные меры. И они последовали. Кортесы наделили правительство чрезвычайными полномочиями, которых оно не сумело до конца использовать, и генералу Мина было поручено командование вооруженными силами, брошенными против роялистов. Мадрид оказал очень мало содействия этому славному герою войны за независимость: Мина должен был все нужное для своей армии добывать сам. Одураченное попами крестьянство не только не поддерживало его, но, наоборот, оказывало содействие контрреволюционерам. И все-таки, несмотря на столь неблагоприятные условия, Мина с совершенно ничтожными силами в блестящей молниеносной кампании разбил наголову врагов революции. Он захватил крепость Сео де Урхель и вынудил реакционное регентство с остатками своих банд бежать во Францию под защиту Людовика XVIII.

Революция еще раз восторжествовала. Власть восторженных укрепилась. Шансы реакции резко упали. Были основания полагать, что теперь революция, пройдя через ряд дальнейших трансформаций, приведет в конце концов к ликвидации феодализма со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Но тут как раз в игру вошел совершенно новый фактор, который круто изменил всю ситуацию и дал решительный перевес силам контрреволюции. Этим фактором была иностранная интервенция.

ИНТЕРВЕНЦИЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА

Мы уже говорили выше о том, что с окончательным падением Наполеона Европа вступила в эпоху реставрации старых династий и режимов, опрокинутых французской революцией и императорскими армиями. По всей Европе прокатилась волна реакции, стремившаяся всюду возможно полнее восстановить потрясенные недавними событиями основы феодально-абсолютистского строя, волна, на знамени которой стоял лозунг «легитимизма» и божественного происхождения монархической власти. В такой политической атмосфере родился Священный союз.

Инициатором его был русский император Александр I. Он привлек на свою сторону австрийского императора Франца I и прусского короля Фридриха-Вильгельма III, и 26 сентября 1815 г. в Париже тремя монархами был подписан торжественный документ, о юридической природе которого историки спорили в течение целого столетия. Выдержан был этот документ в превыспренне-религиозном стиле и в своей фразеологии явно обнаруживал следы тех мистических настроений, в которые к тому времени стал впадать русский император. Впрочем, реальная сущность документа была совершенно ясна и не могла вызывать никаких сомнений. «Во имя пресвятой и нераздельной троицы, - так начинался манифест Священного союза, их величества... восчувствовав внутреннее убеждение в том, сколь необходимо подлежащий державам образ взаимных отношений подчинить высоким истинам, внушаемым законом Бога-Спасителя, объявляют торжественно...»

И дальше следовало изложение принципов Священного союза, из которых самый важный был сформулирован так: «Соответственно словам священных писаний, повелевающих всем людям быть братьями, договаривающиеся монархи пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства, и, почитая себя как бы единоземцами, они во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь.

Как видим, это был монархический пакт взаимопомощи.

Он преследовал две главные цели: 1) поддерживать в неприкосновенности ту перекройку европейских границ, которая только что была произведена на Венском конгрессе 1814—1815 гг., и 2) вести непримиримую борьбу против всех проявлений «революционного духа», так сильно потрясавшего Европу в течение предшествующей четверти века. Эта вторая задача приобрела особенно крупное значение в деятельности Священного союза.

И. М. МАЙСКИЙ

ИСПАНИЯ 1808–1917

М.: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

25 F.Pi-y-Margall. Las grandes conmociones politicas en Espana, стр.164.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Восстание Риего глубоко взволновало членов этого «Союза» — тем более, что одновременно с ним произошло убийство герцога Беррийского и был открыт заговор Тистльвуда[26]. Впервые после шести лет злейшей реакции «революционный дух» вновь поднял голову и даже одержал в Испании крупную победу. Монархи Европы были испуганы и раздражены. Они ответили очень холодно на ноту нового испанского правительства о совершившемся 9 марта перевороте, а русский министр иностранных дел граф Нессельроде даже воспользовался случаем для того, чтобы прочитать испанским революционерам весьма бесцеремонную нотацию. В меморандуме от 8 мая 1820 г. Нессельроде писал, адресуясь к испанскому правительству: «Когда учреждения исходят от престола, они консервативны; когда, же проистекают из потрясения порядка, они порождают хаос... По нашему общему мнению, спасение и благо Европы требует, чтобы это зло (т.е. мартовская революция в Испании. — *И.М.*) было поправлено, чтобы это пятно было смыто, чтобы этот соблазн был устранен»[27].

Около того же времени Александр I поставил вопрос об интервенции Священного союза в испанские дела в целях подавления революции. Однако эта идея на первых порах не встретила поддержки ни в Австрии, ни в Пруссии, ни в Англии из страха перед усилением влияния России, — тем более, что, как мы знаем, выборы 1820 г. в кортесы дали огромное большинство умеренным. Державы решили возложить надежды на «естественный» ход событий в Испании, который, как им казалось, должен быстро привести к торжеству реакционеров, и в мае 1820 г. дали инструкции своим посланникам в Мадриде избегать вмешательства во внутренние дела страны.

Эти расчеты, однако, оказались построенными на песке. Революция в Испании не хотела умирать. Наоборот, она очень скоро перешагнула свои национальные границы и стала серьезным фактором европейской политики. В июле 1820 г. произошла революция в Неаполитанском королевстве, причем местные либералы потребовали и добились от своего короля Фердинанда признания испанской конституции 1812 г. В августе того же 1820 г. началась революция в Португалии, а в марте 1821 г. — в Пьемонте, причем и здесь в обоих случаях знаменем революционной буржуазии явилась испанская конституция 1812 г. Наконец, в начале 1821 г. вспыхнуло восстание греков против турецкого ига. Все эти события сильно взбудоражили монархические дворы Европы и активизировали энергию Священного союза.

В октябре 1820 г. состоялся конгресс Священного союза в Троппау (Австрийская Силезия), на котором присутствовали Александр I, австрийский император Франц I и наследник прусского престола, представлявший Фридриха-Вильгельма III, в сопровождении своих главных министров. Кроме того, на конгрессе были уполномоченные Англии и Франции. Здесь, в Троппау, три монарха подписали очень важный протокол, гласивший, что Россия, Австрия и Пруссия присваивают себе право дипломатического и военного вмешательства во внутренние дела любого государства, если только там начнется «гнусное революционное движение». Больше того, этот знаменитый протокол провозглашал следующее: «Государства, в которых в результате революции произошла смена правительства, угрожающая другим государствам, тем самым перестают быть членами европейского альянса и остаются исключенными из него впредь до того, как внутренняя ситуация этих государств будет гарантировать стабильность и законный порядок. Если в силу указанных изменений возникнет непосредственная опасность для других государств, нижеподписавшиеся державы объединяются для того, чтобы мирными средствами или в случае надобности с помощью оружия вновь вернуть виновное государство в лоно великого альянса».

Дело не ограничилось, однако, только подписанием дипломатических документов. Здесь же, в Троппау, Австрия получила от Священного союза мандат на усмирение Неаполитанского королевства. Англия и Франция отнеслись отрицательно к этому мандату, но ограничились лишь словесными протестами. В результате австрийская армия оккупировала неаполитанскую территорию, революция была подавлена, конституция отменена и самодержавие короля Фердинанда полностью восстановлено. Несколько позднее Австрия вооруженной рукой ликвидировала также и революцию в Пьемонте. Делегация греческих патриотов в начале 1821 г. прибыла на конгресс Священного союза в Лайбахе. Она хотела просить христианских государей — ив первую очередь православного императора России — о помощи в борьбе с «неверным султаном»... Конгресс, однако, отказался даже выслушать ее, ибо считал, что греки совершили «революционный акт», восстав против своего «законного» монарха — турецкого султана. Несколько позднее, на Веронском конгрессе 1822 г., в разговоре с французским послом Александр

---

26 Герцог Беррийский (1778—1820), второй сын графа д'Артуа (в 1824—1830 гг. французского короля Карла X) и младший брат герцога Ангулемского, был убит в Париже 13 февраля 1820 г. республиканцем Лувелем. Его покушение было одним из проявлений протеста против воцарившейся во Франции после реставрации 1814 г политической и социальной реакции. Тистльвуд, английский республиканец, устроил заговор с целью перебить всех министров, которые 23 февраля 1820 г. собрались на обеде у графа Харроуби в Лондоне. Это, по плану Тистльвуда, должно было явиться началом революции в Великобритании. Однако заговор был открыт, заговорщики арестованы, и пятеро из них, включая Тистльвуда, повешены 1 мая 1820 г.

27 А.Трачевский. Испания девятнадцатого века, стр.319.

I прямо заявил: «Я покидаю дело Греции, потому что усмотрел в войне греков революционный признак времени». Если Греция тем не менее продолжала свою борьбу и в 1827 г. добилась независимости, то это было уж делом самих греков, проявивших большую стойкость, героизм и умение использовать противоречия между великими державами. Священный союз со своей стороны сделал все возможное для того, чтобы во имя принципа «легитимизма» помешать Греции в получении свободы.

Что касается испанской революции, то первоначально Священный союз проявлял по отношению к ней известную сдержанность. Объяснялось это отчасти тем, что в данном случае речь шла о великой державе той эпохи, и еще тем, что практически интервенция в испанские дела легче всего могла бы быть осуществлена с помощью Франции, а Франция в 1820— 1821 гг. не была готова к проведению подобной операции: она еще помнила печальный опыт 1808—1814 гг.; в ней шла борьба различных партий: сторонники вмешательства во внутренние дела Испании были пока в меньшинстве. Кроме того, как уже упоминалось выше, европейские дворы возлагали известные надежды на внутреннюю эволюцию страны, которая без особых усилий с их стороны скоро «вновь вернет виновное государство (т.е. Испанию) в лоно великого альянса».

Однако с конца 1821 г. положение стало меняться. К тому было несколько причин. Во-первых, испанская революция не только не сменялась контрреволюцией, но, наоборот, явно развивалась влево. Это пугало европейских монархов и вызывало у них опасение, что политика «невмешательства» в испанские дела, пожалуй, не даст ожидавшихся от нее результатов. Отсюда росло желание пустить в ход против испанских «бунтовщиков» военную силу. Особенно решительно такую позицию отстаивал Меттерних, все больше начинавший играть центральную роль в Священном союзе. Во-вторых, Фердинанд VII, потеряв надежду справиться с революцией собственными силами, стал все настойчивее молить Священный союз о спасении. В-третьих, в декабре 1821 г. борьба партий во Франции привела к власти строго-роялистское правительство Виллеля, которое обнаружило явную симпатию к испанскому королю и готово было содействовать его «освобождению» из революционного «плена». Правда, Виллель возражал против открытой интервенции, но зато охотно оказывал поддержку различным контрреволюционным движениям внутри Испании. Действительно, все мятежные банды, которые с конца 1821 и особенно в 1822 г. оперировали в Каталонии, Наварре, Баскония и других местах, находили поощрение и помощь со стороны Франции. Кроме того, правительство Виллеля под предлогом «желтой лихорадки в Каталонии» решило создать на испанской границе «санитарный кордон» и с этой целью сконцентрировало здесь... большую армию, которая под именем «наблюдательного корпуса» висела постоянной угрозой над революционной Испанией. В-четвертых, наконец, Александр I, окончательно увязший в трясине мистицизма и реакции, все решительнее выступал с требованием скорейшего подавления испанской революции, Ибо эта революция — и тут мы подходим к одному из любопытнейших исторических эпизодов — находила пугающий царя отклик в его собственной империи.

В 1816 г., т.е. за четыре года до восстания Риего, в России возникло тайное «Общество истинных и верных сынов отечества», или иначе «Союз спасения», целью которого было уничтожение самодержавия и ликвидация крепостного права. Корни этой организации глубоко уходили в прошлое страны. Она имела своих идеологических предшественников в лице первых русских просветителей конца XVIII и начала XIX века, среди которых самым крупным был, конечно, Радищев. Сюда прибавлялись влияния первой французской революции. Членами «Союза спасения» являлись по преимуществу офицеры и генералы армии, побывавшие во время наполеоновских войн в Западной Европе и приобщившиеся там к идеям либерального конституционализма. Некоторые из них также стали масонами. Эти, по выражению Ленина, «дворянские революционеры» не были, однако, простыми подражателями заграничных образцов. Они творчески перерабатывали принципы 1789 г. с учетом условий и традиций собственной страны. Лучшим доказательством тому может служить «Русская правда» П.И.Пестеля — этот проект декабристской конституции для России.

Вопрос о целях движения не возбуждал каких-либо сомнений среди членов «Союза спасения», но зато по вопросу о средствах к их достижению кипели острые и горячие споры. Большинство декабристов решительно отвергало метод дворцового переворота вроде того, с помощью которого Александр I пришел к власти[28]. С другой стороны, декабристы не сочувствовали развязыванию массовой народной борьбы (недаром же они были «дворянские революционеры»!), за которой им чудились образы Пугачева и Стеньки Разина. Где же в таком случае лежал правильный с точки зрения декабристов путь?

Первоначально члены «Союза спасения» делали ставку на создание в стране «революционного общественного мнения» и в соответствии с этим в 1818 г. даже преобразовали конспиративно замкнутый «Союз спасения» в более широкий и не столь конспиративный «Союз

---

28 Как известно, отец Александра I император Павел был убит 11 марта 1801 г. группой недовольных царедворцев, составивших заговор под руководством Палена и Беннигсена.

благоденствия». Однако два года работы на новом пути не принесли больших практических результатов, правление Александра I становилось все более реакционным, и к 1820 г. пред декабристами все острее вставал вопрос: что же делать?

Как раз в этот момент в Испании разразилась революция. Эффект ее на умы декабристов был громаден. Дело было не только в том, что русские революционеры просто радовались победе революционеров в другой стране. Такая радость, конечно, была, но неизмеримо важнее было другое: формы испанской революции 1820 г., казалось, давали прекрасный ответ на мучивший декабристов вопрос о путях борьбы против царского самодержавия. «Военное восстание» отныне становится основным тактическим методом декабристов.

Имеется ряд фактов, свидетельствующих об этой связи между испанской революцией 1820 г. и движением декабристов.

Так, Пестель — этот крупнейший идеологический вождь движения — в своих показаниях на процессе декабристов заявил: «Происшествия в Неаполе, в Гишпании и Португалии имели тогда большое на меня влияние».*

24 марта 1820 г. декабрист Николай Тургенев в своем дневнике записал: «Вчера получено известие, что король гишпанский объявил конституцию кортесов. Слава тебе, славная армия Гишпанская! Слава гишпанскому народу! Во второй раз Гишпания показывает, что значит дух народный, что значит любовь к отечеству».

Другой видный декабрист, П.Я.Чаадаев, в конце 1820 г. писал одному другу по поводу испанских событий: «Революция, завершенная в восемь месяцев, при этом ни одной капли пролитой крови, никакой резни, никакого разрушения, полное отсутствие насилий, одним словом — ничего, что могло бы запятнать столь прекрасное, — что Вы об этом скажете? Происшедшее послужит отменным доводом в пользу революции. Но во всем этом есть нечто ближе нас касающееся...»

Еще один декабрист, Беляев, в своих воспоминаниях сообщает: «Революция в Испании с Риего во главе, исторгнувшая прежнюю конституцию у Фердинанда, приводила в восторг таких горячих энтузиастов, какими были мы и другие».

Имена Риего и Кироги пользовались особенной популярностью среди декабристов и близких к ним кругов. Известный поэт-декабрист К.Ф.Рылеев, относившийся к испанской революции с большим энтузиазмом, писал:

Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека
Они опомнятся, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги,
И в бурном мятеже, ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги

Точно так же А.С.Пушкин, стоявший близко к декабристам, в послании к генералу П.С.Пущину, одному из активнейших членов «Союза благоденствия», восклицал.

В дыму, в крови,
Сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога
Но ты предвидишь свой удел,
Грядущий наш Кирога
И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь «Свобода!»[28]

Александр I, конечно, не мог не знать о влиянии испанских событий на прогрессивную часть русского общества, и это в сильнейшей степени усугубляло его желание возможно скорее покончить с очагом революции в Мадриде. Он все время настаивал на необходимости прямого вмешательства в испанские дела, и этот нажим из Петербурга не оказывался бесплодным. Особенные успехи идея интервенции сделала в 1822 г., после того, как Меттерних решительно стал на ее сторону.

Первым актом такой интервенции можно считать коллективный демарш посланников великих держав в Мадриде 6 июля 1822 г, в момент неудачной попытки Фердинанда устроить контрреволюционный переворот. Когда король прятался во дворце в ожидании подхода из Пардо

---

* Об отношении российской общественности к событиям в Неаполе см. ***М.Ковальская.*** **Движение карбонариев в Италии, 1808-1821 гг.**

28 Приведенные в тексте факты о связи между декабристами и испанской революцией 1820 г взяты из стенограммы интересного доклада М.В.Нечкиной, сделанного на сессии Отделения общественных наук Академии наук СССР в 1938 г. См. также работу М.В.Нечкиной «Грибоедов и декабристы», М., 1947, стр.275, 407.

мятежных гвардейских батальонов, а вооруженный народ, под руководством Риего, охранял улицы столицы, — дипломатические представители Священного союза явились к премьеру Мартинес де ла Роса и многозначительно заявили, что все монархи Европы живейшим образом «заинтересованы» в безопасности испанского короля и его семьи. Этот демарш, конечно, мог только усилить наглость Фердинанда и его стремление покончить с конституцией 1812 г. Так оно и вышло: именно в ночь с 6 на 7 июля мятежные гвардейцы попытались захватить власть в столице. Если это им не удалось, то дело тут было уже в силе сопротивления народа.

После событий 7 июля 1822 г. среди европейских дворов создалось очень напряженное положение. Россия и Австрия настаивали на немедленной вооруженной интервенции и полном восстановлении абсолютизма в Испании, во Франции шла внутренняя борьба премьер Виллель все еще был противником открытой интервенции и старался содействовать примирению между Фердинандом и умеренными на базе куцой конституции типа тогдашней французской, — напротив, министр иностранных дел в кабинете Виллеля Монморанси целиком поддерживал позицию России и Австрии; Пруссия сочувствовала точке зрения Виллеля. Наконец, Англия высказывалась против интервенции и даже оказывала известные знаки внимания только что пришедшему к власти правительству Сан-Мигеля (например, вновь назначила посланника в Мадрид), но уклонялась от каких-либо решительных действий для проведения своей политики. В сумме силы сторонников интервенции превосходили силы ее противников, а давление Александра и Меттерниха (причем трудно было сказать, кто из них играл тут первую роль) довело дело до логического конца.

Практические выводы из всех этих процессов были сделаны на конгрессе Священного союза в Вероне, открывшемся 20 октября 1822 г. Здесь Александр и Меттерних твердо поставили вопрос о наступлении монархических держав против испанской революции. Они уже не удовлетворялись больше обороной Пруссия на этот раз поддержала, хотя и с некоторыми оговорками, позицию России и Австрии. Франция, представленная в Вероне Монморанси и Шатобрианом, высказывалась также за интервенцию, хотя Виллель в Париже возражал против вооруженного вмешательства в испанские дела Англия по существу заняла столь излюбленную ею позицию «невмешательства»- официально она высказывалась против интервенции, предлагала прибегнуть к арбитражу и в то же время ее представитель на конгрессе, уже известный нам герцог Веллингтон, как бы невзначай бросил несколько «полезных» замечаний о том, как «с военной точки зрения» легче всего оккупировать Испанию. В конце концов 19 ноября 1822 г. Россией, Австрией, Пруссией и Францией был подписан совместный протокол, который окончательно устанавливал политику интервенции четырех Держав в испанские дела. В этом протоколе были обозначены три главных повода, дающих основание к войне названных Держав с Испанией, а именно:

«1) Вооруженное нападение Испании на французскую область или какой-либо официальный поступок испанского правительства, который прямо призывал бы к мятежу подданных той или другой державы;

2) Низложение испанского короля или процесс против его высокой особы или же подобное покушение против принцев его фамилии;

3) Нарушение со стороны испанского правительства законных наследственных прав королевской фамилии каким-нибудь формальным актом»[29].

Как видим, протокол представлял собой самое наглое и откровенное вмешательство во внутренние дела Испании. Притом принятые им формулировки носили столь каучуковый характер, что давали Священному союзу возможность в любой момент выступить против испанской революции. Но даже это показалось творцам протокола недостаточным, и они приняли следующее дополнительное постановление: «Ввиду того, что кроме указанных случаев могут возникнуть новые, но, по мнению одного из договаривающихся дворов, имеющие подобное же значение и обещающие подобные же результаты, постанавливается, что тогда союзные посланники в Париже вступят в переговоры с французским кабинетом, чтобы решить, может ли считаться данный случай поводом к войне и, стало быть, приводит ли он к прямому выполнению принятых здесь обязательств»[30].

Итак, руководители Веронского конгресса открыто ставили ставку на войну с Испанией. Они не хотели никакого иного выхода, кроме войны, и притом немедленной войны.

Внутренняя борьба во Франции несколько задержала осуществление веронского решения. Виллель продолжал упорствовать в своей точке зрения. Монморанси пришлось уйти (25 декабря 1822 г.) и, вместо него министром иностранных дел стал Шатобриан. Однако деятельность знаменитого писателя на этом посту не прибавила лавров к его славе: Шатобриан оказался не менее ярым интервенционистом, чем его предшественник.

Что касается Англии, то она продолжала свою политику «невмешательства»: то предлагала посредничество между Испанией и реакционными державами, то обещала Испании соблюдение

---

29 А.Трачевский Испания девятнадцатого века, стр.369

30 Там же, стр.370.

нейтралитета в случае возникновения войны, то выступала с осуждением идеи интервенции. Однако все это были лишь слова, прикрывавшие нежелание Англии что-либо делать.

В такой обстановке вооруженное вмешательство Священного союза во внутреннюю жизнь Испании могло быть несколько отсрочено, но не предупреждено.

С началом 1823 г. лавина тронулась и покатилась. 6 января этого года послы России, Австрии и Пруссии в Мадриде вручили испанскому правительству идентичные ноты, о сущности которых хорошее представление может дать ее русский вариант. «Когда в марте 1820 года, — говорилось в ноте царского правительства, — некоторые клятвопреступные солдаты обратили свое оружие против своего монарха и своего отечества, чтобы навязать Испании законы, к которым общественный разум Европы, просветленный опытом веков, относился с величайшим неодобрением, — союзные правительства, и в особенности Петербургское правительство, поспешили указать на те губительные последствия, которые возникли бы, если бы были признаны институты, явившиеся результатом военного восстания».

Далее в ноте подробно изображались все «беды», принесенные Испании революцией: «За революцией последовала анархия, за анархией — беспорядок. В течение ряда лет спокойное владение перестало быть достаточным основанием для собственности, наиболее священные права были поставлены под сомнение... Религия перестала быть всеобщим утешением, трон лишился уважения, королевское высочество подверглось оскорблениям... Монарх и его августейшая семья фактически превратились в пленников...»

Мало того, испанские революционеры не захотели ограничить свою «разрушительную деятельность» только пределами своей страны.

«После революций в Неаполе и Пьемонте, — продолжала нота, — которые испанские конспираторы не перестают изображать, как свои достижения, они открыто заявляют о планах дальнейших переворотов, не имеющих предела. В соседней стране (имеется в виду Франция. — *И.М.*) они упорно и систематически, не смущаясь ничем, стараются вызвать мятежи и беспорядки. В государствах, наиболее удаленных от Испании (явный намек на Россию. — *И.М.*), они работают над созданием своих прозелитов; эта их активность распространяется повсюду и повсюду подготовляет почву для тех же катастроф». Ввиду всего указанного выше «император, наш августейший господин, решил предпринять демарш, который не мог бы вызвать у испанской нации никаких сомнений относительно его истинных намерений». И дальше нота настойчиво рекомендовала испанцам «вторично одержать победу над революцией и той властью, которая не сумеет создать прочной империи на этой земле, где древние добродетели, образующие основу длительного существования обществ, а также уважение к святой религии, в конечном счете, всегда торжествуют над разрушительными доктринами и соблазнами. Часть (испанской. — *И.М.*) нации уже выступила, пусть другая часть объединится вместе с ней вокруг короля, чтобы освободить Испанию, чтобы спасти ее, чтобы обеспечить ей место в европейской семье столь же почетное, как то, которое она занимала в 1814 году после победы над военным узурпатором»[30].

После этого более чем открытого призыва к ниспровержению существующего испанского правительства, нота лицемерно заявляла, что только «злоумышленники» могут представить демарш русского императора, как «чужеземное вмешательство, имеющее целью диктовать Испании законы», и тут же угрожающе прибавляла, что тот или иной ответ мадридского правительства будет иметь далеко идущие последствия.

Австрийская и прусская ноты были выдержаны в том же тоне. Французская нота, врученная днем позднее, отличалась от нот абсолютистских держав несколько более мягкой формой, но была идентична с ними по существу. В частности, французская нота уделяла много места изложению мотивов, побудивших Францию произвести концентрацию своих войск на испанской границе.

9 января министр иностранных дел испанского правительства Сан-Мигель — один из тех «клятвопреступных солдат», которых обличала русская нота, — дал твердый и полный достоинства ответ на дипломатическую интервенцию держав Священного союза. Он принял форму ответа на французскую ноту, так как испанское правительство сочло «ниже своего достоинства отвечать на ноты России, Австрии и Пруссии, как лживые и клеветнические»[31].

«Испанское правительство, — говорилось в ноте, отправленной французскому правительству, — не могло игнорировать того факта, что система управления, свободно принятая Испанией, вызывала беспокойство некоторых европейских кабинетов и была предметом обсуждения на Веронском конгрессе. Однако, глубоко веря в свои принципы и будучи готово всеми средствами защищать свою политическую систему и свою национальную независимость, оно спокойно

---

30 S.Minano. Histoire de la revolution d'Espagne 1820—1823. Paris, 1824, стр.269—275.

31 Там же, стр.275. Выдержка взята из инструкции, разосланной министром иностранных дел Сан-Мигелем испанским посланникам при иностранных дворах Посланникам в Петербурге, Вене и Берлине было предписано вместо письменного ответа на ноты этих держав сделать лишь устные сообщения в духе испанской ноты французскому правительству.

ожидало результатов этого конгресса».

Указав далее, что «новый порядок вещей», начавшийся в 1820 г., является продуктом не «военного восстания», а результатом «общественного мнения и желаний всей нации», испанская нота заявляла, что Франция сильно способствовала обострению положения путем концентрации на испанской границе «наблюдательного корпуса» и создания здесь «санитарного кордона», ибо это только поощряло контрреволюционные мятежи в северных провинциях Испании. Если Франция действительно желает блага испанскому пароду, как она утверждает в своей ноте, то она должна без промедления «распустить армию на Пиренеях, подавить все враждебные Испании группы, укрывающиеся на французской территории, и решительно выступить против всех тех, кто стремится опорочить правительство Его католического Величества[32], а также учреждения и кортесы Испании». В заключение ноты Сан-Мигель заявлял: «Каковы бы ни были решения, которые правительство Его христианнейшего Величества[33] сочтет необходимым принять в сложившихся обстоятельствах, правительство Его католического Величества будет продолжать свой прежний путь, который диктуется ему его долгом, правотой его дела, верностью конституционным принципам, усвоенным испанской нацией. Руководящими принципами правительства по-прежнему останутся глубокая приверженность к конституции 1812 года, мир с другими народами и в особенности решительный отказ допустить иностранную интервенцию в свои дела»[34].

Нота Сан-Мигеля, оглашенная в кортесах, вызвала огромный подъем и была единогласно одобрена всеми депутатами. Широкие массы устроили на улицах Мадрида бурные демонстрации в поддержку правительства Испанский народ давал недвусмысленный ответ интервентам Священного союза. Но «ни уже закусили удила и не хотели ни на что обращать внимания. Поэтому 14—16 января 1823 г. посланники России, Австрии, Пруссии демонстративно покинули Испанию. Несколько позднее их примеру последовал и французский посланник 28 января Людовик XVIII произнес во французской палате речь, в которой заявил: «Ослепление, с которым в Мадриде отвергли сделанные там представления, оставляет мало надежды для мира. Я дал приказ об отзыве моего посланника из Испании. Сто тысяч французов под командой принца из моей фамилии готовы к походу для того, чтобы во имя бога и св. Людовика сохранить трон Испании для правнука Генриха IV, спасти это пре красное королевство от гибели и примирить его с Европой».

Затем палата большинством 219 против 19 вотировала 100 млн. франков на военные расходы.

В этот критический момент Англия еще раз продемонстрировала свою приверженность к политике «невмешательства». 3 февраля 1823 г., т.е. через пять дней после выступления Людовика XVIII, Каннинг писал британскому послу в Париже сэру Чарльзу Стюарту, что принцип, положенный в основу речи французского монарха, совершенно неприемлем для Англии, ибо он «в корне противоречит британской конституции». 4 февраля Каннинг в разговоре с французским поверенным в делах в Лондоне назвал выступление Людовика XVIII «несчастным», а 7 февраля премьер-министр лорд Ливерпуль заявил тому же дипломатическому представителю Франции, что «вся Англия возмущена этим выступлением». Одновременно британское правительство разрешило экспорт оружия в Испанию и испанскую Америку. Но дальше этого оно не пошло. Действительной помощи Испании Англия не хотела оказать, ибо тогдашний английский король Георг III, а также очень многие среди консерваторов сочувствовали Фердинанду и относились враждебно к испанской революции. Влияние этих кругов парализовало усилия более прогрессивных элементов Великобритании.

Английские маневры еще на два месяца задержали осуществление плана интервенции, но не изменили решимости Священного союза покончить вооруженной силой с испанской революцией.

15 марта 1823 г. герцог Ангулемский выехал из Парижа для того, чтобы принять командование армией интервенции, а 7 апреля эта армия перешла испанскую границу, везя в своем обозе «Временную правительственную хунту» испанских роялистов, которая должна была организовать контрреволюционную власть в занятых французами провинциях. Открылась одна из самых позорных страниц в европейской истории... Что же в это время происходило в Испании? Мы уже видели, что к концу 1822 г. внутренняя контрреволюция, при поддержке из Франции, перешла в открытое наступление и развязала гражданскую войну, но потерпела поражение в результате действий генерала Мины. Одновременно широко мобилизовались силы внешней контрреволюции. В такой обстановке, казалось бы, первой и важнейшей задачей правительства Сан-Мигеля должно было быть спешное и всестороннее укрепление позиций революции, т.е. решительная борьба с внутренними врагами, создание надежной и боеспособной армии и, наконец, проведение мероприятий, способны привлечь на его сторону широчайшие массы населения, в особенности крестьянство. Кроме того, необходимо было попытаться внести раскол в ряды великих держав,

---

32 Официальный титул тогдашнего испанского правительства.

33 Официальный титул тогдашнего французского правительства.

34 S.Minano. Указ.соч., 269—275.

используя в своих интересах существующие между ними противоречия.

А что фактически было сделано правительством Сан-Мигеля?

Очень мало. Момент был исключительно острый и ответственный. Каждый день был на счету. А между тем правительство Сан-Мигеля в течение целых двух месяцев после Г своего прихода к власти почти совершенно бездействовало. Единственным плюсом этих двух месяцев было то, что на ряде важных командных постов сомнительные генералы были заменены сторонниками восторженных. Так, Мина возглавил армию в Каталонии, Кирога — в Галисии, О'Дали — в Новой Кастилии и т.д. Но одновременно в течение этих же двух месяцев правительство Сан-Мигеля для вящего проявления своей «министериабельности» сочло необходимым принять ряд мер, направленных к ограничению деятельности коммунерос. Это создало конфликт между правительством и крайней левой, отчего могла выиграть, конечно, лишь контрреволюция.

Только 7 октября 1822 г., когда были созваны кортесы, вопрос о защите революции стал в центре внимания политических кругов, однако и теперь трактовка этого вопроса оставляла желать весьма многого: было слишком много речей и слишком мало действий. При этом — очень характерно! — инициатива даже тех немногих действий, которые были предприняты, исходила почти всегда не от правительства, а от кортесов.

Пожалуй, самым ярким образчиком господствовавших среди восторженных настроений может служить судьба вопроса о наделении правительства чрезвычайными полномочиями по борьбе с контрреволюцией. Предложение об этом было сделано 12 октября и исходило от специальной комиссии кортесов. Оно предусматривало право правительства производить аресты без соблюдения всех гарантий, предусмотренных конституцией; предавать военному суду местные власти, содействующие мятежникам; конфисковать треть имущества у лиц, не участвующих в преследованиях контрреволюционеров; принимать различные меры в целях ослабления влияния церкви; широко организовать патриотические общества; содействовать постановке на сцене театральных пьес, поднимающих революционный дух населения.

Если эти предложения комиссии можно было в чем-либо упрекнуть, так разве только в излишней мягкости, ибо революции в тот момент грозила смертельная опасность. Тем не менее в кортесах нашлись люди, которые решительно выступали против наделения правительства чрезвычайными полномочиями, ибо это якобы «нарушало» определенные статьи конституции. Во главе такой оппозиции стоял не кто иной, как вождь умеренных и бывший глава кабинета Агустин Аргуельес. Дискуссии по предложениям комиссии велись со строжайшим соблюдением всех парламентских тонкостей в течение целых 18 дней. Голосования по отдельным статьям давали победу то правым, то левым. Наконец, 30 октября закон о чрезвычайных полномочиях — правда, в значительно ослабленной против первоначального проекта форме — был принят. И что же? Правительство Сан-Мигеля к всеобщему удивлению заявило, что оно не нуждается в этом законе, ибо ем вполне достаточно для борьбы с контрреволюцией нормальных средств, предоставленных конституцией! Воистину гора родила мышь.

Немногим лучше был решен вопрос и о другой важнейшей гарантии победы революции — о создании надежной и боеспособной армии. Правда, кортесы издали закон об увеличении вооруженных сил Испании на 40 тыс. человек и о включении в их состав 20 тыс. членов национальной милиции, ни эти полезные мероприятия далеко не в полной мере были проведены в жизнь. Самое же главное, когда наступил критический момент, командование войсками было вверено весьма «смешанному» составу генералов. Мине в Каталонии, Вильякампе в Андалусии, Баллестеросу в Баскония, Морильо в Га лисий и Леоне, Лабисбалю в Новой Кастилии. Если первые два готовы были честно защищать дело революции, то Баллестерос уже вызывал известные сомнения, полностью подтвердившиеся в дальнейшем, а Морильо и Лабисбаль были несомненными контрреволюционерами, которые лишь до поры до времени гримировались под восторженных. Особенно важным являлось то обстоятельство, что во главе армии Новой Кастилии (т.е. провинции, в состав которой входит Мадрид) стоял такой профессиональный политический шулер, как граф Лабисбаль. Это, как увидим ниже, сыграло крайне вредную роль в последующих событиях. В то же время кортесы упрямо отклоняли все просьбы Риего отпустить его на фронт под тем сугубо «конституционным» предлогом, что он, как президент кортесов, должен председательствовать на их заседаниях. В конечном счете испанская армия оказалась совершенно неподготовленной ни политически, ни в военном отношении к той борьбе с иностранной интервенцией, которая ей предстояла.

Совсем плохо был решен вопрос о третьей гарантии победы революции — о привлечении на ее сторону широких масс крестьянства. В этом отношении по существу не было сделано ничего. Вместе с тем восторженные имели наивность думать, что найдут здесь такой же прием, как в 1808—1814 гг. Они воображали, что деревня и на этот раз единодушно поднимется против интервентов, своим мощным порывом компенсируя слабость организации и вооружения испанских регулярных сил. Восторженные питали еще одну иллюзию, они почему-то были уверены, что в самой французской армии имеется много сторонников испанской революции и что поэтому она не захочет воевать ради восстановления деспотизма Фердинанда. Конечно, и то и другое оказалось

чистейшей фантазией.

Таким образом, испанская революция была очень плохо подготовлена к предстоящей ей борьбе за жизнь. И все-таки она стояла грозным призраком перед реакционными державами Европы, пугая их скрытыми в ней потенциями. Шатобриан в своих воспоминаниях о Веронском конгрессе, между прочим, рассказывает об одном разговоре, который он имел там с Александром I. В этом разговоре русский император сказал «Монморанси (французский министр иностранных дел. — *И М.*) спрашивал меня, что я предприму, если между Францией и Испанией возгорится война, и она осложнится несчастными обстоятельствами для первой. Я отвечал ему, что мой меч к услугам Франции»[35].

Итак, накануне интервенции руководители Священного союза вполне считались с возможностью неудач для Франции в намечавшейся войне. Нужно ли лучшее доказательство того, что даже в этот критический момент Испания имела в своих руках карты для маневрирования на международной арене? Однако правительство Сан-Мигеля не сумело ими как следует сыграть.

Напротив, по мере приближения момента интервенции Фердинанд и стоявшие за ним клерикально-аристократические круги действовали все развязнее и решительнее. 19 февраля 1823 г, уже после того, как Людовик XVIII выступил с вышецитированной речью, испанский король демонстративно отказался лично закрыть сессию кортесов, что требовалось установленной конституционной процедурой. В виде протеста правительство Сан-Мигеля… подало в отставку. Даже в этот критический момент восторженные не хотели выходить за рамки парламентской легальности! Как не вспомнить тут слова К.Маркса, сказанных им по поводу событий 1808—1814 гг.: «Испанская революция с самого начала потерпела неудачу вследствие ее старания держаться в границах законности и хорошего тона»[36]. Конечно, Фердинанд только приветствовал это самоустранение левого правительства. Но тут в спор вмешался высший судья — народ. Возмущенные толпы горожан бросились к дворцу с оглушительными криками: «Долой короля! Долой тирана!» Национальная милиция не мешала народу делать свое дело. Гвардейская стража также не обнаруживала желания выступать против него. Камарилья трусливо разбежалась. Фердинанд до смерти перепугался и в тот же день вернул правительство Сан-Мигеля. Казалось бы, эти события должны были придать восторженным мужества и решительности, но тут еще раз сказалась их мелкобуржуазная половинчатость: правительство Сан-Мигеля согласилось остаться лишь до открытия новой сессии кортесов, собравшейся в марте, а затем окончательно ушло в отставку. Теперь король, успевший несколько оправиться от испуга, назначил новое правительство, составленное по принципу: «тех же щей, да пожиже лей». Это правительство, наиболее видными членами которого являлись министр иностранных дел Флорес Эстрада, военный министр Мариа Торрехос и министр финансов Кальво де Росас, было тоже связано с партией восторженных, но его политические краски были тоном бледнее, чем у предшествующего кабинета.

Первым делом правительства Флореса Эстрада было поставить перед кортесами вопрос о временном перенесении центральных учреждений государства из Мадрида в Севилью. Это мотивировалось все быстрее нараставшей угрозой французской интервенции. Кортесы согласились с правительством, но Фердинанд решительно запротестовал. Еще бы! В его расчеты совсем не входило оттягивать желанную встречу с интервентами. Король даже представил кортесам свидетельство своего врача, что подагра лишает его возможности двигаться. Однако кортесы освидетельствовали Фердинанда через свою медицинскую комиссию и установили фиктивность его отговорок. В результате 20 марта королю со всем семейством, под сильным конвоем, пришлось отправиться в Севилью. 21 марта за ним туда же последовали кортесы и правительство. И опять приходится констатировать слабость и незрелость сил испанской революции: в этот решающий момент, когда под ногами восторженных уже горела земля, они бесплодно потеряли целый месяц. Заседания кортесов в Севилье возобновились только 24 апреля и еще раз пошли по знакомому пути: слишком много речей и слишком мало действий. Усилия коммунерос вдохнуть в своих союзников справа больше жизни и энергии имели весьма относительный успех.

Между тем 7 апреля, как уже упоминалось выше, армия герцога Ангулемского вторглась в Испанию. На самой границе, под Ируном, группа испано-итальянских волонтеров в несколько сот человек, отдавая дань иллюзиям о революционных настроениях французских войск, сделала героическую попытку задержать неприятеля: высоко держа трехцветные знамена, с громким пением «Марсельезы», она сдвинулась навстречу французам. Их ряды было дрогнули перед этим напоминанием об эпохе собственной революции, но тут забегали генералы и офицеры, приводя солдат к повиновению. Загремели выстрелы, и колонна волонтеров была смята.

И. М. МАЙСКИЙ

ИСПАНИЯ 1808–1917

М.: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

35 Н.К.Шильдер. Император Александр первый, т.4, 1898, СПб.
36 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.X, стр.731.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Дальнейшее развитие военных операций пошло быстрым темпом, ибо французы нигде не встречали сколько-нибудь серьезного сопротивления. Без выстрела они перешли Эбро и Йуэро. 9 мая герцог Ангулемский был уже в Бургосе. Только в Каталонии, где командовал Мина, борьба против интервентов носила упорный характер: во главе 8-тысячного корпуса Мина храбро отбивал наступление 20-тысячной французской армии. В других местах восторженные пожинали плоды своего Неблагоразумия, проявленного при назначении командующих дисками. Баллестерос отступил из Баскония, оставив на произвол судьбы легко защищаемые горные проходы северной Испании, и, отходя все далее на юг, в конце концов докатился до Гранады. Морильо стоял, не двигаясь, в Галисии. Лабисбаль в четвертый раз «вывернул шкуру» и перешел на сторону французов. Правительство объявило его изменником, pro собственная армия восстала против него, но дело все-таки было сделано: поскольку Лабисбаль командовал войсками в Новой Кастилии, смута, вызванная его изменой, открыла герцогу Ангулемскому дорогу на Мадрид. Успехи интервентов сильно облегчались поддержкой, которую они получали изнутри Испании. В противоположность эпохе войны за независимость духовенство и помещики теперь встречали французов с распростертыми объятиями, как избавителей от «масонов» «атеистов». Крестьянство под влиянием своих «духовных пастырей» занимало либо нейтральную позицию, либо даже подействовало французам. В результате провинции свободно пропускали их через свои территории. При таких условиях неудивительно, что 24 мая 1823 г. герцог Ангулемский занял Мадрид и, ликвидировав обозную «Временную правительственную хунту», учредил здесь настоящий Регентский совет под председательством уже известного нам герцога Инфантадо. Членами его были барон Эрольес, Гомес Кальдерон, епископ Осмы — все матерые столпы реакционно-католических кругов. Генерал-капитаном Новой Кастилии был назначен генерал Эгиа, а главой временного правительства и министром иностранных дел — Саес, бывший духовник Фердинанда VII.

Под защитой французских штыков испанская контрреволюция начала расправлять свои крылья.

В результате событий на фронте в мае опять разразился министерский кризис, и правительство Флореса Эстрада было заменено еще более слабым и бесцветным правительством Калатрава, Пандо, Осорио и др.

9 июня французы появились в Андалусии. Это заставило кортесы и правительство покинуть Севилью и переселиться на знаменитый остров Леон под Кадисом. Фердинанд категорически отказался туда ехать. Тогда в кортесах разыгралась трагикомическая сцена. 11 июня здесь выступил один из лидеров восторженных Алкала Гальяно и заявил: «Так как его величество не желает спасаться, так как на первый взгляд может даже показаться, что он хочет попасть в руки врагов отечества, то нельзя допустить, чтобы его величество находилось в нормальном душевном состоянии. Совершенно очевидно, что его величество страдает временной потерей сознания, иначе как можно объяснить подобное поведение?».

Отсюда Гальяно сделал вывод, что наступил случай для применения ст. 187 конституции 1812 г., которая гласит: «Создается регентство, если король не в состоянии управлять государством по какой-либо физической или нравственной причине»[37].

Большинство кортесов согласилось с Гальяно и тут же сформировало регентство в составе трех лиц — Вальдеса, Вигодета и Сискара, — которое на четыре дня, необходимые для транспортировки Фердинанда в Кадис, приняло на себя функции верховной власти. 12 июня король был отправлен под сильной охраной из Севильи и 15-го прибыл на остров Леон. Туда же переехали кортесы и правительство.

В это время события на фронте принимали все более неблагоприятный для революции оборот. 10 июля капитулировал Морильо, и 21 того же месяца французы заняли столицу Галисии Корунью. 4 августа после боя под Гранадой сдался Баллестерос со всем своим корпусом, насчитывавшим в этот момент около 10 тыс. человек. Затем французы подошли к Кадису, сконцентрировав здесь до 30 тыс. войска. Французский флот осаждал город с моря. Герцог Ангулемский лично командовал этими операциями.

Несмотря на все трудности, Кадис упорно защищался целых три с половиной месяца. Здесь кортесы еще раз — постановлением от 29 июля 1823 г. — твердо заявили, что не допустят иностранного вмешательства во внутренние дела страны, в частности в решение вопроса о том, быть или не быть в Испании конституции 1812 г. И только теперь, когда военное положение революции было уже безнадежно, Риего, наконец, получил возможность принять участие в военных действиях.

17 августа он бежал из осажденного Кадиса в Малагу и здесь стал во главе 4-тысячного отряда патриотов. План Риего состоял в том, чтобы пройти к стоявшим под Гранадой войскам Баллестероса, призвать их к возобновлению войны и, соединившись с ними, прорваться в Каталонию к Мине, где еще продолжалась упорная борьба против интервентов. Превосходные

---

37 А.Трачевский. Испания девятнадцатого века, стр.390.

французские силы обрушились на Риего, но быстрыми и смелыми маршами ему удалось все-таки дойти до расположения Баллестероса. Однако расчеты Риего не оправдались: он не увлек за собой ни Баллестероса, ни его уже сильно разложившиеся полки. Наоборот, часть людей Риего осталась с Баллестеросом. Во главе сильно поредевшей колонны Риего с боями прошел Хаэн, Манча-Реаль, Ходар, пробиваясь в Картахену, откуда он думал попасть в Каталонию. Но французы двинули против Риего огромные силы, и под Хересом он потерпел поражение от вдесятеро сильнейшего неприятеля. С несколькими товарищами Риего удалось бежать в горы, но здесь 15 сентября он был опознан и выдан французам.

Тем временем положение Кадиса становилось все более Критическим. 31 августа французы овладели его главными фортами. 23 сентября французский флот бомбардировал Кадис с моря. В самом Кадисе вспыхнуло роялистское восстание. Командование обороной города заявило о невозможности дольше продолжать его защиту. Тогда наступил роковой час: 29 сентября кортесы большинством голосов решили отправить короля во французский лагерь, чего давно уже требовал герцог Ангулемский. Известие об этом вызвало большое волнение среди населения Кадиса, которое потребовало, чтобы Фердинанд перед отъездом гарантировал его свободу и безопасность. Король в последний раз разыграл лицемерную комедию: когда министр юстиции Калатрава представил ему проект соответствующего декрета, Фердинанд нашел его недостаточно «демократичным» и внес в текст некоторые поправки в «либеральном духе». Затем Фердинанд подписал декрет, которым он взял на себя следующие обязательства:

«Клянусь своим королевским словом, — гласил этот документ, — и обещаю по своей свободной воле, что если окажется необходимым изменить нынешние политические учреждения, я соглашусь на создание правительства, которое обеспечит счастье нации, гарантируя личную безопасность и гражданскую свободу всех испанцев...

Клянусь и обещаю полностью забыть прошлое, чтобы восстановить среди испанцев мир, доверие и единство, столь необходимые для общего блага...

Клянусь и обещаю, что все генералы, начальники и офицеры, до сих пор поддерживавшие нынешнее правительство, сохранят свои посты, жалование и награды. То же самое относится к военным и гражданским чиновникам, а также духовенства, сопровождавшим правительство и кортесы при их отъезде m Мадрида.

Клянусь и обещаю, что добровольцы милиции Мадрида и Севильи, а также все испанцы, скрывающиеся в разных местах, не будут преследоваться за свои политические убеждения».

30 сентября правительство — восторженные хотели до конца сохранить конституционную благовоспитанность — вручило королю свою отставку, которая была охотно принята. А 1 октября король на празднично разукрашенной яхте, находившейся под командой недавнего регента Вальдеса, покинул Кадис и высадился в лагере осаждавших город французов. Первое, что сорвалось с уст Фердинанда, когда он почувствовал себя «на свободе», было яростное восклицание: «Если я в чем-либо виноват, то только в том, что в 1814 году не повесил четверти всех испанцев!».

Фердинанд решил теперь по мере возможности наверстать упущенное. Прежде всего, надо было вновь показать свое истинное лицо. И он это сделал со свойственной ему гнусной откровенностью. В тот же день 1 октября Фердинанд издал два указа. Первый гласил:

«1. Объявляются лишенными силы все акты так называемо го конституционного правительства, изданные между 7 марта 1820 и 1 октября 1823 гг., так как лишенный свободной воли я вынужден был их санкционировать под давлением правительства.

2. Подтверждаются все законы, изданные «Временной правительственной хунтой» и Регентским советом, учрежденными 9 апреля и 26 мая 1823 г.».

Вторым указом король присудил к смертной казни трех членов регентства, учрежденного при переезде кортесов из Севильи в Кадис, а также распорядился об аресте с конфискацией имущества всех депутатов, голосовавших в Севилье за моральную невменяемость Фердинанда.

Гнусное вероломство короля носило столь вопиющий характер, что вызвало негодование даже среди французских генералов, осаждавших Кадис, и они, вопреки воле Фердинанда, обеспечили членам регентства, правительства и кортесов возможность безопасно эмигрировать за границу. Вслед затем тысячи и тысячи участников революции, гонимые бешенством контрреволюции, также вынуждены были покинуть свое отечество. В ноябре 1823 г. сдались последние из городов, поддерживавших революцию, — Барселона, Картахена и Аликате... Вторая испанская революция кончилась. И хотя она потер*пела* поражение, хотя партии и люди, участвовавшие в ней, обнаружили много слабостей и сделали много ошибок, — все-таки, подводя итоги происходившим тогда событиям, мы с полным основанием можем утверждать, что эпоха 1820—1823 . вписала одну из наиболее славных страниц в историю Испании.

ЧЕРНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1823—1833)

Десятилетие (1823—1833), последовавшее за подавлением второй революции, является одним из самых мрачных периодов испанской истории. Даже такой благонамеренно-буржуазный ученый, как выше цитированный Г.Баумгартен, подходя к нему, пишет: «Должен сознаться, что моя рука бессильно опускается, когда я думаю об этих бесконечно печальных десяти годах, в течение которых лишь иногда блеснет луч быстро исчезающего света, в течение которых лишь редкие, очень редкие личности могут привлечь к себе благожелательное внимание историка. Мне просто не хватает сил нарисовать подробную картину того ничем не ограниченного султанизма, который волею великих европейских держав получил возможность осуществлять во имя «алтаря и трона» король Фердинанд»[38].

Эти строки писаны в 1868 г. Тогда немцы еще не успели пройти империалистической выучки, и в стиле Баумгартена явно отражается сентиментально-профессорское прекраснодушие добисмарковской Германии. С учетом этого, какая уничтожающая оценка «черного десятилетия»!

Но удивляться тут нечему. Ибо последний период царствования Фердинанда VII был не просто «повторением пройденного» и новым изданием того, что происходило в 1814—1820 гг. Нет, это была контрреволюция в квадрате. Это было непомерно раздувшееся изуверство осатаневшей светской и церковной реакции, которая считала себя уже совсем было погибшей и вдруг «чудесным» произволением Священного союза оказалась спасенной от смерти на самом краю пропасти.

Конкретный ход событий в основном сводился к следующему.

Накануне вторжения герцога Ангулемского в Испанию на французской территории была создана, как уже упоминалось, «Временная правительственная хунта», которая по мере продвижения интервентов в глубь страны должна была принимать да себя управление занятыми провинциями. Созданию хунты предшествовала острая борьба внутри испанского роялистского лагеря. Так называемое «крайнее» крыло роялистов, представленное Матафлорида и епископом Таррагонским, требовало, чтобы власть была передана апостолической хунте из Сео де Урхель, которую Мина заставил бежать во Францию. Так называемое умеренное крыло роялистов, представленное генералом Эгиа и бароном Эрольес, напротив, настаивало на необходимости сформировать новый правительственный орган на более широкой монархической основе. Герцог Ангулемскнй и прикомандированный к нему гражданский комиссар Мартиньяк пытались объединить оба крыла в одной хунте, но не имели успеха. Тогда они сделали ставку на умеренных, и «Временная правительственная хунта» была образована из Эгиа, Эрольеса и их сторонников. Впрочем, «умеренность» эта, как сейчас увидим, имела несколько особенные свойства.

2 апреля 1823 г., готовясь к переходу через испанскую границу, герцог Ангулемский опубликовал манифест, в котором, между прочим, говорил: «Испанцы! Франция не ведет войны с вашим отечеством. Будучи родственником по крови с вашим королем, я не желаю ничего, кроме ваших независимости, благополучия и славы. Я перехожу Пиренеи во главе 100-тысячной армии французов, но только для того, чтобы объединить испанских друзей порядка и закона, чтобы помочь им освободить из плена короля, спасти трон и алтарь, избавить священников от преследований, собственников от грабежа, весь народ от господства некоторых Честолюбцев, именем свободы ведущих Испанию к гибели... Как только мы достигнем этих целей, мы вернемся в свою страну»[39]. Ровно через четыре дня после манифеста герцога Ангулемского, 6 апреля 1823 г., «Временная правительственная хунта» тоже выпустила манифест, в котором дала свое практическое истолкование высокопарно-туманным фразам французского главнокомандующего. «Временная правительственная хунта» открыто заявляла, что все законодательные акты, принятые после 7 марта 1820 г., полностью отменяются, что первейшей задачей роялистов является «искоренение анархии», господствующей в стране, и что только после этого король — самодержавный король — сможет внести в политическую систему те изменения, которые он найдет нужным сделать.

И когда французская армия вступила в Испанию, «Временная правительственная хунта», которую она везла в своем обозе, стала творить здесь черное дело мести, грабежа и убийства с такой яростью и в таких формах и масштабах, что подчас даже французским генералам становилось неловко.

24 мая герцог Ангулемский оккупировал Мадрид, и тут наступил второй этап в формировании контрреволюционной власти. «Временная правительственная хунта» была распущена и вместо нее образовано Регентство в составе герцога Инфантадо, барона Эрольеса, Гомеса Кальдерона и епископа Осмы, основателя свирепого реакционно-католического клуба «Ангел-истребитель».

38 H.Baumgarten. Geschichte Spaniens, Leipzig, 1868, т.II, стр.
39 S.Minano. Histoire de la revolution d'Espagne 1820—1823. Paris, стр.332—335.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
М.: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Секретарем Регентства был назначен Тадео Каломарде — человек, зловещая тень которого простирается на все это «черное десятилетие». Регентство представляло извечную коалицию крайних и умеренных монархического лагеря, коалицию, ставившую своей целью полную реставрацию дореволюционных порядков. Главой нового правительства был назначен королевский духовник Саес — злостный реакционер и интриган, пост генерал-капитана Новой Кастилии занял генерал Эгиа. 7 июня Регентство было официально признано Францией, Россией, Австрией и Пруссией. В заключенном по этому поводу протоколе все четыре державы обязывались не вести никаких переговоров с кортесами и их правительствами. В первой половине июля в Мадрид вернулись посланники тех же держав, покинувшие его, как мы знаем, за полгода назад. В результате контрреволюционная власть значительно укрепилась, и это сразу сказалось на ее поведении: начался период организованного белого террора.

Заключительный этап в консолидации контрреволюционной власти открылся после 1 октября, когда при описанных выше обстоятельствах Фердинанд перешел из Кадиса в лагерь осаждавших город французских интервентов. Мы уже приводили изданный в тот же день декрет короля, аннулировавший все законодательные и правительственные акты эпохи революции, но на этом дело не остановилось. 4 октября последовал новый декрет, своим духом сильно напоминавший восточных султанов: всем испанцам, бывшим в эпоху революции депутатами, министрами, членами государственного совета и верховного суда, генералами и офицерами национальной милиции, раз навсегда запрещалось приближаться к королевской резиденции меньше чем на 15 миль и к пути следования монарха из Кадиса в Мадрид меньше чем на 5 миль. Тем самым сразу в числе «опальных» оказались не только революционеры, но и такие завзятые реакционеры, как герцог Сан-Фернандо, маркиз Амарильяс и другие столпы камарильи, которым на протяжении 1820—1823 гг. приходилось хотя бы и с контрреволюционными целями занимать посты министров или других сановников государства. После этого декрета король двинулся по направлению к столице. Как и в 1814 г., он не торопился: его путь от Кадиса до Мадрида занял почти полтора месяца, и Фердинанд опять постарался широко использовать эту оказию для политических целей. Его медленное движение вперед было превращено в и «триумфальное шествие», служившее делу организации реакционных сил. Короля везде встречали огромные толпы народа, согнанные священниками и полицией; роялистские банды инсценировали энтузиазм и бешеные крики: «Да здравствует абсолютный король! Да здравствует инквизиция! Да здравствуют цепи! Да погибнут либералы!». К королю являлись бесконечные депутации, требовавшие беспощадной расправы со сторонниками революции. Чем ближе к столице, тем выше поднимался градус роялистского изуверства. Своего апогея он достиг 13 ноября: король въехал в этот день в Мадрид, — но не на «белом коне», как по традиции полагается триумфаторам, а на 80 юношах, запряженных в его карету.

Процесс формирования контрреволюционной власти был закончен. Теперь, под охраной французских штыков, при энергичной политической поддержке Священного союза, она полностью открыла свое отвратительное лицо.

Ее первым шагом явилась полная реставрация того феодально-абсолютистского режима, который существовал в Испании до 9 марта 1820 г. Была отменена конституция 1812 г. и все связанное с ней законодательство. Выборные органы местного самоуправления уступили место назначенным правительством чиновникам. Воскресли майораты, сеньоральные права помещиков, гильдии и цехи. Все меры, принятые революцией против церкви, были аннулированы: вновь ожил орден иезуитов, опять открылись монастыри, которым было возвращено их конфискованное имущество. Правда, Фердинанду не удалось — под давлением иностранных держав — формально восстановить инквизицию, но эта маленькая уступка духу времени с лихвой компенсировалась созданием целой сети так называемых «хунт веры», которые являлись достойным эквивалентом инквизиции. Достаточно сказать, что по их приговору еретики отправлялись на виселицу. Сверх того, по указу короля все дела просвещения народа теперь передавались в руки церкви.

Восстановление дореволюционного режима сопровождалось Дикой оргией белого террора, по сравнению с которым даже репрессии 1814—1819 гг. казались мягкими и умеренными. Фердинанд нашел себе достойного соратника и исполнителя в этом деле в лице министра юстиции Тадео Каломарде, который навсегда остался в памяти испанского народа, как чудовищное воплощение жестокости, лицемерия и мракобесия. Назначенный на этот пост в январе 1824 г., Каломарде в течение целых десяти лет, вплоть до самой смерти Фердинанда VII, душил все передовое в стране, стремясь превратить Испанию в духовную пустыню.

Все участники прогрессивных партий и группировок были объявлены «врагами короля» и фактически поставлены вне закона. Принадлежность к масонству каралась смертью. Вся страна была покрыта сетью военных комиссий и «очистительных хунт», которые арестовывали и приговаривали к тяжелым наказаниям тысячи и десятки тысяч людей. Члены реакционно-католического клуба «Ангел-истребитель» охотились за сторонниками конституции, врывались в дома, избивали политических противников, устраивали на улицах аутодафе из либеральных книг и газет. Вооруженные банды роялистов и монахов, созданные апостолической хунтой, превратились

теперь в отряды королевских добровольцев, содержавшихся на государственный счет. Их численность доходила до 70—80 тыс.; разбросанные группами по всей стране, они везде становились ужасом местного населения. Убийства, грабежи, насилия, издевательства, на которые негде было найти управы, терроризировали города и деревни. Подстрекаемая духовенством «чернь» нападала на тюрьмы, мучила и убивала политических заключенных. Университеты были закрыты, литературные общества разогнаны, прогрессивные писатели и поэты заключены в монастыри. Трудно сказать, как велико было число пострадавших от белого террора, но оно, несомненно было огромно. Когда после смерти Фердинанда VII его вдова Христина объявила амнистию, последняя коснулась 50 тыс. человек.

Среди многих выдающихся людей революции, павших жертвой бешенства реакции, были также Риего и Эмпесинадо.

Риего, как мы знаем, был схвачен и передан французам 15 сентября 1823 г. В течение шести дней он содержался под арестом в Андухаре, а затем по требованию мадридского Регентства поступил в распоряжение испанских властей. В железной клетке, под охраной целого полка, Риего 2 октября был доставлен в столицу. Здесь он провел почти целый месяц в тюрьме, прикованный цепью к стене своей камеры. 27 октября Риего предстал перед судом. Формально он обвинялся, как депутат кортесов, голосовавший 11 июня 1823 г. за создание временного Регентства[40], но по существу, конечно, контрреволюция сводила с ним счеты за всю его деятельность в годы революции. Прокурор в своей речи громил Риего за «нарушение присяги», за «мятежные речи», за «оскорбления» особы короля, но в особенности за то, что он «принудил короля, нашего владыку, принять эту достойную проклятия конституцию — источник стольких несчастий для Испании». В заключение прокурор потребовал: «Чтобы предатель дон Рафаэль дель Риего, обвиненный и уличенный в измене родине, был приговорен к смерти, чтобы его имущество подверглось конфискации, чтобы голова его была выставлена в Лас Кавесас, а тело его четвертовано и одна часть была выставлена в Севилье, другая — на острове Леон, третья — в Малаге, четвертая — в Мадриде, на указанных для того местах. Эти города была главной ареной преступной деятельности Риего. Там преступник раздул пламя мятежа и вывел на свет божий свою нечестивую сущность».

Суд, разумеется, согласился с заключением прокурора. Высшие власти, однако, заменили четвертование повешением.

7 ноября 1823 г. этот приговор был приведен в исполнение на ячменном рынке в Мадриде. Риего встретил смерть мужественно и спокойно. Однако ненависть реакции к этому герою революции была так велика, что она сделала попытку опорочить имя Риего в глазах потомства. Одновременно с казнью Риего в официальной мадридской «Gazeta» было опубликовано апокрифическое «раскаяние» Риего, якобы сделанное им перед смертью. Это, конечно, нечестивая легенда, сочиненная монахами и роялистами: никто никогда не видел того документа, который был напечатан в официальном органе[41].

Двумя годами позже погиб Эмпесинадо. Этот прославленный вождь герильерос, с самого начала примкнувший к революции 1820 г., подобно Мине, героически боролся против французских интервентов. Когда схваченный врагами Риего сидел в Андухаре, Эмпесинадо бросился со своим отрядом на выручку товарища. Пройдя стремительными маршами огромный путь, он ворвался в Андухар 22 сентября только для того, чтобы узнать, что Риего был увезен отсюда в Мадрид накануне вечером.

8 течение некоторого времени после того Эмпесинадо еще продолжал свою борьбу с французскими и испанскими роялистами, а когда контрреволюция окончательно восторжествовала, бежал в Португалию. Оттуда в 1825 г. он вновь вернулся в Испанию, но был опознан одним из своих врагов, схвачен, судим и в августе 1825 г. повешен.

Буржуазные историки любят доказывать, что державы — участницы Священного союза не одобряли того режима белого террора, который был установлен Фердинандом VII, что под давлением их посланников в Мадриде король вынужден был в мае 1824 г. объявить амнистию, что особенно недовольна «крайностями» контрреволюции была Франция и что герцог Ангулемский не раз открыто выражал возмущение вероломством и жестокостью испанского монарха. Отсюда делается вывод, что Священный союз якобы не несет ответственности за зверства Каломарде. Все это весьма далеко от истины.

Конечно, нельзя отрицать, что французский главнокомандующий относился критически к внутренней политике Фердинанда и что посланники России, Австрии, Пруссии и Франции в течение целого полугода после возвращения короля в Мадрид занимались мелкой дипломатической возней около вопроса об амнистии, которая, когда она в конце концов была объявлена, походила больше на новый проскрипционный список, чем на действительную амнистию.

---

40 Напомним, что это Регентство было образовано под предлогом временного «умопомешательства» короля, когда его нужно было перевезти из Севильи в Кадис.

41 Подробности см. «Proces du general Rafael del Riego», Paris. 1823.

Однако это нисколько не меняет того факта, что по существу Священный союз одобрял и поддерживал все действия испанской контрреволюции. Как иначе осмелился бы Фердинанд, живший исключительно милостью Священного союза (и, в частности, Франции), позволить себе игнорировать волю хозяина?

Вот любопытный факт, проливающий свет на истинное отношение европейских правительств к белому террору в Испании. Когда летом 1823 г. прусский посланник в Мадриде довел до сведения своего министра иностранных дел графа Бернсторфа о зверствах и жестокостях испанских роялистов, почтенный граф олимпийски заметил: «Действия испанцев продиктованы благородными мотивами, но, может быть, иногда они несколько неблагоразумны». Только и всего.

Это отношение было типично для всех держав Священного союза. Если от времени до времени они даже делали вид, будто бы возражают против политики Фердинанда, то лишь для того, чтобы ввести в заблуждение более прогрессивные круги общественного мнения своей страны, громко протестовавшие против испанских зверств. Исключения не составляла и Франция, хотя, в отличие от феодально-абсолютистских России, Австрии и Пруссии, она была страной буржуазной реставрации, слегка завуалированной режимом псевдопарламентаризма. Наоборот, именно Франция несет наибольшую ответственность за все, что в те годы творилось в Испании: ведь именно Франция отправила свою армию за Пиренеи, именно Франция посадила Фердинанда на трон, именно Франция по договору от 9 февраля 1824 г. (продолженному несколько раз впоследствии) вплоть до 1828 г. держала в Испании свои войска, под защитой которых Фердинанд мог безнаказанно творить свое черное дело.

Торжество контрреволюции в Испании имело два весьма серьезных последствия для ее дальнейших судеб: во-первых, оно нанесло окончательный удар ее колониальной империи; во-вторых, оно заложило семена той гражданской войны, которая десять лет спустя так глубоко потрясла страну.

Остановимся сначала на вопросе о колониальной империи. Мы уже знаем, что процесс хронического недовольства колоний метрополией, особенно обострившийся накануне 1808 г., был временно приостановлен в период первой революции. В годы кадисских кортесов даже стали намечаться возможности дружественного урегулирования отношений между Испанией и ее заокеанскими владениями на базе широкой автономии последних. Но когда в 1814 г. Фердинанд встал у руля государственного корабля, центробежные тенденции в империи усилились, ибо король не имел в своем арсенале для колоний ничего, кроме кнута и пули.

Действительно, уже в середине 1815 г. Фердинанд отправил в испанскую Америку свою первую экспедиционную армию в составе 10 тыс. человек под командой генерала Морильо. За ней последовало дальнейшее пополнение, так что общая численность войск, посланных из метрополии за океан, к 1820 г. достигла 42 тыс. Вместе с имевшимися на месте воинскими силами король располагал 87 тыс. человек для приведения к покорности испанской Америки. Однако дело не двигалось вперед. Напротив, с каждым годом движение за независимость становилось все сильней. Несмотря на все усилия Морильо, оперировавшего главным образом в тропической зоне (Венесуэла, Гранада), испанские колонии отпадали одна за другой. На протяжении 1815—1820 гг. о своей независимости объявили: Буэнос-Айрес (9 июля 1816 г.), Чили (1 января 1818 г.), Новая Гранада (15 февраля 1819 г.) и Венесуэла (17 декабря 1819 г.). В конце 1820 г. Морильо должен был признать свое поражение, подписал в Трухильо перемирие с повстанцами и затем вернулся в Испанию. Сверх того, по договору от 22 ноября 1819 г. Испания была вынуждена уступить Соединенным Штатам всю принадлежавшую ей территорию к востоку от Миссисипи. Именно в этот критический момент Фердинанд стал собирать новую экспедиционную армию для отправки в испанскую Америку, ту армию, из недр которой вышло восстание Риего, приведшее к революции.

После Победы народа предполагавшаяся кампания за океаном была отменена и часть собранных под Кадисом сил вошла в состав «армии наблюдения». В течение всего периода второй революции не было сделано ничего для урегулирования отношений с колониями. Правда, некоторые вожди восторженных от времени до времени высказывались в том смысле, что колониям должна быть предоставлена широкая автономия или даже независимость, но никаких практических результатов это не дало. Напротив, в мае 1822 г. премьер Мартинес де ла Роса официально сообщил державам, что, если бы какая-либо из них признала независимость хотя бы одной из испанских колоний, это послужило бы поводом к разрыву отношений между Испанией и соответственной державой. Пришедшее к власти в августе того же года левое правительство Сан-Мигеля носилось с мыслью о налаживании добрососедских отношений с колониями, однако по горло занятое вопросами, связанными с надвигавшейся интервенцией Священного союза, оно не успело ничего сделать в этом направлении.

Только когда Фердинанд вновь прочно уселся на престоле, судьба испанской колониальной империи вступила в свою финальную фразу.

Для того чтобы легче понять дальнейший ход событий, здесь необходимо бросить беглый взгляд на создавшуюся к этому моменту международную ситуацию.

Еще в 1817 г. испанский король обратился к Священному союзу за помощью против своих непокорных колоний за океаном. Россия, Австрия, Пруссия и Франция отнеслись сочувственно к этой просьбе, и в европейских дипломатических канцеляриях началась разработка проектов по восстановлению «законной» власти Фердинанда VII в испанской Америке. Однако по разным причинам эти проекты тогда не были осуществлены, причем очень большую роль тут сыграла позиция Англии: всякая попытка интервенции за океаном была связана с отправкой туда европейских армий, а Великобритания уже в то время была владычицей морей. Между тем в меморандуме английского министра иностранных дел лорда Кэстльри от 27 августа 1817 г. была совершенно точно изложена доктрина, которой его правительство придерживалось в вопросе об испанских колониях. Согласно этой доктрине, Священный союз не имел никакого права вмешиваться в отношения между Испанией и ее заморскими владениями. В дальнейшем события европейской истории отвлекли внимание Священного союза от вопроса об испанских колониях и только теперь, после подавления революции 1820—1823 гг., он вновь появился на политическом горизонте.

Фердинанд ни за что не хотел признавать независимости, провозглашенной в предшествующие годы рядом испанских колоний в Америке. Он активизировал борьбу против своих «мятежных» подданных и одновременно, в декабре 1823 г., обратился к державам Священного союза со специальной нотой, в которой снова просил о помощи для восстановления своей власти за океаном. Опять заработали дипломатические канцелярии Европы, и скоро на свет появился новый проект интервенции в дела испанской Америки. Предполагалось, что и на этот раз практическое осуществление интервенции будет поручено Франции. Правительство Виллеля готово было принять такое «поручение». Над головой испанских колоний стали собираться грозные тучи. Однако и теперь реакционным планам Священного союза не суждено было осуществиться. Причиной тому явилась позиция, занятая двумя державами — США и Англией.

США, все время с симпатией следившие за борьбой испанских колоний против метрополии, в 1817—1818 гг. направили в эти страны своих консулов, а в 1822 г. вполне официально их признали. Теперь, в связи с угрозой прямой интервенции со стороны Священного союза, они сделали новый важный шаг.

2 декабря 1823 г. президент США Монро обратился к конгрессу со знаменитым посланием, в котором были изложены следующие положения:

1. США будут решительно противиться стремлениям Священного союза распространить свое влияние и свою политическую систему на западное полушарие.
2. Америка населена цивилизованными нациями и потому не может более служить сферой колонизации для европейских государств.
3. Как США не вмешиваются в отношения европейских государств между собой, так и европейские государства не должны вмешиваться в отношения между американскими государствами; всякий шаг в противоположном направлении будет истолкован США, как вызов по их адресу.

Шаг Монро был холодным душем для держав Священного союза. Но еще большее значение имела позиция, занятая в то время Англией. Два главных мотива руководили действиями лондонских политиков в этот момент (как и вообще в их линии поведения по отношению к испанским колониям в Америке).

Во-первых, Англия уже с давних пор была очень заинтересована в завоевании богатых рынков испанской Америки для своей торговли, а для этого требовалась ликвидация колониальной зависимости последней от метрополии.

Во-вторых, Англия стремилась к политическому и военному ослаблению своего старого соперника — испанской империи, а отделение от нее колоний являлось хорошим средством для достижения этой цели.

Мотивы были с английской точки зрения, весьма серьезные, а в таких случаях (особенно, когда в дело замешана торговля) британская политика бывает решительна и энергична. Так вышло и теперь.

Хотя в 1814 г. между Англией и Испанией был заключен договор, в котором Англия обязывалась не допускать, чтобы ее граждане снабжали мятежные колонии оружием и боеприпасами, именно англичане на протяжении последующих десяти лет сумели превратить его в мертвую букву. Английские суда, игнорируя номинальную испанскую блокаду, широко торговали с «революционными портами», доставляя туда запрещенные договором товары. Английские военные — от генерала до солдата — с ведома правительства служили в войсках испанских повстанцев. Известно, что в период 1815—1818 гг. на стороне мятежников сражалось свыше 6 тыс. английских волонтеров, в том числе такие люди, как, например, талантливый адмирал Кокрен, командовавший военно-морским флотом Чили. В самой Англии открыто производилась вербовка этих волонтеров, формировались батальоны и полки, носившие форму южноамериканских армий. Эмиссары повстанческих хунт посещали Лондон, вели здесь пропаганду, заключали займы. Испанское правительство не раз протестовало против столь явного покровительства, оказываемого Англией колониальным сепаратистам, но это не имело никакого практического

эффекта. Политические и торговые интересы британской державы в то время требовали «освобождения» испанских колонии в Америке, и лондонское правительство все решительнее брало курс на поддержку южноамериканских мятежников.

Неудивительно поэтому, что, когда в конце 1823 г. вопрос об интервенции Священного союза в испанских колониях принял угрожающий характер, английский министр иностранных дел Джордж Каннинг сразу же взял быка за рога.

Прежде всего он вступил в переговоры с Францией. 9 октября 1823 г. в результате нескольких бесед с французским послом в Лондоне Полиньяком Каннинг заставил последнего принять меморандум далеко идущего значения. Суть меморандума сводилась к следующим трем пунктам:

1. Франция обязывается не вмешиваться «с помощью силы или угроз» в дела испанских колоний в Америке.
2. Англия заявляет, что она официально признает независимость испанских колоний, если кем-либо будет сделана попытка ограничить ее торговлю с ними.
3. Ввиду особой заинтересованности Англии в судьбе испанских колоний она отказывается от участия «на равных основаниях» в обсуждении данного вопроса с другими европейскими державами, если в этому обсуждению не будут также привлечены США.

Таким образом, меморандум Полиньяка наносил тяжелый удар интервенционистским планам Священного союза.

Далее, в октябре 1823 г. Каннинг назначил в испанские колонии в Америке британских коммерческих консулов, что было равносильно признанию их де-факто. 7 июля 1824 г. он подписал торговый договор с Буэнос-Айресом. Все попытки России, Австрии, Пруссии и Франции оказать давление на Англию и заставить ее изменить свою позицию в вопросе об испанских войск — с другой Видную роль в этих событиях дело освобождения этих колоний, естественно, быстрыми шагами продвигалось вперед

Главным театром военных действий на этот раз явилось Перу, так как все владения южнее тропиков (Аргентина, Чили, Уругвай) и большая часть Венесуэлы и Новой Гранады уже были потеряны для испанской короны. Перу еще оставалось оплотом роялизма, и именно здесь был окончательно решен вопрос о колониальной империи Испании. Еще в 1819—1821 гг. объединенные силы Буэнос-Айреса под командой генерала Сан-Мартина и при поддержке флота адмирала Кокрена пытались освободить Перу от испанского владычества. В июле 1821 г. им удалось даже овладеть столицей Перу Лимой и провозгласить здесь независимость страны. США и Англия содействовали походу Сан-Мартина, предоставив в его распоряжение несколько военных кораблей. В дальнейшем в Перу начались внутренние осложнения. Сан-Мартин попытался установить диктаторскую власть. Это вызвало сильное недовольство перуанского населения. Сан-Мартин вынужден был созвать местный конгресс и сложить свои полномочия. В течение последующих трех лет с переменным успехом шла борьба между южноамериканскими, с одной стороны, и остатками испанских войск — с другой. Видную роль в этих событиях играл Боливар — один из главных героев борьбы за независимость испанской Америки. С начала 1824 г. развитие событий пошло ускоренным темпом. В феврале 1824 г. испанская армия овладела Лимой и Каллао, 6 августа того же года Боливар во главе повстанческих войск разбил испанцев при Хунине. Еще более важное сражение произошло четыре месяца спустя, 9 декабря 1824 г., на равнине Аякучо (между Лимой и Куско), которое не без основания называют «испанским Ватерлоо» в Америке. Здесь сошлись 6 тыс. южноамериканцев под командой Сукре, лучшего из генералов национально-освободительного движения, и 9 тыс. испанцев под командой последнего испанского вице-короля в Америке Ла Серна Битва кончилась полным поражением испанцев: они потеряли свыше 2 тыс. убитыми, и сам Ла Серна попал в плен Эффект сражения был так велик, что вслед за тем капитулировали 23 тыс. испанских войск, еще остававшихся в Перу. От этого удара метрополия уже больше никогда не могла оправиться. И, хотя Фердинанд VII вплоть до 1830 г. пытался делать вид, будто бы он продолжает войну в Америке, судьба испанской колониальной империи была решена. Аякучо стало ее могилой.

Тогда же состоялось освобождение от испанского владычества еще одной крупной колонии — Мексики. Здесь еще в феврале 1821 г. генерал Итурбиде поднял восстание против метрополии, выдвинув три основных требования: 1) превращение Мексики в независимую монархию под управлением бурбонского принца, 2) сохранение всех прав и привилегий католической церкви и 3) гражданское и политическое равноправие испанцев, креолов и индейцев. Испанское правительство приняло эти требования, и Итурбиде, заняв столицу, в сентябре 1821 г. установил регентство. Однако испанские кортесы дезавуировали испанское правительство и отвергли требования Итурбиде. Тогда честолюбивый Итурбиде провозгласил себя императором под именем Августина I (21 мая 1822 г.) и объявил независимость Мексики. Правление нового императора оказалось столь самодержавным, что очень скоро в стране вспыхнуло восстание. 19 марта 1823 г. Итурбиде вынужден был отречься «от престола» и уехал в Италию. Год спустя он вновь появился в Мексике, но был на этот раз арестован и расстрелян. После того Мексика стала федеральной республикой, и 10 октября 1824 г. был избран ее первый президент — Виктория.

Теперь оставалось сделать выводы из совершившихся событий, и они были сделаны, прежде всего, опять-таки Англией. 31 декабря 1824 г. британское правительство официально признало независимость Мексики, Буэнос-Айреса и Колумбии (т.е. объединившихся к этому времени Венесуэлы и Новой Гранады). 11 января 1825 г. Каннинг официально сообщил об этом державам Священного союза. Они были в бешенстве, но сделать ничего не могли. Почти два года спустя, в речи, произнесенной в парламенте 12 декабря 1826 г., Каннинг суммировал свои действия в вопросе об испанских колониях следующим образом: «Я стремился найти в Америке компенсацию за неравенства, существующие в Европе. Имея в виду Испанию, как ее знали наши предшественники, я решил, что если Франция имеет Испанию, то это не должна быть Испания, включающая «Индии». Я вызвал к жизни новый мир для того, чтобы восстановить равновесие старого»[42].

Эти слова, ставшие с тех пор историческими, отражали растущую мощь английской буржуазии, быстро шедшей тогда в гору. Эти слова звучали вместе с тем, как жестокий приговор Немезиды для испанской монархии: за торжество внутренней контрреволюции она платила потерей почти всей своей колониальной империи. В ее руках теперь оставались только Антильские острова, Куба, Порто-Рико и Филиппины. Отныне Испания переставала быть великой державой.

Таково было первое важное последствие победы реакции. Но имелось еще и второе.

Нам уже приходилось говорить о том, что крайние элементы господствующего класса и католической церкви, будучи не удовлетворены даже Фердинандом VII, уже сначала 1821 г. стали группироваться около его младшего брата и наследника дон Карлоса. Эти элементы, среди которых руководящую роль играли монахи и священники, мечтали о полном восстановлении «золотого века» средневековых порядков, о ничем не стесняемом абсолютизме короны и о решающем влиянии на нее духовенства. Они создали в свое время апостолическую хунту в Галисии; они организовали апостолическое регентство в Сео де Урхель; развернули широкое движение реакционно-католических банд, превратившихся затем в королевских волонтеров. Теперь, после окончательного утверждения контрреволюции, они основали апостолическую партию с дон Карлосом во главе и создали вокруг наследника Камарилью, которая своим влиянием на государственные дела стала оттеснять на второй план даже камарилью Фердинанда. Апостолическая партия рассчитывала на бездетность и слабое здоровье короля; она ожидала его смерти и рассчитывала на то, что в этом случае трон перейдет к дон Карлосу, а тогда...

Однако более горячие из сторонников дон Карлоса не хотели ждать «биологического» хода событий и в своем нетерпении стали искусственно форсировать его с помощью карлистских заговоров. Наиболее серьезное значение имел заговор 1827 г. в Каталонии. Здесь в Манресе была учреждена Верховная апостолическая хунта, рассматривавшая себя как второе правительство Испании. Под ее эгидой создались многочисленные банды «апостоликов», которые, громко крича, что «король находится в плену у масонов», разбойничали в городе и деревне, превращая в кошмар жизнь широких масс населения. Фердинанду пришлось затратить пять месяцев упорной борьбы для подавления этого мятежа, и так как его младший брат оказался замешанным в восстании, то между королем и наследником произошла открытая ссора. Двор, аристократия, духовенство разбились на две партии: одни были за Фердинанда, Другие — за дон Карлоса. Так начался тот распад испанских Бурбонов на две линии, который внес столько дополнительной путаницы и в без того сложную ткань политического развития Испании XIX в.

Одним из результатов этой династической ссоры было то, что после смерти своей третьей жены Амалии Саксонской (18 мая 1829 г.) Фердинанд вступил в четвертый брак с 23-летней неаполитанской принцессой Марией-Христиной (11 декабря 1829 г.). В. противоположность трем прежним бесплодным женам короля Мария-Христина оказалась очень плодовитой и в 1830 и 1832 гг. родила двух дочерей — Изабеллу и Марию-Луизу[43]. Тогда стал вопрос, может ли старшая дочь Фердинанда Изабелла наследовать престол? Старинное испанское право допускало женщин к занятию трона: ведь были же королевами Уракка (1109—1126), Беренгариа (1217) и Изабелла Кастильская (1474—1504). Это старинное испанское право оставалось в силе и при Габсбургской династии (1516—1700), хотя в период ее господства вопрос о наследовании по женской линии практически ни разу не стоял. Однако, когда в 1700 г. испанский трон перешел к Бурбонам, положение изменилось: первый бурбонский король Филипп V в 1713 г. ввел в Испании так называемый «Салический закон», действовавший во Франции, закон, допускавший к занятию трона только мужчин. Карл IV в 1789 г. отменил «Салический закон» и восстановил действие старинного испанского права; его решение было подтверждено специально созванными кортесами. Но оно не было тогда опубликовано, а осталось в качестве секретною документа в архивах. И вот теперь в недрах двора закипела острая борьба: партия дон Карлоса считала, что, поскольку закон 1789 г.

---

42 «The Cambridge History of British Foreign Policy», 1923, т.II, стр.77.

43 Кроме того, от второго брака с гвардейским сержантом Муньосом (иначе герцогом Риансарес) Христина имела еще семь детей.

не был обнародован, остается в силе закон 1713 г. и, стало быть, наследником престола может быть только младший брат короля, напротив, партия Христины доказывала, что, поскольку в 1789 г. «Салический закон» был отменен, старинное право женщин на занятие трона восстановлено и, стало быть, наследницей должна быть принцесса Изабелла. Эта борьба, продолжавшаяся три года и изобиловавшая многочисленными инцидентами в стиле «тайн мадридского двора», в конечном счете закончилась победой «партии Христины»: 20 июля 1833 г. специально созванные кортесы присягнули на верность трехлетней королеве Изабелле, а три месяца спустя умер Фердинанд VII и впредь до совершеннолетия дочери Мария-Христина была объявлена регентшей.

Подводя итоги 25-летнему царствованию Фердинанда VII, испанский историк и политический деятель Пи-и-Маргалль пишет: «Война за независимость (т.е. война 1808—1814гг. — *И.М.*) обошлась Испании в 300 тыс. человеческих жизней. Война 1823 г. за восстановление абсолютизма и последовавшие затем вспышки гражданской войны стоили стране 100 тыс. жизней... В течение этого царствования погибло на эшафоте 6 тыс., было убито без суда — 8 тыс., умерло от жестокого обращения в тюрьмах — 16 тыс., осталось в заключении — 24 тыс. В течение того же царствования Испания потеряла: Мексику, Гватемалу, Сан-Сальвадор, Гондурас, Никарагуа, Коста-Рику, Новую Гранаду, Эквадор, Венесуэлу, Перу, Боливию, Чили, Парагвай, Уругвай — одним словом, всю континентальную испанскую Америку. Государственный долг достиг 1 745 850 тыс. реалов»[44].

Поистине трудно найти более мрачную страницу в истории Испании, чем царствование Фердинанда VII.

ПЕРВАЯ КАРЛИСТСКАЯ ВОЙНА и ТРЕТЬЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1833—1843)

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ ВОЙНЫ

Фердинанд VII умер 29 сентября 1833 г., а 1 октября дон Карлос, находившийся в тот момент в Португалии, объявил себя королем Испании под именем Карла V. 4 октября карлисты подняли восстание в Талавера (провинция Толедо), впрочем быстро подавленное правительством. 17 октября регентша Христина особым указом лишила дон Карлоса всех его прав и привилегий и конфисковала принадлежавшее ему имущество. Так началась первая карлистская война.

Большинство буржуазных историков и публицистов характеризует эту войну, как исключительно или почти исключительно династический спор между двумя линиями в семье испанских Бурбонов. Типичной в этом отношении является, например, оценка французского историка Дедевиз де Дезер. Рассказав о ссоре между Фердинандом и дон Карлосом по вопросу о престолонаследии, он далее заключает: «Этой дворцовой революцией и была порождена та междоусобная война, которая волновала Испанию в течение семи лет»[45].

Конечно, дело было не так просто, как это кажется названному историку. Слов нет, династический момент играл в этой войне свою роль, но не следует преувеличивать его значение. Если бы все сводилось к вопросу о том, кому сидеть на испанском престоле — дон Карлосу или Изабелле, — война не носила бы столь длительного, упорного и ожесточенного характера В этом вопросе возможны были компромиссы: один из таких компромиссов, как увидим ниже, был даже фактически предложен Христиной. Если тем не менее первая карлистская война тянулась целых семь лет, приведя страну в состояние величайшей разрухи; если сорок лет спустя разыгралась вторая карлистская война, продолжавшаяся три года; если пережитки карлистского движения сохранились до наших дней и сыграли известную роль даже в испанской войне 1936—1939 гг., — то все это объяснялось тем, что карлизм имел глубокие социальные корни. По существу он представлял наиболее реакционные круги феодальной аристократии и католической церкви, использовавших в своих целях автономистские стремления басков и каталонцев и темноту патриархально настроенного крестьянства северных районов страны. Эти силы боролись против установления капиталистических порядков в области экономики и политики, отстаивая основы феодально-абсолютистской монархии прошлого. Недаром карлисты любили называть себя «традиционалистами». И так как борьба между феодализмом и капитализмом в Испании, принимая различные формы, прошла через все XIX столетие и не вполне закончилась даже сейчас, то нет ничего удивительного в том факте, что карлизм обнаружил такую необыкновенную живучесть. С этой точки зрения первая карлистская война, характеристике которой посвящена настоящая глава, являлась не чем иным, как продолжением — в несколько своеобразной форме — той борьбы между феодально-католическими элементами и элементами либеральной буржуазии, которая, как мы видели, проходила красной нитью через все события предшествующей четверти века.

В самом деле, кто стоял за дон Карлосом?

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
Издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

44 F.Pi-y-Margall Las grandes conmociones politicas en Espana, стр.206.
45 Лависс и Рамбо. История XIX века, т.3, стр.232.

За дон Карлосом, прежде всего, стояла старинная родовая аристократия, гранды, преимущественно гранды экономически более отсталых северных районов — Наварры, Басконии, Арагона, — поддерживаемые известной частью дворянства. Далее, за дон Карлосом стояло большинство высшего католического духовенства, в частности уже известная нам апостолическая партия. Церковная иерархия играла особенно крупную роль. Она мечтала о возрождении того «счастливого» времени, когда короли являлись послушным инструментом ее политики: Фердинандом, как мы знаем, сановники церкви были не вполне довольны. Напротив, дон Карлоса они считали вполне подходящим для себя королем. Персонально он стоял значительно выше своего старшего брата и потому представлял собой более удобный материал для творимой монархической легенды. Политически он был честолюбив и с упоением мечтал о престоле, в чем его сильно поддерживала жена — португальская принцесса Мария Франциска. В то же время дон Карлос был слабоволен, смиренно-благочестив, сугубо консервативен. Он точно нарочно был создан для того, чтобы стать игрушкой в руках своего духовника. Через дон Карлоса католическая церковь рассчитывала — и не без основания — вновь стать де-факто верховной властью в государстве. Гранды и епископы считали дон Карлоса гораздо более надежной гарантией против каких либо «опасных новшеств», проповедуемых буржуазией, чем легкомысленную, властолюбивую и жадную до денег Христину.

Однако за дон Карлосом стояли не только «князья мира», но и значительные массы народа. Откуда они брались? Из двух главных источников, нередко взаимно переплетающихся.

Во-первых, то было темное, забитое, погрязшее в феодальных чувствах и понятиях крестьянство северной Испании (особенно в Наварре и Басконии), привыкшее во всем следовать своему «сеньору» и своему «падре». Известное значение имело и то обстоятельство, что экономическое положение деревни в этих районах было несколько лучше, чем в других частях страны.

Во-вторых, то были автономисты Басконии и Каталонии (в меньшей степени Валенсии), которые ревниво оберегали свои старинные «фуэрос» (вольности) от централизаторских тенденций Мадрида Автономисты верили, что приверженный к старине дон Карлос обеспечит их интересы лучше, чем более склонная к новизне Христина. Именно это заставляло многих каталонцев поддерживать дон Карлоса, хотя они далеко не всегда разделяли его общеполитическую позицию. Напротив, баски, издавна славившиеся своим благочестием, сражались на стороне претендента и как автономисты, и как верные католики.

В других частях Испании карлизм был мало популярен в массах, но находил достаточно сочувствующих себе людей среди грандов и высшей духовной иерархии. Скрытые друзья карлизма имелись при королевском дворе, а также в верхушке военной и гражданской бюрократии страны. Многие помещики из соображения перестраховки вели двойную игру: соблюдая официальную лояльность по отношению к Христине, они в то же время жертвовали секретно значительные суммы для поддержки дон Карлоса.

Таким образом, каковы бы ни были непосредственные поводы к восстанию дон Карлоса, по существу это была борьба наиболее реакционных сил тогдашнего испанского общества — высшей земельной аристократии и католической церкви, поддерживаемых отсталыми слоями крестьянства, — за сохранение феодально-абсолютистского режима. То была испанская Вандея, во многих отношениях напоминавшая свой французский образец.

А кто стоял за Христиной?

Здесь картина была значительно сложнее. Сама по себе Христина мало чем отличалась от дон Карлоса в области политических взглядов и настроений. Она была доброй католичкой и убежденной роялисткой старобурбонского толка. Ее идеалом являлась феодально-абсолютистская монархия прошлого — пышная, блестящая, с придворной камарильей, с интригами и дуэлями, с балами и любовниками, с трубадурами и шутами. Всякий намек на возможность контроля монархии со стороны народа Христина воспринимала как личное оскорбление. Всякое проявление либерализма рассматривала как дьявольское наваждение. Энергичная и властолюбивая, она была взбалмошна, вероломна, капризна, распущенна и чрезвычайно падка на богатство. «Легкость» в нравах у нее была необыкновенная. Едва Фердинанд VII успел умереть, как Христина тайно вышла замуж за сержанта королевской охраны Муньоса — человека плебейского происхождения, но красивой наружности, — которому однажды посчастливилось предупредить несчастный случай с ее каретой. Во избежание потери прав на регентство Христина в течение семи лет держала этот брак «в секрете», что, впрочем, не мешало ей, несмотря на все тревоги и волнения карлистской войны, чуть не ежегодно дарить своему супругу по ребенку. Позднее, уже в 40—50-х годах, когда с воцарением Изабеллы II бывшей регентше пришлось отойти на второй план, Христина вместе со своим мужем, получившим к этому времени титул герцога Риансареса, отдалась самой безудержной спекуляции, будучи агентом французских капиталистов по получению концессий на постройку и эксплуатацию железных дорог в

Испании. Совершенно очевидно, что в сфере «идеологической» между дон Карлосом и Христиной легко было бы перекинуть спасительный мостик. Однако борьба за трон превращала их в ожесточенных врагов.

В этой борьбе Христине чрезвычайно нужны были союзники, но где их можно было найти? Поскольку большинство грандов и католического духовенства стало на сторону дон Карлоса, у Христины не было иного выбора, как опереться на силы, им враждебные, т.е. на либеральную буржуазию, на городскую демократию, на более прогрессивную часть дворянства, на все Централизаторские элементы страны, т.е. в первую очередь на армию и на чиновничество. Христину поддерживали также известные круги аристократии и генералитета, которые, будучи сторонниками абсолютной монархии, не сочувствовали, однако, слишком большому усилению церкви. Чрезвычайно любопытен тот факт, что даже в так называемых «карлистских» районах происходило очень характерное деление населения: деревня и мелкие города поддерживали дон Карлоса, а крупные города стояли за Христину. Лучшим примером тому может служить Бильбао, который географически находился в самом сердце карлистского движения, однако на протяжении всей войны оставался несокрушимой твердыней либералов. Точно так же Сан-Себастьян, Памплона и Виттория поддерживали Христину, хотя со всех сторон были окружены «карлистскими территориями». В Каталонии экономически более развитое побережье с Барселоной во главе было против дон Карлоса, а экономически более отсталые горные районы хинтерланда являлись одной из опор карлистского движения.

Так получилось, что, независимо от своих симпатий и даже вопреки им, Христина вынуждена была породниться с «дьяволом» и с его помощью защищать свой трон. Так получилось, что и все прогрессивные силы страны, для которых победа дон Карлоса означала бы продолжение или даже усугубление невыносимого режима Фердинанда VII, независимо от своих симпатий и даже вопреки им, собрались под знаменем Христины (официальных республиканцев в то время еще не существовало). Это был противоестественный союз, таивший в себе семена внутренних противоречий и борьбы, но он был навязан обеим сторонам волей обстоятельств, над которыми они были не властны, и до поры до времени сохранял свою силу.

Как видим, в первой карлистской войне дон Карлос представлял силы феодально-абсолютистской реакции, а Христина — силы либеральной буржуазии со всеми сопутствующими ей элементами. Таков был объективно-исторический смысл событий, независимо от субъективных чувств и стремлений их участников.

Эта внутренняя расстановка сил весьма красноречиво подчеркивалась расстановкой внешнеполитической. Россия[46], Австрия и Пруссия — феодально-абсолютистские державы той эпохи — порвали дипломатические отношения с Христиной и поддержали дон Карлоса. Правда, они не решились официально признать дон Карлоса королем Испании, требуя в качестве предпосылки для этого занятия им ряда укрепленных пунктов в стране, в частности Бильбао, что ему никак не удавалось. Однако три названные державы оказывали дон Карлосу разнообразное содействие, как выражением своего политического сочувствия, так и значительной помощью в области военного снабжения.

Напротив, Англия и Франция — либерально-буржуазные державы той эпохи — поддержали Христину, а их примеру последовали США и Дания. Правда, позиция Франции была несколько двусмысленна, ибо французские роялисты, да и сам Луи Филипп политически больше сочувствовали карлистам, чем христиносам, но все-таки 22 апреля 1834 г. в Лондоне был подписан договор о четвертом союзе (Англия, Франция, Испания и Португалия), по которому Англия и Франция обязывались оказать вооруженную помощь правительствам Испании и Португалии против дон Карлоса и дон Мигеля[47]. В 1835 г. они действительно предприняли некоторые шаги для выполнения этих обязательств: Англия блокировала своим флотом карлистский берег и отправила в Испанию Британский легион волонтеров, участвовавший в боях за освобождение Бильбао от карлистской осады, а Франция послала на помощь Христине часть своего иностранного легиона, сражавшегося против карлистов на северном фронте. Это было очень немного, с точки зрения военной, и оказало лишь

---

46 Николай I после смерти Фердинанда VII отказался признать королеву Изабеллу II и ее регентшу Христину. В течение всего его царствования дипломатические отношения между Россией и Испанией были прерваны и возобновились только в 1856 г, когда российским императором стал Александр II.

47 В 1827 г. умер португальский король Иоанн, оставивший двух сыновей — Педро и Мигеля. Старший, Педро, стал императором Бразилии (бывшей португальской колонии), младший, Мигель, претендовал на португальский престол Педро, не желавший царствовать в Португалии, уступил свои права на португальский трон своей семилетней дочери Марии де Глориа и провозгласил умеренно-либеральную конституцию Мигель был назначен регентом при условии, что он обручится с королевой и будет соблюдать конституцию. Однако в 1829 г. Мигель при поддержке земельной аристократии и духовенства произвел государственный переворот, аннулировал конституцию и объявил себя королем, фактически пользовавшимся самодержавной властью Молодой королеве Марии в борьбе за трон пришлось опереться на либералов и искать помощи в Англии Азорские острова стали базой всех противников Мигеля. Здесь была организована военная экспедиция, при активном участии англичан, для завоевания Португалии и восстановления на троне королевы Марии. Отец Марии Педро, отказавшись от Бразилии, вернулся в Европу и стал во главе борьбы против своего брата Мигеля. В 1832 г. Педро занял Опорто, бывшее твердыней либералов. С началом карлистской войны в Испании Дон Карлос пришел на помощь Мигелю своими вооруженными силами. Тогда в Португалию вторглась одна из армий Христины и вместе со сторонниками Марии, а также при поддержке англичан в середине 1834 г. разбила Мигеля, который после того вынужден был подписать договор об отречении от португальского престола.

Итак, как внутренняя, так и внешняя ситуации ясно свидетельствовали о том, что при всем своеобразии форм и обстановки корни первой карлистской войны лежали все в той же классовой борьбе между силами феодально-абсолютистской реакции, с одной стороны, и силами либеральной буржуазии — с другой.

Учитывая это, мы можем теперь перейти к описанию конкретных событий данного периода. Они имели два аспекта, взаимно тесно связанные и переплетающиеся, — военный и политический. Однако в целях большого удобства изложения мы рассмотрим отдельно как тот, так и другой. Остановимся, прежде всего, на событиях военного порядка.

ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ

Мы не можем здесь касаться всех деталей боевых операции первой карлистской войны — весьма запутанных и сложных. Это потребовало бы слишком много места, да и не нужно для целей нашего изложения. Ограничимся поэтому лишь некоторыми наиболее важными и существенными моментами, дающими достаточно ясное представление об общем ходе и характере «семилетней войны» 1833—1840 гг.

Прежде всего, необходимо отметить, что первая карлистская война захватила не всю Испанию, а сконцентрировалась в двух основных районах: 1) на севере — в Басконии, Наварре, части Арагона и части Каталонии; 2) на юго-востоке — в так называемой области Маестразго, т.е. в Валенсии, Кастельоне, Теруэле.

В других частях страны (например, в Ла-Манче, Кордове, Эстремадуре и т.д.) военные действия носили лишь случайный характер.

Почему первая карлистская война была связана с определенными районами?

По двух главным причинам. Во-первых, потому, что на севере — тогда еще очень отсталом — сильнее всего было влияние феодалов и церкви и здесь, в замкнутых горных долинах, жили основные массы того темного, фанатичного крестьянства, которое с возгласом «Бог и фуэросы (местные вольности)!» так храбро умирало за увековечение своего рабства. На севере и в Маестразго глубже всего укрепился также автономизм — среди басков и каталонцев, — о роли которого в карлистском движении речь была выше.

Во-вторых — и тут мы подходим к другой важной черте первой карлистской войны, — боевые операции были связаны с двумя определенными районами потому, что географически и топографически они представляли особые выгоды для ведения той партизанской войны, которая являлась основной формой карлистских военных действий. Типично горные провинции севера и Маестразго были как нельзя лучше приспособлены для развертывания именно такого рода операций. Кроме того, на севере, с карлистской точки зрения, имелось еще одно важное преимущество: близость французской границы. От этого в силу вышеуказанной двойственности французской политики карлисты сильно выигрывали: крайние французские роялисты, при сознательном попустительстве Луи Филиппа, снабжали карлистов через границу деньгами и оружием, а в случае надобности давали им на французской территории убежище и приют.

Основной базой карлизма был север. Здесь, в маленьком городке Эстелья, находились ставка дон Карлоса, его двор и его правительство. Здесь были главнокомандующий и его штаб. Здесь концентрировались главные вооруженные силы карлистов, выросшие из «армии веры» эпохи второй революции и королевских добровольцев эпохи Каломарде. Руководимые баском Томасом Сумалакарреги, бывшим полковником королевских войск, эти силы больше всего приближались к типу регулярной армии. Тут сказывались усилия Сумалакарреги — талантливого командира, — вводившего суровыми мерами дисциплину в свое разношерстное и анархичное воинство.

Иное положение сложилось в Маестразго. Вся эта обширная область кипела партизанским движением, нередко переходившим в открытый бандитизм. Дисциплина среди партизан отсутствовала; своеволие отдельных отрядов не имело границ; между командирами отрядов происходили соревнования в зверствах и жестокости; грабеж населения носил столь вопиющий характер, что нередко вызывал открытые восстания. Все попытки главного карлистского командования навести какой-либо порядок среди своих сторонников в Маестразго имели мало успеха. Подстать движению был и крупнейший карлистский вождь на юго-востоке — Рамон Кабрера. Бывший семинарист, снявший рясу для того, чтобы опоясаться мечом, он целиком отдался делу карлистской войны. Фанатичный, жестокий, анархичный, честолюбивый, безумно смелый, Кабрера постепенно стал одной из популярнейших фигур среди карлистов Маестразго, однако даже ему удавалось подчинить себе отдельные партизанские отряды только отчасти.

Как бы то ни было, но Сумалакарреги на севере и Кабрера на юго-востоке были наиболее известными военными вождями карлизма, хотя кроме них существовало много других, весьма красочных фигур Из них, пожалуй, стоит упомянуть о 64-летнем священнике Мерино, который в 1808—1814 гг. был партизаном войны за независимость, потом, после 1820 г., ушел в горы для борьбы против либеральных правительств второй революции, а теперь стал одним из наиболее

видных карлистских командиров.

Все карлистские силы за пределами севера и юго-востока представляли лишь бандитское охвостье движения. Нередко это были просто шайки разбойников — столь многочисленных в то время, — которые в целях более успешного развертывания своих операций считали выгодным временно рядиться в карлистские цвета.

Численность карлистских вооруженных сил заметно колебалась на протяжении этой долгой семилетней войны, — в лучшие для карлистов времена она доходила до 70 тыс.

Методы ведения войны, применявшиеся карлистами, в основном были, как только что упоминалось, типично партизанскими. Это естественно вытекало как из природы их вооруженных сил, так и из естественных условий обоих главных театров военных действий. Правильных сражений с регулярными войсками карлисты всячески избегали. Брать крепости или крупные города не умели. Лучшей иллюстрацией тому может служить двукратная попытка (в 1835 и 1836 гг.) осады Бильбао: хотя, как мы знаем, этот важный порт был очень нужен карлистам, они, несмотря на все усилия, так и не смогли его взять. Напротив, первая осада Бильбао ознаменовалась для них тяжелой потерей: здесь погиб (24 июня 1835 г.) Сумалакарреги, только что начавший было налаживать единое командование всеми карлистскими вооруженными силами. С его смертью этот процесс приостановился и даже пошел назад, что имело крайне вредные последствия для всего хода карлистского движения.

Иногда карлисты практиковали глубокие рейды в тыл противника, что не представляло особого труда ввиду отсутствия сплошных фронтов и недостаточной численности правительственных войск. Так, в самом начале войны упоминавшийся выше священник Мерино во главе значительного отряда внезапно появился под Мадридом, но, встретив здесь сопротивление, так же внезапно отошел и исчез. Более серьезный характер носил рейд генерала Гомеса, устроенный во второй половине 1836 г. Выйдя с колонной в 2 тыс. человек при двух орудиях из своего расположения в северной Испании, Гомес прошел, почти не встречая сопротивления, Астурию, Галисию, Леон, на короткое время оккупировал Кордову и Альмаден, заглянул в Эстремадуру, одно время угрожал Мадриду и затем, несмотря на преследование со стороны христиносов, все-таки прорвался к себе на север. Правда, Гомесу не удалось, как он рассчитывал, поднять в пройденных им провинциях карлистских восстаний, но зато он вернулся домой с численно возросшим отрядом и привез с собой богатую добычу.

Несомненно, самой крупной военной операцией карлистов был большой рейд, предпринятый самим дон Карлосом в мае 1837 г. Выйдя из Наварры с хорошо вооруженной армией в 14 тыс. человек, дон Карлос в течение последующих четырех месяцев прошел Каталонию, Валенсию, по пути соединился с силами Кабрера и затем, повернув в сторону Мадрида, стал медленно приближаться к столице. Ему удалось одержать несколько побед над войсками христиносов, но он не сумел их хорошо использовать, теряя время на излишние остановки в пути. Из-за этого двигавшаяся с севера карлистская колонна под командой генерала Зариатеги подошла к Мадриду 12 августа, когда армия дон Карлоса находилась еще далеко от него. Под давлением христиносов Зариатеги вынужден был отступить на север, не дождавшись своего короля. Таким образом, подготовлявшийся карлистами двойной удар против столицы не состоялся. Сам дон Карлос подошел к Мадриду только 12 сентября. Он занял деревню Арганда дель Рей, из которой простым глазом мог видеть храмы и здания столицы. Дон Карлос был твердо уверен, что при одной вести о его приближении население Мадрида восстанет против «узурпаторов власти» — этих «атеистов» и «масонов» — и с восторгом откроет перед ним «ворота. На самом деле, однако, жители Мадрида встретили претендента мобилизацией всех своих сил для защиты города. Потрясенный дон Карлос в течение целого дня ждал, что «Господь обратит их сердце», а когда этого не случилось, он потратил еще день на торжественное празднование дня Скорбящей Богоматери — патрона его армии. Генералы Христины умело использовали неожиданно выпавшую передышку, и, перегруппировав свои войска, отрезали дон Карлосу путь к Мадриду. Момент был упущен, и после нескольких нерешительных стычек под столицей армия дон Карлоса стала отступать на север. Среди ее командиров возникли трения и раздоры; настроение солдат и офицеров сильно упало; отступление постепенно превратилось в бегство. Когда дон Карлос достиг Эбро, у него оставалось не больше 4 тыс. человек. Неудача этого рейда явилась поворотным пунктом в истории всей карлистской войны. Правда, борьба после того продолжалась еще три года, но карлизм больше уж никогда не смог оправиться от полученного удара.

В противоположность карлистам христиносы старались вести и в меру возможности вели против дон Карлоса правильную войну с помощью регулярных войск. В начале операций к услугам правительства была армия в 50 тыс. человек; резервы насчитывали до 100 тыс. Кроме того, имелся 12-тысячный корпус карабинеров (пограничники) и около 3 тыс. моряков. Этого скоро не хватило, и в дальнейшем христиносам пришлось не раз прибегать к новым наборам и пополнениям. В конце карлистской войны их армия насчитывала до 250 тыс. человек.

Трудности, стоявшие перед правительством в этой войне, были очень велики. Правда, на его стороне имелся перевес в количестве и вооружении, но зато вся организация армии христиносов

была мало приспособлена к условиям партизанской войны в горах, где противник был у себя дома и превосходно знал каждый куст и каждую тропинку. К тому же численность правительственных армий долгое время была совершенно недостаточна для выполнения поставленных перед ними задач; их снабжение оставляло желать весьма многого; их морально-политическое состояние находилось на низком уровне; во главе армий часто стояли бездарные и продажные генералы, между которыми то и дело возникали склоки и интриги. В результате войска Христины, особенно в первые годы войны, то топтались на месте или отступали, то попадали в ловушки, подстроенные врагом, то терпели неудачи или поражения. Бывали моменты, когда победа карлистов казалась неизбежной. Но все-таки более высокая военная организация христиносов и более централизованное руководство операциями (а также более прогрессивная политика, о чем ниже) в конечном счете дали себя знать, постепенно подготовив почву для торжества правительства. В ходе военных операций, как всегда бывает в подобных случаях, выдвинулся ряд более талантливых генералов. Мина еще раз возглавил борьбу в Каталонии, но он умер в 1836 г. Главным героем карлистской войны на стороне христиносов был Эспартеро. Большую популярность приобрели Нарваес, О'Доннель, Серрано, Прим. Все эти генералы в дальнейшем стали видными политическими деятелями, и с их именами мы еще не раз встретимся. Сейчас будет уместно несколько ближе познакомиться с крупнейшим из них — Эспартеро, ибо на его долю выпало сыграть чрезвычайно важную роль в ходе карлистской войны и в годы, непосредственно следовавшие за ее окончанием.

Балдомеро Эспартеро (1793—1879) по происхождению, воспитанию, внешности, манерам, политическим симпатиям был типичным плебеем, обязанным всем самому себе. Он родился в семье извозчика из Ла Манчи. Отец хотел сделать из него священника, но молодой Балдомеро предпочел военную карьеру. Пятнадцати лет он вступил добровольцем в студенческий отряд, сформированный в начале наполеоновского нашествия. В течение всей войны за независимость Эспартеро сражался в рядах испанских патриотов, постепенно приобретая военный опыт и повышаясь в чинах. В 1815 г. в составе экспедиционной армии генерала Морильо он попал в Южную Америку и провел здесь в боях и походах восемь лет. В 1824 г. Эспартеро участвовал в битве при Аякучо, окончательно решившей судьбу испанской колониальной империи. По возвращении на родину он служил в гарнизоне Логроньо, женился здесь на дочери помещика и сам стал землевладельцем. После смерти Фердинанда VII Эспартеро примкнул к сторонникам Изабеллы и принял активное участие в карлистской войне. Командуя Неверным фронтом, он оказался достойным соперником Сумалакарреги. В Эспартеро сочетались качества партизанского вождя с выучкой генерала регулярной армии. Это в огромной степени способствовало его успехам и быстрому росту его военного престижа. Эспартеро дважды снял карлистскую осаду Бильбао, а его победу под Лючаной, Бургосом, Пеньясеррдой содействовали окончательному поражению претендента. Эспартеро спас Мадрид от дон Карлоса в сентябре 1837 г., а в дальнейшем, как увидим ниже, сыграл решающую роль в ликвидации всей междоусобной войны вообще.

О личности Эспартеро высказывались весьма противоречивые суждения, однако более близкое знакомство с фактами приводит к выводу, что он был хорошим генералом и плохим политиком.

Как военный, Эспартеро не был крупным стратегом, уступая в этом отношении некоторым своим соперникам, в частности Нарваесу, но зато он являлся превосходным вождем армии, умевшим зажигать в ней огонь искреннего воодушевления. Этому способствовали два основных его качества: безграничная личная храбрость и любовь к рядовому солдату. Вот почему войско было готово идти за ним, куда угодно, и побеждать, казалось бы, непреодолимые препятствия.

Как политик, Эспартеро не обнаружил никаких талантов. Правда, он был честен и демократичен: очень любил народ и был любим народом; питал инстинктивное нерасположение к аристократам и князьям церкви; искренне хотел сделать что-либо хорошее для масс, из рядов которых он вышел. Однако Эспартеро плохо представлял себе, как это сделать. Типичный военный по навыкам мысли и методам действия, он был слабо вооружен для политической борьбы: ему не хватало четкого миросозерцания, уменья маневрировать и подбирать людей; он не обладал красноречием и внешним очарованием; в его темпераменте было много неуравновешенности и порывистости, иногда заставлявших его делать необдуманные шаги или за моментами подъема и кипучей энергии впадать в состояние пассивности и бездействия; ему свойственны были также известные человеческие слабости — самомнение, авторитарность, смешение личных интересов с общественным благом. Сердце Эспартеро всегда толкало его влево, но голова далеко не всегда работала в унисон с сердцем. В результате Эспартеро не пошел дальше признания конституционной монархии и оказался неспособным до конца использовать в интересах дела прогресса те огромные популярность и влияние, которыми он обладал на исходе первой карлистской войны. Впрочем, подробнее речь об этом будет ниже. Теперь же от характеристики Эспартеро вернемся к описанию событий последней фазы борьбы между карлистами и христиносами.

Поражение дон Карлоса под Мадридом чрезвычайно обострило внутренние противоречия в его лагере. Образовалось два главных течения: одно стояло за войну «до конца», другое — за заключение компромисса с противником. Первое течение поддерживалось частью грандов и большинством высшего духовенства и возглавлялось придворной камарильей, Группировавшейся около жены дон Карлоса, второе течение находило сторонников среди другой части грандов и в особенности среди командного состава армии, начинавшего все больше понимать безнадежность карлистской борьбы. Крестьянство севера, утомленное долгой и разорительной гражданской войной, хотело мира: все устали от бесконечных мобилизаций, поборов, тяжелых жертв людьми и имуществом; сотни деревень и десятки городов были полностью или частично разрушены. Русский писатель В.П.Боткин, проезжая по северной Испании в 1845 г., т.е. через шесть лет после окончания первой карлистской войны, заносил в свой дневник: «Дорога до Виттории печально-живописна: селений мало, нередко по горам виднеются одинокие дома, большие, полуразвалившиеся... И как все это заброшено, как всюду еще видны следы междоусобной войны! В иных селениях есть дома, наскоро укрепленные, — на них следы ядер и пуль; другие стоят с полуразрушенными крышами...»[48]

В такой обстановке и при таких настроениях конец карлистского сопротивления был недалек.

29 октября 1837 г. дон Карлос опубликовал заявление, в котором обвинил в измене трех своих крупнейших генералов — Элио, Зариатеги и даже собственного племянника дон Себастьяна. С середины 1838 г. главнокомандующим карлистскими силами стал генерал Марото — сторонник компромиссного мира и старый соратник Эспартеро по Южной Америке. Между Марото и камарильей дон Карлоса возгорелась острая борьба, в ходе которой придворные организовали заговор на жизнь главнокомандующего. Он ответил на это расстрелом трех генералов — агентов камарильи в его армии. Возмущенный дон Карлос хотел было объявить Марото изменником, но войска поддержали своего командира, и дон Карлосу пришлось с ним помириться. Это сильно уронило престиж претендента в глазах собственных сторонников. После того фактическая власть в карлистском лагере стала все больше переходить в руки Марото, который считал нужным как можно скорее закончить войну. К тому же стремился и Эспартеро. Личные отношения, существовавшие между обоими главнокомандующими, облегчили начало переговоров. В январе 1839 г. состоялся первый взаимный зондаж. Затем последовал более обстоятельный обмен мнений. Оба генерала поддерживали компромиссный план Христины о женитьбе сына дон Карлоса на королеве Изабелле, но камарилья, поддерживаемая сторонниками войны «до конца», категорически отвергла этот проект соглашения. Тогда Марото решил действовать самостоятельно. На одной заброшенной ферме, стоявшей между линиями обеих армий, он лично встретился с Эспартеро, и здесь оба главнокомандующих окончательно договорились об условиях мира.

Первая карлистская война закончилась. 31 августа 1839 г. в Вергаре между Эспартеро и Марото был подписан формальный договор о мире. Карлисты капитулировали, но получили амнистию и могли спокойно разойтись по домам. Карлистские генералы и офицеры сохранили свои чины. Две недели спустя (14 сентября 1839 г.) дои Карлос в сопровождении группы приверженцев перешел испанскую границу и эмигрировал во Францию. Кабрера, располагавший 22 тыс. человек, не хотел так скоро сдаваться. Он не признал вергарского договора и еще девять месяцев продолжал отчаянную борьбу в районах Маестразго. Однако Эспартеро в конце концов разгромил его силы. В июле 1840 г. Кабрера тоже бежал во Францию, а остатки его армии рассеялись по стране.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Если сама карлистская война длилась семь лет, то связанный с ней цикл революционно-политических событий занял целое десятилетие (1833—1843).

Сразу же после смерти Фердинанда VII Христина сделала попытку укрепить свое положение путем привлечения на свою сторону либерально-буржуазных кругов. Это ей нужно было как в целях борьбы с дон Карлосом, так и в целях получения поддержки со стороны Англии и Франции. Однако, будучи реакционеркой до мозга костей, Христина действовала, как г.Плюшкин: за грош уступки хотела купить рубль помощи. Это в революционной обстановке, созданной условиями карлистской войны, могло иметь и, как увидим ниже, действительно имело для нее крайне неблагоприятные последствия.

1 октября 1833 г. через два дня после своего прихода к власти, Христина назначила новое правительство во главе с умеренным консерватором Сеа Бермудес, — испанским дипломантом, подписавшим в 1812 г. в Великих Луках договор о дружбе и союзе с Россией. Были открыты университеты, бездействовавшие в течение предшествовавших двух лет, распущены банды королевских добровольцев, терроризировавшие страну, и объявлена амнистия, из которой,

48 В.П.Боткин Письма об Испании, СПб, 1857, стр.4.

впрочем, исключались *некоторые* важные категории эмигрантов (например, все депутаты кортесов, голосовавшие 11 июня 1823 г. за создание регентства). Однако по основному вопросу — о том, как должна управляться страна, регентша соблюдала весьма подозрительное молчание. В манифесте от 4 октября 1833 г. она, например, заявляла: «Религия и монархия — главнейшие жизненные элементы Испании — будут мной уважаться и поддерживаться во всей чистоте... Я буду тщательно соблюдать форму и основные законы монархии, не допуская никаких опасных новшеств, за которые, как мы слишком хорошо знаем, приходится слишком дорого платить. Лучшей формой правительства для страны является та, к которой она привыкла»[49].

Это звучало мало обнадеживающе. Было похоже, что в области государственного управления Христина собиралась продолжать традиции своего покойного супруга, т.е. сохранить абсолютизм и не допускать восстановления конституции. Такая позиция регентши вызвала большое смятение в лагере христиносов, который, как мы знаем, включал довольно пестрые в социальном и политическом отношении элементы. Для лучшего понимания всего дальнейшего будет уместно сказать несколько слов о расстановке сил в этом лагере, как она сложилась в эпоху первой карлистской войны.

Если отвлечься от частностей и деталей, то в широкой коалиции противников дои Карлоса можно было различить четыре главные группы:

1. На крайнем правом фланге стояла придворная камарилья во главе с Христиной, поддерживаемая той частью духовенства и земельной аристократии, которая не пошла за претендентом; к ней примыкали также реакционные круги генералитета и чиновничества. Эта группа состояла из сторонников чистого абсолютизма, которые до поры до времени готовы были скрывать свои истинные взгляды, но твердо рассчитывали, что недалек тот день, когда отпадут все сдерживающие их тактические соображения и они смогут выступить с открытым забралом.

2. На правом фланге, но несколько левее камарильи, находилась партия умеренных (Moderados), которая в известной мере являлась продолжением одноименной партии эпохи второй революции. Однако за протекшее с тех пор десятилетие ветераны «двенадцатого года» еще более поправели и по существу стали консерваторами; к ним присоединилось немало бывших раболепных, кое-чему научившихся в школе Каломарде; в результате партия умеренных на протяжении первой карлистской войны была партией политической и социальной реакции, отличавшейся от камарильи только тем, что она считала дни откровенного абсолютизма миновавшими и вместо него выдвигала абсолютизм, слегка задрапированный цветами псевдоконституционализма. Социальной базой этой партии являлись более гибкие элементы среди помещиков, крупной буржуазии, верхушки военной и гражданской бюрократии. Ее виднейшими вождями были такие люди, как Мартинес де ла Роса, Агустин Аргуельес, граф Офалья, герцог де Фриас и др.

3. Левый фланг занимала партия «прогрессистов», которая в известной мере могла рассматриваться как наследница партии восторженных (Exaltados) эпохи 1820—1823 гг. Один из крупнейших вождей этой партии Олосага так объяснял ее название: «истинно либеральная партия стремится к прогрессу,— прогрессу в правительстве, прогрессу в стране, прогрессу в политических принципах, прогрессу в администрации, прогрессу во всех областях национальной жизни»[50]. Как видно из этой звучно-туманной формулировки, «прогрессисты» были типичными представителями буржуазного либерализма первой половины прошлого века. Среди них очень крупную роль играли «эмигранты», т.е. те испанские политические деятели, которые вынуждены были провести «черное десятилетие» за границей, и теперь вернулись на родину. Длительное пребывание в чужих странах — главным образом в Англии и Франции — отразилось на этих людях: многие из них стали поклонниками виденных ими там порядков; многие потеряли прежний пиетет к конституции 1812 г.; новые настроения бывших восторженных отразились и на их политических действиях в период первой карлистской войны. «Прогрессисты» в основном опирались на средне- и мелкобуржуазные элементы городского населения, на интеллигенцию, на часть офицерства, чиновничества и дворянства. Они были сильны в национальной милиции и муниципалитетах, особенно в муниципалитетах крупных городов. Лозунгом «прогрессистов» была ограниченная монархия, хотя по вопросу о характере конституции среди членов партии было немало расхождений. Крупнейшими вождями «прогрессистов» являлись Мендисабал, Алкала Гальяно, Калатрава, Сан-Мигель, Бесерра и др. К «прогрессистам» тяготели и некоторые генералы, среди которых наиболее видным был Эспартеро.

4. Наконец, на крайнем левом фланге имелась группа радикальных демократов, корни которой уходили в движение коммунерос и которая была тесно связана с городской беднотой — с ремесленниками, с мелким мещанством, с начавшими нарождаться промышленными рабочими. Эта группа носила ярко выраженный антиклерикальный и антидинастический характер. Из ее рядов в 1837 г. вышла первая республиканская партия Испании. К данной группе примыкали

---

49 M.Lafuente. Histona general de Espana, т.20, стр.5—6.

50 F.Pi-y-Margall. Las grandes conmociones politicas en Espana, стр.231.

различные тайные организации революционно-заговорщического типа, как, например, общество «Изабелина». Виднейшими вождями радикальных демократов были Хуан Олаварриа, Эухенио Авиранста, Ромеро Алпуенте, Кальво де Росас и другие, среди которых имелось тоже немало эмигрантов.

Конечно, все указанные деления не следует понимать слишком догматически. Как уже неоднократно указывалось выше, социально-экономическая и политическая отсталость Испании часто смазывала четкость линий происходившей в ней классовой борьбы. Это имело последствием легкую дробимость партий на группы и течения, преувеличенное значение персонального момента в политической борьбе, недостаточную выдержанность лиц и объединений в проведении своей линии, излишнюю склонность к смене вех и гнилым компромиссам. Со всеми этими оговорками, однако, коалиция христиносов распадалась на те четыре основные группы, которые были указаны выше.

Итак, манифест Христины от 4 октября произвел крайне отрицательное впечатление на большинство ее сторонников, особенно же на «прогрессистов» и радикальных демократов. Поднялись бурные протесты, начали создаваться заговорщические хунты. Под давлением снизу Христине пришлось сделать первый шаг влево, но она постаралась, чтобы этот шаг был как можно меньше.

15 января 1834 г., дав отставку Сеа Бермудесу, регентша призвала к власти вождя умеренных Мартинеса де ла Роса, сформировавшего консервативное министерство. Политически он был столь безвреден для реакции, что его назначение приветствовали даже столпы придворной камарильи. Новый премьер не обманул возлагавшихся на него ожиданий; правда, он расширил рамки амнистии, распространив ее на ранее исключенные группы, но зато по основному вопросу — о системе государственного управления — Мартинес де ла Роса оказался достаточно «надежным». В апреле 1834 г. по его предложению был введен в действие так называемый «королевский статут», т.е. новая конституция, которая, признавая на словах принцип ограниченной монархии, на практике делала все возможное для того, чтобы фактически сохранить слегка завуалированное самодержавие. «Королевский статут» предусматривал высокий избирательный ценз, двухстепенные выборы, назначаемую монархом верхнюю палату, а также предоставлял монарху право в любое время отсрочить или распустить нижнюю палату. Кроме того, депутатам разрешалось обсуждать только те вопросы, которые им для этого передавала корона. Инициатива палат в составлении своего порядка дня исключалась.

Одновременно с этими мероприятиями внутреннего порядка Мартинес де ла Роса 22 апреля 1834 г. подписал тот четверной союз с Англией, Францией и Португалией, о котором речь шла выше. Будучи убежденным франкофилом, премьер в своей внешней политике все время ориентировался на Париж и позволял правительству Луи Филиппа осуществлять далеко идущее вмешательство во внутренние дела Испании. Как бы то ни было, но только что упомянутый четверной союз способствовал известному укреплению положения Мартинеса де ла Роса и позволил ему сравнительно благополучно пережить бурю, вызванную провозглашением «Королевского статута».

Действительно, все сколько-нибудь прогрессивные элементы в лагере христиносов были глубоко возмущены этим жалким конституционным ублюдком. Выше упоминавшееся тайное общество «Изабелина», с Олаварриа и Авиранста во главе, составило заговор и выработало свой собственный проект конституции, сильно напоминавший тогдашнюю конституцию Бельгии. Накануне созыва первых кортесов, избранных на основе «Королевского статута», в Мадриде, где в это время свирепствовала холера, вспыхнуло бурное движение, в котором большое участие принимали радикальные демократы. Его острие было направлено в первую очередь против церкви. 17 июля 1834 г. по городу распространился слух, что иезуиты отравили колодцы. Это направило ярость масс против монастырей и храмов. Многие из них были разгромлены, свыше 100 священников и монахов погибло. 20 июля руководители общества «Изабелина» решили потребовать от Христины введения в действие своего проекта конституции, а в случае ее отказа немедленно поднять восстание. Был составлен даже список нового правительства во главе с Перес де Кастро, которое должно было захватить власть. Однако 23 июля участники заговора были арестованы, и Мартинес де ла Роса временно восстановил свое положение.

Тем не менее обстановка продолжала оставаться столь грозной, что Христина увидела себя вынужденной сделать еще один Шаг влево: в ноябре 1834 г., после длительного обсуждения на 13 заседаниях кортесов, была восстановлена национальная милиция — эта исконная твердыня испанской демократии. Правда, из страха перед призраком революции она была переименована из национальной в «городскую», но существо дела от этого не менялось. Правительству очень хотелось превратить милицию в привилегированные охранные части, служащие делу господствующего класса, но ему это не удалось. Давление снизу было столь велико, что даже палаты «Королевского статута» вынуждены были сохранить традиционные основы организации милиции, превращавшие ее в особую форму вооружения народа. В дальнейшем численность милиции постепенно поднялась до 100 тыс. человек и на ее долю выпала чрезвычайно важная

роль в событиях третьей революции.

На этом дело не остановилось. В январе 1835 г. разразилось восстание мадридского гарнизона, руководимое группой военных заговорщиков во главе с Кордеро. Столичная милиция поддержала войска. Главными требованиями повстанцев являлись смена кабинета и введение более демократической конституции. Движение было плохо подготовлено и не достигло своей непосредственной цели. Однако позиция Мартинеса де ла Роса была так сильно поколеблена, что в июне того же 1835 г. он должен был выйти в отставку, и новый кабинет сформировал другой член партии умеренных, граф Торено. Этому правительству не суждена была долгая жизнь. Революционная буря крепчала с часу на час и рвала паруса «умеренности и аккуратности».

В июле 1835 г. разразились революционные волнения в различных частях Испании, в организации и руководстве которых главную роль играли радикальные демократы. Началось с Сарагосы. Здесь восстала гвардия запаса, к которой примкнули городская милиция и широкие массы населения. Были захвачены монастыри Сан-Агустин и Сан-Доминго, были разгромлены дома некоторых раболепных, было убито несколько священников и монахов. Все движение шло под лозунгом «Да здравствует конституция 1812 года!» и носило резко антиклерикальный характер. Правительство пыталось подавить восстание, но не имело успеха. В городе была создана Временная хунта; 11 августа она обратилась к Христине с письмом, в котором требовала смены властей, а также закрытия монастырей и национализации их имущества. В этом любопытном документе имеются, между прочим, следующие строки: «Для того, чтобы религиозный народ вонзил кинжал в грудь тех. кто 20 лет назад был почти предметом культа, нужна была серьезная причина. Такой причиной явилось поведение духовенства в дни кровавой реакции 1823 года»[51].

Здесь мы находим ключ к антиклерикализму городских масс, так ярко выявившемуся в революционных движениях эпохи первой карлистской войны.

В конце июля еще более грозные события разыгрались в Каталонии. И здесь главное раздражение масс было направлено против церкви и духовенства: громили монастыри, убивали монахов и священников. 25 июля в Барселоне начались пожары. Против повстанцев были двинуты войска, но они перешли на сторону народа. Возникла Вспомогательная хунта, ставшая временным правительством каталонских провинций. И здесь движение шло под лозунгом конституции 1812 года, хотя радикальные демократы Каталонии вкладывали в это понятие совершенно новый смысл. В листовках, распространявшихся среди барселонских повстанцев, находим такие строки: «Наш девиз — конституция или смерть!" Конституция означает: долой полицию! Долой городские пошлины! Долой налоги, гнетущие бедняков! Конституция принесет нам счастье и даст благосостояние тем, кто в настоящее время своей работой едва может обеспечить себе кусок хлеба»[52].

Эти слова, являющиеся предвосхищением лозунгов английских чартистов[53], свидетельствовали о том, что испанские демократы сделали новый шаг в своем развитии по сравнению со второй революцией.

15 августа восстала столичная милиция, поддержанная некоторыми военными. Она обратилась к Христине с петицией, в которой, соблюдая все тонкости феодально-монархического этикета, писала: «Городская милиция, заинтересованная в поддержке трона вашей дочери и свободных учреждений, от имени нации умоляет ваше величество соблаговолить...»

И дальше шли 10 пунктов, сводившихся к требованию смены правительства, немедленного созыва кортесов, демократизации избирательного права, укрепления местного самоуправления, обеспечения свободы печати, переименования милиции из городской в «национальную» и т.д.

Во второй половине августа поднялись Валенсия, Малага, Кадис, Галисия, Эстремадура. Везде возникали местные революционные хунты и выдвигалось требование конституции 1812 г. Христина была в отчаянии и просила Англию и Францию о помощи. Обе державы, как мы знаем, во исполнение договора четырех держав, отправили в Испанию небольшие воинские соединения, которые сыграли ничтожную роль в операциях против карлистов и еще меньшую в борьбе Христины с либералами.

Тогда регентша, не видя иного выхода из тупика, сделала сенсационный шаг, больше

---

51 M.Lafuente. Historia general de Espana, т.20, стр.223.

52 M.Lafuente. Указ.соч., стр.207.

53 Хартия (по-английски «чартер» — отсюда и самое имя «чартисты»), выдвинутая революционно настроенными английскими рабочими в 1836 г., требовала реформы парламента, всеобщего избирательного права, тайного голосования и т.д. Формально это была чисто политическая программа. Однако по существу чартизм был не столько политическим, сколько социальным движением. Он питался страшной нищетой трудящихся масс, нищетой, обусловленной бесчеловечной эксплуатацией капитала и высокими ценами на продовольствие в результате проводимого британским правительством аграрного протекционизма. Говоря о политике, чартисты думали об экономическом переустройстве общества. И некоторые из их вождей, например священник Стефенс, прямо заявляли, что «хартия это не политический вопрос, а вопрос ножа и вилки».

напоминавший сцену из средневековой трагедии, чем подлинный факт из истории XIX века: 14 сентября 1835 г. Христина — эта ярая католичка, реакционерка, воплощение всех предрассудков бурбонской традиции — призвала к власти еврейского либерального банкира Мендисабала!

Хуан Альварес Мендисабал (1790—1853), уроженец Кадиса, представляет своеобразную фигуру в испанской политической истории. С молодых лет он вращался в мире торговых и финансовых сделок, поддерживая тесные связи с заграницей, особенно с Англией и Францией. Будучи ловким и искусным «business man», Мендисабал очень скоро стал богатым человеком. Одно время его капитал оценивался в 1 млн. фунтов — сумма по тем временам громадная Параллельно со своими коммерческими операциями Мендисабал занимался также политикой, примыкая к либерально-буржуазному движению своей эпохи. В годы войны за независимость он был добрым испанским патриотом и революционером. В 1819 г. Мендисабал принимал руководящее участие в восстании Риего и Кироги. После поражения второй революции ему пришлось бежать в Англию, где он стал банкиром и откуда продолжал борьбу против Фердинанда VII. Многолетнее пребывание в Лондоне создало Мендисабалу прочные связи в английских деловых и правительственных кругах, а также сделало из него поклонника английской конституции. Его имя было широко известно и среди купцов и банкиров Европы.

Когда после амнистии, объявленной Христиной, Мендисабал вернулся в Испанию, он быстро стал одним из руководителей «прогрессистской» партии. В молодости Мендисабал был радикалом. Недаром в те годы он был связан с Риего. Теперь, спустя 15 лет, большая часть которых к тому же была проведена в буржуазной атмосфере Англии, Мендисабал сильно передвинулся вправо. Он стал довольно типичным представителем европейского среднего сословия и в партии «прогрессистов» занимал место не на ее левом крыле, а скорее в центре, и даже несколько правее Его идеалом были материальное благосостояние страны, оживление коммерческой деятельности, укрепление либерально-буржуазной монархии, ограниченной не слишком радикальной конституцией.

Назначение Мендисабала премьером вначале было встречено с симпатией в самых разнообразных кругах. Умеренные считали его трезвым финансистом, неспособным увлекаться опасными политическими фантазиями; «прогрессисты» видели в нем одного из старейших членов партии с большими заслугами в прошлом; даже радикальные демократы, вспоминая о его роли в восстании Риего, склонны были приветствовать нового главу правительства. Резонанс за границей также был очень благоприятен: правительства Англии, Франции, Португалии смотрели на Мендисабала с надеждой, европейские банкиры — с явным сочувствием. Все это создавало перед его кабинетом как будто бы хорошие перспективы, а вместе с тем сильно повышало его собственную самоуверенность, недостатком которой он вообще никогда не отличался.

Мендисабал начал с того, что сконцентрировал в своих руках максимум власти: из семи портфелей, имевшихся в правительстве, он взял себе три (премьерство, министерство финансов и морское министерство), назначив на остальные четыре (министерства иностранных дел, внутренних дел, юстиции и военное) бесцветных людей, вполне покорных его воле. Затем Мендисабал установил тесный контакт с британским послом в Мадриде Виллье (впоследствии лордом Кларендоном), который стал его главным советником и покровителем. На смену французской ориентации, господствовавшей при Мартинесе де ла Роса и Торено, теперь пришла английская ориентация. Далее Мендисабал приступил к осуществлению своей программы. Она шла по двум главным линиям.

С одной стороны, Мендисабал взял курс на ослабление провинциальных хунт путем подчинения их центральным правительственным властям. Делалось это весьма ловко — не мерами насилия, а с помощью лести, обещаний, уступок и раздувания местных антагонизмов. Параллельно производилась смена людей на командных постах военной и гражданской администрации: Мина стал командующим войсками Каталонии, «прогрессист» Олосага — губернатором Мадрида и т.д.

С другой стороны, Мендисабал энергично проводил политику реформ: были учреждены провинциальные ассамблеи для руководства местными делами; городская милиция была переименована в «национальную» и сильно увеличена в числе; была введена воинская повинность в возрасте 18—40 лет (впрочем, с правом откупа за высокую сумму), давшая армии свыше 100 тыс. солдат; было улучшено снабжение и вооружение войск на фронтах; были вновь отменены майорат и сеньоральные права помещиков. Но самое главное мероприятие, осуществленное Мендисабалом, мероприятие, имевшее действительно историческое значение, состояло в массовой распродаже церковных земель. Правда, подобные попытки бывали уже и раньше — особенно в эпоху первых двух революций, — но каждый раз затем восторжествовавшая реакция аннулировала состоявшиеся сделки, даже без компенсации покупателей, и возвращала конфискованные земли их прежним владельцам. Теперь Мендисабал поставил дело на широкую ногу. Отчуждению подверглись почти все церковные земли; к ним были прибавлены еще общинные земли (bienes depropios). Так как опыт прошлого придавал покупке церковной земли характер рискованной сделки, то цена на землю была установлена низкая. В результате торговля участками

пошла очень бойко. Это имело большое значение. Тем самым Мендисабал сразу убивал нескольких зайцев: шел навстречу антиклерикальным настроениям масс; пополнял пустую государственную казну за счет продажи монастырских имуществ; вносил разложение в карлистские ряды, ибо многие сторонники претендента не могли устоять перед соблазном купить по дешевке церковную землю, а купив, неизбежно переходили в лагерь христиносов.

Все только что перечисленные шаги Мендисабала несомненно шли по пути создания в Испании более благоприятных условий капиталистического развития. Однако в силу экономической отсталости страны здесь не нашлось в то время достаточно сильной буржуазии, которая могла бы обеспечить прочность и длительность его господства. Поэтому очень скоро первоначальная популярность премьера стала блекнуть и против него выступили самые разнообразные личности и группы как справа, так и слева. Большинство «прогрессистов» и все радикальные демократы, позиция которых благодаря развитию массового движения в стране становилась все более прочной, были недовольны умеренностью Мендисабала во многих вопросах и, прежде всего, в вопросе о подготовлявшейся реформе конституции. Особенно резко протестовали хунты Кадиса и Севильи. С другой стороны, Христина, с трудом подписавшая антиклерикальные декреты своего премьера, считала Мендисабала «революционером» и искала случая поскорее отделаться от «этого еврея». Придворная камарилья поспешила открыть против Мендисабала кампанию злопыхательства и клеветы, широко используя его национальность. Когда некоторые финансовые мероприятия, с помощью которых Мендисабал рассчитывал оздоровить бюджет, не принесли ожидаемых результатов, Христина решила, что настал желанный момент, и 15 мая 1836 г. премьеру пришлось уйти в отставку. Христина думала, что теперь уже можно покончить с «левыми маневрами» и вернуться на столь дорогую ее сердцу консервативную дорожку. Новым премьером был назначен Истурис — когда-то либерал, а теперь махровый реакционер и член партии умеренных. Кортесы были распущены. Национальная милиция Мадрида разоружена. Либеральные генералы и администраторы уволены. На людей передового образа мыслей начались гонения.

Но Христина делала счет без хозяина. В Арагоне, Каталонии, Андалусии, Эстремадуре и других местах вновь вспыхнули восстания с требованием провозглашения конституции 1812 г. Мина в Каталонии пошел даже дальше и просто объявил эту конституцию основным законом страны. В Сарагосе была образована революционная хунта. Страна не хотела мириться с реакционными происками Христины, и очень скоро это общее настроение весьма драматически заявило о себе в стенах самого королевского дворца.

На лето Христина вместе с двором выехала в летнюю резиденцию испанских монархов Ла Гранха. Для охраны здесь был расквартирован небольшой гарнизон под командой ярого монархиста графа Сан-Романа. Однако младшие офицеры и сержанты гарнизона примыкали к левым партиям и вели революционную пропаганду среди солдат. 13 августа 1836 г. под звуки «Гимна Риего» гарнизон собрался перед дворцом и провозгласил конституцию 1812 г. с Изабеллой в качестве конституционной королевы и Христиной в качестве регентши. Солдаты избрали депутатов в составе двух сержантов и одного рядового и потребовали свидания с Христиной. Регентше пришлось подчиниться. От имени депутации выступил молодой сержант Александр Гомес. Приклонив сначала колена и поцеловав руку Христины, Гомес затем произнес горячую речь, в которой обрушился на Христину за ее реакционную антинародную политику и за отказ признать, несмотря на всеобщее желание, конституцию 1812 г. Христина пыталась уклониться от прямого ответа на требования депутации, но последняя твердо стояла на своем. Гарнизон окружил дворец и громкими кликами поддерживал своих выборных. Тогда Христина поняла, что ее положение безвыходно, и тут же, перед лицом депутации подписала декрет о провозглашении конституции 1812 г. В связи с событиями в Ла Гранха волнения вспыхнули в Мадриде, где толпа народа убила командующего столичным гарнизоном генерала Кесада. В такой обстановке Христине пришлось быстро «перестроиться»: Истурису была дана отставка, и 15 августа премьером стал «прогрессист» Калатрава. Два дня спустя состоялся торжественный въезд всей королевской семьи в Мадрид. В свите, сопровождавшей Христину и Изабеллу, рядом с военным министром ехал сержант Гомес. Так Христина под давлением неумолимой логики событий вынуждена была сделать еще один шаг влево.

Новое правительство Калатрава ввело в действие законодательства 1820—1823 гг., восстановило национальную милицию столицы, пустило в продажу еще остававшуюся часть монастырских земель, закрыло ряд религиозных орденов и других католических организаций, конфисковало драгоценности храмов, отменило десятину, сократило количество духовенства. В конце 1836 г. была официально признана независимость государств испанской Америки. Особенный интерес представляло земельное законодательство правительства Калатравы: оно требовало от всех помещиков, располагавших сеньориальными правами (т.е. от наследственных феодалов), предъявления документов на право владения землей, причем самый факт владения «с незапамятных времен» не считался достаточным основанием для владения. При строгом проведении в жизнь этого закона большинство крупных помещиков должны были бы потерять свои

земли, что имело бы своим последствием почти полную ликвидацию феодализма в Испании. Землевладельческий класс сразу же ощетинился против Калатравы: проиграв позицию в сфере законодательства, он взял реванш в области административно-судебной. Трибуналы, которым было поручено осуществление закона на практике, почти везде сочувствовали помещикам и, со своей стороны, приняли все меры к тому, чтобы в деревне все осталось по-старому. А «прогрессисты», сидевшие в правительстве, — типичные представители мелкобуржуазной половинчатости, — не нашли ни воли, ни энергии для того, чтобы добиться фактической реализации своих аграрных мероприятий.

В результате эта первая попытка уничтожения феодализма осталась только на бумаге, однако самый факт издания подобного закона свидетельствовал о растущем давлении со стороны масс.

Правительство Калатравы созвало также, на основе конституции 1812 г., учредительные кортесы, которые 27 апреля 1837 г. приняли новую конституцию, являвшуюся известным компромиссом между конституцией 1812 г. и «Королевским статутом» 1834 г.: избирательный ценз в нижнюю палату сильно уменьшался и депутаты выбирались прямым голосованием по расчету два депутата на 50 тыс. жителей; сенат назначался королем из числа лиц, представленных ему выборными коллегиями; он менялся по третям при каждых новых выборах; король сохранял абсолютное вето и право созыва, отсрочки и роспуска кортесов, но если кортесы не были созваны королем до 1 декабря данного года, они могли собраться самостоятельно. По вопросу о религии и конституции было сказано: «Нация обязывается сохранять католическую веру, исповедуемую испанцами, и содержать ее служителей».

Таким образом, в этом важнейшем для Испании вопросе не произошло никакого сдвига с позиций 1812 г.

Как видим, конституция 1837 г. совсем не отличалась радикализмом. Напротив, она представляла несомненный шаг назад по сравнению с творением кадисских кортесов и являлась скорее победой умеренных, чем «прогрессистов». Если тем не менее правительство Калатравы и «прогрессистское» большинство учредительного собрания сочли возможным пойти на ее принятие, то это объяснялось не только тактическими соображениями, диктовавшимися военной обстановкой, но и процессами внутреннего перерождения, происходившими в рядах партии «прогрессистов». Многие ее руководители — особенно из числа эмигрантов — вдохновлялись теперь не образцами революции 1789 г., под влиянием которых находились кадисские законодатели, а следовали примеру тех умеренно-буржуазных режимов, которые в посленаполеоновскую эпоху утвердились в Англии, Франции и Бельгии.

Конечно, конституция 1837 г. не могла удовлетворить левое крыло «прогрессистов», а тем более радикальных демократов, представлявших городскую бедноту. В итоге произошло углубление раскола между основной массой «прогрессистской» партии и крайней левой политического фронта. Больше того, у радикальных демократов теперь появилось открыто республиканское крыло. В середине 1837 г. в Барселоне и Реусе (Каталония) вспыхнули даже небольшие республиканские восстания. В дальнейшем республиканское движение стало крепнуть, это проявлялось в создании республиканской печати. В Мадриде под редакцией Олаварриа был создан орган «El Huracan» («Ураган»), в Барселоне возник «El Republicano» («Республиканец»), редактором которого был Альдон Террадас. Значительные республиканские группы появились в Валенсии и Севилье. Для характеристики настроений, господствовавших в этой новой партии, достаточно привести следующую выдержку из программы только что названного «El Repubicano»: «Если народ хочет завоевать свои права, он должен взять в руки оружие с возгласом: Да здравствует республика! Он должен уничтожить всех, кто поднимает против него оружие. Он должен уничтожить все, что сопротивляется его воле и на чем покоится нынешняя система,— кортесы, трон, министры, трибуналы...»[54]

Все описанные события имели большое значение в ходе и развитии первой карлистской войны. Несмотря на отмеченные выше минусы и дефекты, политика, проводившаяся в лагере Христины, представляла собой гораздо более высокий и прогрессивный тип политики, чем то, что испанскому народу мог предложить дон Карлос.

В самом деле, правительства претендента точно нарочно задавались целью вызывать в массах негодование или отчаянье. Сначала премьером у дон Карлоса был граф де Пен-Вильемур — француз по происхождению, ярый легитимист и реакционер, прошедший школу мракобесия в войсках монархических коалиций эпохи французской революции и Наполеона. Затем этот пост был занят Крус Майором — горячим энтузиастом католического засилия и средневековых порядков. Так как Майор не пользовался достаточным авторитетом среди карлистов, то в конце концов премьером был назначен известный политик и писатель Хуан Баутиста Эрро. При всем консерватизме своих убеждений Эрро понимал, что дело дон Карлоса обречено на гибель, если его политика будет ограничена примитивным призывом к восстановлению чистого абсолютизма и

54 F.Pi-y-Margall. Las grandes conmociones politicas en Espana, стр.266.

церковной гегемонии. Поэтому Эрро делал отчаянные попытки модернизировать карлистское движение и даже заставил однажды претендента опубликовать манифест с обещанием созыва кортесов после одержания победы. Однако гранды и епископы, окружавшие дон Карлоса, восстали против «опасных идей» премьера, их горячо поддержала камарилья и... ничто в карлистском лагере не изменилось. До самого конца лагерь претендента остался в сознании широких масс испанского народа, как мрачное привидение средневекового прошлого, по сравнению с которым лагерь Христины являлся образцом прогресса и свободомыслия. Именно этим объяснялся тот факт, что 12 сентября 1837 г. Мадрид отказался открыть ворота перед дон Карлосом. Именно здесь крылась одна из важнейших причин конечного поражения карлизма.

Однако как раз та самая неудача претендента под столицей, которая положила начало развалу карлистского движения, послужила толчком для оживления реакционных происков в лагере христиносов. В конце 1836 г., сразу после восстания гарнизона в Ла Гранха, взбешенная Христина сделала попытку примириться с дон Карлосом. Используя посредничество неаполитанского двора, она предложила ему уже упоминавшийся выше компромисс: сын дон Карлоса граф Монтемолин женится на королеве Изабелле по достижении ею совершеннолетия, и на базе этого соглашения немедленно прекращается гражданская война. Однако проект Христины был отвергнут претендентом.

Военное положение в тот момент было благоприятно для карлистов: генерал Гомес только что закончил свой удачный рейд в тыл христиносам; дон Карлос усиленно готовился к походу на Мадрид, с которым он связывал большие надежды; главное же, феодально-церковные круги, поддерживавшие дон Карлоса, категорически возражали против соглашения с Христиной, которое, как всякий компромисс, грозило лишить их части плодов от казавшейся столь близкой победы. В результате из попытки Христины ничего не вышло, и гражданская война продолжалась с неослабевающим ожесточением. Однако 1837 год по причинам, о которых речь была выше, принес карлистам жестокое разочарование. Неудача под Мадридом предопределила их конечное поражение. И, хотя до конца войны было еще далеко, Христина после 12 сентября почувствовала, что самое худшее миновало и что опасность для трона Изабеллы исчезла или по крайней мере сильно ослабела. Это сознание подействовало на регентшу и на камарилью, как живительный эликсир. Реакция вновь подняла голову и перешла в контрнаступление. В течение последующих трех лет она сделала попытку взять реванш за свои поражения, понесенные в 1834—1837 гг., и «по кусочкам» аннулировать все те уступки, которые ей пришлось сделать в период высшего подъема революционной волны.

Правительство «прогрессиста» Калатравы было отправлено в отставку. За ним последовали четыре других правительства — одно правее другого. Это были кабинеты Бардахи (август—сентябрь 1837 г.), Офалья декабрь 1837 г. — сентябрь 1838 г.), герцога Фриас (сентябрь—декабрь 1838 г.) и Алаикса (декабрь 1838 г. — сентябрь 1839 г.).

Общая линия всех названных правительств сводилась к стремлению повернуть колесо истории назад. Был повышен избирательный ценз и заложены основы той выборной «машины», которая специализировалась на фальсификации воли населения. Эта «машина», все больше совершенствовавшаяся на протяжении последующих десятилетий (о чем речь, будет ниже), тогда находилась еще в младенчестве. — Однако она сумела обеспечить консервативное большинство в кортесах при выборах 1837—1840 гг. Когда же в середине 1839 г. избирательную победу одержали «прогрессисты», та же «машина» позаботилась о роспуске неудобных кортесов, прежде чем они успели приступить к работе.

Далее, был издан закон, направленный против свободы печати, и начата ревизия прежних законов, направленных против церкви. Правительство восстановило десятину и стало всячески саботировать распродажу конфискованных церковных земель. Была, наконец, сделана попытка создать вооруженную силу, на которую реакция могла бы целиком положиться. Так как эта попытка связана с именем генерала Нарваеса, который сыграл в дальнейшем крупную роль в политической истории страны, то здесь будет уместно остановиться несколько подробнее на характеристике этого главного соперника Эспартеро.

Рамон Нарваес (1800—1868), в противоположность плебею Эспартеро, был отпрыском старинной аристократической семьи из Гранады. Всеми своими корнями он уходил в помещичий класс. Подобно Эспартеро, Нарваес рано вступил в армию, но благодаря происхождению и связям сделал свою военную карьеру много легче и быстрее, чем его конкурент. Свои лавры Нарваес завоевал в карлистской войне. Удачные операции против генерала Гомеса и против Кабреры доставили ему военный престиж и политическое влияние. Двор обратил на него внимание и стал постепенно выдвигать, как потому, что хотел иметь известный противовес Эспартеро, так и потому, что Нарваес с ранних лет был убежденным консерватором, — правда, не абсолютистом, а из числа умеренных, — но настоящим, добротным консерватором, готовым не за страх, а за совесть защищать основы феодально-помещичьего строя. Лучшим доказательством тому могла служить необычайная жестокость Нарваеса в борьбе с противниками этого строя, особенно в борьбе с массами. Нарваес не раз заявлял, что для управления страной прежде всего нужны кулак

палка. Он всегда был верен этому принципу и, как увидим ниже, дал тому неоспоримые доказательства в период своего политического господства. Рассказывают, что когда на смертном одре священник спросил Нарваеса, не хочет ли он простить своим врагам, бравый генерал ответил: «У меня нет врагов — я их всех расстрелял». Если тем не менее Нарваес иногда любил называть себя либералом, то это являлось не больше, как тактическим маневром, ибо, опять-таки не в пример Эспартеро, Нарваес был весьма ловким политиком, умевшим сочетать влияние при дворе со связями среди широких кругов буржуазии. И сердце, и голова Нарваеса были в полном согласии, служа делу феодально-помещичьего класса, и если у него иногда выходили конфликты с двором, то это объяснялось, с одной стороны, властно-нетерпимым характером Нарваеса, а с другой стороны, дикими сумасбродствами королевы и ее камарильи. Впрочем, такие конфликты никогда не носили серьезного характера и быстро изживались к взаимному удовлетворению.

Вот этому-то человеку в середине 1838 г. было поручено очистить Ла Манчу от карлистских банд. Правительство не могло оказать Нарваесу почти никакого содействия в выполнении поставленной перед ним задачи; у правительства не было ни войск, ни денег. Однако Нарваес проявил большую энергию и, используя свои личные связи в Андалусии, сумел в короткое время создать 12-тысячный корпус и с его помощью очистить Ла Манчу от противника. Правда, эту операцию он осуществлял такими методами, что мрачная память о нем сохранялась здесь еще полвека спустя, но все-таки дело было сделано. Это еще больше подняло Нарваеса в глазах Христины и камарильи, и они решили дать ему дальнейший ход. Декретом от 23 октября 1838 г. Христина поручила Нарваесу формирование резервной армии в 40 тыс. человек. Официальным предлогом для этого было желание с помощью дополнительных сил ускорить окончание карлистской войны, но действительной причиной являлось стремление уравновесить влияние Эспартеро путем создания крупных войсковых соединений, находящихся под командой консервативного генерала.

Однако эта вылазка реакции кончилась неудачей. Эспартеро, возглавлявший в то время северную армию, выступил решительным противником плана Христины. Между Эспартеро и Нарваесом возник острый конфликт, в котором элемент политический тесно переплетался с элементом личным. Политически Эспартеро и Нарваес были естественными противниками, как воплощение двух различных полюсов тогдашней классовой борьбы. Персонально они были жестокие соперники за влияние в армии и в стране. Протест Эспартеро был поддержан рядом других командиров, в особенности тех, кто являлся его соратниками по Южной Америке и входил в так называемую группу «Аякучо»[55].

Под давлением Эспартеро Христина вынуждена была уступить, и 31 октября дала Нарваесу отставку. Это, однако, не удовлетворило Эспартеро. Когда в конце того же 1838 г. Нарваес оказался замешанным в антиправительственном пронунсиаменто, вспыхнувшем в Севилье, Эспартеро категорически потребовал предания его суду за измену. Правительство, не желая вступать в конфликт с могущественным генералом, исполнило его желание. Так как в исходе разбирательства при сложившихся обстоятельствах не могло быть сомнения, то Нарваес предпочел бежать во Францию, поклявшись в вечной ненависти к своему врагу. В результате планы реакции о создании контрреволюционной армии не осуществились и ей пришлось поэтому продолжать свою игру с известной осторожностью.

Только в 1840 г., уже после окончания карлистской войны, реакция осмелилась поднять руку на главную твердыню тогдашней испанской демократии — на местное самоуправление. Это имело чрезвычайно важное значение: муниципалитеты и провинциальные собрания обычно находились в руках «прогрессистов» и других передовых группировок. Муниципалитеты и провинциальные собрания формировали национальную милицию, в которой руководящую роль опять-таки играли левые элементы. А ведь национальная милиция, как мы знаем, за годы карлистской войны превратилась в серьезную военно-политическую силу. Если реакция хотела вновь стать господином положения, она должна была нанести смертельный удар местному самоуправлению. И она попыталась это сделать.

В начале 1840 г. в кортесы был внесен проект нового муниципального закона, который, во-первых, сильно повышал избирательный ценз и, во-вторых, вводил вместо выборных городских голов назначенцев правительства. Цель закона была ясна: отдать муниципалитеты во власть богатым и превратить их в послушный инструмент центральной администрации. Ободренные своими успехами в течение двух предшествующих лет, Христина и камарилья надеялись на победу. Однако они еще раз составляли счет без хозяина. Народ, на усталость и равнодушие которого реакционеры делали ставку, вновь показал, что он еще полон революционной энергии.

Обсуждение в кортесах муниципального закона вызвало бурю негодования в стране. «Прогрессисты» и радикальные демократы открыли широкую кампанию против закона и против двора. Звезда республиканизма стала быстро всходить над горизонтом. Принцип монархии

---

55 По имени той битвы под Аякучо (9 декабря 1824 г.) в Перу, которая стала могилой испанского колониального господства.

атаковали не только такие органы, как «El Uracan» и «El Republicano», но и гораздо более умеренные газеты. В свою очередь Христина и придворная камарилья при поддержке умеренных кричали об «анархии» и «самоуправстве», якобы грозящих гибелью государству, и требовали «обуздания» революции. Обе стороны апеллировали к Эспартеро — после окончания карлистской войны самому могущественному человеку в Испании. И Эспартеро, до сих пор старавшийся сохранить свободные руки в области политики, на этот раз выступил вполне определенно: он поддержал левых.

5 июня 1840 г. консервативное большинство кортесов приняло муниципальный закон. Вслед за тем Эспартеро, только что закончивший разгром Кабреры, торжественно вступил в Барселону, население которой встретило его бурными овациями. 27 июня состоялось свидание Эспартеро с Христиной, находившейся в это время на одном из каталонских курортов. Эспартеро настаивал на том, чтобы Христина отказалась санкционировать принятый кортесами муниципальный закон. Он требовал также смены правительства. Христина уклонилась от каких-либо связывающих обещаний и в течение следующих двух недель лавировала, стараясь переубедить Эспартеро. Но Эспартеро оставался непоколебимым. Тогда Христина сделала решительный шаг: 14 июля она подписала доставленный ей текст муниципального закона.

Это означало полный разрыв между Эспартеро и Христиной, а вместе с тем и начало бурного народного движения в различных концах страны. На следующий день, 15 июля, Эспартеро демонстративно сложил с себя все должности и звания, но остался во главе армии. В Барселоне и Мадриде вспыхнули восстания, поддержанные в ряде других городов. Муниципалитет и национальная милиция столицы отказались признать новый закон о самоуправлении. Губернатор Мадрида был арестован, начальник гарнизона смещен и выслан. Возникла революционная хунта во главе с Калатравой, Сан-Мигелем и генералом Родилем, которая обратилась к народу с манифестом, резко заостренным против Христины. Мадридская хунта вступила в сношения с многочисленными хунтами, создавшимися в провинциальных городах и даже многих деревнях. Революционная волна вновь взметнулась высоко, и планы реакции оказались битыми.

Перепуганная Христина бежала вместе с 10-летней Изабеллой из Барселоны в Валенсию, где войсками командовал генерал О'Доннель, обещавший ей свою защиту. Отсюда Христина дала Эспартеро приказ двинуться против Мадрида для подавления революции, но Эспартеро отказался выполнить это распоряжение. 11 сентября Христина предложила Эспартеро образовать правительство. Столичная хунта также призывала Эспартеро стать во главе движения, выдвигая следующие требования: 1) королева должна публично заклеймить своих предателей-советников и полностью сменить свое окружение; 2) муниципальный закон должен быть аннулирован; 3) кортесы должны быть распущены, после чего должны быть произведены новые выборы; 4) народ не должен разоружаться впредь до осуществления этой программы[56]. Эспартеро согласился и стал во главе исполнительной власти.

Но движение уже перешагнуло первоначальные рамки, и теперь со всех сторон неслось новое требование — смены регентства. Народ больше не хотел мириться с пребыванием Христины на троне, окончательно скомпрометировавшей себя реакционными интригами, и впредь до совершеннолетия Изабеллы желал видеть во главе государства другое лицо. Голос масс был настолько силен и находил столь недвусмысленное выражение, что даже Христина вынуждена была его услышать: она объявила о своем отречении от престола и 17 октября 1840 г. покинула Испанию.

ДИКТАТУРА ЭСПАРТЕРО

В истории редко бывают случаи, когда перед вновь образовавшейся властью открываются столь благоприятные перспективы, как те, которые, казалось, лежали перед правительством Эспартеро.

Мощная волна народного движения только что нанесла тяжелый удар силам феодально-церковной реакции. Христина была ею сметена, Изабелла была еще ребенком. Трон фактически был пуст и не мог играть роль вождя и организатора контрреволюции. Помещики и духовенство временно притихли Большая часть армии шла за Эспартеро. Его престиж был необычайно велик — не только в армии, но и в широких демократических массах. Вокруг него сгруппировались наиболее талантливые из вождей «прогрессистов» — Олосага, Кортина, Лопес, Фермин Кабальеро. Их поддерживала многочисленная и активная партия либеральной и либерально-демократической буржуазии. С известным сочувствием к Эспартеро относились также радикальные демократы и республиканцы. Все как будто объединилось для того, чтобы обеспечить успех новой власти. И однако трехлетнее господство Эспартеро оказалось жалким фиаско! Почему?

Буржуазные историки обычно объясняют эту неудачу личными качествами Эспартеро, теми

56 M.Lafuente. Historia general de Espana, т.22, стр.61.

недостатками его натуры и воспитания, на которые мы указывали выше. Слов нет, они сыграли свою роль в судьбах новой власти, — однако не тут лежала главная причина ее политического банкротства. Главная причина заключалась в том, что в силу экономической и социально-политической отсталости Испании в ней не нашлось в описываемый период тех социальных элементов, из которых могла бы сложиться достаточно прочная, сильная и целеустремленная демократическая партия. А отсутствие такой партии оказывало разлагающее влияние на всю политическую атмосферу страны и, конечно, на самого Эспартеро. Лишенный дисциплинирующего воздействия подобной организации, Эспартеро — человек путаных взглядов и неуравновешенных эмоций — легко покатился по наклонной плоскости, услужливо подставляемой ему умными врагами и неумными друзьями.

Характеризуя Эспартеро, К.Маркс говорит. «Он окружил себя чем-то вроде камарильи, по внешности действуя, как военный диктатор, в сущности же не пытаясь возвыситься над уровнем обычного конституционного короля»[57].

С другой стороны, партия «прогрессистов», как типично мелкобуржуазная партия в отсталой стране, оказалась слишком рыхлым, шумливым и неустойчивым образованием, неспособным вести хорошо продуманную, принципиальную борьбу за свои идеалы. Личности играли в ней непропорционально большую роль, дробление и группировки были повседневным явлением; склонность к гнилым компромиссам носила слишком опасный характер. Конечно, такая партия не могла держать в узде привыкшего командовать генерала и давать твердую линию его правительству

В результате и Эспартеро, и партия «прогрессистов» с невероятной быстротой растратили тот политический капитал, с которым они пришли к власти в конце 1840 г., а некоторыми своими актами даже содействовали победе контрреволюции. В особенности важную роль сыграло то обстоятельство, что в силу указанных причин новая власть сделала очень мало для юродской демократии и ровно ничего для крестьянства.

Остановимся на некоторых основных фактах описываемого периода.

В момент отречения Христины Эспартеро был главой только что сформированного революционного правительства. Теперь нужно было назначить нового регента. Во избежание лишних трудностей и осложнений было решено временно возложить эту функцию на главу правительства, т.е. на того же Эспартеро. Такое переходное состояние продолжалось около семи месяцев.

В марте 1841 г. были произведены муниципальные и парламентские выборы. В противоположность установившейся при Христине практике Эспартеро предоставил населению действительную свободу голосования. Никакого давления на избирателей со стороны правительственного аппарата не было. Тем не менее исход выборов оказался чрезвычайно благоприятен для левых партий. В городские самоуправления везде попали сторонники «прогрессистов» и радикальных демократов. В кортесах у «прогрессистов» было подавляющее большинство. Правая оппозиция почти отсутствовала. Достойно замечания, что на скамьях парламента впервые появились три депутата-республиканца — Олаварриа (редактор «El Uracan»), Усаль и Мендес Виго — и что в каталонском городе Фигерас республиканец Абдон Террадас (редактор барселонской газеты «El Republicano») был избран мэром.

Одним из первых вопросов, который встал перед новыми кортесами, было назначение постоянного регентства. Около этого вопроса сразу же возгорелась острая борьба. Среди «прогрессистов» обнаружилось три течения: одни высказывались за единоличное регентство; другие — за регентство, состоящее из трех лиц; третьи — за регентство, состоящее из пяти человек. Споры и дискуссии между сторонниками различных взглядов заняли два месяца; борьба велась жаркая, причем сам Эспартеро, которому власть и успех сильно ударили в голову, не всегда проявлял достаточно сдержанности; еще более бестактно вела себя его военная камарилья, состоявшая главным образом из «Аякучо», — ее поведение навлекло на Эспартеро обвинение в стремлении к личной диктатуре. В конечном счете, однако, при содействии Олосага и Кортина, в этот период еще поддерживавших Эспартеро, кортесы высказались за единоличного регента. Однако большинство в пользу такого решения было весьма незначительное: 151 против 138 (в голосовании участвовали члены обеих палат кортесов). Когда затем встал вопрос о личности регента, то мнения депутатов опять разделились - Эспартеро получил 179 голосов, Агустин Аргуельес — 103, Христина — пять. Таким образом, Эспартеро был избран регентом, однако весь ход борьбы около данной проблемы ясно обнаружил первые симптомы разложения новой власти.

Конечно, реакционные силы тогдашней Испании и Европы встретили избрание Эспартеро в штыки. Он был в их глазах воплощением революции, и против него сразу же началась ожесточенная борьба. Во главе этой борьбы стала Христина. Едва доехав до Марселя, изгнанная регентша обратилась ко всем европейским дворам и к испанскому народу с манифестом, в котором мелодраматически протестовала против действий Эспартеро и его правительства: она

57 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х, стр.690.

обвиняла их в жестокости и несправедливости по отношению к ней самой и к малолетней королеве Изабелле. В Париже Христина нашла радушный прием и полное сочувствие у французского короля Луи Филиппа, который с этого времени сделался усердным покровителем — политическим и финансовым — различных планов испанской реставрации. Газета «Debate» стала лейб-органом бывшей регентши. К Христине примкнул находившийся тогда во Франции генерал Нарваес. Вместе они превратились в кристаллизационный центр для всех элементов, мечтавших об испанской контрреволюции. Отсюда шли нити политических заговоров и военных интриг против Эспартеро. В частности, рука Христины сыграла свою роль в выступлении папы Григория XVI (март 1841 г.) со специальной буллой против испанского правительства, где он объявил незаконными все антиклерикальные акты (включая секуляризацию церковных имуществ), проведенные в Испании со дня смерти Фердинанда VII. В июле того же 1841 г. Христина адресовала кортесам формальный протест против «насильственных действий», принудивших ее к отречению, и разослала этот протест иностранным державам. В сентябре 1841 г. генерал О'Доннель, при содействии Луи Филиппа, поднял в Памплоне военный мятеж против Эспартеро, но потерпел неудачу, не встретив сочувствия у солдат и унтер-офицеров. Несколькими неделями позже, в октябре 1841 г., генерал Конча сделал попытку похитить 11-летнюю королеву, но был отбит отрядами национальной милиции. О'Доннель и Конча также бежали во Францию и присоединились к Христине и Нарваесу. Ряд других генералов, в том числе Дьего Леон, Павиа, Песуэла, Фриас и другие, открыто перешли на сторону контрреволюционеров, стремясь к ниспровержению правительства Эспартеро. Было совершенно очевидно, что реакция не хочет примириться со своим поражением и будет изыскивать все новые и новые средства для восстановления своего господства.

В такой обстановке Эспартеро мог рассчитывать на закрепление своей власти лишь путем консолидации и объединения всех прогрессивных сил страны, для чего требовалась энергичная и последовательная политика либерально-демократических реформ.

Сделал ли он это? Нет, не сделал. Правительства, которые назначал Эспартеро (их было четыре), отличались крайней слабостью и бесцветностью. Боясь соперников, Эспартеро не хотел выдвигать крупные политические фигуры. Такие правительства, конечно, не могли сделать и действительно не сделали ничего замечательного. Меры, принятые Эспартеро в период своего господства, в основном сводились к следующему: была расширена и укреплена национальная милиция, а регулярная армия сокращена с четверти миллиона до 150 тыс. человек; была возобновлена продажа церковных земель, перед тем приостановленная последними правительствами Христины; были улучшены местные финансы и отменены устарелые законы о собственности на дома; были обещаны платежи по государственным долгам. К этому надо прибавить персональные смены на руководящих административных и военных постах, а также радикальную чистку окружения королевы: опекуном ее теперь стал Агустин Аргуельес, наставником — известный поэт Кинтана, гувернанткой — вдова славного вождя герильерос Мина. Вот в сущности и все, что было сделано Эспартеро за три года его регентства. Ни одного действительного шага вперед! В лучшем случае только восстановление и сохранение народных завоевателей эпохи карлистской войны.

Эта пассивность в области внутриполитической дополнялась недостаточной самостоятельностью в сфере внешней политики. Правда, отношения регентства с Францией сильно обострились в связи с поддержкой, оказываемой Луи Филиппом испанским контрреволюционерам. Но зато Англия опять, как во времена Мендисабала, стала хозяином в испанских делах. Британский посланник в Мадриде — все тот же Вилье (лорд Кларендон) — стал главным советником Эспартеро, указания которого он беспрекословно выполнял. Постепенно Эспартеро попал совершенно в английскую орбиту, и К.Маркс не без основания называл его «представителем британских интересов в. Испании». К концу пребывания Эспартеро у власти правительство Пиля вступило с ним в переговоры о предоставлении английским купцам особых привилегий в Испании, однако по причинам, о которых речь будет ниже, они не были доведены до конца.

При таких условиях неудивительно, что первоначально столь крепкие позиции Эспартеро стали быстро слабеть. Уже при голосовании вотума доверия первому правительству Эспартеро, возглавлявшемуся Антонио Гонсалесом (май 1841 г. — июнь 1842 г.), «прогрессистская» партия раскололась: часть голосовала против правительства. Год спустя уже почти вся «прогрессистская» партия, недовольная самовластием и бездеятельностью Эспартеро, была в оппозиции к нему. Однако, разбившись сама на три почти равновеликие группы, возглавляемые Олосага, Кортиной и Лопесом, эта партия сильно ослабила свои возможности воздействовать на диктатора. Она, правда, вынудила к отставке правительство Гонсалеса, но не смогла предупредить назначение на его место нового, столь же бесцветного правительства генерала Родиля (июнь 1842 г. — май 1843 г.), которое продолжало ту же политику.

Беда была, однако, не только в том, что Эспартеро не шел вперед от конституции 1837 г., — большее значение имело то обстоятельство, что в своей практической деятельности он стал все

больше отходить от либерально-демократических принципов, защита которых привела его к власти.

Началось дело с басков. Так как вышеупоминавшийся мятеж О'Доннеля происходил на севере, в бывших карлистских районах, Эспартеро в порядке репрессий отменил старинные «фуэрос» (вольности) баскского народа. Это был очень близорукий шаг: он не только восстановил против правительства Басконию, но и посеял семена подозрительности в Каталонии, где приверженность к национальной автономии имела во всяком случае не менее глубокие корни, чем у басков.

Очень скоро эти семена вызрели в открытое восстание. С приходом Эспартеро к власти в Барселоне возникла сильная демократическая партия, поставившая на своем знамени требование республики для Испании и местной автономии для Каталонии. Когда в октябре 1841 г. каталонский капитан-генерал Ван-Хален выступил с войсками на север для подавления мятежа О'Доннеля, в Барселоне образовалась местная хунта, глубоко проникнутая республиканско-автономистскими тенденциями. Эта хунта стала действовать, как полунезависимое правительство, и в числе других своих мероприятий приступила к срытию старинных укреплений Барселоны, стеснявших развитие города. Центральные власти опротестовали решение хунты и потребовали восстановления уничтоженных укреплений. На этой почве возник острый конфликт между Барселоной и Мадридом. Слухи о переговорах Эспартеро с Пилем на предмет предоставления привилегий английским купцам только подлили масла в огонь, ибо каталонские текстильщики боялись конкуренции британских товаров. В ноябре 1842 г. в Барселоне вспыхнуло открытое восстание, выдвинувшее требование отставки Эспартеро, установления трехчленного регентства и пересмотра конституции 1837 г. Так как остальная Каталония не поддержала Барселону, то имелась полная возможность урегулировать возникший конфликт мирным путем. Однако Эспартеро в состоянии одного из тех припадков бешенства, которые были свойственны его темпераменту, решил «проучить» Барселону, а вместе с тем показать правым, что он уже вовсе не такой «революционер». Во главе отряда войск он самолично выступил на усмирение каталонской столицы и 3 декабря 1842 г. подверг ее артиллерийскому обстрелу, разрушив свыше 400 домов. Эта бессмысленная жестокость вызвала бурю возмущения в стране и окончательно поссорила Эспартеро со всеми левыми элементами.

Таким образом, теперь против Эспартеро оказались как правые, так и левые. Началось быстрое сближение всех враждебных Эспартеро элементов. «Умеренные и прогрессисты, — писал К.Маркс, — соединились для общей цели — отделаться от правителя»[58].

Создавшаяся ситуация весьма благоприятствовала планам испанских контрреволюционеров и их французских покровителей. В Париже создалось тайное общество «Испанский военный орден» во главе с Нарваесом и О'Доннелем, которое очень быстро пустило глубокие корни среди офицеров и генералов в самой Испании. Аристократия и церковь сомкнулись вокруг этого общества. Правый фланг мобилизовал свои силы и стал открыто готовиться к государственному перевороту. Левый фланг также атаковал Эспартеро, но в парламентской плоскости.

Пытаясь выйти из затруднений, Эспартеро 3 января 1843 г. распустил кортесы. Теперь, во время новых выборов, он пустил полным ходом всю «машину» давления на избирателей, но все-таки потерпел поражение: оппозиция получила больше депутатских мест, чем сторонники диктатора. Для Эспартеро наступил критический момент. Лозунгом правых и левых сделалось требование амнистии. Это означало, что, в случае его осуществления, в Испанию вернутся все военные и гражданские контрреволюционеры, скрывавшиеся за границей, и тогда господству Эспартеро придет быстрый конец. Нетрудно было себе представить, кто в таком случае сменил бы Эспартеро у власти. Тем не менее «прогрессисты» — и тут сказалась их склонность к гнилым компромиссам, о чем речь шла выше, — вступили в блок с консерваторами.

Так как Эспартеро отклонил проект амнистии и даже распустил только что избранные кортесы, то в конце мая 1843 г. начались восстания в Андалусии и Каталонии, причем во главе каталонцев оказался демократический генерал Хуан Прим, е именем которого мы еще не раз встретимся впоследствии. Генералы Нарваес и Конча, покинув Париж, высадились в Валенсии, где были торжественно встречены возникшей здесь провинциальной хунтой спасения. Став во главе возмутившихся против регента частей армии, они быстрыми маршами двинулись на Мадрид. Военные пронунсиаменто вспыхнули в ряде других городов. Почва явно уходила из-под ног Эспартеро. В противоположность решительности и быстроте, с которыми действовали его противники, он сам все время обнаруживал ...беспомощные колебания, гибельные промедления, вялую нерешительность, беспечную слабость[59].

21 июня 1843 г. с остатками верных ему войск Эспартеро покинул столицу и направился на юг, где рассчитывал встретить более широкую поддержку. Он ошибся: престиж регента был настолько подорван, что даже ушедшие с ним из Мадрида войска таяли день ото дня. Эспартеро проделал длинный маршрут: Мадрид — Сьюдад-Реаль — Альбасете — Кордова — Севилья —

---

58 См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х, стр.691.
59 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х, стр.691.

— Кадис, но нигде не находил сочувствия и отклика. Даже Кадис выступил против него.

23 июля Нарваес вошел в Мадрид, а 30 июля покинутый всеми Эспартеро, в сопровождении небольшой группы друзей, сел в порте Санта-Мария на британский военный корабль, который доставил его в Англию, где Пиль и Пальмерстон устроили бывшему диктатору теплую встречу.

Подводя итоги деятельности Эспартеро, К.Маркс писал: «Его милостями пользовались скорее умеренные, чем прогрессисты, которые, за редкими исключениями, не допускались на должности. Не примирив с собою врагов, он постепенно отдалил от себя друзей... За три года его диктатуры революционный дух, в длинной цепи компромиссов, мало-помалу исчезал, а раздоры в прогрессистской партии, никем не сдерживаемые, достигли высшей степени и привели к тому, что умеренные смелым ударом смогли вернуть себе всю власть»[60].

ДИКТАТУРА ГЕНЕРАЛА НАРВАЕСА (1843—1854)

С падением Эспартеро власть перешла к феодально-помещичьим кругам. Еще раз восторжествовала контрреволюция, которая на этот раз, правда, не носила столь зверского характера, как при Фердинанде VII, но которая тем не менее беспощадно душила все проявления либерализма и прогресса.

Расстановка общественных сил в основном была та же, что и раньше. Имелось четыре главных группировки:

1) крайняя правая, возглавляемая двором и камарильей, мечтающая о восстановлении чистого абсолютизма и церковной гегемонии;

2) правая в лице умеренных, опирающаяся на крупное землевладение и стремящаяся к фактическому сохранению абсолютизма под фиговым листочком псевдопарламентаризма;

3) левая в лице «прогрессистов», находящая поддержку главным образом в кругах средней и мелкой буржуазии крупных городов и являющаяся сторонницей ограниченной монархии англо-французского типа;

4) наконец, крайняя левая, в основном представляющая интересы городской бедноты и все определеннее тяготеющая к республиканской форме правления.

Однако после падения Эспартеро в соотношении сил между этими четырьмя группировками произошли весьма существенные изменения. Если раньше перевес был на стороне «прогрессистов» и радикальных демократов, которые, впрочем, как мы видели, плохо умели использовать власть в своих интересах, то теперь перевес был явно на стороне камарильи и умеренных, которые не в пример своим противникам прекрасно знали, что надо сделать для сохранения основ феодально-помещичьего строя. 11 лет, лежащих между падением Эспартеро и началом четвертой революции (1843—1854), были эпохой сплошной политической и социальной реакции, стремившейся задержать ход исторического развития Испании и увековечить в ней господство крупного, экономически отсталого землевладения. Наиболее ярким олицетворением этой тенденции являлся уже известный нам генерал Рамон Нарваес.

В самом деле, хотя из указанных 11 лет только пять приходятся на время, когда Нарваес занимал пост премьера, однако весь названный период находился под знаком его фактической диктатуры. Королевская камарилья, не всегда довольная линией Нарваеса как вождя умеренных, могла иногда позволить себе роскошь самостоятельных политических эскапад; могла иногда сажать своих любимчиков на министерские кресла, могла ссориться с Нарваесом и даже «уходить» его в отставку[61], но все это была лишь пена на поверхности политических вод. Даже тогда, когда Нарваес находился за кулисами, он оставался хозяином в консервативном лагере. В трудные же моменты все консерваторы без различия направления обращались к Нарваесу, как к спасителю. Вот почему все 11-летие, о котором идет речь, нужно считать «эпохой Нарваеса», за события которой он в первую очередь несет политическую ответственность.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
М.: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

60 Там же, стр.690—691.

61 Самый красочный эпизод такого рода разыгрался в конце 1849 г, когда Нарваес уже в течение двух лет занимал пост премьера 20 октября этого года в официальной «Gaceta» совершенно неожиданно было опубликовано, что правительство Нарваеса ушло в отставку и на его место назначено правительство графа Леонардо в составе нескольких никому не известных придворных ничтожеств Ровно через 48 часов в той же «Gaceta» без всяких объяснений появилось сообщение, что правительство графа Леонардо ушло в отставку и его место вновь заняло правительство Нарваеса. В чем было дело? А дело было в том, что придворная камарилья, недовольная высокомерно-презрительным отношением к ней Нарваеса, решила свести с ним счеты. Используя минутное настроение 19-летней Изабеллы, лидеры камарильи добились от нее декрета о смене правительства. Однако возбуждение, вызванное в консервативном лагере этим шагом, было столь велико, что перепуганная Изабелла немедленно взяла свой декрет обратно.

Впрочем, на первых порах Нарваесу пришлось действовать с известными гибкостью и осторожностью. Ниспровержение Эспартеро было произведено консервативно-либеральной коалицией, которую Нарваес из тактических соображений не хотел преждевременно взрывать. Отсюда, прежде всего, вытекало, что когда 23 июля 1843 г было образовано временное правительство, оно состояло преимущественно из «прогрессистов». Главой его был Хоакин Мария Лопес, а среди членов находились Серрано, Фриас, Фермин Кабальеро — все министры одного из последних кабинетов Эспартеро. Зато президентом вновь избранных кортесов, где преобладали умеренные, оказался консерватор Видаль. Фактическим же хозяином положения был Нарваес, и под его влиянием временное правительство начало свою деятельность с ряда крайне реакционных мер: национальная милиция столицы была разоружена, мадридский муниципалитет разогнан, сенат распущен, либеральные генералы смещены и заменены консерваторами.

Далее, встал вопрос о регентстве. Согласно конституции, Изабелла становилась совершеннолетней по достижении 14 лет, т.е. 10 октября 1844 г. До этого момента оставалось еще свыше года, — кто же должен был пока стать регентом? Среди членов коалиции возникли споры и несогласия, грозившие ее преждевременным развалом. Тогда опять вмешался Нарваес, и трудный вопрос был разрешен в духе его указаний: кортесы сделали небольшое насилие над законом, и 8 ноября 1843 г 13-летняя Изабелла была объявлена совершеннолетней. Так эта зловещая для Испании женщина досрочно взошла на трон.

Следующим шагом явилось формирование постоянного правительства, которое теперь, после официального провозглашения королевы, должно было сменить временное правительство Лопеса. Это произошло 20 ноября 1843 г. Новое правительство было еще довольно ярко окрашено в «прогрессистские» цвета: премьером был назначен Олосага, а среди членов находились такие люди, как Серрано, Фриас и др. Однако и тут Нарваес был тем человеком, который, сидя за кулисами, дергал ниточки, приводившие в движение политические марионетки момента. Поэтому, когда Олосага включил в свою программу амнистию, восстановление национальной милиции в столице и подтверждение всех законодательных и административных актов Эспартеро, правые перешли в открытую атаку против премьера. Началась бешеная травля Олосаги, в которой особенно рьяное участие приняла придворная камарилья и которую поддерживало умеренное большинство вновь избранных кортесов. В порядке контратаки Олосага решил распустить враждебные ему кортесы, и с этой целью получил подпись 13-летней королевы под соответственным декретом. Дальше произошло следующее.

«Вечером 28 ноября 1843 года (т.е. через восемь дней после назначения этого правительства. — *И.М.*) — пишет К.Маркс, — декрет был передан Олосаге собственноручно королевой. Вечером 29-го он снова беседовал с нею; но едва он покинул ее, как один из младших статс-секретарей явился к нему на дом, сообщил ему о его отставке и потребовал обратно декрет, к подписанию которого он якобы принудил королеву. Олосага, адвокат по профессии, был слишком тонким человеком, чтобы этим путем попасть в ловушку. Он возвратил документ лишь на следующий день, показав его, по крайней мере, сотне депутатов, с целью доказать, что подпись королевы была сделана ее обычным нормальным почерком. 13 декабря Гонсалес Браво назначенный премьером, вызвал к королеве председателей палат, главных мадридских нотаблей, Нарваеса, маркиза де ла Санта-Круса и других, дабы ее величество могла сделать заявление относительно происшедшего между ней и Олосагой вечером 28 ноября. Невинная крошка-королева привела их в комнату, где она принимала Олосагу, и в целях их осведомления очень живо, но несколько утрированно разыграла маленькую драматическую сцену. Вот так Олосага запер дверь на задвижку, так он схватил ее за платье, так принудил ее сесть, так водил ее рукой, так вынудил ее подпись под декретом, — словом так нарушил ее королевское достоинство... На основании торжественного заявления королевы Олосага подлежал осуждению по обвинению в оскорблении величества, т.е. либо растерзанию на части четырьмя конями, либо, в лучшем случае, к пожизненной ссылке на Филиппины. Но, как мы видели, Олосага принял свои меры. Последовали семнадцатидневные дебаты в кортесах... В суждении кортесов слову Олосаги было придано больше веса, нежели слову королевы. Позже он бежал в Португалию, спасаясь от подосланных к нему убийц».

К.Маркс заканчивает описание этого эпизода словами: «Таков был первый жест Изабеллы на политической сцене Испании и первое доказательство ее честности»[62].

Теперь Нарваес стал играть уже более открыто. После того, как Олосага на десятый день своего премьерства получил столь драматическую отставку, новым главой правительства был назначен Гонсалес Браво, беспринципный авантюрист и негодяй, который раньше примыкал к республиканцам и прославился своими резкими нападками на Христину. О характере этих нападок можно судить по тому, что в 1840 г., в разгар борьбы между Христиной и Эспартеро, он обозвал регентшу в органе «Juirigay» («Жаргон») «блистательной проституткой». Теперь, однако, Гонсалес Браво полностью сменил вехи и готов был всячески «потрафлять» новым хозяевам. За пять

62 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.X, стр.695.

месяцев пребывания у власти (с 5 декабря 1843 г. по 2 мая 1844 г.) Гонсалес Браво проделал большую часть той предварительной грязной работы, которая была необходима для окончательного утверждения диктатуры Нарваеса. Он разоружил национальную милицию по всей стране, аннулировал местное самоуправление, создал гражданскую гвардию, т.е. жандармерию, приостановил продажу церковных земель, отменил награды и чины, пожалованные при Эспартеро, заполнил махровыми реакционерами все командные посты гражданской и военной администрации.

Весной 1844 г. Христина вернулась из своего парижского изгнания и взяла в свои руки ведение дворцовой политики.

Первым шагом ее было дать отставку Гонсалесу Браво: мавр сделал свое дело — мавр может уйти! Кроме того, она не могла забыть премьеру его прежних нападок на ее репутацию. Теперь у власти был поставлен настоящий хозяин положения: 2 мая 1844 г. Нарваес был назначен премьером. Так начался период открытой диктатуры Нарваеса, продолжавшийся непрерывно вплоть до начала революции 1854—1856 гг.

Весь этот период был окрашен в цвета самой черной политической и социальной реакции. Вспомним, в самом деле, важнейшие события того мрачного десятилетия.

Резкий курс вправо, взятый еще в премьерство Гонсалеса Браво и затем продолженный и усугубленный при Нарваесе, вызвал сильную оппозицию среди «прогрессистов» и республиканцев. Уже с начала 1844 г. в Мадриде и многих провинциальных городах возникли революционно-заговорщические хунты, нити от которых тянулись к Мендисабалу, находившемуся в Париже, и Эспартеро, осевшему в Лондоне. В этом движении участвовали Олосага, Кордеро, Бесерра, генерал де ла Серна и многие другие видные «прогрессисты». Очень скоро эти заговоры вышли на улицу. В Сарагосе, Кадисе, Картахене, Аликанте, Барселоне вспыхнули открытые восстания, причем Барселона вторично подверглась артиллерийскому обстрелу. Лозунгом восставших было: «Долой правительство камарильи! Долой закон о муниципалитетах! Да здравствует народный суверенитет! Да здравствует конституционная королева!» Нарваес ответил на это движение жестокими репрессиями: восстания были беспощадно подавлены, сотни «прогрессистов» и республиканцев, в том числе депутаты кортесов Кортина, Мадос и другие, были брошены в тюрьмы; 214 человек были казнены в течение одного лишь 1844 г. Вся страна была объявлена на военном положении, право собраний отменено, печать задавлена, кортесы превращены в послушную канцелярию.

Торжество реакции продолжалось и в последующие годы. Оно ярко сказывалось во всех областях государственной и общественной жизни. Так, выборы в новые кортесы, происходившие в 1844 г., были проведены с таким нажимом со стороны правительственной «машины», что на скамьях нижней палаты оказались только сторонники Нарваеса. Эти кортесы отменили конституцию 1837 г. и вместо нее приняли так называемую «конституцию 1845 года», которая под покровом конституционной фразеологии фактически вводила почти чистое самодержавие: избирательный, ценз был колоссально повышен; сенат был целиком назначен королевой, прерогативы короны были чрезвычайно расширены; кортесы потеряли право собираться без приглашения монарха; им предоставлено было право заниматься лишь теми вопросами, которые передавались на их рассмотрение свыше. Казалось, дальше некуда идти в деле выхолащивания понятия ограниченной монархии. И действительно, конституция 1845 года оправдала ожидания Нарваеса: она стала надежным оплотом реакции и покорным орудием в руках всемогущего диктатора.

В 1848 г. в Мадриде, Барселоне, Севилье и ряде других городов вспыхнули восстания против Нарваеса и его режима, явившиеся откликом на революционные события в Европе. Пришли в движение также крестьянские массы Андалусии. Однако все эти попытки более передовых элементов сбросить свинцовую плиту реакции с плеч испанского народа были жестоко подавлены Нарваесом и нашли весьма своеобразное отражение в сфере внешней политики Испании. Мы уже знаем, что в эпоху первой карлистской войны при мадридском дворе шла борьба между английскими и французскими влияниями. Эта борьба продолжалась при Эспартеро и Нарваесе. В ходе ее Лондон и Париж искали себе союзников среди имевшихся в Испании партий, причем Лондон обычно опирался на либеральную буржуазию, а Париж — на консервативных помещиков (частично даже на карлистов). Англо-французское соперничество проявлялось на каждом шагу, при каждом повороте испанской политики. Когда Нарваес обрушился с мерами подавления на участников вышеупомянутых восстаний, британский посланник в Мадриде Бульвер-Литтон 10 июня 1848 г. официально протестовал против мер испанского правительства и потребовал изменения состава последнего. В ответ Нарваес 17 июня вручил Бульвер-Литтону его паспорт. Лондон, где министром иностранных дел был Пальмерстон, ответил на этот акт разрывом дипломатических отношений с Испанией. Отношения между обеими странами были вновь восстановлены лишь в 1851 г. после того, как испанское правительство принесло письменные извинения Великобритании.

В 1849 г. Испания вместе с Францией, Австрией и Неаполем участвовала в интервенции, которая была ими предпринята для восстановления светской власти папы, уничтоженной итальянской революцией 1848 г. В 1851 г. Испания окончательно примирилась с Ватиканом и заключила с ним конкордат, предоставлявший крупнейшие привилегии римской курии[63].

Всего этого, однако, реакции было мало. Чем увереннее она себя чувствовала, тем ненасытнее становилась и тем более крайние элементы приобретали в ней влияние. В 1851 г. даже Нарваес уже не мог удовлетворить стремлений двора и наиболее твердолобых элементов феодально-церковных кругов. Ему пришлось временно отступить за кулисы, а премьером был назначен отчаянный реакционер и безмозглый авантюрист Браво-Мурильо. Вдохновленный переворотом Наполеона III во Франции (2 декабря 1851 г.), Браво Мурильо решил имитировать его в Испании. Он разогнал кортесы, арестовал или выслал своих политических противников, обрушился с жестокими репрессиями на печать и, наконец, в декабре 1852 г. выдвинул проект новой конституции — еще более реакционной, чем конституция 1845 года, — проект, по существу восстанавливавший чистый абсолютизм. Если этому проекту не суждено было войти в силу, то это, как увидим ниже, зависело уже от обстоятельств, над которыми реакция не имела контроля.

Конечно, по существу диктатура Нарваеса являлась прямым продуктом победы феодально-помещичьих элементов над силами либеральной буржуазии. Однако нельзя отрицать, что имелось одно случайное обстоятельство, которое в значительной степени облегчало утверждение его господства. Этим случайным обстоятельством было положение на испанском троне.

Как мы знаем, Изабелла в 13 лет была объявлена совершеннолетней. Но природу обмануть нельзя. И хотя формально эта юная королева была законным монархом, со всеми правами и привилегиями, свойственными его сану, фактически в первые годы своего царствования Изабелла была еще ребенком — испорченным, лукавым, капризным ребенком, но все-таки ребенком, который не в состоянии был действительно руководить государственными делами. Мать Изабеллы, Христина, пыталась делать и отчасти делала это за нее, но, во-первых, Христина не имела теперь официальных прерогатив регентства, а, во-вторых, события прошлого и концессионно-железнодорожные спекуляции настоящего содействовали значительному ослаблению ее влияния. Тем легче было Нарваесу осуществить свою диктатуру в консервативном лагере, а, стало быть, сделаться фактическим руководителем испанского государства.

И. М. МАЙСКИЙ

ИСПАНИЯ 1808–1917

М.: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

---

63 Основные положения конкордата сводились к следующему:
1. Католическая религия является в настоящее время и на будущее единственной религией испанцев; все прочие религии исключаются.
2. Воспитание, общественное и частное, должно соответствовать церковным доктринам.
3. Государственные власти должны оказывать содействие духовенству в борьбе против еретиков, а также в запрещении вредных книг.
4. Церковь должна пользоваться широкой свободой в своей деятельности.
5. Средства церкви должны складываться из возвращенной ей земельной собственности, из доходов с индульгенций и религиозных орденов, а также из поступлений от специального государственного налога на городскую и сельскую собственность.
6. Церковь должна иметь право на приобретение и владение любым видом собственности в будущем.
7. Духовенство должно получать жалование за счет государства. В обмен за все эти уступки Ватикану папа соглашался признать королеву Изабеллу, восстановить дипломатические отношения с Испанией и не возражать против уже законченных сделок по продаже церковных земель. По существу конкордат 1851 г. был капитуляцией Испании перед римской курией. Конкордат оставался в силе вплоть до революции 1931 г.

В дальнейшем Изабелла выросла и превратилась в легкомысленно-сумасбродную, расточительную и развратную женщину, посвящавшую все свое время придворным интригам и бешеному прожиганию жизни. В 1846 г., в возрасте 16 лет, при обстоятельствах, взволновавших дворы Западной Европы, Изабелла вышла замуж за своего кузена Франсиско Ассизского[64], но это не только не остепенило ее, а, наоборот, послужило исходной точкой длинной цепи совершенно головокружительных романов, ставших лакомым блюдом европейской скандальной хроники тех лет. Любовников Изабелла меняла, как перчатки, не гнушаясь никем — от грандов и генералов до придворных лакеев, — причем каждый фаворит на срок своего успеха становился всесильным временщиком, нагло вмешивавшимся в ход государственных дел. От этого и без того сложная внутренняя обстановка Испании становилась еще более сложной и запутанной.

К политике у королевы не было никаких талантов, и интересовалась политикой она очень мало. В этой области Изабелла навсегда осталась ограниченной и невежественной роялисткой, насквозь пропитанной абсолютистскими предрассудками и католическим мракобесием. Окружавшая королеву камарилья представляла собой гнусную клику негодяев и развратников, в которой особым влиянием пользовались духовник Изабеллы отец Кларет, а также ее неизменная наперсница монахиня Сор Патросиньо, которую суд однажды уличил в уголовном мошенничестве. Это, однако, не помешало Патросиньо сохранить любовь своей высокой покровительницы. Если к только что сказанному прибавить, что «супруг» Изабеллы Франсиско Ассизский создал во дворце свою собственную камарилью — не менее отвратительную, чем королевская, — и что обе камарильи, отражая взаимные чувства своих руководителей, были друг с другом на ножах, то нетрудно себе представить, до какой степени разложения в это время дошла династическая верхушка и какое губительное влияние события на троне оказывали на всю политическую жизнь страны. Достаточно привести только один факт. За 25-летний период царствования Изабеллы (1843—1868) сменилось 34 правительства, — иными словами средняя жизнь правительства составляла менее девяти месяцев. Бывали полосы, когда происходила настоящая свистопляска правительств. Еще поразительнее цифры, относящиеся к отдельным министерствам: за тот же 25-летний период сменилось 40 военных министров, 46 министров иностранных дел и 50 министров финансов! Как видим, в этой области Изабелла мало чем уступала своему отцу.

И. М. МАЙСКИЙ

ИСПАНИЯ 1808–1917

М.: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

64 Семейно-династическая дипломатия в те дни еще играла известную роль в международных отношениях, и потому около невесты на испанском престоле сразу же завязался целый клубок противоречивых внешнеполитических интересов. Австрийский двор хотел, чтобы Изабелла сделалась женой сына дон Карлоса графа Монтемолина, ставшего после отречения своего отца в 1845 г. карлистским претендентом на испанский престол под именем Карла VI. Такой шаг, по мнению Меттерниха, способствовал бы укреплению монархической идеи в Испании и за ее пределами Прусский двор стоял на той же точке зрения. Английский двор, напротив, выдвигал другого кандидата — принца Леопольда Саксен-Кобургского, кузена королевы Виктории. Французский двор стремился к тому, чтобы Изабелла вышла замуж за старшего сына Луи-Филиппа, — тогда Франция и Испания объединились бы под эгидой Орлеанского дома, что значительно укрепило бы положение Франции. Мать Изабеллы, Христина, связанная тесными узами с Луи-Филиппом, энергично поддерживала французский проект, но Англия, опасаясь усиления Франции, была решительной противницей его. В результате длинной и сложной дипломатической игры Франции пришлось пойти на уступки: было решено, что Изабелла выйдет замуж за одного из испанских Бурбонов, а младший сын Луи-Филиппа герцог Монпасье женится на младшей сестре Изабеллы — принцессе Марии-Луизе. Среди испанских Бурбонов имелись два возможных кандидата на руку Изабеллы — сыновья ее тетки по материнской линии Карлотты: старший — Энрико, герцог Севильский, и младший — Франсиско Ассизский, герцог Кадисский. Однако Энрико в погоне за популярностью связался, с либеральными кругами и как «красный» был решительно отвергнут Христиной. Оставался, таким образом, только Франсиско, который, правда, не отличался ни умом, ни здоровьем, но зато был ярым католиком и сторонником королевского абсолютизма. У Франсиско имелось еще одно качество, которое весьма устраивало Луи-Филиппа и его союзницу Христину: в силу своего слабосилия он неспособен был к произведению потомства. Иными словами, Луи-Филипп мог ожидать, что ввиду бездетности королевской четы испанский трон рано или поздно перейдет к ее младшей сестре Марии-Луизе, супруге герцога Монпасье, т.е. все-таки попадет в орбиту Орлеанской династии. Этот план в конце концов и был принят к осуществлению: 10 октября 1846 г., в день рождения королевы, в Мадриде были торжественно отпразднованы сразу две свадьбы — Изабеллы с Франсиско и Марии-Луизы с герцогом Монпасье. История жестоко посмеялась над всеми этими хитроумными расчетами европейских дворов: всего лишь 15 месяцев спустя вся Орлеанская династия была сметена с политической арены февральской революцией 1848 г., Изабелла же в течение последующих лет родила от своих любовников нескольких детей, из которых в дальнейшем один, появившийся на свет 28 ноября 1857 г., стал испанским королем под именем Альфонса XII.

Из сказанного совершенно ясно, что королева типа Изабеллы неспособна была действительно править страной. Это, естественно, открывало широкие возможности перед различными честолюбивыми претендентами на власть; это в немалой степени также облегчило появление в Испании середины прошлого века той кавалькады военных диктаторов, которые составляют такую характерную особенность длинного и злосчастного царствования Изабеллы II.

Едва ли приходится удивляться, что курс политики, который проводился Нарваесом и всеми другими большими и малыми реакционерами, должен был вызывать и действительно вызывал растущую оппозицию во все более широких кругах населения, захватывая не только «прогрессистские» и республиканские круги, но также и гораздо более умеренные элементы: верхушку буржуазии, часть помещиков, значительные группы военной и гражданской бюрократии. Все, кто понимал и чувствовал необходимость капиталистического развития, неизбежно превращались в противников господствующего режима, поставившего своей целью сохранение в Испании основ феодально-абсолютистского строя.

Положение особенно обострилось, когда, после отставки Браво Мурильо (14 декабря 1852 г.) и двух быстро сменивших друг друга бесцветных правительств Ронкали и Лерсунди, 19 сентября 1853 г. к власти пришел очередной любовник Изабеллы граф Сан-Луис (бывший журналист Сарториус). Политика Сан-Луиса сводилась к беспощадному подавлению оппозиции, откуда бы она ни исходила, и в своих усилиях в этом направлении новый премьер превзошел всех своих предшественников. Когда в кортесах был поднят вопрос о скандальных спекуляциях Христины и ее мужа с железнодорожными концессиями, Сан-Луис разогнал парламент и стал править путем королевских декретов. В порядке декрета был утвержден государственный бюджет; в порядке декрета на прессу был одет намордник; в порядке декрета на страну посыпались различные репрессии, ставившие вне закона даже самую умеренную оппозицию.

13 января 1854 г. королеве была подана петиция, подписанная генералами О'Доннелем и Конча, бывшим премьером Гонсалес Браво, многими видными сенаторами, грандами, депутатами, сановниками — людьми право-либерального и умеренно-консервативного лагеря. В своей петиции ее авторы обращали внимание Изабеллы на опубликование бюджета без одобрения кортесов, на растущий из года в год государственный дефицит, на злоупотребления при выдаче железнодорожных концессий, на полное подавление свободы слова и печати и почтительно просили королеву в срочном порядке принять меры к устранению столь опасных для судеб нации явлений, прежде всего путем смены правительства и срочного созыва кортесов. Ответ на эту скромную петицию людей знатности и богатства не заставил себя долго ждать: Мадрид был объявлен на военном положении, а все вожди оппозиции высланы за границу, в колонии, на Канарские и Балеарские острова. Даже генералы О'Доннель и Конча — те самые генералы, которые еще так недавно были ближайшими соратниками Христины, — стали жертвой королевских репрессий. Впрочем, О'Доннель отказался подчиниться предписанию о высылке и перешел на нелегальное положение: вплоть до начала четвертой революции он жил в столице, скрываясь в помещении... английского посольства.

История рассказанной петиции оказала сильнейшее влияние на настроения либерально-консервативной оппозиции против двора. Даже для наиболее умеренных ее представителей становилось все яснее, что вне открытого переворота нет выхода из создавшегося положения. Однако либерально-консервативная оппозиция меньше всего думала о развязывании широкой народной революции с активным участием масс. Напротив, ее путала такая перспектива. Опыт 1848 г. во Франции, с его июньскими днями и революционным восстанием пролетариата, не прошел бесследно для испанской буржуазии. В ее среде произошло более явственное расслоение на правых и левых, на умеренных либералов, представлявших верхушку буржуазии, и на радикальных демократов, тесно связанных с мелкой буржуазией, интеллигенцией и городской беднотой. И умеренные либералы, действовавшие теперь совместно с более дальновидными консерваторами, меньше всего стремились к революционной перестройке господствовавшего в Испании феодально-клерикального режима. Все, чего они хотели, это добиться отставки правительства Сан-Луиса и замены его каким-либо иным кабинетом, менее реакционным и лучше понимающим нужды капиталистического развития. Умеренные либералы не собирались быть особенно требовательными и заранее готовились к далеко идущему компромиссу с троном. Что же касается средств для достижения своей цели, то тут умеренные либералы и их консервативные союзники были едины: они думали лишь о военно-дворцовом перевороте, который в кратчайший срок и без всякого привлечения масс осуществит их более чем скромные пожелания. Если, как увидим ниже, на самом деле фактический ход развития принял несколько иной оборот, то это уж зависело от таких факторов, над которыми либерально-консервативная оппозиция была не властна.

Однако, прежде чем приступить к описанию четвертой испанской революции, мы должны бросить беглый взгляд на экономическое состояние Испании в середине прошлого века. Это важно для лучшего понимания как самой четвертой революции, так и событий последующего периода, завершившегося пятой революцией 1868—1874 гг.

ЭКОНОМИКА ИСПАНИИ в СЕРЕДИНЕ XIX века

Мы не касались до сих пор процессов экономического развития, происходивших в Испании после 1808 г., так как темпы их развития были очень медленны, а последствия для характера разыгравшейся классовой борьбы незначительны. Общий социально-экономический фон испанской истории мало менялся по сравнению с донаполеоновской эпохой. Однако сейчас мы подошли к такому моменту, когда вновь должны обратиться к экономике Испании, ибо середина прошлого века была важной вехой в ходе ее хозяйственной эволюции. Именно в этот период с полной ясностью обнаружилось, что капитализм пробил себе дорогу в испанское народное хозяйство и постепенно начинает приобретать здесь все большее влияние. А отсюда, естественно, вытекали уже определенные последствия для происходившей в Испании классовой борьбы — экономической и политической. Недостаток точных статистических и фактических данных крайне затрудняет характеристику испанской экономики в 40—60-х годах прошлого века, — тем не менее на последующих страницах мы попытаемся сделать это в тех пределах, какие допускаются имеющимися налицо материалами[65].

Население Испании в течение первой половины XIX века, несмотря на все политические и экономические потрясения, обнаружило значительный рост. Мы видели, что по данным 1797 г., оно достигало 10541 тыс. Согласно первой официальной переписи XIX века, проведенной в 1857 г. (до того имелись только приблизительные исчисления), общее количество жителей страны составляло 15495 тыс., т.е. за 60 лет увеличилось примерно на 50%. Это могло считаться нормальным для эпохи первоначального развития капитализма. Правда, Испания тут явно отставала от Англии: в конце XVIII века, как мы знаем, численность населения обеих стран была приблизительно одинакова, — теперь (по переписи 1860 г.) Англия без Ирландии имела 23,5 млн. жителей против 15,5 в Испании, но в этом не было ничего удивительного. В данном факте просто сказывалась огромная разница в темпах экономического прогресса между той и другой страной.

В области сельского хозяйства за рассматриваемый период произошли значительные изменения. Хотя основы феодально-помещичьего режима, описанные в первой главе, еще сохранялись, все-таки капиталистические начала стали постепенно проникать и в эту сферу, что проявлялось главным образом в двух моментах.

Во-первых, известная часть старинных родовых землевладельцев, побуждаемая жаждой наживы, стала постепенно втягиваться в круговорот капиталистических отношений, принимая участие во вновь возникающих финансовых, промышленных, транспортных и торговых предприятиях. Особенно крупную роль тут сыграло начавшееся в 40-х годах железнодорожное строительство, с которым, как мы знаем, имела тесную связь бывшая регентша Христина. Ее пример открыл дорогу в мир железнодорожных спекуляций многим испанским грандам и аристократам.

Во-вторых, секуляризация церковных земель, несмотря на все контрходы реакции, имела последствием, с одной стороны, рост кулачества, а с другой стороны, нарождение помещиков-буржуа, помещиков-спекулянтов, ибо воспользоваться церковной землей сумели лишь верхушка крестьянства и городские капиталисты.

Таким образом, в недрах крупного землевладения, наряду со старинной феодальной знатью, жившей только от эксплуатации крестьянства, начала выкристаллизовываться особая группа, состоявшая из капиталистов, ставших помещиками, и из помещиков, стремившихся стать капиталистами. Нет никаких точных данных, характеризующих размеры и влияние этой более-прогрессивной группы «модернизованных» землевладельцев. Однако о реальности ее свидетельствуют политические события, с которыми мы столкнемся в дальнейшем изложении.

Гораздо отчетливее и ярче проникновение капитализма сказывалось в сфере промышленности, транспорта, торговли, финансов.

Начнем с промышленности. Здесь этот процесс сильнее всего обнаруживался в расширении текстильной индустрии Каталонии. Мы знаем, что изготовление тканей существовало в Каталонии еще в XVIII веке, но тогда оно носило ремесленно-кустарную форму. С 30-х годов XIX столетия текстильная промышленность Каталонии начинает организовываться на капиталистических началах: возникают сравнительно крупные предприятия, появляется большое количество наемных рабочих, широко распространяются механические двигатели. В 1834 г. в Каталонии насчитывалось 600 тыс. веретен, а в 1846 г. их число увеличилось до 1238 тыс. Таким образом, всего лишь за 12 лет объем текстильной промышленности здесь более чем удвоился. В том же 1846 г. общее число

---

65 Главными источниками при составлении настоящей главы служили: F.Garndo. L'Espagne contemporaine. Bruxelles, 1862 (очень ценная работа одного из основоположников испанского социализма, подробнее о нем см. ниже главу, посвященную пятой революции); M.Block. L'Espagne en 1850. Paris, 1851; французская «Encyclopedic des gens du nionde» Paris, 1838; «Encyclopedia Bntannica», MDCCCXLII, London; «Statesman's, Yearbook» за соответственные годы; S.Madariaga. Spanien. Stuttgart. 1930, A.Marvaux. La question sociale en Espagre. Paris., 1910; Zancaida Praxedes. El obrero en Espana Barcelona, 1902.

текстильных рабочих Каталонии перевалило за 100 тыс. человек.

Большую роль играла также табачная промышленность, в которой к 1848 г. было занято свыше 21 тыс. рабочих. Столицей табачной промышленности тогда являлась Севилья (4,5 тыс. табачных рабочих из 21 тыс.[66]), другими важнейшими центрами ее развития были Аликанте, Мадрид, Валенсия, Корунья, Кадис, Хихон и Сантандер.

Значительное место занимала также выплавка металлов (железа, свинца, меди и др.), концентрировавшаяся, с одной стороны, на севере в районах, прилегавших к Бискайскому заливу, а с другой стороны, на юге, в районе Малаги. Эта отрасль промышленности в 40-х годах состояла главным образом из мелких полукустарного типа предприятий. Так, например, в Сантандере имелось 45 плавилен, обслуживавшихся 228 рабочими и дававших 2200 тонн металла в год. В среднем это составляло пять рабочих и 50 тонн металла на одно предприятие. В Бискайе имелось 90 плавилен, занимавших 360 рабочих, что давало в среднем четырех рабочих на одно предприятие. На этом общем фоне бискайский завод Пон-Неф с 90 рабочими, производивший 35 тыс. тонн металла в год, выглядел почти Левиафаном.

Все остальные виды промышленности той же эпохи — кожевенная, бумажная, кружевная, винодельческая, гончарная, мыловаренная, мукомольная и др. — носили почти сплошь кустарный характер.

Пятидесятые годы прошлого века ознаменовались торжеством буржуазных начал повсюду в Европе. Англия уже превратилась тогда в мировую фабрику. Франция, под эгидой Наполеона III, быстро двигалась по путям капиталистического развития. Германия, Австрия, Венгрия, Италия, пройдя через бури 1848 г., следовали различными темпами и в различных формах примеру Франции. Россия шла к отмене крепостного права и окончательному утверждению капиталистических начал в своей экономике. Этот общий процесс не мог не найти известного отражения и на Пиренейском полуострове. Действительно, в 50-х годах темп капиталистического развития Испании обнаружил заметное ускорение, и это, прежде всего, сказалось в области промышленности.

Приведем некоторые цифровые данные. В 1861 г. общее число занятых в промышленности и горном деле рабочих поднялось до 230 тыс. человек, распределявшихся следующим образом:

	Тыс. человек
Текстиль	100
Пищевая промышленность	46
Горное дело	42
Металлургия и металлообработка	22
Легкая промышленность (кожа, бумага, мыло, пробка)	20
	230

Кроме промышленных рабочих в узком смысле этого слова, имелось еще около 900 тыс. ремесленников. Таким образом, общее количество пролетариев и близких к ним элементов в описываемый период превышало миллион человек. Несмотря на несовершенства испанской статистики (а их всегда приходится учитывать), приведенные данные все-таки с несомненностью свидетельствуют о том, что в середине XIX века в Испании уже создалась социальная база для развития различных форм рабочего движения (см. ниже главу «Пятая революция»). Это свидетельствовало также о заметном шаге вперед, сделанном в 50-е годы испанским капитализмом.

О том же гласили еще два важных факта:

1. В 1861 г. общая сумма вложенных в промышленность (кроме горнодобывающей) капиталов превысила 2 млрд. реалов.

2. Наряду с текстилем теперь все большую роль начинала играть тяжелая промышленность — в первую очередь добывание ископаемых. В самом деле, средняя годовая добыча за 1864—1866 гг. составляла:

	Тыс. тонн
Уголь	414
Свинцовая руда	271
Медная руда	255
Железная руда	208
Цинковая руда	75

Правда, очень значительная часть добываемой руды (особенно медной и цинковой) экспортировалась в другие страны, так что выплавка металла в самой Испании была весьма ограничена. Действительно, средняя годовая за те же 1864—1866 гг. составила: для чугуна — 86 тыс.

---

66 Не случайно действие романа Мериме «Кармен» (опубликован в 1847 г.), главной героиней которого является работница табачной фабрики цыганка Кармен, происходит в районе Севильи. На базе этого романа композитор Бизе в 1875 г. создал оперу того же названия, получившую всемирную известность.

тонн, для свинца — 48 тыс., для меди — 3 тыс., для цинка — 1,5 тыс. тонн. Но все-таки рост добывающей промышленности говорил сам за себя. Насколько серьезное значение этот вид производства приобрел в описываемое время, показывает тот факт, что в 1868 г. правительство вынуждено было издать специальный закон, регулировавший права на открытие ценных ископаемых.

Очень заметные успехи в середине прошлого века Испания сделала в области развития транспорта. Так, длина шоссейных дорог, в 1802 г. исчислявшаяся в 3200 км, к 1856 г. увеличилась до 6587, а к 1868 г. даже до 17409 км. Особенно бросается в глаза резкое повышение цифр (в два с половиной раза) за 12-летие 1856 — 1868 гг.

Еще более быстрым темпом шло строительство железных дорог. Первая железнодорожная линия в Испании длиной в 29 км была открыта в 1848 г. между Барселоной и Матаро. К 1856 г. общая длина испанской железнодорожной сети достигла 525 км. Ее дальнейшее расширение характеризовалось следующими цифрами:

Год	км
1857	673
1858	853
1859	1149
1860	1916
1861	2369
1862	2729
1863	3587
1864	4065
1865	4712

Таким образом, на протяжении всего лишь одного десятилетия (1856—1865) общая протяженность железных дорог Испании увеличилась в 9 раз! К 1 января 1870 г. длина железнодорожной сети возросла до 5441 км, что по тем временам было весьма крупной величиной. Правда, все железнодорожное строительство велось почти исключительно на деньги французских капиталистов, а испанские буржуа и помещики играли тут лишь компрадорскую роль, но экономический эффект совершившегося не подлежал никакому сомнению. Железные дороги в Испании, как и повсюду, явились мощным рычагом капиталистического развития.

В данной связи небезынтересно отметить, что общая длина телеграфных линий страны на 1 января 1870 г. достигала 11 тыс. км.

Еще одним ярким свидетельством успехов капитализма в Испании был большой рост ее внешней торговли. Вот что говорят цифры:

Годы	Импорт (млн. песет[1])	Экспорт (млн. песет[1])
1827	95	72
1843	114	82
1850	173	123
1860	371	274
1870	522	400

Иными словами, на протяжении 43 лет (1827—1870) внешняя торговля Испании увеличилась примерно в пять с половиной раз. При этом весьма характерно, что расширение внешней торговли до 1850 г. шло сравнительно медленно, но зато в течение следующего 20-летия (1850—1870) сделало чрезвычайно быстрый скачок вверх. Основными статьями испанского импорта в ту эпоху являлись уголь, хлопок, железо, машины и т.д., основными статьями экспорта — вино, фрукты, оливковое масло и различные руды (свинцовая, медная, цинковая и т.д.). О географическом распределении испанской внешней торговли может дать представление следующая таблица, относящаяся к 1860 г.:

Страны	Импорт (млн. песет)	Экспорт (млн. песет)
Франция	96	66
Англия	93	80
Соединенные Штаты	51	19
Куба	40	56
Прочие	91	54
	371	275

Как видим, примерно половина всей испанской торговли тогда приходилась на Францию и Англию. Крупное значение имела также торговля с Кубой — одной из немногих еще остававшихся у Испании колоний, где испанские купцы пользовались торговой монополией.

Если к только что сказанному прибавить, что водоизмещение испанского торгового флота к

середине 60-х годов возросло до 400 тыс. тонн, — цифра по тому времени значительная, — то картина все возрастающего товарооборота Испании с другими странами станет особенно показательной[67].

Наконец, еще одним свидетельством роста капитализма в середине прошлого века может служить развитие банковского дела в Испании. Как мы знаем, первый эмиссионный банк в Испании был открыт в 1782 г. при Карле IV. Он был ликвидирован в 1829 г. и вместо него тогда же возник Банк Сан-Фернандо с капиталом в 60 млн. реалов (впоследствии увеличенным до 100 млн.). Вплоть до 40-х годов прошлого века банковское дело в Испании обнаруживало весьма слабое развитие. Но затем положение резко изменилось.

В 1844 г. в Мадриде был создан большой ссудный Банк имени Изабеллы II с капиталом в 100 млн. реалов, который три года спустя слился с Банком Сан-Фернандо. В том же 1844 г. открылся эмиссионный банк в Барселоне, а затем в 1846 г. эмиссионный банк в Кадисе. В 1855 г. возникли два специально колониальных банка — для развития торговли с Кубой и с Филиппинами. В 1856 г. Банк Сан-Фернандо был реорганизован и получил наименование Banco de Espana (Банк Испании), несколько позднее — в 1874 г. — ставший Государственным банком страны. В 1856 г. возникли банки в Севилье и Малаге; в 1857 г. — в Бильбао, Корунье, Сантандере, Вальядолиде; в 1863 г. — в Бургосе, Памплоне, Реусе; в 1864 г. — в Овьедо, Валенсии, Сант-Яго; 1865 г. — в Таррагоне и Сарагосе; в 1866 г. был создан еще один колониальный банк для развития торговли с Порто-Рико.

Конечно, большинство этих банков не были особенно крупными предприятиями и обслуживали обычно только нужды своего района или провинции, но все-таки факт возникновения почти всех названных финансовых учреждений на протяжении лишь одного десятилетия (1856—1866) был очень показателен. Он громко говорил об укреплении капиталистических начал в толще испанской экономики.

Как, однако, ни значителен был темп капиталистического развития Испании в середине прошлого века, все-таки его абсолютные размеры оставались сравнительно скромными. В этой области Испании приходилось начинать почти от нуля, — вот почему всякий, даже весьма скромный фактический прогресс мог давать чрезвычайно высокие относительные коэффициенты. Так оно в действительности и было, что лучше всего обнаруживается при сравнении испанских цифр с соответственными цифрами экономически наиболее развитых стран той эпохи — Франции и Англии. Приведем несколько весьма показательных примеров:

1. Тяжелая индустрия. Мы уже видели, что за 1864—1866 гг. ежегодно в среднем добыча угля в Испании составляла 414 тыс. тонн, выплавка чугуна — 86 тыс. тонн. Между тем в 1860 г. во Франции добыча угля составила 8304 тыс. тонн и выплавка чугуна — 898 тыс. тонн, в Англии же соответственные цифры были 81 322 тыс. тонн и 3827 тыс. тонн. Вся разница между Испанией, с одной стороны, и Францией и Англией, с другой, особенно отчетливо выступает при расчете на одну душу населения. Тогда получится, что ежегодная добыча составляла:

	Угля	Чугуна
	(кг)	
В Испании	26	5,5
Во Франции	216	23
В Англии	3473	163

Эта таблица настолько красноречива, что не требует никаких дополнительных комментариев.

2. Текстиль. В 1861 г. в текстильной промышленности Испании было занято 100 тыс. рабочих, а в 1861 — 1865 гг. в текстильной промышленности Франции было занято свыше 700 тыс. рабочих, в текстильной же промышленности Англии — 638 тыс. И здесь разница так велика, что не требует каких-либо пояснений.

3. Внешняя торговля. В 1860 г. испанский импорт составил 371, а испанский экспорт—275 млн. франков. Соответственные цифры были для Франции: импорт — 1897, экспорт — 2277 млн. франков; для Англии: импорт — 5250, экспорт — 4150 млн. франков. Еще отчетливее разница между тремя странами выявится опять-таки при расчете на одну душу населения. Тогда окажется, что весь внешнеторговый оборот (импорт плюс экспорт) составлял на человека:

	Франков
В Испании	41
Во Франции	111
В Англии	401

Иными словами, внешняя торговля Испании была втрое-меньше, чем у Франции, и почти в десять раз меньше, чем у Англии.

---

67 В целях более удобного сравнения реалы переведены в песеты по тогдашнему официальному курсу, т.е. из расчета 4 реала=1 песете (1 песета =1 французскому франку).

4. Торговый флот. Водоизмещение испанского торгового флота в середине 60-х годов составляло около 400 тыс. тонн. Для Франции соответственная цифра в 1865 г. была 1 млн. тонн, для Англии — 5,4 млн. тонн.

5. Железные дороги. Длина рельсовой сети в Испания составляла в 1870 г. 5441 км против 4462 км в Венгрии (1872 г.), 6847 км в Италии, 7585 км в Австрии (1872 г.), 17240 км во Франции (1872 г.) и 24 860 км в Англии. Для лучшей сравнимости приведем следующую таблицу километража железных дорог на каждые 10 тыс. населения.

	км		(км)
В Италии . .	2,6	В Австрии . .	3,7
В Венгрии . .	2,9	Во Франции .	4,8
В Испании . .	3,4	В Англии . .	8,0

Как видим, по насыщенности железными дорогами Испания правда, стояла впереди Италии и Венгрии, но зато далеко вступала Франции и особенно Англии.

6. Наконец, структура испанской промышленности. В среднем на одно предприятие по данным 1861 г. приходилось рабочих:

Металлургия и металлообработка . .	26	человек
Текстиль	17	»
Бумага	16	»
Пробка	10	»
Кожа	6	»

В мукомольной, винодельческой, мыловаренной и других видах легкой промышленности огромное преобладание имели предприятия, занимающие двух-трех рабочих.

Таким образом, испанская промышленность середины прошлого века в основном состояла из мелких предприятий, что ясно свидетельствовало об относительной слабости капиталистического развития страны. Вместе с тем данный факт вскрывает важнейшую причину того, почему, как увидим ниже, в годы пятой революции бакунизм получил такое широкое распространение среди испанских рабочих.

Суммируя все вышеприведенные данные, мы невольно приходим к выводу, что, несмотря на несомненные успехи капитализма, Испания середины XIX в. все еще была отсталой аграрной страной, с крупными пережитками феодализма и с только что начавшимся строительством современных промышленности и транспорта. Испанская буржуазия экономически несомненно усилилась (в частности, за счет вовлечения известной группы помещиков в капиталистический оборот), но все-таки основным господствующим классом по-прежнему оставались крупные феодального типа землевладельцы. В то же время внутри самой буржуазии наметилось более глубокое расслоение, стоявшее в тесной связи с общими тенденциями капиталистического развития. Все эти социально-экономические перемены, конечно, имели свои политические последствия — прежде всего в истории четвертой революции (1854—1856), — к описанию которых мы теперь и перейдем.

Иван Михайлович МАЙСКИЙ

ИСПАНИЯ 1808–1917

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2009.

Начало публикации текста (**http://vive-liberta.diary.ru/p80399924.htm**)

Предисловие
Испания накануне 1808 г.
Экономические и социальные отношения
Политические отношения
Наполеон и Бурбоны (1808)
Борьба с Наполеоном и первая революция (1808—1814)
Фронт
Тыл

Продолжение (**http://www.diary.ru/~vive-liberta/p84581503.htm**)

Контрреволюция (1814—1820)
Вторая революция (1820—1823)
О формах классовой борьбы в Испании
Восстание Риего
Три года революции
Интервенция «Священного союза»
Черное десятилетие (1823—1833)
Первая карлистская война и третья революция (1833—1843)
Социальные корни войны
Военные операции
Политическая борьба
Диктатура Эспартеро
Диктатура генерала Нарваеса (1843—1854)
Экономика Испании в середине XIX века

В этом выпуске:

Четвертая революция (1854—1856)
Политические качели О'Доннель—Нарваес (1856—1868)
Пятая революция (1868—1874)
Появление пролетариата на исторической сцене
В поисках буржуазной монархии
Первая республика
Вторая карлистская война (1873—1876)
Испанский вариант «прусского пути» (1874—1898)
Истоки «прусского пути»
Кановас и Сагаста
Машина псевдопарламентаризма
Внутренняя политика реставрации
Рабочее и крестьянское движение
Эпоха империализма и внешняя политика реставрации
Разложение режима реставрации (1898—1917)
«Поколение 1898 г.»
Капиталистическое развитие Испании
Социальные перемещения в правящем блоке
Рост рабочего и крестьянского движения
Распад старых политических партий
Заключение
Источники и литература
Указатель имён и географических названий

ЧЕТВЕРТАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1854—1856)

Первый шаг в направлении четвертой революции, как это подчас бывает в истории, был сделан не революционерами, т.е. не радикальными демократами и республиканцами, а той умеренной либерально-консервативной оппозицией, о которой речь шла выше.

В феврале 1854 г. в Сарагосе вспыхнуло восстание, главой которого был один из друзей О'Доннеля генерал Хор. Восстание носило чисто военный характер (т.е. именно такой характер, какой был желателен лидерам либерально-консервативной оппозиции), и широкие массы населения города отнеслись к нему с полным равнодушием. Никто не хотел бороться и умирать за то, чтобы на премьерском кресле вместо Сан-Луиса сидел О'Доннель или Конча. В результате восстание в Сарагосе было легко подавлено правительством, а генерал Хор погиб во время военных операций.

Несмотря на этот урок, либерально-консервативная оппозиция продолжала упорствовать в своей тактике. Когда в начале июня того же 1854 г. общественные настроения стали быстро подниматься и когда декрет Сан-Луиса о взимании налогов за шесть месяцев вперед бросил последнюю искру в пороховую бочку, вожди оппозиции — и первый среди них О'Доннель — все еще носились с идеей верхушечного военно-дворцового переворота, решительно отвергая вовлечение масс в свою борьбу.

Прежде, однако, чем перейти к изложению событий четвертой революции, будет уместно сказать несколько слов о только что упомянутом О'Доннеле, который до 1854 г. играл сравнительно второстепенную роль в испанской политике, но который теперь сразу выдвинулся на первый план.

Леопольд О'Доннель (1809—1867) — третий военный диктатор середины прошлого века — во многом отличался от Эспартеро и Нарваеса. Его предки были выходцами из Ирландии и в течение ряда поколений верно служили испанской короне. Дядя Леопольда генерал Генрих О'Доннель уже знаком нам по эпохе второй революции, когда своей тактикой «переметной сумы» он сумел поставить настоящий рекорд измены и клятвопреступления. Племянник воспринял кое-что из этих качеств своего родственника. Леопольд О'Доннель с ранних лет попал в армию и, подобно двум другим диктаторам, выдвинулся на полях карлистской войны, командуя силами христиносов на кантабрийском фронте и занимая посты генерал-капитана в Арагоне, Валенсии и Мурсии. Политические симпатии О'Доннеля не отличались большой определенностью, ибо он, прежде всего, был карьеристом, готовым менять свою ориентацию в зависимости от обстоятельств. В 1841 г. О'Доннель, как мы уже знаем, принимал участие в неудачном заговоре против Эспартеро, бежал во Францию и в 1843 г. вернулся в Испанию вместе с Нарваесом. В 1844—1848 гг. он занимал пост генерал-губернатора Кубы. По возвращении О'Доннель стал сенатором. В это время в Испании начала подниматься волна недовольства против Изабеллы и Нарваеса, и О'Доннель со свойственной ему политической интуицией учуял открывающиеся тут перспективы. Он вступил в контакт с силами оппозиции, но не лево-демократическими (к которым тяготел Эспартеро), а право-буржуазными. Одним из ближайших друзей О'Доннеля стал богатый банкир Хосе Мануэль Кальядо, а его главным идейным вдохновителем умеренно-либеральный профессор истории Кановас дель Кастильо, которому суждено было сыграть роль в политической истории Испании. Холодно-расчетливый, вероломный, настойчивый интриган, О'Доннель хорошо умел скрывать свою истинную сущность под изящными манерами и внешней очаровательностью. Став на путь честолюбивых амбиций, он терпеливо выжидал благоприятного момента и, наконец, в середине 1854 г. решил, что такой момент наступил.

Действительно, Испания была накануне взрыва. Сан-Луис довел настроения широких масс населения до точки кипения. Даже самые умеренные люди считали, что больше терпеть нельзя, и переходили на путь революционной борьбы. Прекрасным примером тому являлся вышеупомянутый Кановас дель Кастильо: 26 апреля 1854 г. он выпустил первый номер подпольного органа «Летучая мышь», в котором обрушился с резкими нападками на двор, на Христину, на ее супруга, на Сан-Луиса. Они обвинялись в коррупции, во взяточничестве, в грязных спекуляциях. В дальнейших номерах атаке подверглась сама Изабелла, причем черным по белому был назван ее последний любовник — полковник Аранья — с точным указанием всех выгод и наград, полученных им в результате связи с королевой. Все эти разоблачения, конечно, только подливали масла в огонь.

Решающий момент наступил 28 июня 1854 г. В этот день начальник кавалерии генерал Дульсе собрал подчиненные ему части на парад и призвал их к пронунсиаменто. Затем все эти войска в количестве около 2 тыс. сабель выступили из Мадрида. К кавалерии примкнул вышедший из подполья О'Доннель во главе трех батальонов пехоты. Эта маленькая армия, расположившись в окрестностях столицы, потребовала от королевы-смены правительства и созыва кортесов. Изабелла ответила объявлением О'Доннеля и других мятежных генералов вне закона и двинула против них пехоту и артиллерию под командой военного министра генерала Бласера. 30 июня

близ деревни Викальваро между обоими лагерями произошло сражение, не выявившие победителя. О'Доннелю, однако, пришлось отступить в Аранхуэс в надежде получить подкрепления из других мест. Но подкрепления не подходили, а население как Мадрида, так и больших городов провинции оставалось равнодушным и неподвижным. Повторялось в точности то, что в феврале произошло в Сарагосе. Перед О'Доннелем явно встал признак возможного поражения.

Это заставило повстанцев пересмотреть свою тактику. Кановас — политически самый умный среди лидеров движения — почувствовал, что сейчас не 1843 г., и что без провозглашения программы, способной воодушевить городские массы, попытка О'Доннеля обречена на неудачу. Кановас поэтому предложил выдвинуть требования, отвечавшие стремлениям широких кругов населения. О'Доннель долго сопротивлялся, но положение было безвыходное и в конце концов он должен был уступить. 7 июля в местечке Мансанарес (Ла-Манча) он опубликовал составленный Кановасом манифест, получивший в дальнейшем наименование «Мансанаресской программы». Основные пункты ее сводились к следующему: сохранение монархии, но уничтожение камарильи; соблюдение и улучшение законов; облегчение положения прессы; сокращение налогов и строгая экономия и государственных расходах; назначение на гражданские и военные должности не по старшинству, а по заслугам; обеспечение самоуправления провинций; а в целях гарантии всего этого создание на прочной основе национальной милиции.

Нельзя сказать, чтобы манифест О'Доннеля отличался особой революционностью: выдвинутые им требования были очень умеренны, а принятые формулировки слишком расплывчаты. Тем не менее опубликование Мансанаресской программы имело важные последствия. Массы сразу всколыхнулись и стали примыкать к антиправительственному движению. Наибольшее значение имел последний пункт программы — о создании национальной милиции. Он воспламенил лево-демократические круги. Поднялись Барселона, Аликанте, Валенсия, Сарагоса, Гранада, Севилья, Бургос, Виктория, Сан-Себастьян и десятки других городов. Везде возникали революционные хунты. В Каталонии вспыхнула всеобщая стачка. Началось лихорадочно быстрое формирование вооруженных сил народа. В одном Мадриде численность национальной милиции достигла *20* тыс. человек. То же самое происходило и в провинциальных центрах.

Столица переживала бурные дни. Шумные толпы народа ходили по улицам с криками: «Смерть министрам! Смерть Христине!» Дворец Христины и дом Сан-Луиса были разграблены. Христина скрылась в Аранхуэс, а Сан-Луис 17 июля вышел в отставку и, переодевшись лакеем, бежал за границу. Члены придворной камарильи попрятались кто куда. Изабелла тоже Хотела покинуть столицу, но ввиду протестов иностранных послов вынуждена была остаться в Мадриде. Фактически она стала пленницей в своем дворце. В последний момент Изабелла сделала отчаянную попытку восстановить положение путем назначения премьером генерала Кордова, который не замедлил устроить кровавую бойню в Мадриде. Это вызвало открытое восстание. Точно по мановению волшебного жезла, в столице выросли 1800 баррикад. Происходило братанье национальной 'милиции с регулярными войсками. Правительство Кордовы спешно ушло в отставку, и революция, казалось, одержала полную победу.

Так стихийной логикой вещей, вопреки воле его инициаторов, военно-дворцовый переворот превратился в мощное народно-революционное движение. Однако еще раз приходится повторить знаменитый тезис: мало иметь революционную ситуацию, — нужно иметь еще крепкую, дисциплинированную и идеологически хорошо подкованную революционную партию, которая могла бы использовать эту ситуацию в интересах действительной победы народа. Такой партии в Испании в тот момент не оказалось, и в результате, несмотря на торжество демократических сил, либерально-консервативная коалиция сумела сохранить за собой ряд важнейших позиций, сильно облегчивших ей окончательную победу два года спустя.

Это выявилось, прежде всего, при формировании Верховной хунты Мадрида, которая после отставки Кордовы должна была играть роль временного правительства впредь до конституирования более постоянной революционной власти. Инициатива создания такой хунты исходила не от левых, а от правых, и это в значительной степени предопределило ее состав. Правда, в хунту попали представители «прогрессистов», среди которых наиболее видным являлся Агирре; правда, президентом ее был избран Сан-Мигель, бывший соратник Риего, а теперь довольно умеренный либерал, но решающую роль в хунте играли не они. Решающая роль принадлежала крупным капиталистам Севильяно и Мольинедо, монархистам маркизу де ла Вега и маркизу де Табуерниха, а также ряду других лиц, тесно связанных с либерально-консервативной оппозицией. Такой состав хунты неизбежно сказывался и на ее политике: хунта обещала народу лишь созвать учредительные кортесы да разогнать придворную камарилью. Дальше этого она не пошла. И, если бы не вмешательство народа, хунта, вероятно, тогда же поставила бы во главе исполнительной власти героя Мансанареса — О'Доннеля.

Но народ хотел совсем не того. Народ громко требовал, чтобы руководство революцией было вручено... Эспартеро. Бывший диктатор в это время мирно проживал в своем имении в Логроньо,

куда он вернулся после амнистии 1847 г. и, подобно Цинцинату, усердно занимался сельским хозяйством. Теперь народ призвал его взять в свои руки судьбу страны. Почему выбор масс еще раз пал на Эспартеро? К.Маркс дает такое объяснение этому явлению: «Длительные периоды жестокой реакции имеют изумительное свойство ставить на прежнее место павших вождей, потерпевших неудачу в революции. Чем большим воображением одарен народ, — а где оно больше, чем на юге Европы, — тем сильнее его стремление противопоставить лицу, воплощающему деспотизм, лицо, воплощающее революцию. Будучи не в состоянии сразу съимпровизировать такового, народ выкапывает мертвецов своих прежних движений»[1].

Так Нарваес проложил дорогу Эспартеро.

В сложившейся обстановке либерально-консервативной оппозиции, конечно, не приходилось думать об открытом руководстве революционным движением, явно переросшем рамки, в которых ей хотелось бы его держать. Из верхушечного это движение стало массовым и вырвалось из рук своих инициаторов. О'Доннель и Кановас были отброшены в сторону. Первое место занял Эспартеро. Когда 29 июля он прибыл в столицу, ему была устроена триумфальная встреча. Отвечая на приветствия, Эспартеро воскликнул: «Люди Мадрида! Вы призвали меня за тем, чтобы навсегда установить свободу в нашей стране. Я здесь, и если враги свободы попробуют отнять ее у нас, я стану во главе вас, во главе всех испанцев, и с мечом Лючаны в руках покажу вам путь к славе!»[2]

Это звучало гордо, но, к сожалению, как увидим ниже, за хорошими словами не последовало хороших дел.

Вожди либерально-консервативной оппозиции, лавируя в неблагоприятной для них обстановке, сделали вид, будто бы они склонились перед волей масс. О'Доннель, вступивший в Мадрид днем позже Эспартеро, скромно отошел на второе место и даже на глазах огромной толпы почтительно облобызался с Эспартеро, тем самым как бы публично закрепляя братский союз с вождем народа. Разумеется, со стороны О'Доннеля все это было лишь ловко рассчитанной комедией, но он знал Эспартеро и умел терпеливо дожидаться своего часа.

31 июля королева назначила Эспартеро премьером. Второй раз в жизни судьба давала ему в руки великий шанс. Волна революции стояла очень высоко. Страна была покрыта густой сетью революционных хунт. Выборы командиров национальной милиции закончились везде победой левых и крайних левых. Тайные общества возобновили свою деятельность в столице, оказывая сильное влияние на демократические силы населения. Республиканцы создали весьма активный Союз демократов, во главе которого стояли Фигерас, Пи-и-Маргалль, Сиксто Камара, Оренсе (маркиз де ла Альбаида), Ордакс Авесилья и др. Группа республиканцев опубликовала в Мадриде проект конституции Федеральной Иберийской Республики, в котором, помимо обычных демократических требований, признавалась свобода совести, отмена колоний, всеобщее вооружение народа и отказ от всех завоевательных войн[3]. Широкие массы громко требовали аннулирования конкордата 1851 г., конфискации имений контрреволюционеров, уничтожения коррупции в деле постройки железных дорог, отчета всех министров 1843—1854 гг. в своей деятельности и создания специального трибунала для суда над Христиной. Этот последний пункт был особенно важен. Ненависть к королеве-матери, в которой народ видел олицетворение всех преступлений и гнусностей поверженного режима, носила всеобщий характер. Народ требовал, чтобы она понесла заслуженное возмездие. Понимая это, Христина в первые дни революции дважды пыталась бежать из страны однако бдительность масс помешала ей осуществить свое намерение. В такой обстановке Эспартеро легко мог бы не только реализовать все вышеуказанные требования народа, но и смело повести страну по пути революционно-демократического развития. Однако для этого требовалось, чтобы Эспартеро имел ясную голову и твердую волю в борьбе за ту «свободу», которую он только что обещал защищать «с мечом Лючаны в руках». Мы знаем по прошлому, что у Эспартеро не было ни того, ни другого. В результате вторичная диктатура Эспартеро закончилась, пожалуй, еще более бесславно, чем первая.

Действительно, два года господства Эспартеро были сплошной цепью его отступлений перед напором либерально-консервативной оппозиции, возглавляемой О'Доннелем, причем О'Доннель неизменно нападал, а Эспартеро лишь слабо и неискусно оборонялся, в конце концов сдавая свои позиции. Вся четвертая революция прошла под знаком постоянной борьбы между «курицей» (Эспартеро) и «павлином» (О'Доннель), как испанские остряки окрестили ее главных действующих лиц, что лишь символизировало борьбу, происходившую между либерально-консервативной оппозицией, т.е. верхушкой буржуазии плюс более «модернизированная» часть помещиков, с одной стороны, и «прогрессистско»-республиканскими силами, т.е. городской, мелкой буржуазией плюс рабочие, с другой стороны. При этом Эспартеро слишком часто напоминал дедушку из

---

[1] К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч, т.X, стр.692.
[2] Butler Clarke. Modern Spain. Cambridge, 1906, стр.232.
[3] См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.X, стр.711.

старинных комедий, который будучи чем-либо недоволен, сначала шумит и возмущается, но затем быстро выдыхается и в конце концов соглашается на все, что ему предлагают. Конечно, дело революции от такого поведения Эспартеро только еще более проигрывало.

Первое поражение Эспартеро понес при создании правительства. В горячей атмосфере первых дней революции он легко мог бы составить его из левых и крайних левых, что имело бы громадное значение как для укрепления революции, так и для упрочения положения самого Эспартеро. Вместо этого диктатор согласился возглавить кабинет, в котором из восьми членов только четверо (Эспартеро, морской министр Саласар, министр внутренних дел Санта-Крус и министр юстиции Алонсо) были представителями левого крыла революции, а четыре других — военный министр О'Доннель, министр иностранных дел Пачеко, министр финансов Кальядо и министр торговли Люксан являлись представителями либерально-консервативной оппозиции. При этом почти все важнейшие министерства оказались в руках последних. В процессе дальнейшего развития несколько раз происходила частичная реконструкция правительства, однако она неизбежно шла не столько влево, сколько вправо. За все эти два года ни разу не было такого момента, когда Эспартеро имел бы в правительстве свое собственное надежное большинство, хотя возможность к тому — особенно вначале — несомненно имелась.

Второе поражение, которое естественно вытекало из первого, Эспартеро понес при так называемом «дележе добычи».

«Еще ни в одной революции, — писал по этому поводу К.Маркс, — поведение общественных деятелей не давало более скандального зрелища, нежели в этой, начатой в интересах «нравственности» испанской революции. Коалиция старых партий, образовавшая нынешнее правительство (сторонники Эспартеро и сторонники Нарваеса), главное свое внимание обратила на дележ добычи, состоящей из должностей, назначений, жалований, титулов и наград»[4].

Здесь опять-таки в силу слабости Эспартеро «золотой дождь» посыпался главным образом на сторонников правого крыла. А это имело последствием то чрезвычайно важное обстоятельство, что ряд важнейших командных высот в государственном аппарате в том числе в армии и дипломатии, оказался в руках отъявленных реакционеров. Достаточно сказать, что даже такие люди, как Браво Мурильо и Гонсалес Браво, получили свой кусок добычи: они стали послами в Константинополе и Вене. Чтобы хоть несколько замаскировать свой цинизм в глазах масс, правительство назначило популярного торреадора Пучету... главным управляющим боен. Позднее он стал полицмейстером Мадрида. Кроме того, был учрежден особый комитет для выдачи наград защитникам баррикад. Разумеется, такие меры не могли успокоить и действительно не успокоили демократических кругов революции.

Третье поражение Эспартеро понес в вопросе о Христине, 7 августа глава правительства торжественно заявил, что «в согласии с желанием мадридского народа герцогиня Риансарес (т.е. Христина. — *И.М.*) не покинет столицу ни днем, ни ночью, ни как-либо тайно»[5], ибо, как мы знаем, массы настойчиво требовали предания Христины суду особого трибунала. Газета «El Tribune» даже подсчитала, что Христина обязана вернуть испанскому государству 70 млн. реалов, которые она себе незаконно присвоила[6]. Однако правое крыло привело в движение соответственные рычаги, и Христина не только не предстала перед судом, а наоборот, 28 августа, т.е. всего лишь три недели спустя, была отпущена в Португалию, причем до самой границы ее сопровождал почетный воинский караул. Когда это стало известно, вспыхнули бурные протесты со стороны масс. Левые обвиняли правительство и лично Эспартеро в измене. Желая разрядить создавшееся напряжение, правительство лишило Христину пенсии и конфисковало ее имущество в Испании, а также устроило совещание с лидерами левых клубов и организаций, где пыталось объяснить и оправдать свое поведение. Это ему плохо удалось, и потому неудивительно, что республиканское движение теперь стало набирать силу, особенно в Каталонии, Валенсии и Андалусии. Народ уже не удовлетворяла Мансанаресская программа, он хотел большего и не собирался складывать оружия до осуществления своих желаний. Но Эспартеро не сумел и не захотел использовать этих настроений масс для дела революции.

Четвертое поражение Эспартеро потерпел в вопросе о финансах. Когда его правительство пришло к власти, государственная касса была пуста. Испанские банкиры дали Эспартеро 2,5 млн. долларов, но взамен потребовали «умеренной» политики. И Эспартеро пошел навстречу банкирам: был восстановлен реакционный закон 1837 г. о печати, была отменена свобода собраний, были закрыты левые клубы.

И. М. МАЙСКИЙ

ИСПАНИЯ 1808–1917

Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

[4] К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.X, стр.700.
[5] Там же, стр.714
[6] См. там же, стр.697.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Называя правительство Эспартеро «революционным правительством-выкидышем», К.Маркс в связи с этими действиями диктатора писал: «Долги, наделанные их контр-революционными предшественниками, они (т.е. «революционные правительства-выкидыши». — *И.М.)* превращают в национальные обязательства. Чтобы быть в состоянии платить по ним, им приходится продолжать взимание старых налогов и заключать новые займы. Но чтобы суметь это сделать, они должны гарантировать «порядок», т.е. самолично принимать контр-революционные меры. Таким образом новая народная власть сразу превращается в служанку крупных капиталистов и в угнетательницу народа»[7].

Наконец, пятое поражение Эспартеро понес на парламентской арене. 8 ноября 1854 г. открылись кортесы, которые должны были выработать новую конституцию. При подготовке выборов возник спор: на базе какой конституции — 1837 г. или 1845 г. — созывать эти кортесы? Эспартеро отстаивал конституцию 1837 г., как более демократическую. О'Доннель отстаивал конституцию 1845г., как более аристократическую. На этот раз, при энергичном содействии масс, победил Эспартеро. Он даже рискнул отступить от конституции 1837 г. влево и добился созыва однопалатного учредительного собрания вместо предусмотренных этой конституцией двухпалатных кортесов.

Однако, когда учредительные кортесы собрались, О'Доннель поспешил взять реванш. Из членов либерально-консервативной оппозиции, с примесью более умеренных «прогрессистов», он создал партию «Объединенных либералов», стоявшую на базе Мансанаресской программы. Эта партия располагала в кортесах большинством и включала таких людей, как Конча, Серрано, Сан-Мигель, Дульсе, Кортина, Мадос, Пачеко, Риос Росас и др. Формально в нее входили сторонники как Эспартеро, так и О'Доннеля, однако благодаря пассивности первого и чрезвычайной активности второго «Объединенные либералы» все больше превращались в партию О'Доннеля. Кроме «Объединенных либералов», в кортесах имелись еще чистые эспартеристы (т.е. левые прогрессисты), насчитывавшие около 50 членов; демократы (в большинстве республиканцы, в том числе первый президент будущей Испанской Республики Эстанислао Фигерас), насчитывавшие 23 человека; наконец, маленькие группы крайних правых и крайних левых. Последние называли себя непримиримыми. Демократы и непримиримые не пользовались в учредительном собрании большим влиянием, но зато эспартеристы на первых порах играли очень крупную роль, увлекая часто за собой многих членов «Объединенных либералов». В дальнейшем, благодаря все той же пассивности, Эспартеро и тут стал терять свое преимущество, уступая О'Доннелю одну позицию за другой. Правое крыло революции систематически усиливало свое влияние за счет левого, и это, конечно, не могло не сказаться на законодательном творчестве учредительных кортесов. Прекрасной иллюстрацией тому могут служить два акта: новая конституция и земельный закон.

Новая конституция в основном была возвратом к старой конституции 1837 г., которая, как мы знаем, означала значительный шаг назад по сравнению с конституцией 1812 г. Конституция 1855 г., правда, исходила из принципа народного суверенитета, но на практике обставляла его такими ограничениями, что в сущности делала совершенно иллюзорным. Конституция сохраняла чрезвычайно широкие права за короной и устанавливала двухпалатные кортесы, причем члены верхней палаты должны были выбираться сроком на 12 лет представителями знати и богатства. В одном вопросе новый основной закон означал известный, правда очень маленький — шаг вперед — это в вопросе о религии. Как мы знаем, конституция 1837 г. не допускала свободы совести, запрещая исповедание какой-либо иной религии, кроме католической. Новая конституция тоже признавала, что «испанская нация обязуется сохранять и защищать исповедание и служителей католической религии», но в то же время заявляла, что последователи других культов не могут быть преследуемы, если их верования не выявляются в «актах, противных религии». Формула была весьма темная и каучуковая, едва ли способная что-либо изменить на практике, но принципиальное значение ее не подлежало сомнению: впервые испанское государство официально допускало возможность существования на его территории представителей не католических исповедований. В общем, однако, конституция 1855 г. была проникнута духом крайней умеренности и аккуратности: она отражена не левое, а правое крыло революции.

Не иначе было и с земельным законом. Речь шла о распродаже церковных владений. Как мы уже знаем, аналогичные законы не раз издавались раньше, но всякий раз, как вслед за прогрессивным правительством к власти приходило реакционное, ему удавалось приостановить такую продажу (это имело место в 1814, 1823 и 1843 гг.). В результате к середине 50-х годов распродана была только часть церковных земель на общую сумму около 6 млрд. реалов. Еще очень обширная площадь оставалась по-прежнему в руках духовенства. В феврале 1855 г. правительство, преодолев сильное сопротивление королевы, провело закон о распродаже всех наличных церковных земель, включая земли, принадлежащие различным католическим орденам, благотворительным учреждениям и т.д., а 1 мая того же года был издан дополнительный закон, запрещавший церкви приобретать новые земли. Весь полученный таким образом земельный фонд

---

[7] К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х, стр.710.

должен был продаваться мелкими участками на льготно-кредитных условиях лицам, не обладающим крупными средствами (фактически этими возможностями воспользовались, как и раньше, лишь верхушка крестьянства, да городская буржуазия). Нельзя отрицать, что все указанные меры были нужны и полезны, однако в них не было ничего революционного. Они не выходили за рамки того, что уже раньше делалось не одним из испанских правительств. Коренная проблема Испании — проблема ликвидации помещичьего землевладения — законами Эспартеро совершенно не затрагивалась. К тому же эти законы в большей своей части оставались на бумаге.

Как видим, оба важнейших законодательных акта правительства Эспартеро были отмечены печатью нерешительности и половинчатости, что объяснялось, как его личным характером, так и составом возглавляемого им кабинета. Эспартеро не хотел и не умел мобилизовать массы на борьбу за осуществление революционно-демократических требований, — напротив того, говоря словами Маркса, он стремился «смирять волны революции». Это, естественно, открывало перед О'Доннелем и силами, которые он представлял, возможности успешного контрнаступления. О'Доннель тщательно подготавливал его в течение почти двух лет, используя все ошибки левых и, прежде всего, самого Эспартеро, а также объединяя все реакционные элементы, включая двор и католическое духовенство. Критический момент наступил в середине 1856 г.

Под влиянием событий четвертой революции обострилась борьба рабочих и крестьян, подробности которой будут изложены ниже (см. главу «Пятая революция»). Сейчас достаточно будет сказать, что весной и летом 1856 г. началось бурное крестьянское движение в Андалусии, Эстремадуре, Вальядолиде. Национальная милиция в этой борьбе часто становилась на сторону трудящихся. О'Доннель был возмущен поведением милиции и считал необходимым как можно скорее положить конец такому «безобразию». Пользуясь пассивностью и слепотой Эспартеро, О'Доннелю удалось навязать правительству декрет, ограничивавший права национальной милиции. Это вызвало бурные протесты всех демократических элементов страны. Пятеро левых министров демонстративно подали в отставку. Тогда О'Доннель сделал ловкий маневр: декрет был отменен, но пять свободных министерских портфелей переданы его собственным сторонникам Эспартеро, проявивший во всем этом деле редкое безволие, остался теперь единственным «представителем левых» в правительстве. Правда, в дальнейшем благодаря нажиму со стороны прогрессистов и демократов кабинет был вновь реорганизован и пополнен несколькими левыми министрами (в их числе был министр внутренних дел Эскосура). Однако общее соотношение сил в правительстве изменилось в пользу О'Доннеля, который к тому же, за спиной у Эспартеро, вступил теперь в контакт с королевой Изабеллой на предмет окончательного подавления революции.

Летом 1856 г. в районе Вальядолида разыгрались крупные аграрные волнения. Министр внутренних дел радикал Эскосура был послан на место для производства расследования и выработки мер по предупреждению подобных инцидентов в будущем. Доклад Эскосуры, представленный правительству, носил характер удара по О'Доннелю и возглавляемому им течению. Левые считали, что за ними еще стоят крупные силы и что, проявив энергию и решительность, они могут одержать верх над правыми. Поэтому Эскосура с товарищами готовы были довести дело до острого конфликта. В свою очередь О'Доннель, тщательно подготовивший свои позиции (в частности, полностью договорившийся с королевой), тоже искал случая для того, чтобы скрестить мечи с своими левыми противниками. Теперь О'Доннель заявил Эспартеро, что правительство не может нормально работать, если оно будет включать столь резкие расхождения во мнениях, как те, которые обнаружились между ним и Эскосурой. Лидеры радикалов — Эскосура, Олосага и др. — предупреждали Эспартеро, что дело принимает серьезный оборот, и убеждали премьера немедленно поставить во главе столичного гарнизона людей, на которых левые могли бы целиком положиться. Но Эспартеро смеялся над опасениями своих сторонников и доказывал, что О'Доннель не рискнет устроить переворот без согласия королевы, а королева-де заверила Эспартеро, что она «никогда не забудет» О'Доннелю его пронунсиаменто 1854 г. Отсюда ослепленный легковерием старик делал тот вывод, что никаких мер предосторожности принимать не нужно.

Больше того. Не будучи в состоянии уладить сам разногласия в своем правительстве, Эспартеро решил сделать арбитром королеву. 13 июля 1856 г. он привез к Изабелле О'Доннеля и Эскосуру и обратился к ней с просьбой помочь примирить обоих членов правительства, которые являются для него одинаково необходимыми. «Если кто-нибудь один из них уйдет, — неосторожно бросил Эспартеро, - я тоже должен буду уйти». Тогда Изабелла, у которой заранее имелась полная договоренность с О'Доннелем, разыграла с присущим ей лицемерием небольшую драматическую сцену. Сначала она убеждала О'Доннеля пойти на компромисс, но О'Доннель упорно отказывался. Затем, сделав вид, что она очень огорчена, королева на несколько мгновений погрузилась в раздумье. Наконец, недовольным голосом она заявила, что поставленная несговорчивостью министров перед необходимостью выбирать между двумя противниками, она вынуждена, хотя и с величайшей неохотой, согласиться на отставку Эскосура. Не ожидавший этого Эспартеро поддался минутной эмоции и воскликнул: «в таком случае я тоже ухожу». Королева

изобразила на лице еще большее огорчение и, обернувшись к О'Доннелю, почти со слезами в голосе произнесла: «Я надеюсь, что О'Доннель меня не покинет». На это О'Доннель ответил глубоким поклоном.

Так кончилось премьерство Эспартеро, а вместе с тем и его политическая карьера.

14 июля О'Доннель был назначен премьером и тотчас же сформировал уже целиком свое правительство, первым актом которого явилось объявление всей Испании на осадном положении.

Отставка Эспартеро подействовала на лево-демократические круги, как удар грома. 14 июля были созваны все те депутаты кортесов, которые в тот момент находились в Мадриде. Их оказалось 93, что было вполне достаточно для законности принимаемых решений, поскольку регламент устанавливал кворум в 50 человек. Была принята резолюция о том, что новый кабинет О'Доннеля не пользуется доверием палаты. Депутация кортесов в сопровождении отряда национальной милиции отправилась во дворец, чтобы довести резолюцию до сведения королевы. Она не была туда допущена частями регулярных войск. Тогда в 7 часов вечера кортесы дали приказ строить баррикады. В столице вспыхнуло восстание. Национальная милиция в количестве 16 тыс. человек, под командой брата Эскосура генерала Вальдеса, поднялась против О'Доннеля. К ней примкнули тысячи рабочих, руководимых полицмейстером Мадрида бывшим торреадором Пучета. Восстали также Валенсия, Сарагоса, Кадис, Гранада, Севилья, Овьедо и многие другие города. Движение горячо поддержали крестьяне Наварры и Басконии — как раз тех самых областей, которые поколением раньше являлись опорой карлизма. Своеобразное исключение составила Барселона: 20 тыс. местных ткачей заявили, что будут сражаться только за республику; поскольку эспартеристы не шли дальше конституционной монархии, ткачи остались пассивными; в результате борьба в Барселоне не развернулась в полном объеме. В общем, однако, реакция страны на переход власти к О'Доннелю была достаточно грозной, и положение нового правительства оказалось затруднительным, несмотря на поддержку двора и части регулярных войск. Шансы сторон колебались на весах истории, и будь у левых твердое и смелое руководство, возможно, что дальнейший ход событий сложился бы иначе. К сожалению, такого руководства у них в этот критический час не нашлось. Несмотря на горячие просьбы и убеждения друзей, Эспартеро отказался возглавить борьбу левых. «Вместо этого, — рассказывает К.Маркс, — он отправился в дом генерала Гурреа и скрылся в безопасный от бомб погреб...»[8], а затем вернулся в Логроньо. Оставшись без популярного общепризнанного вождя, повстанцы лишились важного элемента победы. Дальше произошло следующее: «Утром 15-го О'Доннель взял инициативу в свои руки. Даже согласно пристрастному свидетельству «Debats», О'Доннель в течение первой половины дня не добился значительного успеха. Внезапно, около 1 часа дня, без всякой видимой причины,. ряды национальной милиции оказались прорванными; в 2 часа они еще более поредели, а в 6 часов милиция вовсе исчезла со сцены, предоставив всю тяжесть борьбы рабочим, которые сражались до 4 часов пополудни 16-го. Таким образом, в эти три дня кровавой бойни было два различных сражения: первое вела либеральная милиция буржуазии, при поддержке рабочих, против армии, второе — вела армия против рабочих, покинутых милицией. Как сказано у Гейне, «старая, но вечно новая история». Эспартеро покидает кортесы, кортесы покидают командиров национальной гвардии, командиры покидают своих солдат, а солдаты покидают народ»[9].

17 июля восстание в Мадриде было подавлено. В течение последующих двух недель были ликвидированы восстания, вспыхнувшие в других городах. 15 августа были распущены национальная милиция и провинциальные муниципалитеты. 2 сентября разошлись учредительные кортесы, так и не введя в действие конституции 1855 г.

Контрреволюция одержала победу. Однако события 1854— 1856 гг. знаменовали собой крупный шаг вперед в социально-политическом развитии страны. Впервые «испанская революция .. полностью потеряла династический характер»[10]. Впервые испанские рабочие появились на исторической сцене, хотя пока еще в роли вспомогательного отряда буржуазии. Впервые в испанской буржуазии, под влиянием собственного опыта и уроков 1848 г. во Франции, произошло более отчетливое расслоение, причем верхушка ее обнаружила тенденцию к соглашению с феодально-консервативными элементами. Именно здесь приходится искать первоисточник того «прусского пути» развития Испании, который, как увидим ниже, окончательно определился после пятой революции 1868—1874 гг.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАЧЕЛИ: О'ДОННЕЛЬ—НАРВАЕС (1856—1868)

Итак, блок крупных буржуа и «модернизованных» помещиков, возглавляемый О'Доннелем, одержал победу над демократическими элементами, состоявшими главным образом из городской

[8] К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XI, ч.1, стр.43.
[9] Там же, стр.42—43.
[10] К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XI, ч.1, стр.47.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

мелкой буржуазии, интеллигенции, ремесленников, рабочих. Теперь этот блок рассчитывал в полюбовном сотрудничестве с двором править страной. Однако он ошибся в своих ожиданиях. Необходимой предпосылкой для такого хода вещей являлась готовность двора и стоявших за ним право-помещичьих кругов идти на компромисс с блоком О'Доннеля. Но такой готовности у них не было. Эти крайние элементы феодально-монархической реакции все еще верили в возможность восстановления дореволюционного режима, т.е. диктатуры Нарваеса, и потому не хотели идти на уступки «духу времени», т.е. блоку правых буржуа и левых помещиков.

О'Доннель был нужен Изабелле, пока ей грозила опасность со стороны левого крыла революции. Но теперь, когда с помощью О'Доннеля она избавилась от этой опасности, такая надобность прошла. Со вздохом облегчения королева вновь вернулась к своим старым, привычным путям и, прежде всего, решила дать пинка своему недавнему спасителю.

Тщетно О'Доннель старался доказать Изабелле свою «надежность» путем восстановления конституции 1845 г., приостановки продажи церковных земель и возвращения Христине конфискованного у нее имущества, — все было напрасно. Изабелла жаждала мести и очень скоро нашла случай удовлетворить свое желание.

10 октября 1856 г., в день рождения королевы, во дворце состоялся блестящий бал. Здесь, в присутствии иностранных дипломатов, а также раззолоченной толпы грандов, сановников, генералов, Изабелла разыграла еще одну «драматическую сценку», жертвой которой на этот раз стал О'Доннель: в течение всего вечера она обходилась с главой правительства так, как если бы хотела нанести ему кровное оскорбление, и одновременно обнаруживала по отношению к Нарваесу (не занимавшему в тот момент никаких постов) столь почтительное внимание, как если бы он был ее мудрым и любимым отцом. Все расценили это как предвестник наступающих перемен. И, действительно, два дня спустя О'Доннель получил отставку, пробыв на посту премьера меньше трех месяцев, а 12 октября 1856 г. к власти вернулся Нарваес.

Это первое после революции правительство Нарваеса просуществовало ровно год (с октября 1856 по октябрь 1857 г.). Его глава полностью оправдал свою репутацию: все законы 1854—1856 гг. были отменены, тюрьмы переполнены прогрессистами и демократами, многие из них сосланы; сенат реформирован в реакционном духе, муниципальная автономия фактически отменена, церкви возвращено влияние на государственные дела, во вновь избранные кортесы допущены только сторонники кабинета (вся оппозиция состояла из пяти человек). Нарваес точно нарочно задавался целью стереть все следы «революционного двухлетия», и справедливость требует сказать, что в этом отношении ему удалось добиться многого.

Однако против Нарваеса работали мощные силы, в основе которых лежали вышеописанные процессы хозяйственного развития страны. Несмотря на медленность темпов этого развития, Испания конца 50-х годов была все-таки уже не та, что 25 и даже 15 лет назад. Поэтому попытки Нарваеса возможно полнее реставрировать порядки, существовавшие до четвертой революции, наталкивались на серьезные препятствия. Ярким примером тому могли служить события в Андалусии. Здесь, где благодаря наличию огромных масс безземельного и малоземельного крестьянства аграрный вопрос достиг особой остроты, летом 1857 г. вспыхнуло крупное восстание. Оно было подавлено с чрезвычайной жестокостью, причем 98 участников движения были казнены. Нарваес действовал здесь в духе исконно-феодальных традиций, но его расправа на этот раз вызвала в стране столь бурное возмущение, что положение правительства было поколеблено. Даже легкомысленная Изабелла пришла в сильное смущение и увидела себя вынужденной пойти навстречу общественному мнению: Нарваес получил отставку, на которую королева решилась тем легче, что сама лишь с большим трудом сносила властный характер своего премьера.

В течение последующих восьми месяцев Изабелла пыталась править с помощью придворных марионеток в лице Армеро и Истуриса, однако в условиях все возрастающего влияния буржуазии и все усиливающегося пробуждения масс ей это плохо удавалось. В конце концов королева вынуждена была поискать на роль премьера какую-либо иную фигуру, более крупную и лучше соответствующую «духу времени». Но кто мог быть такой фигурой? На политической сцене тогдашней Испании имелась только одна фигура подобного рода — О'Доннель. И, действительно, 1 июля 1858 г. О'Доннель стал главой правительства, которое продержалось вплоть до 2 февраля 1863 г., т.е. в течение почти целых пять лет, — случай, еще не имевший прецедента со времен войны за независимость!

В чем крылась причина столь необычной длительности правления О'Доннеля?

Она крылась в том, что, не теряя связи с более прогрессивной частью помещиков, О'Доннель сумел опереться на поднимавшую голову буржуазию и всем характером своей политики содействовать капиталистическому развитию Испании. Именно в правление О'Доннеля здесь особенно широко развернулась та оживленная хозяйственная деятельность, о которой речь шла выше (железнодорожное строительство, создание банков и промышленных компаний, усиление товарооборота с другими странами и т.д.). Именно в правление О'Доннеля Испания переживала полосу необыкновенного процветания. Именно в правление О'Доннеля Испания развивала также большую внешнеполитическую активность: в 1858 г. вместе с Францией она участвовала в

военных операциях в Индокитае; в 1859—1860 гг. вела войну в Марокко, доставившую «лавры» О'Доннелю, но обошедшуюся стране в 7 тыс. жизней и много миллионов песет; в 1861 г. присоединила к себе Сан-Доминго; в том же 1861 г. приложила руку к мексиканской экспедиции Франции и Англии, закончившейся расстрелом императора Максимилиана.

Перед нами, как видим, довольно типичная картина буржуазно-капиталистического развития середины прошлого века. С учетом масштабов и обстоятельств можно утверждать, что на рубеже 50—60-х годов О'Доннель играл в Испании примерно ту же роль, какую одновременно во Франции играл Наполеон III. При проведении своей политики О'Доннель никогда не забывал опыта своего первого министерства. Поэтому теперь он всемерно стремился к созданию для своего правительства такой базы, которая возможно меньше зависела бы от двора и королевы. И не без успеха. То был реванш диктатора за унижение, пережитое им около двух лет назад.

Как это было достигнуто?

Это было достигнуто путем возрождения того блока правых буржуа и левых помещиков, главой которого О'Доннель стал на исходе четвертой революции. Он возродил партию «Объединенных либералов», вновь получившую теперь название «Либерального союза», но значительно расширил ее рамки по сравнению с прошлым. В Либеральный союз вступили более умеренные консерваторы типа Истуриса, Мона, Мартинеса де ла Роса, более правые «прогрессисты» типа Санта-Круса, Кортина, Инфанте, много чиновников, военных, дипломатов. К Либеральному союзу примкнули и некоторые «прогрессисты» более левого толка включая уже знакомого нам генерала Хуана Прима. Все это была довольно пестрая и разношерстная публика, не имевшая какой-либо твердой программы и четких политических принципов. Взгляды ее характеризовались главным образом отрицаниями: сторонники Либерального союза были против чистых умеренных (т.е. консерваторов), против чистых «прогрессистов», ибо, как заявлял один из лидеров союза Посада Эррера, умеренные вели страну к деспотизму, а «прогрессисты» — к анархии. Сторонники Либерального союза точно так же были против демократов и республиканцев. Однако, когда последователям О'Доннеля ставили вопросы об их положительных целях, они попадали в чрезвычайно трудное положение и не могли сказать ничего членораздельного. Разумеется, в коалиции подобного рода должно было быть и, действительно, было немало внутренних противоречий, которые часто давали себя знать, но до поры до времени они сдерживались и перекрывались общим сознанием необходимости капиталистического развития Испании и теми материальными выгодами, которые участники коалиции получали в результате этого развития. Политическая ловкость О'Доннеля также способствовала сохранению известного единства в рядах его сторонников.

Либеральный союз стал самой важной и многочисленной партией момента, но он все-таки не завоевал себе политической монополии. Вне Либерального союза имелись два крыла — левое и правое, оба находившиеся в оппозиции к режиму О'Доннеля. Слева находились демократы и республиканцы, вождями которых были Олосага, Сагаста, Мадос, Агирре, Эскосура, Сальмерон, Пи-и-Маргалль и другие, справа находились двор и его камарилья, вождями которых были Сан-Луис, Гонсалес Браво, Пидаль, Браво Мурильо и др. Кроме того, на Правом фланге имелась небольшая группа карлистов, которая, впрочем, играла второстепенную роль.

Едва ли не впервые в испанской политической истории О'Доннель применил новую и гораздо более гибкую тактику в отношении оппозиции. Вместо того, чтобы, следуя традиции Прошлого, загонять ее в подполье, он, наоборот сознательно приоткрыл перед ней двери легальности, но в ограниченном, им самим регулируемом размере. Так, например, на выборах 1858 г. О'Доннель допустил избрание в кортесы 20 левых («прогрессистов» и республиканцев) и 30 правых (представителей камарильи). Это было для него неопасно, ибо оба крайних фланга взаимно уравновешивали друг друга; вместе с тем это смягчало отношения между правительством и оппозицией, а главное, ослабляло у оппозиции тягу к внепарламентским методам — к заговорам, мятежам, восстаниям. Более «сговорчивые» из оппозиционеров привлекались в сенат, получали видные административные должности. В результате положение правительства становилось более устойчивым и менее зависимым от придворных интриг и королевских прихотей.

В целях поддержания единства в своей коалиции О'Доннель использовал три главных приема:

1. Систематически откладывать решение спорных вопросов, а также пореже созывать кортесы и делать покороче каждую их сессию.

2. Отвлекать общественное внимание в сторону тех внешне-политических авантюр, о которых речь шла выше.

3. Вовлекать в «раздел добычи», т.е. в получение чинов, орденов, должностей, субсидий, прибылей, взяток и т.п., возможно большее число участников коалиции. Не случайно правление О'Доннеля ознаменовалось совершенно невероятным развитием коррупции. Однако чрезвычайно характерно — и тут сказывался уже дух капиталистической эпохи, — что самой главной формой коррупции теперь стали всякого рода спекуляции в связи с постройкой железных дорог. Просматривая протоколы кортесов 1858—1861 гг., просто поражаешься бесконечным количеством

данных ими разрешений на предоставление железнодорожных концессий, на устройство торгов по сооружению железно дорожных линий, на ассигнование государственных субсидий различным компаниям по постройке железных дорог, на установление тарифов для эксплуатации готовых железных дорог и т.д.[11] А ведь каждое такое разрешение являло собой настоящее «золотое дно» для определенной группы сторонников О'Доннеля и создавало у нее прямой интерес в поддержании господствующего режима.

В свете вышеуказанного становятся более ясными причины необычайной длительности и прочности правления О'Доннеля. Однако все имеет свой конец. И как раз «серединный» характер Либерального союза постепенно подмывал основы его господства. Ибо, если перед правительством вставали такие спорные проблемы, которые не могли быть отложены или завуалированы, то О'Доннель обычно шел по пути гнилого компромисса и в результате оказывался между двумя стульями.

Прекрасной иллюстрацией к только что сказанному может служить позиция, занятая О'Доннелем в одном из важнейших для Испании вопросов — в вопросе о религии. В период «революционного двухлетия» (1854—1856) конкордат 1851 г. фактически не применялся. Нарваес, придя к власти, восстановил его действие. О'Доннель не только продолжил политику своего предшественника, но и заключил с Ватиканом соглашение, по которому испанскому духовенству гарантировались: а) ежегодная субсидия от государства в качестве компенсации за ранее проданные церковные земли и б) превращение сумм, вырученных от продажи еще подлежащих секуляризации церковных земель, в 3-процентный долг государства католической иерархии. О'Доннель, наконец, снял запрет с ордена иезуитов и дошел даже до того, что стал принимать, рука об руку с королевой, личное участие в различных религиозных торжествах и процессиях. Это вызвало резкие протесты со стороны многих либеральных сторонников диктатора, не говоря уже о том, что демократы встретили его «обращение» на путь благочестия издевательствами и насмешками. Но это не примирило с диктатором ни церкви, ни двора: они по-прежнему продолжали видеть в нем чужого человека, с которым, правда, до поры до времени приходится ладить, но от которого следует избавиться при первой возможности. В конечном итоге политика О'Доннеля в религиозном вопросе не принесла ему ничего кроме серьезного ущерба престижу.

Но вопрос о религии был лишь одним из вопросов, на котором карта диктатора оказалась битой. То же самое случилось и в ряде других важных проблем — политических, экономических, финансовых. Чем чаще это происходило, тем больше расшатывался фундамент, на котором покоилась власть О'Доннеля. Внутри Либерального союза возникли острые трения и конфликты; лучшие друзья диктатора вроде Кановаса дель Кастильо стали поворачиваться к нему спиной; нападки оппозиции справа и слева принимали исключительно острый характер; положение правительства все более слабело, а вместе с тем возрастала его зависимость от двора и королевы. На горизонте все отчетливее вырисовывался призрак надвигающегося падения. Два события сыграли в этом отношении особенно крупную роль.

Во-первых, полное расстройство государственных финансов, вызванное расходами на внешнеполитические авантюры, а также растущей коррупцией, разъедавшей весь правительственный аппарат. Достаточно сказать, что большая часть весьма крупных сумм, вырученных от продажи церковных земель, так и не дошла до казны: слишком много прилипло к рукам на пути к министерству финансов.

Во-вторых, подъем рабочего и крестьянского движения, ярко наметившийся с начала 60-х годов (подробнее об этом в следующей главе). Особенно большое значение имело крестьянское восстание в Лоха, разыгравшееся летом 1861 г. О'Доннель подавил его с жестокостью, не уступавшей действиям Нарваеса. Он запретил также профессиональные союзы рабочих и обрушился с тяжелыми репрессиями на левую печать. Все это вызывало сильное и все растущее возмущение против него среди прогрессистов, демократов и республиканцев.

Таким образом, опасность надвигалась на О'Доннеля как слева, так и справа.

Королева, отличавшаяся чрезвычайной злопамятностью, сочла момент удобным для того, чтобы возобновить свои интриги против диктатора. Всячески поощряемая камарильей и церковью, она стала создавать различные трудности для премьера. О'Доннель был достаточно умен, чтобы понять, что час для его ухода пробил: не дожидаясь своего смещения свыше, он сам подал в отставку 2 марта 1863 г. Однако Либеральный союз, хотя и несколько ослабленный, сохранился.

Королева снова попыталась править страной через дворцовых марионеток, но и на этот раз без успеха. В течение полутора лет сменилось три эфемерных кабинета (Мирафлорес, Арасола и

---

[11] Так, например, 18 мая 1859 г. был принят закон о постройке железной дороги Мадрид—Аликанте—Картахена, 5 июня 1859 г. — закон о постройке железной дороги Лерида—Монблан и Буитрон—Одьель, 31 октября 1859 г. — закон о постройке железной дороги Мансанарес—Андхар— Кордова и Вента де Алколеа—Эспьель—Бельмес, 3 апреля 1861 г—закон о постройке железной дороги Сант-Яго—Карриль, 29 апреля 1861 г.— закон о постройке железной дороги Сарагоса—Барселона и т.д. (см. «Diano de Cortes» за соответственные годы).

Мона), жалко топтавшихся на месте, в то время как быстро нараставшие события требовали какой-либо определенной политики. Положение двора особенно осложнилось, когда «прогрессисты», в ряды которых теперь вернулись многие бывшие члены Либерального союза и в их числе генерал Прим, выдвинули требование низложения Изабеллы. В мае 1864 г. они опубликовали декларацию о том, что отныне будут бойкотировать как выборы в кортесы, так и все правительства, назначаемые королевой. Одновременно Олосага от имени той же партии заявил, что она больше не считает Эспартеро своим лидером, так как старый генерал оказался недостаточно решительным перед лицом «традиционных преград» (т.е. не сочувствовал требованию низложения Изабеллы). Таким образом, «прогрессисты открыто бросили перчатку трону, ясно давая понять, что они стоят, как минимум, за смену монарха. И, что было особенно важно, «прогрессисты» нашли себе подходящего военного вождя для осуществления этой цели в лице генерала Прима, — четвертого из генералов, сыгравших крупную политическую роль в событиях описываемой эпохи.

Хуан Прим (1814—1870), родом из Каталонии, был сыном офицера испанской армии и сам рано поступил в армию. Подобно трем другим диктаторам, о которых уже шла речь, он тоже выдвинулся в первой карлистской войне и закончил ее с чином полковника. Политические симпатии Прима были с левыми, хотя линия его поведения не всегда была достаточно четка. В 1843 г. в качестве депутата от Таррагоны он участвовал в свержении Эспартеро и вместе с генералом Серрано вступил в Мадрид. Однако, когда в 1844 г. была установлена реакционная диктатура Нарваеса, Прим перешел в оппозицию и был приговорен к шестилетней ссылке на Филиппинские острова. Королева помиловала Прима, но все-таки следующие три года ему пришлось провести в Англии и Франции. После амнистии 1847 г. Прим вернулся в Испанию и был назначен генерал-капитаном Порто-Рико. В 1854 г. Прим, вторично избранный в кортесы, выступил сторонником О'Доннеля, а позднее, в 1859— 1860 гг., воевал в Марокко. Прим командовал испанской армией во время мексиканской экспедиции 1861 г. и по возвращении домой примкнул к «прогрессистам», считая взятый О'Доннелем курс на примирение с двором гибельным для дела прогресса и для Испании. Энергичный, решительный, всегда готовый к военно-революционным действиям, Прим представлял серьезную опасность для реакции, тем более, что его военная слава и его простота обращения с солдатами создавали ему большую популярность в армии. Приму, однако, не хватало выдержки и политического расчета. Это, как увидим ниже, не раз ставило его в затруднительное положение.

Крайняя левая — республиканцы во главе с Пи-и-Маргаллем, Фигерасом, Кастеларом, Оренсе — поддержала «прогрессистов» и тоже объявила бойкот выборам и королевским правительствам. В итоге весь левый фланг испанского политического фронта открыто заявил о своем отказе признать королеву, двор, консерваторов, клерикализм и эту свою позицию он твердо сохранял вплоть до падения Изабеллы. Однако левый фланг, включая и его наиболее крайние элементы, в основном носил городской характер, опираясь на мелкую буржуазию, интеллигенцию, ремесленников, рабочих, солдат. Правда, среди «прогрессистов» было немало модернизованных помещиков, а республиканцы пользовались известным влиянием в сельских местностях Андалусии, Эстремадуры, Арагона. Но все-таки широкие крестьянские массы, несмотря на отдельные взрывы и восстания, о которых уже шла речь, не играли большой роли в демократических движениях 60—70-х годов. Именно здесь приходится искать главную причину поражения революции 1868—1874 гг. и нового торжества контрреволюции.

В сложившейся обстановке королева с горечью вынуждена была признать, что придворные марионетки являются плохой опорой трона, и в сентябре 1864 г. вновь вручила бразды правления Нарваесу. Однако положение уже настолько запуталось и осложнилось, что даже этому испытанному столпу реакции не удалось с ним сколько-нибудь удовлетворительно справиться. Нарваес начал с заигрываний налево: объявил амнистию, ослабил петлю, душившую печать, стал называть себя либералом. Но это не ввело в заблуждение представителей оппозиции. Они упорно продолжали свою тактику бойкота и все громче требовали устранения «традиционных преград». Очень скоро разыгрался один инцидент, который довел общественное настроение до точки кипения.

В феврале 1865 г. Изабелла, сильно нуждавшаяся в деньгах и лишенная возможности получить их из совершенно опустошенной казны, решила прибегнуть к жульнической операции, а именно продать часть коронных земель, 25% выручки взять себе, а остальные 75% в виде «подарка» преподнести государству. Этим «жестом благородства» королева хотела сразу убить двух зайцев: и деньги получить, и несколько разрядить слишком уж сгустившуюся общественную атмосферу. Конечно, правые приветствовали шаг Изабеллы, как акт «монаршего великодушия», но левый лагерь отнесся к нему совершенно иначе,

Один из вождей республиканцев, профессор мадридского университета Эмилио Кастелар, выступил с гневными обвинениями против королевы. Ссылаясь на ряд юридических и исторических аргументов, Кастелар доказал, что коренные земли никогда не считались личной собственностью монарха, а всегда рассматривались, как неотъемлемая собственность нации. По-

этому Изабелла не имела никакого права продавать королевские имения, а тем более класть себе в карман 25% их стоимости. Иными словами, ее якобы «благородный жест» на самом деле являлся лишь плохо замаскированным мошенничеством. Камарилья пришла в бешенство и потребовала увольнения мятежного профессора. Ректор университета ответил отказом и под давлением двора был смещен с своего поста. Студенты решили устроить в честь ректора общественную «серенаду». Она была запрещена министерством внутренних дел. Тогда в день св.Даниила (апрель 1865 г.) студенты, поддержанные толпами горожан, устроили на улицах Мадрида бурную демонстрацию. Власти пустили в ход кавалерию: несколько человек было убито, большое количество ранено. Это только подлило масла в огонь. Мадридский муниципалитет заявил протест против действий властей, — он был немедленно распущен. Атмосфера еще больше накалилась. Движение перекинулось на провинцию. В Валенсии был открыт заговор. В армии начались волнения. Нарваес отвечал на все это так, как он привык отвечать в подобных случаях, т.е. усилением репрессий. Эффект получался как раз обратный ожидаемому: волна общественного негодования становилась все выше и опасней. В конце концов, королева испугалась, и 21 июня 1865 г. Нарваес получил отставку.

Его преемником был опять назначен О'Доннель. Правительство, сформированное последним, состояло из людей, связанных с Либеральным союзом (Кановас дель Кастильо, Посада Эррера, Алонсо Мартинес и др.). Однако на этот раз у О'Доннеля не было ни времени, ни возможности полностью воспроизвести эксперимент, проделанный им в 1858—1863 гг. Крайняя реакция, возглавляемая двором, до такой степени обострила положение, что даже умеренные круги буржуазии уже плохо верили в возможность мирного урегулирования отношений с короной.

Тем не менее О'Доннель сделал попытку найти общий язык с быстро усиливавшимся левым флангом. Мадридский муниципалитет был восстановлен, положение прессы облегчено, наиболее одиозные члены камарильи высланы, общая суровость внутреннего режима несколько смягчена. Но левые оставались непреклонны: они не хотели иметь ничего общего с правительством королевы, так как окончательно пришли к выводу, что только революция может спасти Испанию. Кастелар и Прим на больших собраниях в столице призывали народ положить конец правлению Изабеллы. Дело не ограничилось словами. В январе 1866 г. Прим во главе двух полков устроил пронунсиаменто в Вильярехо (близ Мадрида), но восстание было плохо подготовлено и провалилось, а Приму пришлось бежать в Португалию. О'Доннель удвоил свои усилия для примирения с левыми, но безуспешно: те не хотели и слышать о сохранении Изабеллы на троне. Между тем Прим продолжал развивать активность, даже находясь в изгнании: 22 июня 1866 г. в столице вспыхнуло восстание артиллеристов. В борьбе с ним объединились все: О'Доннель, Нарваес, попы, камарилья. Восстание в конце концов было подавлено, но оно стоило О'Доннелю премьерства. Обстоятельства, сопровождавшие его отставку, были очень характерны. При ликвидации мятежа было взято в плен свыше тысячи военных. Рассвирепевшая Изабелла требовала, чтобы все они были немедленно казнены. Обращаясь к О'Доннелю, она приказала: «Пусть приговор будет приведен в исполнение до рассвета!» О'Доннель, лучше королевы понимавший возможные последствия подобного шага, ответил ей, что для расстрела такого количества людей не хватает ружей. Тогда взбешенная Изабелла воскликнула: «Если нет ружей, примените пушки!»[12] В конечном счете 66 участников восстания были казнены. Это вызвало бурю негодования с обеих сторон — слева и справа: широкие массы обвиняли О'Доннеля в зверской кровожадности, а двор обрушился на него за «недопустимую мягкость». О'Доннель еще раз упал между двух стульев, и 10 июля 1866 г. вышел в отставку.

Теперь Изабелла опять призвала к власти Нарваеса. Это было его последнее (пятое!) премьерство, продолжавшееся почти два года и ознаменовавшееся еще небывалым разгулом белого террора. О каком-либо примирении с левыми уже не могло быть и речи. Между правительством и оппозицией был полный разрыв. Намерения Нарваеса лучше всего характеризовались его собственным заявлением, что Испания нуждается в шестимесячном курсе лечения железной диктатурой, прежде чем в ней создастся настроение, при котором она смогла бы с выгодой для себя пользоваться свободой. И Нарваес, действительно, стал свирепо проводить в жизнь свою диктатуру. Он разогнал кортесы и отправил в ссылку председателей обеих палат. Он распустил провинциальные собрания и муниципалитеты. Он запретил существование всех оппозиционных партий. Он окончательно задушил легальную прессу и издал закон о преследовании подпольной печати. Он наполнил тюрьмы и ссылки тысячами «прогрессистов» и демократов. Он передал дело народного образования в руки церкви. Он создал в стране такую атмосферу, что даже правые либералы, даже умеренные консерваторы, даже карлисты стали приходить в отчаяние и искать путей к созданию антиправительственного фронта, единого с левыми партиями. Герцог Севильский, брат короля-супруга, выразил сочувствие изгнанным вождям либералов, — он был лишен за это прав и привилегий принца. Герцог Монпасье, муж младшей сестры Изабеллы, пробовал предостеречь королеву против опасностей,

[12] F.Pi-y-Margall. Las grandes conmociones politicas en Espana, стр.441.

связанных с курсом Нарваеса, — он вынужден был эмигрировать за границу. Все действия королевы, Нарваеса и его министра внутренних дел Гонсалеса Браво ясно говорили, что этот режим обречен историей на слом, но отчаянно цепляется за жизнь и с помощью диких репрессий тщетно стремится задержать неумолимый ход событий.

Политика Нарваеса, естественно, толкала все оппозиционные силы к сплочению, однако этот процесс шел не без трудностей и зигзагов, ибо хотя у всех противников диктатора был один враг, но цели, преследуемые ими, далеко не во всем совпали. Так, сторонники О'Доннеля, которые вовсе не хотели каких-либо коренных перестроек существующего режима, считали необходимым низложение Изабеллы и возведение на престол ее сына Альфонса. Наоборот, «прогрессисты» стояли за полную смену династии, но решительно возражали против республики и всеобщего избирательного права. По вопросу о том, кто же должен сесть на испанский трон после изгнания его нынешних обладателей, мнения «прогрессистов» делились. В частности, одна их группа, во главе с адмиралом флота Топете, высказывалась за французского Бурбона герцога Монпасье, женатого на младшей сестре Изабеллы. Гонения, начатые против него королевой, сильно возмутили Тонете, и, как увидим ниже, это сыграло свою роль в революционных событиях 1868 г. Наконец, демократы и республиканцы, возглавляемые Кастеларом, Пи-и-Маргаллем и Оренсе, категорически настаивали на учреждении республики, основанной на всеобщем голосовании. Как видим, расхождения во мнениях среди противников Нарваеса были весьма существенны и потребовалось немало времени и энергии, прежде чем различные оппозиционные группы смогли найти общую платформу действий.

Это произошло в июле 1867 г. в Остенде, где на секретной конференции собралось 45 представителей «прогрессистов», демократов и республиканцев, включая генерала Прима, Сагасту, Руис Сорилья, Мартоса и др. Конференция постановила, что сразу же после победы революции должно быть созвано Учредительное собрание, на основе всеобщих и прямых выборов, и оно уже примет окончательное решение о будущей форме правления в Испании. В целях же подготовки переворота в Брюсселе была создана революционная хунта во главе с генералом Примом. В Париже, в Португалии, на испанской границе и в самой Испании возникли революционные комитеты, работавшие в контакте с брюссельской хунтой. Большинство сторонников О'Доннеля также присоединилось к образовавшемуся левому блоку, хотя лично О'Доннель остался в стороне, а вскоре затем и вообще сошел со сцены (он умер в Биаррице 5 ноября 1867 г.). Фронт оппозиции окончательно замкнулся. Было очевидно, что решительный момент приближается. Так как все легальные возможности выхода из кризиса были закрыты, то оставался лишь революционный путь. На него и вступили противники Нарваеса.

Однако даже и теперь трения между правым и левым крылом оппозиционного фронта продолжались, нередко ставя под угрозу успех революции. Главным яблоком раздора был вопрос о всеобщем избирательном праве: республиканцы на нем категорически настаивали, а «прогрессисты» (не говоря уже о более умеренных группах) против него решительно возражали. Здесь сказывался тот процесс поправения испанской буржуазии, который стоял в тесной связи с общим поправением европейской буржуазии, в результате событий 1848 г. и появления на исторической сцене рабочего класса.

Так как соглашение между республиканцами и «прогрессистами» долго не могло быть достигнуто, то нетерпеливый Прим в августе 1867 г. на свой риск и страх поднял восстание в Валенсии и Каталонии. В отличие от прежних прецедентов, когда генералы, устраивавшие пронунсиаменто, апеллировали всегда к командирам. Прим обратился через голову генералитета и офицерства прямо к солдатской массе и унтер-офицерам, обещая им в случае победы отмену всеобщей воинской повинности. Это воспламенило рядовых, но испугало их начальников. В войсках произошел раскол, и восстание опять кончилось неудачей. Приму еще раз пришлось бежать за границу, а ликвидация Бурбонов снова задержалась. Неизвестно, сколько времени продолжалась бы эта отсрочка, если бы тут на помощь оппозиции не пришла сама природа: 23 апреля 1868 г. умер Нарваес, и после этого подточенный трон Изабеллы стремительно покатился по наклонной плоскости в бездну.

Преемником Нарваеса на посту премьера был Гонсалес Браво. Не обладая ни авторитетом, ни способностями своего предшественника, он решил превзойти его жестокостью. Репрессии еще более усилились. Напряжение росло с каждым днем, общественная атмосфера быстро накалялась. Подпольная печать вела бешеную пропаганду. Особенно крупную роль играла нелегальная газета «Молния». Основное руководство движением находилось в руках газеты «Иберия», редактировавшейся левым и «прогрессистом» Сагастой и являвшейся рупором объединенного фронта «прогрессистов», демократов и республиканцев.

В своем усердии паче разума Гонсалес Браво напал на «блестящую» идею: сослать на Канарские острова «подозрительных» генералов — Серрано, Дульсе, Сабала, Кордова, Эчагуэ,— всех бывших сторонников О'Доннеля и военных лидеров Либерального союза. По дороге в ссылку они остановились в Кадисе и здесь встретились с начальником флота адмиралом Топете. Хотя политически Топете был весьма умеренным либералом, он охотно пошел навстречу опальным

генералам (немалую роль в этом сыграли гонения Изабеллы против герцога Монпасье). На совместном совещании военных лидеров с Топете было признано, что единственным спасением Испании является восстание. Тут же были разработаны все его организационные детали. Затем опальные генералы продолжали свое путешествие на Канарские острова и стали ждать сигнала к действию от Топете. 16 сентября 1868 г. Прим, Сагаста, Руис Сорилья — представители «прогрессистов» — прибыли в Гибралтар и оттуда тайно переправились на борт флагманского корабля «Сарагоса» для руководства борьбой. Вернулись с Канарских островов Серрано и другие генералы.

18 сентября военный флот объявил пронунсиаменто против королевы и ее правительства. Конференция руководителей восстания немедленно опубликовала из Кадиса декларацию, озаглавленную «Честь Испании» и адресованную «Всем либералам, богатым классам, любителям порядка, хранителям свободы личности, священникам, стремящимся искоренить порок, всему народу и вниманию Европы». Не случайно в этом странном перечислении «богатые классы» стояли на первом месте, а «народ» на последнем: здесь сказывалось, как в действительности мало революционны были эти «революционеры». Содержание декларации говорило о том же. Почти вся она состояла из общих фраз, точно нарочно задававшихся целью скрыть взгляды вождей восстания на будущее устройство Испании. Декларация обещала, однако, создать правительство на основе всеобщего избирательного права, хотя оставалось совершенно неясным, как на практике будет расшифрована эта несколько туманная формула.

Восстание флота нашло широкий отклик во всех концах страны — на юге, на севере, на атлантическом и средиземноморском побережье. В несколько дней пожар охватил всю Испанию.

В момент пронунсиаменто сама Изабелла находилась «на водах» в Сан-Себастьяне. Там же пребывала и вся ее камарилья. Узнав о восстании, Гонсалес Браво сделал попытку подавить его, но было уже поздно. Весь режим Изабеллы до такой степени разложился, что на глазах расползался по швам. Не нашлось ни генералов, ни солдат, которые захотели бы защищать свою королеву. Единственная попытка выступить против повстанцев, попытка, предпринятая генералом Новаличесом, кончилась жалким фиаско: при столкновении на Алколейском мосту (в Андалусии) 29 сентября Новаличес был разбит, а его войска перешли на сторону революционеров.

Теперь все для Изабеллы было кончено. 30 сентября, на другой день после поражения Новаличеса, она бежала во Францию под защиту Наполеона III, подгнивший трон которого тоже уже начал шататься. Переходя границу, Изабелла, точно желая внести в создавшуюся ситуацию комический момент, возмущенно воскликнула: «Я думала, что пустила более глубокие корни в этой стране!» И затем, остановившись в Байонне, опубликовала манифест, в котором резко протестовала против революции, лишившей ее трона, и заявляла о том, что полностью сохраняет свои права и претензии на испанскую корону.

ПЯТАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1868—1874)

ПОЯВЛЕНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА на ИСТОРИЧЕСКОЙ СЦЕНЕ

Революция, начавшаяся сентябрьским восстанием военного флота в Кадисе, существенно отличалась от всех предшествующих. Конечно, генеральная линия развития и сейчас оставалась та же, что и раньше: шла борьба между силами феодализма и силами капитализма, борьба, ставшая основным стержнем всего предшествовавшего 60-летия. Однако теперь на исторической сцене появился новый и важный фактор: испанский пролетариат. Правда, рабочий класс, как мы знаем, уже принимал известное участие в революции 1854—1856 гг., но тогда еще трудно было говорить о серьезности его роли в происходивших событиях. Ибо, во-первых, это участие было сравнительно ограничено, а во-вторых, — и самое главное — ему недоставало политической самостоятельности: в те годы рабочие просто являлись вспомогательным отрядом буржуазии, стоявшим на левом крыле общественно-революционного фронта. Каковы были последствия такого положения вещей, прекрасно демонстрировал исход четвертой революции.

На этот раз, в пятой революции 1868—1874 гг., положение было иное. Развитие капитализма в середине прошлого века, охарактеризованное в одной из предыдущих глав, не прошло для Испании даром: количество фабрично-заводских рабочих к концу 60-х годов перевалило за 200 тыс., а вместе с ремесленниками и работниками мелких мастерских достигало примерно 1—1,2 млн. человек; их политическая сознательность и организационная активность сильно поднялись; их удельный вес в общем балансе социальных сил страны значительно увеличился; наконец, их главный союзник — беднейшее крестьянство — стал все чаще давать о себе знать многочисленными классовыми конфликтами с помещиками. Конечно, в сознании трудящихся масс оставалось еще очень много мелкобуржуазных пережитков и религиозных предрассудков, со следами чего мы не раз встретимся в дальнейшем, но все-таки появление пролетариата как самостоятельной силы на исторической сцене внесло новые моменты в социально-политическую ситуацию страны и, разумеется, не могло не отразиться на событиях пятой революции и последо-

вавшего за ней периода. Для того, чтобы общая картина была яснее, мы должны здесь привести некоторые основные фактические данные.

Если отвлечься от старинных организаций мастеров цехового типа — так называемых Cofradias и Gremios, — прекративших свое существование в первые десятилетия прошлого века[13], то начало современного рабочего движения в Испании следует отнести к 40-м годам XIX столетия. Оно имело два источника: стихийно-классовый и сознательно-идеологический.

В 1842 г., в период диктатуры Эспартеро, барселонский ткач по имени Мунтс создал организацию каталонских ручных ткачей, насчитывавшую к концу следующего года около 2 тыс. членов. Это была организация смешанного типа, самый характер которой свидетельствовал о крайней неразвитости экономических отношений в тогдашней Испании. Организация Мунтса сочетала задачи профессионального союза с функциями производительного товарищества, а также сберкассы и кассы взаимопомощи. Ей, однако, не суждена была долгая жизнь; в конце 1843 г., сразу после падения Эспартеро, генерал Прим, командовавший войсками в Каталонии, закрыл первый испанский союз ткачей. В годы последовавшей затем диктатуры Нарваеса рабочие организации законом были запрещены, но профессиональные союзы — особенно в Каталонии — все-таки продолжали сохраняться, ведя большей частью полулегальное существование. Около того же времени в Испании стали возникать потребительские общества, первое из которых было основано в Барселоне.

Параллельно шло проникновение в Испанию социалистических идей — главным образом из Франции. Фурье, Кабе и Прудон оказали наибольшее влияние на умы передовых представителей интеллигенции и рабочих.

Первым испанским социалистом был Себастьян Абреу, депутат кортесов 1823 г., проведший затем много лет в эмиграции и ставший здесь учеником Фурье. После смерти Фердинанда VII он вернулся в Испанию, вел пропаганду в пользу фаланстеров ив 1841 г. сделал попытку вблизи от Кадиса устроить такой фаланстер. Излишне говорить, что это начинание окончилось крахом. Тем не менее, идеи Фурье получили широкое распространение в передовых кругах испанской интеллигенции.

В 1845 г. другой испанский фурьерист, Фернандо Гарридо (1821—1883), основал в Мадриде двухнедельный журнал «La Atraccion» («Притяжение»), в котором также принимали участие Сиксто Камара, Ордакс Авесилья и другие видные республиканцы того времени. Журнал, редактировавшийся в духе утопического социализма, быстро привлек к себе внимание, но спустя три месяца был закрыт Нарваесом. После французской революции 1848 г. Гарридо создал другой журнал, «La organizacion del Trabajo» («Организация труда»), в котором продолжал пропаганду фурьеризма. Когда власти закрыли и этот орган, Гарридо продолжал его издание сначала под названием «El Eco de la juventud» («Эхо молодости»), и затем под названием «Associacion» («Ассоциация»). Гарридо опубликовал также памфлет «Письма апостола социализма к Хуану-добряку или иначе к испанскому народу». Памфлет имел большой успех, но так сильно ударил по нервам Нарваесу, что Гарридо был арестован и присужден к 54 месяцам заключения. Выйдя из тюрьмы, Гарридо эмигрировал в Лондон, где принимал участие в так называемом «Интернациональном комитете» вместе с Маццини, Кошутом и Ледрю-Ролленом.

В 40-х годах возник первый социалистический журнал и в Барселоне. Это был еженедельник «La Fraternidad» («Братство»), издававшийся Альдон Террадосом и Монтуриолем. Он тоже проповедовал идеи утопического социализма, но его пророком был не Фурье, а Кабе. На страницах журнала появился испанский перевод знаменитого романа Кабе «Путешествие в Икарию», а в Барселоне под влиянием журнала была создана особая школа для рабочих, в которой пропагандировались взгляды Кабе[14].

В ту же эпоху в Испанию проникло учение и Прудона. Его идеи нашли себе наиболее благоприятную почву в Каталонии, где прудонизм оказал несомненно значительное влияние не только на местную интеллигенцию, но также и на местных рабочих. Именно из этого источника сюда были заброшены первые семена анархизма, которые дали всходы уже значительно позднее — в период пятой революции и дальше.

---

[13] «Cofradias» и «Gremios» ведут свое начало со средних веков, причем «Cofradias» объединяли мастеров различных профессий, а «Gremios» — мастеров только какой-либо одной профессии. Эти организации сочетали два момента: религиозный и профессиональный. Они были широко распространены и владели значительными имуществами. В XVIII веке, особенно при Карле III и Карле IV, правительство в интересах «свободы промышленности стремилось ограничить деятельность «Cofradias» и «Gremios», а кадис-ские кортесы в 1813 г. окончательно их отменили. Фердинанд VII вновь их восстановил, но в 1834 г. регентша Христина издала закон, который формально допускал существование «Gremios», но требовал, чтобы они содействовали промышленному прогрессу, а также не мешали ни свободе промышленности, ни обращению товаров, ни «конкуренции» между трудом и капиталом. Фактически этот закон означал конец «Cofradias» и «Gremios» традиционного типа.

[14] A.Marvaux. La question sociale en Espagne. Paris, стр.20—27.

Период диктатуры Нарваеса, конечно, мало способствовал широкому развитию рабочего движения, но когда в 1854 г. разразилась четвертая революция, положение изменилось. К этому времени оба момента движения — стихийно-классовый и сознательно-идеологический — стали постепенно смыкаться, что, естественно, придало ему большие организованность и целеустремленность.

Действительно, в том же 1854 г. в Каталонии был создан «Union de clases» («Союз классов»), являвшийся федерацией всех профессиональных союзов Каталонии. Он насчитывал 24 тыс. членов и вел борьбу за экономические и политические интересы рабочих. Правительство Эспартеро — О'Доннеля несколько раз пробовало вмешаться в эту борьбу на стороне промышленников; против рабочих пускалась в ход даже военная сила; но результатом было лишь дальнейшее обострение классовых противоречий. Кульминационной точки движение достигло в июле 1855 г. в связи с борьбой каталонских текстильщиков за установление 10-часового рабочего дня. Тогдашний генерал-капитан Каталонии Сапатеро в целях скорейшего подавления борьбы решил закрыть рабочие организации. Это вызвало со стороны пролетариата бурную реакцию. 2 июля 40 тыс. каталонских рабочих под возгласы «Организация или смерть!» объявили всеобщую забастовку, которая продолжалась девять дней. Стачечники отправили в Мадрид специальную депутацию, которая вела переговоры с высшими властями. 11 июля генеральная стачка была закончена: рабочие организации сохранились, а вопрос о 10-часовом рабочем дне был решен в порядке компромисса.

В годы четвертой революции возобновилась пропаганда социалистических идей. Все тот же неутомимый Гарридо теперь стал издавать орган (Las barricadas» («Баррикады»), в котором страстно защищал интересы городской бедноты и требовал углубления революции. Он выступил также с защитой идеи федеративной республики, как наилучшей формы правления для Испании.

В том же духе действовали и некоторые другие социалисты, например, Пи-и-Маргалль, опубликовавший 21 июля 1854 г. особый манифест, в котором заявлял: «Конституции 1837 и 1812 гг. недостаточны для нашей эпохи. Люди 1854 г. должны иметь конституцию, сформулированную в соответствии с идеями и принципами настоящего времени. Необходимы свобода печати, совести, образования, собраний, ассоциаций и другие свободы»[15].

Тогда же в Мадриде был образован «Новый союз демократов», в который входило много республиканцев и социалистов различного толка, в том числе Оренсе, Сиксто Камара, Ордакс Авесилья, Фигерас, Риверо, Пи-и-Маргалль и др. Этот «Союз» имел свои печатные органы, в том числе «La discusion» («Дискуссия»), редактировавшийся Риверо, и «La soberania nacional» («Национальный суверенитет»), редактировавшийся Сиксто Камара. Влияние социалистической пропаганды постепенно росло и все глубже просачивалось в массы. Оно сказалось в борьбе рабочих отрядов на улицах Мадрида, когда в июльские дни 1856 г. решался вопрос о судьбе четвертой революции. Оно сказалось в рабочих восстаниях, разыгравшихся летом того же 1856 г. в Сарагосе, Валенсии, Вальядолиде и ряде других городов, когда городская беднота, взбудораженная повышением хлебных цен, захватывала склады, магазины, хозяйственные учреждения, провозглашая «экспроприацию» спекулянтов и богатых. Оно сказалось также и в том, что как раз в 1856 г. в Валенсии возникло первое производительное товарищество рабочих по изготовлению шелка, принявшее наименование «La proletaria»; отсюда эта форма кооперации, так тесно связанная с учением Прудона, быстро распространилась по Каталонии и средиземноморскому побережью; значительно позднее, в 1871 г., в Мадриде было основано производительное товарищество типографских рабочих.

В годы реакции, наступившей после четвертой революции, рабочее движение временно ослабело, но не прекратилось. Вся обстановка царствования Изабеллы II невольно ускоряла политическое пробуждение испанского пролетариата и стихийно толкала его на путь революционной борьбы. В 1862 г. 15 тыс. барселонских рабочих обратились к правительству с петицией о предоставлении им права коалиции, «чтобы, — как говорилось в этом любопытном документе, — с помощью достойных и мирных средств иметь возможность вести борьбу против капитала»[16]. Два года спустя, в 1864 г., Кановас дель Кастильо, бывший в то время министром внутренних дел, вынужден был предоставить им это право, хотя и в ограниченном размере. Когда в том же 1864 г. в Лондоне возникло знаменитое «Международное Товарищество Рабочих» (Первый Интернационал), испанские пролетарии проявили к нему большой интерес и в дальнейшем испанская секция этого общества стала одной из самых сильных его организаций. К сожалению, по причинам, о которых речь будет ниже, подавляющее большинство членов испанской секции пошло в фарватере не Маркса, а Бакунина, и это сыграло поистине роковую роль не только в судьбах революции 1868—1874 гг., но и во всей последующей истории испанского рабочего класса.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

[15] F.Pi-y-Margall. Las grandes conmociones politicas en Espana, стр.139.
[16] S.Madariaga. Spanien. Stuttgardt. 1930, стр.139.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Начало испанской секции Интернационала было положено сразу же после сентябрьской революции 1868 г., когда в Испанию в качестве представителя Интернационала приехал итальянец Джузеппе Фанелли. Он нашел здесь хорошо подготовленную почву среди рабочих, а изданный новой властью закон о праве коалиций (от 28 ноября 1868 г.) — правда, без права связи с заграницей — устранял большую часть тех формальных препятствий, которые ранее сильно стесняли развитие испанского рабочего движения. Фанелли имел успех, и страна стала быстро покрываться сетью революционно-пролетарских организаций. В одном Мадриде к концу 1869 г. имелось 23 группы с 2 тыс. членов; аналогичная картина наблюдалась и в провинции, особенно в Барселоне и других промышленных центрах Каталонии. В созданные Фанелли организации входили все сочувствовавшие идеям тогда еще единого Интернационала, независимо от того, кому они больше симпатизировали — социалистам или анархистам,— но так как сам Фанелли являлся сторонником Бакунина, то анархистское влияние в испанской секции сразу же получило преобладание.

В 1870 г. в Барселоне состоялся первый национальный конгресс этой секции, на котором 90 делегатов представляли около 40 тыс. рабочих. На этом конгрессе обнаружились значительные расхождения между анархистами и социалистами, но до раскола дело еще не дошло. Решающее влияние имели анархисты, и это объяснялось двумя причинами: с одной стороны, сказывалось действие испанских условий, о которых речь была выше, а, с другой стороны имела эффект тактика Бакунина. К тому времени вождю анархистов удалось создать внутри Первого Интернационала тайную организацию своих сторонников — так называемый «Альянс», который обеспечил бакунистам победу на барселонском конгрессе. В результате после жарких прений конгресс принял резолюцию, в которой заявлял, что «всякое участие пролетариата в господствующей политике среднего класса не может иметь иных результатов, как укрепление существующего порядка вещей». Поэтому конгресс рекомендовал всем своим сторонникам «отказаться от всяких коллективных действий, имеющих целью произвести социальную трансформацию с помощью национальных политических реформ». Вместо этого конгресс предлагал сосредоточить все усилия на осуществлении федеративного начала в организации страны, ибо «только таким путем может быть обеспечен успех социальной революции»[17]. Ниже мы увидим, к каким вреднейшим последствиям привела эта общая установка, когда в 1873 г в Испании была провозглашена республика. На том же конгрессе был не бран федеральный совет испанской секции, получившей официальное наименование «Federacion Regional Espanola de la Associacion Internacional de los Trabajadores» («Региональная испанская федерация международного общества трудящихся»). В него вошли братья Анхель и Франсиско Мора, Энрико Боррель, Ансельмо Лоренсо, а также Мораго Гонсалес — духовный глава тогдашнего испанского анархизма.

Основной базой бакунистов в этот период являлась Андалусия, в особенности Кадис, Малага, Севилья, Гранада, Агилар, Монтилья, Херес да ла Фронтьера и др. Для того, чтобы нагляднее представить себе формы проникновения и укрепления влияния Интернационала на местах, приведем в качестве примера Кордову.

Здесь пропагандисты Интернационала впервые появились в конце 1869 г. Они привлекли на свою сторону группу революционно настроенных интеллигентов и рабочих, среди которых особенно выделялись каменщик Франсиско Баррато, чиновник Эухенио Гонсалес, профессор теологии Агустин Сервантес дель Кастильо Валеро и журналист Хосе Наварро Прето. Эта группа начала издавать в Кордове газету «El Derecho» («Право»), редактором которой стал Прето, а также организовала «Секцию различных отраслей», в которую вошли рабочие всех видов труда. Затем возникли чисто профессиональные объединения среди кожевников, портных, типографских и др. рабочих. «Секция» и профессиональные объединения сложились в местную Кордовскую федерацию рабочих организаций, которая и вошла в состав испанской секции Интернационала. Аналогичные процессы происходили тогда и в других городах. Постепенно влияние бакунистов распространилось по всему югу и востоку страны, переплетаясь и перекрещиваясь с очень сильным в этих районах влиянием мелкобуржуазных республиканцев-федералистов. Что получилось в результате, увидим ниже.

В 1871 г. в Мадрид приехал Поль Лафарг, зять и последователь К.Маркса, приступивший к пропаганде марксизма и к организации социалистических сил. Он считался особенно подходящим для этой цели, так как, хотя по национальности Лафарг был француз, но по происхождению являлся уроженцем испанской Кубы. Одновременно Энгельс стал секретарем-корреспондентом Интернационала по испанским делам. Все эти меры способствовали известному усилению социалистического влияния внутри испанской секции, но все-таки решающее значение оставалось за бакунистами. Этому в немалой степени способствовала правительственная политика тех лет. Хотя в Испании шла революция, но у власти стояла буржуазия, относившаяся враждебно к поднимавшему голову движению пролетариата. В октябре 1871 г. министр внутренних дел Сагаста выступил с предложением закрыть испанскую секцию Интернационала. Это вызвало горячие

---

[17] Ramos Oliveiara Politics, Economics and Men of modern Spain, 1808—1946, London, 1946, стр.147.

дебаты в кортесах, во время которых Пи-и-Маргалль, Кастелар, Гарридо, Сальмерон энергично защищали право на существование за испанской секцией Интернационала, а Руис Сорилья резко выступал против нарушения правительством конституции. Несмотря на это, предложение Сагасты было принято, и в январе 1872 г испанская секция Интернационала была запрещена. Правда, благодаря общей слабости правительства, не было принято достаточно эффективных мер для действительного проведения этого запрещения в жизнь, и испанская секция фактически продолжала существовать, однако реакционный шаг Сагасты сыграл на руку анархистам, дав богатый материал для их агитации против «государства» вообще.

В сентябре 1871 г. состоялась конференция Интернационала в Валенсии, на которой был избран новый состав Федерального Комитета из девяти лиц. В него вошли: Анхель Мора (плотник) и Франсиско Мора (сапожник), Валентин Саенс (торговый служащий), Иносенте Кальеха (ювелир), Пабло Иглесиас (типограф), Хосе Меса (типограф), Ансельмо Лоренсо (типограф), Иполито Паули (типограф), Виктор Пахес (сапожник). Эта конференция дала сильный толчок дальнейшему развитию Интернационала: число местных федераций ею дошло до 190, число секций до 800. В ряде городов возникли печатные органы, проповедовавшие его взгляды. Так, в Мадриде выходили «La Solidaridad» («Солидарность»), «La Emancipacion» («Освобождение») и «El Condenado» («Осужденный»), в Барселоне — «La Federacion» («Федерация») и «La Solidaridad Revolucionario» («Революционная солидарность»), в Севилье — «La Razon» («Разум»), в Кадисе — «La Internacional» («Интернационал»), в Кордове — «El Orden» («Порядок»), в Малаге — «La Internacional» («Интернационал») и «La Justicia» («Справедливость»), в Гранаде — «El Obrero de Granada» («Рабочий Гранады») и т.д.[18]

В апреле 1872 г. в Сарагосе состоялся второй национальный конгресс испанской секции Интернационала, на котором разыгралась открытая борьба между социалистами (на тогдашнем жаргоне «авторитаристами») и анархистами («антиавторитаристами»). Следствием этой борьбы был раскол между обоими течениями, совершившийся в июне 1872 г. Социалисты вышли из состава испанской секции и образовали «Новую мадридскую федерацию», которая, однако, не приобрела большого влияния. Основная масса испанской секции пошла за Бакуниным. Несколькими месяцами позднее, на конгрессе в Гааге (2—7 сентября 1872 г.), Бакунин был исключен из Первого Интернационала. Таким образом, разрыв между социалистами и анархистами был Полный, и это еще более углубило раскол, происшедший в Испании.

Как бы то ни было, но к эпохе пятой революции испанский пролетариат уже достаточно созрел для самостоятельного выступления на политической арене, и он действительно это сделал. К сожалению, однако, его выступление произошло под порочным руководством бакунистов. Именно в силу этого обстоятельства испанский пролетариат наделал в ходе революции много ошибок и не сумел использовать в своих интересах открывавшиеся перед ним возможности. За всем тем значение данного факта было огромно. Самостоятельное выступление пролетариата представляло что-то совершенно небывалое в испанской истории. Оно явно свидетельствовало о том, что Испания вступила в новый этап своего социально-экономического развития, чреватый новыми формами классовой борьбы. Как увидим в дальнейшем, так именно и случилось.

Наряду с пролетариатом в 40—60-х годах на историческую сцену начал выходить его главный союзник — крестьянство. Деревня все чаще стала восставать против вековой эксплуатации помещиков-феодалов, причем — и это было особенно характерно — в разыгрывавшихся тогда аграрных конфликтах то и дело мелькали следы современной радикальной и социалистической мысли.

Первое крестьянское восстание рассматриваемой эпохи произошло одновременно с возникновением первой профессиональной организации в Каталонии — в начале 40-х годов. Местом действия была провинция Малага, где селение Касабермаха открыто поднялось против помещиков и привлекло на свою сторону несколько соседних деревень. Восставшие крестьяне образовали маленькую революционную республику, конфисковали земли окрестных латифундий и поделили их между собой. Конечно, власти не замедлили принять решительные меры: в Касабермаха были двинуты войска, и крестьяне жестоко поплатились за свою революционную попытку. Но все-таки начало крестьянскому движению было положено.

В годы последовавшей затем диктатуры Нарваеса (1843—1854) тяжелая рука реакции опустилась свинцовым грузом на деревню, беспощадно подавляя всякие проявления ее недовольства. Но когда пришла четвертая революция, крестьянское движение вновь подняло голову. Деревенские массы восставали, требовали отмены тяжелых поборов, ликвидации сеньоральных прав, наделения землей. Главными районами распространения движения были Андалусия, Эстремадура, Вальядолид — все провинции, где миллионам безземельного и малоземельного крестьянства противостояли гигантские латифундии немногочисленных помещиков-феодалов. Здесь классовые противоречия были особенно остры и потому классовая

[18] F.Mora. El movimiente socialista y sosietario en Espana durante el siglo XIX. Madrid, 1904—1905.

борьба особенно упорна. В дни четвертой революции крестьянству в ряде мест удалось несколько улучшить свое положение, ибо демократическая национальная милиция тех лет нередко поддерживала его против крупных землевладельцев. Именно это обстоятельство, как мы знаем, послужило основным поводом для ниспровержения Эспартеро О'Доннелем в 1856 г.

С ликвидацией четвертой революции и возвращением к власти Нарваеса на крестьянское движение обрушились свирепые репрессии. Но движение не умерло. Единственное, чего добилась реакция, это обострения форм классовой борьбы в деревне. В 1857 г. в Андалусии разыгралось большое крестьянское восстание, которое Нарваес подавил с чрезвычайной жестокостью, расстреляв, как выше уже указывалось, 98 человек. В 1859 г. произошли крупные крестьянские волнения в Бадахосе и Оливенса. В 1861 г. в Пасале де Гальинас (провинция Вальядолид) несколько деревень восстали и образовали «Республику бедных».

В том же 1861 г. в провинции Кордова вспыхнуло восстание в селении Лоха, имевшее еще более серьезное значение. Инициаторами его являлись демократы-республиканцы во главе с ветеринаром Рафаэлем Перес де Аламо. По социальному составу это были интеллигенты, лавочники, отставные военные и т.д. — все типичные представители мелкой буржуазии. Они стремились к ниспровержению режима Изабеллы и установлению буржуазно-демократической власти. Ради этого они апеллировали к крестьянам, прекрасно сознавая, какой огромный резервуар революционной энергии скрывается под крышами деревенских хижин. Они говорили крестьянам, что только республика даст им землю и освободит от эксплуатации помещика, и крестьяне охотно верили в это. Так возник союз между революционными демократами города и эксплуатируемой массой деревни. Последствия не заставили себя долго ждать.

21 июня 1861 г. вспыхнуло крестьянское восстание в селении Мольина. Власти прибегли к репрессиям: было несколько убитых и раненых. Это вызвало глубокое возмущение окрестных жителей, и к восстанию примкнули Лоха, Антекера, Иснахар и Другие городки и деревни. Судья Антекеры издал приказ об аресте вождя движения Переса дель Аламо. Тогда Аламо во главе 600 крестьян 28 июня вошел в Иснахар под громкие крики: «Да здравствует республика! Смерть королеве!» Население Иснахара с энтузиазмом поддержало повстанцев. 30 июня Аламо вступил в Лоха, низложил местные власти и образовал здесь революционное правительство. В порядок дня был поставлен вопрос о захвате и дележе помещичьих земель. В Лоха со всех сторон устремились толпы крестьян. Очень скоро Аламо располагал армией в 10 тыс. человек. Она была очень плохо вооружена, но зато горела революционным энтузиазмом. О'Доннель, стоявший тогда у власти, сильно обеспокоился и решил показать, что он не хуже Нарваеса умеет душить народные движения. Против Аламо были двинуты крупные военные силы. Они получили приказ действовать беспощадно и они выполнили этот приказ. К 5 июля крестьянское восстание в Лоха было подавлено. Затем последовала расправа: шесть человек было расстреляно, свыше 400 отправлено в африканские каторжные колонии»[19].

Несмотря на столь суровую расправу, крестьянское движение не прекратилось. Оно продолжалось в течение всего периода 60-х годов, а с началом пятой революции сильно оживилось. Так, в 1868—1869 гг. крестьяне южной Андалусии приступили к захвату и дележу помещичьих земель, особенно в провинциях Кадис, Севилья и Альмерия. Стали нарождаться крестьянские кооперативные общества (например, Кооперативное общество земледельцев в Кампо де ла Вердад, основанное в 1870 г.). Крестьяне начали принимать участие в демократических и республиканских организациях; многие труженики земли с симпатией и надеждой приветствовали возникновение испанской секции Интернационала. Повсюду в испанской деревне повеяло новым духом, — и найдись в то время в стране партия, которая сумела бы надлежащим образом использовать эту гигантскую революционную потенцию, весь ход дальнейших событий принял бы совсем иной оборот. Но такой партии, к сожалению, не оказалось (бакунисты для этого явно не годились, а социалисты были слишком слабы), и в результате крестьянские резервы революции почти не были введены в действие. Именно здесь лежит одна из главнейших причин неудачи, постигшей движение 1868—1874 гг.

На этом мы можем закончить краткий обзор фактов, относящихся к выходу на историческую сцену испанского пролетариата (и его крестьянского союзника), и вернуться к изложению событий пятой революции.

В ПОИСКАХ БУРЖУАЗНОЙ МОНАРХИИ

Известие о восстании флота в Кадисе было встречено в Мадриде радостно, но спокойно. Никто не хотел защищать трон Изабеллы, и потому дело ограничилось лишь торжественными манифестациями в честь начавшейся революции. Затем была образована Временная хунта в составе представителей всех партий под председательством «прогрессиста» Мадоса, которая объявила о низложении Бурбонов и обещала народу всеобщее избирательное право, свободу

[19] Diaz del Moral. Agitaciones campesinas. Madrid, 1929, стр.61—64.

религии, прессы и образования, неприкосновенность жилища, равенство всех перед законом, суд присяжных, отмену смертной казни, а также расширение прав местного самоуправления.

С прибытием вождей восстания в столицу началось формирование Временного правительства, и тут сразу же выявилось истинное лицо той коалиции, которая сделала пронунсиаменто 18 сентября. Главную роль в этой коалиции играли две партии: «Унионисты», т.е. те консервативно-либеральные элементы, которые в свое время составляли ядро Либерального союза О'Доннеля, а теперь, продолжая традиции покойного лидера, объединялись около генерала Серрано и адмирала Тонете. Это было правое крыло революции, опиравшееся в основном на крупную буржуазию, на помещиков модернизованного типа, на генералитет и верхушку гражданской бюрократии.

«Прогрессисты», официальным вождем которых был генерал Прим. Большим влиянием среди них также пользовались Сагаста и Руис Сорилья. Среди «прогрессистов» имелось много разнообразных группировок и течений, но в общем все-таки они являлись центром революционного фронта и опирались главным образом на среднюю и отчасти мелкую буржуазию, на интеллигенцию, на более прогрессивную часть дворянства, чиновничества и офицерства.

За пределами двух названных партий было еще левое крыло революции, именовавшееся демократами и состоявшее преимущественно из республиканцев и социалистов. Оно представляло интересы городской мелкой буржуазии, рабочих, ремесленников, левых кругов интеллигенции. Сразу после переворота 18 сентября эти элементы возглавили массы, поднявшиеся в Мадриде, Барселоне и ряде других мест. В Андалусии было объявлено несколько локальных республик, приступивших к вооружению народа. Однако демократы и республиканцы не сумели в этот начальный период революции использовать ситуацию в интересах народных масс, и вопрос о формировании Временного правительства был разрешен по соглашению между двумя партиями — «унионистами» и «прогрессистами». В результате главой Временного правительства (конституировавшегося 3 октября) стал генерал Серрано, военным министром — генерал Прим, морским министром — адмирал Топете, министром иностранных дел — Боресана, министром внутренних дел — Сагаста, министром сельского хозяйства, торговли и промышленности — Руис Сорилья. При создании своего кабинета Серрано сделал красивый, но совершенно безопасный жест: он предложил лидерство Эспартеро. Однако старый фельдмаршал, как и ожидал Серрано, отклонил эту высокую честь, сославшись на свой преклонный возраст (ему исполнилось 75 лет). Тогда премьером стал Серрано.

Франсиско Серрано (1813—1882) — пятый из генералов, сыгравших видную политическую роль в испанской истории прошлого века, — был значительно менее яркой фигурой, чем Другие военные диктаторы той эпохи. Он происходил из аристократической семьи (отец его был маршалом), рано поступил в армию и сделал свою карьеру в первой карлистской войне. Одно время он был адъютантом генерала Мины, позднее служил под командой Эспартеро. Это связало Серрано с либеральными кругами, хотя он никогда не отличался твердостью своих политических взглядов. Когда Эспартеро стал диктатором, Серрано, в возрасте 27 лет, был назначен генерал-капитаном Валенсии. Осенью 1841 г. он участвовал в подавлении мятежа О'Доннеля в Наварре; в мае 1843 г. стал военным министром в одном из последних правительств Эспартеро и сохранил этот пост в правительстве Олосага, пришедшем к власти сразу после падения Эспартеро. В период диктатуры Нарваеса министерские посты оказались для Серрано закрытыми, но он с лихвой компенсировал себя за эту потерю, став любовником Изабеллы. После того как роман с королевой кончился, для Серрано наступили трудные дни. Ему пришлось временно «уйти от политики» и отправиться в длинное путешествие по чужим странам. В эти годы он посетил, между прочим, Россию, где изучал военное дело. В начале четвертой революции Серрано примкнул к О'Доннелю, позднее участвовал в Либеральном союзе и в 1859—1862 гг., при правительстве О'Доннеля, занимал пост губернатора Кубы. По возвращении в Испанию Серрано получил звание гранда и титул герцога де ла Торре. В июле 1866 г. он содействовал подавлению восстания артиллеристов, организованного генералом Примом, но с конца 1867 г. вступил в переговоры с тем же Примом о совместных действиях против Изабеллы. После смерти О'Доннеля Серрано возглавил Либеральный союз и в январе 1868 г. в качестве президента сената подписал петицию королеве, в которой виднейшие аристократы, генералы и сановники требовали ликвидации диктатуры Нарваеса и созыва кортесов. За это Серрано в числе других военных лидеров был сослан на Канарские острова, откуда затем бежал в Кадис для участия в событиях 18 сентября

Теперь Серрано стал главой Временного правительства. Это не предвещало для революции ничего хорошего. Посредственный военный, бесцветный политик, карьерист до мозга костей, Серрано был тесно связан с той буржуазно-помещичьей олигархией, которая сложилась в 50—60-х годах, и стал проводником ее чаяний и стремлений. Называя себя либералом, он на самом деле был чистокровным консерватором. Заняв пост премьер-министра, Серрано направил все свои усилия на то, чтобы обуздать революцию и постепенно выхолостить ее мятежный дух. Если, как увидим ниже, это Серрано не удалось, то вина лежала во всяком случае не на нем, а на обстоятельствах, которые были сильнее премьера.

25 октября 1868 г. Временное правительство опубликовало свою программу. Она была выдержана в традиционно-либеральном духе и по существу повторяла декларацию Временной хунты, добавив к ней лишь восстановление национальной милиции под именем «волонтеров свободы». Что касается вопроса о будущей форме правления, вопроса, который тогда, естественно, сильно волновал все слои населения, то здесь программа Временного правительства отличалась нарочитой неясностью. По этому поводу в ней говорилось, что «основанная на свободе и кредите Испания перейдет к мирному установлению такой формы правительства, какая будет найдена наиболее соответствующей ее нуждам и условиям и вызывающей наименьшее недоверие в Европе»[20]. Было совершенно очевидно, что Временное правительство хочет монархии, но не решается этого открыто заявить и до поры до времени маневрирует. Такое впечатление еще более укрепилось, когда в ноябре за подписями большинства вождей восстания был опубликован манифест, в котором испанцы призывались учредить в своей стране «народную монархию». Это было повторением того, что в 1854 г. пробовал сделать О'Доннель: всемерно сократить размах революции и избежать вмешательства масс в ее события. Однако жизнь сыграла с деятелями 1868 г. еще более злую шутку, чем с О'Доннелем, ибо теперь, как указывалось выше, на историческую сцену вышел пролетариат.

Действительно, программа и поведение Временного правительства, явно стремившегося к установлению в Испании умеренно-буржуазной монархии, вызвали разочарование и протесты в демократических слоях населения. Уже в декабре 1868 г. вспыхнули довольно серьезные республиканские восстания в Кадисе, Малаге, Монторо и некоторых других южных городах (а также разразилась всеобщая стачка в Барселоне), требовавшие перестройки всей государственной машины страны. Пока правительству удалось с ними справиться, однако они явились предвестниками того, что случилось позднее.

11 февраля 1869 г. в Мадриде собрались учредительные кортесы. Выборы на этот раз были вполне свободны и дали следующий результат: прогрессисты провели 120 депутатов, унионисты — 72, республиканцы — 72, демократы — 32 и различные мелкие группировки правого толка (карлисты, сторонники Изабеллы и т.п.) — 24. Таким образом, коалиция, совершившая пронунсиаменто 18 сентября, располагала 192 мандатами (из 320) и имела прочное большинство, но ей противостояла сильная левая в лице 104 республиканцев и демократов, среди которых было известное число социалистов (Фернандо Гарридо, Пи-и-Маргалль и др.). На скамьях левого сектора сидел также будущий президент Испанской республики Эмилио Кастелар, посланный в учредительные кортесы Сарагосой. Карлисты и изабеллисты не играли в палате никакой роли. При таком составе учредительных кортесов республиканцы и демократы имели возможность — особенно с учетом настроения масс — оказывать серьезное влияние на ход государственных дел. К сожалению, однако, они не сумели как следует использовать эту возможность. Достаточно сказать, что в комиссию, избранную кортесами для выработки проекта новой конституции, не попал ни один республиканец. Тем не менее волна революции стояла настолько высоко, что даже унионисты и радикалы вынуждены были в известной мере пойти навстречу требованиям масс. Конституция, принятая кортесами большинством 214 против 55 и опубликованная 6 июня 1869 г., объявляло Испанию наследственной монархией, в которой власть короля ограничивалась двумя палатами — сенатом и конгрессом. Члены сената избирались особыми коллегиями провинциальные выборщиков сроком на 12 лет из числа высших сановников государства не моложе 40 лет от роду; члены конгресса избирались раз в три года всеобщим голосованием из расчета один депутат на 40 тыс. жителей. Обе палаты пользовались одинаковыми правами. Король осуществлял исполнительную власть через министров; ему принадлежало право созывать, отсрочивать или закрывать заседания палат и назначать их новые выборы. Конституция гарантировала населению гражданские свободы и суд присяжных. Она устанавливала также — впервые в испанской истории — свободу вероисповедания и гражданский брак.

Однако этот новый основной закон многим показался недостаточно прогрессивным. Его опубликование вызвало вторую и гораздо более серьезную волну восстаний и демонстрации против Временного правительства, — в Сарагосе, Барселоне, Арагоне, Валенсии, Малаге, Аликанте и других городах. В движении участвовало до 70 тыс. вооруженных республиканцев. В Каталонии бастовало свыше 50 тыс. человек, причем стачкой руководила испанская секция Интернационала. Массы бурно протестовали против половинчатости, проявленной учредительными кортесами и правительством. Они заявляли, что низвержение Бурбонов привело лишь к созданию новой формы тирании. Они требовали гораздо более радикальной революции. В этом движении особенно крупную роль сыграли Кастелар в Арагоне, Оренсе на севере и социалист Пьерра в Каталонии.

Положение правительства оказалось очень затруднительным, тем более, что незадолго перед тем у него вышел серьезный конфликт с армией. Призывая войска к пронунсиаменто, вожди восстания обещали отмену всеобщей воинской повинности. Это было одним из самых популярных

---

[20] Butler Clarke. Modern Spain. Cambridge, 1906, стр.311.

лозунгов революции. Но, когда Серрано и Сагаста пришли к власти, они нашли тысячу и одну причину для отказа платить по выданному обязательству. Солдатская масса была возмущена, и ее настроения сыграли крупную роль в развязывании того движения, которым народ ответил на опубликование конституции 1869 г. К сожалению, у этого движения не оказалось ни крепкой организации, ни ясной и продуманной программы, ни подлинно революционных вождей и потому его практические результаты оказались ничтожными.

Итак, Испания была объявлена монархией, но монарха на троне не было. 18 июня 1869 г. Серрано был назначен регентом. Прим стал премьером, однако это не разрешало основной проблемы: надо было найти короля. Поиски его начались осенью 1869 г. и затянулись на целых 15 месяцев. Оказалось, не так-то легко отыскать человека, который хотел бы и мог бы занимать испанский престол. Прим, посвятивший этому делу всю свою энергию, столкнулся с величайшими трудностями.

Поскольку испанские Бурбоны были навсегда изгнаны из страны, внутри Испании имелся только один возможный кандидат — Эспартеро. Ему предложили корону, но фельдмаршал был слишком стар и пассивен, и в конце концов из этого проекта ничего не вышло. Тогда претендентов на престол пришлось искать заграницей. Однако король Луи португальский отклонил сделанное ему Примом предложение, не желая менять свое упроченное положение в Португалии на риск, связанный с ношением испанской короны. Принц Саксен-Кобургский, двоюродный брат королевы Виктории, также отказался от чести занимать испанский престол. Принц Леопольд Гогенцоллерн-Зигмаринген, с благословения Бисмарка, согласился было стать испанским королем, но Франция заявила решительный протест, и его кандидатура отпала (как известно, этот инцидент сыграл свою роль в развязывании франко-прусской войны 1870 г.). Серрано и Топете настойчиво выдвигали герцога Монпасье, но Прим и кортесы не хотели о нем и слышать, а сверх того такой выбор явился бы вызовом по адресу Наполеона III. Прим перенес свои поиски в Италию, но здесь его ждали большие разочарования. Герцог Аоста отказался от предложенного ему испанского трона. То же сделал и племянник Виктора Эммануила герцог генуэзский. Только второй сын короля, 26-летний Амадео, оказался более податливым. Правда, и тут потребовались длинные переговоры и настойчивые убеждения, прежде чем Амадео согласился занять испанский трон, но все-таки дело было сделано.

16 ноября 1870 г. учредительные кортесы большинством 191 против 120 избрали Амадео королем[21], и 30 декабря того же года он высадился в Картахене.

Казалось, цели буржуазно-помещичьей олигархии близятся к осуществлению: теперь Испания имела добропорядочную буржуазную конституцию; имела короля, готового считаться с этой конституцией; имела сильного премьера в лице Прима способного энергично вести государственный корабль к тихой пристани умеренности и аккуратности... Реальная жизнь жестоко посмеялась над всеми этими ожиданиями!

Двухлетние царствование Амадео было сплошным все более нарастающим политическим кризисом, о чем весьма ярко свидетельствовал хотя бы тот факт, что за столь короткий промежуток времени сменилось семь министерств и трижды были произведены всеобщие выборы в кортесы. В основе этого перманентного кризиса лежали разнообразные причины, из которых одни носили более важный, другие менее важный характер.

Начнем с причин менее важного порядка. Амадео, член Савойского дома и итальянец по национальности, был чужестранцем для Испании и не имел никаких корней в среде ее господствующих классов. Это сразу делало его положение в стране, над которой он призван был царствовать, чрезвычайно сложным. Пример Жозефа Бонапарта может служить тому яркой иллюстрацией. А ведь позиции Амадео были куда слабее- за его спиной не стояли ни могущественные армии, ни тень великого императора. К тому же нового короля с первых же шагов постигло большое несчастие: как раз в день его высадки в Испании от ран, полученных в результате покушения, умер генерал Прим. Организаторы этого преступления так и остались «неизвестными» (общественная молва приписывала инициативу герцогу Монпасье, все еще мечтавшему о занятии испанского престола), но результат был налицо: с политической арены сошел наиболее крупный государственный деятель страны, который мог бы во многом облегчить Амадео его укрепление на троне. Теперь же положение нового короля стало исключительно трудным, в особенности потому, что католическая церковь встретила его в штыки, как отпрыска Савойской династии, которая только что оккупировала Рим и сделала папу «пленником Ватикана». Позиция церкви развязала руки всем наиболее реакционным элементам страны: ряд генералов и офицеров отказался присягнуть на верность Амадео; представители знати объявили бойкот его двору; гранды и епископы перестали являться на устраиваемые им банкеты и приемы. Все эти элементы, воплощавшие силы феодальной реакции, смотрели на Амадео, как на исчадие

---

[21] Любопытно было распределение тех 120 голосов, которые были поданы против Амадео 63 голосовали за республику, 27— за герцога Монпасье, один — за герцогиню Монпасье (т е. сестру бывшей королевы Изабеллы), восемь — за Эспартеро, два — за Альфонса XII (т. е сына Изабеллы), 19 записок было подано пустых.

революции (ведь Прим посадил его на трон!) и старались «выжить» его из Испании всеми доступными им средствами. Карлисты и сторонники Изабеллы тут действовали заодно. В методах борьбы не стеснялись: 18 июля 1872 г. королевская чета на улицах Мадрида подверглась нападению со стороны вооруженной банды, и только случайность спасла ее от гибели. Инициаторы этого покушения также остались «неизвестными», но общественная молва еще раз связала его с именем герцога Монпасье. Как видим, в силу ряда специфических обстоятельств Амадео не нашел достаточной опоры в кругах господствующих классов Испании.

Однако — и тут мы подходим к более важным причинам неудачи Амадео — еще более серьезная опасность угрожала ему снизу, со стороны широких народных масс. Несмотря на все усилия быстро меняющихся правительств удержать революцию в рамках конституционно-монархической умеренности, настроения этих масс — не без влияния со стороны Интернационала — с каждым месяцем становились все более радикальными и решительными. Та линия, которую настойчиво проводили все эти генералы и политические дельцы буржуазии, совершенно не удовлетворяла демократические слои населения. Крестьяне не получили от революции ничего: помещик по-прежнему был хозяином в деревне. Экономическое и правовое положение рабочих и ремесленников не улучшилось. Городская мелкая буржуазия, особенно заинтересованная в развитии местного самоуправления, была глубоко разочарована сугубо централизаторскими тенденциями новой власти, которая, едва придя к рулю, в середине 1871 г. распустила все муниципальные советы. Солдатская масса в свою очередь не переставала волноваться из-за нежелания правительства выполнить свое обещание об отмене всеобщей воинской повинности. Амадео, как король, нес в глазах испанского народа ответственность за все эти грехи господствующего режима, и против него, против его трона обращались все растущие недовольство и возмущение трудящихся классов.

Первоначально эти настроения масс находили свое выражение главным образом в парламентских формах: право-настроенным правительствам все труднее становилось держаться у власти; радикальная партия раскололась на более умеренную группу во главе с Сагастой и на более левую группу во главе с Сорилья, причем левая группа со дня на день явно усиливалась; выборы в кортесы все ярче обнаруживали полевение избирателей, и попытка Сагасты в апреле 1872 г. «сделать» выборы в сугубо династическом духе закончилась крупным скандалом и привела в сентябре того же года к новым выборам, давшим блестящую победу «сорильистам»; даже такие люди, как Серрано, Сагаста, Топеде, Кановас, оказались забаллотированными. Из 191 депутата, два года назад голосовавших за избрание Амадео, в новые кортесы прошли 46. Дело не ограничилось, однако, только парламентской ареной. Революционное настроение масс все чаще стало переходить в прямое революционное действие. В ряде городов вспыхнули волнения, в Мадриде и Ферроле разыгрались военные восстания.

Атакуемый справа и слева Амадео повис в воздухе. И так как природа не наделила его ни силой характера, ни талантами крупного государственного человека, то неизбежная развязка не заставила себя долго ждать. К концу 1872 г. Амадео понял — настолько-то у него хватило сообразительности, — что во избежание худшего ему следует самому поскорее закончить фарс с игрой в испанскую корону: придравшись к одному сравнительно мелкому инциденту, Амадео 9 февраля 1873 г. отрекся от престола и два дня спустя покинул негостеприимные берега Пиренейского полуострова.

Эксперимент с умеренно-буржуазной монархией закончился, и закончился полной неудачей.

ПЕРВАЯ РЕСПУБЛИКА

Теперь, после отречения Амадео, перед Испанией в чрезвычайно острой форме встал вопрос: что же дальше?

Для решения этого вопроса 11 февраля 1873 г было устроено совместное заседание обеих палат кортесов, принявшее наименование Национального собрания. В недавнем прошлом подавляющее большинство членов этой коллегии (непредусмотренной конституцией 1869 г.) было монархистами. Даже 200 сорильистов, прошедших в нижнюю палату на сентябрьских выборах 1872 г., несмотря на всю свою левизну, считали, что король в Испании необходим. И, однако, теперь Национальное собрание после недолгих дебатов 258 голосами против 32 провозгласило республику.

Почему это произошло?

Это произошло потому, что за полгода, протекших со времени сентябрьских выборов 1872 г., поляризация общественных сил в Испании сделала крупный шаг вперед: с одной стороны, высоко поднялась революционная волна, питаемая в особенности рабочим и крестьянским движением, — с другой стороны, мобилизовались вокруг дон Карлоса (подробнее об этом в следующей главе) феодально-католическая реакция, превратившаяся в кристаллизационный центр для всех противников революции. Даже сторонники Изабеллы в этот период находились в тесном контакте с карлистами.

Поэтому, когда 11 февраля 1873 г. Национальному собранию приходилось решать вопрос о будущей форме правления в Испании, оно, в сущности, стояло перед выбором: республика или карлистский король? Ибо после неудачного опыта с Амадео трудно было рассчитывать на подыскание какого-либо другого монарха буржуазно-конституционного типа. Так как не только радикалы, но и большинство унионистов были против дон Карлоса — для них дон Карлос был уж слишком архаичен и реакционен, — то у членов обеих названных партий не было иного выбора, как голосовать за республику. Однако эти республиканцы поневоле были весьма сомнительными друзьями нового режима, что обнаружилось на другой же день после провозглашения республики.

На заседании 11 февраля было сформировано и первое, временное, республиканское правительство во главе с уже известным нам Эстанислао Фигерас. В состав правительства вошли еще три видных республиканца — Эмилио Кастеляр (министр иностранных дел), Николае Сальмерон (министр юстиции) и Франсиско Пи-и-Маргалль (министр внутренних дел). Хосе Эчегаррай (министр финансов) и Фернандес де Кордова (военный министр) представляли в правительстве партию радикалов.

С первых же шагов внутри правительства вскрылись серьезные разногласия. Во-первых, министры-радикалы не сходились по многим вопросам с министрами-республиканцами, — эта трудность была разрешена тем, что в конце февраля министры-радикалы ушли из правительства. Во-вторых, среди самих министров-республиканцев не было полного согласия по вопросу о том, какой характер должна носить республика? Должна ли она быть унитарной? Или федеративной? И если федеративной, то с сильной или слабой центральной властью? С более широкой или менее широкой автономией мест? Эта трудность была разрешена тем, что, по соглашению между сторонниками различных взглядов, определение характера будущей республики было отложено до созыва учредительных кортесов. Однако даже и после того далеко не все в правительстве было гладко. Главная беда состояла в том, что премьер Фигерас совсем не годился на роль вождя республики в обстановке большой исторической бури. Бывший адвокат, просидевший при Изабелле два года в тюрьме за оппозицию монархии, Фигерас был человек довольно правых убеждений, боявшийся народа и мечтавший об умеренно-буржуазной, вполне респектабельной республике. Он совсем не походил на бойца революции и если бы не социалистический министр внутренних дел Пи-и-Маргалль, новый режим, вероятно, пал бы под ударами контрреволюции уже в первые недели своего существования.

В самом деле, сразу же после образования республиканского правительства началась борьба между ним и кортесами, теми самыми кортесами, радикально-унионистское большинство которых, проголосовав 11 февраля за республику, вовсе не собиралось так легко сдавать свои позиции новому хозяину. Правительство, видевшее свою главную задачу в скорейшем созыве новых учредительных кортесов, 4 марта потребовало роспуска самих кортесов. Республиканцы поневоле протестовали, но в конце концов должны были согласиться и 11 марта разъехались по домам. Однако в наследие после себя старые кортесы оставили так называемую Постоянную комиссию в составе 20 депутатов для наблюдения за правительством и его действиями. Эта Постоянная комиссия немедленно стала центром, около которого начали группироваться все враги республики, особенно из среды старой знати, генералов, епископов, крупных буржуа, высших представителей бюрократии. Очень скоро под эгидой Комиссии был создан военно-политический заговор и на 23 апреля назначен государственный переворот. Предполагалось, что после победы реакции Серрано возглавит контрреволюционную власть.

В этот критический момент большинство членов республиканского правительства обнаружило полную беспомощность и слепоту. Фигерас вообще ничего не замечал и не хотел принимать никаких мер против опасности, грозившей республике. Другие министры занимали колеблющуюся позицию. Только Пи-и-Маргалль оказался на высоте положения. В ночь с 22 на 23 апреля он мобилизовал верные республике батальоны, вооружил отряды «волонтеров свободы» (национальной милиции) и утром 23-го захватил всех мятежников, собравшихся на площади Торос. Реакции был нанесен тяжелый удар. Вслед затем Постоянная комиссия прекратила свое существование. Народ реагировал на энергичные действия министра внутренних дел шумными манифестациями одобрения, во время которых воздух оглашался бурными кликами: «Да здравствует федеративная республика!»

Широкие массы рабочих и крестьян вкладывали в этот лозунг не только политическое, но и социальное содержание. Они приветствовали рождение республики, как наступление новой эры, которая принесет им освобождение как от полицейского кулака, так и от эксплуатации капиталиста и помещика. Правда, они плохо себе представляли, как, с помощью каких методов и средств, это может быть достигнуто, но они верили, что так должно быть. Особенно показательно было то, что происходило в деревне. Так, в провинции Кордова крестьяне и батраки приступили к уничтожению старых земельных реестров и разделу помещичьих владений. Если при этом они встречали сопротивление, то громили усадьбы и убивали жандармов и полицейских. В Мантилье городская беднота разрушила дома богатых. В Пособланко толпа окрестных крестьян явилась в муниципалитет и потребовала раздела крупных имений. В обоснование своих притязаний крестьяне заявили:

«те, кто сеял и обрабатывал землю, имеют больше права на урожай, чем те, кто выплачивает неизвестно как приобретенными деньгами ничтожную плату, которой не хватает для самого необходимого»[22]. Подобных случаев в первые недели республики было много. Еще более всеобщий характер носил революционный подъем в городе. Рабочие, ремесленники, кустари были охвачены мощным порывом. Они созывали митинги и собрания, создавали профессиональные и политические организации, вели борьбу за улучшение условий труда, активно участвовали в республиканских манифестациях и парадах. Будь в то время в стране партия, которая была бы способна возглавить эти массовые настроения и претворить их в разумные революционно-демократические действия, испанский рабочий и испанский крестьянин сделали бы значительный шаг вперед по пути своего освобождения. К сожалению, такой партии в Испании тех дней не оказалось. Бакунисты же, игравшие в это время роль сознательного авангарда масс, обнаружили свое полное банкротство.

10 мая 1873 г. в обстановке огромного революционного подъема произошли выборы в учредительные кортесы. В них участвовали только республиканцы, так как монархисты всех оттенков — от радикалов до карлистов — объявили бойкот выборов. Республиканцы одержали блестящую победу, но это совсем не означало, что в открывшемся парламенте господствовало полное единство взглядов.

Среди сторонников новой власти, как мы уже знаем, с самого начала имелись серьезные разногласия по вопросу о характере республики. В ходе событий эти разногласия принимали различные формы, а отдельные лица нередко меняли свою позицию. Но все-таки, если отвлечься от частностей и деталей, можно сказать, что среди республиканцев имелись три основных течения: правые, федералисты и кантоналисты.

Правые, наиболее видным представителем которых являлся Кастелар, были далеко не уверены, что республика представляет наиболее подходящую форму правления для Испании. Они сильно тяготели к радикалам типа Руис Сорилья и, как увидим ниже, по существу прокладывали дорогу реставрации.

Федералисты, крупнейшим представителем которых был Пи-и-Маргалль, стояли за республику типа США, т.е. за республику, сочетающую авторитетную центральную власть с широкой автономией отдельных провинций. В своей книжке «Республика 1873 г.» Пи-и-Маргалль подробно разъясняет, почему он стремится к республике именно такого рода.

«Я считаю, — писал он, — федеративную форму управления весьма подходящей к характеру нашей страны, ибо она состоит из провинций, которые в прежние времена были независимыми государствами, а в наши дни отделены друг от друга тем, что более всего отделяет народы, — законами и обычаями». С другой стороны, однако, в периоды «всех больших кризисов, через которые Испания прошла в этом (XIX. — *И.М.*) столетии... она никогда не теряла своей целости»[23]. Отсюда Пи-и-Маргалль делал вывод, что здоровая линия развития должна идти по пути превращения Испании в единую федеративную республику, где признание местной автономии не должно исключать создания достаточно сильной центральной власти. Федералисты опирались главным образом на демократические силы центральной Испании, на трудящихся Мадрида, на среднюю и мелкую буржуазию обеих Кастилии, на более прогрессивные элементы армии и чиновничества, на передовые слои крестьянства во внутренних провинциях страны.

Кантоналисты или, как они себя любили называть, «непримиримые», напротив, стремились к раздроблению Испании на отдельные, почти независимые кантоны, лишь очень слабо связанные между собой эфемерной центральной властью. Число и размеры кантонов предоставлялись всецело на усмотрение мест. Функции общенационального центра нарочно замалчивались или определялись весьма расплывчатыми формулами. В области государственного строительства взгляды и практика кантоланистов довольно близко подходили к тому, что проповедовали бакунисты, и это обстоятельство, как увидим ниже, имело немаловажное значение в ходе событий 1873 г. Кантоналисты имели много сторонников среди мелкой буржуазии провинциальных городов юга и юго-востока и содержали в своих рядах непропорционально большое число «авантюристов, честолюбцев и карьеристов»[24].

В такой обстановке очень многое зависело от рабочих и их позиции в политических вопросах момента, — тем более, что испанская секция Интернационала как раз в это время переживала период большого расцвета и насчитывала не меньше 60 тыс. членов. В условиях тогдашней Испании это являлось огромной силой. Однако благодаря бакунистскому руководству массы испанского пролетариата совершенно не сумели использовать благоприятно складывавшуюся для них ситуацию. Первую и серьезную ошибку они сделали во время выборов в учредительные кортесы. Вот что пишет по этому поводу Ф.Энгельс: «При огромном обаянии, которым в то время еще пользовалось имя Интернационала среди испанских рабочих, при наличии еще в то время, по

---

[22] «La Cronica» от 23 апреля 1873 г.
[23] F.Pi-y-Margall. La Republica de 1873. Madrid, 1874, стр.7—8.
[24] К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XV, стр.109.

крайней мере, на практике, превосходной организации его испанского ответвления, — было несомненно, что в фабричных районах Каталонии, в Валенсии, в городах Андалузии и т.д. всякая выдвинутая и поддержанная Интернационалом кандидатура прошла бы блестяще и что в кортесах безусловно образовалось бы меньшинство, достаточно сильное для того, чтобы при каждом голосовании определять исход дела между тем и другим крылом республиканцев. Рабочие чувствовали это; они чувствовали, что теперь настало время пустить в ход свою, тогда еще могущественную организацию. Но господа вожди бакунистской школы так долго проповедывали евангелие безусловного воздержания, что не могли сразу переменить курс; и вот они придумали тот жалкий выход, что Интернационал как целое воздержался, а его членам, каждому в отдельности, было предоставлено голосовать *по своему усмотрению*»[25].

В результате столь нелепой тактики «огромная масса членов Интернационала, включая анархистов, приняла участие в выборах без программы, без знамени, не имея собственных кандидатов, и, таким образом, способствовала тому, что избраны были почти исключительно буржуазные республиканцы»[26]. Больше того: поскольку среди республиканцев имелось два крыла, «рабочие, как всегда в подобных случаях, голосовали за людей, выступавших наиболее радикально, — за непримиримых (т.е. кантоналистов. — *И.М.*), а тем самым в большей или меньшей' степени брали на себя ответственность за дальнейшие шаги своих избранников и оказывались втянутыми в их действия»[27].

Так бесславно была проиграна эта важная позиция. За первой ошибкой очень скоро последовала вторая, пожалуй, не менее серьезная.

8 июня 1873 г. при бурных возгласах в честь федеративной республики были открыты учредительные кортесы. Председателем их был избран правый республиканец Оренсе. Большинством 210 против двух Испания была объявлена федеративной республикой. Затем кортесы приступили к формированию правительства, и тут сразу вскрылись расхождения среди республиканцев. Однако за четыре месяца, протекшие с 11 февраля, эти расхождения сильно осложнились: теперь речь шла не только о формах будущей республики, но и о роли масс в ходе и исходе революции. А это внесло семена разложения уже в ряды самой федералистской фракции. Мы видели, что в первом, временном, республиканском правительстве, образованном сразу после отречения Амадео, участвовали четыре крупнейших лидера республиканцев — Фигерас, Кастелар, Сальмерон и Пи-и-Маргалль. Было естественно ожидать, что они и теперь войдут в правительство учредительных кортесов. На самом деле вышло иначе. Первые три были так напуганы мощным развитием массового движения, что стали поворачиваться спиной к революции. Фигерас просто сложил с себя полномочия главы исполнительной власти и уехал из Испании за границу. Больше он уже не возвращался к политической деятельности. Кастелар и Сальмерон оставались в Испании и сидели на скамьях учредительных кортесов, но упорно отказывались от министерских постов. Тогда задача формирования новой власти была возложена на Пи-и-Маргалля. 11 июня ему удалось создать лево-республиканское правительство. Оно состояло из надежных, но мало известных людей. Сам Пи-и-Маргалль был назначен главой исполнительной власти, т.е. временным президентом Испанской республики. Это было очень счастливое для рабочего класса обстоятельство, ибо Пи-и-Маргалль ближе всех других лидеров республики подходил к пониманию его интересов.

Уроженец Барселоны, юрист, философ, писатель, политик, Пи-и-Маргалль являлся одним из наиболее передовых людей своего времени. Человек сильной воли и большой самодисциплины, он всем был обязан самому себе. Несмотря на бедность родителей, Пи-и-Маргалль сумел получить высшее образование «зарабатывая на жизнь грошевыми уроками. В 1847 г, он стал доктором прав и вплоть до революции 1854 г. занимался литературно-публицистической деятельностью. Способности и эрудиция быстро выдвинули Пи-и-Маргалля, а крайность взглядов привлекла к нему широкое внимание. В 1854—1856 гг. Пи-и-Маргалль был членом революционных хунт и других революционных организаций (в частности, входил в вышеупоминавшийся «Союз демократов») и сильно повысил свой авторитет в левых кругах. Поражение четвертой революции заставило Пи-и-Маргалля временно отойти от политики, но с 1857 г. он вновь вернулся к общественной жизни, став активным участником республиканской и демократической партии. В 1864 г. он сделался редактором республиканского органа «La Discucion» («Дискуссия») и в 1866 г., после неудачного восстания мадридских артиллеристов, эмигрировал во Францию. Революция 1868 г. вернула Пи-и-Маргалля в Испанию, а Барселона послала его в качестве своего представителя в учредительные кортесы 1869 г. Пи-и-Маргалль участвовал в последующих ординарных кортесах эпохи Амадео и в феврале 1873 г. сыграл крупную роль в деле провозглашения республики.

[25] Там же, стр.110.
[26] Там же, стр.109.
[27] К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XV. стр.111.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Взгляды Пи-и-Маргалля не отличались особенными четкостью и определенностью. Он вырос под влиянием Руссо, Сен-Симона, Прудона, Роберта Оуэна и сам называл себя «интегральным социалистом». Конечно, это был еще очень примитивный социализм, социализм эмоционально-утопического свойства, весьма далекий от марксизма, но все-таки Пи-и-Маргалль стоял головой выше других республиканских лидеров Испании середины прошлого века. Став редактором «La Discusion», он повел решительную борьбу с демократами — сторонниками индивидуалистической философии (каковым был, например, Оренсе) и энергично защищал идеи социализма. За это демократы-индивидуалисты даже «отлучили» Пи-и-Маргалля от своей церкви, утверждая, что социалист не может быть демократом. В период республики Пи-и-Маргалль лучше других понимал важность социального момента в ходе революции. Так, в уже цитированной книжке «Республика 1873 г.», характеризуя свою позицию в те решающие дни, он писал: «Мои намерения имели целью улучшение условий жизни беднейших классов. До сих пор революции приносили больше всего выгод средним классам. Я считал, что надо подумать и о рабочих».

Отсюда Пи-и-Маргалль делал вывод, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, что городским рабочим должно быть обеспечено коалиционное право, что сельские рабочие заслуживают не меньшего внимания, чем городские, и что задачей государства является далеко идущее регулирование хозяйственной жизни (но, прибавлял Пи-и-Маргалль, не превращение «в земледельца, промышленника, купца или банкира»)[28].

Все это для Испании 60-х годов прошлого века было верхом прогрессивности и свободомыслия.

И вот теперь Пи-и-Маргалль стал главой исполнительной власти республики! Лучшего кандидата испанские рабочие не могли желать, а что получилось в действительности?

Первые шаги правительства Пи-и-Маргалля были многообещающими. Оно выдвинуло программу, которая предусматривала отделение церкви от государства, бесплатное обязательное обучение, смешанные комиссии из рабочих и предпринимателей для регулирования условий труда, отмену рабства на Кубе, установление свободного режима в колониях, а самое главное — скорейшее принятие кортесами новой конституции. В условиях момента и обстановки это было хорошее начало.

Основные усилия Пи-и-Маргалля были направлены на скорейшее проведение конституции, ибо каждый потерянный в этом отношении день приносил новые трудности и осложнения для республики. На севере карлисты постепенно захватывали один район за другим. На юге кантоналисты грозили открытым восстанием.

В той же книжке «Республика 1873 г.» Пи-и-Маргалль рассказывает, что сразу после его прихода к власти непримиримые подняли шумную кампанию против правительства, обвиняя его во враждебном отношении к автономии мест. К концу июня эта кампания достигла такой напряженности, что со дня на день можно было ожидать стихийного возникновения кантонов. Что было делать?

Более правые элементы среди республиканцев (все те, кто группировался около Кастелара и Сальмерона) требовали принятия крутых мер против непримиримых. Они настаивали на обращении за помощью к монархическим генералам и применении против кантоналистов вооруженной силы. Пи-и-Маргалль был решительным противником такой политики, ибо считал, что она прямым путем приведет к контрреволюции. Пи-и-Маргалль предлагал другие меры, а именно: скорейшее принятие новой федеративной конституции и — впредь до того — апелляцию к чувству революционного патриотизма среди республиканцев Андалусии и Леванта. Эффективность этого последнего метода он иллюстрирует одним очень ярким примером.

В последних числах июня благодаря неустанной агитации непримиримых атмосфера в Севилье так накалилась, что дело дошло почти до открытого восстания против правительства. И вот как поступил в этом случае Пи-и-Маргалль: «Я отправил, — пишет он, — телеграмму губернатору (Севильи. — *И.М.*), приказав созвать всех влиятельных членов партии (республиканской. — *И.М.*) и разъяснить им, какие несчастья произойдут, если будут объявлены кантоны до окончания работы кортесов по созданию конституции; исчезнет единство нации, центральное правительство останется без войск, реакционеры воспрянут духом, начнется гражданская война, республика окажется в опасности. Я просил губернатора апеллировать к патриотизму и сознательности всех добрых республиканцев и постараться всеми способами отвлечь их от осуществления своих намерений... В результате без единого выстрела восстание (в Севилье. — *И.М.*) было ликвидировано»[29].

Однако правые республиканцы отнюдь не сочувствовали линии Пи-и-Маргалля. И если, не будучи членами правительства, они не могли пустить в ход против кантоналистов оружие, то зато они могли саботировать и действительно саботировали скорейшее прохождение в кортесах проекта новой конституции. Пи-и-Маргалль требовал созыва комиссии по выработке конституции

---

[28] F.Pi-y-Margall. La Republica de 1873. Madrid, 1874, стр.102.
[29] F.Pi-y-Margall. La Republica de 1873, стр.47.

на 13 июня, а фактически она собралась только 20; он предлагал комиссии подготовить проект конституции к первым числам июля, рассчитывая, что с помощью методов убеждения Ему до тех пор удастся предупредить кантональное восстание, а на самом деле этот проект был представлен лишь 17 июля, когда кантональное восстание уже вспыхнуло; обсуждение проекта началось только 11 августа, т.е. уже после отставки Пи-и-Маргалля, и велось столь медленно и лениво, что кортесы разошлись с приходом к власти Кастелара) 8 сентября, так и не закончив своей работы по созданию конституции.

Впрочем, мы забежали здесь несколько вперед. В начале июня, когда Пи-и-Маргалль был только что назначен главой исполнительной власти, перед испанскими рабочими открывалась редкая возможность дать мощный толчок делу социального и политического прогресса. Однако под влиянием все того же бакунистского руководства они сделали вторую серьезную ошибку.

«Испания, — пишет о том времени Энгельс, — в промышленном отношении настолько отсталая страна, что там еще не может быть и речи о *немедленном* полном освобождении рабочего класса. Прежде, чем дело дойдет до этого, Испания должна еще пройти различные предварительные ступени развития и преодолеть целый ряд препятствий. Республика и давала возможность в кратчайший срок пробежать эти предварительные ступени и быстро устранить эти препятствия»[30].

Отсюда естественно вытекала необходимость всемерно поддержать республику и то правительство, которое обещало наиболее быстрое движение вперед по пути освобождения пролетариата. «Среди официальных республиканцев, — продолжает Энгельс, — Пи был единственным социалистом, единственным человеком, сознававшим, что республике необходимо опираться на рабочих. Он представил тотчас же и программу мероприятий социального характера, которые можно было немедленно осуществить и которые должны были не только принести непосредственную выгоду рабочим, но последствия которых побуждали бы рабочих к дальнейшим шагам и, таким образом, должны были по крайней мере привести в движение социальную революцию. Но бакунистские члены Интернационала, которые обязаны отвергать даже самые революционные мероприятия, раз они исходят от «государства», предпочитали поддерживать самых сумасбродных шарлатанов среди непримиримых, но только не министра»[31].

Действительно, вместо того, чтобы укрепить положение Пи-и-Маргалля и своим влиянием толкать его влево, испанская секция Интернационала подала руку кантоналистам и выступила против правительства. Когда в начале июля кортесы наметили основные линии будущей конституции, непримиримые объявили ее реакционной, так как она не шла достаточно далеко по пути раздробления Испании на кантоны. Пи-и-Маргалль пытался договориться с непримиримыми и создать эффективное левое правительство, но благодаря саботажу со стороны непримиримых и бакунистов из его усилий ничего не вышло. 5 июля непримиримые подняли восстание («позорное восстание», по выражению Энгельса) и в течение следующей недели захватили власть в Картахене, Севилье, Гранаде, Кадисе, Валенсии и ряде других городов Андалусии и Леванта. Каждый город объявлял себя «независимым кантоном» и создавал свое кантональное правительство, причем — и это заслуживает особого внимания — членами многих кантональных правительств оказались... принципиальные противники государства — бакунисты.

Как ни сумасбродно было кантональное восстание, оно отражало все-таки революционную настроенность масс, — сбитых с толку, запутавшихся в противоречиях, но искренно стремившихся к ликвидации реакционного прошлого Испании. Поэтому в нем имелись и положительные черты. Так, движение повсюду было резко заострено против церкви. В Севилье рабочие захватили арсенал, декретировали отмену частной собственности и приостановили распродажу общинных земель в деревне. В Валенсии, где социалисты были сильнее анархистов, создалась почти рабочая власть. В Алькое возник «Комитет общественного спасения», состоявший исключительно из рабочих. Во многих местах поднялась деревня: крестьяне захватывали и делили помещичьи земли. Солдаты ряда гарнизонов на юге отказывались служить и расходились по домам. Общее положение даже теперь, после начала кантонального восстания, было далеко не безнадежно для революции, но рабочие под влиянием бакунистов сделали еще одну, третью ошибку.

«...Большинство крупных городов Испании, — пишет Энгельс, — было во власти повстанцев; исключение составляли лишь столица, Мадрид, город роскоши, почти никогда не выступающий решительно, а также Барселона. Если бы поднялась Барселона, — окончательный успех был бы почти обеспечен, а вместе с тем была бы обеспечена мощная поддержка рабочим элементам движения. Но... непримиримые были в Барселоне достаточно бессильны, а члены бакунистского Интернационала, пользовавшиеся там в то время еще очень большим влиянием, воспользовались всеобщей стачкой как предлогом для того, чтобы *уклониться* от восстания. Таким образом, на этот раз Барселона не оказалась на своем посту»[32].

И. М. МАЙСКИЙ

[30] К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XV, стр.108.
[31] К.Маркс и Ф.Энгельс Соч, т XV, стр.112.
[32] К.Маркс и Ф.Энгельс Соч., т.XV, стр.118.

ИСПАНИЯ 1808–1917
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Тем не менее, по мнению Энгельса, это восстание, хотя и безмозгло начатое, все-таки имело крупные шансы привести *к.* конечным результатам, если бы силы повстанцев быстро объединились и смело перешли в наступление.

«Так нет же, — восклицает Энгельс, — Федерализм непримиримых и их бакунистского охвостья в том-то и заключался, что каждый город действовал на собственный страх, объявив самым важным делом не совместные действия с другими городами, а отделение от других городов, и исключив тем самым всякую возможность всеобщего наступления»[33].

Вместе с тем в отдельных кантонах бакунисты играли жалко-предательскую роль. Входя в состав местных правительств, где буржуазные республиканцы находились в большинстве, они лишь покрывали своим именем все их действия. Когда бакунисты в некоторых местах пытались выдвигать требования рабочих, им отвечали красивыми фразами и пустыми обещаниями. А если они начинали настаивать на проведении практических мероприятий, то получали отказ. Непримиримые стремились повсюду использовать рабочих в своих интересах, но отнюдь не собирались идти им навстречу. В ряде случаев между рабочими и непримиримыми возникали разногласия. В Севилье дело дошло до того, что непримиримые стали стрелять в рабочих.

В конечном счете нелепо-преступная политика бакунистов и непримиримых подорвала позиции Пи-и-Маргалля, и 18 июля 1873 г., через 40 дней после своего прихода к власти, он вынужден был подать в отставку. Это имело поистине роковое значение: высшая точка в развитии революции была пройдена, и с этого момента революция неудержимо покатилась вниз.

Преемником Пи-и-Маргалля на посту главы исполнительной власти стал Николае Сальмерон (1838—1908), юрист, философ, писатель, профессор истории, который в годы правления Изабеллы участвовал в подпольных республиканских организациях, сидел в тюрьме и был освобожден сентябрьской революцией 1868 г. Сальмерон являлся принципиальным противником классовой борьбы и, выражаясь его словами, сторонником «эволюции», а не «революции». В кортесах он принадлежал к республиканскому «центру» и усматривал свою главную задачу в «восстановлении порядка», что, по его мнению, должно было предшествовать проведению реформ. Поэтому Сальмерон начал с мобилизации 80 тыс. солдат и обращения к генералам старого режима, призывая их оказать правительству содействие в подавлении кантонального восстания. Конечно, за генералами дело не стало. В конце июля генерал Павиа с небольшим отрядом жандармов и линейных войск выступил из Мадрида и в течение каких-либо двух недель занял Кордову, Севилью, Кадис, Алхесирас и ряд других городов Андалусии, нигде не встретив сколько-нибудь серьезного сопротивления. Непримиримые везде обнаружили свою истинную натуру — натуру болтунов, не способных к решительным действиям. Одновременно генерал Мартинес Кампос атаковал Валенсию. Здесь, где в управлении кантоном гораздо большую роль играли рабочие, правительственные силы встретили серьезное сопротивление и лишь с большим трудом овладели городом. Быстрые успехи генералов, однако, встревожили Сальмерона, опасавшегося возрождения военной диктатуры, и потому после занятия генералом Павиа Гранады Сальмерон предложил ему приостановить дальнейшее наступление. Реакционеры подняли страшный шум. Карлисты и изабеллисты объединились в борьбе против республики. В том же направлении действовали Серрано и другие генералы. Теперь уже Сальмерон оказался слишком «левым», и 7 сентября ему также пришлось уйти в отставку.

Новым главой республики стал Эмилио Кастелар (1832—1899), — историк, писатель, вдохновенный оратор, эмоционально-художественная натура, один из лидеров республиканского движения времен Изабеллы. Кастелар был связан с заговором Прима в 1866 г. и после его неудачи бежал во Францию. Революция 1868 г. вернула Кастелара домой, а в учредительных кортесах 1869 г. он являлся вождем республиканской фракции. Первоначально его идеалом была федеративная республика типа США, но республика осторожная, консервативная, относящаяся с уважением к традициям прошлого и, прежде всего, к католической религии.

События 1873 г. глубоко потрясли Кастелара. Будучи человеком аристократической складки, он никогда не любил и не понимал людей труда, — теперь же бурное массовое движение первых месяцев республики привело его в состояние паники. С эмоциональностью, свойственной его натуре, Кастелар круто шарахнулся вправо и стал заявлять, что «во имя родины и свободы он готов пожертвовать своими принципами»[34]. Это сделало его лидером правых республиканцев в кортесах и обеспечило избрание в президенты после ухода Сальмерона.

Кастелар начал с того, что отсрочил заседания кортесов до 2 января 1874 г., а пока стал править Испанией, как диктатор. Кастелар предложил генералу Павиа продолжать наступление, приостановленное приказом Сальмерона, и 14 сентября 1873 г. правительственные войска заняли Малагу — главный центр кантоналистского движения. После того вся Андалусия подчинилась Мадриду. Параллельно были открыты операции против Картахены, где повстанцы занимали особенно сильные позиции: эта военно-морская база была защищена 13 фортами, имела много

---

[33] Там же, стр.119.
[34] Butler Clarke. Modern Spain, Cambridge, 1906, стр.346.

оружия и амуниции и поддерживалась испанскими военными кораблями, находившимися в гавани. Вооруженными силами повстанцев здесь командовал республиканский генерал Контрерас, который, не ограничиваясь обороной, делал попытки перейти в наступление. Еще Сальмерон в борьбе с Картахеной объявил флот, поддерживавший повстанцев, «пиратским», и это дало вездесущим англичанам благовидный предлог захватить и отвести в Гибралтар большую часть находившихся в Картахене испанских военных судов. Теперь, в стремлении как можно скорее «положить конец анархии», британское правительство вернуло захваченные суда Кастелару, что явно повышало его шансы в борьбе с повстанцами. Кастелар собрал также значительные сухопутные силы и снабдил их большим количеством вооружения. Несмотря на все это, завоевание Картахены оказалось очень трудным делом и было закончено только 13 января 1874 г., уже после падения Кастелара.

Кастелар воображал, что, разделавшись с левыми, он обуздает также правых (т.е. монархистов) и в конечном счете создаст вполне респектабельную республику, с сильной центральной властью и умеренно-либеральной программой. Однако с Кастеларом случилось то, что неоднократно уже случалось раньше с людьми, находившимися в аналогичном положении: едва левые были разбиты, как правые немедленно перешли в наступление против самого Кастелара, ибо «мавр» сделал свое дело и должен был уйти.

Карлисты, которые, как мы знаем, после провозглашения республики подняли восстание на севере, к концу 1873 г. настолько усилились, что превратились в серьезную угрозу для правительства. Альфонсисты (т.е. сторонники сына Изабеллы Альфонса XII), в дни Пи-и-Маргалля шедшие против республики в союзе с карлистами, вновь от них отделились и стали готовить почву для возвращения своего кандидата на испанский трон. Многочисленные генералы, которых так охотно привлекали для подавления левых — сначала Сальмерон, а потом Кастелар, — проявляли все больше недовольства президентом, слишком медленно, по их мнению, изживавшим свои «конституционные предрассудки». Тщетно Кастелар пытался лавировать между всеми этими силами, тщетно искал сближения с Ватиканом, тщетно стремился опереться на группы более умеренных консерваторов, — логика классовой борьбы оставалась неумолимой. И, наконец, разразился неизбежный удар.

2 января 1874 г. собрались отсроченные с сентября кортесы. Хотя с момента выборов настроения многих депутатов значительно изменились, все-таки большинство их было еще достаточно радикально для того, чтобы стоять в резкой оппозиции к политике Кастелара, явно прокладывавшей путь для реставрации монархии. Еще до открытия кортесов было совершенно очевидно, что Кастелару будет вынесен вотум недоверия и что после этого он выйдет в отставку.

Что должно было случиться дальше? Различные партии и группы давали различные ответы на этот вопрос. Однако решающее слово сказали военные, которые почувствовали, что наконец-то пришел их день. В ночь со 2 на 3 января, когда собравшиеся на первое заседание кортесы бурно дебатировали отчет Кастелара и Сальмерон обрушился на него с негодующей речью, генерал Павиа, занимавший в этот момент пост капитан-генерала Новой Кастилии (т.е. распоряжавшийся столичным гарнизоном), попросту разогнал депутатов и запер на замок здание кортесов. Ошеломленные массы лишь слабо реагировали на контрреволюционный переворот: события предшествующих месяцев окончательно сбили их с толку; у них не было уже веры в возможность победы революции: у них не было и партии, способной дать правильную ориентировку, руководить и вдохновлять в столь трудный исторический момент.

Здесь, собственно, и кончается история первой испанской республики, а вместе с тем и история пятой испанской революции. Однако политическая ситуация в стране продолжала оставаться очень сложной, и потребовался еще целый год различных ходов и контрходов, прежде чем могла быть официально провозглашена монархическая реставрация. Вот краткий перечень относящихся сюда фактов.

Сразу после переворота было сформировано новое правительство во главе с Серрано, в состав которого также вошли Сабала (военный министр), Топете (морской министр), Эчегаррай (министр финансов) и Сагаста (министр иностранных дел). Все это были люди более чем умеренные, люди, напуганные революционной бурей и теперь усердно старавшиеся стереть память о республике. Туча реакции нависла над страной. Репрессии коснулись всех проявлений передовой мысли и ее представителей. Интернационал был окончательно закрыт, почти все профессиональные союзы и организации распущены. Правое крыло революции, еще более ударившееся в реакцию, рассчитывало, что этим способом ему удастся удержаться у власти. Предполагалось, что без отмены внешних республиканских форм будет установлена фактическая диктатура Серрано. Однако с Серрано случилось то же самое, что годом раньше случилось с Кастеларом: для осмелевших монархистов даже Серрано был недостаточно «надежен». Они открыто требовали полной реставрации королевской власти. Споры шли лишь о том, кто займет испанский трон: дон Карлос или Альфонс XII?

Эти споры в конечном счете разрешились в пользу Альфонса XII, ибо за него высказывалось большинство помещиков, дворянства, крупной буржуазии, армии, интеллигенции. Мрачная тень карлизма с его культом средневековья и абсолютистско-католической реакции пугала слишком многих, и это делало невозможным его приход к власти. К тому же альфонсисты имели в лице Кановаса дель Кастильо чрезвычайно хитрого и ловкого вождя, который сумел хорошо использовать в интересах Бурбонов сложившуюся ситуацию. Кановасу, который, как увидим ниже, имел свою собственную концепцию укрепления испанского трона, хотелось провести реставрацию Бурбонов по всем правилам политического этикета — гражданскими путями, через кортесы, при надлежащей инсценировке «восторженного сочувствия» масс. Он считал, что так дело будет крепче. Но тут Кановас столкнулся с альфонсистскими генералами, которым все эти тонкости казались совершенно излишними. Они предпочитали прямую военную акцию. Кановасу пришлось уступить, вернее, примириться с тем, что делали вожди армии.

24 декабря 1874 г. генерал Мартинес Кампос, с благословения генерала Примо де Ривера, сменившего Павиа на посту капитан-генерала Новой Кастилии, в Мурвьедро (Сагунто) поднял военное восстание: в присутствии 2 тыс. солдат и офицеров он провозгласил Альфонса XII королем Испании. Это «пронунсиаменто» было поддержано руководящими лицами испанской армии, а также всеми политическими партиями, кроме карлистов и республиканцев. Народ — подавленный, растерянный, разочарованный событиями минувших шести лет — безмолвствовал. 31 декабря 1874 г. Серрано, формально все еще являвшийся главой исполнительной власти, вышел в отставку и уехал во Францию. В тот же день в Мадриде было образовано монархическое временное правительство во главе с Кановасом дель Кастильо. 14 января 1875 г. в столицу прибыл 16-летний Альфонс XII, вернувшийся из эмиграции, и утвердил Кановаса в роли премьера. Теперь временное правительство стало постоянным и сразу же приступило к разрешению важнейших задач текущей политики. Среди них самой острой и неотложной в тот момент была проблема второй карлистской войны, *к* изложению которой мы сейчас и перейдем.

ВТОРАЯ КАРЛИСТСКАЯ ВОИНА

Для того, чтобы читателю были яснее события второй карлистской войны, необходимо бросить беглый взгляд на историю карлистского движения после 1840 г.

Поражение, понесенное карлистами в «семилетней войне» (1833—1840), нанесло им сильный удар. Многие бывшие карлисты — особенно более умеренного толка — перешли на сторону победителей и стали опорой трона Изабеллы. Многие автономисты в Басконии и Каталонии пересмотрели свою прежнюю позицию и постарались найти какой-то компромисс с Мадридом. Но карлизм все-таки не исчез. Остался карлистский «король» — дон Карлос, проживавший в эмиграции и державший свой «королевский двор» теней. Остались группы ярых карлистов, ушедших с дон Карлосом за границу и затем рассыпавшихся по различным странам Европы и Америки. Остались сторонники карлистов в самой Испании, главным образом в Наварре, Басконии и Каталонии, временно притихшие, но не потерявшие надежду на то, что рано или поздно на их улице будет праздник. В результате отхода ряда сомнительных друзей карлизм «очистился» от всех «малонадежных» элементов и окончательно сложился, как концентрация самых реакционных кругов феодализма и католической иерархии, мечтавших о восстановлении (если не формальном, то фактическом) абсолютной монархии, творящей волю церкви. В таком виде карлизм закостенел и просуществовал до революции 1868 г.

Однако карлизм имел свою хронологию. За период 1840—1868 гг. в этой хронологии можно отметить несколько заслуживающих внимания дат:

В 1845 г. дон Карлос, вождь карлистов в «семилетней войне» (так называемый Карл V), отрекся от «престола» и с этого времени официальным лидером карлистов стал его сын дон Карлос Луи, граф Монтемолин (так называемый Карл VI).

В 1848 г., используя настроения тревоги и неуверенности, создавшиеся в Испании в связи с европейскими революциями того года, карлисты подняли восстание на севере, в Каталонии, в Эстремадуре и Андалусии, но были быстро и сурово подавлены Нарваесом.

После революции 1854—1856 гг. Изабелла сделала попытку примириться с карлистами и с этой целью вступила с ними в длительные переговоры. Карлисты, однако, не желали мира - они использовали ослабление преследований, явившееся результатом переговоров, для продвижения своих сторонников на ряд важнейших административных и военных должностей, а в 1860 г., в момент, когда большая часть армии во главе с О'Доннелем находилась в Марокко, вновь подняли восстание против Изабеллы.

Молодой генерал Ортега, капитан-генерал Балеарских островов и тайный сторонник карлистов, высадился с отрядом в 3,5 тыс. человек на берегах Каталонии. С ним были граф Монтемолин и его младший брат Фернандо. Карлисты рассчитывали, что при первом известии о восстании поднимется вся Испания. Однако страна не шелохнулась. Больше того, отряд, с которым Ортега пришел с Балеарских островов, возмутился против своего командира. В

результате карлистское восстание было быстро подавлено, причем граф Монтемолин и Фернандо были взяты в плен, но отпущены на свободу после того, как граф Монтемолин подписал торжественное отречение от всяких прав на испанский престол за себя и за своих потомков. Однако, едва переступив испанскую границу, Монтемолин опубликовал манифест, в котором аннулировал свое отречение, и война между двумя линиями испанских Бурбонов вновь разгорелась с прежней ожесточенностью.

В январе 1861 г. граф Монтемолин с женой и его брат Фернандо один за другим умерли от какой-то злокачественной болезни, подлинный характер которой никогда не был установлен. Теперь карлистским лидером стал самый младший из братьев графа Монтемолина дон Хуан, однако, в противоположность своим старшим братьям, дон Хуан был человеком сравнительно либеральных взглядов и потому не пользовался ни авторитетом, ни доверием среди более ортодоксальных карлистов. В результате в рядах карлистского движения сильно обострились внутренние склоки и раздоры. В такой обстановке они и пришли к революции 1868 г.

Накануне падения Изабеллы в рядах карлистов обнаружилось заметное оживление. 20 июля 1868 г. на специальном совещании карлистов, созванном в Лондоне, был избран новый карлистский вождь — 20-летний сын дон Хуана дон Карлос Мариа, принявший титул герцога мадридского (так называемый Карл VII). Молодой, горячий, сугубо ортодоксальный дон Карлос Мариа воображал себя великим полководцем и политиком, которому суждено воскресить древнюю славу своих предков. Он окружал себя авантюристами и головорезами, жившими в мире реакционных иллюзий и мало считавшимися с реальной действительностью.

Когда Изабелла бежала из Испании в Париж, она вторично попыталась установить контакт с карлистами и даже оказала им известную финансовую помощь; однако и на этот раз соглашение между двумя линиями Бурбонов не состоялось. Карлисты предпочитали действовать самостоятельно и только для себя.

С началом революции перед карлистами встал вопрос: что делать? Какую тактическую линию избрать? При этом среди них выявились два основных течения.

Первое, во главе которого находился ветеран первой карлистской войны Кабрера, стояло за накопление сил и выжидательную политику. Учитывая изменившуюся ситуацию, оно считало необходимым обещать народу конституцию и кортесы, а также широко использовать в своих целях легальные возможности: участвовать в парламентских выборах, иметь своих депутатов в кортесах, блокироваться с республиканцами против правительства Серрано и т.д. Это течение утверждало, что новый режим не прочен, что он сам себя на каждом шагу компрометирует, что надо дать ему окончательно выдохнуться, а там уж власть, как зрелый плод, сама упадет в руки карлистов, почти без всяких усилий с их стороны. Всякая вооруженная авантюра, всякая преждевременная попытка силой установить карлистский режим может только повредить успеху движения.

Второе течение, во главе которого находился сам дон Карлос Мариа, наоборот, стояло за решительные действия, за наступательную тактику. Ему не нравилась политика выжидания, которую рекомендовал Кабрера. Оно рвалось в бой, наивно воображая, что испанский народ только и ждет прихода карлистов для того, чтобы низвергнуть «революционеров» и пасть на колени перед раззолоченным троном «законного монарха». Это течение плохо верило в тактику использования легальных возможностей и считало совершенно излишним играть с народом в конституцию.

Практическая линия карлистов в ходе революции колебалась, в зависимости от обстоятельств, между этими двумя крайними точками. Так, в июле 1869 г. дон Карлос Мариа тайно перешел испанскую границу в Каталонии и сделал попытку поднять восстание против правительства Серрано — Прима.

Однако, вопреки всем заверениям карлистских агентов с мест, народ встретил претендента более чем холодно, и его попытка бесславно провалилась. Тогда среди карлистов получила поддержку политика Кабреры, и на протяжении трех последующих лет — во время регентства Серрано и в первой половине царствования Амадео — карлисты, избегая вооруженных вспышек и восстаний, широко использовали имевшиеся к их услугам «легальные возможности». В этот период дон Карлос Мариа под влиянием Кабреры даже опубликовал заявление, в котором обещал народу конституцию и кортесы. Это вызвало резкую оппозицию со стороны многих правоверных карлистов, в результате чего в начале 1870 г. между Кабрерой и дон Карлосом Мариа произошел окончательный разрыв. Однако практически линия Кабреры продолжалась вплоть до апреля 1872 г., когда премьер Сагаста превзошел сам себя по части «делания» выборов в кортесы. После этих выборов влияние среди карлистов перешло к сторонникам вооруженной борьбы. Указывая на бесплодность дальнейшего применения тактики использования легальных возможностей, они призывали карлистов к открытому восстанию. Эти призывы не остались только словами. 21 апреля 1872 г. карлисты севера действительно поднялись под лозунгом «долой иностранца!» (т.е. Амадео). Ими лично руководил дон Карлос Мариа, прибывший для этой цели в Наварру. Но и на этот раз карлисты жестоко просчитались: народ не хотел восстановления реакции, народ верил в революцию, и потому Серрано, выехавшему на фронт, удалось легко подавить восстание. Однако вместо того, чтобы дать карлистам хороший урок, Серрано, который к этому времени уже очень

сильно передвинулся вправо, 24 мая 1872 г. подписал с ними так называемую конвенцию в Аморавьето, предоставлявшую полную амнистию всем участникам карлистского восстания и даже дезертирам действовавшей против него регулярной испанской армии. Карлисты использовали эту конвенцию только для того, чтобы выиграть время и лучше подготовиться к вооруженному выступлению позднее.

Отречение Амадео послужило для карлистов сигналом к развязыванию открытой гражданской войны. Ибо выход на историческую сцену пролетариата и провозглашение республики резко отбросили в лагерь реакции имущие классы, в первую очередь помещиков и крупную буржуазию, которые искали себе вождя в борьбе против сил демократии. Так как Изабелла себя слишком скомпрометировала (а Альфонс XII был еще мальчиком), взоры противников революции стали все чаще обращаться в сторону дон Карлоса. Правда, даже в этих кругах дон Карлос был приемлем далеко не для всех, однако в пылу непосредственной схватки со сторонниками революции, момент, когда исход этой схватки был еще неясен, представители знати и богатства не склонны были преувеличивать значение разделявших их политических и династических традиций. Не случайно, как указывалось выше, изабеллисты в это время действовали совместно с карлистами. Усилившаяся поддержка со стороны имущих классов более чем компенсировала карлистов за известное падение их престижа, по сравнению с первой карлистской войной, среди крестьянских масс севера, падение, являвшееся результатом процессов социально-экономического и политического развития. В конечном итоге к началу 1873 г. карлисты почувствовали себя значительно укрепившимися и решили еще раз бросить меч на весы истории. В феврале этого года их главнокомандующим был назначен генерал Доррегарай. В мае Доррегараю удалось одержать победу над правительственными войсками под Памплоной, в августе захватить Эстелью, ставшую отныне столицей карлистов, а также ряд небольших городов Наварры и Бискайи. Все крупные города этих провинций опять, как и в эпоху первой карлистской войны, остались в руках правительства. Лето и осень 1873 г., как мы знаем, были периодом величайших трудностей для республиканского правительства, когда ему приходилось бороться против кантонального восстания на юге. Поэтому оно не могло двинуть крупных сил против карлистов, и в результате пламя карлистской войны стало все шире разливаться по стране. В основном им были охвачены те же самые районы, что и в 30-х годах: Наварра и Баскония на севере, Каталония на северо-востоке, Маестразго на востоке. Кроме того, в различных провинциях страны (Ла-Манча, Эстремадура, Бадахос и др.) имелись отдельные группы карлистов. Основной базой карлистского движения опять, как и 40 лет назад, был север: здесь находился сам дон Карлос Мариа со своим «двором» и «правительством», здесь помещалась главная ставка и здесь же были сконцентрированы регулярные войска, составлявшие главную ударную силу движения. Каталония и теперь явилась главным очагом партизанской борьбы карлистов, нередко вы рождавшейся в обыкновенный бандитизм. Особенно резко та кое вырождение проявлялось в Маестразго, Ла-Манче т.д. В середине 1873 г. общая численность вооруженных сил кар листов едва ли превышала 15 тыс. человек, из которых лишь около половины входили в состав северной армии под командой генерала Элио[35], и обладай республика в этот момент необходимой свободой действий, она без труда подавила бы карлистское движение в самом начале. Однако кантоналисты и бакунисты ударили республике в спину, и это открыло перед карлистами совершенно неожиданные возможности. Они, правда, не сумели захватить власть в стране, ибо революционная волна стояла слишком высоко (да и внутренние раздоры ослабляли карлистов), но они оказались в состоянии быстро расширить поле битвы и затянуть на целых три года военные операции. Немалую роль в этом отношении сыграло поведение Англии и Франции. Обе названные державы, враждебно относившиеся к испанской республике, поддерживали карлистов политически и снабжали их оружием. Ватикан также помогал карлистам.

В результате всех указанных обстоятельств звезда карлистов стала быстро подниматься. К концу 1873 г. они оккупировали всю территорию к северу от р.Эбро и вплоть до самой французской границы, развернули широкое партизанское движение в Каталонии и Маестразго, а в начале 1874 г. осадили Бильбао. Численность вооруженных сил карлистов поднялась до 60 тыс. Положение создалось настолько критическое, что в конце февраля 1874 г. Серрано, ставший после государственного переворота 3 января главой исполнительной власти, решил сам отправиться на север для того, чтобы возглавить военные операции против дон Карлоса Мариа. Серрано удалось снять осаду с Бильбао, но он не смог поколебать позиций карлистов ни в Басконии и Наварре, ни в Каталонии. Больше того, в течение всего 1874 г. карлисты явно усиливались, доведя в конце концов численность своих армий до 100 тыс. человек. Из своих северных и каталонских баз они

---

[35] См. Ernst Leopold. Spaniens Burgerkrieg, Militansch-politische Briefe, 1875. Hannover, Helvingsdre Hofbuchhandlung. Автор, находившийся во время гражданской войны у карлистов, дает для июля 1873 г. следующие цифры: северная армия — 6—7,5 тыс. человек, каталонские отряды — 3500, отряды в Маестразго — 1500—1800, Ла-Манча и Эстремадура — 500, прочие отряды, разбросанные по другим частям страны, — 2 тыс. человек (стр.94).

они систематически совершали глубокие рейды в тыл противника, доходя подчас до окрестностей Мадрида (например, в июле 1874 г.). Правительство сконцентрировало против карлистов 150 тыс. войск, но они только держали фронт, не будучи в состоянии разгромить противника.

Таково было положение в момент, когда на престол вступил Альфонс XII. Новый король сразу же должен был вплотную заняться карлистской проблемой. Руководимый Кановасом, он пошел к ее разрешению двумя путями: политическим и военным. Уже 22 января 1875 г., на восьмой день после своего прибытия в Мадрид, Альфонс XII обратился ко всем карлистам с манифестом, в котором, между прочим, говорил: «Если вы боретесь за дело роялизма, то я являюсь представителем той династии, на верность которой присягали ваши отцы. Если вы боретесь за католическую религию, то я являюсь католическим королем и исправлю все несправедливости, причиненные церкви»[36].

В заключение Альфонс XII предлагал карлистам полную амнистию и подтверждение старинных вольностей северных провинций.

Логика королевского манифеста в глазах карлистов была очень сильна и, хотя непосредственный эффект его был не очень значителен, этот манифест несомненно заронил в ряды карлистов семена грядущего разложения.

Параллельно шли военные операции. В феврале 1875 г. король сам отправился на фронт, и в его присутствии правительственными войсками была освобождена Памплона. Затем военные действия временно стихли, и на сцену вновь выступили политические факторы. Англия, Франция и другие державы признали Альфонса XII. Ватикан оказал ему мощную поддержку. Решив, что лучше синица в руках, чем журавль в небе, папа решил поставить ставку на нового короля: он благословил его вступление на престол, а 3 мая 1875 г. официально признал его правительство. Для карлистов это было ударом грома среди ясного неба. Наконец, настроение господствующих классов внутри Испании по причинам, о которых речь будет в следующей главе, все больше кристаллизовалось вокруг идеи о необходимости укрепления вновь созданного режима. Все это вместе взятое плюс растущее истощение Басконии и Наварры в огромной степени способствовали быстрому вызреванию тех семян разложения, которые были заброшены в карлистские ряды манифестом Альфонса XII. Данный процесс сыграл гораздо большую роль в ликвидации второй карлистской войны, чем чисто военные усилия новой власти: наиболее ярким симптомом этого был переход Кабреры на сторону Альфонса XII.

За политическим разложением пришли и военные неудачи. Летом 1875 г. карлисты потеряли все свои позиции к югу от Эбро, а генералу Мартинес Кампосу сверх того удалось занять старинную твердыню карлистов на французской границе — Ла Сео дель Урхель. К ноябрю 1875 г. вся Каталония была освобождена от карлистов, и война фактически локализировалась в Наварре и Басконии. Почва у карлистов явно уходила из-под ног. Правительство Альфонса XII лихорадочно готовилось к последнему решающему удару.

Еще в августе 1875 г. под лозунгом «надо кончить войну!» 100 тыс. новых солдат было призвано под знамена. Затем все действовавшие против карлистов силы были сведены в две армии под командой генералов Кесада и Мартинес Кампоса, общей численностью в 150 тыс. человек. К началу 1876 г. были закончены все подготовительные мероприятия, и 15 февраля того же года началось финальное наступление. Альфонс XII вторично прибыл на фронт для участия в завершающем акте войны. События развивались стремительно: 19 февраля Примо де Ривера взял «столицу» карлистов Эстелью, 21 февраля Кесада занял Толосу, где была расположена ставка дон Карлоса Мариа, а 28 февраля сам дон Карлос Мариа в сопровождении батальона непримиримых бежал во Францию.

Вторая карлистская война была кончена, Альфонс XII объявил амнистию всем, кто сложит оружие до 15 марта 1876 г., и тысячи карлистов воспользовались этой возможностью для того, чтобы с наименьшим риском для себя совершить переход в лагерь восторжествовавшего противника.

ИСПАНСКИЙ ВАРИАНТ ПРУССКОГО ПУТИ (1874—1898)

ИСТОКИ ПРУССКОГО ПУТИ

Реставрация Бурбонов, совершившаяся в последние дни 874 г., открыла новый период в политической истории Испании. Суть дела состояла в следующем: в течение 1808—1874 гг. в разных формах и с разной степенью напряжения шла прямая и открытая борьба между силами феодализма и силами капитализма, между классом помещиков и классом буржуазии, борьба, которая по причине экономической и политической отсталости Испании не могла привести и действительно *к* привела к полной победе третьего сословия, как это было, например, во Франции. Однако на протяжении указанного периода испанскому третьему сословию все-таки удалось

[36] Butler Clarke, Modern Spain, стр.393.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

захватить некоторые второстепенные позиции в машине феодального господства; так, был ликвидирован чистый абсолютизм, было положено начало развитию буржуазно-конституционного режима, была секуляризована часть церковных земель, были ослаблены средневековые путы, тяготевшие над экономикой страны, и т.д. Теперь, в ходе и на исходе пятой революции, эта прямая и открытая борьба между классом помещиков и классом буржуазии прекратилась и уступила место компромиссу между решающими элементами обоих классов, компромиссу, корни которого, как мы знаем, уходили еще в эпоху четвертой революции (1854—1856 гг.). Компромисс не исключал, конечно, продолжения старой борьбы в недрах сложившегося помещичье-буржуазного блока, образчики чего мы увидим ниже, но придавал этой борьбе гораздо более приглушенные формы и ставил ее в зависимость от «высшего интереса» — сохранения самых основ компромисса.

В известной работе «Развитие капитализма в России», вышедшей в 1899 г., В.И.Ленин, исходя из условий тогдашнего момента, указывал на объективную возможность двух основных линий дальнейшего развития нашей страны: «Либо старое помещичье хозяйство, — говорил он, — тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства. Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические. Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является свободное развитие мелкого крестьянского хозяйства, получившего громадный импульс благодаря экспроприации помещичьих земель в пользу крестьянства. Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества»[37].

В работе «Сила и слабость русской революции», относящейся к 1907 г., В.И.Ленин, касаясь той же темы, писал: «Либо эволюция прусского типа: крепостник-помещик становится юнкером. На десятилетие укреплена помещичья власть в государстве. Монархия. «Обшитый парламентскими формами военный деспотизм» вместо демократии. Наибольшее неравенство в сельском и в остальном населении. Либо эволюция американского типа. Уничтожение помещичьего хозяйства. Крестьянин становится свободным фермером. Народовластие. Буржуазно-демократический строй. Наибольшее равенство среди сельского населения, как исходный пункт и условие свободного капитализма»[38].

В России, в силу ряда особых условий, эта основная проблема была разрешена самым революционным из всех возможных — советским способом. В Испании положение сложилось иначе. Здесь слабость буржуазии, вытекавшая из экономической отсталости страны, сделала невозможной ликвидацию феодально-помещичьих отношений по-американски: мы видели уже, что ни одна из пяти революций XIX века не осмелилась не то, что разрешить, но даже всерьез поставить эту проблему. Поскольку, таким образом, американский путь исключался, оставался только прусский путь. И Испания после. 1874 г. действительно окончательно стала на этот путь, — конечно, окрашивая его в цвета своих исторических и национальных особенностей. В результате получился испанский вариант прусского пути, нашедший свое наиболее законченное выражение в последней четверти прошлого столетия.

Почему этот новый период в политическом развитии Испании окончательно определился после поражения пятой революции?

К тому имелись весьма серьезные причины как общеевропейского, так и специфически испанского характера.

Общеевропейская причина состояла в том, что в 1848 г. на исторической сцене появилась новая самостоятельная политическая сила — пролетариат. Ярче всего это обнаружилось во Франции, где июньские дни знаменовали собой первую большую классовую битву между буржуазией и пролетариатом. Опасность слева бросила французскую буржуазию вправо и в конечном счете привела к диктатуре Наполеона III. Не менее отчетливо, хотя и в менее острых формах, тот же классовый конфликт выявился в Англии, где чартистское движение, открыто поставив вопрос о народной власти, в немалой степени способствовало сближению между лэнд-лордами и буржуазией, между консерваторами и либералами, которое в середине XIX века (последний крупный подъем чартистской волны разыгрался в 1848 г.) привело к окончательному торжеству капитализма в Великобритании и к интенсификации процесса сращивания между двумя господствующими классами, завершившемуся уже на рубеже XX столетия.

Значительно слабее противоречие между крупным землевладением и буржуазией проступило в ходе германской революции 1848 г. — это было связано с большей экономической отсталостью Германии — однако и тут деятельность К.Маркса в Рейнской области плюс баденское

---

[37] В.И.Ленин. Соч., т.3, стр.10—11.
[38] В.И.Ленин. Соч., т.11, стр.317.

революционное восстание 1849 г. явились для немецкой буржуазии зловещим симптомом грядущих перспектив. Последствия этого факта были очень велики: из страха перед пролетариатом немецкая буржуазия полностью отказалась от революционной борьбы за власть и, заключив гнилой компромисс с юнкерством, легко пошла в то политическое стойло, которое уготовал для нее Бисмарк.

Наконец, Коммуна 1871 г. окончательно напугала не только французскую, но и всю европейскую буржуазию, толкнув ее на поиски сотрудничества со всеми консервативными силами общества, т.е. в первую очередь с крупным землевладением.

Все эти события и процессы, конечно, не могли пройти бесследно для испанской буржуазии. Они действовали на ее сознание и оказывали влияние на ее политику.

В известной работе «Развитие капитализма в России», вышедшей в 1899 г., В.И.Ленин, исходя из условий тогдашнего момента, указывал на объективную возможность двух основных линий дальнейшего развития нашей страны: «Либо старое помещичье хозяйство, — говорил он, — тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства. Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические. Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является свободное развитие мелкого крестьянского хозяйства, получившего громадный импульс благодаря экспроприации помещичьих земель в пользу крестьянства. Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества».

В работе «Сила и слабость русской революции», относящейся к 1907 г., В. И. Ленин, касаясь той же темы, писал: «Либо эволюция прусского типа: крепостник-помещик становится юнкером. На десятилетие укреплена помещичья власть в государстве. Монархия. «Обшитый парламентскими формами военный деспотизм» вместо демократии. Наибольшее неравенство в сельском и в остальном населении. Либо эволюция американского типа. Уничтожение помещичьего хозяйства. Крестьянин становится свободным фермером. Народовластие. Буржуазно-демократический строй. Наибольшее равенство среди сельского населения, как исходный пункт и условие свободного капитализма»[1].

В России, в силу ряда особых условий, эта основная проблема была разрешена самым революционным из всех возможных — советским способом. В Испании положение сложилось иначе. Здесь слабость буржуазии, вытекавшая из экономической отсталости страны, сделала невозможной ликвидацию феодально-помещичьих отношений по-американски- мы видели уже, что ни одна из пяти революций XIX века не осмелилась не то, что разрешить, но даже всерьез поставить эту проблему. Поскольку, таким образом, американский путь исключался, оставался только прусский путь. И Испания после 1874 г. действительно окончательно стала на этот путь, — конечно, окрашивая его в цвета своих исторических и национальных особенностей. В результате получился испанский вариант прусского пути, нашедший свое наиболее законченное выражение в последней четверти прошлого столетия.

Почему этот новый период в политическом развитии Испании окончательно определился после поражения пятой революции?

К тому имелись весьма серьезные причины как общеевропейского, так и специфически испанского характера.

Общеевропейская причина состояла в том, что в 1848 г. на исторической сцене появилась новая самостоятельная политическая сила — пролетариат. Ярче всего это обнаружилось во Франции, где июньские дни знаменовали собой первую большую классовую битву между буржуазией и пролетариатом. Опасность слева бросила французскую буржуазию вправо и в конечном счете привела к диктатуре Наполеона III. Не менее отчетливо, хотя и в менее острых формах, тот же классовый конфликт выявился в Англии, где чартистское движение, открыто поставив вопрос о народной власти, в немалой степени способствовало сближению между лэнд-лордами и буржуазией, между консерваторами и либералами, которое в середине XIX века (последний крупный подъем чартистской волны разыгрался в 1848 г.) привело к окончательному торжеству капитализма в Великобритании и к интенсификации процесса сращивания между двумя господствующими классами, завершившемуся уже на рубеже XX столетия.

Значительно слабее противоречие между крупным землевладением и буржуазией проступило в ходе германской революции 1848 г. — это было связано с большей экономической отсталостью Германии — однако и тут деятельность К.Маркса в Рейнской области плюс баденское революционное восстание 1849 г. явились для немецкой буржуазии зловещим симптомом грядущих перспектив. Последствия этого факта были очень велики: из страха перед

[1] В. И Ленин. Соч., т. 11, стр 317.

пролетариатом немецкая буржуазия полностью отказалась от революционной борьбы за власть и, заключив гнилой компромисс с юнкерством, легко пошла в то политическое стойло, которое уготовал для нее Бисмарк.

Наконец, Коммуна 1871 г. окончательно напугала не только французскую, но и всю европейскую буржуазию, толкнув ее на поиски сотрудничества со всеми консервативными силами общества, т.е. в первую очередь с крупным землевладением.

Все эти события и процессы, конечно, не могли пройти бесследно для испанской буржуазии. Они действовали на ее сознание и оказывали влияние на ее политику.

Однако наряду с общеевропейской обстановкой имелись еще специфические испанские причины, способствовавшие заключению компромисса между представителями обоих господствующих классов. Самой главной из них было несомненно выступление испанского пролетариата, как самостоятельной политической силы в ходе революции 1868—1874 гг. Правда, это выступление, как мы видели выше, было для него мало удачным и потому принесло буржуазии меньше ущерба, чем могло бы. До коммуны в Испании дело не дошло. Но все-таки факт нарождения нового, в корне враждебного буржуазии начала был налицо и таил в себе пугающие возможности. Это толкало ее на сближение с феодально-помещичьим классом.

Далее, серьезное значение имело появление в Испании крупной буржуазии, выросшей на военных поставках в эпоху карлистских войн, на скупке секуляризованных церковных имуществ, на контрактах по постройке железных дорог, на учреждении промышленных и торговых предприятий, на эксплуатации богатств Латинской Америки, на бессовестном грабеже колоний, на беззастенчивом обворовывании испанской казны, на всевозможных финансовых и других спекуляциях, широкий простор для которых открывали смуты и волнения предшествующих десятилетий. Все эти люди хотели мирно наслаждаться своими богатствами и потому всемерно стремились к созданию в стране прочного консервативного режима, надежно охраняющего их не только от угрозы со стороны пролетариата — это было, конечно, самое главное! — но и от различных потрясений и неожиданностей, связанных с свистопляской военных диктаторов.

С другой стороны, известная и все возраставшая часть помещиков, постепенно втягивавшаяся в различные капиталистические предприятия — о них мы говорили в одной из предыдущих глав — приходила к сознанию о необходимости модернизовать архаические порядки страны и тем самым облегчить ее экономическое и политическое усиление.

В результате между решающими кругами крупного землевладения и крупной буржуазии стали протягиваться многочисленные нити экономического и иного порядка, сильно способствовавшие созданию единого фронта против общего врага — пролетариата и примыкающих к нему масс обездоленного крестьянства. В этом своем стремлении оба господствующих класса Испании неизменно вдохновлялись примером Германии, которая со второй половины XIX века являлась наиболее классическим образцом прусского пути. Тот факт, что именно в этот период Германия переживала полосу чрезвычайно бурного и успешного капиталистического развития, невольно зарождал в головах многих испанских нотаблей мысль о всеспасающем значении данного пути (на самом деле между обоими явлениями не было прямой взаимозависимости) и, естественно, толкал их в сторону подражания немецкому примеру. Не случайность, что крупнейшие фигуры реставрации — и прежде всего Кановас, Сагаста, Альфонс XII — питали особую симпатию к бисмарковской Германии и тяготели к германской ориентации в своей внешней политике.

Таковы были главные причины, которые на исходе пятой (революции привели к компромиссу между классом помещиков и классом буржуазии, компромиссу, окончательно оформившемуся и укрепившемуся в течение последующих десятилетий. Суть этого компромисса в основном сводилась к следующему:

Первым и решающим господствующим классом Испании остается, как и прежде, крупное феодально-помещичье землевладение; верхушка буржуазии допускается к власти на положении «младшего партнера»; правда, ее представители не участвуют персонально в правительствах, министерские посты по-прежнему резервируются для помещиков, но зато интересы буржуазии учитываются в общей политике государства и ей предоставляется командное положение в хозяйственной области; однако, если интересы буржуазии приходят в конфликт с Интересами землевладения, в жертву приносятся интересы буржуазии (ниже мы увидим, какое отражение этот принцип нашел в испанской таможенной политике). База феодально-аграрных отношений сохраняется и лишь медленно и постепенно приспособляется к потребностям капиталистического развития. Демократические аграрные реформы совершенно исключаются, но зато все большее число помещиков втягивается в банковскую, промышленную и коммерческую деятельность, что Способствует постепенному сращиванию обоих господствующих классов. Церкви обеспечиваются ее экономические и идеологические позиции, поддержка государства и религиозно-общественное влияние, но она отказывается от слишком откровенного вмешательства в политические дела, как то нередко случалось во времена Христины и Изабеллы, и переходит на положение скрытой «власти позади трона».

Армии (вернее, армейской верхушке) предоставляется почти неограниченная возможность грабить государство и оказывать сильнейшее давление на государственную власть, но «пронунсиаменто» прекращаются и военные диктаторы сходят со сцены, уступая место диктаторам, одетым в цивильное платье. Наконец, трон, во времена Христины и Изабеллы вносивший столько сумятицы в политическую жизнь, вводится в известные рамки, гарантирующие буржуазную нормализацию его функций.

Разумеется, только что очерченный компромисс пришел не сразу готовый и законченный, как Минерва из головы Юпитера,. а сложился постепенно, в ходе лет, в результате борьбы интересов различных социальных групп, но сущность компромисса была именно такова, как она изображена выше. Политически данный компромисс был оформлен конституцией 1876 г. и слегка подрумянен тем издевательским режимом псевдопарламентаризма, который прочно утвердился в Испании конца XIX столетия. Стабильность компромисса, о котором идет речь, была для испанских условий поразительна: без всяких серьезных потрясений он просуществовал почти четверть века и, хотя испано-американская война 1898 г. нанесла ему тяжелый удар, он сохранил известную — правда, все более слабеющую — силу и дальше.

В основе такой долговечности режима, созданного реставрацией, лежали две главные причины:

Во-первых, в момент своего зарождения этот режим сравнительно точно отражал реальное соотношение классовых сил в испанском обществе.

Во-вторых, — и это имело еще более важное значение — сравнительная медленность экономического развития страны на протяжении десятилетий вносила в это соотношение лишь сравнительно медленные изменения, в основном сохраняя незыблемость той социальной базы, на которой был построен режим реставрации. Доказательством только что сказанного могут служить нижеследующие данные о капиталистическом развитии Испании в рассматриваемую эпоху.

Обратимся, прежде всего, к промышленности. В этой области за рассматриваемый период произошли несомненные сдвиги — не вполне равномерные по отдельным отраслям производства, но в сумме все-таки свидетельствующие о сравнительно быстром темпе капиталистического развития. Приведем некоторые примеры.

Текстиль. За 40 лет, с 1861 по 1900 г., число веретен увеличилось с 1,2 до 1,7 млн., т.е. на 40%, а количество потребляемого хлопка возросло более, чем в 4 раза: в 1861—1865 гг. оно в среднем составляло 150 тыс. тонн, а в 1900 г. — 662 тыс. тонн.

Уголь. В 1864—1866 гг. добыча угля составляла в среднем 414 тыс. тонн в год, а в 1900 г. она поднялась до 2772 тыс. тонн, т.е. возросла в шесть с лишним раз.

Железная руда. В 1864—1866 гг. добыча железной руды составляла в среднем 208 тыс. тонн в год, а в 1900 г. — 8676 тыс. тонн, т.е. почти в 20 раз больше. Однако 8 млн. тонн, или 92% всего этого количества, экспортировалось в другие страны, главным образом в Англию и Германию.

Медная руда. В 1864—1866 гг. добыча медной руды составляла в среднем 255 тыс. тонн, а в 1900 г. — 2715 тыс. тонн, т.е. в 11 раз больше. Но и тут большая часть получаемой руды вывозилась в чужие страны.

Свинцовая руд а. В 1864—1866 гг. добыча свинцовой руды составляла в среднем 271 тыс. тонн в год, а в 1900 г.— 367 тыс. тонн, т.е. увеличилась на 35%. На рубеже XX века добыча свинцовой руды в Испании составляла около трети всей мировой добычи и превосходила по своим размерам добычу любой другой страны, не исключая США.

Цинковая руда. В 1864—1866 гг. добыча цинковой руды составляла в среднем 75 тыс. тонн в год, а в 1900 г. — 86 тыс. тонн, т.е. на 15% больше.

Ртуть. В 1882 г. добыча чистой ртути составила 1705 тонн, а в 1900 г. — 1112 тонн, т.е. на 35% меньше.

Металл. О процессах, происходивших в области металлургии, некоторое представление могут дать следующие цифры:

	средняя годовая за 1864—1866 гг.	1900 г. тыс. тонн	Рост
Чугун	86	295	в $3^1/_2$ раза
Сталь	4	198	в 50 раз
Медь	3	41	в 14 раз
Свинец	48	173	в $3^1/_2$ раза
Цинк	1,5	5,6	в $3^1/_2$ раза

Как видим, темп увеличения производства металла был очень велик, доходя, например, в случае со сталью до 50 раз, однако абсолютные цифры выплавки оставались на низком уровне.

Общее число рабочих к 1900 г. поднялось примерно до 1 млн. человек, однако степень их концентрации по предприятиям все еще оставалась весьма низкой. Лучшим примером тому могли служить горная и металлургическая отрасли промышленности, в развитых капиталистических странах обычно дающие наиболее яркие образчики такой концентрации. Не то было в Испании. Мы уже видели, что в 1860 г. в среднем на одно предприятие данного рода приходилось всего

лишь 26 рабочих. В 1898 г. эта цифра поднялась до 35, колеблясь по различным видам производства в пределах от 22 до 140. Первая Цифра — 22 рабочих на одно предприятие — относилась к добыванию цинковой руды, последняя — 140 рабочих на одно предприятие — к металлургическим заводам. На один угольный рудник приходилось 26, на один рудник по добыче железной руды — 44 рабочих[1].

Как видим, хотя концентрация производства за рассматриваемый период сделала известные успехи, все-таки испанская промышленность на рубеже XX века в основном состояла из предприятий мелкого и среднего размеров, — пожалуй, даже с известным перевесом в сторону мелкого.

Значительные изменения произошли за тот же период в сфере транспорта и внешней торговли. В самом деле, длина железнодорожных линий, составлявшая на 1 января 1870 г. 5541 *км,* увеличилась к 1900 г. до 12 900 *км,* т.е. более чем удвоилась. Торговый флот, имевший в середине 60-х годов водоизмещение в 400 тыс. тонн в 1900 г. возрос до 775 тыс. тонн, или почти вдвое.

Внешняя торговля Испании за рассматриваемый период характеризовалась следующими цифрами:

Годы	Импорт (млн. пссет)	Экспорт (млн. пссет)
1870	522	400
1900	986	836
Увеличение	464(90%)	436(109%)

Все вышеприведенные данные как будто бы свидетельствуют о том, что на протяжении последней трети прошлого столетия капиталистическое развитие в Испании сделало крупные успехи. Действительно, если оценивать его по темпу происходивших процессов, то в ряде областей можно было констатировать поразительные результаты. Однако если от абсолютных цифр перейти к относительным, то сразу же станет ясно, что, говоря о капиталистическом развитии Испании конца прошлого века, приходится оперировать в мире бесконечно малых величин, которые не могли внести и действительно не внесли никаких коренных перемен в общую экономическую структуру страны и в характер ее классовых отношений. Лучшей иллюстрацией только что сказанному будут две нижеследующие таблицы, цифры которых относятся к 1900 г., т.е. к концу эпохи реставрации. В 1900 г. в абсолютных цифрах производили (в тыс. тонн):

	Угля	Чугуна	Стали
Испания	2 674	295	198
Франция	33 405	2 714	3 525
Германия	149 788	7 550	7 377
Англия	228 784	9 103	5 981
США	244 600	14 010	10 300

Ничтожность развития испанской промышленности, судя по основным показателям (уголь и металл), выступает здесь с необыкновенной отчетливостью. Еще ярче это обнаруживается при расчете на голову населения. В 1900 г. было произведено в среднем на душу населения (в кг):

	Угля	Чугуна	Стали
Испания	145	16	11
Франция	856	69	90
Германия	2 660	135	131
Англия	6 190	246	162
США	3 211	184	136

Таким образом, если брать крайние точки сравнения — Испанию и Англию, — то окажется, что в 1900 г. (при расчете на душу населения) Испания добывала угля в 43 раза меньше, чем Англия. Она сильнейшим образом отставала даже от Франции, экономически наименее развитой из держав, приведенных в таблице: испанская добыча угля была в 8 раз меньше, чем французская. По выплавке чугуна Англия превосходила Испанию в 15 раз, Франция — более чем в 4 раза; по выплавке стали Англия превосходила Испанию в 15 раз, Франция — в 8 раз.

Правда, Испания за годы реставрации обнаружила быстрый прогресс в области добывания руд, особенно важнейшей из них железной руды: в 1864—1866 гг. оно, как мы знаем, равнялось 208 тыс. тонн, а в 1900 — 8,7 млн. тонн, т.е. было в 43 раза больше. В том же 1900 г. железной руды было добыто во Франции — 5,5, в Англии — 14,3, в Германии — 19 и в США — 28 млн. тонн. Стало быть, в отношении железной руды Испания даже на международной арене занимала тогда видное место, впереди Франции. И, конечно, если бы вся или хотя бы большая часть добываемой

[1] «British Encyclopedia», 10-е изд.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

ею железной руды шла на оплодотворение местной промышленности, Испания на рубеже XX столетия являлась бы одной из крупных индустриальных стран мира[41]. На самом деле, однако, свыше 90% руды, производимой Испанией, вывозилось за границу, и потому значительность размеров этой отрасли производства мало способствовала общему подъему ее капиталистического хозяйства[42].

Об экономической отсталости Испании свидетельствовал также уровень ее внешней торговли. В самом деле, при расчете на душу населения, оказывалось, что внешнеторговый оборот в 1900 г. составлял:

	Франков
В Испании	98
Во Франции	226
В Англии	522

Как видим, хотя по сравнению с 1860 г. расстояние между Испанией, с одной стороны, Англией и Францией, с другой, в известной мере сократилось, все-таки и в 1900 г. испанская внешняя торговля уступала французской более чем в 2 раза, а английской — более чем в 5 раз.

Приведенные цифры весьма показательны. Они с несомненностью свидетельствовали о худосочности экономических процессов, протекавших в Испании второй половины XIX века. О том же свидетельствовали еще два факта:

1. Очень большое участие в ее экономике иностранного капитала, в частности в области транспорта и добывающей промышленности.

2. Вытекающий отсюда сырьевой характер даже того промышленного развития, которое наблюдалось в указанную эпоху:

Испания добывала руды, но сама эксплуатировала их лишь в очень малой степени, а подавляющее количество этого индустриального сырья (особенно важнейшей из руд — железной) вывозила за границу.

Иными словами, Испания описываемой эпохи все больше превращалась в сырьевую базу Англии, Франции, Германии, стремившихся держать ее на запятках капиталистической колесницы. А это имело чрезвычайно важное последствие. Медленность капиталистического развития Испании естественно обусловливала медленность происходивших в стране социальных изменений, т.е. изменений в соотношении и борьбе классовых сил. Именно отсюда проистекала та относительная политическая устойчивость, которую в период 1874— 1898 гг. обнаружил режим, созданный реставрацией.

КАНОВАС и САГАСТА

Переходя от этих соображений более общего порядка к изложению фактического хода событий в эпоху реставрации, мы, прежде всего, должны остановиться на характеристике двух ее основных фигур — Антонио Кановаса дель Кастильо, лидера консерваторов, и Пракседеса Матео Сагаста, лидера либералов. Это необходимо не только потому, что оба они играли чрезвычайно важную роль в испанской политической жизни конца XIX века, но в еще большей степени потому, что оба они являлись необыкновенно яркими выразителями духа обоих господствующих классов — помещиков и капиталистов, — компромисс между которыми обусловил переход Испании на рельсы прусского пути развития.

Антонио Кановас дель Кастильо (1828—1897), с именем которого мы уже не раз встречались в предыдущем изложении, происходил из дворянских кругов Малаги. Молодым человеком он попал в мадридский университет и вырос в школе своего дяди и покровителя Серафина Эстебана Кальдерона, занимавшего в середине прошлого века ряд видных постов — сенатора, академика, государственного советника, члена высшего военно-морского суда. Кальдерон был человек гибкого ума, не удовлетворялся прямолинейным консерватизмом большинства тогдашних помещиков и стал поклонником О'Доннеля, который, как мы знаем, пытался править страной с помощью коалиции левых консерваторов и правых либералов. Кальдерон ввел к О'Доннелю своего племянника и тем самым дал первый толчок его дальнейшей политической карьере.

Природа щедро одарила Антонио Кановаса различными талантами. Он был писатель, оратор, ученый, очаровательный собеседник, а упорный труд и большая любознательность скоро сделали его очень образованным человеком. В 25 лет у Кановаса имелись уже серьезные исторические работы. Однако другие стороны характера — честолюбие, надменность, любовь к

---

[41] Испанские железные руды относятся к разряду высококачественных и имеют среднее содержание металла около 45% Это значит, что из 8,7 млн тонн руды, добытой в Испании в 1900 г, можно было бы получить около 4 млн. тонн чугуна Если бы в 1900 г. в Испании было выплавлено (4 млн. тонн черного металла, то она оказалась бы впереди Франции (в (1900 г. — 2,7 млн тонн) и несколько позади Германии (в 1906 г. — 7,6 млн тонн).

[42] Приведенные цифры взяты из «Annuaire Statistique», Pans, 1937 «Ministere d'Economie Nacionale». Испанские статистические ежегодники стали появляться лишь с 1914 г.

власти — влекли его в сферу политики, куда он действительно попал и где сделал блестящую карьеру. Как мы видели, в 1854 г. Кановас оказал большую услугу О'Доннелю составлением так называемой Мансанаресской программы, после чего он стал быстро подниматься по ступеням успеха: в том же 1854 г. Кановас был избран депутатом кортесов, в 1857 г. стал губернатором Кадиса, в 1860г. — товарищем министра внутренних дел, в 1864г. — министром внутренних дел, в 1865 г. — министром колоний, в 1866 г. — министром финансов. Чем выше Кановас поднимался по административно политической лестнице, тем правее он становился и в конце концов нашел общий язык с Нарваесом, занимая министерские посты в его правительствах. Однако в 1866 г. между Кановасом и Нарваесом произошла ссора. Кановас был отправлен в ссылку и вновь вернулся к политической деятельности лишь с началом революции 1868 г. В эпоху пятой революции Кановас оставался несколько в тени, но зато после падения первой республики его звезда быстро взошла и надолго утвердилась в политическом небе Испании: вплоть до своей смерти, последовавшей в 1897 г., он являлся фактическим диктатором, правда, слегка загримированным под конституционного министра. Кановаса иногда называют «испанским Бисмарком», — это, конечно, преувеличение. И по личным качествам и по историческому значению он в той же мере уступал Бисмарку, в какой Испания уступала Германии. Однако в деятельности Кановаса (ведь он был главным архитектором прусского пути для Испании), несомненно, имелись элементы, которые до известной степени роднили его с «железным канцлером».

Политические взгляды Кановаса сложились не сразу. В молодости он был либералом, хотя и не очень крайнего толка; весной 1854 г. он сыграл видную роль в подготовке четвертой революции, жестоко атакуя на страницах «Летучей мыши» режим королевы Изабеллы; потом, когда разразилась революция, он участвовал в ней, неизменно поддерживая О'Доннеля, против Эспартеро. В дальнейшем Кановас стал постепенно эволюционировать вправо, все больше превращаясь в «левого консерватора». В годы пятой революции он выступал против всех радикальных и демократических реформ, а в эпоху республики стал лидером альфонсистов и главным политическим вождем реставрации. В 1875 г. Кановас организовал консервативную партию, бессменным вождем которой он оставался до самой смерти, и вместе с Сагастой, вождем одновременно возникшей либеральной партии (подробнее об этом ниже), разработал и ввел в жизнь ту гнусную систему псевдопарламентаризма, которая явилась становым хребтом всего режима реставрации.

Чтобы лучше понять политику и методы Кановаса, надо иметь в виду тот факт, что по характеру своего мировоззрения Кановас был глубокий пессимист, — прежде всего в отношении Испании и ее народа. Не случайность, что его главный труд, опубликованный еще в 1854 г. (т. е. когда автору было всего лишь 26 лет), — «Historia de la Decadencia de Espana», — посвящен падению могущества Испании в XVII столетии (от Филиппа III до Карла II). Кановас считал, что у современной ему Испании есть великое прошлое, которым она вправе гордиться, но что у нее нет великого будущего, на которое она могла бы рассчитывать. Такова воля судьбы или провидения, поэтому тщетны все усилия изменить неизбежное. Отсюда Кановас делал далеко идущие политические выводы: к чему реформа? Зачем перемены? Какой смысл в перестройках сложившегося в результате реставрации режима? Все это от лукавого и может только ускорить приближение конца. Все, чего можно желать и к чему нужно стремиться, — это лишь протянуть с возможно большим комфортом для господствующих классов еще 30, 40, 50 лет, а там будь, что будет.

Что для этого нужно? Для этого нужно, прежде всего, держать массы в узде, — и Кановас был свирепо жесток в подавлении рабочего и крестьянского движения. Для этого, далее, надо укрепить позиции династии с помощью куцой конституции и режима псевдопарламентаризма, и Кановас проявил много ловкости, хитрости и настойчивости в достижении данной цели, особенно в первые, самые трудные годы реставрации. Для этого необходимо, наконец, всячески возвеличивать самого себя. Кановас и тут оказался вполне «на высоте положения».

В дни своего господства он являлся настоящим автократом, нетерпимым и самовлюбленным, циником-пессимистом в отношении людей, покровителем самой разнузданной коррупции в Государственной и общественной жизни. Рассказывают, что когда в 1895 г. многие тысячи столичных граждан подписали протест против воровства и взяточничества, процветавших в Местном муниципалитете, Кановас с искренним изумлением Воскликнул: «Неужели в Мадриде так много честных людей?». С годами как раз эти черты характера Кановаса приобретали все большее значение и параллельно росли политическое ослепление и потеря чувства реальности. Это, как увидим ниже, сыграло роковую для Испании роль в дни, предшествовавшие возникновению испано-американской войны 1898 г.

За всем тем необходимо, однако, признать, что Кановас несомненно являлся самой крупной политической фигурой, выдвинутой Испанией в эпоху реставрации. Он не был, конечно, великим государственным человеком, даже с точки зрения господствующего класса, — для этого ему, прежде всего, не хватало большой конструктивной идеи, осуществлению которой была бы

посвящена его жизнь, — но он был все-таки выдающимся представителем крупного землевладения Испании в конце прошлого столетия.

Пракседес Матео Сагаста (1827—1903) был человек несколько иного склада, чем Кановас, но во многом он являлся достойным партнером своего консервативного соратника. Сын купца, инженер по профессии, он начал свою карьеру на постройке северной железной дороги. Потом его увлекла политика, он стал радикалом и в годы четвертой революции участвовал в уличных боях на баррикадах Мадрида. В 1854 г. Сагаста был избран в кортесы, а в 1856 г., после подавления революции, бежал во Францию. Впрочем, в эмиграции Сагаста пробыл недолго. Его скоро амнистировали, он вернулся в Испанию, стал редактором радикальной газеты «Иберия» и в 1859 г. вновь попал в кортесы. В 60-х годах Сагаста принимал активное участие в революционном движении против Изабеллы, и в 1866 г. вместе с генералом Примом поднял вооруженное восстание в целях ниспровержения правительства. После неудачи восстания Сагасте вторично пришлось бежать за границу и вести оттуда работу по подготовке революции. В 1868 г. он опять появился в Испании и вместе с Примом и Руисом Сорильей прибыл в Кадис как раз накануне сентябрьского восстания военного флота. Сагаста играл крупную роль в руководстве этим восстанием, а затем, с приходом революции, стал одним из виднейших государственных деятелей Испании. В 1868—1872 гг., при Серрано и короле Амадео, Сагаста занимал ряд министерских постов (иностранных дел, внутренних дел и др.), причем весной 1872 г. он возглавил правительство в качестве премьера, но вскоре вынужден был уйти в отставку в связи со скандальными разоблачениями о допущенных им избирательных злоупотреблениях.

Политические взгляды Сагасты, как и Кановаса, тоже сложились не сразу, но общее направление его эволюции было такое же, как и у его партнера: слева направо, — только степени и формы были несколько иные, ибо Сагаста являлся типичным представителем другого господствующего класса — класса испанской буржуазии, особенно его верхушечных органов. В высшей степени характерно, что подоснова мировоззрения Сагасты была та же, что и у Кановаса, — глубокий пессимизм, пессимизм в отношении собственной страны и ее народа. Однако в отличие от Кановаса, не скрывавшего неверия в будущее Испании, Сагаста умел его ловко прятать под веселой улыбкой и тем вводить в заблуждение многих. Суть дела от этого менялась очень мало.

В 50-х годах Сагаста был левым радикалом (но не республиканцем), который сочувствовал Эспартеро и мечтал о демократической конституции. В 60-х годах, накануне пятой революции, Сагаста был уже просто радикалом, который, правда, стоял на левом фланге разношёрстного антибурбонского фронта, но который не шел далее требования смены династии. Когда разразилась революция 1868 г. и на исторической сцене появился пролетариат, Сагаста начал быстро линять. Он приветствовал Амадео в расчете, что тому удастся создать либерально-буржуазную монархию. Когда эта надежда не оправдалась, а выступление масс стало принимать все более мощные формы, Сагаста расколол радикальную партию и возглавил ее правое крыло против левого крыла, руководимого Руисом Сорильей. Возникновение республики Сагаста встретил в штыки и в конце 1873 г. вместе с генералами Серрано и Павиа участвовал в заговоре, который привел к падению Кастелара и государственному перевороту 3 января 1874 г. В первом правительстве, созданном после этого переворота, Сагаста занимал пост министра внутренних дел, а когда в сентябре того же года глава правительства Серрано отправился на фронт против карлистов, Сагаста стал исполняющим обязанности премьера. В этом качестве он встретил пронунсиаменто Мартинеса Кампоса, провозгласившего Альфонса XII королем, но не оказал никакого сопротивления реставрации. Восемь месяцев спустя Сагаста уже вполне примирился с совершившейся переменой, стал искать дружбы короля, создал новую либерально-династическую партию и вместе с Кановасом приступил к закладке уродливого здания псевдопарламентаризма.

В течение четверти века, идя в ногу с процессом сращивания обоих господствующих классов, Сагаста все больше терял свое либеральное оперение, становясь на практике почти неотличим от Кановаса. Так, придя к власти в 1881 г., Сагаста выдвинул программу, которая как две капли воды походила на программу его предшественника Кановаса. То же самое не раз повторялось и в дальнейшем. Излюбленным приемом Сагасты было периодически провозглашать широкую программу либеральных реформ (чтобы не забыли о его «либерализме»!), но под разными предлогами откладывать их осуществление или, формально осуществив реформы в законодательном порядке, затем лишить их всякого реального значения в порядке административно-судебной практики. Так было, между прочим, и с «коронным требованием» либеральной партии — всеобщим избирательным правом (конституция 1876 г. устанавливала имущественный ценз). Сагаста неоднократно поднимал это требование на щит в своих программах, однако решился осуществить его только в 1890 г., когда Кановас снял свои возражения, цинично заявив, что данная реформа на деле ничего не изменит. Как увидим ниже, она действительно ничего не изменила.

Чем ближе к концу века, тем больше сходились пути Кановаса и Сагасты, пути консерваторов и либералов, ибо тем дальше заходил процесс сращивания между помещиками и буржуазией. В

конце концов Сагаста окончательно забыл мечтания своей юности. Он теперь ни в чем не уступал Кановасу — ни в жестокости по отношению к рабочему и крестьянскому движению, ни в покровительстве коррупции, ни в бесстыдной фальсификации парламентских и муниципальных выборов, ни в безмозглой реакционности колониальной политики.

И все-таки Сагаста до конца своих дней не переставал называть себя либералом и разыгрывать из себя великого демократа. Блестящий полемист, ловкий парламентарий, мастер политических комбинаций, обаятельный собеседник, он умел привлекать к себе сердца и завоевывать сторонников. Его манеры были его оружием, и подчас весьма острым оружием. Что сказать хотя бы о таком приеме: Сагаста держал открытый Дом, и каждый житель Мадрида, независимо от своего социального положения, мог ежедневно в 3 часа постучаться в его Дверь, пожать руку «великому человеку» и обменяться с ним мнениями по любому животрепещущему вопросу.

Несмотря, однако, на все эти демагогические побрякушки, духовно Сагаста был очень близок Кановасу и с каждым годом становился все ближе. Ибо он являлся столь же выдающимся представителем испанской буржуазии, как Кановас был представителем испанского землевладения, а ведь оба эти класса, как указывалось выше, в описываемую эпоху переживали процесс сращивания особого рода; либеральный плющ все теснее оплетал шершавый ствол консервативного дерева, сам понемногу принимая его формы и окраску.

В течение почти четверти века оба эти человека — Кановас и Сагаста — почти идеально воплощали в себе двуликого Януса реставрации, под знаком которого в конце прошлого столетия Испания проделала свой вариант прусского пути. Оба эти человека — Кановас и Сагаста — ловко вели игру в псевдопарламентаризм, регулярно чередуясь у власти в качестве фактических правителей страны. И оба они несут, в первую очередь, ответственность как за политику своих партий, так и за ту вопиющую систему управления государством, отцами которой они являлись и к описанию которой мы сейчас перейдем.

МАШИНА ПСЕВДОПАРЛАМЕНТАРИЗМА

В течение первых 13 месяцев после своего вступления на престол Альфонс XII правил без кортесов. По существу его власть была властью де-факто, хотя она очень быстро была признана большинством иностранных держав, а также — что имело особенно важное значение — Ватиканом. Но именно в эти решающие 13 месяцев реставрации удалось заложить основы того режима, который обеспечил ей почти четверть века устойчивого существования. Исключительно важную роль тут сыграл Кановас, ставший с января 1875 г. главой правительства.

Начал Кановас с провозглашения лозунга: «не реставрация, а примирение!» И затем, на протяжении всего первого периода нового режима, он весьма ловко проводил эту линию. Еще в декабре 1874 г., накануне своего провозглашения королем, Альфонс XII, учившийся тогда в английской военной школе Сандхерст, опубликовал составленный Кановасом манифест, в котором заявлял: «Только установление конституционной монархии может положить конец подавленности и неуверенности, а также жестоким беспорядкам, от которых страдает Испания. Все люди доброй воли, каковы бы ни были их политические взгляды, скоро будут на моей стороне., зная, что им нечего бояться молодого и беспристрастного монарха, для которого мир и единство являются смыслом его жизни. Я всегда буду хорошим испанцем, хорошим католиком, подобно моим предкам, и либералом, подобно людям моего времени»[43].

Эта апелляция к конституционной монархии и это исповедание либерализма, исходящие из уст претендента на престол, были не совсем обычны в испанской истории. Но они лишь знаменовали наступление не совсем обычной в испанской истории эпохи — эпохи компромисса между крупным землевладением и крупной буржуазией.

За манифестом последовали практические действия. Кановас задался целью объединить вокруг трона возможно более широкие общественные круги, всех тех, кто по любым соображениям готов был поддержать вновь восстановленную Бурбонскую династию или хотя бы отнестись к ней с терпимостью. Используя самые разнообразные средства— убеждение, подкуп, обман, угрозу, насилие, — играя на самых разнообразных сторонах человеческой натуры (в особенности, как подобает пессимисту, на ее худших сторонах), премьер стал создавать обширную коалицию открытых или завуалированных сторонников реставрации. Альфонсисты, карлисты, либералы, радикалы, даже часть республиканцев откликнулись на зов консервативной сирены, — тем более, что Кановас в сношениях с представителями различных партий проявлял большую гибкость. Он не требовал от них присяги на верность королю, предоставляя каждому сохранять свои убеждения, но призывал всех к примирению во имя спасения потрясенного отечества. И это во многих случаях действовало.

В результате в первой половине 1875 г. Кановасу удалось сформировать большую и

[43] Butler Clarke. Modern Spain, стр.381.

влиятельную консервативную партию, которая опиралась главным образом на крупное землевладение с известной примесью крупной буржуазии и в которой тон задавали модернизованные помещики.

Чрезвычайное внимание Кановас уделял вопросу о приручении бывших деятелей революции. В отношении этой категории людей он пустил в ход метод не плетки, а пряника (плетка вообще мало годилась в обстановке еще продолжающейся карлистской войны). В феврале 1875 г., возвращаясь с фронта, Альфонс XII нанес «дружеский визит» престарелому Эспартеро в его имении близ Логроньо. Бывшим министрам и генералам революции делались самые соблазнительные предложения. В отношении колеблющихся пускалась в ход тактика «обволакивания». Упорствующих не торопили и лишь просили посмотреть и подумать. Кановас на каждом Шагу повторял: кто прошлое помянет, тому глаз вон; надо думать не о том, что было, а о том, что будет.

Все это не оставалось без результата. Серрано уже через три месяца после воцарения Альфонса XII был принят королем в дружеской аудиенции. 17 июня, т.е. через полгода после установления нового режима, во дворце состоялся большой банкет, на котором присутствовали многие бывшие революционеры, в том числе республиканцы.

Осенью 1875 г. из обломков различных либеральных и радикальных группировок эпохи пятой революции Сагаста создал большую либерально-династическую партию, получившую официальное название «Конституционно-монархической» и опиравшуюся главным образом на различные прослойки городской буржуазии, на широкие круги интеллигенции, на более прогрессивную часть чиновничества и офицерства. К этой партии примкнули и некоторые бывшие республиканцы.

Возникновение консервативной партии Кановаса и либеральной партии Сагасты имело чрезвычайно важное значение. Именно в эти первые месяцы нового режима между обеими партиями и их лидерами состоялось соглашение, во многом определившее собой дальнейшее политическое развитие Испании. Суть соглашения сводилась к тому, что либеральная партия становится официальной оппозицией режиму реставрации, но оппозицией доброжелательной, которая стремится не к ниспровержению этого режима, а лишь к исправлению его недостатков Так было выгоднее и для помещиков, и для буржуазии: притворной борьбой партий легче было обманывать собственные массы; демонстрацией чуть не английских парламентских нравов легче было вводить в заблуждение иностранное общественное мнение.

В эти наиболее критические дни Кановас получил большую помощь от Ватикана. Следуя правилу, что лучше синица в руках, чем журавль в небе, римский престол нашел более выгодным сделать ставку на уже реально царствующего Альфонса XII, чем на сомнительного претендента дон Карлос Мариа. Поэтому папа благословил Альфонса сразу же по его восшествии на трон, а 3 мая 1875 г. Ватикан официально признал нового короля. Правда, условием такого признания было восстановление в полной силе конкордата 1851 г., фактически отмененного в период пятой революции, но на это Кановасу (а тем более «хорошему католику» Альфонсу) нетрудно было согласиться, — в особенности с учетом того политического эффекта, который позиция папы должна была произвести и, как мы знаем, действительно произвела в карлистских рядах. Когда же карлисты — в значительной степени именно благодаря соглашению между Мадридом и Ватиканом — потерпели поражение, Кановас поспешил «перекупить» тысячи недавних врагов, тем самым еще более расширяя и укрепляя фундамент реставрации.

Конечно, не все противники Бурбонов капитулировали перед «чарами» Кановаса. Нашлись люди — особенно в левом лагере - на которых не смогли оказать влияния ни приманки, ни угрозы консервативного диктатора, люди, которые остались верны своим прежним убеждениям. Среди них в первую очередь нужно назвать Пи-и-Маргалля, Сальмерона и Сорилью, которые, покинув Испанию, из парижской эмиграции продолжали борьбу против монархии. Однако эти элементы в тот момент составляли лишь незначительное меньшинство. Господами положения на политической арене были люди реставрации, сторонники компромисса между помещиками и буржуазией, которые сразу же после ликвидации второй карлистской войны приступили к окончательному оформлению этого компромисса. Первым шагом в указанном направлении явилось принятие новой конституции, которой — факт еще небывалый в испанской истории — суждено было просуществовать целых 47 лет!

В марте 1876 г. состоялись выборы в учредительные кортесы. Кановас и здесь пустил в ход «мягкую педаль». Конечно, в соответствии с освященной временем традицией выборы были «сделаны» правительством. Ни о каком свободном волеизъявлении масс говорить не приходилось. Однако при дирижировании выборами Кановас остался верен своей официальной линии: «не реставрация, а примирение». Во-первых, вопреки сопротивлению многих консерваторов, он разрешил производить выборы на основе конституции 1869 г. (никакой другой конституции в тот момент формально не существовало), т.е. путем всеобщего голосования, не без основания уверенный в способности правительственной «машины» обеспечить при всяких условиях желательный ей результат. Во-вторых, Кановас допустил, что на скамьях новых кортесов

сидело 170 человек, бывших депутатами в годы революции. За всем тем, как и следовало ожидать, правительство одержало полную победу: оппозиция, состоявшая главным образом из республиканцев и карлистов, насчитывала в учредительном собрании не больше 40 человек. 27 марта 1876 г. Кановас внес в кортесы проект новой конституции, представлявший известный компромисс между конституциями 1845 и 1869 гг., и 30 июня того же года, после трехмесячного рассмотрения в различных инстанциях, этот проект стал законом. В ходе обсуждения выявились два особенно спорных пункта, вызвавших длинные дискуссии: вопрос о католической религии и вопрос о самоуправлении басков. Но в конце концов оба эти вопроса были урегулированы, и вся конституция в целом была принята подавляющим большинством голосов. Дополнением к ней явились два закона — от 8 февраля 1877 г. и от 23 декабря 1878 г.[44], — касавшиеся специально избирательного права в сенат и в нижнюю палату. Сущность всех этих законодательных актов сводилась к следующему.

Испания объявляется наследственной конституционной монархией, в которой исполнительная власть находится в руках короля, а законодательная власть в руках короля и кортесов; кортесы состоят из двух равноправных палат — сената (верхняя палата) и конгресса (нижняя палата); сенат имеет 360 членов, одна половина которых избирается сроком на 10 лет провинциальными и коммунальными органами, церковью, академией, университетами и т. д., а другая половина состоит из членов королевской семьи и пожизненно назначаемых монархом грандов и сановников государства; конгресс избирается каждые пять лет из расчета один депутат на каждые 50 тыс. жителей, причем избирателями являются лица, уплачивающие довольно высокий местный или промышленный налог (в результате только 6% взрослых имели право голоса, а рабочие и большая часть крестьянства оставались за бортом).

Король может распускать кортесы, но с тем, что в трехмесячный срок должны быть созваны новые кортесы; личность короля неприкосновенна, но назначаемые им министры ответственны перед кортесами, и все королевские декреты должны быть контрассигнованы одним из министров; коммуны и провинции управляются местными органами, избранными населением, причем Баскония по существу поставлена в те же самые условия, что и всякая другая провинция Испании: за свое двукратное участие в карлистских войнах баски поплатились потерей старинной автономии.

Особого внимания заслуживают две статьи конституции 1876 г.

Во-первых, ст.1-я, касающаяся религии. Она гласит: «Римско-католическая апостольская религия есть религия государства; нация обязывается поддерживать ее культ и ее служителей. Никто не может быть преследуем ни за религиозные убеждения, ни за отправление богослужения по обрядам своего вероисповедания под условием должного уважения к христианской морали. Запрещаются манифестации и публичные церемонии иной религии, кроме государственной».

Эта статья явилась компромиссом между сторонниками и противниками свободы совести, на который Кановас вынужден был пойти. Ватикан заявил протест против излишнего либерализма конституции в вопросах религии, но по существу победу одержала церковь. Формулировка ст. 1-й носит столь каучуковый характер, что допускает любые толкования, и судебная практика очень скоро действительно показала, что свободой в Испании пользуется только католическая церковь.

Во-вторых, ст. 17-я, касающаяся приостановки конституционных гарантий. Она гласит: «Гарантии, упомянутые в статьях 4, 5, 6 и 9-й и в пунктах 1, 2 и 3-м статьи 13-й (т.е. гарантии неприкосновенности личности и жилища, ареста и преследования только в судебном порядке, свободы печати, собраний и организации. — *И.М.*), могут быть отменены, на всей территории королевства или в какой-либо его части, лишь временно и путем издания закона, в случаях, когда того требуют безопасность государства или причины чрезвычайного характера. В случае перерыва в заседаниях кортесов и при наличии экстренных обстоятельств правительство может отменить указанные гарантии под свою ответственность с представлением своего решения на утверждение кортесов в возможно кратчайший срок».

Эта статья, автором которой был лично Кановас, сыграла громадную роль в последующем развитии Испании. Она сформулирована была так, что по существу ликвидировала конституцию, предоставляя на усмотрение исполнительной власти введение в любой момент режима диктатуры. И, как увидим ниже, исполнительная власть действительно не раз использовала ст. 17-ю для борьбы с рабочим и крестьянским движением.

Конституция 1876 г., юридически оформлявшая политический компромисс между двумя правящими классами, открывала перед ними широкие возможности господства. Но для реализации этих возможностей требовался еще соответственный политический и административный механизм. Такой механизм и был создан в первые годы реставрации и в последующие десятилетия доведен до высокой степени совершенства. Конечно, в его рождении и развитии участвовали очень многие люди, но все-таки главными создателями этого изумительного образчика политического надувательства были Кановас и Сагаста.

---

[44] См. «Diano de las sesiones de Cortes», 1878.

Выработанная ими система покоилась на двух «китах»: во-первых, на наличии двух основных партий — консервативной и либеральной, — поочередно сменяющихся у власти; во-вторых, на административном «делании» выборов в кортесы и местные самоуправления, т.е. на систематической фальсификации результатов голосования избирателей.

Мы уже упоминали о формировании сразу после реставрации двух больших партий — консерваторов под руководством Кановаса и либералов под руководством Сагасты. По причинам, о которых речь шла выше, между обеими партиями был достигнут компромисс, суть которого сводилась к сохранению и укреплению режима реставрации за счет совместной эксплуатации трудящихся масс, но все-таки вначале каждая партия сохраняла свою особую физиономию, имела свою особую программа и свою особую тактику. В течение первых шести лет после воцарения Альфонса XII либералы даже разыгрывали роль принципиальной оппозиции правительству Кановаса. Однако, чем дальше шло время, тем сильнее сказывался процесс сращивания обоих классов и тем меньше становилась разница между консерваторами и либералами.

В Испании описываемого периода происходило в сущности то же самое, что во второй половине XIX века наблюдалось и в некоторых других европейских странах, в частности в Германии. Как известно, в 1848 г. немецкая буржуазия пошла в лобовую атаку против феодально-абсолютистского режима. Ее лозунгом было: либеральная конституция и объединение Германии. В силу экономической отсталости страны и вытекавших отсюда слабости и дряблости буржуазии ее атака была отбита силами реакции. Наступил период контрреволюции, продолжавшийся около 10 лет. Однако потребности капиталистического развития настолько властно требовали конституционных реформ и ликвидации германской раздробленности, что с начала 60-х годов эти проблемы вновь остро стали в порядок дня. Но теперь за их разрешение взялась уже не буржуазия, а более модернизованная часть юнкерства с Бисмарком во главе. Эти люди сделали нужное дело, но сделали по-своему: не в порядке революции снизу, как это пыталась сделать буржуазия в 1848 г., не в порядке легально-конституционной перестройки, как того хотела буржуазия в 60-х годах, а «железом и кровью». Три войны (с Данией в 1864 г., с Австрией в 1866 г., с Францией в 1870 г.) и открытое нарушение прусской конституции явились повивальной бабкой Германской империи, родившейся в 1871 г. Так или иначе, но объединение Германии состоялось, и новая империя получила полуабсолютистскую конституцию с министерством, ответственным только перед монархом, конституцию, которая, как рассказывают историки, была в течение получаса продиктована Бисмарком своему секретарю. Наиболее острые потребности капиталистического развития были минимально удовлетворены; дорога для быстрого роста германского экономического и военно-политического могущества была открыта.

Что же буржуазия? В первой половине 60-х годов она широким фронтом выступала против Бисмарка в связи с так называемым «конституционным конфликтом» в Пруссии. Готовясь к будущим войнам, Бисмарк, с 1862 г. ставший главой прусского правительства, приступил к увеличению армии. Прусский ландтаг, в котором тогда господствовали либералы, боялся дать в руки реакции новые карты и потребовал серьезных изменений в представленных правительством законопроектах. Бисмарк воспротивился. Между ландтагом и правительством произошел острый конфликт: в течение 1862—1866 гг. ландтаг отказывал правительству в утверждении военного бюджета, а правительство, несмотря на это, продолжало увеличивать армию. Налицо было явное нарушение конституции. Либеральные депутаты произносили с парламентской трибуны грозные речи, а Бисмарк лишь ухмылялся и упорно вел свою линию. На политической арене разыгрывалась сцена, очень напоминавшая крыловскую басню «Кот и повар».

Конечно, если бы либеральная буржуазия, выйдя из душных кулуаров ландтага, открыто апеллировала к массам, положение круто изменилось бы, но либеральная буржуазия этого ни за что не хотела сделать: ее пугала тень пролетариата, все более отчетливо выраставшая на горизонте. Первые симптомы его пробуждения обнаружились еще в 1848 г., а с начала 60-х годов классовое рабочее движение в Германии стало явно поднимать голову. Вот почему в период «конституционного конфликта» либеральная буржуазия ограничила свои действия узкими рамками строго-парламентской легальности и категорически отказывалась выйти за ее пределы. Тем самым — при господствовавшем тогда в Пруссии соотношении сил — она обрекала себя на неизбежное поражение.

Но и поражения бывают разные: поражения почетные и поражения позорные. Можно встретить поражение с высоко поднятой головой и с оружием в руках, и можно встретить поражение на коленях, смиренно лобызая разящую десницу. Поражение, понесенное германской либеральной буржуазией, было второго рода. Когда в 1866 г. Пруссия одержала победу над Австрией, вся оппозиция против правительства рухнула, как карточный домик. Основная масса либералов в «патриотическом» угаре быстро сменила вехи. Бисмарк из узурпатора вдруг превратился в героя. Либеральная печать пела ему «осанна» и соперничала с консервативной в превознесении его талантов. «Железный канцлер» ловко использовал создавшееся положение. На очереди стояла война с Францией, Бисмарку надо было создать максимум единства и сплоченности внутри Германии. И он сделал красивый жест: вопреки сопротивлению «твердо-

лобых» консерваторов, Бисмарк внес на утверждение ландтага незаконные военные бюджеты 1862 — 1866 гг., и ландтаг, еще недавно враждебный и мятежный, большинством 230 против 75. восторженно принял индемнитет правительству! Больше того: в 1869 г. в единой до того либеральной партии (Fartschrittspartei — партия «прогрессистов») произошел раскол, и из нее выделилось правое, крупнобуржуазное крыло, образовавшее партию национал-либералов. Правда, новая партия заявляла о своем намерении выполнять «обязанность бдительной и лояльной оппозиции», но вместе с тем она обещала поддерживать Бисмарка в проведении его «национальной политики».

Первый шаг к сближению между юнкерством и буржуазией был сделан, а за ним последовали другие. К концу XIX века фактический блок между консерваторами и национал-либералами стал столь тесен, что трудно было решить, где кончается одна и начинается другая партия, что, впрочем, не исключало семейных споров между ними по некоторым специальным вопросам (например, о таможенных тарифах). А к началу первой мировой войны консерваторы и национал-либералы сделались почти неразличимы. Базой этого процесса являлось, с одной стороны, все возраставшее сращивание обоих господствующих классов — крупного землевладения и крупной буржуазии — в лоне капитализма, перешедшего в стадию империализма, а с другой стороны, все возраставшая для них угроза со стороны пролетарского движения Германии. Однако вплоть до 1914 г. юнкерство в этом союзе двух сохраняло позицию первого господствующего класса, предоставляя буржуазии удовлетворяться ролью «младшего партнера»: так, все командные высоты в военно-административной машине Германии находились в руках юнкерства; буржуазии отводилось более подчиненное положение капитанов промышленности и торговли. Параллельно шло свойственное капитализму разложение средней и мелкой буржуазии и, как его последствие, дробление, измельчание, умирание левого либерализма. С наступлением эпохи империализма вся германская буржуазия, за очень редкими исключениями, окончательно впряглась в колесницу германского империализма, возглавляемого блоком юнкеров и магнатов монополистических концернов. Самое понятие либеральной буржуазии теперь стало чистейшим анахронизмом.

Нечто подобное только что описанному процессу происходило в эпоху реставрации и в Испании. Конечно, разница в традициях, обстановке, соотношении классовых сил, а главное в темпах и размахе капиталистического развития наложила свой особый отпечаток на испанские события конца прошлого века. Но все-таки главное, основное — компромисс между двумя господствующими классами, как результат их страха перед политическим пробуждением пролетариата, командное положение крупного землевладения в этом компромиссе, постепенное сращивание обоих правящих классов в лоне капитализма, исчезновение социальной базы для существования двух партий этих классов, разложение левого либерализма, — все это идентично как в германском, так и в испанском случае. Только формы происходившего процесса были окрашены в национальные цвета, — существо дела оставалось одинаковым.

В свете вышеуказанного неудивительно, что обе большие испанские партии — консерваторы и либералы — с течением лет все ближе подходили друг к другу и в начале 90-х годов стали похожи почти на двух близнецов. Если, тем не менее, они продолжали сохраняться и наполнять шумом своей показной борьбы политическую атмосферу Испании, то это объяснялось уже совсем другими причинами. С годами обе партии превратились в две большие клики политических дельцов, обросших густой сетью всяких личных и групповых интересов, в две могущественные «машины», каждая из которых в случае прихода к власти проливала золотой (или хотя бы серебряный) дождь на тысячи своих сторонников. Это, естественно, поддерживало их раздельное существование. К тому же, как уже упоминалось выше, система двухпартийной борьбы была выгодна господствующим классам как по соображениям внутренней, так и по соображениям внешней политики. Не то же ли самое мы видим в наши дни в Соединенных Штатах Америки?

Конечно, кроме консерваторов и либералов в Испании описываемого периода имелись и другие партии: карлисты справа, республиканцы и социалисты слева; внутри консервативной и либеральной партий возникали различные группы, связанные с определенными местными, экономическими, семейными или персональными интересами; иногда в этих больших партиях дело доходило даже до открытых расколов; так, в 1883 г. либеральная партия распалась на два крыла, оформившихся в отдельные партии — просто либералов во главе с Сагастой и так называемую «династическую левую» во главе с Серрано недовольную слишком правой линией Сагасты; в 1885 г. аналогичный раскол произошел в консервативной партии, причем во главе одной, более оппортунистической части консерваторов оказался Кановас, а во главе другой, более «твердолобой» части — Ромеро Робледо; подобные случаи бывали и позднее. Однако вплоть до конца XIX века в Испании сохранялась система двух основных партий, поочередно меняющихся у власти, причем откалывающиеся от них группы обычно рано или поздно возвращались в лоно своей партии-матери.

Как уже упоминалось выше, между Кановасом и Сагастой еще в 1875 г. состоялось соглашение о том, что либералы в отношении режима Альфонса XII будут играть роль «благожелательной оппозиции». Сагаста сдержал свое слово, и в дальнейшем из этого первоначального соглашения

выросла определенная договоренность между консерваторами и либералами о регулярной смене обеих партий у власти, которая стала особенно строго соблюдаться после заключения так называемого «пакта Эль Пардо» в 1885 г.[45] Вот любопытное чередование, подтверждающее правильность только что сказанного:

1875—1881 — кабинет Кановаса
1881—1884 — кабинет Сагасты
1884—1885 — кабинет Кановаса
1885—1890 — кабинет Сагасты
1890—1892 — кабинет Кановаса
1892—1895 — кабинет Сагасты
1895—1897 — кабинет Кановаса
1897—1899 — кабинет Сагасты

За все эти 24 года было три случая, когда в силу внутренних склок в обеих главных партиях к власти приходили правительства, не возглавляемые Кановасом или Сагастой. Но жизнь таких правительств была крайне недолговечна: кабинет Ховельяра в 1875 г. продержался лишь два с половиной месяца, кабинет Мартинес Кампоса в 1879 г. — девять месяцев и кабинет Посада Эррера в 1883 г. — три месяца. Механика двухпартийной системы, с Кановасом и Сагастой во главе, делала существование всякого иного правительства просто невозможным. В общей сложности на протяжении рассматриваемого периода Кановас правил около 12, а Сагаста около 11 лет. Иными словами, грабеж народных масс Испании был организован на базе почти полного равенства между консерваторами и либералами. А грабеж шел самый наглый и беззастенчивый. Вся общественно-политическая атмосфера страны была в корне отравлена миазмами самой разнузданной коррупции. Достаточно сказать, что за шесть лет своего первого кабинета (1875—1881) Кановас роздал 1275 титулов и орденов (конечно, не безвозмездно) и пристроил всех своих личных и политических друзей к государственной кормушке. Сагаста в этом отношении мало чем отличался от Кановаса.

Таков был первый «кит», на котором покоилась систему управления Испанией в эпоху реставрации. Перейдем теперь ко второму «киту».

Как ни антидемократична была конституция 1876 г., она все-таки открывала перед населением известные возможности выявлять свою волю и так или иначе влиять на ход государственных дел. Чтобы превратить эти возможности в совершеннейшую фикцию и обеспечить полную свободу действий для руководителей консервативной и либеральной котерий, была разработана в высшей степени рафинированная система «делания» выборов, работавшая поистине безотказно. Справедливость требует сказать, что не Кановас и Сагаста были ее изобретателями. Выборы «делались» неоднократно и до них, начиная с эпохи первой карлистской войны. Однако никогда еще эта система не доводилась до такой виртуозности и не становилась столь укоренившимся бытовым явлением, как в последней четверти XIX века.

Для того чтобы иметь более ясное представление о консервативно-либеральных методах фальсификации выборов, необходимо, прежде всего, познакомиться с институтом так называемых «касиков». «Касик» — слово южноамериканского происхождения, обозначающее всемогущего вождя племени, не связанного никакими нормами или законами. Оно было занесено в Испанию из колоний и здесь приобрело совершенно специфическое значение. Вот как определяет его практический смысл испанский историк и публицист А.Рамос Оливейра: «В каждой деревне местный касик (обычно им бывает священник, кулак или чиновник. — *И.М.*) является лицом, ответственным перед губернатором провинции за покорность населения... Губернатор, в свою очередь, отвечает перед министром внутренних дел за лойяльность местных касиков в пределах его провинции. Власть местного касика проистекает из поддержки, которую он получает от правительства — непосредственно или через провинциального сатрапа. И он доказывает свое всемогущество, объявляя себя или своего помощника старшиной деревни и назначая также членов сельского управления, местных судей и служащих своей общины. Все чиновники провинции, в целях укрепления авторитета губернатора, внимательно следят за каждым

---

[45] Когда 25 ноября 1885 г. умер Альфонс XII, жена его Мария-Христина была на четвертом месяце беременности. Во дворце Эль Пардо было созвано большое совещание в составе лидеров партий, министров, генералов, членов королевской фамилии (включая экс-королеву Изабеллу) для обсуждения вопроса о том, как сохранить династию и избежать внутренних потрясений. Здесь и состоялось заключение так называемого «пакта Эль Пардо», суть которого сводилась к тому, что впредь до рождения ребенка (Альфонс XIII родился 17 мая 1886 г.) все партии объявляют «божие перемирие» и прекращают взаимную борьбу. По совету Кановаса Мария-Христина поручила формирование нового правительства Сагасте с тем, чтобы назначением либерального кабинета привлечь к трону симпатии широких масс населения. Сагаста действительно образовал правительство, просуществовавшее пять лет (1885—1890) и затем был сменен у власти Кановасом. Позиция Кановаса на совещании в Эль Пардо вызвала большое негодование среди более «твердолобых» членов консервативной партии и повела к отколу от нее около трети членов во главе с Ромеро Роблецо.

движением местных касиков и их окружения... Депутаты кортесов служат связью между сельскими касиками и министрами. Каждый депутат кортесов играет роль министра в своей провинции при раздаче синекур и поддержке местных интересов — законных и незаконных. Депутат назначает высшие власти провинции, в том числе судей и администраторов, заботясь о том, чтобы эти должности были заняты людьми вполне «надежными» с его точки зрения. Ибо судьям и администраторам предоставляется творить «справедливость касиков» и обрушивать тяжелую руку закона на всякого, кто осмелится сопротивляться установленной системе»[46].

Другой испанский историк и публицист, Сальвадор де Мадарьяга, — отнюдь не коммунист и даже не социалист — не менее красочно изображает, как при наличии широко разветвленного института касиков в Испании проводятся выборы. Он пишет: «Выборы организуются из Мадрида. Директор политического отдела министерства внутренних дел... является специалистом, который заботится о том, чтобы был избран правительственный кандидат. Для достижения этой цели годится любое средство. Прежде всего, подвергаются тщательному «препарированию» общинные власти. Если коммунальные выборы окончились неудачно для правительства, губернатор или правительственный комиссар вдруг находят неправильности в подсчетах общинного совета, распускают его и заменяют «надежными» людьми. Фальсифицированные списки избирателей, воскрешение мертвых избирателей, которые никогда не подводят правительство, давление на чиновников и других лиц, в какой-либо мере зависимых от правительства, наконец, в случае крайности, разгром избирательных участков бандами подкупленных хулиганов или тщательное «просеивание» избирательных бюллетеней, создают правительству его большинство. Оппозиции предоставляется известное число мандатов для того, чтобы не отбить у нее охоты к продолжению этой игры»[47].

При таких методах действия каждое правительство, стоящее в данный момент у власти, может быть уверено в исходе назначаемых им выборов. Все заранее решается в Мадриде. Неоднократно бывали случаи, когда в осведомленных газетах результаты выборов публиковались раньше дня голосования, и при этом газеты никогда не ошибались. Вот почему Кановас ни сколько не был обескуражен, когда Сагаста, желая несколько подновить свою сильно поблекшую либеральную репутацию, в 1890 г. провел закон о всеобщем избирательном праве для мужчин. Кановас не только не возражал против этой реформы, но накануне ее принятия весьма цинично заявил, что никогда у него не было столь послушного большинства, как в учредительных кортесах 1876 г., избранных на основе всеобщего голосования. Кановас не ошибся: в испанских условиях конца прошлого века закон 1890 г. оказался простой демократической побрякушкой, не оказавшей никакого влияния на оздоровление политической жизни страны.

Обе большие партии — консерваторы и либералы — одинаково пользовались методом фальсификации выборов, и в каждой из них имелись свои специалисты по «деланию» выборов, занимавшие обычно посты министров внутренних дел. У консерваторов" таким светилом долгое время был Ромеро Робледо, у либералов их было два: Венансио Гонсалес и Альберто Агильеро, позднее взошла еще третья звезда — граф Романонес. С годами в этой рафинированной атмосфере политического надувательства создались свои «теории», свои правила и обычаи. Так, считалось, что правительство никогда не должно заполнять кортесы только своими сторонниками, чего при установившейся системе нетрудно было бы достигнуть, ибо это опасно для самого правительства: не встречая сколько-нибудь эффективной оппозиции, правительственное большинство неизбежно теряет бдительность, начинает дробиться на группы и в конце концов приходит к полному разложению. С другой стороны, однако, оппозиция юг должна быть слишком сильна, ибо в этом случае она может связать правительство в его действиях по рукам и по ногам; мало-помалу сложилось правило, что в конгрессе (нижней палате кортесов) при общем количестве депутатов около 400 правительство должно иметь около 300, официальная оппозиция (т.е. либеральная или консервативная партии) — около 70, неофициальная оппозиция (т.е. республиканцы, карлисты и др.) — еще три-четыре десятка. В соответствии с этой общей установкой накануне каждых выборов в министерстве внутренних дел производилась «разверстка» депутатских мест между представителями различных партий. Каково бы ни было правительство «делающее» выборы, оно всегда стремилось соблюсти указанные нормы, чтобы у официальной оппозиции, по выражению Мадарьяги, «не отбить охоты к продолжению этой игры», а у неофициальной оппозиции ослабить желание прибегать к внепарламентским методам борьбы.

Парламентская практика описываемого периода полностью подтверждает справедливость только что сказанного. В самом деле, вот каково было распределение депутатских мандатов при выборах.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
Москва, Издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

[46] A.Ramos Oliveira. Politics, Economics and Men of modern Spain, 1808—1946. London, 1943, стр.118.
[47] Salvador de Madanaga. Spanien. Berlin. 1930, стр.67.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

	Консерваторы	Либералы
1884 г. (кабинет Кановаса)	295	71
1886 г. (кабинет Сагасты)	70	310
1890 г. (кабинет Кановаса)	289	70
1892 г. (кабинет Сагасты)	70	250

Куда же дальше? Разработанный Кановасом и Сагастой политический механизм действовал с точностью почти аптекарских весов. Если изредка и случались какие-либо неожиданности, то они очень быстро ликвидировались, и все вновь возвращалось к «нормальному» состоянию вещей.

Таков был второй «кит», на котором покоилась система управления Испанией в эпоху реставрации.

А конечный итог? Конечный итог сводился к тому, что в последней четверти XIX века Испания представляла собой царство псевдопарламентаризма, столь законченного и бесстыдного, какой трудно найти в истории других европейских стран. По внешности все как будто обстояло благополучно. Имелись конституция, кортесы, выборы, партии, ответственное министерство, оппозиция, политические кризисы, смена правительства и прочее и прочее. А на деле все это была лишь сплошная комедия, с заранее точно расписанными ролями, комедия, прикрывавшая жестокую наготу помещичье-буржуазной диктатуры и беспощадного выжимания соков из крестьянских и рабочих масс.

В сложившейся обстановке режим псевдопарламентаризма оказывался настолько выгодным для господствующих классов, что с ним быстро примирились армия, церковь и королевская династия. Конечно, от времени до времени случались рецидивы прошлого: так, зимой 187677 г. экс-королева Изабелла сделала попытку активно вмешаться в испанскую политику; в 1880 г. некоторые недовольные генералы хотели организовать новое пронунсиаменто; в 1888 г. та же неугомонная Изабелла носилась с идеей заговора против вдовы Альфонса XII, объявленной регентшей после его смерти, — однако все эти инциденты не имели серьезных последствий. Консерваторы и либералы в подавляющем большинстве были едины, решительно выступая против всех подобных авантюр. Еще бы: режим псевдопарламентаризма приносил господствующим классам гораздо более высокие проценты! Укреплению этого режима также способствовали события, происходившие на троне: Альфонс XII стал королем, когда ему исполнилось только 16 лет. Он был слаб здоровьем и характером и не блистал никакими талантами. Внешность у него была крайне невзрачная, воспитание и манеры заграничные. Привлекать сердца он не умел, в народе не пользовался популярностью. Русский журналист И. Яковлев, побывавший в 1884—1885 гг. в Испании, вспоминает: «Я встретил однажды короля в Буэн-Ретиро; он шел пешком в штатском платье с королевой, и меня поразил сконфуженный и робкий вид, с которым он подвигался в толпе, снимая шляпу направо и налево и часто не получая на это даже ответа, к чему обязывает простая вежливость».

В другой раз тот же журналист наблюдал прибытие короля на торжественное открытие парламента: «Король на вид, — пишет он, — совсем мальчик, небольшого роста, очень подвижной: он то и дело выглядывает то из одного, то из другого окна кареты, рассматривая публику. На короле мундир генерал-капитана с голубой лентой через плечо и орден Золотого Руна. Он совсем как будто утопает в своем мундире»[48].

В довершение всего этот «совсем мальчик» мало понимал в политике и не проявлял к ней большого интереса. Разумеется, при таком короле Кановас должен был стать и действительно стал фактическим диктатором Испании.

В 1878 г. Альфонс XII женился на своей кузине Мерседес — третьей дочери герцога Монпасье, которая умерла через несколько месяцев после свадьбы. Это событие произвело на короля сильное впечатление: он впал в меланхолию, предался разгулу, забросил государственные дела. Его некрепкий организм стал быстро разрушаться. Полтора года спустя Альфонс XII женился вторично — на австрийской принцессе Марии-Христине, от которой имел двух дочерей и одного сына (будущего короля Альфонса XIII). В 1885 г., в возрасте 28 лет, Альфонс XII умер, и его вдова была объявлена регентшей вплоть до совершеннолетия сына, наступившего только в 1902 г. Таким образом, в течение 17 лет испанский трон занимала Мария-Христина. Не в пример своей тезке 30-х годов, это была женщина строгих правил и семейных добродетелей, но ей не хватало крупного ума и государственных способностей. К тому же, как иностранка, она не имела в Испании никаких корней. Поэтому в политических делах регентша держалась очень осторожно и уступчиво, предоставляя править страной своим министрам. Все это, вместе взятое, сильно содействовало могуществу Кановаса и Сагасты и укреплению того режима псевдопарламентаризма, бессменными жрецами которого они были в течение почти 25 лет.

---

[48] И.Яковлев. Очерки современной Испании, издание А.С.Суворина, СПб., 1889, стр.139, 141.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РЕСТАВРАЦИИ

Какова же была политика этого режима? Внутренняя политика реставрации шла под лозунгом: «время, остановись!» Мы уже говорили о пессимизме Кановаса и Сагасты в отношении будущего Испании. Те же настроения проникали в обе большие партии — консерваторов и либералов. Они считали, что реставрация создала лучший из всех возможных в данных условиях режимов, но не были уверены в его прочности. Поэтому они были охвачены смертельным страхом перед будущим, они боялись всякого движения вперед. Поэтому же они были принципиальными противниками каких-либо реформ, особенно в аграрной области (основы феодально-помещичьего строя должны были оставаться неприкосновенными!), и встречали в штыки всяких новаторов в любой области государственного управления. Горе было министру или политическому деятелю, если он пытался что-то перестроить, что-то изменить в сложившемся порядке вещей! Его карьера быстро и бесславно приходила к концу.

Прекрасной иллюстрацией к только что сказанному может служить история генерала Кассола. Составляя свой второй кабинет (1885—1890), Сагаста побоялся доверить пост военного министра какому-либо крупному генералу, опасаясь, как бы тот не поставил всерьез вопрос о давно назревших реформах в армии. Поэтому он выбрал для замещения этого портфеля никому не известного и до того не принимавшего никакого участия в политике генерала Кассола. Однако Сагаста жестоко просчитался. Став во главе военного ведомства, Кассола обнаружил необычайный реформаторский пыл. Он внес в правительство проекты ряда крупных мероприятий (введение всеобщей воинской повинности, сокращение числа генералов и офицеров, перестройку генерального штаба и т.д.), мероприятий, несомненно, нужных и полезных, но в корне нарушающих политику топтания на месте, ставшую альфой и омегой государственной мудрости реставрации. Правительство было возмущено и скандализовано. Кассола поставил вопрос ребром: либо реформа, либо отставка военного министра. Кабинет единодушно выбрал отставку, и вопрос о перестройке армии был снят с порядка дня. Комментируя этот инцидент, Сагаста горестно воскликнул: «Боже мой! Какое разочарование! Опасность иногда кроется там, где ее меньше всего ожидаешь»[49].

При такой общей установке режима внутренняя политика чередующихся консервативных и либеральных правительств должна была носить и действительно носила характер застоя и загнивания. Ничего не делалось ни в области распространения образования, ни в области социальной политики, ни в области оздоровления государственных финансов, ни тем более в области перестройки земельных отношений. Правда, Сагаста одно время пытался привести в равновесие испанский бюджет, однако благодаря сопротивлению помещиков ничего реального из этого не вышло. Не больше успеха имели либералы и с некоторыми другими реформами, которые ради поддержания своего престижа они должны были хоть изредка проводить через кортесы (консерваторы даже и этого не делали). Так, Сагаста с большой помпой добился издания законов о всеобщем избирательном праве (1890), о гражданском браке, о суде присяжных т.д., однако на практике все эти законы остались лишь мертвой буквой. Система «касикизма» не дала им войти жизнь.

В высшей степени характерна была тарифная политика реставрации, необыкновенно ярко вскрывавшая, кто являлся подлинным хозяином в уже известном нам компромиссе между двумя господствующими классами.

Руководители революции 1868—1874 гг. были сторонниками популярных в середине прошлого века фритредерских взглядов. Таможенная реформа Фигераса, принятая в июле 1869 г., вводила в Испании умеренные пошлины. Она была выгодна для испанской торговли, но невыгодна для помещиков, а также для промышленников Каталонии. Реставрация открыла наступление против принципов свободной торговли, причем первоначально консерваторы, как представители помещичьего класса, выступали в качестве сторонников протекционизма, а либералы, как представители буржуазии, — в качестве фритредеров. Суть дела заключалась в том, что крупное землевладение, не заинтересованное в экспорте своей продукции (зерно, оливки), ибо она не покрывала даже потребностей отечественного рынка, стремилось с помощью высоких тарифов поддержать высокие цены на свои товары внутри страны. Помещикам сочувствовала известная часть каталонских фабрикантов, работавшая на внутренний рынок. Напротив, испанские экспортеры, среди которых первое место занимали виноделы, а также те слои буржуазии, которые были связаны с внешней торговлей, решительно выступали против протекционистских тенденций, ибо боялись потери иностранных рынков. В первые годы реставрации, когда крупное землевладение не чувствовало себя еще достаточно укрепившимся, наскоки консерваторов на фритредерство были сравнительно редки и мало эффективны. Так, в 1877 г. правительство Кановаса провело небольшое повышение существовавших тогда таможенных пошлин. В 1886 г.

---

[49] A.Ramos Oliveira. Politics, Economics and Men of modern Spain, стр.117.

правительство Сагасты предполагало пересмотреть тарифы в смысле их понижения, но не смогло этого сделать из-за сопротивления помещиков. Однако до середины 80-х годов фритредерские тенденции сохраняли силу в таможенной политике Испании. Но дальше положение стало изменяться. По мере упрочения режима реставрации крупное землевладение все решительнее атаковало фритредерство. Протекционистские тенденции стали проникать даже в ряды либералов. Среди последователей Сагасты образовалась особая «аграрная группа» во главе с Гамасо, состоявшая из мелких и средних помещиков, которая повела агитацию за повышение тарифов. В конце концов либералы раскололись на две группы: большинство с Сагастой во главе готово было идти на соглашение с консерваторами и пересмотреть таможенную политику в протекционистском направлении, меньшинство, с Моретом и Серрано во главе, оставалось по-прежнему на позициях свободной торговли. Но так продолжалось недолго. Скоро протекционистские бациллы стали разлагать и фритредерское меньшинство. В конце концов вся либеральная партия капитулировала перед идеями протекционизма, и в 1889 г. сам Сагаста обратился к кортесам с предложением повысить пошлины на зерно и муку. Это, однако, не удовлетворило аграриев. Когда в 1890 г. Кановас сменил Сагасту у власти, наступил решительный момент: проведенный им в 1892 г. таможенный тариф возвел уже настоящую протекционистскую стену по границам Испании.

Последствия данного шага не замедлили сказаться. Государства, импортировавшие испанские продукты, ответили контррепрессиями. Иностранные рынки для испанских товаров стали быстро сокращаться. Достаточно привести хотя бы следующие цифры: в 1891 г. экспорт Испании достигал 932 млн. песет, а в 1894 г. он упал до 673 млн. песет, т.е. сократился на 28%. Особенно болезненной была таможенная война с Францией — главной потребительницей испанских вин. Расчетный баланс Испании резко ухудшился, курс песеты понизился, доходы железных дорог заметно сократились.

Испанская буржуазия, особенно те ее круги, которые были связаны с экспортной торговлей, выступили с решительными протестами. В Мадриде был созван съезд всех торговых палат страны, который осудил протекционистскую политику консервативного правительства. Объединение торговой буржуазии «Circulo de la Union Mercantil» устроило по этому поводу бурные манифестации в столице. Однако Кановас остался непреклонен. Да что Кановас! Год спустя, в 1893 г., уже кабинет Сагасты принял ряд дополнительных протекционистских мер и сверх того обложил торговлю новыми налогами. Торговые палаты снова бурно протестовали против политики на этот раз либерального правительства, «Circulo de la Union Mercantil» опять вывел на улицу тысячи своих сторонников, но все было тщетно: протекционизм сохранил все свои позиции. В течение последующих лет торговая буржуазия продолжала борьбу против высоких тарифов и налогов на товарооборот, но не имела успеха. Наконец, в 1900 г. она создала свою собственную политическую партию «Union Nacional» («Национальный союз), вступила в соглашение с каталонскими промышленниками и объявила налоговую забастовку. Однако даже эти героические меры не смогли ей помочь: атака фритредерства была еще раз отбита. Класс помещиков наглядно иллюстрировал, что там, где его интересы сталкиваются с интересами буржуазии, буржуазия должна уступать.

Справедливость требует сказать, что режим, созданный реставрацией, имел свою оппозицию — и при том справа и слева.

Оппозицией справа были карлисты, которые, несмотря на поражение, понесенное во второй карлистской войне, все-таки продолжали существовать и даже проявлять известные признаки жизни, — как за границей, так и в самой Испании. Дон Карлос Мариа (иначе Карл VII) не прекращал попыток из своего эмигрантского далека активно вмешаться во внутренние дела страны. Это с особенной яркостью проявилось после смерти Альфонса XII, когда смена лиц на троне временно создала обстановку неустойчивости политического положения. Впрочем, надежды дон Карлоса Мариа были еще раз обмануты. В самой Испании карлисты, питаясь соками недовольства в Наварре и Басконии, лишившихся своей старинной автономии, являлись перманентной оппозицией правительству в кортесах и вне кортесов, нередко вступая в тактические соглашения с республиканцами. В общем, однако, в условиях компромисса между обоими господствующими классами карлизм все больше становился анахронизмом, хотя умирал он крайне медленно и неохотно[50].

Иную картину представляла оппозиция, которую Кановас и Сагаста встречали слева. Она носила двоякий характер: парламентский и внепарламентский.

Парламентская оппозиция состояла из республиканцев, являвшихся обломками когда-то

---

[50] Забегая несколько вперед, укажем, что после смерти дон Карлоса Мариа в 1909 г. лидером карлистов стал его сын Хаиме, умерший бездетным в 1932 г. Хаиме в качестве претендента наследовал его дядя и брат дон Карлоса Мария — дон Альфонсо Карлос, погибший в 1936 г. в Вене во время автомобильной катастрофы В момент смерти дон Альфонсо было 87 лет, и после него мужская линия карлистов, претендующих на престол, прекратилась.

мощного республиканского движения эпохи пятой революции. Республиканцы, однако, не составляли единой централизованной партии, а распадались на ряд небольших групп, нередко враждовавших друг с другом. Среди республиканцев можно было отметить четыре главные течения:

1. Кастелар, стоявший на крайнем правом фланге республиканцев. После переворота 3 января 1874 г. он временно отошел от политики и уехал за границу. Однако уже на первых парламентских выборах эпохи реставрации, в 1876 г., Кастелар был избран в кортесы от Барселоны и по этому поводу произнес речь, в которой определил свою позицию следующим образом: «Я — либерал, я — демократ; я желаю организации государства в тесной гармонии и интимном отношении с свободой и демократией». Эта не слишком ясная формула скрывала весьма определенный консерватизм. Уже в 1879 г. Кастелар заявил о своей условной поддержке Сагасты, а, когда в 1885 г. умер Альфонс XII, Кастелар отказался от всякой оппозиции монархии, провозгласив, что не может вести борьбы против «женщины и колыбели» (т. е. против регентши Марии-Христины и новорожденного Альфонса XIII). Позднее, в 1888 г., покидая политическую арену, Кастелар произнес прощальную речь, в которой доказывал, что «современный мир качается» между консервативной республикой и демократической монархией, но что ему самому нет места в испанской политике: «Республика, которой я хочу, — говорил он, — столь консервативна и имеет так много точек соприкосновения с монархическими институтами, что отталкивает республиканцев, как слишком напоминающая монархию, и в то же время не удовлетворяет монархистов, потому что она республика. Оказавшись в таком положении, я должен уйти из журналистики и с парламентской трибуны»[51].

С введением в 1890 г. всеобщего избирательного права Кастелар считал, что его жизненный идеал реализован. После того он удалился в область литературы и науки и кончил тем, что слил небольшую группу своих сторонников с партией Сагасты.

2. Сальмерон, занимавший центральную позицию в лагере республиканцев. Пробыв после переворота 1874 г. шесть лет в парижской эмиграции, Сальмерон в 1881 г. получил амнистию и вернулся в Испанию. Здесь он стал профессором мадридского университета и постепенно сформировал около себя группу выдающихся интеллигентов-республиканцев (Гумерсиндо де Аскарате, Мануэль Педрегаль, Хоакин Коста и др.). В 1886 г. Сальмерон был вновь выбран в кортесы и в дальнейшем стал лидером республиканского центра, чему в немалой степени способствовал созданный им в 1888 г. орган «La Justicia» («Справедливость»). Эволюционные идеи, имевшие сильное влияние на Сальмерона уже в эпоху пятой революции, теперь, в годы реставрации, окончательно овладели им. Вскоре после своего избрания в кортесы Сальмерон заявил: «партии не должны прибегать к силе, а действовать лишь законными путями для осуществления своих стремлений». Исходя из этого легализма во что бы то ни стало, Сальмерон в последний период своей деятельности стал «политическим культурником»: он считал, что распространение образования и «гражданский прогресс» в порядке мирной постепеновщины приведут к возрождению нации и превратят Испанию в республику.

3. Сорилья, стоявший на левом фланге республиканского фронта. Он остался, как и был, республиканцем-конспиратором старого типа, сохранившим веру в эффективность военных «пронунсиаменто». Уже цитированный выше русский журналист И.Яковлев, характеризуя политическое положение в Испании середины 80-х годов прошлого века, по поводу Сорильи пишет: «Руис Сорилья — мифическая фигура современной Испании, что-то среднее между знаменитым, неуловимым бандитом, и всемогущим заговорщиком, который держит в своей руке правительство, войско и даже королевскую фамилию»[52].

Находясь в эмиграции, Сорилья создал «Asociacion Republicana Militar» («Военно-республиканскую ассоциацию»), которая организовала в Испании ряд военных восстаний (в мае 1883 г. в Бадахосе, в январе 1886 г. в Картахене, в сентябре 1886 г. в Мадриде). Однако все эти выступления, совершенно оторванные от массовой базы, были без труда подавлены правительством.

4. Наконец, Пи-и-Маргалль, который, будучи социалистом-федералистом, занимал несколько особое положение в республиканском лагере. Подобно другим республиканским лидерам, Пи-и-Маргалль после переворота 1874 г. провел несколько лет в эмиграции, но затем был амнистирован и вернулся в Испанию. В 1886 г. он был с триумфом выбран в кортесы от нескольких провинций сразу и затем сохранил свой парламентский мандат до самой смерти, последовавшей в1907г.В 1890г. Пи-и-Маргалль основал журнал «El Nuevo Regimen» («Новый режим»), который сыграл видную роль в годы, предшествовавшие испано-американской войне 1898 г. В кортесах и вне кортесов Пи-и-Маргалль возглавлял небольшую группу республиканцев, по преимуществу из среды испанской интеллигенции, придававшую особенно большое значение проблемам социального порядка. Ибо Пи-и-Маргалль ближе других республиканцев подошел к

---

[51] M.Rattazzi. Emilio Castelar. Paris, 1899, стр.891.
[52] И.Яковлев. Очерки современной Испании, 1889, стр.161.

пониманию того, что в конце XIX века республиканизм может иметь почву под ногами, только опираясь на массовое движение трудящихся. Однако теоретически признавая этот принцип, он далеко не всегда умел делать из него надлежащие практические выводы. Пи-и-Маргалль много работал также в области науки и литературы. Важнейшим из оставленных им произведений является история революционных движений в Испании, вышедшая под заглавием «Las grandes conmociones politicas en Espana», произведение, на которое нам не раз приходилось ссылаться в предыдущем изложении.

К левой оппозиции республиканского типа необходимо отнести также «Institucion Lebre de la Ensenanza» — частный университет, вокруг которого объединились левые профессора, во главе с Франсиско Хинер де лос Риос, вступившие в конфликт с режимом реставрации. Любопытна была история, происшедшая с только что названным ученым. В первые годы царствования Альфонса XII правительство издало закон, сильно ограничивавший свободу преподавания в высших школах. Франсиско Хинер заявил публичный протест против этого закона. Кановас, опасаясь политического эффекта от выступления знаменитого профессора, просил его взять свой протест назад, заверяя, что закон, давший повод к протесту, на практике не будет применяться. Однако Франсиско Хинер категорически отказался от выполнения просьбы премьера. Тогда Кановас показал свои когти: больной Франсиско Хинер был арестован и посажен в кадисскую крепость. Аналогичная судьба постигла многих других прогрессивных ученых в годы реставрации. В конце концов все они объединились и создали свой независимый университет — Свободный институт образования, — с кафедры которого изгнанные правительством профессора могли проповедовать свои взгляды. Эта вольная высшая школа стала рассадником левых идей в Испании и сыграла крупную роль — не только просветительную, но и политическую.

Из только что сказанного ясно, что республиканская оппозиция режиму псевдопарламентаризма состояла из небольших верхушечных групп — раздробленных, путаных, лишенных истинно-революционного духа и совершенно оторванных от широких народных масс. Все это были тени прошлого, генералы без армии, вожди без определенной цели впереди. В сущности, в конце XIX века они были таким же анахронизмом слева, каким карлисты были справа. Подобные противники Кановасу и Сагасте были не страшны. Наоборот, их присутствие в кортесах только облегчало вождям реставрации игру в псевдопарламентаризм.

РАБОЧЕЕ и КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Гораздо серьезнее была внепарламентская оппозиция режиму. То были ростки массового рабочего и крестьянского движений, которые, несмотря на удары, посыпавшиеся на них с момента реставрации, упорно продолжали свою борьбу. Даже в самые тяжелые времена репрессий существовал ряд профессиональных союзов, энергично защищавших интересы рабочих. Таковы были, например, федерация бочаров Каталонии с 3 тыс. членов, объединение рабочих паровых машин с 6 тыс. членов, союз металлистов Мадрида с 4 тыс. членов, союз печатников Мадрида с 2 тыс. членов и др. С конца 70-х годов рабочее движение вновь стало поднимать голову и принимать более широкий и многообразный характер. В 80-х годах на юге Испании бурно развернулось крестьянское движение. К сожалению, однако, теперь, как и в прошлые годы, борьба трудящихся масс оказалась расколотой между двумя направлениями — социализмом и анархизмом, — что, конечно, ослабляло ее эффективность. Главной базой социализма были Мадрид и промышленный север Испании (Бискайя, Астурия, в особенности район Бильбао), главной базой анархизма — Каталония (в особенности Барселона) и Андалусия.

Остановимся сначала на социалистическом направлении. Мы уже видели, что в 1871 г. Поль Лафарг стал создавать в Испании первые социалистические организации, которые вначале медленно развивались. Работа эта, несмотря на все трудности эпохи реставрации, продолжалась в последующие годы, причем социалистическому направлению удалось привлечь на свою сторону ряд видных членов бывшего Интернационала, ранее шедших в фарватере бакунизма. Среди них особого внимания заслуживают наборщик Пабло Иглесиас, сапожник Франсиско Мора и типограф Хосе Меса — все члены Федерального Комитета Интернационала, выбранного на конгрессе 1871 г. в Валенсии. Они сыграли в дальнейшем важную роль в развитии испанского социалистического движения, а Пабло Иглесиас даже стал его вождем и сохранил это положение вплоть до войны 1914—1918 гг.

К 1879 г. в Испании сложились три крупных группы социалистов — в Мадриде, Барселоне и Гвадалахаре. Они объединились и образовали «Partido Socialista Obrero de Espana» («Социалистическую рабочую партию Испании»), которая с 1886 г. стала выпускать свой официальный орган «El Socialista) («Социалист»). Только в 1888 г. партия созвала свой первый съезд в Барселоне. На нем присутствовало 18 делегатов, представлявших 3555 членов. Здесь была принята программа партии, требовавшая:

1. Перехода политической власти в руки трудящихся.
2. Обобществления всех средств производства и обращения.

3. Организации общества на основе экономической федерации, гарантирующей рабочим полный продукт их труда, а также бесплатное образование — общее и специальное.

4. Обеспечения за счет общества больных и престарелых. На этом же конгрессе был выбран национальный комитет партии, в который вошли: Пабло Иглесиас (председатель), Франсиско Дьего (секретарь), Франсиско Караско (казначей), Мариано Родригес, Алонсо и Антонио Атьенса.

На втором конгрессе партии в Бильбао в 1890 г. была намечена ее линия в избирательной борьбе, ибо проведенная в этом году Сагастой реформа избирательного права, вводившая всеобщее голосование для мужчин, открывала перед социалистическим движением возможность использования парламентской трибуны. Отныне социалистическая партия стала принимать регулярное участие в избирательных кампаниях, постепенно увеличивая число получаемых ею голосов, как о том свидетельствуют следующие цифры:[53]

Год выборов	Количество голосов тыс.
1891	5
1893	7
1896	14
1898	20
1899	23

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Несмотря, однако, на быстрый темп увеличения, абсолютное число полученных социалистами голосов оставалось еще очень низким, и вплоть до конца рассматриваемого периода партии не удалось провести в кортесы ни одного депутата.

Параллельно шло укрепление партии в организационном и пропагандистском отношениях. Так, на протяжении 90-х годов состоялись еще три ее конгресса — в Валенсии (1892), Мадриде (1894) и еще раз в Мадриде (1899). Число местных отделений партии составляло: в 1888 г. — 16, в 1890 — 23, в 1892 — 37, в 1894 — 42, в 1899 — 55. Особенно широко развернулась печать партии: кроме уже упоминавшегося «El Socialista» имелось еще около двух десятков провинциальных органов, в том числе «La guerra social» («Социальная война») в Барселоне, «La Igualidad» («Равенство») и «La Lucha de clases» («Борьба классов») в Бильбао, «La Republica social» («Социальная республика») в Валенсии, «El porvenir sosial» («Социальное будущее») в Сарагосе, «La Aurora social» («Социальная заря») в Овьедо и др.

Крепли и международные связи испанского социалистического движения. Оно принимало участие во всех международных конгрессах Второго Интернационала, в частности в Парижском (1889), Брюссельском (1891), Цюрихском (1893), Лондонском (1896) и опять Парижском (1900).

Большое внимание социалистическая партия уделяла развитию профессионального движения. В 1888 г. в Барселоне состоялся конгресс ряда профессиональных организаций, шедших в фарватере социалистического движения. Присутствовало 26 делегатов от 29 профсоюзов (металлистов, типографов, машинистов и др.) с общим количеством членов 3355. Они образовали «Union general de Trabajadores» («Всеобщий Союз Трудящихся») с местопребыванием в Барселоне, в первый исполнительный комитет «Всеобщего Союза Трудящихся» вошли: Антонио Гарсиа Кехидо (председатель), Хуан Граельс (заместитель секретаря), Рамон Колада (казначей) и члены — Хосе Карнисер и Базилио Мартин Родригес. Вплоть до конца XIX века «Всеобщий Союз Трудящихся» имел еще шесть конгрессов, каждый из которых знаменовал дальнейший шаг в его развитии. В 1899 г. общее число членов «Союза» достигло 15 тыс. В этом же году резиденция его была перенесена из Барселоны в Мадрид.

Цели, которые ставил себе «Всеобщий Союз Трудящихся», носили на себе отпечаток эпохи и совпадали с целями, которые в то время преследовали профессиональные организации многих других европейских стран. В основном они сводились к следующему:

1. Борьба за улучшение условий труда испанского пролетариата.

2. Поддержание связи с международным профессиональным движением.

Первая цель, по мнению «Всеобщего Союза Трудящихся», должна была достигаться как путем издания законов по охране труда, так и путем стачечной борьбы. Это создавало прочный контакт между «Всеобщим Союзом Трудящихся» и социалистической партией (долгое время одни и те же люди стояли во главе обеих организаций), а также способствовало на первых порах укреплению в «Союзе» боевого духа. Действительно, он имел большое значение в крупных забастовках 1890, 1892 и 1898 гг., разыгравшихся в промышленных районах севера. Наиболее серьезный характер имела стачка 1890 г., в которой горняки выдвинули ряд экономических требований, в частности сокращения непомерно длинного рабочего дня. Борьба горняков была поддержана рабочими других отраслей производства. В результате в районе Бильбао разразилась

[53] Данные о социалистическом движении 1874—1900 гг. почерпнуты главным образом из работы одного из основоположников испанской социалистической партии F.Mora. Historia del socialismo obrero espanol. Madrid, 1902.

всеобщая забастовка, в которой приняло участие свыше 20 тыс. человек. Власти приостановили действие конституционных гарантий и двинули против рабочих войска. Тем не менее стачечникам удалось одержать победу: значительная часть их требований была удовлетворена, а рабочий день фиксирован в размере 10 час., что по тогдашним условиям являлось несомненным успехом. Однако чем дальше, тем больше «Всеобщий Союз Трудящихся» становился на те оппортунистические рельсы, по которым в конце прошлого века катились профессиональные движения Германии, Англии, Австро-Венгрии и ряда других стран. Боевой дух стал постепенно покидать «Всеобщий Союз Трудящихся»; его вожди слишком часто начали подчеркивать, что можно устраивать только «хорошо организованные стачки»; все охотнее, под разными благовидными предлогами, они уклонялись от организации забастовок и вместо прямой борьбы с предпринимателями переходили на путь соглашательских переговоров с ними даже тогда, когда к тому не имелось никаких оснований.

Ниже мы увидим, к каким пагубным результатам это систематическое сползание «Всеобщего Союза Трудящихся» вправо привело в первые десятилетия XX века и в какой мере оно способствовало укреплению анархо-синдикализма среди рабочего класса Испании.

Вторая цель — поддержание связи с профессиональным движением других стран — осуществлялась в первую очередь путем участия в Международной Федерации Профессиональных Союзов, а также путем личного и делового контакта с профессиональными организациями Франции, Италии, Англии, Германии и т.д.

Параллельно, в постоянной борьбе с социалистическим движением, развивалось анархистское течение. В 1881 г. в Барселоне состоялся первый конгресс вновь образованной «Federacion de Trabajadores de la Region Espanola» («Федерация трудящихся испанской области»), по существу являвшейся продолжением бакунистского крыла Интернационала времен пятой революции. Об этом с достаточной ясностью гласил выпущенный ею манифест, в котором цели новой организации определялись следующим образом: «Наша организация — чисто экономическая, она отличается от всех и противоположна всем политическим буржуазным и рабочим партиям. Эти партии создаются для захвата политической власти, мы же объединяемся, чтобы свести существующие юридические и государственные формы к простым экономическим функциям, чтобы заместить их свободной федерацией свободных союзов свободных производителей. Из предыдущего понятно, что мы противники всякой парламентской политики и решительные сторонники экономической борьбы и разрушения всех привилегий и всех монополий — этой несправедливости в организации современного общества».

Размеры и влияние названной «Федерации» трудно установить, так как ее лидеры никогда не любили точной статистики и всегда предпочитали на вопрос о количестве членов отвечать пылкими славословиями по адресу их революционного энтузиазма. Когда в 1882 г. собрался второй конгресс «Федерации» в Севилье, было объявлено, что его 250 делегатов представляют 70 тыс. членов. Одновременно заседал конгресс тогда же возникшего «Союза сельских рабочих Испании», шедшего в фарватере анархизма; утверждалось, что этот конгресс представляет 21 тыс. членов. Таким образом, силы анархистских организаций в 1882 г. достигали почти 100 тыс. человек. В какой мере, однако, эти цифры соответствовали действительности, никто не может сказать. Вероятнее всего, как это часто бывает у анархистов, они являлись сильно преувеличенными. Тем не менее не подлежит все-таки сомнению, что в период 80-х годов анархистское движение среди рабочих и крестьян носило довольно серьезный характер и значительно превосходило, особенно по революционной энергии, социалистическое движение тех дней.

В связи с данным фактом сюит несколько таинственная история с пресловутой организацией «Mano Negra» («Черная рука»). Существует версия, очень популярная среди буржуазных писателей, что с начала 80-х годов в Андалусии, Мурсии, Эстремадуре под этим именем оперировало подпольное анархистское общество, написавшее на своем знамени: «Месть помещикам, защита беднякам!» Оно будто бы насчитывало 150 отделений и имело до 50 тыс. членов. Согласно этой версии, «Mano Negra» жгла имения, грабила землевладельцев, убивала наиболее ненавистных представителей администрации. Целые округа были терроризированы; помещики в панике бежали в города. Правительство отвечало на деятельность «Mano Negra» жестокими репрессиями, включая казни.

Но есть и другая версия, очень популярная среди анархистов, согласно которой никакой организации «Mano Negra» вообще никогда не существовало, и что она была выдумана жандармерией для оправдания зверского подавления аграрных движений, то и дело сотрясавших испанскую деревню в 80-х годах прошлого столетия. В соответствии с этой версией дело будто бы обстояло так: один рабочий-анархист, член «Федерации трудящихся испанской области», убил другого рабочего, заподозренного в предательстве. В связи с этим власти арестовали до 100 человек, в большинстве членов той же «Федерации». Из них восемь были казнены, в том числе Ф.Корбачо — председатель и Хуан Руис — секретарь вышеупомянутого «Союза сельских рабочих».

Так как эта зверская расправа вызвала большое возмущение в демократических кругах, то

власти и сочинили романтическую историю о «Mano Negra».

Какая бы версия ни была ближе к истине, не подлежит во всяком случае сомнению факт, что в испанской деревне рассматриваемого периода имелось аграрно-террористическое движение, поощряемое анархистами.

«Федерация трудящихся испанской области» имела еще три конгресса — в Валенсии (1883), в Мадриде (1887) и опять в Валенсии (1888). После этого она была закрыта правительством. Однако оставленный «Федерацией» Комитет, а так же ряд печатных органов анархистского толка, в особенности барселонский «Tierra y Libertad» («Земля и воля»), продолжали работу «Федерации» и координировали деятельность ее довольно многочисленных сторонников. В 1888 г. более крайние элементы движения под руководством каталонских анархистов основали в Барселоне новый профсоюзный центр, принявший название «Federation de Resistencia al capital — pacto de Union yde Solidaridad» («Федерация сопротивления капиталу — пакт единства и солидарности»).

С начала 90-х годов положение стало обостряться. 1 мая 1890 г. в Барселоне произошла всеобщая стачка, продолжавшаяся два дня. Год спустя — 1 мая 1891 г. — всеобщая стачка охватила не только Барселону, но и всю Каталонию, а также многие центры остальной Испании. В Барселоне дело дошло до уличных боев, причем несколько рабочих было убито. В 1892 г. вспыхнуло крестьянское восстание в Андалусии. Отряды батраков с криками «смерть буржуазии!» пытались захватить город Херес де ла Фронтьера, насчитывавший до 60 тыс. жителей Восстание не удалось, но власти реагировали на него суровыми репрессиями: четыре вождя повстанцев погибли на эшафоте, многие другие попали на долгие сроки в тюрьму.

В такой обстановке среди анархистов все больше стало усиливаться террористическое течение. Уже в 1889 г. взрыв бомбы произошел в королевском дворце. Около того же времени в Барселоне был убит один особенно ненавистный рабочим фабрикант. В 1893—1896 гг. волна анархистских покушений прокатилась по Каталонии и другим районам Испании, причем некоторые из них поражали своей бессмысленностью и нелепостью. Так, например, в ноябре 1894 г. один анархист, поклявшись в ненависти к буржуазии, бросил бомбу в Барселонский театр; другой в июне 1896 г. в той же Барселоне бросил бомбу в проходившую по улице религиозную процессию и т.д.

Кановас, пришедший к власти в 1895 г., обрушился на рабочее и крестьянское движение с градом жестоких репрессий. Тысячи людей были арестованы. Хватали направо и налево — анархистов, социалистов, мирных обывателей. В тюрьмах были устроены сады пыток. Политическое напряжение росло с каждым днем. 8 августа 1897 г. пуля итальянского анархиста Анжиолило уложила Кановаса, в котором все не без основания видели главного вдохновителя политики белого террора. Смерть Кановаса, конечно, ни в чем не изменила существа положения, и пришедший на смену Кановасу Сагаста не менее свирепо продолжал борьбу с революционным движением в городе и деревне.

Как, однако, ни были подчас драматичны события, связанные с деятельностью внепарламентской оппозиции слева, они не могли оказать существенного влияния на общий ход государственных дел. Испанский рабочий класс был еще слишком немногочислен и слишком слабо организован; крестьянство было еще слишком стихийно и политически неразвито; раскол между социалистами и анархистами был слишком глубок; теория и практика анархистов была слишком губительна для дела пролетариата, чтобы давление трудящихся могло вынудить господствующие классы пойти на серьезные демократические уступки. В лучшем случае правительства назначали различные совещания и комиссии для исследования условий жизни рабочих и крестьян, но клали под сукно их выводы и рекомендации. По большей же части они отвечали на борьбу трудящихся кнутом и пулей.

И все-таки история делала свое неумолимое дело. Господствующие круги, не желавшие понимать знамения времени, неудержимо шли все ускоряющимся темпом к неизбежной катастрофе. Как это часто бывает с насквозь прогнившими режимами, гроза пришла из области внешней политики.

ЭПОХА ИМПЕРИАЛИЗМА и ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСТАВРАЦИИ

В 1916 г. В.И.Ленин писал: «Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 гг. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1899—1902), русско-японская (1904— 1905) и экономический кризис в Европе в 1900 году—вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории»[54].

Одним из важнейших проявлений этой новой эпохи на международной арене была все более обострявшаяся борьба между крупнейшими империалистическими державами за передел мира и прежде всего колониальных владений, поскольку к концу XIX в. вся территория нашей планеты

[54] В.И. Ленин. Соч, т.23, стр.95.

оказалась закрепленной за полудюжиной империалистических государств. Это были «старые» колониальные империи — Англия, Франция, Голландия, Бельгия, Испания и Португалия. Против них выступали «новые» претенденты на империалистическое господство — Германия, США, Япония, — пришедшие позже первых за стол империалистической поживы и потому считавшие себя «обделенными судьбой». Они громко требовали для себя «места под солнцем». При этом вполне естественно, что глаза их особенно разгорались при взгляде на колониальные владения более слабых из числа «старых» империй. Испания была одной из таких более слабых империй. Неудивительно, что первый удар новой исторической эпохи обрушился как раз на нее.

К концу XIX века у Испании от былой обширной империи за морями остались пять колоний: Куба и Порто-Рико в Америке, Филиппины, Каролинские и Марианские острова в Тихом океане. Управлялись они очень плохо, эксплуатировались безжалостно и почти перманентно находились в состоянии инсуррекции. Именно поэтому с давних пор сложился обычай, что генерал-губернаторами колоний назначались военные, проводившие большую часть времени в подавлении туземных восстаний. С наступлением империалистической эпохи борьба за раздел мира между великими державами стала одним из важнейших факторов международной политики, и богатые колонии ослабевшей Испании представляли для них большой соблазн.

Инициативу в деле грабежа взяла на себя Германия. Мы уже упоминали о том, что вождям реставрации очень импонировала бисмарковская империя. Кановас и Сагаста в области внешней политики явно ориентировались на Берлин. Альфонс XII не скрывал своего восхищения прусской военщиной. Между Испанией и Германией быстро протягивались многообразные линии дружеских отношений. В 1883 г. император Вильгельм пригласил испанского короля присутствовать в Гамбурге на осенних маневрах этого года. Альфонс XII не только прибыл на маневры, но и принял пожалованный ему там чин полковника немецкого уланского полка, имевшего стоянку в Страсбурге. Поведение испанского короля вызвало бурю негодования во Франции, однако Альфонс XII продолжал упорствовать в своем внешнеполитическом курсе и строил планы по укреплению международного положения своей страны с помощью возникшего в 1879 г. тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия). И вот в разгар всех этих дружественных испано-германских манифестаций вдруг прозвучала нота резкого диссонанса: в сентябре 1885 г. немецкое военное судно захватило о.Яп, входящий в состав группы Каролинских островов. Широкая волна негодования прокатилась по всей Испании; в Мадриде толпа народа окружила германское посольство, сорвала и сожгла германский флаг; в воздухе запахло крупной ссорой, но Альфонс XII поспешил вмешаться в дело и замял конфликт, пойдя на уступки Германии: спор был передан на третейское решение папы Льва XIII, который вернул остров Испании, но предоставил на нем Германии «особые права». Это значило, что германский империализм получил базу на испанской территории.

Однако инцидент с о.Яп был лишь легкой аванпостной стычкой, не имевшей большого значения. Неизмеримо серьезнее — по размерам и по последствиям — оказалось столкновение между Испанией и США, переросшее в 1898 г. в открытую войну. В основе и здесь лежал вопрос об испанских колониях.

С конца 60-х годов Куба почти непрерывно находилась в состоянии то скрытого, то открытого восстания против метрополии. Жестоко угнетаемое испанскими колонизаторами, местное население имело все основания для борьбы за свободу и, действительно, героически вело ее, нередко ставя в затруднительное положение своих поработителей. Так, например, в 1868—1878 гг. Куба была глубоко потрясена длительной и упорной войной между туземцами и испанцами. Местное население во главе с Мануэлем Сеспедасом захватило восточную и центральную часть острова, провозгласило независимость Кубы, установило республиканский образ правления, а отряды повстанцев, которыми командовал Кесада, нанесли ряд серьезных поражений испанским вооруженным силам. 100-тысячная испанская армия в течение десяти лет ничего не могла поделать.

С начала 70-х годов в игру вступил новый и чрезвычайно важный фактор: влиятельные капиталистические группы США стали инвестировать капитал прежде всего в сахарные плантации и производство сахара, а затем в горную промышленность (железо, медь, серебро, марганец, асфальт), в постройку железных дорог, в производство знаменитых гаванских сигар и т.д. В связи с этим американский империализм всерьез заинтересовался Кубой, и в Вашингтоне зародились планы ее окончательного «освоения». В порядке подготовки к реализации этих планов туземные повстанцы стали получать негласную, но вполне реальную поддержку из США — в форме денег и оружия. В течение ряда лет американская пресса вела широкую кампанию против злоупотреблений испанского режима на Кубе. По мысли вашингтонских политиков, Куба должна была перманентно оставаться открытой раной с тем, чтобы США в подходящий момент могли активно вмешаться в решение ее окончательной судьбы.

Таков был общий политический фон, на котором разыгрывались события в этой важнейшей американской колонии Испании и который должны были бы учитывать в своих действиях руководители испанского государства. Однако ни Кановас, ни Сагаста, ни тем более их

многочисленные партийные коллеги ничего этого не видели или не хотели видеть. Ослепленные шовинистическими традициями и узко-классовыми интересами, они проявили в критические годы, предшествовавшие испано-американской войне, такое легкомыслие, близорукость и непонимание, какие обычно обнаруживают лишь представители уже сильно разложившихся социальных группировок.

Фактический ход событий в основном был следующий: после окончания второй карлистской войны Кановас решил принять энергичные меры для ликвидации хронической инсуррекции на Кубе. С этой целью в октябре 1877 г. во главе 14-тысячной армии туда был послан генерал Мартинес Кампос. Новый главнокомандующий обладал известной политической дальновидностью и очень скоро пришел к выводу, что для «замирения» Кубы требуется не столько меч, сколько реформа, прежде всего автономия и ликвидация еще существовавшего здесь рабства. Поэтому Мартинес Кампос при 'первом удобном случае вступил в переговоры с повстанцами и 28 февраля 1878 г. в Эль Занхоне подписал с ними либерально составленное мирное соглашение. Однако Кановас отказался ратифицировать его. Это имело последствием жестокую ссору между премьером и знаменитым генералом, внесшую немало осложнений в политическую атмосферу Испании, и — что еще важнее — громадный рост повстанческого движения на Кубе.

Следующий этап наступил в 1886 г. при правительстве Сагасты. В кортесы был внесен проект реформ на Кубе, включая установление местного самоуправления, но палата большинством 270 голосов против 17 отклонила это предложение; даже республиканец Кастелар вотировал вместе с большинством. Особенно возражали против автономии каталонские промышленники, пользовавшиеся монопольным правом торговли на Кубе, — их агитация сыграла немалую роль в исходе голосования. Аналогичное положение создалось восемь лет спустя, когда в 1893—1894 гг. министр колоний Антонио Маура (тогда еще либерал) настойчиво добивался от правительства проведения реформ на Кубе. Сагаста, бывший снова премьером, не только не поддержал своего коллегу, но, наоборот, воспользовался первым подходящим случаем для того, чтобы освободить кабинет от столь беспокойного министра (вспомним историю с генералом Кассола!).

Между тем борьба на Кубе продолжалась, год от года принимая все более хронический характер, а когти американского империализма также год от года все глубже вонзались в тело острова.

Одновременно серьезные события разыгрывались на Филиппинах. Здесь испанские духовные власти, воскрешая времена Изабеллы, стали фактическими хозяевами колонии и обратили в рабство ее население. Это имело результатом широкое повстанческое движение среди филиппинцев, которое испанские генералы никак не могли окончательно подавить.

Ситуация явно «созревала» для открытого вмешательства США, но мадридские мудрецы все еще не хотели понять, к чему идет дело.

Решающая фаза наступила в феврале 1895 г., когда на Кубе началось новое большое восстание, организованное возникшей в 1892 г. Революционной кубинской партией во главе с радикальным писателем и общественным деятелем Хосе Марта. Оно сразу приняло массовый характер, объединив в своих рядах национальную буржуазию и интеллигенцию, поддерживаемых мелкой буржуазией и крестьянством. В сентябре 1895 г. повстанцами было созвано учредительное собрание, провозгласившее республиканскую конституцию и избравшее президента и его заместителя. Статья 19-я конституции обязывала всех кубинцев лично и своими средствами служить революции. Однако конституция совершенно не затрагивала основного вопроса кубинской жизни — аграрного вопроса[55].

Для подавления восстания правительство Кановаса в апреле 1895 г. отправило на Кубу 30-тысячную армию под командой уже известного нам Мартинеса Кампоса. Очень скоро генерал убедился в невозможности завоевать остров и вновь стал настаивать на проведении реформ. Кановас занял позицию: сначала «успокоение», а потом реформы, и в знак своей непреклонности отозвал Мартинеса Кампоса, заменив его в феврале 1896 г. генералом Вейлером, прославившимся в качестве палача каталонских рабочих.

Новый главнокомандующий решил дать повстанцам свирепый урок. Он опубликовал приказ о «концентрации» местного населения в расположении испанских гарнизонов. Жители деревень должны были бросить свои дома и поля и перебраться в особые лагери, которые были устроены там, где находились испанские войска. Пищи им почти не давалось. Санитарные условия были ужасные. Голод и болезни стали без пощады косить кубинцев. В короткое время погибло около трети населения острова. Но зато испанский главнокомандующий переправил в Европу огромные богатства, награбленные им на Кубе. Однако усмирить мятежный остров не смог и Вейлер. Он добился только крайнего обострения войны.

Одновременно бурные события разыгрывались на Филиппинах. Восстание туземцев разливалось все шире по архипелагу и в конце концов привело к объявлению Филиппин республикой и к созданию здесь республиканского правительства. Командующий на Филиппинах испанской

---

[55] Л.Ю.Слезкин. Испано-американская война 1898 г. М., 1956, стр.17—21.

армией генерал Бланке понял бесплодность репрессивных методов и потребовал от Кановаса программы реформ. Он был отозван в Испанию, и на его место отправлен генерал Полавьеха, который сделал все возможное, чтобы заслужить репутацию филиппинского Вейлера. Это только еще больше подлило масла в огонь. Тогда Кановасу пришлось убрать Полавьеху и поискать других методов для выхода из затруднительного положения. На помощь испанцам пришли раздоры в лагере повстанцев. Среди них имелось более правое течение, возглавляемое Агинальдо, и более левое, возглавляемое Бонифасио. Отношения между вождями туземцев сильно обострились, и в результате Бонифасио пал жертвой убийства, организованного Алинальдо. Испанцы воспользовались создавшейся ситуацией и 18 ноября 1897 г. уже при Сагасте — заключили мирное соглашение с Агинальдо: республиканское правительство Филиппин распускалось, и вожди его удалялись за границу, а известные группы повстанцев получали денежную компенсацию. Это соглашение вызвало раскол в лагере национально-освободительного движения. Его верхушечная часть, поддерживавшая Агинальдо, прекратила борьбу, но широкие народные массы продолжали сопротивляться испанскому господству.

События, происходившие на Кубе и на Филиппинах, только разжигали аппетит американских империалистов. Настоящей находкой для них был Вейлер. Печать США, вдохновляемая сахарными плантаторами и стальными королями, подняла страшный шум по поводу его злодеяний на Кубе; тоже делала и церковь; общественное настроение в стране быстро накалялось; в марте 1896 г. конгресс принял резолюцию с требованием решительных мер, вплоть до интервенции, в вопросе о Кубе; в мае 1896 г. американское правительство предложило Испании свое посредничество для урегулирования отношений между метрополией и колонией, но Кановас его решительно отверг; тогда в США поднялась буря протестов против «мясника» Вейлера и его мадридских хозяев, буря, ловко направляемая из кабинетов сахарных и других магнатов.

В ноябре 1896 г. происходили новые президентские выборы. Победил республиканец Мак-Кинли, одним из пунктов избирательной программы которого была решительная политика в вопросе о Кубе. Исход выборов «окрылил» и старого президента-демократа Клевленда, который до марта 1897 г. еще сохранял свой пост. 7 декабря 1896 г. в послании конгрессу Клевленд открыто заявил, что «финансовые интересы» США на Кубе с 1878 г. удвоились[56] и что «американский народ» не может бесконечно мириться с положением, при котором этот богатый остров подвергается разрушению в результате жестокой и безнадежной борьбы. Это предостережение произвело известное впечатление в Испании. Правда, ради сохранения престижа Кановас ответил, что он не может допустить вмешательства иностранцев во внутренние испанские дела, но одновременно в официальной «Gaceta» (6 февраля 1897 г.) был опубликован список намеченных для Кубы реформ, включая местную автономию. Это, однако, не произвело в США никакого впечатления. Американский империализм уже бросил жребий и теперь неудержимо шел к осуществлению своего «плана». Смерть Кановаса, последовавшая, как выше упоминалось, 8 августа 1897 г., только облегчила задачу Вашингтона, и в сентябре того же года американский посол в Мадриде генерал Вудфорд вторично «предложил» Испании посредничество США в кубинских делах.

Правительство Сагасты, пришедшее к власти 4 октября 1897 г., сделало отчаянную попытку приостановить движение к катастрофе. По требованию Вудфорда Вейлер был отозван с Кубы и на его место послан генерал Бланко, получивший полномочия объявить автономию острова. По требованию того же Вудфорда Сагаста официально заявил о полной перемене политики в отношении Кубы. Взбешенный своей отставкой и новым курсом кабинета, Вейлер по прибытии в Испанию апеллировал к армии и призывал к новому «пронунсиаменто», но положение было слишком серьезно, и бравый генерал не нашел достаточно сочувствия своим проектам.

Несмотря на уступчивость, проявленную Сагастой, кампания в США все больше разрасталась. Пресса неистовствовала, политическое напряжение росло, правительство проводило последние подготовительные меры. Много шуму наделал один любопытный дипломатический инцидент: было выкрадено частное письмо испанского посланника в Вашингтоне Дюпюи де Лома, в котором он весьма критически отзывался как о личности американского президента, так и об американском правительстве. Это письмо 9 февраля 1898 г. появилось в печати и вызвало целую бурю. Вместо того, чтобы извиниться за столь явное нарушение всех дипломатических канонов, американские правящие круги потребовали, чтобы испанское правительство не только отозвало де Лома из Вашингтона, но и объявило ему выговор. Де Лом предупредил события, сам подав в отставку. Тем не менее Сагаста вынужден был 14 февраля 1898 г. в официальной «Gaceta» опубликовать по поводу инцидента заявление, носившее унизительный для Испании характер. Казалось, дальше идти некуда. Сагаста готов был сделать все, только бы избежать войны.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
Москва. Издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР, 1953

[56] Американские инвестиции на Кубе в 1898 г оценивались в 50 млн. долларов (см. Scott Nearing and Joseph Freeman. Dollar diplomacy. London, 1926, стр.173).

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Однако американский империализм хотел войны, и война не замедлила разразиться. 15 февраля, на другой день после опубликования упомянутого заявления испанского правительства, в Гаванском порту взорвался американский крейсер «Main», причем погибло около 200 человек. Точная причина катастрофы так и не была установлена, но она произошла очень кстати для американских империалистов. Теперь события понеслись со стремительной быстротой.

Правительство США отправило на Кубу комиссию для расследования причин катастрофы. Разумеется, комиссия пришла к выводу, что ответственность за гибель «Мэна» ложится на Испанию. Это вызвало новую волну антииспанской кампании в Америке. 9 марта 1898 г. конгресс США демонстративно вотировал кредит в 50 млн. долларов «на военные нужды». 20 марта правительство США ультимативно потребовало от Испании заключения мира с повстанцами не позже 15 апреля. Однако прежде чем Испания успела ответить на этот демарш, государственный секретарь Дэй сделал Испании новое предложение: назначить президента Мак-Кинли третейским судьей для установления независимости Кубы. Испания ответила контрпредложением: передать вопрос о причинах взрыва на «Мэне» международному арбитражу. Одновременно Сагаста заявил о своей готовности пойти навстречу кубинцам, в частности объявить амнистию инсургентам, если они обратятся к испанскому правительству с просьбой о перемирии. Такой оборот событий не входил в расчеты американских империалистов, и потому они поспешили принять меры к скорейшему развязыванию войны. 28 марта 1898 г. Мак-Кинли официально заявил, что причиной взрыва на «Мэне» явилась испанская мина. Это было использовано империалистическими элементами для нового беснования с требованием немедленного открытия военных действий.

Со своей стороны, испанское правительство прилагало огромные усилия, добиваясь вмешательства европейских великих держав в американо-испанский спор. С этой целью Сагаста вел переговоры во всех столицах — в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Петербурге, Риме, Ватикане. Однако никто не хотел вступать в серьезный конфликт с США из-за Испании. Даже Германия, с которой, как мы знаем, вожди реставрации поддерживали особенно дружественные отношения, заняла двусмысленную позицию. Сначала кайзер, исходя из агрессивных интересов собственной империи, носился с идеей создать антиамериканский блок европейских держав. Но, когда выяснилось, что благодаря противоречиям, существующим между этими державами, такой блок невозможен, Германия бросила Испанию на произвол судьбы. Франция проявляла известное сочувствие к Испании, однако, находясь как раз в этот момент в состоянии острого конфликта с Англией из-за Фашоды[57], не хотела вдобавок еще ссориться с США. Поэтому дальше посреднических услуг в испано-американском споре Франция не склонна была идти. Ватикан также симпатизировал Испании, как своей исконной «католической дочери», но и папа не считал возможным слишком резко выступать против заатлантической республики, в которой имелось много католиков, притом пользующихся в своей стране большим влиянием. Англия, наоборот, занимала скорее проамериканскую, чем происпанскую позицию, ибо как раз в этот период англо-американские отношения отличались особой «сердечностью», а сверх того британские политики считали, что если США должны где-то удовлетворить свой пробудившийся империалистический аппетит, то пусть это лучше делается за испанский, а не английский счет. Что касается России, Австро-Венгрии и Италии, то их непосредственные интересы слишком мало соприкасались с предметом испано-американского спора, для того, чтобы обнаруживать большую активность в этом деле.

В результате отчаянные усилия Сагасты «заинтересовать» европейские великие державы судьбой испанской империи принесли весьма скромные плоды. Папа Лев XIII предложил свое посредничество для установления на Кубе перемирия и проведения амнистии инсургентам. Испания охотно приняла это предложение, но США решительно его отклонили. 7 апреля 1898 г. послы Франции, Англии, России, Австро-Венгрии и Италии в Вашингтоне вручили правительству США идентичные ноты, в которых высказывалась надежда, что «чувство человечности и умеренности» американского президента и американского народа поможет мирному урегулированию испано-американского конфликта. Однако и этот коллективный демарш великих держав оказался бесплодным, ибо империалистические элементы США теперь больше, чем когда-либо, хотели войны. Все поведение европейских правительств убеждало их, что им нечего опасаться сколько-нибудь серьезной оппозиции с этой стороны, и они решили действовать.

---

[57] Фашода — город на Белом Ниле. В середине 90-х годов между Англией и Францией возникли осложнения на почве колониальных захватов в верховьях Нила. В июле 1898 г французский отряд под командой майора Маршана оккупировал Фашоду Англия резко протестовала пробив этого и заявила, что не допустит утверждения какой-либо другой державы в данном районе. Между Парижем и Лондоном началась острая полемика, во время которой британское правительство, возглавляемое нордом Солсбери, дало понять, что попытка Франции удержать Фашоду Может послужить поводом к войне. Тогда Франция пошла на уступки, и в ноябре 1898 г. Маршан эвакуировал Фашоду. Вслед затем между обеими державами начались дипломатические переговоры, которые привели к подписанию соглашения от 21 марта 1899 г. В соответствии с ним между Францией и Англией были установлены «сферы влияния» в восточной Африке, причем весь бассейн Верхнего Нила остался целиком за Англией.

11 апреля, т.е. через четыре дня после получения ноты великих держав, Мак-Кинли направил конгрессу послание, в котором открыто высказался в пользу вооруженного вмешательства США в кубинские дела. 19 апреля американский конгресс принял решение об объявлении войны Испании[58]. 21 апреля были разорваны дипломатические отношения между США и Испанией, а к 25 апреля обе стороны объявили о состоянии войны между ними.

Так началась война. Она длилась только четыре месяца и закончилась полным разгромом Испании. 1 мая 1898 г. в Манильском заливе на Филиппинах американский флот уничтожил испанскую эскадру, потеряв в бою… семь человек. Затем вернулся на родину Агинальдо и при содействии американцев, суливших Филиппинам независимость, раздул все время тлевший костер национально-освободительного движения филиппинцев против Испании. Это в сильной степени облегчило задачу США. 13 августа 1898 г. американские войска штурмом взяли Манилу и тем самым завершили покорение всего архипелага. Когда это произошло, США «забыли» о своем обещании, данном туземным повстанцам, и попросту аннексировали Филиппины.

3 июля того же 1898 г. американский флот уничтожил испанскую эскадру в заливе Сант-Яго на Кубе, потеряв в бою... одного и взяв в плен 1600 человек. 17 июля американским войскам сдался город Сант-Яго, столица Кубы. Затем американцы заняли без боя испанскую колонию Порто-Рико.

На этом военные действия закончились. Любопытны некоторые детали: США, накануне войны располагавшие регулярной армией в 28 тыс. человек, путем повторных призывов довели ее к августу 1898 г. до 275 тыс. (в том числе пехоты — 211, артиллерии — 20, кавалерии — 18 и инженерных войск — 4 тыс. человек); фактически участвовали в военных операциях с американской стороны — 51 тыс., из них на Кубе — 18, в Порто-Рико — 17 и на Филиппинах — 16 тыс. Общие потери американской армии в войне составили 1857 человек, в том числе 280 убитых. На стороне Испании было около 100 тыс. войск. Точных данных об их потерях не имеется, но едва ли они были велики, ибо за все время войны не произошло ни одного крупного сражения[59].

22 июля 1898 г., используя посредничество Франции, Сагаста предложил США мир. В этот момент германское правительство сделало попытку перехватить у американских империалистов часть их добычи: оно отправило в Манилу сильную эскадру, питая надежду, что обстоятельства позволят ей оккупировать столицу Филиппин. США возмущенно протестовали против намерений кайзера. Тогда Германия выдвинула проект «нейтрализации» Филиппин, но и тут она натолкнулась на решительное сопротивление американцев. Попытка кайзера привлечь на свою сторону Англию не удалась (англо-германское соперничество, сыгравшее такую крупную роль в развязывании первой мировой войны, уже началось), и ему пришлось после этого отказаться от своих филиппинских планов. В конечном счете, 12 августа 1898 г. был подписан прелиминарный, а 10 декабря того же года окончательный мирный договор между США и Испанией, по которому Куба и Порто-Рико объявлялись американскими владениями. Филиппины и крупнейший из Марианских островов — Гуам США «покупали»... за 20 млн. долларов.

Когда все это совершилось, на сцене опять появилась Германия. Кайзеру все-таки хотелось что-либо получить в результате разыгравшейся на его глазах империалистической свалки. Теперь он решил пойти на поклон США. Заручившись их согласием, Германия в 1899 г. купила у Испании последние еще остававшиеся у нее в Тихом океане владения — Каролинские и Марианские острова, за исключением «приобретенного» США Гуама.

Так кончилась первая, по характеристике Ленина, война империалистической эпохи. В ней столкнулись два империалистических государства — Америка и Испания, — оба обнаружившие свое зверское и реакционное лицо. В итоге этого столкновения Испания на рубеже XX столетия потеряла свои последние колониальные владения. Мировая испанская империя, в пределах которой три века назад никогда не заходило солнце, окончательно исчезла с лица земли.

РАЗЛОЖЕНИЕ РЕЖИМА РЕСТАВРАЦИИ (1898-1917)

ПОКОЛЕНИЕ 1898 г.

Военный разгром 1898 г. вызвал во всей Испании глубокое потрясение. Вскрылись все язвы и болячки режима реставрации. Банкротство господствующих классов стало очевидно даже слепым. Не только в умах демократических масс, но и в головах более дальновидных представителей буржуазии и помещиков родилась великая смута, встали десятки недоуменных вопросов и среди них самый главный что делать? Куда идти? Влияние испано-американской войны 1898 г. на внутренние отношения Испании можно в известной степени сравнить с влиянием Крымской войны 1854—1856 гг. на внутренние отношения тогдашней России. Однако четыре десятилетия,

---

[58] В палате представителей это решение было принято 301 голосом против шести при 38 воздержавшихся, в сенате — 421 против 35 при 12 воздержавшихся.

[59] В.Ермолов. Испано-американская война. (Отчет командированного к американским войскам на о. Кубу полковника генштаба Ермолова), СПб., 1899, стр.1, 4, 137, 138.

отделяющие одно событие от другого, — не говоря уже об общей разнице в исторических путях России и Испании, — внесли значительные изменения в характер последствий, вызванных обеими войнами.

Крымская война происходила в доимпериалистическую эпоху, когда носители буржуазного развития еще не потеряли окончательно способности проводить, хотя бы и под давлением снизу, крупные реформы, способствующие торжеству капиталистических начал. Поэтому более «модернизованная» часть русских помещиков, при поддержке нарождавшейся буржуазии, сумела в 1861 г. ликвидировать крепостное право и ввести в России некоторые элементарные условия буржуазного порядка (земство, городские думы, суд присяжных и т.п.). Правда, крестьянство было обделено «Манифестом 19 февраля», а гражданское «самоуправление» было отмерено так скупо, что о нем нельзя было говорить без улыбки. Но все-таки в существовавший до того абсолютистско-крепостнический режим были внесены серьезные структурные изменения, от которых мы ведем начало капиталистической формации в истории России.

Иначе было с испано-американской войной. Она разыгралась уже в эпоху империализма, когда носители буржуазного развития (будь то буржуазия или более модернизованная часть помещичьего класса вместе с буржуазией) стали реакционной силой, не только неспособной проводить какие-либо прогрессивные реформы, но наоборот, стремящейся повернуть колесо истории назад. Мы уже знаем., что тот помещичье-буржуазный блок, который стал в Испании у власти после конца пятой революции, с самого начала — еще в 70—80-х годах прошлого столетия — жил и действовал под лозунгом «время, остановись!» Тем менее склонен он был идти куда-то вперед, искать каких-то новых путей, вносить какие-то серьезные структурные изменения в сложившийся режим теперь, после катастрофы 1898 г., когда вся окружающая обстановка — международная и внутренняя — настойчиво диктовала ему политику реакции и философию мракобесия. Действительно, тщетно мы стали бы искать в действиях испанских господствующих классов начала XX века сколько-нибудь серьезных попыток сделать надлежащие выводы из пережитых потрясений и облечь их в форму сколько-нибудь крупных — пусть буржуазных! — реформ, способных вывести страну из затруднений. Самое же главное, тщетно мы стали бы искать каких-либо далеко идущих мероприятий, направленных к ликвидации огромных пережитков испанского феодализма в деревне.

Да что господствующие классы! То же самое мы видим и в более демократических слоях общественной пирамиды, например, среди мелкой буржуазии и интеллигенции. Лучшим примером тому может служить как раз в эти годы выдвинувшаяся на авансцену общественной и культурной жизни Испании группа писателей, ученых, философов, которую историки испанского общества окрестили именем «поколение 1898 года».

То была очень пестрая группа, пестрая по возрасту, взглядам, стремлениям, формам деятельности, характеру эволюция, персональным судьбам, которую объединяли лишь два момента: а) всех членов этой группы тревожило будущее родины, и б) все они отражали настроения, вызванные этой тревогой в кругах мелкой, по преимуществу, городской буржуазии.

Конечно, названная группа не родилась из ничего. Своими корнями она уходила в то движение радикальной, антиклерикальной интеллигенции конца XIX века, которое было связано с упоминавшимся выше «Институтом свободного образования», созданным по инициативе Франсиско Хинер де лос Риос. Однако крайний индивидуализм, свойственный мелко-буржуазной натуре, делал почти каждого из членов «поколения 1898 года» представителем особого течения или особого уклона мысли. В дальнейшем почти каждый из членов этой группы проделал свою особую эволюцию, которая некоторых из них в конечном счете поставила на полярно противоположные позиции. Познакомимся с более видными фигурами «поколения 1898 года».

На первом месте здесь несомненно стоят Хоакин Коста и Мигель де Унамуно.

Хоакин Коста (1846—1911) был выходцем из арагонской крестьянской семьи и провинциальным нотариусом по профессии. Как личность, он представлял очень своеобразное явление. Физически Коста был урод, его гигантское тело покоилось на хилых, почти детских ногах; в его природе была заложена органическая болезнь, и он умер, разбитый параличом. Однако голова Коста работала лихорадочно, и он оставил после себя свыше 40 томов совершенно энциклопедического содержания. Его труды охватывали вопросы истории, философии, политики, права, просвещения, фольклора, сельского хозяйства.

Политическая программа Коста состояла из двух частей — критической и положительной. Критическая была очень сильна и била не в бровь, а в глаз. Она была изложена в большом труде «Oligarquia y Casiquismo como la forma actual de gobierno de Espana» («Олигархия и касикизм, как фактическая форма правления в Испании») и подвергала совершенно уничтожающему анализу режим, созданный реставрацией.

Однако, когда Коста далее переходил к положительной части своей программы и пытался дать ответ на вопрос, что же надо сделать для спасения Испании, сразу обнаруживалась мелкобуржуазная ограниченность его мышления. Освещению данной проблемы посвящены его книги «Reconstitucion y Europeizacion de Espana» («Возрождение и европеизация Испании») и

«Crisis Politica de Espana» («Испанский политический кризис»), появившиеся на рубеже XX века, и если суммировать их содержание, то в двух словах оно сводится к следующему Испании для ее спасения необходимы две вещи — просвещение и экономическое развитие. И для того, чтобы не было сомнений, о чем идет речь, Коста неоднократно подчеркивает: нам (т.е. Испании) нужны не риторические призывы к прошлому, а сугубо деловая и прозаическая «европеизация». Если мы хотим жить, то должны стать европейцами!

Однако, о какой «европеизации» мечтал Коста? Коста был далек от социализма и рабочего движения. Духовные порывы Коста не выходили за рамки буржуазного радикализма и республиканизма. Стало быть, «европеизация», которой Коста хотел для своей страны, была буржуазно-демократической «европеизацией». Испания должна была превратиться в страну типа

Франции или Бельгии, должна была сбросить с себя многочисленные пережитки средневековья, должна была стать «демократией» в том смысле, в каком этот термин употреблялся в начале XX века на Западе. В своих планах и размышлениях Коста, однако, никогда серьезно не ставил вопрос о полной ликвидации пережитков феодализма в Испании.

Такова была теория Коста. Но у него была и практика. Кто, какие социальные силы должны были взяться за осуществление положительной программы Коста? Автор программы на поставленный вопрос отвечал: «нейтральные классы». Что означало это выражение? Манифест, опубликованный Коста 13 ноября 1898 г., был адресован «сельскохозяйственным и торговым палатам, профессиональным союзам и гильдиям, центрам и клубам фермеров, промышленников, купцов и т.д.». Совершенно очевидно, что на языке Коста «нейтральные классы» — это псевдоним мелкой и средней буржуазии (хотя «по пути» были захвачены и профессиональные союзы). Коста несомненно сильно идеализировал городскую мелкую буржуазию, особенно ремесленников, и возлагал на нее такие надежды, которые она в обстановке XX века никак не могла оправдать.

Коста не остановился на академических рассуждениях. Он сделал попытку претворить свои идеи в жизнь. В феврале 1899 г. Коста образовал в Сарагосе «Liga Nacional de productores» («Национальная лига производителей»), а в 1900 г. — «Union Nacional» («Национальный союз») в Вальядолиде. Конечно, из этих попыток ничего серьезного не вышло. Коста попробовал тогда сделать ставку на «Union Republicana» («Республиканский союз»), но и здесь ему посчастливилось не больше. В 1903 г. его выбрали в кортесы одновременно от Мадрида, Сарагосы и Хероны, — это свидетельствовало о личной популярности Косты. Но движение, которое он пытался создать, по-прежнему оставалось мертворожденным. Тогда, глубоко уязвленный и почти отчаявшийся, Коста бросился в крайний индивидуализм и стал мечтать о роли «героя», который приносит спасение темной и не понимающей его «толпе». С этими мечтами Коста и умер в 1911 г.

Иную фигуру представлял собой Мигель де Унамуно (1864—1937). Баск по национальности, профессор, изучающий греческие древности, он жил в мире прошлого и избегал контакта с современностью. Занимая должность ректора университета в Саламанке, Унамуно в течение многих лет не выезжал за пределы своего города. Визиты в Мадрид были редким событием в его жизни. За границей он никогда не бывал, да и не проявлял никакого интереса к Европе. Больше того: он не любил Европы, которая отталкивала его звериным лицом капитализма, и в противовес этому искал положительные стороны в феодальном прошлом Испании, объективно скатываясь к идеализации средневековых порядков. Здесь он рекомендовал искать вдохновения при разрешении проблем современности, так остро ставших перед Испанией после 1898 г. Все лучшее, что имеется в прошлом, должно быть использовано для преодоления болезней настоящего. Что касается философских взглядов Унамуно, то в общем и целом он являлся субъективным идеалистом и почерпнул основные элементы своей концепции у немецких неогегельянцев.

Не в пример Коста, Унамуно никогда не пытался создавать партии или организации для осуществления своих теорий. Однако его духовное влияние в годы, следовавшие за катастрофой 1898 г., было очень велико.

Несмотря на весь свой историко-философский консерватизм, Унамуно оказался в оппозиции к фашистским диктатурам последующих десятилетий. В период господства Примо де Ривера (1923—1930) он был сослан на Канарские острова. Режим Франко стоил ему жизни. Во время войны 1936—1939 гг. Унамуно, как житель Саламанки, оказался на территории, занятой фашистами. Однажды, в 1937 г., старый философ был приглашен на собрание интеллигенции, созванное франкистами в целях привлечения ее на свою сторону. Доклад был сделан генералом Астраем, одним из самых махровых представителей реакционной испанской военщины: Унамуно выслушал доклад и затем бросил реплику: «вы можете победить, но вы не можете убедить». Эта реплика вызвала у генерала Астрая взрыв бешенства, и он, не выдержав роли, с яростью воскликнул: «смерть интеллигенции!». Спустя некоторое время в печати появилось сообщение, что профессор Унамуно скончался...

Мы не можем здесь подробно останавливаться на других представителях «поколения 1898 года». Ограничимся кратким перечнем некоторых, более видных из них.

Пио Бароха (1872), популярный романист несколько анархистского уклона. В своих первых

произведениях — «Красная Заря», «Путь к совершенству» и др. — он выступал резким критиком существующего порядка вещей. Однако революционные события 1909 г. в Каталонии, о которых речь будет ниже, напугали Бароха и отбросили вправо. Последующий консерватизм романиста не спас его, однако, от опалы в глазах франкистов, и сейчас они тщательно изымают его творения из публичных библиотек.

Хосе Ортега-и-Гассет (1883), публицист и профессор, воспитанник «марбургской философской школы» и горячий проповедник «европеизации» Испании на путях превращения ее в страну звериного капитализма. В 30-х годах Ортега-и-Гассет стал одним из идеологов испанского фашизма и энергично поддерживал франкистский режим. В последние годы, накануне своей смерти, Ортега-и-Гассет стал переходить в оппозицию к Франко и поддерживал студенческое движение начала 50-х гг.

Рамиро Маесту (1875—1936), англо-баск, политический журналист, эссеист и философ-эклектик, стремившийся сочетать «европеизацию» Испании с сохранением ее «исторических традиций». События 1909 г. напугали Маесту. Он стал одним из крестоносцев против «гидры революции». После Октября Маесту сделался ярым врагом Советской России и горячим сторонником интервенции. Он так и умер врагом «советского коммунизма».

Хосе Асорин (1874), популярный бытописатель и романист, эстет-индивидуалист, в первые годы после катастрофы 1898 г. проникнутый буржуазно-демократическими стремлениями, но затем, после событий 1909 г., сильно поправевший. В ходе дальнейших событий Асорин обычно занимал сдержанную «внепартийную» позицию. Такую позицию он занимает и в наши дни.

Однако наряду с представителями «поколения 1898 года», эволюционировавшими вправо, имелись и такие представители, которые напротив эволюционировали влево. Из них особенного внимания заслуживают двое — Антонио Мачадо и Валье-Инклан.

Антонио Мачадо (1875—1939) был талантливый поэт, стихийно тяготевший к народу. Он не делал никакой дифференциации народных масс, ему были чужды марксистские понятия о классах, но он считал, что только народ, только простые люди страны могут быть надежной опорой в столь критический момент истории, какой наступил для Испании после 1898 г. Революционные события 1909 г. толкнули Мачадо не вправо, а влево. В годы гражданской войны и интервенции (1936—1939) Мачадо был ревностным республиканцем. Вместе с остатками республиканской армии он отступил в 1939 г. во Францию, где и умер. Мачадо с большой симпатией относился к СССР.

Рамон Валье-Инклан (1870—1936), писатель и поэт. В начале своей деятельности он выступал (например, в своих «Сонатах») резким критиком испанской буржуазии и противопоставлял ей в порядке какой-то иронической идеализации представителей крупного землевладения. В дальнейшем, однако, Валье-Инклан перешел (в своих романах о второй карлистской войне) к критике феодальной реакции. В эпоху первой мировой войны он стал антимилитаристом. Валье-Инклан приветствовал Октябрьскую революцию в России и после того превратился в горячего сторонника СССР.

Несмотря на все свои слабости и недостатки, «поколение 1898 года» сыграло заметную роль в истории общественной мысли Испании и явилось дальнейшим шагом в ходе ее развития.

Тем не менее, как всякое «надстроечное» явление, описанное движение лишь отражало другие, более глубокие процессы, которые происходили в то время в толще испанской жизни.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИСПАНИИ[60]

Важнейшим из процессов, о которых идет речь, было ускорение капиталистического развития Испании в годы, последовавшие за испано-американской войной.

Мы видели, что современный капитализм стал пускать в Испании корни с 30—40-х годов XIX века и что в последней четверти этого века он начал превращаться в фактор более серьезного экономического и политического значения. Мы видели также, что хотя темпы роста испанской промышленности в эпоху реставрации были очень велики, абсолютные размеры ее все еще оставались чрезвычайно скромными. С наступлением XX столетия положение существенно изменилось. Некоторые цифры и факты могут дать об этом достаточно убедительное представление. Однако прежде чем перейти к ним, мы должны сделать два предварительных замечания.

Первое замечание сводится к следующему. В капиталистическом развитии Испании рассматриваемого периода чрезвычайно крупную роль сыграла первая мировая война. Как известно, Испания не участвовала в ней, заняв официальную позицию нейтралитета. Это означало, что господствовавшие классы Испании «играли на два стола», т.е. зарабатывали на снабжении и оказании услуг обеим сторонам — как державам Антанты, так и державам германского блока.

---

[60] В основу настоящей главы положены работы: «Испания в цифрах», М, 1936; J.Seballos Teresi. La realidad economica y financiera de Espana en los 30 anos del presente siglo Madrid, 1931, J.Baelen Principaux traits du developpement economique de l'Espagne Paris, 1924; Annuaire Statistique, Paris, 1937.

Результатом было то, что за время первой мировой войны в народное хозяйство Испании влилось около 12 млрд. песет золота, что курс песеты окреп, что обычно отрицательный торговый баланс превратился в положительный и что золотой запас государственного банка увеличился почти в 4 раза[61]. А это в свою очередь не осталось без влияния на испанские промышленность, транспорт и торговлю. Таким образом, война 1914—1918 гг. явилась сильным толчком в деле развития испанского капитализма.

Второе замечание касается форм и характера этого развития. В итоге войны 1898 г. Испания потеряла свои последние колонии. После того у нее осталась лишь узкая полоса северного Марокко, в большей части которой она являлась лишь номинальным хозяином, да бесплодная территория Рио де Оро на северо-западном берегу Африки. В XX столетие Испания вступила державой второго ранга, лишенной своих когда-то огромных заморских владений, и в обстановке все обостряющихся империалистических противоречий она неизбежно должна была стать и действительно стала страной, зависимой от крупнейших империалистических держав нашей эпохи. Это сказывалось в ее внешней политике. Это также сказывалось в некоторых специфических чертах ее капиталистического развития. Из них особенно важное значение имели три:

1. Большое количество иностранного капитала, вложенного в промышленные, транспортные и торговые предприятия Испании.

2. Захват иностранным капиталом ключевых позиций в испанском народном хозяйстве, благодаря чему роль его еще больше возрастала, — в частности, его доминирующее положение в испанской тяжелой промышленности и испанском транспорте (до 1920 г.). Напротив, испанский капитал преобладал в легкой индустрии, в особенности в текстильном производстве.

3. Искусственное сдерживание иностранным капиталом развития испанской металлургии, вывоз подавляющей массы добываемой в Испании железной руды за границу и превращение благодаря этому Испании лишь в сырьевую базу более развитых империалистических держав.

Все указанные обстоятельства искривляли нормальный ход капиталистического развития страны и делали Испанию игрушкой в руках империалистических хищников Лондона, Парижа, Берлина и Вашингтона Конечно, существовал также «испанский империализм», носителями которого в первую очередь являлись крупнокапиталистические круги, двор и генералитет, но в сложившейся обстановке то был лишь «дохлый империализм», империализм гиены, которая стремится урвать себе маленький кусочек из объедков от пиршества крупных зверей.

Ниже мы увидим на конкретных примерах, к чему это приводило на практике.

После только что сделанных предварительных замечаний мы можем уже обратиться к различным фактам и цифрам, характеризующим капиталистическое развитие Испании в рассматриваемый период[62].

Остановимся, прежде всего, на тяжелой индустрии. Здесь мы наблюдаем следующую картину:

Годы	Уголь млн. тонн	Чугун тыс. тонн	Сталь тыс. тонн
1900	2,7	295	198
1930	7,0	616	925

Итак, за 30 лет добыча угля возросла на 159%, выплавка чугуна — на 109% и стали — на 363%, но абсолютные размеры производства, особенно в металлургии, довольно скромны.

Действительно, к моменту шестой революции Испания не перешагнула даже за первый миллион тонн стали! Именно здесь ярче всего сказывалась тормозящая рука иностранного капитала, о которой речь была выше. Еще бы: по данным 1920 г., в испанском горнопромышленном производстве имелось 203 испанских компании с суммарным капиталом в 530 млн. песет и 58 иностранных обществ с суммарным капиталом в 665 млн. песет (в том числе 29 английских предприятий с капиталом в 550 млн. песет). Таким образом, испанская тяжелая

---

[61] Курс испанской песеты в отношении американского доллара составлял- 1915 г. — 5,23 песеты за доллар, 1916 г. — 4,80, 1917 г. — 4,13, 1918 г. — 3,50. В 1915—1918 гг. общая сумма положительного сальдо во внешней торговле Испании составила 1667 млн песет, в то время как до того отрицательный торговый баланс был обычным явлением в товарообороте страны за границей. Золотой запас банка Испании в 1914 г равнялся 567 млн песет, а в 1918 г. — 2223 млн песет. Сверх того, за время войны Испания освободилась почти от всего своего внешнего долга, в частносш выкупила у французов и англичан свои железные дороги.

[62] Хотя, как уже упоминалось в предисловии, настоящая работа охватывает лишь 1808—1917 гг испанской истории, сейчас, характеризуя капиталистическое развитие страны в начале XX века, мы приводим цифры и факты, относящиеся к 1900—1930 гг, т е несколько выходим за хронологические рамки общего изложения Это объясняется тем, что в сфере экономической названное 30-летие, подводящее нас вплотную к шестой испанской революции 1931—1939 гг, представляет известную цельность, которую неудобно ограничивать 1917 г. К тому же в «Заключении» мы даем краткую характеристику исторических событий, совершившихся после 1917 г.

промышленность больше чем наполовину принадлежала иностранному капиталу, причем в его руках были самые ценные и важные предприятия. Достаточно сопоставить только следующие две цифры: на одну испанскую компанию в среднем приходилось 2,6 млн., а на одну иностранную компанию — 11,4 млн. песет капитала.

Ход развития тяжелой промышленности (и то же характерно было для многих других отраслей производства) станет особенно наглядным, если мы сравним его по трем разделам периода: до войны 1914—1918 гг., во время этой войны и после ее окончания.

Средняя годовая добыча

Годы	Угля млн. тонн	Чугуна тыс. тонн	Стали тыс. тонн
1900—1913 . .	3,5	352	231
1914—1918 . .	5,6	423	568
1919—1930 . .	6,1	454	532

Крупная роль войны в развитии тяжелой индустрии выступает здесь совершенно очевидно, особенно в отношении угля и чугуна.

Зато в области добычи железной руды рассматриваемый период принес Испании серьезный урон, объяснявшийся главным образом ослаблением после первой мировой войны британской металлургии — основного потребителя этого испанского продукта. В самом деле, средняя годовая добыча железной руды за 1900—1913 гг. составляла 8,8 млн. тонн, в 1914—1918 гг. она упала до 5,7 млн., а в 1919—1930 гг. — даже до 4,2 млн. тонн.

Плохо развивалась на протяжении интересующего нас периода и цветная металлургия. Так, выплавка меди в Испании между 1900 и 1930 гг. возросла с 40,7 до 45,1 тыс. тонн, выплавка цинка — с 5,6 до 10,7 тыс. тонн, добыча свинца упала с 172 до 122 тыс. тонн, добыча ртути — с 1112 до 663 тонн. Тут опять, конечно, сказывалась враждебная рука иностранного капитала.

Значительное, хотя и не очень крупное, развитие на протяжении 1900—1930 гг. обнаружило машино- и судостроение. В силу несовершенства испанской статистики его трудно учесть в точных цифрах, но некоторое представление о происходивших здесь процессах могут дать следующие факты: в 1901 г. в Бильбао было создано «Sociedad Espanola de construcciones metallicas» («Испанское общество металлических конструкций»); в 1904 г. был построен автомобильный завод «Hispano-Suiza» в Барселоне; в 1909 г. были открыты верфи в Картахене, Ферроле, Нервьоне и некоторых других местах; в 1914 г. вступил в действие завод сельскохозяйственных машин «Ajuria y Aranzabol»; в 1920 г. завод Эчаварриа стал изготовлять электрические печи; в 1921 г. был сильно расширен вагоностроительный завод Бесена и т.д. Таких примеров можно было бы привести немало. Конечно, и здесь большую роль играл иностранный капитал, но все-таки производство машин и судов на испанской почве постепенно возрастало.

Чрезвычайно крупные успехи за рассматриваемый период отмечались в области энергетики, чему в сильной степени способствовало наличие в Испании больших запасов белого угля. Первая высоковольтная установка близ Мадрида была построена в 1898 г.; в 1917 г. энергетические предприятия насчитывали 882 тыс., а в 1922 г. уже 1202 тыс. лошадиных сил. Особенно крупное развитие энергетика получила в районах Мадрида и Барселоны. Общая сумма вложенного в энергетику капитала в 1920 г. достигала 2 млрд. песет.

В 20-х годах в Испании стала возникать химическая промышленность (включая производство искусственного шелка), но вплоть до революции 1931 г. она не получила большого развития.

Старая коронная промышленность Испании — текстильная — на протяжении рассматриваемого периода сохранила свои позиции, однако не обнаружила особенно крупного развития. Число веретен, достигавшее в 1903 г. 1700 тыс., составляло в 1930 г. — 1875 тыс., но потребление хлопка возросло с 662 тыс. метрических квинталов до 1002 тыс. Очевидно, рационализации производства и производительность труда за эти 30 лет сделали значительный шаг вперед. Девять десятых текстильной промышленности по-прежнему концентрировались в Каталонии и, прежде всего, в Барселоне.

Параллельно шел прогресс и в сфере транспорта. Длина шоссейных дорог за период 1900 — 1930 гг. возросла с 36 до 77 тыс. км, а длина железнодорожной сети — с 12900 до 15895 км[63]. Водоизмещение торгового флота Испании в 1900 г. равнялось 775 тыс. тонн, к 1930 г., несмотря на гибель 140 тыс. тонн во время войны 1914—1918 гг., оно увеличил ось до 1276 тыс. тонн.

И. М. МАЙСКИЙ

ИСПАНИЯ 1808–1917

[63] Здесь следует отметить, что во время первой мировой войны большая часть железных дорог была выкуплена Испанией из рук иностранцев (главным образом французов и англичан) и перешла в рухи испанских частных обществ, гарантируемых или даже субсидируемых государством.

Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР 1959

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

То же самое происходило и в области внешней торговли. Вот что говорят цифры:

Год	Импорт млн.	Экспорт песет
1900	986	836
1930	2447	2300

Иными словами, ввоз и вывоз Испании за 30 лет увеличились в два с половиной раза. Однако с учетом роста населения общий товарооборот в среднем на душу составлял: в 1900 г. — 98, а в 1930 г. — 201 песету.

Характерной чертой испанской внешней торговли является ее систематическая пассивность. За исключением четырех лет первой мировой войны, давшей, как мы видели, довольно крупное положительное сальдо, все остальные годы сводились с отрицательным балансом. Если взять весь этот 30-летний период, то получим следующие суммарные цифры:

	млн. песет
Импорт	47 912
Экспорт	38 860
Отрицательное сальдо	9052

Как покрывала Испания это отрицательное сальдо? Точных цифр по данному вопросу нет, однако, есть много оснований полагать, что такое покрытие производилось за счет прибылей с инвестированного за границей испанского капитала, за счет иностранных туристов, посещающих Испанию, за счет фрахтов испанского флота по перевозке иностранных товаров, но самое главное и основное — за счет денежных переводов на родину испанских эмигрантов и рабочих из других стран, в особенности из стран Латинской Америки. Насколько серьезен этот последний источник «невидимого экспорта», можно судить по тому, что, например, в течение одного лишь 1920 г. общая сумма таких переводов составила около 1 млрд. песет[64].

Что касается географического распределения испанской внешней торговли, то в порядке убывающей важности она велась с Францией, Англией, США, Германией, Кубой и др. Торговля между Испанией и Россией была сравнительно невелика количественно, но имела серьезное значение качественно, ибо Испания ввозила из России зерно. Да, как это ни покажется странным, Испания — страна с огромным преобладанием сельского хозяйства — вынуждена была из года в год импортировать известное количество продовольствия из-за границы (главным образом из России и Аргентины). Таково было последствие засилия феодальных пережитков в деревне. В 1913—1914 гг. общий оборот русско-испанской торговли колебался около 50 млн. песет в год, во время первой мировой войны он стал постепенно снижаться и дошел почти до нуля в 1918—1930 гг.

Структура внешней торговли Испании явно отражала общий уровень ее капиталистического развития: даже в 20-х годах, уже после окончания первой мировой войны, около двух третей испанского экспорта составляли сырье и продовольствие и около половины импорта — готовые изделия. Типичная картина для стран, зависимых от крупных империалистических держав

Общая сумма иностранного капитала, вложенного в Испании, на протяжении рассматриваемого периода, естественно, обнаруживала известные колебания. Так, например, по оценке испанского министерства финансов в 1915 г. эта сумма достигала 1300 млн. песет, из которых 54% приходилось на долю английского и 35% на долю французского капитала. После выкупа железных дорог, произведенного во время первой мировой войны, количество иностранного капитала, несмотря на некоторые новые инвестиции, несколько сократилось и, по оценкам 1930 г., достигало примерно 1 млрд. песет, распределяясь по национальному признаку следующим образом:

	%
Английский капитал	40
Американский капитал	23
Французский капитал	18
Германский капитал	9
Бельгийский капитал . . .	6
Швейцарский капитал	4
	100

Как видим, Англия по-прежнему сохраняла в этой области ведущую роль, хотя процент ее вложений понизился по сравнению с 1915 г. Вложения английского капитала концентрировались главным образом в тяжелой индустрии, в судостроении и в энергетике. Почти все снабжение Каталонии электрическим током находилось в английских руках. Второе место занимали США, оттеснив Францию на третье место. Вся телеграфно-телефонная сеть Испании принадлежала

[64] F.Jellinek. The civil war in Spain London, 1938, стр.67.

«International Telegraph and Telefon Corporation of New-York» («Международной телеграфно-телефонной компании Нью-Йорка»), вложившей в это дело 40 млн. долларов Французский капитал оперировал преимущественно в горном деле Андалусии (Пеньярройя и Альпухара). Германский капитал был инвестирован в горном деле, в химической промышленности и в энергетике, не имея, впрочем, особенно крупного значения в испанской экономике. Бельгийский капитал был разбросан небольшими сгустками по горному делу и коммунальному хозяйству, а швейцарский был инвестирован почти исключительно в коммунальном хозяйстве Общая сумма иностранного капитала в абсолютных цифрах была не так уж велика (она едва ли превышала 15—20% всего капитала, вложенного в промышленность, транспорт и торговлю Испании), однако влияние его на экономику и политику страны непропорционально возрастало благодаря тому, что в руках «варягов» оказывался ряд важнейших командных высот народного хозяйства Испании.

Конечно, успехи капиталистического развития не могли не отразиться на социальной структуре страны. Постепенно происходила передвижка населения из деревни в город, из сельского хозяйства в промышленность, транспорт и торговлю. Постепенно шло также классовое расслоение общества: с одной стороны, увеличивалась концентрация капитала в руках крупной буржуазии и все теснее срастившегося с ней крупного землевладения, с другой стороны, возрастала численность пролетариата, находившего все большую поддержку в широких массах деревенской бедноты и городской мелкой буржуазии. Испанский экономист Себальос Тереси приводит следующие любопытные данные, характеризующие совершавшиеся в данной области изменения: в 1919 г. из общего количества населения Испании в 21994 тыс. насчитывалось:

	Тыс.	%
Самодеятельных	7 766	35
Несамодеятельных	14 234	65
	21 994	100

Все самодеятельные по роду занятий распределялись следующим образом[65]:

	Тыс.	%
В сельском хозяйстве . . .	5368	69,1
В промышленности	1650	21,2
В торговле	308	4,0
В транспорте	154	2,0
В свободных профессиях .	286	3,7
	7766	100

Итак, почти 70% населения жило от сельского хозяйства и около 30% было занято в промышленности, транспорте, торговле и интеллектуальных профессиях. Общее число городских рабочих доходило до 2 млн.; батраков (не считая мелких крестьян) было во всяком случае не меньше. Таким образом, общая численность пролетариата на исходе первой мировой войны определялась примерно в 4 млн. человек. К революции 1931 г. она поднялась до 4,5—5 млн.

Впрочем, ускорение развития капитализма в описываемый период не ограничивалось только областью промышленности, транспорта, торговли, финансов. То же самое наблюдалось и в основной сфере испанской экономики — в сельском хозяйстве.

Проникновение капиталистических элементов в эту сферу имеет длинную историю, с отдельными моментами которой мы не раз встречались в предыдущем изложении. Сейчас достаточно будет напомнить, что первые четыре революции (1808—1814, 1820—1823, 1833—1843, 1854—1856 гг.), не осмеливаясь поставить всерьез вопрос о ликвидации крупного помещичьего землевладения, в то же время принимали некоторые меры к «дезамортизации», т.е. отчуждению земель церковных, государственных и общинных. Степень решительности в проведении «дезамортизации» варьировалась от революции к революции; реакция в периоды своего торжества аннулировала многое из того, что было в этой области сделано революциями. Но все-таки к 60—70-м годам прошлого столетия большая часть церковных и общинных земель была отчуждена и распродана, причем она попала не в руки беднейшего крестьянства, в интересах которого официально якобы производилось отчуждение, а стала собственностью крупных помещиков, капиталистов, кулаков — вообще людей с деньгами. Тем самым, наряду со старинными наследственными поместьями, имевшими феодальное происхождение, возникли новоиспеченные покупные поместья, имевшие происхождение чисто капиталистическое и являвшиеся, естественно, носителями «буржуазного духа». В дальнейшем, в эпоху реставрации и особенно после катастрофы 1898 г., аграрные «нувориши», а также некоторые «потомственные, почетные» помещики, вплоть до знатнейших аристократов и членов королевской фамилии, стали все более втягиваться в капиталистические операции. Формы данного процесса были различны. Одни заводили в своих имениях крупные интенсивного типа хозяйства с широким применением

[65] I.Ceballos Teresi. La realidad economica y financiera de Espana en los 30 anos del presente siglo. Madrid, 1931.

машин и наемного труда, разводили технические культуры, строили маслобойные, сахарные и другие заводы, — это наблюдалось особенно в Андалусии. Другие вступали пайщиками в горные, промышленные, финансовые, транспортные, торговые предприятия, постепенно все больше превращаясь в капиталистов. Третьи сочетали и то и другое.

Прекрасным образчиком этого последнего типа являлся уже знакомый нам лидер либералов граф Романонес — богатейший помещик и одновременно крупнейший промышленник в области горного дела. Еще более ярким примером того же был король Альфонс XIII. Согласно данным министерства финансов, опубликованным вскоре после революции 1931 г., все личное имущество бывшего монарха оценивалось в 26 млн. песет, из которых в золоте было 854 тыс., в недвижимой собственности — 788 тыс. и в ценных бумагах — 24547 тыс. Из этой последней суммы свыше 14388 тыс., или около 60%, приходилось на долю иностранных бумаг. Крайне показательно, что деньги короля оказывались вложенными в акции Аргентинского ипотечного банка (почти 3 млн. песет). Англо-голландской нефтяной компании Шелл (почти 2 млн.), Американской железнодорожной компании «Унион пасифик» (свыше 1 млн.), английских медных рудников в Испании Рио Тинто (700 тыс.), Международной компании спальных вагонов «Вагон ли» (672 тыс.) и т.д. Остальные 10 млн. песет были инвестированы в различные испанские общества и предприятия, включая заем города Мадрида и государственную нефтяную монополию «Кампса». Вся королевская семья в целом, т.е. Альфонс XIII, его мать Мария-Христина, его жена и пятеро детей, располагала состоянием в 85 млн. песет, из которых 76 млн. были подобным же образом инвестированы в ценные бумаги иностранных и испанских компаний[66].

Таков был один путь проникновения капитализма в сферу сельского хозяйства. Но был и другой — через сельскохозяйственную кооперацию и различные формы государственного, общественного и частного кредита.

Испанская сельскохозяйственная кооперация отличалась большим разнообразием. В ее рядах встречались потребительские, сбытовые, производственные, кредитные, поземельные товарищества примерно того же общекооперативного типа, который в начале этого века был широко распространен в Германии, Франции, Италии и других западных странах. В ее рядах встречались далее многочисленные католические кооперативы, тесно связанные с церковью. В ее рядах, наконец, встречались государственно-кооперативные организации специфически испанского характера вроде «поситос» и «колоний»[67]. В 1928 г. возникла «Национальная федерация кооперативных обществ Испании», объединившая большую часть существовавших тогда товариществ и ставшая членом Международного кооперативного альянса. При всем разнообразии своих видов испанская сельскохозяйственная кооперация (как, впрочем, и сельскохозяйственная кооперация других западных стран) имела две общие всем ее формам черты: во-первых, она в сильнейшей степени зависела от финансового капитала со всеми вытекающими отсюда последствиями; во-вторых, она, как правило, оказывала помощь не деревенской бедноте, а кулачеству и более зажиточным элементам крестьянства.

Не менее разнообразный характер носили и формы кредита, распространенного в испанском сельском хозяйстве. Тут было и простое ростовщичество со ставками до 100%; тут был и банковский кредит землевладельцам и «колониям»; тут был и государственный ипотечный кредит; тут были и так называемые «гидрографические конфедерации» для ирригации бассейнов Эбро, Дуэро, Гвадалквивира и других рек Испании, получающие средства от местного населения и субсидируемые банками, муниципалитетами и государством; тут была, наконец, «Servicio Nacional de Credito Agricola» («Национальная служба сельскохозяйственного кредита»), орган министерства земледелия, кредитующий через «Национальный институт социального обеспечения» сельскохозяйственные кооперативы, «поситос», «колонии» и даже отдельных земледельцев. Конечно, все эти формы кредита, в конечном счете, также являлись каналами, через которые финансовый капитал подчинял себе сельское хозяйство. И, конечно, известные помощь и

---

[66] Б.Минлос. Аграрный вопрос в Испании. М., 1934, стр.56.

[67] «Поситос» возникли еще в XVI веке. Первоначально они представляли запасные склады общественного зерна, которые использовались в слупе неурожая, голода, войны и т.п. В дальнейшем «поситос» нередко служили орудием эксплуатации населения со стороны господствующего класса крестьян заставляли без нужды брать хлеб под высокий процент. В XX столетии «поситос» были реорганизованы и превращены в кредитные учреждения, сочетающие функции сберкассы с функциями государственного и кооперативного кредита «Поситос» оказывают кредит как деньгами, так и натурой «Колонии» — это поселения, созданные на основе так называемого закона Бесада 1907 г. Крестьяне, получившие по этому закону землю, принудительно селятся в определенных местах и принудительно же объединяются в кооперативы потребительского и кредитно-сбытового характера. Ни один такой крестьянин не может покинуть своего участка раньше, чем через 10 лет. Примо де Ривера законом 1926 г. содействовал расширению подобной «колонизации», задаваясь целью несколько смягчить остроту классовой борьбы в деревне. Конечно, это было покушением с негодными средствами. За весь период действия обоих законов (1907—1930) было посажено на землю всего лишь 5500 семей — капля в море! Общее число батраков и парцеллярных крестьян в те годы достигало 4 млн. человек (см. Б.Минлос Аграрный вопрос в Испании, стр.58, 64—65).

поддержка опять таки оказывались не батракам и мелким крестьянам, а более «крепким» элементам деревни.

Таков был второй путь проникновения капитализма в сферу сельского хозяйства.

В результате с каждым годом множились признаки, свидетельствовавшие о постепенном укреплении капиталистических начал в аграрной области, — такие, как все большее распространение денежной аренды и наемного труда, все большее развитие крупного сельскохозяйственного производства с применением машинной техники, все больший разворот промышленности по переработке сельскохозяйственных продуктов и т.п. Однако эти новые, капиталистические формы не вытесняли полностью старые, феодальные. Слишком часто происходило самое причудливое смешение пережитков прошлого с явлениями настоящего; слишком часто капитализм использовал для своих целей методы эксплуатации, выработанные феодальной эпохой; слишком часто он создавал различные гибридные формы эксплуатации, представлявшие болезненную амальгаму старого с новым. Деревенской бедноте от этого не становилось легче. Наоборот, ей нередко приходилось страдать под двойным гнетом — и помещика, и капиталиста. Как бы то ни было, но ускорение развития капитализма, характеризовавшее весь этот период в целом, находило свое достаточно яркое отражение и в сфере сельского хозяйства.

И все-таки Испания тех лет была экономически еще сравнительно мало развитой страной. Об этом лучше всего свидетельствуют данные 1930 г. (из расчета на душу населения):

	Угля	Чугуна кг	Стали	Электроэнергии квт-ч
В Испании	300	26	38	108
Во Франции	1283	238	225	365
В Германии	2200	150	175	446
В Англии	5400	137	162	360

Картина получается весьма красноречивая. Если взять даже наиболее благоприятный для Испании показатель — выработку электроэнергии, — то и здесь окажется, что ее цифры в 3—4 раза ниже цифр капиталистически развитых государств. По другим показателям дело обстоит гораздо хуже: здесь испанские цифры сплошь да рядом ниже французских, немецких, английских в 5, 7, 9 и даже 18 (Испания — Англия в области добычи угля) раз. Конечно, по сравнению с эпохой испано-американской войны Испания сделала весьма значительный шаг вперед, однако было бы ошибкой переоценивать значение этого шага.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ в ПРАВЯЩЕМ БЛОКЕ

Развитие капитализма, о котором речь шла на предыдущих страницах, имело важные социальные и политические последствия. Из них самым главным было изменение в соотношении сил между различными классами испанского общества и обострение классовой борьбы. С указанной точки зрения весь 33-летний период, лежащий между 1898 и 1931 гг., может быть разделен на два этапа: первый, охватывающий 1898—1917 гг., характеризовался все ускоряющимся процессом разложения режима реставрации, как он сложился в последней четверти XIX века; второй, охватывающий 1918—1931 гг., явился эпохой кризиса и падения Бурбонской монархии. Водоразделом между этими двумя этапами была Великая Октябрьская социалистическая революция в России, оказавшая сильное влияние на все внутреннее развитие Испании.

Остановимся сначала на событиях первого этапа. Обострение классовой борьбы, так явственно обнаружившееся с начала нынешнего столетия, имело два главных аспекта. С одной стороны, в результате этого обострения происходили значительные передвижки внутри того помещичье-буржуазного блока, который, как мы знаем, был основой режима реставрации и базой прусского пути развития Испании. С другой стороны, в результате того же обострения чрезвычайно усилилась борьба пролетариата и крестьянства против господствующих классов, временами принимая открыто революционные формы. Хотя между этими обоими аспектами существовала известная внутренняя связь, все-таки в интересах большей цельности изложения удобнее рассмотреть каждый из них в отдельности.

Мы видели, что помещичье-буржуазный блок эпохи реставрации был построен на признании первенствующей роли крупного землевладения, в отношении которого верхушка буржуазии занимала место «младшего партнера». Это выражалось, прежде всего, в том, что посты министров и командные места в армии и бюрократии резервировались для выходцев из помещичьего класса. Это выражалось далее в том, что в случае возникновения конфликта между интересами обеих правящих групп интересы буржуазии приносились в жертву интересам крупного землевладения (вспомним историю с таможенными тарифами). Теперь в связи с ускоряющимся развитием капитализма положение стало изменяться. Конечно, помещичий класс продолжал играть роль основного господствующего класса—таким он остался до самой революции 1931 г., —

однако параллельно шло усиление буржуазии и, как результат этого, рост ее влияния в экономике и политике. А это неизбежно вело к существенным перемещениям в лагере правящего блока.

Усиление капиталистических элементов происходило в трех главных формах.

Во-первых, все большее количество помещиков втягивалось в сферу капиталистических интересов. Данный процесс начался уже давно, с середины XIX века, он значительно усилился в эпоху реставрации и принял особенно крупные размеры после катастрофы 1898 г. Война 1914—1918 гг. и тут сыграла очень важную роль. Знатнейшие аристократические фамилии Испании — все эти Романонесы, Маура, Мединаселли, Вильямайоры и др., — относившиеся раньше с высокомерным презрением к буржуазным «делателям денег», пали жертвой соблазнов «золотого тельца».

Десятки и сотни представителей крупного землевладения— аристократы и не аристократы — приобретали акции индустриальных, транспортных, торговых и финансовых предприятий. В результате происходило постепенное «обуржуазивание» все возрастающей части помещичьего класса.

Во-вторых, усиление капиталистических элементов совершалось через каналы католической церкви. «Святые отцы» всегда имели прекрасный нюх по части собственного обогащения. В феодальные времена они являлись крупнейшими помещиками и получали огромные доходы от жестокой эксплуатации крестьянства. Они занимались этим и в течение большей части прошлого века. Однако в годы реставрации они быстро учуяли, что Испания идет навстречу новым временам, и поспешили соответственно перестроиться. С конца XIX столетия католическая церковь, в особенности же орден иезуитов, стала все больше втягиваться в капиталистический оборот. Этот процесс еще больше усилился после 1898 г. Церковь действовала по принципу: ничто капиталистическое мне не чуждо; она вкладывала свои деньги во все и всяческие предприятия и получала прибыли из всех и всяческих источников. К концу рассматриваемого периода церковь имела свою долю участия в горном деле, в текстильной промышленности, в железных дорогах, в судоходстве, в торговле с заграницей, в финансовых учреждениях. Церковь была хозяином в «Banco Urquijo» — одном из крупнейших банков Испании, в кинематографической компании «Сифеза», в мадридской станции «Унион-радио», в агентстве новостей «Фабра», в газете «Эль дебате» и т.д. Иногда церковь выступала при этом открыто, чаще через подставных лиц, но суть дела от того не менялась. В результате наряду с «обуржуазиванием» многих помещиков происходило также «обуржуазивание» не меньшего количества «святых отцов».

В-третьих, наконец, рост капиталистических элементов происходил в наиболее открытой форме — в форме увеличения экономического и политического могущества решающих кругов самой буржуазии. Для иллюстрации только что высказанной мысли достаточно привести два имени: Франсиско де Асис Камбб и Хуан Марч Ординас. С интересующей нас точки зрения история их карьер скажет больше, чем длинные рассуждения.

Франсиско Камбб родился в 1876 г. в Каталонии и закончил курс философии и права в Барселонском университете. Еще на студенческой скамье он стал ярым каталонским националистом и очень скоро занял пост председателя в организации каталонской молодежи. Покинув высшую школу, Камбб с головой ушел в каталонское национальное движение и, постепенно приобретая все большее влияние, в конце концов превратился в его крупнейшего лидера. В 1902 г., во время визита в Барселону короля Альфонса XIII, Камбб вручил ему программу каталонских национальных требований. В 1906 г. он организовал в Барселоне 900-тысячную демонстрацию в защиту каталонской автономии. В дальнейшем Камбб неуклонно выступал в роли вождя национально-каталонского движения, сделав своей твердыней созданную им же «Liga Regionalista» («Регионалистскую лигу») в Барселоне. Такова была одна сторона деятельности Камбб.

Но имелась и другая. Будучи тесно связан с капиталистическими кругами Каталонии (особенно с ее текстильной промышленностью), Камбб являлся одним из наиболее современных и удачливых предпринимателей. Шагая от одного успеха к другому, он постепенно превратился в самого крупного и могущественного дельца каталонской буржуазии, в руках которого концентрировались нити всей хозяйственной жизни этого края. Верхом его капиталистических побед явилось создание огромной энергетической компании «Compania Hispano-Americana de Electricidad» (сокращенно «CHADE»), имевшей к концу этого периода капитал (частью иностранный) в 470 млн. песет и в 1930 г. давшей 105 млн. чистой прибыли.

Эта вторая сторона деятельности Камбб оказывала сильнейшее влияние на первую и в конечном счете определяла всю его политическую линию. В каталонском национальном движении имелось два крыла — правое, опиравшееся на крупную буржуазию Каталонии, и левое, опиравшееся на интеллигентско-мелкобуржуазные круги. Камбб стал вождем правого крыла и энергично отстаивал его интересы как внутри Каталонии, так и вне ее (вождем левого крыла был сначала полковник Масиа, а позднее Луис Компанис). Больше того, Камбб использовал силу каталонского национального движения, как таран, для борьбы за интересы всей испанской буржуазии вообще.

На первом этапе рассматриваемого периода, до 1917 г., когда «красная опасность» была еще не так велика, отношения между помещиками и буржуазией в общем и целом сохраняли прежний характер: помещики правили страной, а буржуазия им помогала, временами играя в призрачную оппозиционность. В частности, Камбб позволял себе в те годы кокетничать с левым крылом каталонского движения и произносить грозные речи против реакционеров, засевших в Мадриде. Октябрьская революция и ее отголоски в Испании, о чем речь будет ниже, резко изменили положение. Как помещики, так и буржуазия были одинаково напуганы событиями в России и сразу объединились в «священном союзе» против революции. В частности, Камбб сразу забыл все свои «левые» аллюры и открыто бросился в объятия «мадридских реакционеров», позорно предав каталонское национальное движение. Однако теперь буржуазия, чувствуя свою возросшую силу, уже не согласна рыла довольствоваться лишь возможностью оказывать закулисное влияние на власть. Она требовала своего формального участия в управлении страной. Помещикам пришлось потесниться. Так получилось, что с 1918 г. Камбб стал министром в ряде сменяющихся кабинетов (консервативных, либеральных и коалиционных) и притом не просто министром, а одним из решающих министров. В 1923 г., когда умирающая монархия в судорожных усилиях задержать неумолимый ход событий схватилась за инструмент военной диктатуры, Камбб опять сыграл чрезвычайно важную роль в перевороте Примо де Ривера. Позднее, в 1929 г., накануне падения монархии, когда положение стало совсем отчаянным, правая рука Камбб вице-председатель «CHADE» Вентоса-и-Калвель стал министром финансов гибнущей диктатуры.

Все это было знамением времени, знамением возрастающей силы буржуазии.

Совсем иную, но не менее характерную фигуру представлял Хуан Марч Ординас. Сын крестьянина с Балеарских островов, безграмотный, но хитрый и умный, Марч с детства вырос в атмосфере табачной контрабанды[68]. В 16 лет он стал «работать» самостоятельно. Начав с небольших операций чисто местного значения, он быстро развернул их в большое прибыльное дело. Вступив в регулярные сношения с табачными фабриками Алжира, Марч создал целый контрабандный флот в несколько десятков судов, устроил свою базу в Гибралтаре, и, жульнически используя британский флаг, организовал массовое снабжение контрабандным табаком всего восточного побережья Испании. Во время марокканской войны 1909—1911 гг. Марч заработал огромные деньги на поставках контрабандного табака испанской армии. Решив, что теперь он уже достаточно оперился, Марч отныне стал именовать себя не контрабандистом, а «финансистом».

Когда пришла первая мировая война; Марч начал «работать» на обе стороны. Он доставлял топливо немецким подводным лодкам, оперировавшим в Средиземном море, и одновременно посылал грузы с продовольствием и сырьем во Францию. Любимым приемом Марча был такой: он отправлял судно с припасами в Марсель, предварительно хорошо его застраховав, и затем продавал немцам — также за хорошую цену — маршрут, которым шло судно. В результате Марч получал и страховку и шпионскую плату за доставленную информацию. К концу первой мировой войны Марч стал миллионером.

Теперь он решил, что ему надо заняться «политикой». На Балеарских островах Марч уже давно стал бесспорным диктатором, но этого ему было мало. В революционной атмосфере первых послевоенных лет Марч считал более выгодным гримироваться чуточку под «демократа», не теряя, конечно, связей с правыми кругами. Он и тут хотел «работать» на обе стороны. Поэтому в своей родной Пальме (столице Балеарских островов) Марч построил новую церковь и одновременно... Народный дом для рабочих. Несколько позднее он стал издавать в Мадриде сразу две газеты: яромонархические «Novedades» («Новости») и ярореспубликанскую «Libertad» («Свободу»).

Когда к власти пришел Примо де Ривера, он хотел сначала арестовать Марча за «безнравственность», но Марч бежал во Францию, переодевшись священником. Находясь в эмиграции, Марч открыл упорную «войну» против диктатора, наводняя Испанию контрабандным табаком и тем самым понижая доходы государственной монополии. Но затем он узнал, что личная газета Примо де Ривера «Correspondencia Militar» («Военная корреспонденция»), которую никто не хотел читать, испытывает финансовые затруднения, и решил изменить тактику. Он предложил диктатору установление дружественных отношений в обмен за «санирование» гибнущей газеты. Сделка состоялась, и Марч вернулся в Испанию.

Одержав первую победу над Примо де Ривера, Марч захотел одержать вторую, уже более серьезную. Отныне целью Марча стало получение государственной монополии на табак. К чему заниматься контрабандой и иметь репутацию пирата, если можно те же деньги получать на законном основании и вдобавок еще считаться одним из столпов общества? Сначала Примо де Ривера не хотел отдавать монополию Марчу. Тогда Марч выбросил на испанский рынок такое количество табаку, что правительство почти перестало получать доходы с монополии. Это сделало диктатора более сговорчивым. Чтобы окончательно сломить сопротивление Примо де Ривера, Марч прибег к помощи придворной интриги. Он преподнес королеве, любившей

[68] В Испании существовала государственная монополия на табак.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

заниматься благотворительностью, госпиталь для туберкулезных на Майорке (главный из Балеарских островов) и, таким образом, завербовал ее в число своих сторонников. В результате Марч добился своей цели: летом 1927 г. он получил, наконец, столь желанную ему табачную монополию. Правительство диктатуры было побеждено «финансистом» Хуаном Марчем.

Камбб и Марч особенно наглядно демонстрировали возросшую силу буржуазии. Но о том же свидетельствовал и ряд других фактов.

Тарифная политика правительства теперь в гораздо большей степени, чем раньше, учитывала интересы испанской промышленности и торговли. Правительственные гарантии и субсидии различным капиталистическим предприятиям стали бытовым явлением. Командный состав вооруженных сил и высшая церковная иерархия, пополнявшиеся до того только выходцами из аристократии и дворянства, приоткрыли свои двери для сыновей крупных предпринимателей и коммерсантов.

Та же тенденция проявлялась и в области внешней политики. Субъективные симпатии короля, двора, аристократии были полностью с кайзеровской Германией, однако в 1907 г. Испания заключила с Англией и Францией так называемое «Картахенское соглашение», а в 1912 г. подписала с Францией договор о разделе Марокко, направленные против Германии. Почему? Да просто потому, что в сложном комплексе причин, толкнувших Испанию в этом направлении, особенно крупную роль играли капиталистические интересы, связывавшие ее буржуазию и значительную часть ее «обуржуазившихся» помещиков со странами Антанты.

В конце 20-х годов не без основания говорили, что Испания управляется «70-ю семьями». Но кто были эти семьи? В основном они состояли из крупной буржуазии, а также крупных землевладельцев, которые по общему характеру своих интересов весьма близко подходили к буржуазии.

Капиталистические начала властно давали о себе знать в организации власти и политике рассматриваемого периода и, как результат, вызывали серьезные изменения внутри *правящего* блока.

РОСТ РАБОЧЕГО и КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Как ни характерно было только что описанное явление, оно, однако, далеко уступало по своему значению другому факту огромного политического значения — факту обострения классовой борьбы между трудящимися (пролетариатом плюс крестьянство), с одной стороны, и эксплуататорами (буржуазией плюс помещики), с другой. Это выявлялось в двух главных фактах: во-первых, в росте рабочих и крестьянских организаций; во-вторых, в учащении и интенсификации открытых боев между обоими лагерями.

Обратимся сначала к развитию рабочих и крестьянских организаций на первом этапе рассматриваемого периода (1898—1917). Здесь, прежде всего, необходимо отметить, что в годы, о которых идет речь, раскол испанского рабочего движения на два крыла — социалистическое и анархистское, — унаследованный от прошлого, не только полностью сохранился, но даже принял еще более острый и законченный характер, причем анархистское крыло было сильнее, чем социалистическое.

Причины прочности анархистских влияний среди испанского пролетариата весьма сложны, но в основном они сводились к следующему:

Испания была экономически отсталой страной с слабой концентрацией производства; в ее промышленности преобладали средние и мелкие предприятия, встречалось также большое количество кустарей и ремесленников; в ее сельском хозяйстве сохранялись крупнейшие пережитки феодализма и имелись миллионы вечно голодных батраков и парцеллярных крестьян; ее государственная власть — даже при измерении капиталистическими масштабами — носила исключительно реакционный характер, не давая трудящимся почти ничего, кроме кнута и пули, — ни школ, ни больниц, ни страхования, ни социального законодательства; ее политические партии отличались редкими беспринципностью, коррупцией, вероломством; ее трон — особенно во времена Изабеллы — являлся олицетворением разврата, мотовства, интриганства, полного забвения национальных интересов; наконец, партикуляристские традиции ее провинций и областей, перешедшие от прошлого и не изжитые ввиду относительно слабого развития капитализма, обнаруживали большие силу и устойчивость.

В такой обстановке испанский рабочий, а тем более испанский батрак или мелкий крестьянин становились легкой добычей анархистской пропаганды против «политики» и «государства» вообще, против «национализации» промышленности, против всяких форм «централизма», в частности против «централизма» в профессиональном движении. Рабочему начинало казаться правильным учение, которое обещает социализм на базе почти независимых коммун и обобществление средств производства и обращения путем передачи их в руки отдельных профессиональных организаций. Его привлекала также боевая тактика анархистов, дающая какой-то выход давно накипевшим в его душе озлоблению и негодованию против несправедливостей

существующего строя

Одним из важнейших моментов, облегчавшим анархистам завоевание широких масс трудящихся, был также глубокий реформизм испанского социалистического движения. В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» В.И.Ленин говорит: «Анархизм нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополняли друг друга»[69].

Эти слова как нельзя лучше подходят к Испании. Испанская социалистическая партия была одной из самых правых партий Второго Интернационала. Она была насквозь поражена язвой поссибилизма и постепеновщины. В ней совершенно отсутствовал революционный дух. И таковы же были руководимые ею профессиональные организации, объединенные во Всеобщий Союз Трудящихся.

Неудивительно, что средний испанский рабочий, мало искушенный в теоретических вопросах, но полный горячей классовой ненависти к фабрикантам и заводчикам, на вопрос, с кем идти — с социалистами или с анархистами, — нередко отвечал: с анархистами, ибо анархисты казались ему более смелыми и революционными, принимающими ближе к сердцу интересы пролетариата, чем социалисты.

В конечном счете в Испании сложились два основных течения в рабочем движении — социалистическое и анархистское, — два течения, каждое из которых имело свои территориальные и профессиональные районы распространения. Твердыней социализма были Мадрид и угольно-металлургические области севера — Астурия и Бискайя. Твердыней анархизма были Барселона и Каталония с их текстильной промышленностью, а также Андалусия с ее огромными массами батраков и мелких крестьян. Между обоими течениями все время шла острая борьба, которая чрезвычайно ослабляла позиции испанского пролетариата, а стало быть, чрезвычайно усиливала позиции испанской буржуазии.

То было настоящее проклятие, повисшее над испанским рабочим движением еще в эпоху пятой революции (1868—1874) и не преодоленное им полностью вплоть до настоящего дня. На первом этапе рассматриваемого периода оно играло очень важную роль.

Социалистическая партия в эти годы представляла еще сравнительно слабую организацию: она имела не больше 10 тыс. членов по всей стране и на выборах в кортесы собирала лишь по несколько десятков тысяч голосов. Впервые в 1916 г. ей удалось провести одного депутата в парламент — своего лидера-ветерана Пабло Иглесиаса. Однако действительное влияние партии было значительно больше, чем это может показаться на основании только что приведенных цифр. Ибо социалистическая партия имела сравнительно мощный приводной ремень, идущий к массам, в лице уже известного нам «Всеобщего Союза Трудящихся («Union General de los Trabajadores»), т.е. Национальной федерации профессиональных союзов социалистического толка. Мы уже знаем, что в 1899 г. эта организация насчитывала около 15 тыс. членов. На протяжении последующих лет численность ее сильно колебалась в зависимости от различных экономических и политических обстоятельств, дойдя в 1913 г. до высшей точки — 148 тыс. членов. Затем эта цифра несколько упала, и в 1917 г. Всеобщий Союз Трудящихся насчитывал 100 тыс. членов, распределенных между 464 местными секциями. Половина этого числа приходилась на три города: Мадрид, Бильбао и Овьедо.

Что из себя представлял Всеобщий Союз Трудящихся?

Это был профессиональный центр право-реформистского типа, каких в тот период было немало в Европе — в Германии, в Австрии, в Италии, в Скандинавских странах. В пункте 2-м устава Союза говорилось, что он «не защищает определенных экономических принципов, не принадлежит к какой-либо политической партии, не следует никакой религии, не признает различия расы или национальности», и что «его члены свободны лично исповедовать и пропагандировать свои взгляды, независимо от организации»[70]. Перед нами, таким образом, явное воплощение теории «нейтральности» профессионального движения, которая была столь популярна на западе перед первой мировой войной. Фактически, однако, Всеобщий Союз Трудящихся примыкал к социалистической партии, и обычно во главе его оказывались те самые люди, которые являлись лидерами этой партии.

Организационно-тактическая линия Всеобщего Союза Трудящихся опять-таки соответствовала взглядам, принятым в те годы среди большинства европейских социалистов. Лидеры Союза — Ларго Кабальеро, Льянеса и др. — обращали большое внимание на построение централизованной профсоюзной машины, на аккуратную уплату членских взносов, на создание крупных денежных фондов, на развитие функций взаимопомощи. Они были сторонниками не производственных, а цеховых союзов. Стачечную борьбу они теоретически признавали, но на практике старались прибегать к ней возможно реже, предпочитая все возникающие конфликты решать в порядке компромисса или арбитража. Естественно, что организация подобного рода не

---

[69] В.И.Ленин. Соч., т.31, стр.16.

[70] Largo Caballero. Union General de Trabajadores, Madrid, 1925, стр.32.

не удовлетворяла революционно настроенные круги рабочих, и это невольно толкало их в лагерь анархизма.

В тот же период Всеобщий Союз Трудящихся стал постепенно распространять свое влияние на деревню. Уже в 1903—1904 гг. им были созданы довольно многочисленные организации среди батраков и мелких крестьян. Так, в Эспехе Лагуна возникло Sociedad de obreros agricultores (Общество сельскохозяйственных рабочих), затем аналогичные объединения появились в Иснахаре, Пуэнте Хениль, Каньете, Кабра, Люкеидр. В Бухалансе и Витории были открыты «Рабочие центры», в Монторо и Белалькасаре организованы кружки самообразования. Еще более энергичная деятельность развернулась в 1909—1914 гг., когда крестьянские организации социалистического толка стали быстро возникать в различных провинциях Андалусии, Валенсии, Мурсии, Новой и Старой Кастилии и т.д. Обычно эти организации объединяли как батраков, так и мелких крестьян, частично занимающихся батрачеством. Каждая из местных организаций насчитывала по несколько десятков (редко по несколько сотен) человек, являясь руководящим центром крестьянского движения для всей округи. Местные организации объединялись в районные и провинциальные федерации, находившиеся уже в более тесной связи с Всеобщим Союзом Трудящихся. Впрочем, крестьянский сектор этого Союза на первом этапе рассматриваемого периода был еще сравнительно невелик и реальная сила его не очень значительна. Кроме того, среди членов крестьянских организаций наблюдались большая текучесть и недостаточная устойчивость во взглядах. Бывали случаи, когда местные организации, считавшиеся социалистическими, неожиданно переходили к анархистам. Правда, бывали случаи и обратного порядка.

Параллельно с Всеобщим Союзом Трудящихся развивалось и профессиональное движение анархистского толка, которое, следуя французскому образцу того времени, все больше переходило на рельсы анархо-синдикализма. В 1911 г. отдельные профессиональные союзы Каталонии, являвшейся издавна твердыней испанского анархизма, объединились в Confederacion Nacional de Trabajo (Национальная Конфедерация Труда). В 1915 г. эта первоначально только Каталонская конфедерация была превращена в общеиспанскую. С первых же шагов она обнаружила очень быстрый рост, о чем свидетельствуют следующие данные: в 1914 г. она насчитывала 109 тыс. членов, в 1915 г. — 160, 1916 — 210, 1917 — 322.

Таким образом, к 1917 г. анархо-синдикалистские профессиональные организации насчитывали примерно в три раза больше членов, чем социалистические. Правда, имелось много оснований полагать, что приведенные цифры значительно преувеличены. Все-таки, даже с этой оговоркой, едва ли могло подлежать сомнению, что перевес в мире профессионального движения был на стороне анархо-синдикалистов.

Что представляла из себя Национальная Конфедерация Труда?

По своему характеру она значительно отличалась от Всеобщего Союза Трудящихся. В пункте 4-м устава «Конфедерации» говорилось: «Конфедерация и входящие в нее секции будут всегда бороться на экономическом поприще методом прямого действия, полностью отметая всякие политические и религиозные выступления».

Конкретно это означало, что анархо-синдикалистские организации рассматривали себя, как чисто боевые профсоюзные организации. Они не занимались взаимопомощью, они не накопляли крупных денежных фондов, они не придавали большого значения регулярной уплате членских взносов. Обычный размер этих взносов был невелик, но зато, в случае каких-либо крупных стачек или локаутов, с членов взимались чрезвычайные сборы в размере 2, 3, 4, 5 и больше песет в неделю. Благодаря этому «Конфедерация» могла оказывать поддержку борющимся рабочим в течение многих недель и даже месяцев.

До 1918 г. анархо-синдикалисты, подобно социалистам, были сторонниками цеховых, а не производственных союзов. Только под влиянием Октябрьской революции в России они перешли к построению своих организаций по производственному принципу. Однако на протяжении всего рассматриваемого периода анархо-синдикалисты были и остались противниками централизации профессионального движения, всегда отстаивая принцип широкого федерализма. Результатом этого были неустойчивость организаций, текучесть профсоюзного аппарата, частые смены лидеров и крайняя безответственность выступлений.

В качестве главных средств борьбы анархо-синдикалисты признавали экономическую стачку рабочих определенной профессии, всеобщую стачку, индивидуальный террор, саботаж и бойкот. При объявлении стачек они часто обнаруживали крайний авантюризм, приводивший к бесплодной растрате героизма и энергии рабочих масс. Несмотря, однако, на всю свою воинственность, анархо-синдикалисты почти никогда не устраивали восстаний, ибо считали, что восстания есть «политика», а, как знаем, анархисты еще со времен Бакунина открещивались от «политики», как черт от ладана. Если, тем не менее, забастовки, организуемые анархо-синдикалистами, нередко переходили в такие восстания, то это уже было делом самих рабочих масс. Логика борьбы заставляла их перешагивать через те рамки, которые ставила Национальная Конфедерация Труда.

Подобно социалистам, анархо-синдикалисты с начала текущего века стали пускать корни в деревне. Так, в 1912 г. в провинции Кордова они создали «La Sociedad de agricultores y Similiares» («Общество земледельцев и родственных профессий»); в 1913 г. возникли организации «Germinal» в Фернан-Нуньесе, «El porvenir en el Trabajo» («Будущее труда») в Агиларе, «Obrero agricola» («Сельскохозяйственный рабочий») в Пеньярройе; в 1915 г. «Luz y vida» («Свет и жизнь») в Вильянуэве и т.д. В апреле 1913 г. в Кордове состоялся конгресс анархо-синдикалистских сельскохозяйственных организаций, на котором присутствовали представители 25 таких организаций, преимущественно из Каталонии, Валенсии и Андалусии. Здесь была создана «Federacion Nacional de agricultores» («Национальная федерация земледельцев»), начавшая издавать свой орган «La voz del campesino» («Голос крестьянина»). В заголовке этого органа стоял лозунг: «Земля тем, кто ее обрабатывает». Новая федерация обнаружила большую активность, и в дальнейшем регулярно устраивала свои ежегодные конгрессы: в Валенсии (1914), в Убеда (1915), в Вильянуэве (1916), в Сарагосе (1917), снова в Валенсии (1918). В 1919 г. Федерация земледельцев вошла в состав анархо-синдикалистской Национальной Конфедерации Труда.

Основной базой анархо-синдикализма, как уже упоминалось, была Каталония. В Андалусии его влияние также было велико и значительно превосходило влияние социалистов. Во всей остальной Испании анархо-синдикалисты имели отдельные «острова» своего влияния — в Валенсии, в Мурсии, в Сарагосе, в Галисии, — но нигде не являлись решающей силой в рядах пролетариата и крестьянства.

Отношения между социалистами и анархо-синдикалистами все время были крайне напряженные. Всеобщий Союз Трудящихся и Национальная Конфедерация Труда, как правило, находились в состоянии открытой борьбы и взаимной конкуренции. Это, естественно, крайне вредно отражалось на боеспособности трудящихся и нередко приводило к проигрышу стачек и конфликтов с предпринимателями и помещиками.

Однако рост рабочих и крестьянских организаций был лишь одним из проявлений обострения классовой борьбы между трудящимися и эксплуататорами. Другим проявлением того же являлось учащение и интенсификация открытых боев между обоими лагерями. По большей части они принимали форму стачек, иногда перераставших в крупные политические волнения и даже революционные бои.

Стачечное движение 1898—1917 гг. богато самыми разнообразными конфликтами в самых различных отраслях производства, причем особенно характерно, что теперь в борьбу все больше начинает втягиваться деревня. Это последнее особенно характерно для 1901—1905 гг., когда крупные сельскохозяйственные забастовки, то усиливаясь, то ослабевая, прокатились по всему югу и востоку Испании, причем главным центром движения явилась провинция Кордова. Одновременно происходили крупные стачки городских рабочих, причем основную роль тут играла Каталония и, прежде всего, Барселона. Большие рабочие волнения отмечались также в Севилье, Гранаде, Валенсии, Бильбао, Овьедо и ряде других промышленных центров. Характерны следующие цифры:

Год	Общее число стачечников	В том числе в Барселоне
	в тыс.	
1914 . . .	49	21
1915 . . .	81	13
1916 . . .	97	72
1917 . . .	71	21

Как видим, из года в год размах стачечной борьбы возрастает, причем цифра 1917 г. сильно преуменьшена, ибо в нее не включено огромное число участников всеобщей политической стачки, разыгравшейся в этом году (испанская статистика лицемерно не учитывает политических стачек). Вместе с тем ярко выступает ведущая роль Барселоны. Как характерен, например, 1916 год, когда почти три четверти всего количества стачечников падало на столицу Каталонии!

Из стачечного движения рассматриваемого 20-летия мы остановимся здесь более подробно только на двух больших конфликтах.

В 1909 г. испанское правительство начало военные операции в Марокко. Они прошли очень неудачно и вынудили правительство объявить мобилизацию для пополнения армии. В Каталонии, где колониальная война в Африке была крайне непопулярна, это вызвало открытый взрыв. 26 июля 1909г. в Барселоне вспыхнула всеобщая стачка, которая вначале являлась лишь протестом против мобилизации. Однако в ходе событий эта стачка превратилась в революционное восстание против церкви и правительства. Многие монастыри и храмы были разгромлены и уничтожены. Улицы Барселоны покрылись баррикадами. В течение трех дней (27—29 июля) в столице Каталонии происходила настоящая гражданская война. Движение перекинулось на ряд провинциальных городов этого края и стало принимать все более бурный характер. Центральное правительство реагировало на события в Каталонии введением военного положения во всей Испании. К Барселоне были стянуты крупные военные силы, которые лишь с большим трудом

подавили революционное восстание. Затем последовал град репрессий. Тысячи людей были арестованы, высланы, подвергнуты всевозможным преследованиям. Реакция использовала этот случай, чтобы свести свои счеты со всеми и всяческими противниками: 31 августа в числе других был схвачен также Франсиско Феррер, известный теоретик анархизма и крупный деятель в области народного образования, много сделавший для создания в Испании «светской школы», свободной от влияния клерикализма. Власти обвинили Феррера в организации барселонского восстания. Он был предан военному суду и, несмотря на горячие протесты общественных кругов, расстрелян в октябре 1909 г.

Это злодеяние вызвало взрыв негодования в прогрессивных кругах многих стран и повело к отставке тогдашнего испанского правительства (Мауры). Вся борьба 1909 г. шла под знаком анархо-синдикалистских влияний и, несомненно, проложила путь к созданию Национальной Конфедерации Труда, возникшей два года спустя.

Другой крупный конфликт, относящийся к тому же этапу, разыгрался в 1916 г., уже во время первой мировой войны Рост дороговизны, недостаток продовольствия, общее ухудшение условий труда способствовали крайнему возбуждению в рядах пролетариата. С начала 1916 г. по всей стране прокатилась волна собраний, демонстраций, местных стачек с требованием повышения заработной платы и понижения цен на продукты. Давление масс было так велико, что в интересах общей борьбы было заключено временное перемирие между социалистами и анархо-синдикалистами. В мае 1916 г. одновременно заседали два конгресса — Всеобщего Союза Трудящихся в Мадриде и Национальной Конфедерации Труда в Валенсии. В результате переговоров между обеими сторонами возник «Комитет связи», в который вошли представители Всеобщего Союза Трудящихся (в их числе И.Асеведо) и Национальной Конфедерации Труда (в их числе Сеги и Пестанья). Была выработана общая программа требований, сводившаяся к улучшению условий существования и труда пролетариата

7 августа 1916 г. началась всеобщая стачка железнодорожников. Она продолжалась неделю и глубоко всколыхнула трудящихся во всех концах страны. «Либеральное» правительство Романонеса ответило на борьбу рабочих временным закрытием кортесов, отменой конституционных гарантий и суровыми репрессиями против забастовщиков. Стачка кончилась, не принеся конкретных результатов. Но борьба на этом не остановилась. В ноябре того же 1916 г. в Мадриде, Валенсии и других городах Испании произошли огромные рабочие демонстрации под лозунгом: «Снижение цен на продовольствие, работу безработным!» Движение было настолько грандиозно, что правительство не решилось пустить в ход репрессии и увидело себя вынужденным к «маневрированию» С одной стороны, оно давало рабочим либеральные обещания, с другой стороны, упорно саботировало выполнение этих обещаний. Выведенный из терпения пролетариат решил действовать. 18 декабря 1916 г. была объявлена всеобщая 24-часовая стачка протеста. Всеобщий Союз Трудящихся и Национальная Конфедерация Труда выступили опять совместно. Хозяйственная жизнь была повсюду парализована. Рабочий класс ярко демонстрировал свое единство и революционность.

Однако под влиянием социалистических и анархо-синдикалистских вождей он не пошел дальше простой демонстрации. Это имело самые губительные последствия. Правительство, не чувствуя в движении решимости идти до конца, сразу подняло голову. Не было сделано ничего для удовлетворения требований пролетариата. Борьба кончилась поражением, но это поражение явилось хорошим уроком для рабочих, уроком, из которого они сумели сделать надлежащие выводы немного спустя, когда, как увидим ниже, Октябрьская революция в России дала мощный толчок революционному подъему испанского пролетариата.

РАСПАД СТАРЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Таковы были конкретные проявления роста капитализма и вытекающего отсюда обострения классовой борьбы, характеризовавшие начало XX столетия в истории Испании Это неизбежно должно было иметь и действительно имело важные последствия политического порядка. Главнейших из них было три:

1. Все прогрессирующий распад обеих партий господствующих классов—консервативной и либеральной.
2. Общее одряхление механизма власти, включая и «машину» псевдопарламентаризма.
3. Усиление роли армии в политике.

Остановимся несколько внимательнее на каждом из этих моментов в отдельности.

Начнем с распада консервативной и либеральной партий. Конечно, этот процесс в основном был обусловлен теми причинами экономического и социально-политического порядка, о которых речь шла выше. Однако два обстоятельства несколько случайного порядка в сильной степени способствовали его ускорению.

Первое обстоятельство состояло в том, что как раз на рубеже XX века сошли со сцены старые, всемогущие лидеры обеих партий помещичье-буржуазного блока. Кановас, как мы знаем, был убит анархистом в 1897 г.; Сагаста умер собственной смертью в январе 1903 г. Общепризнанных, достаточно авторитетных преемников ни у того, ни у другого не оказалось. Это вызвало вначале неизбежное замешательство, а затем острую борьбу за руководство внутри обеих партий. У консерваторов на роль лидера претендовали Сильвела, Виллаверде, Маура и Дато; у либералов — Монтеро Риос, Каналехас, Романонес и Гарсиа Прето. Никто из них не стал ни Кановасом, ни Сагастой, и результатом было дробление обеих больших партий на группы, связанные с каждым из кандидатов в лидеры. Все эти группы очень любили рядиться в павлиньи перья и присваивать себе различные звонкие клички: так, сторонники Дато именовали себя «либеральными консерваторами» (!), а сторонники Гарсиа Прето — «либеральными демократами»; имелись также «независимые консерваторы», «левые либералы» и т.д. Однако все это являлось сплошным очковтирательством.

Не было никакой существенной разницы между отдельными группами внутри каждой из партий, не было никакой существенной разницы и между обеими партиями — консервативной и либеральной. Вся официальная испанская политика теперь больше, чем когда-либо, сводилась к беспринципной склоке множества замкнутых котерий, объединенных лишь стремлением увековечить режим жестокой эксплуатации масс, да свирепой ненавистью к рабочему и крестьянскому движению.

Второе обстоятельство, в немалой степени способствовавшее распаду старых политических партий, состояло в том, что с 17 мая 1902 г. испанским королем стал Альфонс XIII. Этот 16-летний юноша был мало похож на своего отца, но зато имел много черт, которые роднили его с прадедом — недоброй памяти Фердинандом VII. Характер нового монарха весьма ярко выявился уже в самый день его коронования Граф Романонес, бывший тогда министром просвещения в кабинете Сагасты, рассказывает в своих воспоминаниях об этом некоторые любопытные подробности. Когда вся торжественная часть церемонии была закончена и усталые члены правительства (день был страшно жаркий) собирались, попрощавшись с королем, разъехаться по домам, — Альфонс XIII внезапно потребовал немедленного заседания правительства. Министры были недовольны, но возражать, конечно, не приходилось. Когда заседание открылось, престарелый Сагаста произнес несколько соответствующих случаю поздравительных слов, полагая, что на этом все кончится. Он, однако, ошибся. Выслушав приветствия, юный король вдруг повернулся к военному министру генералу Вейлеру, тому самому Вейлеру, который прославился в качестве палача барселонских рабочих и кубинских повстанцев, и в чрезвычайно высокомерном тоне потребовал от него объяснений по поводу незадолго перед тем изданного приказа о закрытии части военных школ. Вейлер сообщил королю свои мотивы, подчеркнув в особенности, что после войны 1898 г. армия оказывается излишне перегруженной офицерами и генералами. Король не согласился с мнением военного министра и приказал вновь открыть все закрытые школы. Между Вейлером и Альфонсом XIII произошла полемическая стычка, причем Сагаста поддержал монарха, тем самым дезавуировав своего военного министра. В ходе дискуссии 16-летний король, указывая на статью 55-ю конституции, предоставляющую ему право назначать всех чиновников и давать все ордена и знаки отличия, воскликнул: «Я оставляю за собой использование этого права!» Тогда один из министров, герцог де Верагуа напомнил Альфонсу, что другая статья конституции — статья 49-я требует, чтобы всякое распоряжение короля контрассигновалось соответственным министром. Однако Сагаста никак не реагировал на реплику Верагуа. Это всеми было понято в том смысле, что он не собирается ставить преград самовластию Альфонса XIII[71].

Описанная сцена в высшей степени показательна, ибо она очень ярко подчеркивала две основные черты нового короля, впоследствии сыгравшие большую роль в его политике, а именно — его авторитарность и его симпатию к армии или, точнее, К армейской верхушке.

Действительно, воспитанный в сугубо реакционном и военно-католическом духе, Альфонс XIII с ранней юности стал горячим поклонником германского кайзера Вильгельма II и стремился во всем ему подражать. Сравнивая их, известный испанский беллетрист Бласко Ибаньес писал: «Два комедианта различного происхождения и возраста, претендующие играть одну и ту же роль. Характер их тождественный, та же любовь к актерничанью, то же страстное стремление привлекать внимание, вмешиваться во все, всем управлять, произносить речи, та же уверенность в том, что они подписывают самые блестящие в мире манифесты. Та же любовь к переодеванию: в два часа дня Альфонс XIII в мундире адмирала, в три часа он гусар смерти, в четыре часа он улан. Днем каждый час он показывается в новой форме»[72].

И. М. МАЙСКИЙ

ИСПАНИЯ 1808–1917

Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

[71] Бласко Ибаньес. Разоблаченный Альфонс XIII. М., 1925, стр.13.
[72] S. de Madanaga. Spanien, 1930, стр.244—246.

Вообразив себя великим оратором и гениальным государственным деятелем. Альфонс XIII стал стремиться к абсолютной власти и с нетерпением сносил даже те немногие ограничения, которые на него налагал режим псевдопарламентаризма. Он считал свой цивильный лист нищенским и, чтобы пополнить свой королевский кошелек, занялся весьма подозрительными биржевыми и финансовыми операциями. Он находил господство партий, как оно сложилось в эпоху реставрации, отвратительным и задался целью уничтожить его. В этих видах Альфонс XIII, используя все методы интриги, подкупа, натравливания одних на других и т.п., всемерно содействовал — и не без успеха — внесению элементов раскола и раздробления в среду старых партий — консерваторов и либералов.

В конечном счете, к 1917—1918 гг. процесс распада обеих правящих партий сделал крупный шаг вперед. Тем самым один из «китов», на которых покоилась система псевдопарламентаризма, стал все больше выходить из строя. Скоро дошла очередь и до второго «кита», что было теснейшим образом связано с общим одряхлением механизма власти.

Справедливость требует сказать, что это одряхление объяснялось причинами не только испанского, но и общемирового порядка. Начало XX века ознаменовалось быстрым ростом империализма, дух которого коснулся также Испании. Правда, как указывалось выше, ей приходилось теперь играть роль гиены на пиру крупных хищников, но от этого реакционность ее господствующих классов, в частности буржуазии, столь характерная для эпохи империализма, конечно, не становилась меньше. Скорее наоборот. В результате стремление не двигаться вперед, топтаться на месте, даже, если возможно, идти назад, доминировало теперь еще больше, чем в эпоху реставрации. Тот же Бласко Ибаньес так изображал настроение правящих кругов Испании на рубеже 20-х годов: «Богатые классы жестокосердны из страха; наихудший вид жестокосердия! Они боятся шевельнуться, изменить позу, даже если знают, что их движение может быть полезно для страны. Они зверски заявляют о своих симпатиях к палке и считают, что наилучшей мерой для разрешения всякого вопроса является расстрел»[73].

Бласко Ибаньес тут совершенно прав. Только в одной области правительства описываемого 20-летия (1898—1917) умели проявлять энергию и решительность — это в области борьбы с рабочих и крестьянским движением. Здесь не чувствовалось никакого одряхления власти. Напротив, кто бы ни стоял у руля — консерваторы или либералы — пули и удары в одинаковом количестве сыпались на трудящихся. Так, с одной стороны, при консервативном правительстве Маура было свирепо подавлено барселонское восстание 1909 г. и по приговору военного суда расстрелян Франсиско Феррер. С другой стороны, при либеральном правительстве Сагасты генерал Вейлер потопил в крови всеобщую стачку в Барселоне (февраль 1902 г.) и опять-таки при либеральном правительстве Каналехаса железнодорожники были милитаризованы, а на весь пролетариат посыпался град самых диких репрессий во время летних стачек и волнений 1911 г.

Во всех остальных сферах правительства описываемого периода старательно проделывали, говоря военным языком, «бег на месте» или, если обстановка вынуждала их к каким-либо действиям, прибегали к помощи самого бесстыдного очковтирательства. Вот несколько характерных примеров.

Мы уже неоднократно указывали на то, что основным вопросом испанской жизни является аграрный вопрос. Казалось бы, после катастрофы 1898 г. господствующие классы должны были, наконец, сделать какие-либо реальные шаги к его разрешению хотя бы на путях буржуазного реформизма, ибо без этого просто невозможно было даже капиталистическое «оздоровление» испанской экономики. А что произошло в действительности? В действительности реформаторская активность господствующих классов в этой области ограничилась изданием в 1907 г. правительством консерватора

Маура так называемого закона Бесада, о котором упоминалось выше.

То же было и в области рабочего вопроса. Мы видели, как охотно власть имущие отвечали репрессиями на требования пролетариата об улучшении своего положения. Однако в атмосфере лет, предшествовавших первой мировой войне и особенно в годы этой войны, голого кулака оказывалось недостаточно. Сменяющимся правительствам приходилось маневрировать и прибегать к более сложной политике «плетки и пряника». Наряду с арестами и расстрелами рабочих, господствующие классы рекламировали также необходимость «социальной политики». Но что это была за «социальная политика»? О ней дает достаточно ясное представление перечень важнейших мероприятий данного рода, опубликованных в течение 1898—1917 гг. (говорим «опубликованных», а не проведенных, ибо в испанских условиях большая часть «социального законодательства» обычно оставалась на бумаге). Вот этот список:

1. О несчастных случаях в промышленности (закон от 30 января 1900 г.).

2. Об ограничении труда женщин и детей (законы от 13 марта 1900 г., от 26 июня 1902 г., от 8 января 1907 г., от 25 января 1908 г. и от 22 июля 1912 г.).

---

[73] Бласко Ибаньес. Разоблаченный Альфонс XIII. М., 1925, стр.46.

3. О создании Института социальных реформ (королевский декрет от 23 апреля 1903 г.), чисто бюрократического учреждения, имевшего задачей изучение проблемы социальной реформы и подготовку различных связанных с этим материалов.

4. Об ограничении рабочего времени (закон от 3 марта 1904 г. о воскресном отдыхе, закон от 17 декабря 1910 г. о продолжительности рабочего дня в рудниках, королевский декрет от 24 августа 1913 г. о продолжительности рабочего дня в текстильной промышленности).

5. Об инспекции труда (королевский декрет от 1 мая 1906г.).

6. Об урегулировании конфликтов и арбитража в промышленности (законы от 19 мая 1908 г., от 20 октября 1908 г. и от 22 июля 1912 г.).

7. О коалиционном праве рабочих (законы о стачках и союзах от 27 апреля 1909 г. и о записи в рабочие ассоциации от 13 июня 1911 г., королевский декрет от 10 августа 1916 г. об обязательстве предприятий признавать ассоциации своих рабочих и служащих)[74].

Такова была «социальная политика» описываемого 20-летия. Даже оставляя в стороне вопрос о том, в какой мере она применялась на практике, необходимо констатировать, что все рабочее законодательство того периода носило крайне примитивный характер и далеко отставало от английских, французских и германских образцов. Достаточно указать хотя бы на то, что в нем не было даже намека на социальное страхование — реформу, которую Бисмарк осуществил в юнкерской Германии еще в 80-х годах прошлого столетия. Здесь, как и в сфере аграрного вопроса, одряхление власти было несомненно налицо.

Еще одним примером того же порядка может служить борьба либеральной партии против клерикализма. Мы знаем, что Сагаста в свое время любил кокетничать с идеей такой борьбы и даже опубликовал в бытность свою у власти закон о гражданском браке, фактически, однако, остававшийся мертвой буквой.

Известно, что в начале текущего века во Франции развернулась острая борьба светской власти против клерикализма, закончившаяся законом 1906 г. об отделении церкви от государства. При таких условиях неудивительно, что испанские либералы, в целях того же очковтирательства, решили использовать антиклерикальную карту.

Уже старик Сагаста во время своего последнего премьерства (1901—1902) объявил «войну» церкви. Он открыл поход против католических орденов, к этому времени уже широко увязших в различных капиталистических начинаниях и спекуляциях, и пытался заставить святых отцов регистрировать свои предприятия и платить причитающиеся с них пошлины и налоги.

Монахи и каноники подняли страшный шум, мобилизовали дружественные им силы в политических сферах и в конце концов все осталось по-старому.

Четыре года спустя к власти пришло либеральное правительство генерала Лопес Домингеса (1906). Его программа включала признание свободы совести, секуляризацию дела образования, а также реформу права ассоциаций, имевшую целью заставить католические ордена регистрироваться и выполнять все обязанности перед государством. Лопес Домингес добился издания королевского декрета о правомерности гражданского брака (что, в сущности, лишь вновь подтверждало то, что не раз уже прокламировалось в прошлом). Это вызвала бешеную кампанию со стороны церкви, но не поколебало положения правительства. Однако, когда в кортесы был внесен законопроект о реформе права ассоциаций, дело значительно осложнилось. В борьбу вмешался Ватикан, испанское духовенство пустило в ход все рычаги своего влияния, — в результате в самой либеральной партии вскрылись острые разногласия. Лопес Домингес вынужден был выйти в отставку; два сменившие его либеральные правительства продержались вместе меньше двух месяцев; затем к власти пришел консервативный кабинет во главе с добрым католиком Антонио Маура, и все антиклерикальные меры и проекты были сданы в архив.

В третий раз либеральная партия попыталась атаковать церковь при правительстве Каналехаса (1910—1912). Был издан королевский декрет об обязательной регистрации католических орденов, о выборке ими патентов на занятие торговыми или промышленными предприятиями и об обложении их соответственными сборами и налогами. Было принято решение о воспрещении открывать новые ордена. Была объявлена свобода совести и отменены все ограничения, введенные в 1876 г. Кановасом для исповедания некатолических религий. Конечно, испанское духовенство вновь обрушило бурю протестов на правительство, а Ватикан открыто выступил против кабинета Каналехаса. Отношения между Мадридом и Ватиканом одно время настолько обострились, что в июле 1910 г. испанское правительство даже демонстративно отозвало своего посла при Римской курии. Но... спустя короткое время внутри либеральной партии опять вспыхнули внутренние разногласия по вопросу о борьбе с церковью; линия правительства стала терять свою первоначальную ясность и твердость; начались всякого рода толкования, компромиссы, уступки... А когда в 1913 г. либералов у власти сменили консерваторы, церковь снова взяла реванш и де-факто (если не де-юре) все опять осталось по-старому. На этом и закончилась борьба с клерикализмом в Испании. Вплоть до революции 1931 г. никаких попыток

---

[74] Romanones Las responsabilidades politicas del antlguo regimen Madrid, стр.184—188.

возобновления такой борьбы не было.

Как видим, и здесь картина была та же, что и в области аграрного и рабочего вопроса. Громкие слова и жалкие дела, Полная неспособность или, вернее, нежелание шагнуть хоть на метр вперед. Франция в начале XX века сумела провести отделение церкви от государства, — испанские антиклерикалы не решились даже поставить этой проблемы. Так труслива и половинчата была испанская буржуазия! Так реакционно и влиятельно было испанское крупное землевладение! Несомненно и тут перед нами одряхление власти налицо.

Тем же духом была проникнута позиция правящих кругов Испании в годы первой мировой войны (1914—1918).

Официальное положение Испании в этой войне определялось уже упоминавшимся выше Картахенским соглашением 1907 г., подтвержденным впоследствии переговорами между Романонесом и Пуанкаре в 1913 г., соглашением, по которому Англия, Франция и Испания обязывались в случае возникновения обстоятельств, имеющих тенденцию изменить территориальное «статус кво» в бассейне Средиземного моря или на европейском и африканском берегах Атлантики, вступить в переговоры о вытекающих отсюда мероприятиях. Однако никаких переговоров между названными державами накануне первой мировой войны не последовало, и испанское правительство (консерватора Дато) уже 1 августа 1914 г. односторонним актом объявило о своем нейтралитете.

Чем это объяснялось? Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо бросить беглый взгляд на положение, создавшееся в Испании в связи с первой мировой войной и, прежде всего, на позиции обеих господствующих партий — консерваторов и либералов.

Обычно считается, что в борьбе двух империалистических коалиций, происходившей в 1914 — 1918 гг., испанские консерваторы являлись сторонниками центральных держав, возглавляемых Германией, а испанские либералы являлись сторонниками Антанты. Такое мнение едва ли справедливо и во всяком случае требует больших оговорок.

На самом деле, первая мировая война вызвала большие разногласия как среди консерваторов, так и среди либералов, разногласия, еще более способствовавшие тому распаду старых правящих партий, который диктовался общим ходом развития рассматриваемого периода.

В консервативном лагере сразу наметился раскол: с одной стороны, король, двор, аристократия, церковная и военно-бюрократическая верхушка вполне определенно сочувствовали Германии и готовы были ей всячески помогать. Эти элементы были представлены в консервативной партии группировкой Мауры. С другой стороны, известная часть крупной буржуазии и связанных с ней «обуржуазившихся» помещиков, интересы которых тесно переплетались с рынками и капиталистическими учреждениями Англии и Франции, склонялись больше на сторону Антанты. Эти элементы были представлены в консервативной партии группировкой Дато. Между двумя названными группировками в течение всей войны шла постоянная борьба, в которой ни та, ни другая сторона не имела решительного перевеса. Ибо, если датисты преобладали в парламентской фракции консерваторов, то мауристы зато опирались на придворные круги, германофильство которых доходило до того, что Альфонс XIII не гнушался ролью немецкого шпиона[75].

В либеральном лагере было аналогичное положение. С одной стороны, известная часть крупной буржуазии и «обуржуазившихся» помещиков, широкие круги средней и мелкой буржуазии, интеллигенции и низшего чиновничества были настроены антантофильски. Эти элементы были представлены в либеральной партии группировкой графа Романонеса, тесно связанного с французским капиталом. С другой стороны, некоторые слои буржуазии, военно-гражданской бюрократии и интеллигенции по разным причинам больше сочувствовали центральным державам. Эти элементы были представлены в либеральной партии группировкой Гарсиа Прето. Между обеими названными группировками тоже шла постоянная борьба, однако и тут ни одна из сторон не могла достигнуть решительного превосходства.

Таким образом, обе правящие партии оказались расколотыми по вопросу о войне, и это, естественно, парализовало их способность к проведению какой-либо твердо определенной линии в сложной международной обстановке 1914—1918 гг.

Для полноты картины необходимо еще вкратце охарактеризовать позиции других партий и группировок в эпоху первой мировой войны.

Неофициальная оппозиция в парламенте — республиканцы слева и карлисты справа — оказалась по обе стороны линии фронта. Все республиканские группы энергично поддерживали

---

[75] Бласко Ибаньес в своем «Разоблаченном Альфонсе» рассказывает, что испанский король, получая от французского военного атташе в Мадриде ценную информацию о военных планах Антанты, немедленно передавал се германскому военному атташе, который, конечно, сообщал ее в Берлин. Французское правительство в конце концов узнало о предательской ролч Альфонса XIII, и после того всякие разговоры между французским военным атташе и испанским королем прекратились. Однако в течение довольно длительного времени Альфонс XIII был одним из главных разведчиков германского генерального штаба.

Антанту и некоторые из них даже требовали вступления Испании в войну на стороне Англии и Франции. Карлисты, наоборот, решительно высказывались за Германию и по мере сил и возможности оказывали ей содействие.

Социалистическая партия Испании последовала примеру своих французских единомышленников. Подавляющее большинство партии, во главе с Пабло Иглесиасом, Ларго Кабальеро, Бестейро и другими, заняло антантофильскую позицию. Правда, в партии имелось пацифистско-интернационалистское меньшинство, лидерами которого были Гарсиа Кехидо, Исидоро Асеведо, Вердес Монтенегро и другие, но оно охватывало не больше 20% членов партии и не отличалось ни решительностью, ни достаточной продуманностью своих взглядов. Достаточно сказать, что это меньшинство осталось в стороне от Циммервальда (в Циммервальдский блок вошел лишь «Союз социалистической молодежи» Испании). При таких обстоятельствах неудивительно, что на съезде социалистической партии в октябре 1915 г. 4090 голосами против 1218 была принята антантофильская установка, а в ЦК партии оказались избранными почти исключительно социал-шовинисты.

Наконец, анархо-синдикалисты, официально заявив о своей одинаковой враждебности как к той, так и к другой коалиции, на деле отказались от всякой борьбы с войной под предлогом нежелания вмешиваться в «политику». Этим весьма ловко воспользовалась Германия, вербуя среди анархистского охвостья своих агентов, особенно для устройства различных диверсионных актов.

Как видим, вся внутренняя ситуация в Испании в эпоху 1914—1918 гг. стояла под знаком раскола и разброда среди ее общественных сил, что в немалой степени способствовало окончательному разложению обеих правящих партий. В сложившейся обстановке эти партии нашли единственный выход в провозглашении нейтралитета и в самой бесцеремонной «работе» на оба лагеря — на Антанту и на Германию.

Действительно, в годы первой мировой войны Испания, как мы видели, обогащалась за счет обеих воюющих сторон. Испания снабжала державы Антанты сырьем и продовольствием, а ее фабрики и заводы (особенно в Каталонии) усиленно выпускали оружие и амуницию.

Одновременно, однако, Испания позволила превратить себя в германскую базу для развертывания шпионской и диверсионной работы против Антанты, а также для снабжения нефтью немецких субмарин. Не случайно вся реакция испанских правительств консервативных, либеральных и коалиционных на «подводную войну» Германии, в результате которой погибло много испанских судов общим водоизмещением в 140 тыс. тонн (т.е. около 16% всего торгового флота страны), ограничилась несколькими беззубыми нотами протеста. Да и с этими нотами иногда происходили весьма странные истории. Тот же Бласко Ибаньес рассказывает, что, когда в 1918 г. министр иностранных дел Дато отправил в Берлин более твердую, чем обычно, ноту протеста, испанский посолив Германии Поло де Бернабэ, следуя секретной инструкции короля, отказался передать ноту по назначению ввиду ее «резкости». А когда Дато потребовал отзыва самоуправного посла, Альфонс XIII этому воспротивился, заявив, что не хочет причинять «огорчения» столь достойному человеку. Только в октябре 1918 г., когда крах Германии был уже совершенно очевиден, коалиционное правительство Мауры решилось конфисковать семь немецких пароходов, находившихся в испанских портах. Да и это было сделано главным образом под давлением испанских судовладельцев, требовавших хоть какой-либо компенсации за потери, причиненные им германскими подводными лодками. Покровительство немцам заходило так далеко, что испанские власти, поощряемые примером своего короля, позволили некоему «барону Кенигу» (на самом деле бывшему лакею) создать в Каталонии банду громил и убийц, которые взрывали заводы, работавшие на Англию и Францию, «ликвидировали» дружественных Антанте предпринимателей, запугивали общественных деятелей антигерманской ориентации. Вину за все эти преступления «барон Кениг» сваливал обычно на анархистов[76].

Позиция, занятая Испанией в годы первой мировой войны, сильно содействовала, как мы знаем, ускорению капиталистического развития и легкому обогащению ее правящей верхушки. Одновременно она, однако, в чрезвычайной степени способствовала разложению той системы управления, которая осталась в наследие от эпохи реставрации.

Внешне это выражалось, прежде всего, в сокращении длительности жизни правительств и во все большем дроблении консерваторов и либералов на взаимно враждующие группы.

За 24 года эпохи реставрации (1874—1898) в Испании сменилось 12 правительств, что дает в среднем два года жизни на одно правительство. На протяжении 20 лет рассматриваемого периода (1898—1917) сменилось 20 правительств, что дает в среднем только один год жизни на правительство. Фактически имелось много правительств, жизнь которых длилась всего лишь один, два, три месяца. В 1906 г. был даже случай, когда либеральное правительство Морета просуществовало только три дня (с 27 по 30 ноября).

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959

[76] Бласко Ибаньес. Разоблаченный Альфонс XIII, стр.17—20.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Чередование у власти консерваторов и либералов продолжалось, и грабеж народных масс шел по-прежнему примерно на половинных началах: за рассматриваемый период было девять консервативных правительств, находившихся у руля в течение 10,5 лет, и 11 либеральных правительств, находившихся у руля 9,5 лет (это дает в среднем 13 месяцев на консервативное и 11 месяцев на либеральное правительство). Однако прежняя регулярность качелей исчезла. В эпоху реставрации всякий раз, как уходил в отставку консервативный кабинет Кановаса, на смену ему приходил либеральный кабинет Сагасты, и обратно. Теперь сплошь да рядом случалось, что несколько консервативных правительств, под председательством различных лидеров консервативной партии, следовали одно за другим, а затем то же самое повторялось, когда власть переходила к либеральной партии. Так, например, в 1902—1905 гг. сменилось подряд пять консервативных кабинетов (Сильвела, Вильяверде, Маура, Аскаррага и опять Вильяверде), а в 1905—1907 гг. сменилось подряд также пять либеральных кабинетов (Монтеро Риоса, Пендрегаста, Лопес Домингеса, Морета и Вега де Армихо). Подобные случаи бывали и позднее.

В этом сказывалось то дробление правящих партий на различные группировки, о котором речь была выше. Но еще ярче это обнаруживалось на скамьях парламента. Вот чрезвычайно любопытный пример. В результате февральских выборов 1918 г., стоящих на рубеже двух этапов рассматриваемого периода, консерваторы получили 152 и либералы 154 мандата (выборы проводило коалиционное правительство Гарсиа Прето, и потому обе правящие партии получили почти одинаковое представительство в кортесах), однако среди консерваторов оказалось 93 датиста, 51 маурист и восемь «независимых», а среди либералов — 68 сторонников Гарсиа Прето, 42 сторонника Романонеса, 37 «левых либералов» из группы Альба и семь «независимых». Здесь с полной наглядностью выступает тот процесс распада обеих правящих партий, который был подготовлен всем ходом развития предшествующего 20-летия.

Все более прогрессирующее одряхление старой политической системы, хорошо иллюстрируемое всеми вышеприведенными фактами, неизбежно должно было иметь и действительно имело своим следствием возрастание политической роли армии. В известной мере повторялось то, что мы уже не раз видели при изложении событий XIX века: чем слабее была гражданская власть, тем больше руководство государственными делами переходило в руки военных. С особенной яркостью это выявилось летом 1917 г. в движении так называемых офицерских хунт.

На протяжении столетия, протекшего с Наполеоновской эпохи, испанская армия не принимала участия ни в одной большой войне и совершенно выродилась, как боевая сила. Об этом весьма ярко свидетельствовала катастрофа 1898 г. Армия была плохо обучена, плохо вооружена, плохо снабжалась и плохо руководилась бездарными генералами. В ней царствовали коррупция и фаворитизм. В ней сохранились многие пережитки прошлого, в частности неравенство в положении между различными видами оружия: артиллерия и кавалерия пользовались такими привилегиями, в которых отказывалось пехоте. В ней было — старый порок! — слишком много генералов и офицеров и слишком мало солдат: в 1930 г., например, в среднем один командир приходился на семь солдат!

В предыдущем изложении мы уже отмечали, что после окончания войны за независимость (1808—1814), во время которой в состав офицерского корпуса влилось много демократических элементов, характер последнего стал меняться в отрицательную сторону: герои этой войны, вышедшие из народа, постепенно сходили со сцены — частью естественно (умирали), частью искусственно (вытеснялись), — а новые пополнения шли уже только из рядов господствующих классов. В результате офицерский корпус становился все более реакционным, а армия в целом принимала, говоря словами К.Маркса, все более «преторианский» характер. Правда, в эпоху реставрации она сравнительно мало фигурировала на поверхности политической жизни, но это не значило, что ее влияние на правительственную машину исчезло. Нет, это влияние осталось, хотя осуществлялось в более прикрытых формах, за кулисами. В частности, армии была предоставлена почти неограниченная возможность грабить государство. Таков был один из важнейших элементов того «прусского» компромисса, который восторжествовал в Испании после революции 1868—1874 гг. Однако с наступлением XX века по причинам, о которых речь была выше, военные вновь открыто выступили на политической сцене.

На этот раз вмешательство армии в государственные дела первоначально приняло форму движения офицерских хунт. Эти хунты стали возникать с конца 1916 г. и к середине следующего года превратились уже в весьма серьезную силу. Они появились почти во всех гарнизонных городах Испании, но главным центром имели Барселону, где заседала Верховная хунта, возглавляемая полковником Маркесом. Членами движения были офицеры пехотных войск в чине не выше полковника. Генералы в состав хунт не принимались. Социально хунты представляли преимущественно мелкопоместное дворянство, из рядов которого вербовался средний и низший командный состав испанских вооруженных сил, — между тем как генералитет по большей части представлял крупное землевладение, аристократическое и неаристократическое.

Чего хотели офицерские хунты?

Они были недовольны в первую очередь порядками, существующими в армии, — фаворитизмом и казнокрадством, слабостью дисциплины и бездарностью генералов, роскошной жизнью военной верхушки и нищенским существованием рядового офицерства. Именно поэтому офицерские хунты противопоставляли себя генералитету и на первых порах (особенно в горячей атмосфере 1917 г.) не прочь были поиграть в «левую» демагогию. Среди членов хунт на первых порах имелось даже демократическое крыло, которое кокетничало с различными оппозиционными группами, включая каталонских националистов. Это, впрочем, ни в какой мере не меняло реакционной сущности офицерских хунт.

Названные хунты были далее недовольны общим курсом сменяющихся консервативных и либеральных правительств, считая, что они слишком потакают рабочим, что они слишком считаются с конституцией, что они, словом, слишком много болтают и слишком мало делают по части удушения революционного движения в городе и деревне. Отсюда вытекало стремление хунт активно вмешиваться в политику и оказывать влияние на формирование власти — тем более, что с самого начала она нашли себе влиятельного покровителя в лице короля.

В мае 1917 г. либеральное правительство Гарсиа Приета сделало попытку распустить офицерские хунты, но барселонская Верховная хунта отказалась выполнить приказ кабинета. Тогда Гарсиа Прито распорядился об аресте Верховной хунты. Мятежные офицеры обратились за помощью к Альфонсу XIII, и не напрасно. Король стал на сторону офицерских хунт, и 1 июня 1917 г. барселонское офицерство отправило правительству ультиматум: или освобождение арестованных не позже, как через 12 часов, или повсеместное восстание офицерских хунт. Правительство капитулировало, и Верховная хунта была выпущена из тюрьмы. Ободренная этим Верховная хунта затем потребовала утверждения составленного ею устава хунт, прекращения репрессий, а также смещения ряда неприятных ей генералов. Положение правительства Гарсиа Прито стало совершенно невозможным, и 11 июня 1917 г. оно ушло в отставку.

Пришедшее ему на смену консервативное правительство Дато сделало попытку задобрить офицерские хунты. Предложенный ими устав был утвержден, в составе генералитета произведены известные перемены. Однако это не удовлетворило хунты, они требовали большего. Очень скоро Верховная хунта перешла в атаку против правительства Дато. Король и на этот раз оказал ей поддержку. В результате 3 ноября 1917 г. правительство Дато тоже должно было выйти в отставку.

Так было положено начало открытому вмешательству армии в дела государственного управления. Все дальнейшие правительства 1917—1923 гг. находились в сильнейшей зависимости от офицерских хунт, становившихся все более властными и реакционными. Наконец, в сентябре 1923 г. (о чем подробнее речь будет ниже) это возвращение армии в сферу политики нашло себе уже вполне законченное выражение в установлении военной диктатуры генерала Примо де Ривера.

Движение офицерских хунт явилось завершающим симптомом того процесса разложения режима реставрации, который был обусловлен всей совокупностью экономических, социальных и политических факторов 20-летия 1898—1917 гг. Нужен был лишь достаточно сильный толчок для того, чтобы этот процесс из стадии сравнительно медленного развития перешел в стадию острого кризиса, который в короткий срок привел Бурбонскую монархию к окончательной гибели. Такой толчок не заставил себя долго ждать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким толчком явился 1917 год в России. Но именно это обстоятельство заставляет нас поставить здесь точку. Ибо, как уже говорилось в предисловии, советская историография считает 1917 г. важнейшей исторической вехой, с которой начинается совершенно новая эпоха в развитии человечества — эпоха социализма. На 1917 г. кончается «новая история» и открывается «новейшая история». В задачи настоящей книги не входит изображение новейшей истории Испании, — для этого нужна совершенно особая работа. Так как, однако, у читателя предыдущих страниц, естественно, имеется желание получить хотя бы самое общее представление о том, как развивалась испанская история после 1917 г., мы позволим себе дать на нескольких последующих страницах чисто конспективный перечень ее важнейших событий.

Уже Февральская революция в России произвела сильнейшее впечатление в Испании. Еще больший эффект имела Октябрьская революция. Особенно взволнованы были широкие массы трудящихся. Вот как это описывает испанский корреспондент «Правды» в своем сообщении от 12 сентября 1920 г.: «Всякого оратора, разъяснявшего на собраниях великое значение русской революции, рабочие встречали с неописуемым восторгом. Профсоюз транспортников постановил и провел в жизнь решение противодействовать доставке военного снаряжения деникинским бандам. В Испании было также несколько выступлений против преступной деятельности Антанты. Лидер республиканцев был избит толпой только за то, что он высказался против советского строя ... Франция попросила содействия испанского правительства для усиления блокады, — тогда во всех городах Испании произошли демонстрации протеста против требования французов, а в

Барселоне и Валенсии рабочие разгромили французские консульства ... Это всеобщее бурное движение заставило испанское правительство отказать Франции в ее просьбе».

Дело не ограничилось, однако, выражением сочувствия Советской России. 1917—1920 гг. явились периодом необыкновенно мощного подъема испанского рабочего движения вообще, а также чрезвычайного обострения классовой борьбы в стране.

Недаром буржуазные историки любят называть этот период «большевистским трехлетием». Ярче всего его характер выразился в двух фактах, — в огромном росте обоих профсоюзных центров — Всеобщего Союза Трудящихся и Национальной Конфедерации Труда — и в необычайно массовом и бурном стачечном движении, прокатившемся по всей Испании.

За три года, с 1917 по 1920 г., число членов увеличилось: у Всеобщего Союза Трудящихся со 100 до 211 тыс., у Национальной Конфедерации Труда — с 322 до 1125 тыс.

Не менее характерны цифры, относящиеся к стачечному движению. Согласно официальной испанской статистике, которая, однако, не регистрировала политических забастовок, среднее годовое число стачечников составляло: за десятилетие 1908—1917 гг. 45 тыс. человек, а за трехлетие 1917— 1920 гг. 178 тыс., т.е. в 4 раза больше. При этом особое значение имел самый характер стачек. Это не были обычные экономические конфликты между трудом и капиталом, — это были конфликты совсем иного рода. Даже тогда, когда исходным пунктом конфликтов являлись вопросы зарплаты или длины рабочего дня, они сразу же обнаруживали тенденцию к превращению во всеобщие стачки. Так было, например, в августе 1917 г., когда борьба пролетариата против вздорожания жизни вылилась в вышеописанную массовую стачку рабочих всех отраслей труда. Так было в 1919 г. в Каталонии, когда борьба за улучшение положения рабочих приняла форму бурного стачечного движения, распространившегося в дальнейшем на другие районы страны. Так было в 1920 г., когда в Рио-Тинто, Валенсии, Барселоне, Сарагосе и многих других городах разыгрались упорные массовые стачки, превратившиеся в крупнейшие классовые битвы между трудом и капиталом. Эта мощная пролетарская борьба полустихийно перекатывалась из одного конца страны в другой, из одной отрасли производства в другую. Напряженность борьбы то усиливалась, то ослабевала, в ней были приливы и отливы, моменты затишья сменялись моментами бурных взрывов, стоявших на грани революции.

Борьба в городе находила широкий отклик в деревне. Здесь действовали многочисленные крестьянские организации, примыкавшие к Всеобщему Союзу Трудящихся и Национальной Конфедерации Труда. Они устраивали стачки, проводили бойкот помещиков, жгли посевы и имения, убивали наиболее ненавистных чиновников местной администрации. Дело иногда доходило до локальных восстаний и временных захватов власти крестьянами.

Этот революционный накал масс находил свое отражение в руководящих кругах социалистического и анархистского движений. В течение 1919—1920 гг. в социалистической партии шла большая внутренняя борьба по вопросу о том, к какому Интернационалу присоединяться: к созданному в феврале 1919 г. так называемому Бернскому Интернационалу (восстановленному Второму Интернационалу) или к возникшему в марте 1919 г. Третьему, Коммунистическому Интернационалу? Влияние сторонников Коминтерна было настолько велико, что социалисты посылали своих делегатов в Москву для переговоров и несколько раз обсуждали жгучий вопрос на своих съездах. Однако отлив революционной волны в Европе, начавшийся в 1921 г., дал перевес противникам Коминтерна. В итоге социалистическая партия сначала примкнула к так называемому «212 Интернационалу», возникшему в 1920 г., а затем в 1923 г. вместе с ним влилась в ряды Бернского Интернационала.

Внутренняя борьба происходила и в анархо-синдикалистской Национальной Конфедерации Труда. Она в эти годы также посылала делегатов и вела переговоры с Москвой, на короткое время вступила даже в ряды Профинтерна, но потом очень быстро покинула его и вновь вернулась на свои прежние пути.

Одним из последствий революционного подъема 1917 — 1920 гг. было возникновение Коммунистической партии Испании. Она сложилась в 1920 г. из Социалистического союза молодежи и некоторых левых группировок внутри социалистической партии, перешедших на позиции Коминтерна. Этот факт имел громадное историческое значение и в дальнейшем оказал очень сильное влияние на весь ход развития в Испании.

Подводя итоги событиям 1917—1920 гг., приходится констатировать, что народные массы за этот короткий срок бросили на весы истории поистине гигантскую сумму революционной энергии, — и если тем не менее полученные ими плоды были весьма тощи, если, в частности, Бурбонская монархия, хотя и получившая тяжелый удар, все-таки сумела устоять, то главной причиной тому было отсутствие в Испании подлинно революционной партии пролетариата, а также глубокий внутренний раскол его на социалистов и анархистов, который с 70-х годов прошлого века стал настоящим проклятием испанского рабочего класса.

Временный спад революционной волны развязал руки реакционной верхушке испанского государства, и в 1921 г. она решила начать большое наступление в Марокко, где Испания по сути дела в течение многих десятилетий вела хроническую колониальную войну. Это наступление, планы которого были разработаны лично королем Альфонсом XIII, за спиной у испанского генерального штаба, закончилось полным разгромом испанских войск под Ануалем (июнь 1921 г.). Его последствием явился острый политический кризис в самой Испании, причем на этот раз открыто был поставлен вопрос об ответственности короля за поражение. Попытки двора в порядке конституционной легальности вывести Альфонса XIII из-под удара окончились неудачей, и, чтобы спасти положение династии, король, поддерживаемый наиболее реакционными грандами, верхушкой военных и крупной буржуазией, напуганной новым подъемом пролетарской борьбы, прибег к государственному перевороту: 23 сентября 1923 г. в стране была провозглашена военная диктатура.

Генерал Примо де Ривера, ставший теперь главой исполнительной власти, разогнал парламент и муниципалитеты, распустил все политические партии и заменил их созданным им «Патриотическим союзом» хулиганов и бандитов, обрушил тяжелые удары на движение национальных меньшинств, загнал в подполье коммунистов и анархистов. Только социалисты сохранили легальность, ибо их правое руководство не остановилось перед позором открытой поддержки диктатора.

Однако все это мало помогло Бурбонам. Несмотря на все преследования и репрессии, классовая борьба в стране систематически обострялась, экономические трудности увеличивались, международный престиж Испании падал, а в Марокко одна неудача сменялась другой. В 1924 г. испанские войска под Ксауеном потерпели новое поражение, еще более тяжелое, чем за три года перед тем под Ануалем[77]. Мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 г., сильно ударил по Испании и сразу обострил все ее внутренние противоречия. Положение Примо де Ривера, еще раньше поколебленное заговорами и раздорами в армейской верхушке, стало явно критическим. Альфонс XIII, боявшийся, что падение Примо де Ривера может увлечь за собой в бездну и Бурбонскую династию, теперь отвернулся от диктатора. Попытка последнего апеллировать к генералитету не имела успеха. В такой обстановке 28 января 1930 г. Примо де Ривера увидел себя вынужденным уйти в отставку, а в конце того же 1930 г. он умер в Париже.

После падения диктатуры двор и поддерживавшие его круги аристократии еще около года предпринимали судорожные попытки предотвратить или по крайней мере задержать наступление неизбежного. Но было уже поздно, и ничто им не удавалось. Волна народного гнева против гнусного, насквозь прогнившего режима поднималась все выше. Студенты в Мадриде устраивали демонстрации под лозунгом «Долой короля!» Рабочие бастовали по всей стране, — за 1930 г. число стачечников превысило 1 млн. человек. Они требовали улучшения своего положения и кричали «Да здравствует республика!» В деревне опять начали гореть латифундии. Даже в армии появилось много республиканцев, и артиллеристы (в Испании самый «аристократический» род войск) изгнали из своей среды сына короля Хаиме. В то же время в лагере реакции царил все усиливавшийся разброд. В начале 1931 г. правительство адмирала Аснара — последнее монархическое правительство Испании — вынуждено было хотя бы частично пойти навстречу массовым настроениям: на 12 апреля того же года были назначены муниципальные выборы, — первые муниципальные выборы после государственного переворота 1923 г. Эти выборы кончились блестящей победой врагов монархии. 14 апреля по всей стране началось стихийное провозглашение республики. 15 апреля Альфонс XIII со всей семьей тайно бежал из Испании, опубликовав несколько дней спустя манифест, в котором заявлял, что не отказывается «ни от одного из прав», данных ему «историей». Король, видимо, думал о возможности скорой реставрации. Однако игра его была кончена. Монархия, в Испании перестала существовать.

Так, после почти полувекового перерыва, пришла шестая испанская революция, продолжавшаяся восемь лет (1931— 1939). По своему характеру это была — особенно после 1934г. — антифашистская революция, пред которой в первую очередь стояли задачи буржуазно-демократической революции, не осуществленные революциями XIX века (ликвидация пережитков феодализма, уничтожение засилия католической церкви, разрешение аграрного и национального вопросов, проведение широкой программы социальных реформ и т.д.). Так как, однако, эта революция происходила уже в эпоху империализма, когда буржуазия стала реакционным классом, то победа революции была возможна только при условии гегемонии рабочего класса, возглавляемого сильной пролетарско-революционной партией. В этом случае буржуазно-демократическая революция имела бы много шансов перерасти в революцию социалистическую. К сожалению, такой партии в Испании 1931 г. не оказалось, ибо возникшая в 1920 г.

---

[77] В 1926 г. марокканцы проиграли войну, но только благодаря тому, что Франция объединилась с Испанией в борьбе против национально-освободительного движения в Марокко: французские империалисты боялись, что успех этого движения в испанской зоне Марокко может оказать «дурное влияние» на арабов во французской зоне.

коммунистическая партия к тому времени еще не изжила своих детских болезней и была еще слаба, а социалистическая партия и НКТ, которые имели среди рабочих большое число последователей, были глубоко разъедены различными формами оппортунизма. Чрезвычайно отрицательную роль играл также уже известный нам застарелый раскол в рядах пролетариата. Все только что указанные обстоятельства наложили свою печать на ход и исход шестой испанской революции.

Схематически в этой революции можно различить четыре важнейших периода.

Первый период — от апреля 1931 до ноября 1933 г. — период либерально-буржуазной республики. Помещики и крупная буржуазия, напуганные революционной бурей, временно уходят с авансцены политики, маскируются и выжидают удобного момента для осуществления контрреволюции. На переднем плане мелко- и среднебуржуазные партии левого толка — «Республиканское действие» во главе с Мануэлем Асаньей, радикал-социалисты во главе с Марселино Доминго, галисийские республиканцы во главе с Касарес Кирогой и «Эскерра» (Каталонская левая) во главе с Луисом Компанисом. С ними сотрудничает социалистическая партия во главе с Ларго Кабальеро и Индалесио Прето. Именно блок левых республиканцев и социалистов составляет большинство в учредительных кортесах, избранных в июне 1931 г., и оказывается ядром правительств первого периода революции. Как это свойственно мелкой и средней буржуазии, политика названного блока носит половинчатый и колеблющийся характер. В программе реформ, которые он проводит, в методах управления страной, которые он применяет, республикански-социалистический блок все время ищет какой-то «золотой середины» между требованиями рабоче-крестьянских масс и притязаниями буржуазно-помещичьей реакции. Одним из последствий такой линии поведения, сыгравшей в дальнейшем поистине роковую роль, является сохранение почти в полной неприкосновенности старого монархического аппарата управления в центре и особенно на местах. Над ним парит в облаках новое республиканское правительство, власть которого не распространяется дальше канцелярий ею министров. В конечном счете блок левых республиканцев и социалистов восстанавливает против себя как революционные массы, так и контрреволюционных помещиков и генералов. Трудящиеся все больше поворачиваются к нему спиной. Правые, вдохновляемые приходом в январе 1933 г. Гитлера к власти используют создавшуюся ситуацию и переходят в открытое наступление.

Второй период революции — от ноября 1933 до февраля 1936 г. — период консервативно-буржуазной республики.

Располагая громадными денежными средствами и мобилизуя в своих интересах старый административный механизм на местах, буржуазно-помещичья реакция одерживает решительную победу на парламентских выборах в ноябре 1933 г. Левые республиканцы и социалисты сведены в новых кортесах к положению бессильной оппозиции. Ядром правых становится «СЭДА» («Confederacion Espanola de Derechos Autonomos») — объединение ряда реакционных организаций («Народно-аграрное действие», «Католическое действие», «Испанское возрождение», «Общество традиционалистов» и другие) во главе с Хилем Роблесом. К власти приходят правительства, которые аннулируют более чем скромные реформы либерально-буржуазной республики. Открывается эра жестоких гонений против революционных рабочих и крестьян

Однако реакция делает счет без хозяина. Революционный дух масс не сломлен. Вулкан продолжает извергать горящую лаву, и почва под ногами контрреволюции горит. По всей стране создаются так называемые «рабочие альянсы» — объединения рабочих партий и организаций различных толков. Компартия, на IV съезде 1932 г. сменившая руководство и поставившая во главе ЦК Хосе Диаса и Долорес Ибаррури, быстро набирает силы и превращается в серьезный фактор рабочего движения. На протяжении 1934 г. разыгрывается ряд крупнейших стачек и бурных манифестаций, направленных против поднявшей голову реакции. Своего апогея это движение достигает в знаменитом восстании астурийских рабочих (октябрь 1934 г.), создавших в своем округе независимую «Рабоче-крестьянскую республику». Однако раскол пролетариата и предательское поведение руководства правых социалистов и анархистов губят эту героическую акцию масс. Астурийское восстание подавлено, а по стране разыгрывается вакханалия белого террора.

Но эта расправа лишь ожесточает испанских рабочих и крестьян. Коммунистическая партия бросает лозунг объединения всех антифашистских сил, лозунг «Народного фронта». Она прилагает гигантские усилия для реализации этого лозунга на практике Компартию поддерживают все прогрессивные силы страны. В конце 1935 г. Народный фронт создается. В него входят коммунисты, социалисты, левые республиканцы, национальные организации (каталонцы), профессиональные союзы. Правда, НКТ, прячась за ширму «аполитизма», официально отказывается принять участие в Народном фронте, однако анархистские массы стихийно тянутся к нему и оказывают ему поддержку.

Тем временем в лагере реакции, видящей, что ничто ей не помогает, нарастают внутренние раздоры и несогласия. Внешним проявлением этого является настоящая свистопляска правительств: за 16 месяцев, протекших между октябрьскими событиями 1934 г. и февральскими

выборами 1936 г. в кортесы, сменяется семь кабинетов! В конечном счете реакция видит себя вынужденной распустить старые кортесы и на 16 февраля 1936г. назначить выборы в новые кортесы. На этот раз победу одерживает Народный фронт: он проводит в парламент 277 депутатов из общего количества 473, в том числе 89 социалистов и 16 коммунистов. Наступает конец консервативно-буржуазной республике.

Третий период — от 16 февраля до 18 июля 1936 г. — период «республики Народного фронта» в обстановке мира. Во главе страны становится правительство левых республиканцев во главе с Мануэлем Асаньей. Ни социалисты, ни коммунисты в него не входят, но оказывают ему поддержку. Левые республиканцы, верные своей мелкобуржуазной природе, мало чему научились на опыте революции. Они по-прежнему боятся твердо опереться на рабоче-крестьянские массы и пойти по пути ликвидации самых основ буржуазно-помещичьей реакции. Их политика — старая политика колебаний и нерешительности. Это теперь тем более непростительно, что отныне в борьбу между силами революции и силами контрреволюции вступает новый и чрезвычайно важный фактор: вмешательство гитлеровской Германии и фашистской Италии во внутренние дела Испании.

Левые республиканцы не принимают решительных мер для подавления контрреволюции, в частности для обезвреживания контрреволюционных генералов и офицеров. Левые республиканцы не идут до конца в удовлетворении требований масс, в особенности в области аграрного вопроса. Левые республиканцы не уделяют должного внимания интригам фашистских держав, почти открыто готовящих военно-фашистский мятеж в Испании. Тщетно коммунисты и все более дальновидные политические деятели Испании стараются побудить левых республиканцев принять эффективные меры против быстро надвигающейся опасности, — левые республиканцы никак не могут решить, кого они боятся больше — революционных рабочих и крестьян или буржуазно-помещичьих реакционеров. Результат понятен: 18 июля 1936 г. разражается военно-фашистский мятеж против республики, всемерно инспирируемый и поддерживаемый Гитлером и Муссолини.

Четвертый период — от 19 июля 1936 г. до 5 марта 1939 г. — период «республики Народного фронта» в обстановке гражданской войны и иностранной интервенции. Два фактора — один внутреннего, другой внешнего порядка — определяют в эти 32 месяца положение и развитие Испанской республики.

Фактор внутреннего порядка состоит в том, что буржуазно-помещичья реакция, используя генералитет и офицерство старой армии, развязывает гражданскую войну и делает попытку силой подавить революцию. Несмотря на то, что почти весь командный состав регулярных войск, а также многие солдаты, одураченные монархистами, оказываются в лагере реакции, несмотря на то, что благодаря преступной беспечности левых республиканцев революция в критический момент оказывается без вооруженных сил, на которые она могла бы положиться, испанские рабочие и крестьяне дают мощный отпор фашизму. Революционный энтузиазм масс настолько велик, их бурное негодование против заговорщиков настолько неодолимо, что уже в самые первые дни после начала мятежа ставка контрреволюционных генералов оказывается битой. Будь Испания предоставлена самой себе, спустя короткое время республика всюду восторжествовала бы.

Но в том-то и дело, что Испания не предоставлена самой себе. Наряду с фактором внутреннего порядка имеется важнейший фактор внешнего порядка Германия и Италия, которые уже давно плетут свои сети около Испании, теперь переходят в решительное наступление. Они вдохновляют и организуют испанских мятежников, снабжают их оружием, самолетами, советниками. Они разрабатывают для них стратегические планы и посылают свои войска в Испанию для скорейшего сокрушения республики. Так как эта наглая фашистская интервенция вызывает бурное негодование всех честных людей и, прежде всего, рабочего класса во всех концах мира, то империалистические правительства Англии и Франции, не желающие ссориться с Гитлером и Муссолини, изобретают политику «невмешательства в испанские дела». По их инициативе 27 европейских правительств, в том числе германское и итальянское, подписывают соглашение, обязывающее их воздерживаться от всякого вмешательства в испанские дела, в частности не продавать военных материалов и вооружения ни той, ни другой стороне в Испании. Для наблюдения за выполнением этого соглашения в Лондоне создается особый Комитет из представителей всех 27 держав.

Разумеется, Германия и Италия, подписав соглашение, и не думают об его соблюдении: они по-прежнему продолжают самым активным образом участвовать в испанской войне на стороне мятежников, возглавляемых генералом Франко. Напротив, Англия, Франция и другие «демократические державы» строго придерживаются взятых на себя обязательств. В результате создается вопиющее положение: в то время, как Франко в изобилии получает от своих иностранных покровителей оружие, боеприпасы, самолеты, воинские части, республиканское правительство лишено возможности купить заграницей даже противогазы. Только СССР, убедившись в систематическом нарушении соглашения о невмешательстве со стороны Германии и Италии, отказывается от участия в этой гнусной комедии, и только коммунистические партии европейских стран дают мощный толчок созданию добровольческих интернациональных бригад,

покрывших себя славой на полях битв за испанскую республику.

В конечном счете испанская демократия все-таки оказывается в исключительно тяжелом положении, ибо, помимо внутренней контрреволюции, ей приходится вести жестокую борьбу с могущественной коалицией пяти величайших империалистических держав, из которых две — Германия и Италия — осуществляют открытую интервенцию в пользу Франко, а три — Англия, Франция и поддерживающие их США — осуществляют ту же интервенцию в пользу Франко скрыто, под легкой вуалью соглашения о невмешательстве.

В такой обстановке правительство Народного фронта, естественно, меняет свой первоначальный характер. Прежде всего оно становится коалиционным: в нем участвуют социалисты, коммунисты, левые республиканцы и одно время даже анархисты. Руководящая роль в правительстве переходит к социалистам. Далее, постепенно меняется соотношение сил между партиями: социалисты и левые республиканцы все больше слабеют, коммунисты все больше усиливаются. Особенно велико влияние коммунистов в республиканской армии, созданию которой они отдают свои лучшие силы. Благодаря этому действительная роль коммунистов в формировании политики Испанской республики далеко перерастает их сравнительно скромное положение в правительстве (два министра из 11). Наконец, в суровых условиях войны, под влиянием величайшей активности масс, правительству приходится в интересах фронта и тыла перешагнуть рамки буржуазно-демократических норм и принимать меры, явно свидетельствующие о перерастании революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. Большинство помещиков с начала войны бежит в лагерь Франко или заграницу,— их земли конфискуются и переходят к крестьянам, возникают первые колхозы, объединившие сотни тысяч человек. Большинство капиталистов следует примеру помещиков и бросает свои предприятия. Фабрики и заводы обобществляются и переходят в руки государства, муниципалитетов, профсоюзов. Старая армия рассыпалась» исчезла, перешла на сторону реакции,—создается новая армия, в основу которой кладутся дух и организационные формы Красной Армии СССР. И так во всем. Процесс перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую проходит не гладко, с большими трудностями, с острой борьбой между партиями-участницами Народного фронта, но он все-таки идет, достигая высшей точки в 1938 г. Именно отсюда, из процесса перерастания, исходят родники того энтузиазма, того героизма, той поразительной жизнеспособности масс, которые дают Испанской республике возможность в течение 32 месяцев сопротивляться огромной империалистической коалиции. Лишь гигантский перевес чисто физических сил в конечном счете сокрушает республику Народного фронта и обрывает на полдороге многообещающее развитие ее по пути от буржуазной демократии к социализму.

В марте 1939 г. Франко, т.е. силы фашистской реакции — внутренней и особенно иностранной — одерживают победу. В испанской истории открывается новая страница, полная крови и трагизма. 18 лет, прошедшие с тех пор, являются одной из самых мрачных эпох в многовековом развитии страны. В области внутренней политики царит беспощадный белый террор. В области внешней политики процветает угодничество пред американским империализмом.

Но крот истории делает свое дело. Есть ряд симптомов, свидетельствующих о том, что не за горами тот день, когда страница, открывшаяся в марте 1939 г, будет, наконец, дописана до конца и перевернута раз навсегда в великой книге деяний испанского народа.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ, СПРАВОЧНИКИ, БЮЛЛЕТЕНИ, ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

К.Маркс. Революционная Испания. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х.

К.Маркс. Восстание в Мадриде. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х.

К.Маркс. Подробности мадридского восстания. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х.

К.Маркс. Прокламация Дульсе и О'Доннеля. К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х.

К.Маркс. Испанская революция. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х.

К.Маркс. Эспартеро. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х.

К.Маркс. Контрреволюция за работой. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х.

К.Маркс. Требования испанского народа. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч.,т.Х.

К.Маркс. Испанская революция и Россия. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х.

К.Маркс. Созыв учредительных кортесов. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х.

К.Маркс. Реакция в Испании. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х.

К.Маркс. Последние мероприятия правительства. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.Х.

Ф.Энгельс. Бакунисты за работой. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XV.

В.И.Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т.3.

В.И.Ленин. Сила и слабость русской революции. Соч., т.12.

В.И.Ленин. Империализм и раскол социализма. Соч., т.23.

И. М. МАЙСКИЙ
ИСПАНИЯ 1808–1917
Москва: издательство АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1959
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

В.И.Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т.22.

В.И.Ленин. Государство и революция. Соч., т.25.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Архив внешней политики Министерства иностранных дея, канцелярия, № 3269, папка «Espagne», 1808, № 18—19.

Архив внешней политики Министерства иностранных дел, канцелярия, № 7520, папка «Espagne», 1810, № 1—5.

Архив внешней политики Министерства иностранных дел, канцелярия, № 7524—7528, папка «Мадрид, Моренгейм», 1811, № 8—41.

Архив внешней политики Министерства иностранных дел, канцелярия, № 7522, папка «Madrid», 1810, № 26, «Journaux».

Архив Министерства иностранных дел. Дело № 7513, папка «Madrid, Gr.Strogonoff», 1808, № 7—76. Испания. Конституция 1876 г. Киев. 1905.

A collection of correspondences relative to Spain and Portugal presented to parliament in 1810. London, 1811.

Constitucion politica de la monarchia espanola. Cadiz, 1812. Jovellanos G. Informe de la soc:edad economica de este corte al real y supremo consejo de Castilla en el expediente de ley agrana. Madrid, 1795. Spain. Cortes. Manifesto de Cortes de la nation espagnole sur le traite propose par Buonaparte dars le mois de decembre 1813.

Spain. Cortes estraordinarios 1823. D'ario de las Cortes estraordinarios. Ses-i, sion del dia 9, 11 de enero de 1823.

Spain Junta suprema. Manipesto de la nacion esporiola a la Europa, 1809. Spain laws. Statutes etc. Coleccion de los decretos y ordenes. Madrid, 1820.

Annuaire Statistique. Paris, 1937. Anuario de historia del derecho espanol. Madrid, 1925.

Anuario Estadistico de Espana. Madrid, 1942. Argiielles Jose. Diccionario de hacienda para el uso de los encargados de la suprema direction de Ella. London, 1826—1827. Statesman's Yearbook, 1870—1916

ПРЕССА, ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«Библиотека для чтения», 1839—1858. «Вестник Европы», 1871. «Воинствующий атеист», 1931, № 6. «Киевские университетские известия», 1899. «Москвитянин», 1849. «Наблюдатель» 1885—1898. «Неделя», 1866—1874. «Отечественные записки», 1869—1883. «Русский вестник», 1856—1874. «Современник», 1839—1851. «La cronica», 1873. «Revue des deux mondes», 1873—1894.

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, БИОГРАФИИ

Боткин В.П. Письма об Испании. СПб, 1857.

Булгарин Ф.В. Воспоминания об Испании. СПб., 1828.

Никулин Л.В. Письма об Испании. М., 1930.

Ревзин Г.И. Риэго. М., 1939.

Шильдер Н.К. Император Александр первый. СПб., 1898.

Aquino Miguel. Breves estudios biograficos. Madrid, 1899. Bourgoing Adolph de. L'Espagne. Souvenirs de 1823 et de 1833. Paris, 1834.

Burgos Segui Carmen. Gloriosa vida y desdechada muerte de Rafael de Riego.

Canamaque Francisco. Los oradores de 1869. Madrid, 1879. Madrid, 1931

Cortes Donoso. Lettres et discours. Paris, 1850.

Del Riego Rafael. Proces du general Rafael del Riego. Paris, 1823.

Diaz D. Galeria de espanoles celebres Madrid, 1841—1846.

Doblado Leucadio. Letters from Spain. London, 1825.

Fee A. Souvenirs de la guerre d'Espagne dite de I'independance. 1809—1813. Paris, 1856.

Galerie espagnole on notices biographiques sur les membres de certe» et du gouvernement. Paris, 1823.

Godoy Manuel. Memoires du prince de la Paix. Bruxelles, 1836—1838,

Henningsen Charles. Memoires sur Zumalacarregui et sur les premieres compagnes de Navarre. Paris, 1836.

Memoires pour servir a l'histoire de la guerre civile d'Espagne pendant les annes 1822, 1823. Paris, 1837.

Pradt Dominique. Memoires historiques sur la revolution d'Espagne. Paris, 1816.

Vida militara y politica de Espartero. Madrid. 1844.

ИССЛЕДОВАНИЯ и СТАТЬИ

Адамов Е.А. Испания и Португалия. М.—Л., 1925.

Варга Е.С. Испания в революции. М, 1936.

Губер А.А. Филиппинская республика и американский империализм. М., 1948.

Ермолов В. Испано-американская война. СПб., 1899.

Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1948.

Ибаньес Висенте Бласко. Альфонс XIII разоблаченный. Л., 1925.

Кадрель А. Испания и ее революция. СПб., 1866.

Кастелар Э. О республике. Лейпциг, 1869,

Лависс и Рамбо. История XIX в., т. V. М., 1938.

Ларра Марианно Хосе де. Общественные очерки Испании 1832—1837. СПб., 1898.
Мирошевский В. Освободительные движения в американских колониях Испании.М., 1946.
Нахт Зигфрид. Очерки по истории рабочего движения в Испании. 1909.
Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М., 1947.
Пискорский В.К. История Испании и Португалии. СПб., 1902.
Прескотт Вильям. История царствования Филиппа Второго, короля испанского. СПб., 1858.
Растеряев Н. Испания с точки зрения исторической. СПб., 1902.
Слезкин Л. Ю. Испано-американская война 1898 г. М., 1956.
Трачевский А. С. Испания девятнадцатого века. М., 1872.
Яковлев И. Очерки современной Испании 1884—1885. СПб. 1889.
Albornoz Alvaro de. El partido republicano. Madrid.
Algarra. L'anarchie espagnole. Paris, 1868.
Almirall V. L'Espagne telle qu'elle est. Paris, 1887.
Altamira Rafael. Historia de la civilizacion espanola. Barcelona.
Angelo Paul. Las asesinas del general Prim y la politica en Espana. Paris, 1886.
Apendice a la vida militar y politica del ilustre duque da la Victoria Don Baldomero Espartero. Madrid, 1846.
Balaguer Victor. Estudios historicos y politicos. Madrid, 1876.
Barthe Andre et Barthe. La salaire des ouvriers en Espagne. Madrid, 1896.
Baumgarten Hermann. Geschichte Spaniens vom Ausbruch der franzosischen
Revolution bis auf unsere Tagen. Leipzig, 1865—1871.
Baumstark Reingold. Mein Ausflufi nach Spanien im Fruhling 1867. Regenburg, 1868.
Bazin R. Terre d'Espagne, Paris, 1895. Beauchamp Alphons de. De la revolution d'Espagne et de la crise actuelle. Paris, 1822.
Becker Jeronimo. Historia de la relaciones exteriores de Espana durante el siglo XIX. Madrid, 1924—1926.
Block Maurice. L'Espagne en 1850. Paris, 1851.
Bogaerts Felix. El maestro del campo. Anvers, 1839.
Bollaer William. The wars of succession of Portugal and Spain from 1826 to 1840. London, 1870.
Bonilla Carlos de. La guerre civile en Espagne 1833—1848—1872. Bayonne.
Brede Ch. La guerre hispano-americaine de 1898. Paris, 1899.
Brenan G. Ttie Spanish labirynth. Cambridge, 1943.
Bugallal Isidore. Antes y despues del desastre. Madrid, 1908.
Carmona Francisco Diaz. Elementos de histona de Espana. Granada, 1904—1905.
Carnicero Jose Clemente. El liberalismo convencido par sus mismos escritos, o examen critico de la constitucion de la monarquia espanola publicada en Cadiz. Madrid, 1830.
Castelar Emilio. Anales politicos. Madrid, 1871.
Castelar Emilio. Cartas sobre politica Europea. Madrid, 1876.
Castelar Emilio. Discursos parlamentarios en la Assamblea Constituente. Madrid, 1869.
Castelar Emilio. Discoursos politicos. Madrid, 1873.
Castelar Emilio, Rede gegen die Bourbonen. Wiirzburg, 1870.
Castelar Emilio. Rede uber die Gewissensfreiheit. Wurzburg, 1869.
Castelar Emilio. Rede gegen die unverausserlichen Menschenrecht. Wureburg, 1869.
Castelar Emilio. Rede fiber Monarchie. Wurzburg, 1869.
Castille Hippolyte. Espartero et O'Donnel. Paris, 1856.
Chapman C. E. A history of Spain. New York, 1927.
Cherbulier Victor. L'Espagne politique. 1868—1873. Paris, 1874.
Clarke Henry Butler. Modern Spain 1815—1898. Cambridge, 1906.
Costa Joaquin. Colectivismo agrano en Espana. Madrid, 1898.
Custine Astolphe de. L.'Espagne sous Ferdinand VII. Paris, 1838.
Diaz del Moral J. Historia de las agitaciones campesinas Andaluzas-Cordoba. Madrid, 1929.
Donoso Cortes Juan. Oevres de Donoso Cortes marquis de Valdegamos. Paris, 1858.
Du Hamel Victor. Histoire d'Espagne. Tours, 1868.
Du Rozoir Charles. Description geographique, historique et routiere de l'Espagne. Paris, 1823.
Ecarza Edouard. Le developpement industriel de la Catalogne. Paris, 1908.
Eckstein Ferdinand d'. De l'Espagne, considerations sur son passe, son present, son avenir. Paris, 1836.
Enciclopedia Britannica, v. 25. London, 1910—1911.
Encyclopedic des gens du monde. Paris, 1838.

Espana Cortes. Diario de las sessiones de Cortes 1810—1910. Madrid.
Espana. en la crisis actual. Bruxelles. 1850.
Esperabe deArteaga Enrique. Espana contemporanea (1808—1931). Salamanca, 1931.
Examen critique des revolutions d'Espagne de 1820 a 1823 et de 1836. Paris, 1837.
Garrido Fernando. La republica democratica, federal, universal. Madrid, 1856.
Garrido Fernando. L'Espagne contemporaine, ses progres moraux et materiels au XIX siecle. Bruxelles, 1862.
Gil Maestro. Los problemas del trabajo y el socialismo. Barcelona, 1897.
Gmelin Hans. Studien zur spanischen Verfassungsgeschichte des neunzehnten Jahrhunderts. Stuttgart, 1905.
Gumboldt A. Essai Paris, 1811.
politique sur le Royaume de la Nouvelle Espagne.
Hume Martin. Modern Spain. 1788—1898. London, 1899.
P.Iglesias en el partido socialista. Madrid, 1905. Isabelle II et l'Espagne. Pans, 1868.
Lafuente Modesto. Historia general de Espana. Barcelona.
Laumier Charles. Histoire de la revolution d'Espagne en 1820. Paris, 1820.
Llave y Garcia J. La guerre des montagnes pendant la derniere insurrection Carlisle en Catalogne (1872—1875). Paris, 1881.
Maldonado Jose Munoz. Historia politica y militar de la guerra de la inde-pendencia de Espana. Madrid, 1833.
Adriana Juan de. Historia general de Espana. Madrid, 1867—1869.
Marliani Manuel. Histoire politique de l'Espagne moderne. Paris, 1840.
Marliani Manuel. La regencia de d. Baldomero Espartero. Madrid, 1870.
Mazade Charles de. Les revolutions de l’Espagne centemporaine (1854—1868). Paris, 1869.
Mazade Charles de. L'Espagne moderne. Paris, 1855.
Minano Sebastian de. Histoire de la revolution d'Espagne de 1820 a 1823. Paris, 1824.
Mora F. El movimiento socialista y societario en Espana durante el siglo XIX. Madrid, 1904—1905.
Morato Juan Jose. El partido socialista obrera Madrid, 1918.
Mousset Alberto. La politica exteriore de Espana 1873—1918. Madrid, 1918.
Oliveira Ramos. Politics, economics and men of modern Spain. 1808—1946. London, 146.
Opposicion liberal-conservadora en las Cortes Constituentes des 1869 a 1871. Madrid, 1871.
Partido socialista obrero espanol. Madrid, 1927. Peres y Valero Jose. Programa revolucionano. Valencia, 1868.
Perez de Molina Manuel. Consideraciones sobre la situacion de Espana en 1867. Madrid, 1867.
Pi-y-Margall Francisco. Las grandes conmociones politicas del siglo XIX en Espana. Barcelona.
Pi-y-Margall Francisco. Las luchas de nuestros dias. Madrid, 1906.
Pi-y-Margall Francisco. Las nacionalidades. Madrid, 1877.
Pi-y-Margall Francisco. La republica de 1873. Madrid, 1874.
Posada Adolfo. L'evolution sociale en Espagne (1894—1900). Paris, 1901.
Pradt Dominique. De la revolution actuelle en Espagne et de ses suites. Paris, 1820.
Prescott William. Histoire du regne de Ferdinand et d'Isabelle. Paris, 1862.
Proces du general Rafael del Riego. Pans, 1823.
Ratazzi M. L'Espagne moderne. Pans, 1879.
Ratazzi M. Une epoque: Emilio Castelar. Paris, 1899. Revolution d'Espagne.
Examen critique (1820—1836). Paris, 1836.
Revolution espagnole — l'oeuvre des Cortes constituantes. Pans, 1868.
Romanones de. Las responsibilidades politicos del antiguo regimen. De 1875 a 1923. Madrid.
Romey Louis. Histoire d'Espagne. Paris, 1858.
Salcedo y Ruiz Angel. El socialismo del campo. Madrid, 1894, Salvany Jose. Espana a fines del siglo XIX.
Teste Louis. L'Espagne contemporaine. Paris, 1872.
Toreno. Histoire de soulevement de la guerre et de revolution d'Espagne. Paris, 1836—1838.
Ventosa Ricardo. Las huelgas de trabajadores. Madrid, 1882.
Zancada Praxedes. El obrero en Espana. Barcelona, 1902.